

Е.Е. Кузьмина

Арии— путь на юг

Е.Е. Кузьмина

Арии— путь на юг

Летний сад
Москва—Санкт-Петербург
2008

*Печатается по решению Ученого Совета
Российского института культурологии*

Ответственный редактор:
доктор исторических наук, главный научный сотрудник
Института востоковедения РАН
М.Н. Погребова

Рецензенты:
Академик РАН, Академик АН Таджикистана,
Академик Academia dei Lincei, главный научный сотрудник
Института Востоковедения РАН, доктор исторических наук
Б.А. Литвинский
Главный научный сотрудник Государственного музея искусств
народов Востока, доктор исторических наук, заслуженный
работник культуры
С.Я. Берзина

Работа выполнена при поддержке РГНФ (Грант № 03-01-00064а)
и РФФИ (Грант № 02-06-80034)

Кузьмина Е.Е.

К 89 Арии — путь на юг / Рос. ин-т культурологии. — М.: Летний сад, 2008. — 558 с.: ил.

ISBN 978-5-94381-122-7

Книга представляет первое в отечественной и мировой науке комплексное исследование проблемы происхождения ариев — индоиранской ветви индоевропейцев. На основе анализа текстов Ригведы, Атхарваведы, Шаталатха-Брахманы индоариев, Авесты иранцев осуществлена реконструкция древнейшей культуры ариев. Ее сопоставление с конкретными археологическими культурами Древнего мира II тыс. до н.э. позволяет считать наиболее вероятными предками ариев создателей памятников Синташта-Архаим на Урале XXI—XVIII вв. до н.э. На синташтинской основе сформировались племена срубной (от Дуная до Урала) и андроновской (от Урала до Енисея) культур, позже они постепенно продвинулись в Среднюю Азию и дальше на юг в Северный Индостан, где стали родоначальниками дардов и индоариев. Часть степного населения в XIII—IX вв. до н.э. прошла через Кавказ и Среднюю Азию в Иран, Афганистан и Белуджистан, став ядром формирования иранских племен. В их среде действовал религиозный реформатор Заратуштра. Оставшиеся в степях племена стали родоначальниками скифов и саков, сыгравших большую роль в культуре нашей страны.

© Е.Е. Кузьмина, 2008

© Летний сад, 2008

ISBN 978-5-94381-122-7

Коротко об авторе

Е.Е. Кузьмина в 1954 г. с отличием окончила кафедру археологии исторического факультета МГУ, в 1957 г. — аспирантуру Института археологии АН СССР. Ее учителями были М.М. Дьяконов и М.П. Грязнов; санскрит, древнеперсидский и авестийский языки ей преподавал С.Н. Соколов. До 1986 г. работала в Институте археологии АН СССР, руководила раскопками в Еленовском микрорайоне на Южном Урале. Ею было обследовано более ста памятников андроновской культурной общности эпохи бронзы на Урале и в Казахстане, на 25 из них произведены раскопки. Е.Е. Кузьмина участвовала также в исследовании памятников археологии эпохи бронзы в Средней Азии (на 30 проведены раскопки при ее участии), а также работала в экспедициях в Индии и на Шри-Ланке, знакомилась с памятниками Ирана и Афганистана.

С 1986 г. работает в Российском институте культурологии (в настоящее время — главный научный сотрудник), уделяя большое внимание проблемам музеефикации археологических объектов и популяризации исторических знаний. В 1987 г. стала вице-президентом, а затем президентом Музейной комиссии Российской Ассоциации востоковедов и проводит большую работу по спасению памятников культуры и модернизации музеев России. В 1997—2000 гг. преподавала в РГГУ. Выступала с чтением лекций в Индии, Англии, Франции, Италии, США.

Основные научные интересы Е.Е. Кузьминой — культуры степных племен Евразии эпохи бронзы и проблема происхождения индоиранских народов, а также мифология и искусство скифов.

Е.Е. Кузьмина — автор около 300 работ, опубликованных в России, Индии, США, Японии, Франции, Германии, Италии, Англии, Финляндии, и др.

Основные труды: «Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии» (М., 1966); «Андроновская культура» (М., 1966; раздел); «В стране Кавата и Афрасиаба» (М., 1977); «Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий» (М., 1977; с К.Ф. Смирновым); «Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня» (Фрунзе, 1986); «Национальная культурная политика Великобритании и музеев» (М., 1992); «Концепция развития Таймырского окружного музея» (М.-Дудинка, 1993; с коллективом авторов); «Откуда пришли индоарии?» (М., 1994); «Tradition Andronovo. — World Internet Encyclopedia of Prehistory» (Chicago, 2001); «Мифология и искусство скифов и бактрийцев» (М., 2002); «The Origin of the Indo-Iranians (2007, «Brill», Leiden, Boston).

В 1982 г. Е.Е. Кузьмина избрана членом-корреспондентом Германского Археологического Института (Deutsches Archäologisches Institut); в 1996 г. — действительным членом Societas Iranologica Europea; в 1998 г. — академиком Российской Академии естественных наук. В 2002 г. удостоена звания «Заслуженный деятель науки РФ».

Настоящая книга подводит итоги полувекового изучения автором андроновской культуры и арийской проблемы.

Предисловие	9
Введение	24
История изучения проблемы происхожденияиндоиранских народов.....	30
Классификация арийских языков	33
I. Культуры племен и их миграции в Средней Азии.....	39
1. Культуры Средней Азии IV–III тыс. до н.э.....	39
2. Культура юга Средней Азии II – начала I тыс. до н.э.....	46
3. Расселение пастушеских племен в Средней Азии.....	50
4. Культуры Бактрии.....	79
II. Происхождение индоиранских народов.....	115
5. Современное состояние проблемы происхождения индоиранцев	115
6. Происхождение дардов и нуристанцев.....	141
7. Происхождение ведических индоариев.....	159
8. Происхождение иранцев	188
9. Происхождение западных иранцев	215
10. Происхождение восточно-иранских кочевников саков и ски- фов.....	233
11. Происхождение культуры восточных иранцев земледельческих областей Средней Азии.....	281
12. Происхождение культуры восточных иранцев Афганистана и Белуджистана	299
13. Сложение земледельческой культуры ираноязычных народов в северных регионах Средней Азии.....	305
14. Происхождение восточно-иранских народов: выводы	322
15. Проблема даты Заратуштры.....	329
Заключение.....	334
Post scriptum	344
Библиография.....	345

Список сокращений	448
Приложения	453
Summary	465

Предисловие

Почти на десять тысяч километров от Черного до Желтого морей простерся степной пояс Евразии. На протяжении тысячелетий здесь сменялись различные народы и культуры. В I тыс. до н.э. по данным анналов Ассирии, персидских и греческих источников здесь обитали саки-скифы. Современные лингвисты считают, что их язык принадлежал к большой арийской (индоиранской) семье, входящей в состав индоевропейской языковой общности.

Но кто были индоиранцы? Сами себя они называли ариями. Это многочисленная группа народов, включающая три ветви.

I. Древние племена дардов и нуристанцев, населяющие горы Гиндукуш в верховьях реки Инд, сохранившие архаичную культуру и древнейшие мифологические представления, в том числе культ Индры и наркотического напитка (Fussmann 1977).

II. Жители большей части Индостана, ведущие свою родословную от индоариев — создателей мифологических текстов Ригведы, Атхарваведы, Шатапатха-брахманы, более поздних Пуран и замечательных эпических поэм Махабхарата и Рамаяна.

К этой же группе индоариев относится отколовшаяся от них часть, ушедшая в XVII—XVI вв. до н.э. далеко на запад в Переднюю Азию на север Месопотамии, населенный неиндоевропейским народом — хурритами. Арии в XV—XIII вв. до н.э. стали военной элитой государства Митанни, и их цари носили арийские имена. Они поклонялись древним общеиранским божествам Индре, Митре, Варуне, близнецам Насатъя, а также Сурье, Марутам, Арте (Барроу 1976: 30, 31). Точная дата истории митаннийских ариев — около 1350 г. до н.э., когда принц Митанни Шаттиваса (старое чтение Куртиваса, Мативаса) сбежал с отрядом из Аррапхи к царю могущественного Хеттского царства Суппилиуму и подписал с ним договор, скрепленный именами богов, в том числе арийских. Примерно к тому же времени относится трактат о коневодстве, написанный митаннийцем Киккули и переведенный на хеттский язык. Но числительные и, главное, термины, связанные с выездкой ко-

лесничных коней и их мастьями, являются индоарийскими. Из этого следует, что индоарии Митанни выделялись на Ближнем Востоке своим искусством коневодства, что позволило им ввести новую колесничную тактику боя. Это было важнейшей инновацией в военном деле Передней Азии и обеспечило установление арийского господства в Митанни. Такой вывод подтверждают имена царей и военной элиты: Твишраттха — «Имеющий мчащиеся колесницы», Вриттхашва — «Обладающий большими конями» (Mayrhofer 1966).

III. Ариями называли себя и западные иранцы — персы, расселившиеся в Иране и в VI—IV вв. до н.э. создавшие огромную Ахеменидскую империю, простиравшуюся от Египта до Индии.

К восточно-иранским народам причисляются древние земледельцы юга Средней Азии, Афганистана и Белуджистана: хорезмийцы, согдийцы, арейцы, бактрийцы. Согласно распространенной гипотезе, пророк и великий реформатор Заратуштра действовал среди восточных иранцев, возможно в Бактрии. Проповеди пророка Гаты вошли в состав религиозной книги иранцев Авесты, другую важнейшую ее часть составляют Яшты — гимны, обращенные к древнейшим общеиндоиранским богам, к которым взывали и индоарии в Индии и Митанни. Это Митра, близнецы Насатья, Арта, известен и Индра, но как второстепенный персонаж. Древние иранские сказания нашли отражение в великом сочинении Фирдоуси Шахнаме, а некоторые эпические предания до сих пор бытуют на Памире.

Еще одну ветвь восточно-иранских народов составляли кочевники евразийских степей. В персидских источниках их называют саками, в греческих — скифами. Их отдаленными потомками сегодня являются осетины Кавказа, сохранившие древний эпос Нарты, в котором многие до сих пор бытующие сюжеты и образы находят истоки в индоиранской мифологии (Дюмезиль 1976).

Источники подчеркивают близость образа жизни, жилища, костюма, обычаев кочевых народов степей, принципиально отличавшихся по своему хозяйственно-культурному типу от земледельцев. Но интересно, что Авеста хранит воспоминания о родстве всех иранцев: в Яште (XIII: 143) говорится об «области Арья..., Турья, Сайрима, Сайни, Даха», где Арья — иранцы, Турья — туранцы, обитатели Согда со столицей в Самарканде, Сайрима — это название одного из сакских объединений — савроматов, живших от южного Урала до Дона, а Даха — также сакское племя Средней Азии

(Bailey 1959). В другом тексте говорится, что герой-родоначальник Тразтаона делит мир между своими сыновьями: Тура — прародителем туранцев, Сайрима — прародителем савроматов и Ираджем — прародителем иранцев (Christensen 1934). Существенно отметить, что Тразтаона — это древний общеарийский персонаж Трита. Само слово «арий» сохранилось во многих регионах арийского мира: в названии страны Иран и осетинского объединения Ирон, скифского племени «аризанты» и областей Ариана в Южной Азии и Арьяварта на Ганге в Индии, а главное — в названии легендарной страны прародины индоиранцев Арианам-Вайджо (дословно — «Широкий арийский простор»). Там высятся горы Рипа и протекает полноводная река Ра (иранское Рангкха, индийское Раса), упоминаемая и в Авесте, и в Ригведе. Некоторые ученые полагают, что Ра — это Волга, Рипейские горы — Урал. Но локализация этой страны остается дискуссионной, как и проблема происхождения арийских народов.

Актуальность постановки этой проблемы обусловлена тем, что:

1. В начале нынешнего тысячелетия говорящие на индоиранских языках народы выйдут по совокупной численности на первое место в мире, обогнав китайцев. По данным Time World Almanach 2002 совокупная численность говорящих на китайском языке составит 1,2 млрд человек, тогда как говорящие на индоиранских языках достигнут по совокупной численности 1,384 млрд человек. Уже сейчас количество лиц, говорящих на разных индоиранских языках, составляет, несмотря на неполноту данных, более 1 млрд человек (Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990), хотя по другим справочникам точные цифры несколько расходятся.

2. Индоиранские народы на протяжении четырех тысяч лет своего существования играли выдающуюся роль в истории Старого Света и продолжают ее играть в современном мире со все нарастающей силой.

3. В древности, как свидетельствуют ахеменидские персидские и греческие источники, ираноязычные народы занимали в Старом Свете гигантскую территорию степей от Северного Причерноморья до глубин Сибири, всю Среднюю Азию, Афганистан и Иран.

4. Особенное значение изучение проблемы генезиса индоиранцев имеет в России, поскольку, во-первых, индоиранские народы оказали большое влияние на культуру своих соседей финно-угров, обитавших в эпохи энеолита и бронзы в лесной зоне Волго-

Уралья, где живут и сейчас. От носителей андроновской культуры они получили медь, домашних животных, в том числе лошадь, и заимствовали из индоиранской мифологии культ коня, образ верховного бога, разъезжающего по небу на колеснице, подобно ведийскому Варуне, и культ солярного бога Мир-Сусне-Хума, имя которого соответствует постоянному эпитету арийского Митры. Эти выводы надежно подтверждены данными экологии, лингвистики и археологии (Напольских 1997; Бонгард-Левин, Грантовский 1974, 2001; Топоров 1975, 1981; Кузьмина 1994; Joki 1973; Fodor 1976; Parpola 1988) (Карты 1, 2).

Во-вторых, многие ученые, как говорилось, локализуют прародину арийских народов в эпоху бронзы в южнорусских степях, и в зоне от Урала до Волги получены важнейшие археологические материалы, подтверждающие эту гипотезу, как я постараюсь показать ниже.

В-третьих, в эпоху раннего железа у скифов многие элементы культуры восприняли славяне.

5. Блок ошибался, когда писал «Да, скифы мы, да, азиаты мы с раскосыми и жадными глазами»: мы не азиаты, а индоевропейцы, и не потомки арийцев скифов, а другая индоевропейская ветвь — славяне. И сами скифы не были монголоидами с раскосыми глазами, а принадлежали к европеоидному антропологическому типу. Но правда то, что в славянской культуре многое заимствовано у южных соседей: мужской костюм (брюки, кафтан), женский парадный головной убор с кокошником, многие орнаменты, а главное, многие мифологические представления. Само слово «Бог» — от иранского «Бхага»; к имени бога восходящего солнца Хорса, упомянутого в «Слове о полку Игореве», восходит слово «хорошо». Персонаж Вий у Гоголя — это некогда могучий бог ветра иранский Вайю, ведийский Вата; образы фантастических, часто полиморфных существ — это и божественная птица Див (от иранского «дэв» — «бог», восходящее к индоевропейскому «небо, свет»), и птица Гамаюн с женским ликом, и сгорающая и возрождающаяся птица Рух, приносящая яйцо — прообраз вселенной, и Симург — вещая орлиноголовая птица в иранской мифологии Сэнмурв, царь птиц с крыльями, но с головой и лапами собаки и рыбьей чешуей, олицетворяющий три сферы мироздания, и, вероятно, Полкан — в русской мифологии полуконь-получеловек, имя которого восходит к иранскому Лев, переосмысляемому как герой-победитель. Эти

образы сближают изобразительное творчество русских со скифским звериным стилем.

Русские с раннего детства знакомятся с героями персидской литературы: героиня арабских сказок «Тысяча и одна ночь» Шахерезада носит иранское имя «дочь шаха» — значит, в арабскую антологию вошел и цикл персидского фольклора. Герой Пушкина Руслан — прямой потомок популярной в XVII в. на Руси «Повести о Еруслане Лазаревиче». Исследователи видят здесь переложение цикла сказаний о Рустаме из Шахнаме Фирдоуси.

Кроме того, важность научной постановки проблемы происхождения индоиранцев в современной России обусловлена и тем, что в постсоветский период получило широкое распространение глубоко антинаучное представление об арье-славах. Крах Советского Союза, социальное расслоение, кризис советской науки привели к идеологическому вакууму, крайне заниженной национальной самооценке русских, как показывают социологические опросы. В разных социальных группах идет поиск новых духовных ценностей, распространились ложные псевдонаучные исторические представления, начиная от новой хронологии Фоменко и кончая теорией пассионарности Гумилева. Идеи арийского происхождения славян попали даже на страницы школьных и вузовских учебников и активно пропагандируются средствами массовой информации.

Этому крайне опасному для многонациональной страны потоку противостоит всего несколько серьезных работ. Лучшие из них, на мой взгляд, книга В.А. Шнирельмана «Интеллектуальные лабиринты: очерки идеологии в современной России» (М., 2004), учебное пособие «Очерки истории народов России в древности и раннем Средневековье» В.Я. Петрухина и Д.С. Раевского (М., 1998, 2005). Явную острую потребность общества в популярной, но строго научной литературе об индоариях удовлетворяет только превосходная книга Г.М. Бонгарда-Левина и Э.А. Грантовского «От Скифии до Индии», выдержавшая три издания (М., 1974, 1983, 2001), да отчасти небольшая книжка автора «Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня» (Фрунзе, 1986).

В этих условиях задача критического рассмотрения научных гипотез происхождения арийских народов становится особенно актуальной в современной России, так как может стать барьером попыткам утверждения арийской идентичности русских и связанной с этим националистической пропагандой и ксенофобией.

Каковы были древнейшие судьбы степей Евразии? Важнейшим событием в истории всего Старого Света явился переход от присваивающей экономики (собирательство, охота и рыболовство) к производящей экономике (выращивание растений и разведение домашних животных). Великий английский археолог Гордон Чайлд назвал это событие «неолитической революцией». Она совершилась в VIII—VI тыс. до н.э. в Малой Азии, где произрастали дикие предки ячменя и пшеницы и водился вид горных баранов, которые были одомашнены. Производящее хозяйство постепенно распространилось во всей Передней Азии и Египте, и вскоре были domestцированы крупный рогатый скот и свинья. Позже земледелие и скотоводство утвердились на юге Средней Азии, в Индии и Закавказье, а также на Балканах в зонах цивилизаций второго порядка. При посредстве создателей европейских культур линейно-ленточной керамики, а позже трипольской, эти важнейшие достижения цивилизации появились в Подунавье и Северном Причерноморье.

Дальнейшие судьбы населения Старого Света определялись экологическими условиями регионов. К III тыс. до н.э. сложилось три зоны культур: на юге — Древний Восток, где в условиях ирригации удавалось получать максимальный урожай, что явилось предпосылкой формирования там государственных образований. К этой зоне тяготели также Эгейский мир, Балканы и Подунавье, хотя урожайность полей была ниже, но основу экономики составляли все же земледелие и металлургия Эгеи и балканского очага. Из этого региона навыки производящего хозяйства попали в степи Причерноморья. Экологические особенности степи, являющейся огромным естественным пастбищем (Мордкович 1982), обусловили утверждение здесь комплексного земледельческо-скотоводческого хозяйства, в котором главную роль играло скотоводство.

Распространение в степи изобретенных в Передней Азии колесных повозок, запряженных парой волов, позволило скотоводам легко передвигаться по степным просторам, интенсифицировать пастушеское хозяйство.

Третья зона Старого Света — лесная — простиралась к северу от степи. Суровый климат препятствовал развитию здесь производящего хозяйства, и лес оставался зоной охоты, рыболовства и собирательства. Это разделение ойкумены на природно-хозяйственные зоны сохранялось вплоть до Средневековья.

К началу III тыс. до н.э. степь Евразии от Дуная до Великой китайской стены (карта 1) делилась на два региона: к востоку от рек Урал и Эмба была зона, где в основном сохранялась присваивающая неолитическая экономика, а от Дуная до Волги пастухи были знакомы с земледелием и разводили крупный и мелкий рогатый скот. Важным фактором в культуре степняков было знакомство с лошастью, которую первоначально использовали только в пищу, но постепенно делали попытки ее приручения. Табуны диких коней водились в степях, и уже в IV тыс. до н.э. здесь сложился культ этого животного, которому впоследствии было суждено сыграть выдающуюся роль в истории всех индоиранских народов (Кузьмина 1977а; Kuzmina 2003).

Археологическая культура (точнее, общность), распространенная в III тыс. до н.э., носит название ямной, поскольку захоронения ямников совершены в грунтовых могилах под курганами (Мерперт 1968; 1974; в американской археологии за степными культурами М. Гимбутас (Gimbutas 1956) утвердила совершенно неверное название «Курганные культуры»).

Важнейшей инновацией ямного времени было появление в степях колесного транспорта: открытых возов или крытых кибиток с цельными деревянными колесами, запряженных парой волов при помощи ярма и дышла (Кузьмина 1974; Kuzmina 1971; Piggott 1969; 1983). Это новшество позволило пастухам расширить территорию пастбищных угодий, передвигаясь за скотом.

Другим важным прогрессивным явлением эпохи было внедрение медных изделий, поступавших первоначально с западных балканских рудников, а позже также с Кавказа (Черных 1966; 1972; Рындина, Дегтярева 2002).

Ямная культурная общность представляет большое значение для изучения интересующей нас истории индоиранцев, поскольку в создателях этой культуры многие лингвисты и археологи видят или всех индоевропейцев, или только часть их, включая индоиранцев (см. ниже).

На смену ямной пришли генетически связанная с ней полтавкинская культура в Волго-Уралье (Качалова 1967; Кузнецов 1989), а также катакомбная, сложившаяся под влиянием Кавказа, возможно, новотиторовской культуры (Гей 2000). В лесной зоне сформировалась абашевская культура, входящая в круг культур шнуровой керамики (Кузьмина О. 1992). Эти культуры, как я постараюсь показать ниже, явились основой формирования андроновской и

срубной культурных общностей, в которых есть основания видеть древнейших индоариев.

***

Предлагаемая читателю книга — это последняя часть трилогии, посвященной культуре Андроново, ее происхождению и этнической атрибуции. Каждая книга трилогии представляет полностью завершенное исследование некоторых аспектов общей проблемы.

В 1977 г. вышла книга «Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий», написанная совместно с К.Ф. Смирновым — блестящим знатоком культур степей эпохи бронзы и раннего железа. В 1976 г. им был раскопан курган 25 Новокумакского могильника на Южном Урале, позволивший определить стратиграфическое положение нового комплекса, находящегося между катакомбным и андроновскими захоронениями.

В том же году экспедицией В.Ф. Генинга (Генинг и др. 1976; 1977) в могильнике Синташта был выявлен замечательный материал, включающий погребения воинов-колесничих, захороненных с остатками колесниц и останками коней и псалиев для их запряжки, а также набором вооружения. Эти новые материалы не укладывались в обычные представления об андроновской культуре, дискуссию вызвали их происхождение и хронология.

К.Ф. Смирновым и мной по горячим следам открытия была установлена относительная хронология памятников, выделенных в новокумакский хронологический горизонт, предшествующий андроновскому. Была определена их абсолютная хронология XVII—XVI вв. до н.э., полученная на основании микенских орнаментов и доказанного А.М. Лесковым сходства типов степных псалиев с псалиями из шахтных гробниц Микен в Греции. Вместе с тем был впервые поставлен вопрос об арийской принадлежности создателей новокумакского горизонта, а следовательно, и генетически связанных с ними андроновцев. Относительно происхождения новокумакцев было высказано предположение, что их культура сформировалась не в результате миграции из Средней или Передней Азии и не является продуктом неолитического аборигенного населения Казахстана, а сложилась вследствие взаимодействия носителей только восточноевропейских культур: абашевской, полтавкинской и позднекатакомбоной.

В настоящее время открыто большое количество могильников и новых поселений (карта 3), проведено хронологическое членение

материалов: памятники Синташты — более древние и обособлены в самостоятельный тип или культуру, за ними следуют памятники петровского типа, рассматриваемые как ранний этап культуры Андроново (Боталов и др. 1996; Епимахов 1996; 1998; 2002б; Григорьев 1994; Виноградов 1995а; 1999; 2000; 2003; Зданович 1995б; 1997; Зданович Д. 1997; 2002; Костюков и др. 1995; Малытина и др. 1995; Нелин 1995; 1999; Ткачев В. 1995; 1996; 1998) (Рис. 1а, 6 — 76).

Основные высказанные нами с К.Ф. Смирновым положения получили подтверждения. Дискуссии касаются соотношения отдельных компонентов Синташты, центра происхождения колесниц, а главное, абсолютного возраста этих памятников: по данным C14 их дата определяется XXI—XVIII вв. до н.э. (Кузнецов 1993; 1996; Виноградов 1995; 1999; 2003; Епимахов 2002; Anthony, Vinogradov 1995), хотя есть и более поздние даты (Зданович 1997) (см. Приложение).

Большим достижением отечественной науки стало открытие серии поселений синташтинского и петровского типов, выявленных в результате расшифровки И.М. Батаниной (1995) данных военной аэрофотосъемки. На поселениях Малокизильское, Синташта, Аркаим, Устье, Куйсак и столичном Аландское проводились раскопки, позволившие установить их укрепленный характер и планировку в виде концентрических крутов или овалов со стенами из бревен, земли и глины. Поселение обведено рвом с водой, стены иногда обставлены вертикально врытыми камнями. В каждом доме есть медеплавильные очаги. Такая планировка заставляет вспомнить тип описанного в Авесте поселения *вара*, сооруженного первопродком — царем иранцев Йимой: «Йима Хшайта месил глину ногами, разделял на куски руками... и сделал Йима *вару* длиной в лошадиный бег по всем четырем сторонам. Снес он туда семя мелкого скота, лошадей, собак, птиц, огней красных пылающих. И сделал Йима ту *вару* жилищем для людей... загоном для скота. Туда он провел воду по пути длиною в *хатр*... построил он там дом, свод, двор, место, закрытое со всех сторон» (Видевдат II:33 и сл.). В.А. Лившиц (1963: 145) считает *вару* укрепленным поселением-убежищем для людей и скота во время войны, а И.М. Стеблин-Каменский (1995) полагает, что форма *вары* была не четырехугольной, а круглой, что соответствует археологическим реалиям и подтверждает индоиранскую атрибуцию синташтинцев.

Как говорилось, прослеживается бесспорная генетическая преемственность культуры Синташты — Петровки — Андропова.

Другим важным для решения индоиранской проблемы событием в археологии явилось открытие на Волге могильников Потаповского и Утевского, где найдены псалии, оружие и керамика, сходные с уральскими. Эти памятники генетически связаны со срубной культурой (Васильев и др. 1992; 1994; 1995; Отрощенко 1990; 1998; 2001; 2002).

Таким образом, устанавливается, что в начале II тыс. до н.э. в регионе Волго-Уралья на основе взаимодействия восточноевропейских культур абашевской, позднекатакомбной и полтавкинской формируются две общности: срубная и андроновская, носителей которых многие исследователи считают индоариями.

Проверке этой гипотезы на андроновском материале была посвящена моя книга «Откуда пришли индоарии? (Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев)». Она была написана в 1984 г., в 1988 г. защищена в качестве докторской диссертации и опубликована в 1994 г. Задачей этой книги было реконструировать материальную культуру андроновцев по данным археологии и сопоставить полученную картину с реконструированной культурой индоиранцев, которая может быть восстановлена на основании данных лингвистики, а главное — древних арийских мифологических текстов: Ригведы, Атхарвavedы, Шатапатха-брахманы индоариев и Авесты иранцев.

Основой анализа явилась материальная культура, так как только она находит достоверное отражение в археологическом материале. Данные же о погребальном обряде и семантике искусства могут служить лишь верификации гипотезы, ибо те же археологические реалии и образы изобразительного творчества в разных культурных традициях могут иметь совершенно различную семантику.

Однако предварительной задачей исследования должно было стать создание банка андроновских материалов и их классификация, поскольку монографического исследования андроновской культуры не существовало. Источниковой базой работы стали археологические материалы всего андроновского ареала.

В книге был дан подробный анализ истории изучения андроновской культуры. Ключевыми моментами являются выделение в 1923 г. С.А. Теплоуховым (1929а,б) андроновской культуры в Сибири и установление М.П. Грязновым (1927) ареала культуры вплоть до Приуралья и синхронность культур андроновской и срубной. Этапной была публикация О.А. Кривцовой-Граковой (1948) кни-

ги «Алексеевское поселение и могильник», в которой она выявила различие судеб андроновского населения в Сибири и на Урале и выделила поздний — алексеевский — этап андроновской культуры. Событием в андроноведении стала работа С.В. Киселева (1949; 1951) «Древняя история Южной Сибири», проникнутая глубоким историзмом и постановкой проблем культурных связей, хозяйства и социальной структуры древних племен.

Чсть хронологического членения андроновской культуры Зауралья принадлежит К.В. Сальникову (1951; 1967), который выделил три генетические стадии: федоровскую, алакульскую и замаревскую.

Специалист по этнографии укров В.Н. Чернецов (1951; 1953; 1963) выступил против К.В. Сальникова, полагая, что алакульские племена были иранцами, а федоровские — финно-уграми. Сегодня эта гипотеза отвергнута и не имеет сторонников. Схема К.В. Сальникова, созданная только на материалах Приуралья, получила широкое признание и была перенесена на другие регионы. Ее сторонницей была и М.Н. Комарова (1962) — автор единственной(!) статьи, посвященной не отдельному памятнику или региону, а культуре в целом.

Широкие раскопки поселений позволили Г.Б. Здановичу (1970; 1973а,б,в; 1974а,б; 1975; 1984а,б; 1988) на материалах Северного Казахстана предложить свою периодизацию: был выделен петровский раннеандоновский этап, генетически связанный с алакульским, федоровский этап признан более поздним, а к завершающему этапу отнесены памятники финальной бронзы. Разработанная на материалах одного региона схема Г.Б. Здановича была воспринята Н.А. Аванесовой (1975б,в; 1978; 1979; 1991) при попытке дать хронологическую классификацию андроновских металлических изделий.

К середине 1990-х гг. были достигнуты огромные успехи в изучении конкретных андроновских памятников и регионов. Особенно следует отметить заслуги уральских археологов в исследовании синташтинских и петровских материалов, казахстанских — в выделении донгальского типа памятников эпохи финальной бронзы, сибирских археологов в полном исследовании отдельных могильников, открытии большого числа памятников и постановке общеисторических проблем.

Таким образом, был накоплен огромный материал, позволявший признать:

1. Выделение синташтинских и петровских памятников.
2. Синхронность развитых срубных и алакульских комплексов.
3. Позднюю стратиграфическую позицию памятников финальной бронзы.

Однако на протяжении полувека остается дискуссионным вопрос о хронологической позиции федоровских и многочисленных смешанных федоровско-алакульских и срубно-алакульских памятников.

Индоиранская принадлежность андроновской и срубной общностей была общепризнанной, но ни одной работы, специально посвященной их этнической атрибуции, не было. Попыткой заполнить этот пробел стала книга «Откуда пришли индоарии?».

Очень важные для соотношения археологической культуры и этноса вопросы за последние полвека многократно поднимались в теоретической культурологии, археологии и этнографии. Понятие «археологическая культура», введенное еще В.А. Городцовым (1927), рассматривалось во многих работах (Артамонов 1948; Брюсов 1956, 1964; Кнабе 1959; Шер 1966, 1970; Грязнов 1969; Маркарян 1969, 1972; 1973а,б; Виноградов В. 1969; Каменецкий 1970; Он же и др. 1975; Клейн 1970, 1981; Он же и др. 1970; Генинг 1970, 1985; Федоров-Давыдов 1970; Бромлей 1972, 1973, 1983; Бочкарев 1975; Лебедев 1975; Мерперт, Гиндин, 1976; Арутюнов, Хазанов 1978; Захарук 1981; Кудрявцева 1985; Алексеев 1986; Кузьмина 1976б, 1989; Ковалевская 1988, 1999 и др.).

А.А. Формозовым (1951б; 1959б) и Н.Я. Мерпертом (1968) было введено понятие «археологическая культурная общность (или область)» в применении к таким гигантским культурным образованиям степей Евразии, как андроновская, ямная и срубная общности.

Особенно острые дискуссии касались вопроса о том, соответствует ли археологическая культура (или общность) этносу. Решающее значение для ответа на этот вопрос имеет представление о культурной традиции, разработанное в культурологии и этнологии. Культурная традиция представляет устойчивую сопокупность взаимодействующих элементов материальной и духовной культуры, а также способы передачи информации от поколения к поколению с целью воспроизводства этноса (Маркарян 1981; Першиц 1981; Арутюнов 1979, 1981, 1982 и особенно 1989; Он же, Чебоксаров 1972). Средствами межпоколенной коммуникации выступают обучение детей производственным процессам; ритуальные действия, этикет, танцы, театр и изображения на мифологические сюжеты, но основ-

ным каналом коммуникации является язык. Общий язык и общее самоназвание — не только главные признаки, но и главные условия сохранения традиционной культуры этноса и его единства.

Именно это дает основание уверенно соотнести этнос и археологическую культуру. Археологическая культура — это динамическая, статистически устойчивая система типов памятников, занимающих определенную сплошную (иногда изменяющуюся во времени) территорию, обладающую единством взаимосвязанных типов, длительно и разнообразно развивающихся во времени и ограниченно варьирующих в пространстве, существенно отличающих эту культуру от других культур (Кузьмина 1994: 56—57).

Важнейшим фактором существования этнической культуры является та экологическая ниша, где она развивается, определяя типы хозяйства, домостроительства, костюма и пр. Поэтому важное значение имеет введенное М.Г. Левиным и Н.Н. Чебоксаровым (1955) понятие хозяйственно-культурного типа (ХКТ), развитое в работах других исследователей (Андрианов 1968; Он же, Чебоксаров 1972; Чеснов 1970; Вайнштейн 1973; Бромлей 1973; Алексеев 1979; Першиц 1979; Вереш 1979).

Экологический кризис неизбежно ведет к кризису экономики этнической культуры. Выходом из кризиса могут стать или введение культурных инноваций, или (и) смена ХКТ, или, наконец, миграция в другую экологическую нишу.

Эти теоретические подходы лежат в основе анализа происхождения арийских (индоиранских) народов в предлагаемой книге и были разработаны в монографии «Откуда пришли индоарии?».

В основу исследования были положены методы сравнительно-исторический, эволюционно-типологический и комплексный культурологический, включающий данные естественных наук (палеогеографии, палеозоологии, антропологии и генетики). Была разработана методика этнической атрибуции андроновской общности на основе реконструкции хозяйственно-культурного типа андроновцев и его сопоставлении с хозяйственно-культурным типом индоариев, а также с этнографическими материалами современных индоиранских народов, особенно дардов и нуристанцев, таджиков Памира и осетин Кавказа, у которых сохранились древние традиции. Это позволило использовать ретроспективный метод исследования.

Анализ каждой категории андроновской культуры проводился независимо по единой программе. Сначала исследовались андронов-

ские материалы. Затем данные реконструкции этой категории индоиранской культуры сопоставлялись с культурами двух регионов Старого Света: Индо-Передне-Азиатского и евразийских степей. И определялось, к какой зоне Старого Света принадлежит культура ариев. Были исследованы типы поселений, жилищ, технология гончарства и металлообработки, типы мужского и женского костюма, наконец, типы колесного транспорта и, главное, хозяйства. Для каждой категории были получены непротиворечивые заключения о том, что она не принадлежит к Индо-Передне-Азиатской зоне, а относится к зоне степей Евразии (Кузьмина 1994: табл. 7—9).

Следующим шагом в отождествлении индоиранского этноса с конкретной археологической культурой было выявление таких этнических индикаторов, которые четко отличают культуру индоиранцев от других индоевропейских. Такими этническими индикаторами являются отсутствие в стаде индоиранцев свиньи и присутствие двуторбого верблюда бактриана и засвидетельствованный только у них культ этого животного. А главное, особый культ коня и колесницы.

В качестве других этнических индикаторов использованы индоиранская традиция о прародине, наложение на археологическую карту андроновской культуры данных арийской топонимики; возможность установить семантику образов андроновского искусства на основе индоиранской мифологии. Наконец, выявление контактов индоиранцев и греков по данным лингвистики и мифологии, а также установление влияния на финно-угров Урала не только иранцев, но и индоариев, что документирует сложение на юге тайги смешанных андронидных культур.

Но главным методом верификации гипотезы арийской принадлежности степных культур Евразии II тыс. до н.э., несомненно, является анализ миграций и попытка ответить на вопрос, какими путями и когда арийцы оказались на территориях, которые они занимают сегодня. Ответу на этот вопрос посвящена предлагаемая читателю книга.

***

Завершая свою трилогию, считаю своим приятным долгом выразить искреннюю благодарность Т.Я. Елизаренковой и В.А. Лившицу за бесценные консультации в области индоиранистики, Джеймсу Мэллори — редактору английского издания моей книги «The

Origins of the IndolIranians», который проделал колоссальную работу по систематизации материала. А.-П. Франкфору и В.И. Саргис-ниди, многолетние дискуссии с которыми были плодотворны и не помешали нашей дружбе.

Моя искренняя признательность молодым коллегам, которые щедро снабжают меня новыми книжками и дают возможность знакомиться с новейшими материалами.

Хочется найти добрые слова для сотрудников музеев и библиотек за их бескорыстную и такую полезную помощь.

Благодарю директора Института культурологии проф. К.Э. Разлогова, создавшего мне все условия для работы над книгой.

Хочу сказать спасибо Н.Н. Крюковой и моей любимой ученице А.Б. Ипполитовой, которые взяли на себя труд технической подготовки рукописи.

Особая благодарность академикам Г.М. Бонгард-Левину, В.Л. Янину, В.И. Молодину, А.П. Деревянко, А.Х. Амирханову и покойным В.П. Алексееву, И.М. Дьяконову и Б.Б. Пиотровскому, которые не побоялись защитить меня в трагический момент моей жизни, что дало мне возможность еще два десятилетия продолжать работать.

Мои исследования не были бы также возможными без поддержки Российского Фонда фундаментальных исследований, Российского гуманитарного научного фонда.

Выражаю признательность Deutsches Archaeologisches Institut (Германия), Centre National de la recherche scientifique (Франция), университетам Кембриджа, Гарварда, Лос-Анджелеса, Центру Высших исследований в Симле (Индия) и правительствам Индии и Шри-Ланки за предоставленную возможность вести научные изыскания в их библиотеках.

Введение

Средняя Азия — это исторически сложившаяся обширная территория, включающая ныне государства Узбекистан, Таджикистан, Киргизстан и Туркменистан, ранее входившие в СССР и Российскую империю, а в Средние века представлявшие конгломерат небольших феодальных владений. На западе территория ограничена Каспийским морем, на севере соседствует с Арало-Иртышским водоразделом и Казахским мелкосопочником, на востоке и юго-востоке простираются горы Тянь-Шань с пиком Победы (высота 7439 м) и высочайшие горы Памиро-Алай с пиком Коммунизма (высота 7495 м), на юге — небольшие горы Копетдаг. Часть территории Средней Азии занята Туранской низменностью, огромную площадь покрывают пустыни Кызылкум и Каракум.

На севере Средняя Азия граничит с Казахстаном, на востоке с Синьцзян-Уйгурским автономным районом Китая, на юге — с Ираном и Афганистаном, будучи отделена лишь узким перешейком от Пакистана и Индии.

Питают страну две великих реки: Сырдарья и Амударья, а также Теджен, Мургаб и Зеравшан на юге и озеро Иссыккуль на северо-востоке. Население Средней Азии по данным переписи 1987 г. составляло 31,3 млн человек.

Обширность территории Средней Азии, равной по площади Англии, Франции и Италии, вместе взятым, разнообразие ее ландшафтов: плодородные оазисы, величайшие пустыни, высочайшие горы, сухие степи, заболоченные дельты — обусловили разный темп и разный путь культурного развития регионов. Картина осложнялась тем, что природно-климатические условия неоднократно менялись на протяжении исторической эпохи.

Средняя Азия, находящаяся в самом центре Евразийского материка, по своему географическому положению — это мост между скотоводческой степью Евразии и земледельческим Ближним Вос-

током, дорога в Индию и Иран (карты 7, 12). Здесь осуществлялись контакты населения, принадлежавшего к разным культурно-хозяйственным типам, здесь традиционно пролегал важнейший путь этнических передвижений и перемещения людей, идей и вещей.

Ключевое положение региона вызвало интерес к его древностям. В истории его археологического изучения может быть выделено четыре этапа. Первый — охватывает досоветскую эпоху, когда силами участников Туркестанского кружка любителей древностей и отдельными путешественниками и коллекционерами были зарегистрированы некоторые памятники и собраны небольшие коллекции керамики и бронзовых вещей, которые остались неклассифицированными (Лунин 1958). Только в Туркменистане на поселении Анау были проведены археологические раскопки А.В. Комаровым и американской экспедицией под руководством Р.Пампелли (Pumpelly 1908), и Е. Шмидт выделил древнейшую археологическую культуру Анау.

Второй этап начался после утверждения в Средней Азии советской власти. Во всех республиках были открыты научные учреждения, музеи, университеты и развернулись археологические исследования. Особенно успешные разведки были проведены в Туркмении А.А. Марущенко, а в разных республиках — А.И. Тереножкиным, выделившим в Хорезме культуру Тазабагыб. Была поставлена задача написания истории народов с целью поднять их национальное самосознание и способствовать консолидации разных наций страны.

Началось строительство больших оросительных каналов, археологические экспедиции работали на стройках Большого Ташкентского (Тереножкин 1940), Большого Ферганского и Большого Чуйского каналов (Бернштам 1950; 1952). Создавались кадры молодых ученых. Эта деятельность была прервана Великой Отечественной войной.

Третий этап охватывает послевоенную эпоху. Археологическое изучение Средней Азии к 1960—1970 гг. достигло своего расцвета. Работали комплексные экспедиции, ведущие планомерные целенаправленные исследования: активно работала Согдийско-Таджикская (затем Таджикская) экспедиция, возглавлявшаяся А.Ю. Якубовским, А.М. Беленицким, М.М. Дьяконовым, затем А.М. Мандельштамом (1968), открывшим культуру бронзового века — Бишкент; Южно-Туркменистанская, которой руководил М.Е. Массон, затем В.М. Массон (1956, 1959).

Одновременно успешно действовала в Таджикистане экспедиция, руководимая Б.А. Литвинским. Были изучены поселения эпохи брон-

зы в Кайракумах (Б.А. Литвинский и др. 1962), могильники культуры Вахш (Б.А. Литвинский 1967), памятники на Памире (1972).

Проводились исследования Намазги (Б.А. Литвинский, А.Ф. Ганялин 1959). Б.А. Куфтин предложил свою уточненную классификацию, основанную на схеме А.А. Марущенко; В.М. Массон (1956) выявил культуру архаического Дахистана и приступил к широким раскопкам поселений энеолита и бронзового века. Им была выделена культура ЯЗ I на Мургабе (Масон 1959). И.Н. Хлопин (1964) изучал энеолит Геоксюрского оазиса. В.И. Сарияниди (1958, 1962, 1963) исследовал памятники восточной группы поселений и гончарное производство. Позже И.Н. Хлопиным (1983, 2002) была открыта сумбарская культура на юго-западе Туркмении. Хорезмская комплексная экспедиция под руководством С.П. Толстого (1948а, б; 1962) начала исследования памятников эпохи неолита (А.В. Виноградов 1968; 1981) и бронзы, что стало делом жизни М.А. Итиной (1961, 1977).

А.Н. Бернштам (1949, 1950, 1952) продолжил изучение Памира, Тянь-Шаня и Ферганы, возглавив Памиро-Алайскую (1946—1948) и Памиро-Ферганскую (1950—1952) экспедиции. Работавший с ним М.Э. Воронец (1951, 1954) открыл в Фергане новую культуру бронзового века Чуст, изучение которой продолжили В.И. Спришевский (1954, 1963) и Ю.А. Заднепровский (1962). Активизировалась работа республиканских институтов и музеев. В Фергане Б.З. Гамбург и Н.Г. Горбунова впервые выявили могильники андроновской культуры (1956, 1957). Достижением исследователей Киргизии также было изучение андроновских памятников (Кибилов, Кожемяко 1956; Кожемяко 1960; И. Кожомбердиев, Н.Г. Галочкина 1972). В Ташкентском оазисе была выделена культура Бургулук (Дуке 1982а). Однако работы были ограничены пределами конкретных республик и в результате родственные памятники не рассматривались совместно.

Впервые началось изучение палеогеографии (Лисицина 1965, Виноградов, Мамедов 1975; Кесь 1969; Андрианов 1969), палеозоологии (Цалкин 1970б; Ермолова 1976).

В 1966 г. под редакцией В.М. Массона вышла книга «Средняя Азия в эпоху камня и бронзы», в которой В.М. Массон, И.Н. Хлопин, Ю.А. Заднепровский, М.П. Грязнов и А.М. Мандельштам характеризовали накопленные материалы отдельных культур. Полученные новые данные дали возможность приступить к написанию древней истории отдельных республик: История Туркменской ССР (1957), История Киргизии (1963), История Таджикского на-

рода (ИТН 1963). В главе «Бронзовый век», написанной Б.А. Литвинским, впервые региональные материалы были рассмотрены на общесреднеазиатском фоне и выделены историко-культурные регионы; были поставлены вопросы взаимодействия степных и земледельческих племен и этнической истории Средней Азии. Достоинством книги была глава, посвященная Авесте, написанная иранистами В.А. Лившицем и С.Н. Соколовым.

В 1972 г. вышла книга Б.Ф. Гафурова, посвященная происхождению и истории его народа: «Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история» (М).

В послевоенные годы огромное внимание было уделено подготовке национальных кадров: абсолютное большинство нынешних археологов Средней Азии всех республик старшего и среднего поколения прошло подготовку у М.П. Грязнова, В.М. Массона и А.М. Мандельштама в секторе Кавказа и Средней Азии в Институте археологии в Ленинграде. Это было выдающимся достижением, поскольку все исследователи Средней Азии принадлежали к общей научной школе, владели едиными методами исследования, пользовались общим языком — русским, что давало возможность сделать свои достижения достоянием не только всесоюзной, но и мировой науки. Регулярно в Москве, Ленинграде, республиках проводились всесоюзные конференции и сессии, на которых демонстрировались результаты последних раскопок. Это позволяло знакомиться с новыми открытиями, обсуждать общие проблемы, координировать исследовательские планы и в целом создавало оптимальные условия для развития науки.

В 1980—1990-е гг. ярко заявили о себе представители нового поколения национальных кадров во всех республиках. Перечислять их достижения здесь нет необходимости, поскольку в последующих главах они подробно охарактеризованы. Следует только подчеркнуть выдающиеся открытия, позволившие по-новому представить историю Средней Азии в эпоху бронзы. Это прежде всего открытие В.И. Сарияниди новой мировой цивилизации — культуры Маргианы и ее столицы Гонура, а также выявление и классификация А. Аскаровым северо-бактрийского варианта Бактрийско-Маргианской археологической культуры (БМАК) в Узбекистане, установление А. Аскаровым, Н.А. Аванесовой ее связей с андроновской и исследование Л.Т. Пьянковой и Н.М. Виноградовой, работавших в составе экспедиции Б.А. Литвинского в Таджикистане, большого числа памятников БМАК, культур Бишкент-Вахш и Андроново и др.

В 1980—1990 гг. позитивные моменты сохранялись, но постепенно нарастали националистические тенденции, снижался уровень подготовки. Наступивший после распада Союза четвертый период характеризуется коллапсом археологии Средней Азии. Полное обнищание республик привело к резкому сокращению полевых исследований. Нищенский уровень зарплаты вызвал массовый отток из институтов и музеев самых молодых и самых талантливых сотрудников. Культурная коммуникация между регионами была полностью разрушена, книгообмен прекратился, издательская деятельность сокрatилась. Зато хлынул поток зарубежных экспедиций: сейчас в Средней Азии работают американцы, немцы, французы, итальянцы, поляки. Это можно было бы всячески приветствовать, но, к сожалению, большинство пришельцев не знает среднеазиатских материалов и специфики памятников, не владеет десятилетиями вырабатывавшимися едиными методами раскопок, что давало возможность сопоставления материалов. Знакомство с чужими коллекциями стало невозможно. Публикации выходят на национальных языках республик и на разных европейских языках и недоступны большинству раскопщиков. Никакого единого плана исследований не только бронзового века всей Средней Азии, но и отдельных республик не существует.

В этих условиях всеобщей изоляции актуальной становится задача составления по возможности полного банка данных о культурах Средней Азии, накопленного к третьему тысячелетию.

В результате многолетних исследований в Средней Азии сейчас собран колоссальный материал по культурам степной бронзы и их взаимодействию с культурами земледельцев. Однако все публикации посвящены только одному типу предметов, или комплексу, или, в лучшем случае — культуре одного района. Со времени попытки Б.А. Литвинского систематизировать материалы всего Среднеазиатского региона прошло более 40 лет, и количество материала возросло многократно. Это делает актуальной задачу создания единого банка данных по культуре пастушеских племен Средней Азии в эпоху бронзы.

Второй задачей является систематизация собранного материала по единой программе, то есть создание единой типологической классификационной системы выделения культур, типов локальных вариантов, этапов. Такая работа необходима в связи с тем, что разные исследователи одни и те же комплексы интерпретируют совершенно различно, вплоть до того, что тот же могильник относят к разным культурам.

Третью задачу составляет выявление происхождения каждой культуры или типа памятников и установление векторов миграций конкретных пастушеских племен.

Четвертая задача — это определение типа культурных связей между пастушескими и земледельческими племенами, для чего Южная Средняя Азия дает уникальный материал. Предполагается, что анализ позволит установить модели миграций и, соответственно, конкретный характер взаимодействия имеющих разный генезис пастухов и земледельцев.

Сформулировать пятую задачу удалось после того, как предыдущие задачи были рассмотрены в той мере, в какой это оказалось доступно автору. Это задача рассмотреть проблему этногенеза пастушеских племен.

Источниками работы явились материалы по культуре пастушеских племен Средней Азии. Их сбор осуществлялся мной на протяжении 50 лет. Благоприятные условия для работы, созданные в Институте Археологии АН СССР, позволяли ежегодно с 1958 по 1986 г. выезжать осенью в экспедицию в одну из среднеазиатских республик, а весной ездить в командировки в разные города для изучения музейных коллекций (Е.Е. Кузьмина 1994: 35—37). В 1978 и в 1980 гг. я была в командировке в Индии, в 1978 и 1982 г. — в Шри-Ланке для изучения сравнительного материала. С памятниками и музейными собраниями знакомилась также во время командировок в Афганистан (1975) и Иран (1975, 2001). В постперестроечную эпоху я неоднократно выезжала в Среднюю Азию для участия в международных конференциях и работала в музеях. Были изучены также коллекции ГИМ»а, Музея Антропологии МГУ, Музея Востока, Эрмитажа (отделы Востока и Первобытный), МАЭ, Музея Томского университета. Коллекции Средней Азии, Индии, Ирана и Афганистана были просмотрены во Франции в Лувре, музеях Гиме и Чернуши, в Англии — в музеях Британском, Виктории и Альберта, в США в Нью-Йорке в музее Метрополитен, в Питтсбурге в музее Университета Карнеги, в Университетском музее Гарварда, в Коллекции М. Саклер в Вашингтоне и др.

Методическую основу работы составляет сравнительно-исторический метод при широком применении эволюционно-типологического метода, успешно использованного при классификации металлических изделий Средней Азии (Кузьмина 1966) и керамики андроновской культурной общности (Кузьмина 1994), также методы статисти-

ческого анализа керамики, картографирования памятников, а также комплексный метод реконструкции хозяйства и экологии на основе данных археологии, палеоэкологии, палеоботаники и археозоологии; наконец, использованы данные антропологии и новейшие анализы ДНК популяций Средней Азии, применена уточненная классификация типов миграций и их отражения в археологическом материале.

История изучения проблемы происхождения индоиранских народов

Проблема происхождения индоиранских народов уже четвертый век волнует умы ученых. Она была поставлена в 1771 г., когда Анкетиль Дюперрон опубликовал главную религиозную книгу иранцев Авесту. Молодой французский аристократ Анкетиль Дюперрон, окончив Сорбонну, решил исследовать никому не известный древний язык, и с этой целью отправился в крайне опасное путешествие в Индию. После долгих скитаний, многократно рискуя жизнью, он наконец достиг Сурата, где познакомился со жрецами-дастурами-парсами — последователями древнеиранской религии зороастризма и хранителями священной книги Авесты. Он изучил ее и опубликовал, вернувшись в Париж (Кузьмина 1977б).

В 1786 г. произошло другое важнейшее событие в лингвистике: английский ученый из Оксфорда Виллем Джонс издал труд, в котором доказывал родство языка древней Индии — санскрита с латынью, древнегреческим и германскими языками. Так родилось сравнительное индоевропейское языкознание. В. Джонс впервые употребил слово «арий» в его научном значении. Это слово-самоназвание всех индоиранцев и означает «человек этого народа», «хозяин», «благородный» (Барроу 1976: 19).

Большое значение для исследования индоиранских языков имела дешифровка древнеперсидской клинописи Ахеменидов, осуществленная в 1802 г. Г.Ф. Гротефендом.

Французские энциклопедисты создали в XVIII в. популярный до сего дня миф об Индии. Ж. Бюффон первым поместил прародину человечества не в Передней Азии, где ее локализовали толкователи Библии талмудисты, а в Прикаспии, где был библейский рай — сады Эдема, откуда брахманы пришли в Индию, став хранителями древней цивилизации. П. де Соннера, Вольтер и Дидро

признали прародиной человечества Индию, а брахманов — носителями древней мудрости.

Дальнейшее развитие индийская легенда обрела у немецких романтиков. Значительный вклад в развитие сравнительного индоевропейского языкознания внесли братья А.В. и Ф. Шлегель. Основоположник индологии Фридрих Шлегель в 1808 г. создал труд «О языке и мудрости индийцев». И.-Г. Гердер, а за ним Шопенгауэр искали в Индии истоки немецкого духа, а Ницше счел прародиной Персию, а носителем духовности — Заратуштру (L. Poliakov, 1994). Крупный индоевропеист Макс Мюллер — автор «Истории древней санскритской литературы» — локализовал обще индоевропейскую прародину в Индии, полагая, что санскрит наиболее близок к индоевропейскому праязыку, и ввел в применении ко всем индоевропейским, или, как их называли в немецкой науке, индогерманским языкам термин «арийские». Это было грубой ошибкой, так как ариец — это самоназвание только индийцев и иранцев. Вскоре термин «ариец» был подхвачен идеологом немецкого фашизма графом Ж.А. де Гобино и стал обозначать германца — представителя высшей белой расы, носителя германского духа. М. Мюллер выступил против расистского толкования термина, но он уже прочно утвердился, что способствовало в дальнейшем победе фашистской идеологии.

За почти два с половиной века развития сравнительного индоевропейского языкознания прародину индоиранцев локализовали то в арктической зоне, то на Дунае, то в Северном Причерноморье, то на Памире, то в Иране и Передней или Средней Азии, то, наконец, в Индии. Критический анализ выдвигавшихся гипотез дан в работах Э.А. Грантовского (1970), Б.Г. Гафурова (1972), Д. Мэллори (Mallory 1973), Э. Брайанта (Bryant 1999) и других, что избавляет от подробного критического анализа выдвинутых точек зрения.

Идея индийской прародины индоевропейцев была оставлена в XIX в. Были выявлены многочисленные инновации и заимствования в индоиранских языках. Место теории родословного древа и единого праязыка, близкого санскриту, заняла теория диалектного континуума Н.С. Трубецкого. Важнейшее значение имела работа О. Шрадера, реконструировавшего географическую среду и характер хозяйственно-культурного типа древних индоевропейцев, соответствующие Центральной Европе. О. Шрадер (1926; Schrader 1901) одним из первых показал, что реалии культуры индоиранцев указывают на степную зону их обитания и преимущественно скотоводческий характер

их культуры. Х. Краз и другими были выявлены индоевропейские гидронимы, локализующиеся в Центральной Европе, а В.Ф. Миллером, а затем В.И. Абаевым — иранские гидронимы в Северном Причерноморье. Это названия рек с иранским компонентом «дон» — «вода»: Дунай, Днестр, Днепр, Дон и многие другие гидронимы и топонимы, анализ которых осуществлен В.Н. Топоровым и О.Н. Трубачевым (1972). Эти факты, как и установленное совпадение названий индоевропейской флоры и фауны с Европой, привели к утверждению гипотезы европейской прародины индоевропейцев и степной прародины индоиранцев (Десницкая А.В. 1955; Оранский И.М. 1962).

В соответствии с утвердившейся в начале XX в. среди лингвистов в европейской науке гипотезой о локализации индоевропейской прародины в Европе предполагается отделение индоиранцев в конце III — начале II тыс. до н.э. и последующий уход части из них с прародины через евразийские степи в Среднюю Азию и отсюда далее на юг — в Индию и Иран. При этом некоторыми авторами допускается, что часть иранцев — предки скифов и, вероятно, киммерийцев — осталась на месте, в Европе. Другие исследователи предполагают возврат скифов в Европу из Казахстана и Сибири в I тыс. до н.э.

Расходятся мнения и о путях переселения индоиранцев с южно-русской прародины или (хотя бы частично) через Кавказ (П. Кречмер, Э.А. Грантовский, К. Йеттмар, В. Бранденштейн, Р. Гиршман, Л. Бош-Гимпера, М.Н. Погребова) или через Среднюю Азию. Этой точки зрения придерживаются В. Гейгер (Geiger 1882), О. Шрадер (O. Schrader 1901), Эд. Мейер, В.В. Бартольд, Э. Бенвенист (Benveniste 1966), В. Пизани, Г. Камерон, А. Кристенсен (Christensen 1943), Э. Герцфельд (Herzfeld 1947). И такие специалисты по индоевропейским и индоиранским языкам как В. Георгиев (1958), Г. Моргенштерне (Morgenstierne 1973), В. Порциг (1964), Т. Барроу (1976; Burrow 1973), В. Бранденштейн (Brandenstein 1948, 1962), Х. Бейли (Bailey 1955, 1957), Р. Хаушильд (Hauschild 1962), Р. Фрай (Frye 1972), М. Майрхофер (Mayrhofer 1966, 1974), М. Бойс (Boysе 1975), Я. Харматта (Harmatta 1981), А. Парпола (Parpola 1974; 1988). Среди отечественных ученых ее разделяли В.В. Струве (1951), И.М. Дьяконов (1956, 1958, 1960, 1981, 1982, 1995, 1996), И. Алиев (1960), М.М. Дьяконов (1961), И.М. Оранский (1963, 1979а,б), В.И. Абаев (1965, 1972, 1981), Г.М. Бонгард-Левин (Бонгард-Левин, Ильин 1969; Бонгард-Левин, Грантовский 1983), Э.А. Грантовский (1970, 1998), Т.Я. Елизаренкова (1972, 1989, 1995), Б.Г. Гафуров (1972), М.А. Дандамаев (Дандамаев, Луконин 1980) и первоначально В.В. Ива-

нов (Иванов, Топоров 1960; Иванов 1963). При этом В. Георгиев (1958) высказывал мысль, что древнейшими индоиранцами могли быть носители культур «могил с красной охрой», то есть ямной. М.М. Дьяконов (1961) помещал индоиранскую прародину в юго-восточной Европе к востоку от трипольской культуры. Э.А. Грантовский (1960) думал, что «эпоха ямной культуры может соответствовать общеарийскому периоду». В.И. Абаев (1965) считал срубную культуру иранской. М.М. Дьяконов (1961) и Э.А. Грантовский (1970) непосредственно связывали культуру иранцев или индоиранцев со срубной и андроновской общностями, а И.М. Дьяконов (1956), В. Бранденштейн (Brandenstein 1962), Т. Барроу (Barrow 1973) и М. Бойс (Boys 1975) — только с андроновской. Причем И.М. Дьяконов (1970) предполагал уход индоиранцев с прародины не позже второй четверти II тыс. до н.э.

Выводы этих лингвистов приняло большинство археологов, изучавших культуру евразийских степей и Средней Азии II тыс. до н.э. (Толстов 1948, 1962; Бернштам 1957; Черников 1957, 1960; Смирнов 1957б, 1964; Смирнов, Е.Е. Кузьмина 1977; Массон 1959; Толстов, Итина 1960; Итина 1977; Мерперт 1961, 1966, 1974; Литвинский 1962, 1963, 1964, 1967, 1981; Е.Е. Кузьмина 1963в, 1971а, в, 1972а, 1972б, 1974а, 1974б, 1981а, 1987а, 1988в, 1994, 1995, 1999; Сальников 1965; Мандельштам 1966а, 1968; Акишев 1973; Генинг 1977б; Погребова 1977а; Членова 1981, 1983а, 1984, 1989; Березанская 1982; Г.Б. Зданович 1992, 1995, 1999; И.Б. Васильев и др. 1995).

По их мнению, археологический материал культур бронзового века евразийских степей не противоречит этой гипотезе лингвистов и подтверждается устанавливаемой археологически прямой генетической связью ираноязычных скифов, савроматов и саков с носителями предшествующих срубной и андроновской культур.

Претендентами на роль индоиранцев выдвигались также носители абашевской (Пряхин 1977) и катакомбной (Клейн 1980, 1981) культур. Н.Р. Гусева (1977, 1987) считала их срубниками и абашевцами, позже и андроновцами. Современному состоянию проблемы происхождения индоиранцев посвящена отдельная глава.

Классификация арийских языков

В настоящее время разработана типологическая классификация индоиранских языков. Как говорилось, древние и происходящие от них современные языки индоиранской общности делятся на

три большие ветви. I — дарды и нуристанцы проживают на севере Индийского субконтинента в северном Афганистане, Пакистане и Индии, сохраняя очень древние культурные традиции и частично доведийские верования (Fussman 1977). Выделение семьи спорно. Обычно в нее включают архаичные языки дардский и нуристанский, который раньше назывался кафирским, иногда кашмири, на котором говорят в штатах Джамма и Кашмир (Эдельман 1965; Morgenstierne 1973; Fussman 1972; Коган 2005).

II — индоарии — население, которое расселялось в Индии с северо-запада на Ганг. Древнейшими религиозными памятниками были Веда, сочиненные на ведийском языке. Обработанный литературный язык санскрит. В результате многовекового развития древнего индоарийского языка сложились современные языки северной и центральной Индии: хинди, урду, бенгали, пенджаби, маратхи, гуджарати, синдхи, ассамский, ория и др. В Пакистане говорят на урду, пенджаби и синдхи, в Бангладеш — на бенгали, в Непале — на непали, в Шри-Ланке пришедшие с севера индоарии поселились на юге Цейлона, и там сложился сингальский язык, а на Мальдивских островах — мальдивский. К индоиранской семье принадлежит также язык цыган, мигрировавших в средние века из Индии, постепенно расселившихся в Восточной Европе и Болгарии и далее по всему миру. Цыгане сохранили кочевой образ жизни, свой бесписьменный язык и музыкальный фольклор (Baily 1959; Burrow (Барроу 1955, 1976); S.K. Chatterji 1960; Зограф 1960; Иванов, Топоров 1960; Bloch 1965, 1984; Елизаренкова 1972, 1982; Бонгард-Левин, Ильин 1969, 1985; Бонгард-Левин, Гуров 1988, 1990; Fussman et al. 2005).

III — иранцы в античную эпоху занимали огромную территорию степей Евразии от Дуная до Алтая и, возможно, даже Тувы, и на юге — всю Среднюю Азию, Афганистан и Иран. По принятой ныне классификации иранская ветвь делится на две большие группы: западную и восточную, разделенные каждая на северную и южную (Grundriss der iranischen Philologie (Strassburg 1895—1901); Оранский 1962, 1963, 1979а,б; Основы иранского языкознания: Древние иранские языки 1979; Среднеиранские языки 1981; Новоиранские языки 1979—1987).

К *северо-западной подгруппе* относятся древние мидийский и парфянский языки. Время появления иранцев на Иранском плато фиксируется письменными источниками Ассирии IX в. до н.э. Территория Мидии располагалась на северо-западе Ирана, где в пределах мидс-

кую эпоху сложилось Мидийское царство. Парфия находилась у юго-восточного берега Каспийского моря. Парфянское царство сложилось в III в. до н.э. Около новой эры оно охватывало Иран, Армению и Среднюю Азию и вело войны с Римом за господство в Азии.

Среди современных языков к северо-западной подгруппе относятся языки курдов, проживающих в Иране, Ираке, Сирии, Турции и России; гилан, мазандеранцев, луров, жителей Ирана и белуджей, живущих в Иране, а также в Пакистане, Афганистане и на юге Средней Азии. Часть этих народов ведет кочевой образ жизни, занимаясь скотоводством и, особенно, разведением лошадей. Их хозяйственно-культурный тип, жилище, костюм резко отличаются от культуры семитов-арабов-бедуинов и во многом напоминают хозяйство и быт восточно-иранских кочевников Средней Азии, что указывает на генетическое родство двух групп иранцев.

К юго-западной подгруппе относится древнеперсидский язык. Персидские топонимы и имена зафиксированы в письменных памятниках Ассирии начиная с IX в. до н.э. Затем он становится языком великой державы Ахеменидов, в VI—IV вв. до н.э. включившей огромную территорию от Средиземноморья до Индийского океана. На базе древнеперсидского формируется среднеперсидский язык — основа современных языков персидского (фарси) государственного языка Ирана, таджикского языка Таджикистана, а также языка фарси кабули (дари) литературного языка Афганистана (наряду с пушту). Все эти три литературных языка юго-западной подгруппы восходят к языку таджикско-персидской классической литературы IX—XVI вв., на котором писали Рудаки, Фирдоуси, Саади, Омар Хаям, Хафиз, Джами. Особый интерес в контексте данной книги представляет творчество Фирдоуси, поскольку в Шахнаме нашли отражение многие сюжеты и персонажи, известные по Авесте и бытующие до сих пор в фольклоре современных таджиков.

К северо-восточной подгруппе относится мертвый скифский язык, на диалектах которого в VII—IV вв. до н.э. говорили ираноязычные народы, обитавшие в степях от Северного Причерноморья до глубин Азии и на севере Средней Азии. Как говорилось, в персидских источниках их называли саками, в античных — скифами. Причем было подчеркнуто, что персидское название относится ко всем племенам, которые греки именовали скифами. Отмечены также близость хозяйственно-культурного типа, костюма, вооружения и языка скифов европейских и азиатских, но указа-

но, что савроматский язык был «испорченным», из чего следует, что скифский континуум включал различные диалекты. Недавно С.В. Кулланда выдвинул гипотезу о родстве скифского языка с юго-восточно-иранским бактрийским и показал, что Гомер, предположительно в VIII в. до н.э. писавший о «доителях кобылиц», «млекоедах», был знаком уже со скифами Северного Причерноморья. Если он прав, это позволит удревнить время сложения скифского комплекса Причерноморья. К той же подгруппе принадлежит сарматский язык, исчезнувший, видимо в эпоху великого переселения народов.

Наконец, потомком скифского (в широком смысле) является язык предков осетин алан, пришедших из степей на Кавказ в начале нашей эры и вступивших в контакт с аборигенным населением Кавказа. В настоящее время осетинский язык распространен в Северо-Осетинской АР России и Южно-Осетинской АО Грузии. Мифология осетин воплощена в эпосе Нарты. Анализ Нартов и скифской мифологии, отраженной в трудах эллинических авторов, позволяет установить соответствия с некоторыми мифологемами не столько Авесты, сколько Вед. Письменных памятников скифов нет, и язык реконструирован В.С. Миллером, В.И. Абаевым и Ж. Дюмезилем на основании анализа топонимов, этнонимов и имен собственных, донесенных в греческих и персидских текстах (Миллер 1887; Абаев 1949, 1965; Дюмезиль 1976).

К мертвым северо-восточным иранским языкам относится также согдийский язык, на котором говорили на реке Зеравшан, в области Согд, упоминаемой в Авесте. Согд и его столица Афрасиаб (Самарканд) многократно фигурируют в Шахнаме как центр враждебного Турана и место действия Афрасиаба и других персонажей, действующих и в Авесте. Письменные памятники на согдийском языке существуют начиная со II—IV вв. По данным китайских источников известно, что в VIII—IX вв. н.э. согдийский язык был распространен в областях Чач (Ташкентский оазис), Семиречье и согдийских колониях западного Китая, где он был языком письменности.

Ягнобский язык, до сих пор распространенный в долинах Ягноба в Таджикистане, является потомком одного из диалектов согдийского (Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки 1980).

К мертвым северо-восточным иранским принадлежит также хорезмийский язык, распространенный в низовьях Аму-Дарьи в об-

ласти Хорезм, упомянутой в Авесте. Некоторые исследователи полагали, что Авеста была создана Заратуштрой именно в Хорезме, что не подтверждается археологическими материалами (см. ниже).

Древнейшие тексты датированы III—II вв. до н.э. До середины VIII в. н.э. он оставался официальным языком государства Хорезм. (Хорезмийские тексты исследованы А.А. Фрейманом, М.Н. Боголюбским и особенно В.А. Лившицем.)

К юго-восточной подгруппе иранских языков принадлежит мертвый бактрийский. Он был распространен в северной и южной Бактрии (в Средние века область Тохаристан) — стране, упомянутой в Авесте. Некоторые исследователи связывают деятельность Заратуштры с этой страной. Памятники на бактрийском языке, использовавшем греческий алфавит, относятся ко времени Кушанского царства I—III вв. (надпись Канишки из Сурх-Каталя) и эфталитского государства V—VI вв. Бактрийский язык занимает промежуточное положение между парфянским, согдийским и хорезмийским с одной стороны, и современным афганским (пашто) и мунджанским языками — с другой. Письменные памятники известны с III в. до н.э. Поздние эпиграфические памятники датируют IX в., затем язык был ассимилирован персидским (Оранский 1963, 1979; Основы иранского языкознания. II 1981). Изучением бактрийского языка и дешифровкой надписей занимались В.А. Лившиц, И.М. Стеблин-Каменский, А. Марик, В. Хеннинг, И. Гершевич, Г. Хумбах, Я. Харматта, Ж. Фусман, Г. Давари, Ф. Грене и др. Живым языком этой подгруппы является пушту (пашто), распространенный в Афганистане наряду с дари, а также части Пакистана. Он близок некоторым памирским языкам.

Памирские языки — группа восточно-иранских языков, не составляющих самостоятельной подгруппы и проявляющих черты сходства с другими восточно-иранскими языками порознь. Взаимопонимание между носителями части языков отсутствует. Это указывает на длительную изоляцию и конвергентное развитие. Памирские языки сосредоточены в южном Таджикистане, в отдельных речных долинах Памира, а также в соседних горных районах Афганистана и Индостана на Гиндукуше. Большая близость прослеживается между шутнанским, рушанским, бартангским, орошорским языками, распространенными по рекам Пянджу и Бартангу, а также с сарыкольским языком Синьцзяна. Другие памирские языки: язгулемский, ишкашимский, ваханский — независимы ни от шутнанской группы, ни друг от друга.

На Памире распространен также ягнобский язык, не входящий в памирскую группу, а представляющий прямое продолжение согдийского.

Систематизацией памирских языков занимались В. Гейгер, Э. Бенвенист, Д. Лоример, Г. Моргенштерне (Morgenstierne 1938). И главным образом русские исследователи И.И. Зарубин, В.С. Соколова, Т.Н. Пахалина, Т.И. Эдельман, Д. Карамшоев, а также А.Л. Грюнберг и И.М. Стеблин-Каменский.

Включить этот краткий компилятивный очерк кажется необходимым, поскольку без представления об историческом развитии индоиранских языков невозможно ставить задачу их сопоставления с археологическими фактами. Знание генезиса и взаимосвязей индоиранских языков диктует важнейшую методическую установку: необходимость совместного исследования истории носителей всех арийских языков, — их доказанная лингвистическая близость свидетельствует о генетическом родстве ираноязычных саков и скифов и земледельческих народов хорезмийцев, согдийцев и бактрийцев, что ставит методическое требование поиска их совместной пракультуры и прародины.

Важные данные в этой связи представляют материалы о пережитках в культуре современных осетин, народов Памира, а также западно-иранских кочевников Ирана, некоторых черт, характерных для скифской культуры, но сформировавшихся в эпоху бронзы (тип постоянного и разборного жилища — протоюрты, костюм, навыки гончарства, верховая езда, культ коня и др.).

Выявленное лингвистами еще в XIX в. и подтвержденное компаративистским исследованием Келленса и Пирара родство Риг-веды и Авесты ставит задачу совместного рассмотрения генезиса иранцев и индоариев, а установленное археологически время появления конных колесниц, играющих огромную роль в обеих традициях, строго лимитирует эпоху формирования индоиранской общности не ранее рубежа III—II тыс. до н.э. и вместе с тем ограничивает зону поиска прародины в Старом Свете ареалом раннего распространения колесниц и культа коня.

Таким образом, сверхзадачей книги после составления банка археологических материалов пастушеских памятников эпохи бронзы Средней Азии и их культурной атрибуции и хронологической классификации является установление векторов миграций пастушеского населения Средней Азии и постановка проблемы их этнической атрибуции.

I. Культуры племен и их миграции в Средней Азии

Средняя Азия, являющаяся центром Евразийского материка, чрезвычайно разнообразна по своим природно-климатическим условиям (карты 1, 7): она объединяет четыре зоны: I — степи простираются к северу; II — песчаные пустыни Кызылкум и Каракум занимают центральную часть; III — высокие горы Тянь-Шань и Памир проходят с востока и юго-востока; IV — на юго-западе невысокие горы Копетдаг отграничивают Среднюю Азию от Ирана и вдоль их северных склонов есть узкая полоса плодородных земель; оазисы расположены также в устьях рек Теджен и Мургаб и по течению Заравшана.

Разнообразие экологических условий, которые неоднократно менялись на протяжении эпох энеолита и бронзового века, предопределило различное направление развития хозяйства и культуры и разную ориентацию этнокультурных связей регионов. Северные и восточные области Средней Азии входили в круг степных культур Евразии, южные области принадлежали к ареалу культур Древнего Востока. Средняя Азия, служащая мостом между двумя этими мирами, была зоной, где осуществлялись контакты племен, принадлежащих к различным хозяйственно-культурным типам, и на протяжении всей исторической эпохи пролегал важнейший путь этнических передвижений, шла дорога в Иран и Индию.

1. Культуры Средней Азии IV—III тыс. до н.э.

В IV—III тыс. до н.э. в Средней Азии сложилось несколько культурно-хозяйственных зон. На юге в Туркмении (будущей Парфии) в подгорной полосе и низовьях реки Теджен в результате миграции из Ирана развивалась земледельческая культура Анау (Pumpelly 1908), или Намазга (Массон В. (ред.). 1964; 1981a; Masson, Sarianidi 1972, Kohl (ed., 1981)).

К эпохе энеолита по периодизации Б. Куфтина и В. Массона (1956; 1981a) относятся этапы I—III. В период Намазга III предполагается новая волна миграции в оазис Геоксюр из Элама, что документирует сходство орнаментов керамики. Культура энеолита представлена многослойными поселениями — деле, состоящими из кварталов многокомнатных домов и святилищ (Массон 1962, 1981: 58—60; Сарияниди 1962): Анау северный холм, Намазга, Кара-деле, Геоксюр в Тедженском оазисе.

Основу экономики составляло ирригационное земледелие, подсобную роль играло разведение овец, коз, верблюдов — бактрианов и зебувидных коров южной породы (Цалкин 1970; Ермолова 1976). Керамику лепили руками и покрывали росписью. Металлические изделия делали методомковки из привозной меди (Кузьмина 1966; Терехова 1975). Умерших хоронили в поселениях под полами домов, а в эпоху Намазга III в круглых усыпальницах — толосах. Глиняные статуэтки отражают культ богини-матери.

Эпоха бронзы — этапы Намазга IV, V — ознaменована появлением больших укрепленных городов: Намазга — 50 га, Алтын-депе — 26 га, Улут-депе — 20 га и выделением ремесленного производства. Для изготовления керамики использовали гончарный круг (Масимов 1976). Специальные печи-горны служили для обжига посуды и отливки металлических изделий. Распространились четырехколесные повозки, запрягавшиеся парой быков или верблюдов (Kuzmina 1983; Кузьмина 1980в).

Своего расцвета культура Анау достигла в эпоху Намазга V (Массон 1964, 1966б, 1976, 1981a, 1982; Masson, Sarianidi 1972). Происходит социальная стратификация общества. На столичном поселении Алтын выделяются кварталы с большими домами знати и кварталы ремесленников, изготавливающих стандартную гончарную керамику без орнамента и не кованые, а литые по восковой модели разнообразные изделия из мышьяковистой бронзы. Появляются богатые погребения. Идеологические представления усложняются, на что указывают четырехступенчатая культовая постройка Алтын-депе, глиняные статуэтки богинь, металлические крестовидные и зооморфные печати. Импорты из Тепе-Гиссара и Хараппы отражают широкие культурные связи.

Одновременно с развитием земледельческой культуры Анау в плодородной долине Зеравшана в 45 км к востоку от Самарканда возникло поселение Саразм (Исаков 1991a,б; Lyonnet 1996). Оно

было основано выходцами из оазиса Геоксюр в низовьях Теджена с целью разработки богатых месторождений полиметаллических руд и бирюзы. Эти богатства привлекли также земледельцев Белуджистана, которые составляют второй компонент культуры Саразм.

Выводы о генезисе этой культуры основаны на анализе орнаментов керамических комплексов и импортных изделий. В развитии Саразма выделяются четыре этапа, датируемых радиоуглеродным методом от 3400 до 2000 г. до н.э.

Саразм представлял собой огромное поселение площадью 100 га, состоящее из многокомнатных домов с храмами-святилищами, а в период III — с дворцами. Основу экономики составляло ирригационное и отчасти богарное земледелие и разведение мелкого и крупного рогатого скота. В периоды I—III керамика Саразма была лепной расписной, в период IV (2700—2000 гг. до н.э.) появился гончарный круг. Была развита обработка бирюзы, лазурита, агатов. Главной отраслью экономики во все эпохи была добыча, вероятно, в ближайших рудниках, и выплавка металла, о чем свидетельствуют находки печей-горнов, глиняных литейных форм, тиглей, слитка свинца весом 10 кг, а также многочисленных металлических изделий. Это позволяет считать Саразм крупнейшим металлургическим очагом Средней Азии, работавшим на экспорт.

Саразм имел широкие связи от Ирана до Белуджистана и Сеистана. В III тыс. до н.э. активные контакты были характерны для всего Древнего Востока (Amiet 1986; Lamberg-Karlovsky 1996).

Другим форпостом древневосточной цивилизации было поселение Шортутай на севере Афганистана в древней Бактрии, располагавшейся по обоим берегам Амударьи (Francfort 1989). Раскопки двух холмов поселения выявили динамику его развития. Выделено четыре этапа. Поселение возникло как колония индийской культуры Харалпы, что документируют типично хараппская строительная техника, сделанная на гончарном круге керамика с хараппским декором, печать, бусы, изделия из раковин. Вероятно, индийская колония была создана с целью разработки соседних богатых месторождений лазурита, контроль за торговлей которым позволил установить широкие культурные связи. А.-П. Франкфор датировал этап А на основании радиоуглеродных данных 2200—2000 гг. до н.э. и отмечает связи с Харалпой, Мундигаком IV, Шахри-Сохта III—IV, Яхья IV.B — Бампуром V—VI, Кулли, Шахдадом, Гиссаром ШС, Намазга V.

Возможно, еще один центр земледельческой культуры II тыс. до н.э. будет открыт в плодородной долине Ферганы. На это позволяют надеяться находки здесь клада Хак, содержащего медные изделия типа Гиссара III, и двух каменных гирь древневосточного типа (Кузьмина 1966; Besenval 1987, fig. II).

Таким образом, в III тыс. до н.э. пригодные для ирригационного земледелия или богатые полезными ископаемыми земли на юге Средней Азии и севере Афганистана были заняты земледельческим населением, мигрировавшим из разных областей Древнего Востока: из Ирана, в том числе Элама, Белуджистана и Индии. Переселенцы принесли достижения древневосточной цивилизации: производящее хозяйство (доместичированные пшеницу, ячмень, мелкий и крупный, в том числе зебувидный рогатый скот), навыки изготовления расписной керамики, металлургию и металлообработку и колесный транспорт, позволивший установить широкие обменные связи.

Какова этническая принадлежность различных групп земледельцев юга Средней Азии? И.М. Дьяконов (1967: 85—87, 108—112) высказал предположение о родстве эламского языка Юго-Западного Ирана и дравидийского языка Индии и их разделении ранее III тыс. до н.э. Эту гипотезу обосновал Д. Мак-Альпин (Mac-Alpin 1981).

Дравидоязычным считают население Южной Туркмении Б.А. Литвинский (1963, 128), В.М. Массон (1977: 115—118). А.П. Франкфор (Francfort 1989) допускает, что жители Бактрии говорили по-эламски. Большинство серьезных лингвистов считает создателей Хараппы дравидами (Pagola 1974, 1988, Lubotsky 2001; Witzel 2001) или дравидами и мунда (Бонгард-Левин, Гуров 1988, 1990; Kuiper 1991).

В конце III тысячелетия до н.э. древнеземледельческие общины в широкой зоне, включающей юг Средней Азии, Иран, Афганистан, Белуджистан и северо-запад Индостана. переживают кризис. На одних поселениях сокращается обжитая площадь (в Намазга — до 2 га), другие поселения приходят в упадок: Алтын-депе, Саразм, Шортугай, Тепе-Гиссар III, Шах-тепе, Тюренг-тепе, Шахри-Сохта, Тепе-Яхья, Мундигак.

Гибнет цивилизация Хараппа в Индии. Причины кризиса пока не ясны. Исследователи предполагали экологические катастрофы: землетрясения, наводнения, засуху, истощение почвы, М. Уилер (Wheeler 1968) объяснил гибель Хараппы нашествием с севера ари-

ев. Однако картина, по-видимому, была гораздо сложнее. Расцвет культуры в Южной Азии привел к демографическому взрыву. Экологические возможности оазисов стали недостаточны для прокормления возросшего населения. На ряде поселений установлено, что кризис развивался постепенно. Наиболее вероятной представляется гипотеза, независимо высказанная Р. и Б. Олчинами (R. and B. Allchins 1973) и Г. Бонгард-Левиным (1963, 1979, 1981, 2003; Бонгард-Левин, Гуров 1988, 1990). В конце III тыс. до н.э. в Евразии произошел экологический кризис, усугубивший остроту экономических проблем, а это вызвало внутрисполитический кризис и постепенно привело к катастрофе. Гибель больших поселений позволила пастушеским племенам, находившимся на границах земледельческих оазисов, занять частично опустевшие земли и подчинить и постепенно ассимилировать аборигенное население. В результате после периода кризиса произошло формирование новых культур.

Но будем помнить, что это только гипотеза!

* * *

Если в оазисах юга Средней Азии в IV—III тыс. до н.э. развивались земледельческие культуры Индо-Переднеазиатского круга, что же в эту эпоху происходило в других областях Средней Азии?

В Таджикистане существовала крайне примитивная неолитическая культура Гиссар (Ранов ИТН 1988). Население занималось охотой и использовало архаичные каменные орудия.

На севере на обширной территории, включающей Восточный Прикаспий, район Аральского моря (будущий Хорезм) и Бухарский оазис в Среднеазиатском междуречье, сложилась культура Кельтеминар (акчадарьинский, льяляканский, нижнеЗеравшанский варианты) (Виноградов 1968; 1981; он же и др. 1986; Мамедов 1975; Гулямов и др. 1966). Специфические экологические условия обусловили особенности экономического и культурного развития региона. Как установлено палеоэкологическими исследованиями, IV—III тыс. до н.э. было эпохой Льяляканского плювиала (Виноградов, Мамедов 1975: 234—255), когда современные пустыни представляли серию непроходимых болот и озер. Озера изобиловали рыбой и водоплавающей птицей, что сделало рыболовство основой экономики кельтеминарцев. Население жило в стойбищах в больших родовых шалашах. Исследовано более 800 кельтеминарских стоянок, но ни на одной из них не зафиксировано ни зерен злаков,

ни костей домашних животных. «Наличия элементов производящего хозяйства... не имеется» (Виноградов 1981: 146, 147).

А.А. Формозов (1959а: 155; 1959б) провел по реке Эмба границу между двумя зонами неолитических культур: европейской и азиатской. Последующие исследования подтвердили кардинальные различия в развитии культур неолита и энеолита в европейской и азиатской зонах степей, что позволяет «говорить... об их принадлежности к разным культурным областям» и относить памятники Поволжья, Урала и Северного Прикаспия к западному Понто-Каспийскому кругу (Иванов, Васильев 1995: 121). В этой зоне в IV—III тыс. до н.э. прослеживается последовательное развитие производящей экономики под влиянием земледельческих культур Карпат и Дуная (Васильев, Выборнов, 1988; Он же, Синюк 1985; Rassamakin 1999; Кузьмина 1996—1997; Kuzmina 2000, 2003).

Напротив, в азиатской части соседство с южными земледельцами не привело к становлению производящего хозяйства, и основу экономики кельтеминарцев Хорезма составляли рыболовство и охота на водоплавающую птицу, а в степях Казахстана — сезонная охота на копытных (дискуссию о независимом центре доместикации лошади в Казахстане см. PSAH 2003).

Приведенные экологические и археологические данные исключают саму возможность постановки вопроса о массовой миграции земледельческого индоевропейского населения с Ближнего Востока через Среднюю Азию в Понто-Каспийские степи, что предполагали Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванов (1984), а тем более локализацию индоевропейской прародины в Средней Азии, как предполагает Дж. Никольс (Nicols 1997), или в Бактрии (Sargent 1997).

Напротив, не только никакой миграции из Средней Азии в степи не было, но и контакты земледельческого населения с северными племенами были крайне sporadическими и не вели к смене хозяйственно-культурного типа. В Саразме найдена невыразительная керамика, сопоставлявшаяся с культурами Кельтеминарского круга. Ср.: Виноградов и др. 1975: 220—224 — период неолита II Лявлякана (IV — первая половина III тыс. до н.э.) (Lyonnet 1996: 49, pl. V, VI: 8). В Хорезме в Лявлякане (III тыс. до н.э.) А.В. Виноградов (1968: 146—150, рис. 62) выявил на кельтеминарской посуде некоторое влияние южных форм и орнаментов, но только на позднем поселении Лявлякана 506 обнаружены литейные формы топора-тесла и топора-молота южных типов (Виноградов, Кузьмина 1970) и мас-

терская по обработке бирюзы, а в гроте Дам-Дам Чашме и в пещере Джебел в Закаспии найдены кости овцы, вероятно, домашней, и керамика типа Шах-тепе III—II и Кызыл-Арват (Цалкин 1956: 220, 221; Шнирельман 1980: 74, 75). Но эти связи были спорадическими.

Напротив, в конце III тыс. до н.э. (по традиционной хронологии) в эпоху наступления засухи в степях и завершения льяляканского плювиала отмечается продвижение на восток с территории Понто-Каспийских степей племен позднелемной культуры, видимо, испытавших воздействие катакомбной культуры. Они приносят в Сибирь навыки земледелия и скотоводства и сами злаки и domesticiрованных животных, а также металлургию и колесный транспорт, и создают культуру Афанасьев (Вадецкая 1986; Цыб 1984а,б; Семенов 1993; Грязнов 1999: 51—54). Многие исследователи считают афанасьевцев тохарами (Pulleyblank 1966, 1996; Mair 1995; Mallory, Mair 2000).

Некоторое сходство с памятниками ямной культуры имеют погребения в могильниках Убаган и Верхняя Алабуга на Тоболе (Потемкина 1985: 151—155, 201; рис. 63: 1—9; 106: 27—29, 39, 41) и в кургане с кольцом из камней Карагаш в Центральном Казахстане (Евдокимов, Ломан 1989: 34—46, рис. 5). Умершие захоронены по ямному обряду на спине с поднятыми коленями в сопровождении охры, медных и каменных изделий и круглодонной керамики со штампованным орнаментом. В Убагане найдены кости коровы и овцы; антропологический тип погребенного — ямный.

Под влиянием западного импульса в конце III тыс. до н.э. на позднелемных памятниках Казахстана впервые появляются кости домашних мелкого и крупного скота восточноевропейских пород и коня (Формозов, 1950б; Чалая 1971; ИКССР 1977; Макарова, Нурумов 1989).

* * *

Древнейшей культурой Средней Азии, отражающей активные связи степного и земледельческого населения, является Заман-Баба в Бухарском оазисе (Гулямов и др. 1966: 118—186; Кузьмина 1958б, 1968б). Степной компонент отражают жилище-полуземлянка на поселении и обряд погребения в могильнике ямного и катакомбного типа, наличие мела, охры, костей животных и формы круглодонной и остродонной лепной керамики, сопоставимой с типами ямной и частично кельтеминарской, но лишенной орнамента. Придя на реку Зеравшан, пастушеское население вступило в контакт с

земледельцами — носителями культур позднего Саразма и Намазга V типа поселения Хапуз. Южный компонент ярко представлен керамикой, изготовленной на гончарном круте, которая составляет 10%, сосудами с росписью типа Мундигак IV, керамическим горном, двумя женскими статуэтками и медными булавками с лопатковидным навершием, зеркалами, разнообразными бусами из бирюзы, лазурита и других камней, а также из пасты в форме мальтийского креста.

Культурно-определяющие признаки — погребальный обряд и керамика — не позволяют отнести культуру Заман-Баба к БМАК и датировать ее второй четвертью II тыс. до н.э. (по Аскарову 1981) или рубежом II—I тыс. до н.э. (Сарианиди 1979). Широкий круг аналогий с Намазга V, Шах-тепе II, Гиссар IIIB, Мундичак IV определяет ее дату рубежом III—II тыс. до н.э. или раньше, если принять калиброванные радиоуглеродные датировки.

Культурный синтез, впервые засвидетельствованный в Заман-Бабе, затем становится характерной особенностью культур Средней Азии на протяжении всей исторической эпохи.

2. Культура юга Средней Азии II – начала I тыс. до н.э.

Культура Средней Азии по-прежнему делится на юг и север. Ко II тыс. до н.э. в Южной Туркмении относится этап Намазга VI (Pimpelly 1908; Массон 1959; Ганялин 1956б; Марущенко 1959; Щетенко 1999б). Дата этапа (XX) XVIII — XIII (XX) вв. до н.э. Население не смогло оправиться от кризиса. Число поселений уменьшается: Анау (южный холм), Намазга-депе, Теккем-депе, Елькен-депе. Их площадь не превышает 1—2 га. Но длительное развитие этапа отражает мощность культурных слоев; Намазга — 7 м, Теккем — 6 м.

Культура генетически связана с предшествующей Намазга V. Традиции сохраняются в архитектуре укрепленных поселений с кварталами многокомнатных домов и в изготовлении на гончарном круте не орнаментированной керамики, обожженной в двухъярусных горнах, в типах украшений и металлических изделий.

Основу экономики составляет ирригационное земледелие (найжены зерна ячменя, пшеницы, косточки винограда). Возрастает роль скотоводства: разводят крупный и мелкий рогатый скот, верблюдов-бактрианов, впервые появляется лошадь. В.М. Массон

(1959: 109, 110) отмечает прогресс в развитии ремесла и ирригации. Инновации отмечаются в сфере духовной культуры: появляются выделенные грунтовые могильники (Янги-Кала и Асгабат). Сохраняются связи с Индией, на что указывают находки каменных бус типа Джукхар с циркульным орнаментом. Но ориентация главных контактов меняется: устанавливаются связи с северными пастушескими племенами и широкое распространение получают высокоооловянистые бронзовые изделия андроновского типа.

Во II тыс. до н.э. центр земледельческой культуры смещается на восток. Еще в эпоху Намазга V и, возможно, даже IV, в дельте реки Мургаб (в будущем Маргиана) и в Северном Афганистане и юго-востоке Средней Азии по течению реки Окс (Аму-Дарья) формируется новый очаг древневосточной цивилизации: культура Окса, или БМАК (Бактрийско-Маргианский археологический комплекс) (Сарианиди 1990, 2001; Масимов 1979; Hiebert and oth. 1992; Francfort 1989, 1996; Lamberg-Karlovsky 1994a). Оба названия неудачны, так как культура Окса характеризует только Бактрию, а БМАК — только комплекс, хотя речь идет именно о культуре с несколькими вариантами.

Развитие этой культуры относится к концу (?) III—II тыс. до н.э. В Маргиане БМАК представлен столичным поселением Гонур и относящимся к нему могильником, поселениями Келелли, Тоголок 1, 21, 24, Аучин I, Тахирбай 3.

В Южной Бактрии к БМАК относятся поселения Гирдан-Тепе, Дашлы, Шортутай (этап В), многочисленные уничтоженные грабителями могильники, клад Фуллол, случайные находки (Сарианиди 1977, 1990; Sarianidi 1998a, 2001a,б, 2002; Francfort 1989; Amiet 1977, 1986, 1997; Pottier 1984; Tosi, Wardak 1972).

Происхождение культуры дискуссионно. А.П. Франкфор подчеркивает непрерывность жизни в Шортутае и сохранение на этапе В традиций культуры: Хараппа в строительной технике.

В.И. Сарианиди (1987) предполагал, что культура возникла в Восточном Иране, где она еще не открыта. Теперь он (Sarianidi 1998), вслед за Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Ивановым (1984), подчеркивает западные истоки, отмечая связи с Анатолией и даже Грецией.

Первоначально В.М. Массон (1989: 172, 173) предполагал, что освоение Мургаба было связано с кризисом культуры юга Туркмении в эпоху Намазга V, когда часть избыточного населения переселилась на Мургаб. Эта точка зрения представляется бесспорной. Решающим аргументом в ее пользу является сохранение в БМАК

традиций гончарного производства Намазга IV—V — изготовление светлоангобированной керамики, технология производства которой сохранится в Средней Азии вплоть до эпохи Александра Македонского (Кузьмина, 1971в, 1972; Kuzmina 1976a).

Керамический комплекс Средней Азии эпохи бронзы и Ахеменидов отличается от серо-черной полированной посуды северо-восточного Ирана (Шах-тепе, Гиссар), а также культур Белуджистана и Индии.

Второй компонент культуры БМАК — это Элам, что убедительно показал П. Амье (Amiet 1986, 1997). Решающее значение имеет сходство не отдельных типов изделий, а всего комплекса материальной культуры (специфические топоры с фигурным навершием, зеркала с антропоморфной ручкой, булавки, стеатитовые колонки и женские фигуры в эламском платье) и, главное, образцы искусства, отражающие духовную культуру общества. Как правило, их заимствование связано не с культурными влияниями, а с миграцией населения, приносящего новую идеологию. Этот вывод надежно подтверждает анализ семантики образов печатей (Клочков 1997; Антонова 2000; Francfort 1994). Что касается выявленных В.И. Сарияниди связей с Анатолией, то они, вероятно, отражают не миграцию, а широкие культурные связи, характерные для бронзового века всей Передней Азии (Amiet 1986; Lamberg-Karlovsky 1987, 1994; Hiebert F., Lamberg-Karlovsky 1992).

В развитии культуры Маргианы выделено несколько этапов, отражающих динамику освоения оазисов на Мургабе. Древнейшим был Келлелинский оазис (Масимов 1979). На поселении Келлели особенно ясно представлены традиции Намазга V. Расцвет культуры относится ко времени Гонур. По мнению В.И. Сарияниди, смещение дельты Мургаба к югу вызывает и перемещение населения. Самым поздним памятником эпохи бронзы является поселение Тахирбай 3, относящееся ко второй половине II тыс. до н.э. (Массон 1959).

Несколько позднее, чем в Маргиане и Южной Бактрии, происходит формирование культуры в Северной Бактрии. В Южном Узбекистане она представлена памятниками Моллали, Сапалли, Джаркутан, Бустан и другими. А. Аскаров выделяет их в культуру Сапалли. В действительности по всем культурно определяющим признакам они принадлежат к культуре Окса и могут рассматриваться только как ее локальный вариант. На основании стратиграфии керамики выделены этапы Сапалли и Джаркутан, датированные 1700—1300 гг.

до н.э. и отнесенные к финальному бронзовому веку этапы Кузели, Молали и Бустан (1300—900 гг. до н.э.) (Аскаров 1977: 101; Аскаров, Абдуллаев 1983: 40—44; Аскаров, Ширинов 1993). Представляется, что эта хронология нуждается в корректировке.

Культура Окса является вершиной развития земледельческой цивилизации бронзового века региона. Здесь выявлены рядовые поселения с многокомнатными домами и составляющие специфику культуры квадратные прямоугольные и круглые крепости с башнями и обводными коридорами (Келлели, Сапалли, Дашлы 1, 3), храмовые комплексы с алтарями, связанные с культом огня и галлюциногенных напитков (Тоголок 21, Джаркутан), дворцы с парадными залами (Гонур, Дашлы 3). Основу экономики составляло ирригационное земледелие, подсобное значение имело скотоводство, роль которого возросла к концу II тыс. до н.э.

Больших успехов достигло дифференцированное ремесло: открыты винодельни, мастерские по производству гончарной светлофонной неорнаментированной керамики разнообразных типов; мастерские по производству статуэток, каменных изделий, в том числе цилиндрических и плоских печатей. Особое развитие получила металлообработка. Руда поступала из Ирана (Рузанов 1982). Изготавливали орудия труда, оружие, сосуды с изображениями сцен охоты, животных, полиморфных существ, а также печати с крестовидным узором и образами богинь, животных, змей и драконов (Sarianidi 1998).

Существенные изменения произошли в идеологии. Выявлено четыре типа погребений: I — под полами домов; II — на заброшенных участках поселения — эти обряды сохраняют древнюю традицию Анау; III — в могильнике в яме, часто обложенной кирпичами, — они преобладают в Маргиане; IV — в Бактрии господствуют захоронения в катакомбе. Умершие лежат скорченно, на боку, при них поставлена посуда, иногда лежат часть туши барана и украшения. Выделяются очень богатые погребения, специфическую особенность составляют кенотафы, в которых иногда помещены баран или глиняная кукла.

Архитектура храмов и прикладное искусство отражают религиозную систему со сложными ритуалами и культом женского божества. Мифология БМАК входит в круг древневосточных верований и, судя по образам искусства, особенно близка пантеону Элама (Amiet 1977, 1997; Francfort 1994; Литвинский 1989; Клочков 1997; Антонова 2000).

Вопреки мнению многих западных ученых, культура Маргианы и Бактрианы продолжала развиваться во второй половине II тыс. до н.э. К этому времени принадлежат многие памятники Узбекистана, которые А. Аскарлов относит к этапам Джаркутан, Кузали, Моллали и Бустан. В эту эпоху устанавливаются активные контакты с создателями культуры Андронов.

3. Расселение пастушеских племен в Средней Азии

В то время как на юге развиваются земледельческие культуры Анау и БМАК, на севере в степях формируется культура Андронов, и ее носители устанавливают контакты с земледельцами и постепенно начинают продвижение на юг. Выделяется три этапа миграции пастушеских племен степей в Среднюю Азию в эпоху бронзы: I этап: Синташта — Петровка; II этап: развитые срубная и андроновская культурные общности. Последняя представлена алакульским, федоровским и смешанными типами памятников (карты 2, 5); III этап: позднесрубная и позднеандроновская культуры, характеризующиеся распространением керамики с налепным валиком. Количество северных памятников в Средней Азии неуклонно возрастает, и в эпоху финальной бронзы (XIII?) XII—IX вв. до н.э. они занимают всю территорию региона.

I этап: первая волна миграции андроновцев на юг

Большое значение для выяснения времени и судеб раннеандроновских племен имеет погребение Зардча-Халифа у Пянджикента недалеко от Саразма на левом берегу Зеравшана (Бобомуллов 1993; Бостонгухар 1998; Bobomullov 1997). Умерший лежит в овальной могиле длиной 3,1 м, глубиной 3,5 м скорченно, на правом боку, головой на СЗ, одна рука под головой, другая — на животе. У головы положен скелет рогатого барана. Этот обряд типичен для культуры Сапалли в Северной Бактрии (Аскарлов 1977: 138). В могиле найден богатый инвентарь (рис. 8). Керамика представлена тремя сделанными на гончарном круте розового цвета обжига шаровидными сосудами с узким горлом, подкошенным у двух экземпляров дном и тамгой на плечике у одного. Эта посуда аналогична керамике

джаркутанского этапа культуры Сапалли: могильника Джаркутан, отчасти Дашлы-3 (Аскаров 1977: рис. 31, 32; Аскаров и др. 1983: 7 табл. V, XXI. 7, XXVIII; Сарияниди 1977: рис. 27, 28).

В Бактрийско-Маргианском комплексе и в Иране находит параллели и друтой инвентарь. Аналоги бронзовому сосуду со сливом есть в Сапалли, Гиссаре III, Бактрии (Аскаров 1977: табл. XXVII, 15; Сарияниди 1977: рис. 41:9; Sarianidi 1988: fig.13; Amiet 1988: fig. 3c); бронзовому сосуду с рифленным горлышком — в Бактрии (Amiet 1988: fig. 11 b,d); височное кольцо с утолщениями на концах сходно с украшениями из Сапалли (Аскаров 1977: табл. XXXIX, 17, 19). К тому же круту принадлежат золотая чашечка, нож-бритва, черешковый кинжал с прямыми плечиками, бисер из золота и бирюзы. В комплекс входит каменный пест фаллической формы длиной 26,5 см, диаметром 4,5 см. Н. Бороффка (Boroffka 1998в: ab. 25) отнес его к андроновскому типу VB, близкому типу IV, характерному для Средней Азии периода Намазга V—VI и датировал 1800—1400 гг. до н.э. Сопоставление с Улут-Депе и Пархай позволяет принять дату 1800—1600 гг. до н.э.

Особый интерес представляет бронзовая булавка длиной 18 см, увенчанная фигуркой коня. Булавки с зооморфным навершием известны: Сапал-Тепе, Джаркутан, Дашлы-3, погребения Бактрии, Гиссар-III, клад Хак (Кузьмина 1966: табл. XVI; Аскаров 1977: табл. XLI, LVI, 5, 6; Сарияниди 1977: рис. 43, 44; Сарияниди 1988: табл. L1, L6; Аскаров и др. 1983: табл. XXI 1; Amiet 1988: fig. 12; Ligabue et al. 1988: fig. 83). Однако ни одного изображения лошади на навершии во всем земледельческом регионе мне не известно. Стилистически этот образ несколько напоминает изображения коней на золотом височном кольце из андроновского могильника Мыншункур (Кузьмина 1994: 256, рис. на с. 5), на ноже из Сейминского могильника (Бадер 1970: рис. 52) и навершии из Семипалатинска: сходны статичная поза, экстерьер, длинный хвост, трактовка гривы (рис. 9). В Зардча-Халифа найдены обломки 8 дисковидных псалиев, реконструированы — 6. Это костяные псалии диаметром 8 см с центральным большим отверстием, окруженным валиком и четырьмя цельными шипами (Bobomuloev 1997: 127, abb. 4: 1, 2). Они относятся к первому типу по моей классификации, представляющему исходную, наиболее архаичную форму (рис. 6; 7а, б), и характерны только для ранних синташтинских комплексов Урала: Синташта (Генинг и др. 1992: рис. 57: 8; Кузьмина 1994: 171—189, табл. 4, рис. 37) и Большекараганский (Боталов и др. 1996: 80, 81, рис. 17: 10; 18: 4). В Танабергрен (В. Ткачев 1998:

рис. 2: 10, 11) представлены псалии первого типа, но без валика, в Потаповском могильнике на Волге — с валиком, но с дополнительными отверстиями (Васильев и др. 1994: рис. 33:1; 42:3). С колесничным комплексом связана пара бронзовых удил с кольцами и муфтами на обоих концах длиной 11,5 и 12 см. Сопоставление их с удилами из Кайрак-Кумов (Bobomuloev 1997) не корректно. Аналогии им мне не известны. В отличие от переднеазиатских они не соединены.

Важнейшее значение имеет открытие под Самаркандом, рядом с полиметаллическим месторождением Зеравшанского хребта, поселения металлургов Тутай (Avanesova 1996в). Выявлены полуземлянка и металлургический комплекс, включающий круглые очаги, печи для выплавки руды, следы производства — руда, слитки, уголь, глиняные тигли. Найдены бронзовый кельт, каменный топор, молоток, стрелы. Наряду с металлообработкой население занималось скотоводством: обнаружены кости мелкого и крупного рогатого скота. Культурная атрибуция комплекса устанавливается по керамике, представленной 22 лепными сосудами (рис. 10, 11). Они петровского типа, серого и черного цвета, с орнаментом, выполненным зубчатым, иногда гусеничным штампом или шагающей гребенкой. Мотивы узора: зигзаг, треугольник, елка, часто до дна. У двух сосудов — следы матерчатого шаблона. В тесте горшков примесь раковины, а у двух — талька (Avanesova 1996: 122, фиг. 43, 44).

Открытие поселения Тутай — свидетельство ранней волны миграции андроновского населения. Присутствие в керамике примеси талька, специфичного для Урала, указывает, откуда пришло население в поисках новой рудной базы.

Для установления хронологии памятника решающее значение имеет находка в закрытом комплексе жилища фрагментов шести лепных высококачественных сосудов в виде открытых конических или полусферических чаш, одна из которых чернолощенная, другие — краснолощенные. Эта керамика принесена с соседнего земледельческого поселения Саразм, расположенного в 27 км от Тутая. Н.А. Аванесова (Avanesova 1996в: 120, fig. 41) отнесла ее к четвертому слою. Комплекс Тутая впервые дает возможность синхронизировать пастушескую раннеандоновскую культуру с земледельческой культурой Саразм, имеющей широкие связи на Древнем Востоке, в особенности с Белуджистаном и долиной Инда.

Анализ материалов Зардча-Халифа показывает, что большая часть артефактов относится к Бактрийско-Маргианскому комплек-

су, изображение же лошади на булавке и особенно псалии, принадлежащие варианту, характерному только для ранних синташтинских памятников Урала, позволяют установить ту зону, откуда в Средней Азии появились кони и колесницы, и рассматривать погребение в Зардча-Халифа, как и поселение Тутай, как отражение первой волны миграции индоиранцев на юг.

Каков абсолютный возраст этих памятников? Проблемы хронологии, составляющие стержень любых исторических построений, сейчас остро дискуссионны (Kuzmina 1998d). В отечественной науке хронология бронзового века строилась на основанной на микенской шкале западноевропейской системе путем привязки к ней степных памятников методом аналогий. В западной же археологии, в особенности древневосточной, утвердилось использование калиброванных дат C^{14} , начало чему положила статья К. Ренфрю 1968 г. «Уэссекс без Микен».

Основой хронологии памятников новокумакского горизонта была синхронизация:

1) по псалиям и орнаменту с шахтной гробницы IV Микен (рис. 5, 6), даты которой 1570—1550 гг. до н.э. составляют *terminus post quem* псалиев первого типа, определяя возраст горизонта XVII—XVI вв. до н.э. (Смирнов, Кузьмина 1977: 40—50);

2) по бляшкам с культурой Монтеору (Литвиненко 1996а; Ю. Матвеев 1996);

3) по сегментированным фаянсовым бусам с рядом культур Европы.

Сейчас происходит удревнение Микен на век на основании: 1) синхронизации с памятниками Египта и Ближнего Востока, 2) пересмотра схем Г. Каро и А. Фурумарка; 3) даты извержения вулкана на острове Санторин, установленной методом C^{14} (библиографию см. Кузьмина 1994: 179). Есть также тенденция удревнения традиционной хронологии памятников Средней Европы этапов A1—A2 по П. Рейнеке на основании данных дендрохронологии (Krause und all. 1989; Kroemer und all. 1993; Randsborg 1992; Kuniholm 1993, 1996). Разработанный в Европе перспективный метод дендрохронологии дает удревнение традиционных дат на один-два века, но они остаются моложе калиброванных радиоуглеродных. Калиброванные даты существенно расходятся с исторической хронологией Египта и Древнего Востока (Черных 1997) и дают слишком большой разброс (например, для могильника Синташта 2250—1390 гг.

до н.э. без калибровки, Кузьмина 1994: 372), что до сих пор вызывало сомнение в правомерности их использования.

Сейчас получена серия новых радиоуглеродных дат могильников Кривое Озеро, Потаповка, Утевка VI, что смещает новокумакский горизонт к рубежу III—II тыс. до н.э. (Виноградов 1995а; Anthony, Vinogradov 1995; Кузнецов 1996а; Трифонов 1996). Удревненные даты получены также для Сибири (Кирюшин 1991; Орлова 1995; Матвеев 1998). Однако не все исследователи принимают новую хронологию. Имеется 10 радиоуглеродных дат поселения Аркаим (8 лаборатория ГИН, 2 — Университет Аризоны) и еще 9 дат для других памятников Урала. «Основная зона доверительных интервалов соответствует XVIII—XVI вв. до н.э., хотя другая группа, в частности, для Кривого Озера — XXI—XX вв. до н.э.» (Зданович 1997: 60). Дата деталей колесницы могильника Сатан — 1557—1255 гг. до н.э. (Новожинов 1994: 160). Эти расхождения не позволяют пока сделать однозначный вывод.

Особенно существенны расхождения хронологических систем Средней Азии отечественных и западных специалистов. Хронология туркменских памятников была разработана В.М. Массоном и общепринята. В.И. Сарияниди (1977: 158) относит завершение формирования бактрийско-маргианского археологического комплекса в Афганистане к середине II тыс. до н.э. В Маргиане он (1990: 5) выделяет периоды: 1) келелийский — XIX—XVIII вв. до н.э., 2) гонурский — XVII—XV вв. до н.э., 3) тоголокский — XV—IX вв. до н.э. А. Аскарлов (1977: рис. 31) в Северной Бактрии датирует 1) сапаллийский этап 1700—1500 гг. до н.э., 2) джаркутанский — 1500—1350 гг. до н.э., 3) молалинский 1350—1000 гг. до н.э.; позже джаркутанский этап датирован третьей четвертью II тыс. до н.э., кузалинский XIII—XII вв. до н.э., а молалинский XI—X вв. до н.э. (Аскарлов и др. 1983: 33, 39, 42, 44). На традиционных датах настаивают Л.Б. Кирчо и С.Г. Попов (1998).

Эта хронология вызывает серьезную критику западных ученых, настаивающих на удревнении памятников примерно на 300—500 лет и датировке БМАК 2300—1500 гг. до н.э. (Francfort 1989: 241, 242; Hiebert 1993, 1994: 75—87; Lyonnet 1996: 16, 67; Gotzelt 1996).

Что касается возраста поселения Тутай, то Б. Лионне (Lyonnet 1996: 60, 68, 120) спорит с Н.А. Аванесовой, принимая раннюю дату керамики типа Саразма III тыс. до н.э. А.И. Исааков (1991б: 113, 115) на основе калиброванной даты относит четвертый слой Саразма к 2300—1900 гг. до н.э. Погребение Зардча-Халифа С. Бобомуло-

ев (1993: 63) отнес к раннему этапу Намазга VI, к Джаркутанскому этапу культуры Сапалли и датировал его следуя за А. Аскаровым 1700—1500 гг. до н.э., основываясь на дате по C^{14} 1650 ± 60 гг. до н.э., но позже он (1997: 132) сопоставил комплекс с Шах-Тепе IIa и Гиссар IIIc, принял калиброванную дату храма Джаркутана — 2034—1684 гг. до н.э. и отнес Зардча-Халифа к 2100—1700 гг. до н.э.

Таким образом, дата памятников новокумакского горизонта по европейской и среднеазиатской шкале совпадает: по традиционной хронологии они относятся к XVII—XVI вв. до н.э., синхронизируясь с Микенами; по новой микенской и европейской дендрохронологии периода бронза A2 — к XVIII—XVII вв. до н.э.; использование же калиброванных радиоуглеродных дат определяет их возраст и в Европе, и в Средней Азии XXI—XVIII вв. до н.э. Последняя дата подкрепляется новой радиоуглеродной датой псалия из Монтеору (Saharia 1990: 43).

Принятие калиброванных дат снимает вопрос о хронологическом предшествовании колесниц Передней Азии и утверждает за синташтинскими памятниками приоритет в распространении конных колесниц в Старом Свете.

II этап: расселение пастушеских племен в Средней Азии

В конце второй и третьей четверти II тыс. до н.э. сформировались племена срубной и андроновской общности алакульского типа на Урале (рис. 13, 14, 16) и в Западном Казахстане (рис. 12—16) и племена федоровского типа в Центральном и Восточном Казахстане. Они были крайне экстравертны, что было обусловлено особенностями экологии степей и хозяйственно-культурным типом. Истощение пастбищ вокруг поселка заставляло каждые 25 лет менять место поселения. Давление избыточного населения на ограниченные ресурсы степи требовало осваивать новые территории. Федоровские племена продвинулись в Сибирь (рис. 14). В Казахстане интенсивно шли процессы интеграции племен и формирования смешанных типов памятников (рис. 17, 18). Но главным направлением передвижений явились области Средней Азии, где особенно активно шли процессы культурных взаимодействий и ассимиляции как степных племен друг с другом, так и с южными земледельцами. Это привело к образованию многочисленных и весьма своеобразных типов памятников. Их смешанный характер вызывает трудности классификации и разногласия специалистов при их атрибуции.

Принадлежащие степному населению памятники объединяются терминами андроновские (Черников 1957: 30; Заднепровский 1966: 213; Грязнов 1970: 40; Аскарлов: 1962а: 3, 17; Гулямов и др. 1966: 187, 213; Аванесова 1979, 1991), тазабагьябско-андроновские (Массон: 1959: 116, 117; Аванесова 1985), степного типа (Кузьмина 1963в: 147, 154; 1988в: 35, 36; Мандельштам 1966а: 242, 243; Массон 1966б: 208, 261; Итина 1977а: 232). Последний термин целесообразно применять к сборам на развешенных стоянках, где керамический комплекс недостаточно информативен и не содержит диагностических признаков. Следует подчеркнуть, что вся керамика Средней Азии, за исключением типа Федорово, бедно орнаментирована: обычно декор располагается одной зоной — по плечу, реже — двумя зонами: по шейке и плечу. Такая зональность отражает или традиции памятников петровского типа или срубной культуры и отличается и от алакульского орнамента зонами на венчике и плече с пробелом на шейке и от федоровского принципа расположения декора на венчике, шейке и плече. Хотя для позднефедоровской посуды характерно обеднение декора и смещение зон орнамента.

По статистически устойчивой совокупности типов жилищ, погребального обряда и керамики в Средней Азии выделяется несколько самостоятельных культур: Бишкент-Вахш, Тазабагьяб, Андрон, Срубная и несколько типов памятников культурной общности Андроново.

Культура Тазабагьяб

Приаральский вариант

Культура выявлена к югу от Аральского моря в пустыне на древних пересохших руслах Амударьи (будущий Хорезм) (рис. 19). Открыто около 50 поселений: Кават 3; Ангка 5; Байрам-Казган, Кокча 15, 15а, 16, Джанбас 21 и могильник Кокча 3 (Толстов 1948; 1962; Итина 1961, 1967, 1977, 1978, 1986; Виноградов и др. 1968). Большие поселения отсутствуют, жилища расположены по два-три среди полей. Дом — полуземлянка площадью 7 — 12×10 — 14 м каркасно-столбовой конструкции. В центре помещен квадратный (редко — круглый) очаг с глиняным бортиком, хозяйственные ямы и зернотерки. Вход — коридор-пандус ведет к открытой террасе.

Основу экономики Хорезма, в отличие от других степных культур, составляло ирригационное земледелие. Каналы длиной 150—

200 м орошали небольшие прямоугольные поля (Андрианов 1969). Разводили крупный и особенно мелкий рогатый скот, лошадей и двугорбых верблюдов. Кратковременные стоянки в песках указывают на сложение отгонной формы скотоводства. Об использовании колесного транспорта свидетельствуют глиняные модели колес. Рудной базой были горы Букан-Тау и Тамды-Тау, где открыты древние выработки и медеплавильни (Итина 1977: 136, 137). Находки шлаков и каменных литейных форм указывают на металлообработку, носившую характер домашнего промысла. По типам изделий, особенно тесел и восьмеркообразных височных колец, Хорезм принадлежал к западно-андроновской металлургической провинции и был особенно близок очагу Еленовка-Ушкатта.

Керамика Хорезма лепная, представлена горшками андроновского типа с округлым плечом или уступом, биконическими горшками срубного типа, банками и специфическими сосудами с шаровидным туловом и узким горлом. 60% горшков украшены орнаментом, выполненным зубчатым (20%) или гладким штампом и резьбой. Кроме срубных и андроновских элементов геометрического декора есть специфические незамкнутые треугольники, треугольники с бахромой.

Бескурганный могильник Кокча 3 содержит около 100 погребений в грунтовых ямах. Умершие лежат скорченно, головой на запад, мужчины на правом, женщины на левом боку. Есть парные разнополюсные погребения. В головах стоит по одному, редко по два сосуда, на женщинах иногда надеты браслеты, височные кольца, бусы. О культах Хорезма свидетельствуют также глиняные фигурки лошади и верблюда.

Культурная атрибуция и происхождение памятников Хорезма дискуссионны: А. Аскарлов (1962а: 3, 17); Гулямов и др. 1966: 187, 213; Ю.А. Заднепровский (1966: 213), М.П. Грязнов (1970: 40), Аванесова (1979, 1985, 1991) относят эти памятники к андроновской культуре. Напротив, С.П. Толстов (1962: 57, 59) и М.А. Итина (1977: 139, 140, 176) выделяют их в особую культуру, сформировавшуюся в результате миграции срубных и андроновских племен, синтез которых произошел еще на Урале. Придя на плодородные земли Хорезма, степные племена вступили во взаимодействие с земледельческим населением — носителями местной культуры Суярган. Ее выделение сегодня представляется недостаточно аргументированным, но общая схема правильна. Закономерность выделения памятников Хорезма в особую тазабагыбскую культуру

подтверждается статистически устойчивым сочетанием признаков, отличающих ее от срубной и андроновской культур. В архитектуре это отсутствие больших помещений и особый тип жилища, в погребальном обряде это отсутствие курганов, каменных и деревянных конструкций, положение мужчин на правом боку; в керамическом комплексе это смешение срубных и андроновских форм сосудов, специфичный тип горшков с шаровидным туловом и узким горлом, местные типы орнаментов. Наконец, это совершенно особый хозяйственно-культурный тип с ирригационным земледелием. Хозяйственно-культурный тип хорошо адаптирован к экологическим условиям Хорезма.

Культура тазабагъяб была датирована исследователями XV—XI вв. до н.э. Верхняя дата определяется временем распространения культуры Амирабад, для которой характерна керамика с наlepным валиком.

В свете новых данных генезис и хронология культуры Тазабагъяб могут быть уточнены. Характерные для Хорезма биконические сосуды, расположение орнамента двумя зонами, господство мотивов елки и противолежащих треугольников, орнаментация шишечками и косыми треугольниками, декор на дне находят наиболее полные аналогии в керамическом комплексе памятников типа Петровка на Урале и в Западном Казахстане, откуда, вероятно, и произошла миграция, что позволяет удревнить время формирования культуры.

Сложный генезис формирования населения Хорезма подтверждают данные антропологии. Большая часть черепов принадлежит к типу населения Заволжья и Западного Казахстана, есть черепа близкие типам Южной Туркмении и Хараппы. Серия крайне смешана, что указывает на процессы ассимиляции (Трофимова 1961; Гинзбург и др. 1972: 86—88).

Чересполосно с тазабагъябскими расположены летние стоянки андроновских пастухов Джамбас и Кокча 19 с круглыми жилищами — протоюртами и керамикой типов Кожумберды и Сольилецк. Такая же посуда перекрывает тазабагъябский арык и культурный слой на поселениях Кокча 15, 16 (Итина 1977: 52, 57, 58, 79—82; 104—109, 119—121, рис. 22—24, 39, 40, 57, 59, 61). Это позволяет синхронизировать развитой этап культуры Тазабагъяб со вторым этапом андроновской культуры III четверти II тыс. до н.э.

Население Хорезма продолжало поддерживать также контакты с земледельцами БМАК. На поселениях Кокча 15, 15а и других най-

дены фрагменты типичных для этапа Намазга VI гончарных светлоангобированных сосудов с коническим дном (Итина 1977: 69, 72, 193, рис. 18.8; 1978: 525). Южное происхождение имеют также типы булавок с биспиральной головкой, серег с шишечками, глиняная пластика. Эти находки дают уникальную возможность синхронизировать с культурой древних земледельцев культуру Тазабагъяб, а через нее — и Андронову, и констатировать наличие широких культурных связей населения Хорезма.

Вариант Нижне-Зеравшанский

В пустыне Кызылкум к северу от Бухары, вдоль дельты Зеравшана, Махандарьи и озер Гуджайли-Гурдуш, Тускан, ныне пересохших, и в песках Каптарникум открыто 30 стоянок и могильники Гурдуш (Гуджайли) и Кызылкыр (рис. 20: 2—4, 6, 8—10; 21). На Кашкадарье зарегистрировано четыре стоянки, на Дарьясае — стоянка Мадами (Гулямов 1956: 149, 156; Гулямов и др. 1966; Аскаров 1962а,б, 1964, 1965; Кузьмина 1968б; Дукеев 1969; Аванесова 1985). Все памятники развеемы. Культурный слой сохранился на стоянках Пайкент 6, Гуджайли 9 и Большой Тускан 3. Тип домов не установлен, открыты очаги-костры, в Мадами — камни очагов и медеплавильни. Я.Г. Гулямов (1956) отмечал сходство с культурой Тазабагъяб. А.А. Аскаров (1962а: 3, 17; Гулямов и др. 1966: 187, 213, карта), Ю.А. Заднепровский (1966: 213), Н.А. Аванесова (1979, 1981, 1985) относят их к андроновской культуре. М.А. Итина (1967: 76, 79, 232) и я (Кузьмина 1988в: 307) обосновали их принадлежность к тазабагъябской культуре.

Основу экономики, как и в Хорезме, составляет ирригационное земледелие (открыты каналы, есть зернотерки). Найдены кости мелкого рогатого скота.

Типы металлических изделий принадлежат западно-андроновской металлургической провинции. Находки шлаков и состав металла, аналогичный рудам месторождений Нуратинских гор, указывают на существование самостоятельного металлургического очага (Богданова-Березовская и др. 1962: табл. 12; Кузьмина 1966: 91, 92).

Керамика по форме и орнаменту аналогична хорезмийской. 90% орнаментов выполнены гладким штампом. Но больше горшков с уступом алакульского типа и меньше шаровидных сосудов с узким горлом (рис. 21).

В пяти могилах бескурганного могильника Гурдуш (рис. 20: 9, 10) и погребении Кызылкыр погребенные лежат в грунтовых ямах

скорченно, головой на запад, на левом боку в сопровождении одного-двух сосудов, на женщинах надеты браслеты, восьмеркообразные серьги, бусы на сапожках, ожерелья из цветных камней.

Сходство культурно-определяющих признаков: типа поселений, погребального обряда и, главное, керамического комплекса, а также культурно-хозяйственного типа позволяет включить памятники Нижнего Зеравшана в ареал культуры Тазабагыб. Культура Зеравшана сформировалась в результате расселения на юг или западно-андроновских племен, или уже сложившихся тазабагыбцев. Пришельцы сменили более древнее население культуры Заман-Баба. Его участие в этногенезе проявляется в сохранении сосудов яйцевидной формы и небольших горшков с раздутыми боками и цилиндрическим горлом, типе каменных лавролистных стрел и разнообразных бус из мрамора, сердолика, бирюзы, лазурита, в том числе крестовидных. Дата памятников устанавливается третьей четвертью II тыс. до н.э. на основании аналогий с Хорезмом и отсутствия в керамических комплексах керамики с наlepным валиком.

Памятники Среднего Зеравшана

Этнокультурная карта района Самарканда необычайно пестра. В могильнике Муминабад алакульский обряд погребения — скорченно, головой на запад — сочетается с биконическим сосудом срубного типа и богатым набором украшений (браслеты, височные кольца, перстни, многочисленные бусы, нашитые на одежду и обувь), зеркало с ручкой-петелькой и федоровские серьги с раструбом (Лев 1966; Аскарлов 1969, 1970).

В могильнике Чакка типично срубный погребальный обряд (земляной курган, скорченное погребение головой на север) сочетается с биконическим сосудом срубного типа и горшком с округлым плечом андроновского типа, а также с типично андроновскими браслетами с конической спиралью и серьгой с раструбом (Крикис 1975).

Столь же смешанный характер имеют погребения Сиаб (рис. 32), Сайгус, со стоянки в колхозе Энгельса и в кроющем смешанном слое поселения неолитической эпохи Сазаган II (рис. 30: 7, 10—12). На поселении Сайгус открыты очаги, кости животных, андроновская серьга с раструбом и керамика типа Федорово, которая сочетается с типологически более поздней посудой культуры Бургулюк (Джуракулов, Аванесова 1984: 32—39). Неудачной представляется попытка Н.А. Аванесовой (2004) отнести к разным хронологическим этапам

андроновской общности единичные фрагменты керамики Афраси-аба, абсолютно лишенные диагностических признаков (рис. 32: 8—21). Все их можно датировать третьей четвертью II тыс. до н.э.

Синкретический характер памятников не позволяет выделить специфичные для определенной культуры или варианта устойчивые признаки погребального обряда и керамики. Это не дает оснований принять выделение Н.А. Аванесовой (1985: 39) памятников Зеравшана как Самаркандской, так и Бухарской областей в единый зеравшанский вариант андроновско-тазабагъябской общности, а позволяет констатировать только процессы интеграции разных групп срубного и андроновского населения в третьей четверти II тыс. до н.э., особенно в его конце.

Анализ бронз Муминабада с высоким содержанием олова указывает на разработку касситерита в руднике Зерабулак (Наумов 1972). Источником олова для всего Зеравшана было богатое месторождение Карнаб, где открыты древние рудники Карнаб, Лапас и Чангали и рядом поселение. На нем выявлены четыре жилища металлургов с каменными фундаментами и очагами, аналогичные андроновским. Найдены каменные орудия и керамика (Parzinger, Boroffka 2001: 12—17).

К группе памятников окрестностей Самарканда можно причислить также случайные находки у селения Джам к юго-западу от Самарканда (рис. 31: 1—11), включающие изделия типа БМАК: два сосуда, плоское зеркало и зеркало с выступающей ручкой и бортиком с геометрическим орнаментом, булавку с оленем на навершии, тесло с двумя лезвиями, а также андроновскую двулопастную стрелу с выступающей втулкой. Найден также комплекс андроновских украшений, возможно, происходящих из могилы, включающий федоровские серьги с раструбом, височное кольцо с несомкнутыми концами, бусы (Avanesova 2001: 63—73, fig. 2—4) (рис. 31). Эти находки подтверждают существование на Среднем Зеравшане земледельцев БМАК и андроновского федоровского населения.

Памятники Ташкентского оазиса

Памятники региона изучены крайне слабо. Оазис, находившийся на перекрестке миграционных путей, был зоной активных контактов.

Памятники срубной культуры

К этой культуре относятся земляной курган в Янгиюле с захоронением в грунтовой могиле скорченно, на правом боку, головой

на восток в сопровождении охры и позднесрубного горшка без орнамента (рис. 20: 5); три погребения у Сараагачских Минвод, где умершие лежали скорченно головой на север вместе с неорнаментированными горшками позднесрубного типа; земляной курган с ингумацией и сосудами на Никифоровских землях в Ташкенте; погребение в Ореховском со срубным биконическим горшком с елочным орнаментом (рис. 22: 8) (Тереножкин 1940: 91; Оболдуева 1955: рис. 62). К кругу срубных памятников принадлежат топор и тесло из клада Чимбайлык, включающего слиток меди. Состав металла указывает на существование в оазисе самостоятельного очага металлообработки, работавшего на базе полиметаллического месторождения Карамазар (Кузьмина 1966: 93). Ташкентский оазис был восточным форпостом распространения срубной общности.

Памятники Андроновской культуры

К культуре Андроновского типа Федорово принадлежит несколько погребений во Вревской, содержащих остатки пережитых костей (животных?) и сосуды, в том числе вазообразный горшок с орнаментом мелкозубчатым штампом (рис. 20: 7) (Воронец 1951: 68; Литвинский 1962: 109).

Позднефедоровское население обитало также в окружавших Ташкентский оазис горах. На реке Чирчик в Аурахмате и Искандере открыты курганы с каменной насыпью, с погребениями по обряду ингумации. На женщинах надето по четыре-пять браслетов с литыми рожками. Они типичны для восточно-андроновской металлургической провинции и датируются не ранее XIII в. до н.э.

В Бричмулле и Газалькенте также есть курганы с труположением (Воронец 1948, 1951: 68, 69; Литвинский 1962: 109; Кузьмина 1966: 71, 72; Рахимов 1970: 41; Дуке 1979: 44, рис. 45).

Позднефедоровские горшки найдены в Зангиате, на дороге Ташкент — Чимкент (рис. 17а: 5). О других памятниках оазиса информация неполна и керамический комплекс недостаточно выразителен, чтобы установить их культурную принадлежность. Это стоянки Серкали, погребения Ходжикент и Кызыл-Ту, находки сосудов в Ангрене, Ак-тепе II (рис. 20: 5), Чильдухтарон, Бричмулла, Ахангаран (Литвинский 1962: табл. 109; Максимова и др. 1968: 8, рис. на с.; Рахимов 1970; Дуке 1982а,б: 83, 84; Аванесова 1985: 38; Древности Червака 1976: 36, 41, рис. 8: 17). Они позволяют включить оазис в ареал расселения степных племен.

Ни раннефедоровские, ни раннесрубные комплексы в Ташкентском оазисе пока не выявлены. Дата памятников — конец третьей четверти II тыс. до н.э. Верхний рубеж — XI в. до н.э. — время распространения новой культуры Бургулюк (Дуке 1969, 1979, 1982).

Андроновские памятники Федоровского типа в Киргизии

Переход части андроновских племен к отгонной форме скотоводства позволил пастушеским племенам впервые подняться на горные пастбища. Самый высокогорный андроновский могильник Арпа расположен на Тянь-Шане на высоте 3000 м над уровнем моря. Федоровское погребение открыто в Пригородном у города Бишкек, сосуд найден на Иссык-Куле (рис. 24а: 15, 16) (Бернштам 1952: 19, 20, рис. 7; Кожемяко 1960: 103, 104, рис. 16, 17).

В Арпа выявлено 15 курганов с насыпью из гальки и земли диаметром 12—13 м, высотой 0,3—0,6 м, перекрывающей круглые, квадратные или прямоугольные ограды из поставленных на ребро плит. Погребальный обряд — кремация. В могилах стоит по два-три сосуда (рис. 24а: 17, 18), в одной — два браслета, шестеренкообразные бусы и ребристые пастовые пронизы. В Пригородном надмогильное сооружение не сохранилось, в яме совершено погребение скорченно, на левом боку, головой на запад. В могиле найдены сосуд, височные серьги, бусы, раковина.

Каменные сооружения, обряды кремации и ингумации, украшения типичны для памятников федоровского типа. Лощеные черно-коричневые горшки с округлым плечом, украшены типично федоровским орнаментом в виде косых треугольников, флажков, меандра, иксообразных фигур, выполненных зубчатым штампом.

Дата памятников Тянь-Шаня — третья четверть II тыс. до н.э. устанавливается на основании аналогий просверленной раковине, бусам и пронизкам в андроновских и срубных комплексах.

Генезис памятников Тянь-Шаня связан с федоровскими памятниками Центрального Казахстана, который соединяли с Киргизией реки Чу и Или. Комплексы Тянь-Шаня — древнейшее свидетельство освоения высокогорий пастушескими племенами.

* * *

Проникновение в Киргизию группы населения алакульского типа демонстрирует небольшая коллекция керамики со стоянки у крепости Беловодской (Кузьмина, Мокрынин 1985). В Южном Казах-

стане в Семиречье открыт могильник Капа, в керамике которого господствуют алакульские черты (Карабаспакова 1991).

Андроновские памятники Семиреченского типа

Памятники этого типа представлены в Киргизии, Южном Казахстане и Южной Фергане, почему более корректно было бы называть его семиреченско-ферганским.

Ранние памятники зафиксированы в северо-восточном Семиречье: могильники Талапты I, II, Куйган II, Мыншункур III, IV (Карабаспакова 1987, 1989, 1991). Они демонстрируют смешение алакульских (сосуды с уступом) и явно преобладающих федоровских черт в погребальном обряде (цисты, сочетание кремации и ингумации) и керамике (сосуды с округлым плечом). К типу Федорова принадлежит височное кольцо с двумя конями, аналогичными лошадям на ноже из Сеймы, что определяет дату этих памятников. Они генетически связаны с Центральным Казахстаном.

К собственно семиреченскому более позднему типу принадлежат памятники трех локальных групп: Семиречье, Северо-Восточный Тянь-Шань, Южная Фергана.

Памятники Семиречья

В Южном Казахстане исследованы могильники Кара-Кудук, Алакуль и Коктума (Максимова 1961; Кушаев 1968), в Киргизии — Таш-Тюбе II, Таш-Башет, Беш-Таш, Тегирман-сай, Джазы-Кечу, Каракмат, Джал-Арык, Кулан-сай, Кызыл-сай, Чон-Кемин (рис. 23, 24) (Кожемяко 1960; Абетеков 1963; Кузьмина 1970; Кожомбердыев, Галочкина 1969, 1972, 1977, 1996; Галочкина, Кожомбердыев 1995), большая коллекция керамики и металлических изделий, найденных на Большом Чуйском канале (Бернштам 1950: табл. XLVIII: 7—10), также поселения Бишкек, Каинда, Джал-Арык (Тереножкин 1935; Бернштам 1950: 105, табл. XXIX; XXX; Кожомбердыев, Галочкина 1970: 40; 1977: 12).

В Джал-Арыке выявлены следы построек из самана (глины с примесью соломы), большие кострища и зольники и керамика.

В могильниках сочетаются разные типы сооружений: господствуют каменные квадратные, круглые, овальные, прямоугольные ограды (3×3 до 5×5 м²), иногда они смыкаются (рис. 23а: 42) (Кузьмина 1994: рис. 1: типы IIIA, IVA; VIIA; VIIIA) или имеют несколько пристроек. В центре ограды находится могильная яма (0,7—1,4×1,4—2,2

м²) или каменный ящик, в одном случае (Алакуль) — деревянный сруб. Иногда камнями обложен верх могилы. Ямы иногда забутованы щебнем, стены и дно обмазаны глиной (Беш-Таш).

В Казахстане выявлены пока только трупоположения. В Киргизии в могильниках Кулан-сай и Кызыл-сай — также только ингумация, остальные могильники биритуальны, кремация и ингумация сосуществуют в одной ограде и даже яме. Умершие предположительно положены скорченно? на левом боку? головой на запад. Сожжения выявлены в 70—80% могил.

При обоих обрядах инвентарь одинаков: сосуды, серьги с рас-трубом, часто обложенные золотым листом (Таш-Тюбе, Таш-Башат, Тегирмен-сай, Кок-Тума), серьги с конической спиралью (Джазы-Кечу), браслеты, круглые бляшки, литые и кованые бусы, подвески (рис. 23: А, Б), иглы, шилья, однолезвийный нож (Таш-Тюбе).

Преобладают горшки с округлым плечом позднефедоровского типа, реже — с уступом, есть банки (рис. 23; 24а). Большинство сосудов не орнаментировано. Орнамент нанесен на плечике, изредка на шейке, гладким или зубчатым штампом. Это зигзаги, насечки, однажды — ромбы.

На поселении Джал-Арык та же посуда сочетается с грубыми сосудами с раздутыми боками и сложно профилированными венчиками, иногда с насечками по краю венчика и зигзагом и елкой по плечу (рис. 24а: 13), а в Каинде и пунктах на Большом Чуйском канале также с сосудами с налепными валиками типов Алексеевка и Донгал. Хронологию памятников XIII—IX вв. до н.э., в основном — XI—IX вв. до н.э. определяют, во-первых, находки на поселениях керамики типа Алексеевка и Донгал однолезвийного ножа, литых бус, во-вторых, забутовка и обмазка могил пахсой, — этот обычай появляется в Центральном Казахстане в раннедандыбаевскую эпоху (Маргулан и др. 1966: 160—164).

Исследователи единодушно относят памятники Семиречья к андроновской культуре.

Мной было предложено выделить их в особый тип и обоснована их датировка эпохой поздней бронзы (Кузьмина 1970: 44—48), что было принято И. Кожомбердиевым и Н.Г. Галочкиной (1972: 39; 1977: 12, 36).

Заселение Семиречья происходило из Центрального Казахстана. Семиреченский тип сложился, вероятно, в результате ассимиляции ранее пришедшего федоровского населения и групп алакульцев. Сме-

шанное население унаследовало от своих федоровских предков каменные конструкции, обряд кремации, форму горшков без уступа и технику их формовки, начиная с круглого дна, височные кольца с раструбом. Алакульские традиции проявились в форме горшков с уступом и орнаментации гладким штампом. Контакты с Центральным Казахстаном продолжались в эпоху поздней бронзы, когда в Семиречье распространилась керамика с налепным валиком и обычай забутовки и обмазки могил. Наибольшую близость могильники Семиречья имеют с могильником Айдарлы в Центральном Казахстане. Там в квадратных каменных оградах в каменных ящиках открыты скорченные погребения головой на запад. Преобладает неорнаментированная керамика и изредка сосуды с налепным валиком и типа Дандыбай-Бегазы (Маргулан и др. 1966: 183—186, табл. XVIII; XIX, рис. 93, 94).

В отличие от Центрального Казахстана, где в эпоху финальной бронзы под влиянием Карасукской культуры сформировалась культура Дандыбай, влияние культуры Карасук в Киргизии почти не прослеживается, вопреки мнению А.Н. Бернштама (1950: 106), выделившего карасукский этап. Только в погребении Воронцовка найден однолезвийный нож с тавровидным сечением рукояти и один карасукский сосуд, а на поселении Джаильма несколько карасукских фрагментов входят в комплекс позднеандроновской керамики с налепным валиком.

Поздние семиреченские памятники явились прямой генетической основой культуры ираноязычных саков, что доказывают сохранение в раннем железном веке андроновских традиций и единство антропологического типа.

Основу экономики племен Семиречья составляло отгонное скотоводство, что доказывает топография большинства могильников, расположенных на горных склонах и высокогорьях. Сезонные перекочевки предопределили возможность дальних миграций андроновцев и переход к кочевому скотоводству саков.

Другой важнейшей отраслью было металлургическое производство. Семиреченским племенам принадлежат клады Южного Казахстана Алексеевский, Каменное Плато, Турксиб (Акишев, Кушаев 1963) и Киргизии Сукулук I, II, Садовое, Иссыкуль, Шамши (рис. 59а), Туюк (рис. 59б), Каракол I, II и многочисленные случайные находки (Бернштам 1941, 1950, 1952; Зима 1948; Кибиров и др. 1956; Кузьмина 1961а, в, 1965б, 1966: 94—98, 1968а; Винник, Кузьмина 1981; Кожомбердиев, Кузьмина 1980; Дегтярева 1985а, б).

Типы изделий разнообразны: вислообушные топоры с гребнем, желобчатые и клиновидные долота, тесла с уступом, серпы-косари, серпы со свернутой втулкой и закраинами, кельты, кельты-молотки, кельты-лопатки, кирки, разнообразные ножи, копья втульчатые с прорезями и черешковые, секиры, кинжалы, двулопастные стрелы, украшения. Они датируются XIII—IX вв. до н.э. на основании сопряженности в комплексах типов, находящих аналогии в позднебронзовых комплексах степей Евразии (Кузьмина 1965б, 1966: 94—95). Это позволяет установить широкие культурные связи Семиречья в эпоху поздней бронзы.

Клады Сукулук II, Каракол II и Иссык-Куль типологически выделяются в позднюю группу XI—IX вв. до н.э.

По типам металл Семиречья принадлежит Восточно-Андроновской металлургической провинции (Кузьмина 1965, 1966: 95) и составляет в ее пределах самостоятельный металлургический очаг. Это документируют находки литейной формы (Александровское), кладов литейщиков (Сукулук II, Каракол II) и специфический состав металла, соответствующий составу полиметаллических руд месторождений Акташ, Кетмень-Тюбе, на Иссык-Куле, реке Чу, около Алматы.

Появление семейных кладов, включающих разнотипные орудия, отражает социальную стратификацию населения Семиречья. Факт зарытия кладов указывает на то, что эпоха поздней бронзы была периодом усилившихся военных столкновений пастушеских племен за рудные месторождения и плодородные пастбища. Эти процессы были связаны с экологическим кризисом, ускорившим переход к отгонному скотоводству и освоение новых экологических ниш в горах, то есть вертикальное кочевание. В результате были проложены маршруты, в частности — в Синьцзян по реке Или и через Джунгарские ворота, по трассам будущего Великого Шелкового пути (Кузьмина 1998б, 2001; Kuzmina 1998a, 2001d; Сала 1999).

Памятники северо-восточного Тянь-Шаня

В горах северо-восточного Тянь-Шаня открыты поселения Талапты, Тургень I, II и Узунбулак (рис. 24б), Асы. В Асы на высоте 2400 м над уровнем моря раскопан большой дом. Стены жилища-полужемлянки сложены из камней и укреплены столбами, в центре выявлены очаги и керамика. В ущельях Ой-Джайляу и Тамгалы исследованы могильники Кульсай I, Узунбулак I, Кызылбулак I, II, Тамгалы I—VI (Марьяшев, Горячев 1993 а,б, 1999, 2001; Рогожинский 1999).

Выделяются памятники двух этапов. В Тамгалы открыты каменные прямоугольные и округлые ограды, иногда курганы из галечника (типы IIIA, IVA, VIIA). В центре находится каменный ящик. Захоронения совершены по обряду ингумации скорченно, на левом боку, головой на запад. Особый интерес представляют три захоронения в больших глиняных сосудах. Аналогичный ритуал описан в арийских Ведах (см. ниже). Многочисленны кенотафы.

В могилах найдены сосуды, круглые височные кольца, бусы. Керамический комплекс разнообразен: I — горшки типа Федорово с округлым плечом и богатым орнаментом, выполненным по косой сетке зубчатым штампом. Декор нанесен по трем зонам. Это косые треугольники, флажки, иксообразные фигуры, каннелюры. II тип составляют грубые горшки с округлым плечом, III тип — банки. Два последних типа лишены декора или орнаментированы в верхней части горизонтальными зигзагами, нанесенными гладким штампом. Один сосуд украшен наклепным валиком. Дата могильников этого типа определяется XIII—XII вв. до н.э. на основании сохранения федоровских круглых височных колец, федоровских традиций гончарства, наряду с господствующим керамическим комплексом, характерным уже для типа Алексеевка эпохи поздней бронзы. Для этого времени типична также трапециевидная форма некоторых ящиков.

Вторую группу составляют могильники Кулсай, Узунбулак, Кызылбулак I, II. В них выявлены прямоугольные, часто смыкающиеся ограды из камней, уложенных горизонтально в 2—3 ряда, или из плит, врытых на ребро (типы IVA, Б, VIII А, Б). Могила содержит рамы из бревен тянь-шаньской ели и сверху перекрыты деревом. Основные захоронения совершены по обряду кремации, в периферийных могилах, особенно детских, обычен обряд ингумации. Известно одиночное и однопарное погребение кремированных останков, помещенных в больших глиняных горшках (Горячев 2001: 53, рис. 7: 1, 2).

Аналогии этому обряду известны в могильниках Тамгалы VI на Тянь-Шане, Шет I в Центральном Казахстане, в Северной Бактрии и Северном Пакистане (см. ниже).

В могилах найдены керамика, серьги с раструбом, подвески, бусы, бляшки с петелькой (Горячев 2001: 56, рис. 9).

Керамика включает горшки с округлым плечом федоровского типа, реже сосуды с уступом, миски и банки. Посуда не орнаментирована. Этот керамический комплекс характерен для могильников

всего Семиречья эпохи финальной бронзы, что позволяет датировать эти могильники XI—IX вв. до н.э. К той же эпохе относится посуда соседних поселений Тургенъ I и Асы, сопоставимая с керамикой типа Донгал и Трушниково в Восточном Казахстане (Марьяшев 2001: 96).

Эту группу памятников А.Н. Марьяшев и А.А. Горячев (1993, 1999); Горячев (2001) предлагают выделить в особую культуру Кульсай, отмечая аналогии в федоровских памятниках Сибири (Горячев 2001: 72) и Центрального и Восточного Казахстана (Марьяшев 2001: 96). Мне представляется, что эти могильники составляют лишь локальный вариант андроновского семиреченского типа, с которым их роднят все культурно-определяющие признаки: погребальный обряд, керамика, украшения. Происхождение этих памятников, по-видимому, связано в основном с Центральным Казахстаном, поскольку в Сибири и Восточном Казахстане господствовал обряд ингумации.

Значение открытия памятников Северного Тянь-Шаня состоит в том, что здесь прослежена динамика становления кочевой формы скотоводства на высокогорьях.

Важно отметить также, что здесь установлена бесспорная связь поселений и могильников с петроглифами, что впервые дало надежные основания датировать петроглифы и связать с культурой Андроново (Марьяшев, Рогожинский 1991; Марьяшев, Горячев 1998; Maryashev et al. 1998; Francfort et al. 1997; Рогожинский 2001).

Памятники Южной Ферганы

В Фергане открыты могильники Вуадиль, Карамкуль, Арсиф, Кашкарчи, Япаги, Чек, Ташкуртан, Урюкзор; керамика найдена в Шор-тепе, Оше и Ошской области (Гамбург, Горбунова 1956, 1957; Горбунова 1972, 1979, 1995; Пиотровский 1973; Иванов 1988). С этими памятниками связаны случайные находки кельтов, кельтовлопатов, браслетов с рожками, серег с раструбом (Заднепровский 1962, 1994, 1997; Литвинский 1962; Кузьмина 1966).

В могильниках сочетаются разные типы сооружений: господствуют — каменные круглые, квадратные и прямоугольные, иногда смыкающиеся ограды (Кузьмина 1994: рис. 1: IIIA, IVA; VIIA); изредка встречаются курганы с насыпью из земли и щебня (тип IIA), окруженные каменным кольцом; известны каменные ящики, без ограды. Захоронения совершены в каменных ящиках, иногда перекрытых плитами. Отличительную особенность ферганских мо-

гильников составляют погребения в катакомбах (Япаги, Кашкарчи, Урюкзор). Все захоронения совершены по обряду трупоположения скорченно, головой на запад (Карамкуль, Япаги), а в одной могиле на восток (Вуадиль). В могиле есть по одному сосуду и иногда украшения: серьги с раструбом (Вуадиль), серьги с конической спиралью (Япаги), браслет (Кашкарчи) и браслет из бус (Вуадиль), в Кашкарчи — двулезвийный нож и шило, в Вуадиле — стрела.

Сосуды с округлым плечом и короткой шейкой. До 50% их орнаментировано. Орнамент нанесен на плечике резьбой или гладким, очень редко гребенчатым штампом в виде зигзагов, елки, треугольников и вдавлений. Эта керамика является поздним дериватом федоровских форм. В Вуадиле и Кашкарчи найдены также сосуды с валиком, характерные для эпохи финальной бронзы. В Ташкургане обнаружена керамика культуры Чуст.

Дата памятников — эпоха финальной бронзы, в основном, X—IX вв. до н.э. — устанавливается по керамическому комплексу, пуговице из Кашкарчи и двулопастной стреле со скрытой втулкой из Вуадила. Б.З. Гамбург и Н.Г. Горбунов (1957) отнесли могильники к позднеандроновской культуре, Б.А. Литвинский (1962: 287—289; 1983: 157) к культуре Кайракум. Н.Г. Горбунова (1995: 23) — к кайракумскому варианту андроновской культуры. Я подчеркивала их близость к памятникам Семиреченского типа Киргизии (1970: 45). Их происхождение, вероятно, связано с расселением на юг позднеандроновских племен из Центрального Казахстана или Семиречья. Н.Г. Горбунова (1995: 23), анализируя специфичный для Ферганы обряд захоронения в катакомбах, подчеркивает вероятность южного компонента в этногенезе. Формирование культуры Ферганы Раннего Железного Века (Эйлатанский этап) произошло, вероятно, в результате скрещения позднеандроновского населения с носителями культуры Чуст.

Большинство могильников расположено на горных склонах, что указывает на полукочевой образ жизни пастухов Ферганы.

Андроновские памятники Кайракумского типа (Фергана)

На берегу Сырдарьи в Кайракумах обнаружено 70 поселений и производственных комплексов и могильники Ходжи-Ягона, Дахана, Дашти-Ашт (Литвинский 1960, 1962, 1963; Салтовская 1978: 95, 96). Часть поселений относится к раннему железному веку. Комплексы бронзового века выявлены на поселениях 6, 12, 16, 35.

К кайракумскому типу относятся также пещера Ак-Танги и находки керамики на Большом Ферганском канале и у города Сулейман-Тау и многочисленные находки металлических изделий: кельтов-лопатоk, серег с раструбом, браслетов с рожками (Заднепровский 1962: 51; 1999; Литвинский 1962; Кузьмина 1966: 94).

Поселения обычно невелики: 0,1—0,3 га. Все они полуразвешены. Тип жилищ установить не удалось. Выявлены цепочки каменных очагов, что позволяет реконструировать типично андроновское жилище длиной до 20 м. За пределами поселков открыты производственные комплексы для плавки руды, где найдены скопления руды и шлаков весом до 1,5—2 тонн. На поселении 16 найдены литейные формы кирпичи и топора с гребнем. Основу хозяйственно-культурного типа составляли металлургия и металлообработка.

Судя по размерам работ, металлургическое производство выделилось в специализированное ремесло. Источниками меди были месторождения Наукат и Карамазар. Ферганский металлургический очаг принадлежал к восточно-андоновской металлургической провинции, для которой характерны вислообушные топоры с гребнем, кирпичи, кельты-лопатки, серьги с раструбом, браслеты с рожками (Кузьмина 1966: 94) (Рис. 30: 3, 4).

Второй отраслью экономики было скотоводство. Найдены кости крупного и мелкого рогатого скота и лошади. На существование охоты указывают кости джейрана, на рыболовство — находка рыболовного крючка.

Керамика Кайракумского типа лепная, иногда сделана на матерчатом шаблоне. Горшки имеют округлое плечо и отогнутый короткий венчик, часто сложно профилированный. Встречаются сосуды с раздутыми боками. На поздних памятниках есть также сосуды с горизонтальными ручками и чайники. Одна десятая часть посуды орнаментирована, 50% орнаментов выполнены гребенчатым штампом. Орнамент располагается одной зоной под венчиком, изредка — также на плечике. Господствуют примитивные мотивы: зигзаг, елка, вдавления.

В могильнике Ходжи-Ягона открыты каменные ящики из поставленных на ребро плит, ориентированные на север. Погребения по обряду трупоположения сопровождаются сосудами, аналогичными поселенческим, браслетом, бляшкой, бусами (Литвинский 1962: 117—118, табл. 55). В могильнике Дахана погребения совершены в каменных ящиках, сложенных из горизонтально уложен-

ных плит, ящики выступают на поверхность, они ориентированы на запад и юго-запад. В захоронениях по обряду ингумации найдено по одному сосуду, бронзовая серьга с раструбом, каменная пуговица (Литвинский 1960, 1962: 158—164, рис. 39—40). К концу эпохи относится могильник Дашти-Ашт. В каменных курганах диаметром 4—12 м, высотой 0,4—1,5 м в центре на уровне горизонта находится каменный ящик из плит, поставленных на ребро или уложенных плашмя, содержащий вытянутое на спине погребение головой на запад. В погребениях найдены сосуды типа Кайракум и культуры Чуст, серьга, бляха (Салтовская 1978: 95—96).

Б.А. Литвинский (1962: 246, 248; 1963: 109, 121, 124) выделил все памятники Ферганы в культуру Кайракум, к которой отнес также комплексы Ташкентского оазиса и Махан-Дарьи. Эта атрибуция представляется неточной (Итина 1967: 78; 1977: 233; Кузьмина 1966: 94; 1968б). Позднее (1963: 157) он отнес к кайракумской культуре только памятники Ферганы. Н.Г. Горбунова (1995: 23) допускает объединение всех памятников Ферганы, включая и южно-ферганские могильники (см. выше), в кайракумский вариант андроновской культуры. Диагностически значимые признаки: тип большого дома, захоронение в каменных ящиках, западная ориентировка, технология изготовления керамики на матерчатом шаблоне, формы и орнаменты керамики, серьги с раструбом, — все это специфически андроновские признаки. Это позволяет выделить кайракумские памятники в особый тип общности Андроново.

Имеющиеся отличия и в обряде, и в керамике, с моей точки зрения, отражают не культурные, а хронологические особенности. Ранние андроновские признаки в кайракумской керамике отсутствуют. Датировка стоянок XIII—IX вв. до н.э. устанавливается на основании топора с гребнем, керамики со сложно профилированными венчиками. Дату началом I тыс. до н.э. определяет находка в могильнике Дахана блоковидной пуговицы, в Дашти-Ашт и Такыри-Ягона — сосудов культуры Чуст. Кайракумская керамика найдена также на чустском поселении Ташкуртан. Генезис памятников типа Кайракум, вероятно, связан с миграцией восточно-андроновского населения, на что указывают погребальный обряд и восточно-андроновские типы металлических изделий: топоры с гребнем, серьги с раструбом. Особенно показательно сходство с памятниками семиреченского типа.

Пастушеские памятники Закаспия и Туркмении

Северо-восточный Прикаспий, соединяющий Европу и Азию, играл большую роль в истории трансевразийских миграций. Ныне это пустыня, в древности экология зоны определялась трансгрессиями Каспийского моря: когда уровень воды в море поднимался, повышался и уровень подземных вод, и район становился пригоден для сезонного выпаса стад. Хотя хронология трансгрессий у экологов различна, можно полагать, что к концу III — началу II тыс. наступила Туралинская трансгрессия колебания увлажненности. К этому времени относится большое число стоянок полтавкинской культуры Поволжья, которые зарегистрированы и на полуострове Мангышлак (Кузьмина 1976б; Васильев и др. 1986; Галкин 1978; 1980; 1998).

Данных об их продвижении южнее нет. Отнесение к этой культуре найденной лепной керамики с орнаментом рядами косых вдавлений на раннем поселении Маргианы Келелли (Масимов 1979: 121, рис. 6, 33) и в свалке на поселении Тоголок I (Ряנקова 1994: 144, 145, рис. 5), Л.Т. Пьянковой (1998а: 187), повторенное Ю.Г. Кутимовым (1999: 320—321, рис. 5, 6), не верно. Этот тип керамики находит аналогии на стоянках Лявлякан (Виноградов, Мамедов 1975: рис. 38: 12, 13; 58: 5). А.В. Виноградов относит эти комплексы к эпохе ранней бронзы конца (второй половины) III — начала (первой половины) II тыс. до н.э.

Во II тыс. до н.э. шла регрессия Каспия, достигшая максимума в последней четверти II тыс. до н.э., когда наступила эпоха иссушения и похолодания климата. Поэтому движение племен шло севернее и восточнее — из контактной срубно-андроновской степной зоны Волго-Уралья. Этот путь демонстрируют цепочки стоянок у родников и древних колодцев. Одна группа памятников концентрируется в Северном Приаралье у Аральска (Формозов 1947, 1951; Виноградов 1959; Гликман и др. 1968; Виноградов и др. 1973) (рис. 19). Другие стоянки тянутся цепочкой от Эмбы вдоль восточного берега Каспия в песках Сам, на Мангышлаке, вдоль Устюрта, где много родников, по Красноводскому полуострову и богатому водой Среднему Узбою и выходят на окраину песков рядом с земледельческими оазисами Южного Туркменистана (Кузьмина 1963) (рис. 25; 26: 1—39). Здесь начинается третья группа стоянок, идущих по границе оазисов и песков на восток по подгорной равнине Копетдага. Далее на северо-восток степная керамика обнаружена по всему течению Мургаба вплоть до дельты. Отдельные сборы известны на Келифском Узбое (рис. 25: 40—57).

На стоянках найдены черешковые каменные стрелы, бронзовый дротик (Бала-Ишем) и копье (Асгабад).

Найденная на стоянках керамика грубая лепная представлена банками, горшками с уступом на плечике, иногда сосудами с узким цилиндрическим горлом. Сосуды лишены декора или украшены в верхней части или только по венчику или плечу орнаментом, выполненным гладким штампом или резьбой. Абсолютно господствующий мотив — вертикальная, реже — горизонтальная елка. Находки фрагментов с треугольниками и заштрихованными лентами и вдавлением под венчиком единичны. Представительную группу составляет керамика с налепным валиком, но на ряде стоянок она отсутствует.

Керамический комплекс со стоянок недостаточно выразителен, чтобы отнести их к андроновской или срубной культуре, поэтому корректно использовать условный термин «памятники степного типа» (Кузьмина 1963в: 147; Мандельштам 1966а: 243). Локально-хронологические отличия намечаются только в керамике стоянок Северного Прикаспия по рекам Уилу и Сагизу и Северного Приаралья, где часто представлены сосуды с уступом на плечике и более богатым декором алакульского типа.

В особый вариант выделяется керамика Мургаба, по форме и орнаменту близкая посуде Махандарьи и, как правило, лишенная налепного валика (Кузьмина, Ляпин 1984: 14—16). Критерием для определения хронологии комплексов является наличие налепного валика, характерного для посуды эпохи поздней бронзы степей XIII—XII вв. до н.э. Этот вывод подтверждается и стратиграфией поселений эпохи Намазга VI. Придя в подгорную полосу, пастухи вступили в контакт с соседними земледельцами, и их керамика появилась на поселениях. По стратиграфии поселений устанавливается два этапа взаимодействия: третья четверть II тыс. до н.э. и XIII(XII)—XI вв. до н.э. Верхняя дата — XI в. до н.э., когда в Туркмении сформировалась новая культура Яз I.

Керамика без налепного валика найдена только на поселении Анау на южном холме в слое С (Намазга VI), перекрытом слоем Д (Яз I) (Pumpelly 1908: 142, 143, таб. XV, 7—9). В верхней части слоя Намазга VI на Теккеме обнаружены черепки лощеного сосуда с уступом на плечике и резным орнаментом в виде треугольников между рядами косых насечек. (Щетенко 1999а: 109). Эта посуда может относиться или к позднеалакульскому типу, или к алексеевскому. На остальных памятниках подгорной полосы Елькен-тепе, На-

мазга вышка (периоды 5—7), Серманча, Теккем (рис. 27; 29: 1—9, 17, 19) (Марущенко 1959: 60—62, табл. V, Куфтин 1954: 25, Ганялин 1956: 3; 1959; Щетенко 1972: 530; 1999а: 108—110; 1999б: 323—335; 2002а: 216) посуда найдена только в кроющем слое.

На Теккеме над слоем пожара, в котором погиб поселок времени Намазга VI, выявлены мусорные слои и на них новые глинобитные дома, снова брошенные земледельцами. Позже на руинах поселились пастухи (Ганялин 1956б) и возвели прямоугольное жилище степного типа столбовой конструкции с вертикальными столбами. В доме и соседних помещениях найдены кости животных, керамика и каменные булавы и песты, в том числе с шишечками, аналогии которым широко известны, в том числе — в Намазга (Вороффка 1998). Керамика — это лепные сосуды, иногда сделанные на матерчатом шаблоне, горшечно-баночной формы, 38% горшков орнаментировано. По венчику нанесены резные кресты, косые насечки, елка, жемчужины. Изредка по плечу — елка и треугольники, в том числе с бахромой. Часть сосудов по плечу украшена наlepными валиками с насечками. Это классический комплекс типа Алексеевка, что определяет дату заселения пастухами поселений Южной Туркмении.

Тем же временем датируются металлические изделия (рис. 29: 12, 13; 39: 3, 6, 12, 13, 16, 17, 24): двулезвийные ножи с упором и односторонне-лезвийные ножи (Намазга, Теккем), фрагмент литейной формы из Намазга VI для отливки булавки и двулезвийного ножа и комплекс литейщика с Теккема: здесь рядом с горном найдены три каменных литейных формы и заготовка, крышки для форм, руда, наковальня, каменный топор, браслет, фрагмент односторонне-лезвийного ножа и бляшка с петелькой. Формы предназначены для отливки ножей с упором и бляшек с петелькой (Щетенко 1999а: 109; 1999б: 323—325, рис. 2—4). Все эти предметы типичны для широкой зоны степей эпохи поздней бронзы. Находки на Теккеме и Намазге доказывают, что пришлые с севера пастухи наряду со скотоводством сохранили на юге и другую важнейшую отрасль своего хозяйства — металлообработку.

На Мургабе и в его дельте пастушеская посуда обнаружена в большом количестве на поселениях Аучин, Тахирбай 1, 3, 13, 15, Гонур 1, Аджи-Куи 8, Келлели, Тоголок 2, 3, 8, 12, 13, 17, 21, 31, Таип (Массон 1959: 27, 116, табл. XI, Сарияниди 1975; 1977, рис. 65, 66; 1978: 549; 1990: 54, 55, 110, табл. XII: 14, 15; LIV; Кузьмина и др. 1984; Масимов 1978: 120, 121, рис. 6: 30—32, 34—36).

Около Гонура Ф. Хибертом исследована стоянка (Hiebert 2004) с типичной степной посудой. Более ранний комплекс, близкий к федоровской посуде с богатым орнаментом, открыт в погребении на поселении Тахирбай 3, откуда происходит много гончарной керамики типа Намазга VI (Cattani 2004: fig. 3—5; 3—7) (рис.28а,б: 15—31) (рис. 28б: 1—14).

Как говорилось, в Маргиане керамика с наlepным валиком не характерна. Это позволяет предполагать, что в эпоху финальной бронзы оазисы уже были заброшены. Объективных данных, чтобы судить, каковы были взаимоотношения земледельческих и степных племен, нет. Не исключено, что пастухи появились с севера, вероятно, из Бухарского оазиса, когда часть поселений уже была заброшена. Но это заключение нуждается в проверке стратифицированными материалами.

В подгорной полосе картина была иной.

Каковы взаимоотношения степного и земледельческого населения? В.И. Сарияниди (1975) полагает, что земледельцы мирно сосуществовали со скотоводами. Напротив, А.Ф. Ганялин (1956), А.А. Марущенко (1959), Е.Е. Кузьмина (1963: 154), А.М. Мандельштам (1966а: 242) считают, что скотоводы вторгались в оазисы и война служила одной из причин гибели некоторых поселений. Это демонстрирует картина пожара поселения Теккем, на пепелище которого поселились степняки.

Вероятно, характер взаимодействий был различен, и обмен скота и металла на зерно и ремесленные изделия сменялся периодом военных действий. Именно такой характер взаимодействий пастушеских и земледельческих племен был характерен для всей последующей истории Средней Азии.

Гибель культуры Намазга VI позволяет предполагать, что внутренний кризис земледельческой культуры способствовал завоеванию поселков, а в некоторых случаях пастухи приходили на уже заброшенные города.

Какова культурная принадлежность пришельцев? Черты, характерные для раннеандроновской (новокумакской, алакульской, федоровской, кожумбердынской) и раннесрубной (бережновской, покровской) керамики, в Туркмении почти отсутствуют. Немногочисленные фрагменты сопоставимы с позднеалакульскими, срубными и особенно тазабагъябскими, но абсолютное большинство посуды, бесспорно, относится к эпохе поздней бронзы, к позднес-

рубной посуде Ивановского типа (Агапов и др. 1983) и к позднеандроновской Алексеевского типа, сочетающей керамику с наlepным валиком на плечике и сосуды с бедным, преимущественно елочным орнаментом и вообще без декора. В известных мне коллекциях нехарактерна керамика типов Нур и Донгал XI(X)—IX вв. до н.э. с валиком под венчиком. Это неудивительно, так как в эту эпоху в Туркмении уже существует культура Яз I.

Следует подчеркнуть, что в эпоху валиковой керамики культура степей от Дуная до Алтая была унифицирована в результате усиления подвижности племен и установления активных широтных связей. Отличная точка зрения, не основанная на анализе конкретных керамических комплексов Средней Азии и степей и содержащая грубые ошибки в представлении об истории степей эпохи финальной бронзы (Кутимов 1999: 314—322), кажется мне необоснованной и опровергается выводами самарских (Агапов и др. 1983) и украинских ученых (В.В. Отрощенко 2002).

Установить, откуда шел массовый поток пастушеского населения в юго-западную Туркмению, помогает анализ могильников. На Устюрте было открыто два кургана в Сара-Каманжостик. Насыпь из земли и камней, захоронение совершено в каменном ящике скорченно, на левом боку, головой на восток, с сосудом без орнамента. На Мангышлаке в Айракты исследовано одно погребение без кургана — скорченно, головой на юг, с фрагментом сосуда, орнаментированного гладким штампом (Галкин 1998: 20, 21).

В песках Большие Балханы исследованы могильники Патма-сай и Каралемата-сай, у подножия Копетдага к западу от Кызыл-Арвата могильники Парау I, II (Мандельштам 1966а: 240—242; рис. 52; 1966б: 105—108, рис. 39, 40) (рис. 22: 1, 2, 9, 12, 13). Могильники состоят из нескольких курганов с каменной насыпью диаметром 6—10 м, высотой 0,7—1 м, в одном случае с каменным кольцом. Могильная яма грунтовая или с каменным ящиком, перекрыта каменными плитами, на которых помещены угли и в одном случае — череп быка. Погребенный лежит скорченно, на левом боку, головой на восток или северо-восток, в Гызылгы-кум скелет обожжен. В могиле стоит по одному сосуду баночной формы, один из них (Патма-сай) украшен вдавлениями под венчиком, другой (Парау) — зигзагом, остальные без орнамента. Каменные конструкции и роль огня в ритуале указывают на андроновское влияние. Но восточная ориентировка дает основание признать могильники

позднесрубными. Антропологический тип пришельцев протоевропейский, характерный для пастухов степей Евразии. Таков же череп из Тахирбай 3 (Гинзбург, Трофимова 1972: 69, 70).

Таким образом, заселение Закаспия и Западной Туркмении в XIII—XI вв. до н.э. осуществлялось в основном срубным населением, которое в процессе миграции включило часть западных андроновцев (корпоративная миграция). Переселение с Запада шло через контактную срубно-андоновскую зону правого берега Волги и Южного Урала. Один путь миграции шел по Эмбе, другой со среднего течения Урала на Запад Арала и дальше по Узбою и на юг. На Мургабе расселение шло раньше, возможно, через Среднюю Амударью. Картографирование памятников и наложение карт более поздних сезонных миграций показывает их совпадение. Следовательно, пастухи еще в XIII—XI вв. до н.э. выработали традиционные маршруты перекочевков, функционировавшие вплоть до XIX в. (Виноградов и др. 1973: 102, 103; Gorbunova 1993—94, *map on p. 2*).

Топография стоянок в пустынях Закаспия у колодцев позволяет заключить, что уже в начале четвертой четверти II тыс. до н.э. сложилась форма не только отгонного, но и кочевого скотоводства. Его предпосылки медленно складывались в культуре андроновских и срубных племен, которыми были выработаны навыки специализированного скотоводства, изобретены юрты и колодцы. Земледельцы Средней Азии не владели этими изобретениями. Их керамика почти никогда не встречается в пустыне, и нет никаких свидетельств их миграции на север и участия в этногенезе ираноязычных саков и скифов.

Отмеченный же степными памятниками путь отражает реальную дорогу, по которой проходило переселение на юг скотоводческих племен с Волги и Урала, где следует искать его генезис, так как представленные в Юго-Западной Туркмении элементы культуры имеют там многовековое предшествующее развитие.

4. Культуры Бактрии

Бактрийско-Маргианская археологическая культура

Памятники Узбекистана

Как было сказано, не позже первой четверти II тыс. до н.э. в Северной Бактрии формируется вариант БМАК Сапалли в результате миграции с юго-запада. На реке Шерабад это могильники Бустан и Джаркутан и поселение Джаркутан (карта 8; рис. 30; 33; 35) (верхний горизонт), на реке Сурхандарья это поселение и могильник Молали (Пугаченкова 1972; Беляева, Хакимов 1973; Аскаров 1977, 1989; Аскаров, Абдуллаев 1983; Аскаров, Ионесов 1991; Аскаров, Ширинов 1993; Ионесов 1990а,б; Рахманов 1982, 1987; Рахманов, Шайдуллаев 1985, 2000; Аванесова 1992, 1995а,б; Avanesova 1996а; Аванесова 1997; 2002; Sirinov, Baratov 1997). А. Аскаров относит памятники к культуре Сапалли, другие исследователи причисляют их к культуре Намазга VI или к Бактрийско-Маргианскому археологическому комплексу. А.А. Аскаров и Т.Ш. Ширинов (1993: 42) предложили выделить намазгинскую историко-культурную общность, включающую весь юг Средней Азии, Северо-Восточный Иран и Северный Афганистан. Как говорилось, мне представляется более целесообразным использовать термин Бактрийско-Маргианская археологическая культура (БМАК), учитывая общность исторических судеб населения этого региона и существенные отличия от культурного развития в Западной Туркмении и восточном Иране.

Относительная хронология памятников Узбекистана разработана А.А. Аскаровым (1977: 60—63), выделившим этапы: I — Сапалли, II — Джаркутан; III — Молали. Позже этап Молали разделен на III — Кузали и IV — Молали (Аскаров, Абдуллаев 1983: 40) и далее на IV — Молали и V — Бустан (Рахманов 1987: 13; Sirinov, Baratov 1997: 88) Принятая хронология этапов: Кузали — 1300—1200 гг. до н.э.; Молали — 1200—1050 гг. до н.э., Бустан — 1050—950 гг. до н.э. На смену приходит культура расписной керамики Кучук II — Яз I.

Относительная хронология базируется на стратиграфии и динамике керамических комплексов. Абсолютная хронология спорна (дискуссию см. ниже и Аскаров, Ширинов 1993: 84—92). Прослеживается генетическая преемственность этапов культуры, но на каждом появляются инновации.

(Последняя форма специфична для эпохи финальной бронзы). Интересен также сосуд, имитирующий орнамент каннелюр типа Федорова (Avanesova 1997, fig. 14: 1).

В могильнике найдены характерные андроновские украшения: браслеты с несомкнутыми концами, сделанные из выпуклой пластины, браслеты с коническими спиралями, серьги с раструбом, бляшки с пунсонным орнаментом и бляшки с петелькой. разнообразные бусы, а также гвоздевидная и биспиральная подвески, булавка, лазуритовые бусы (Avanesova 1997, fig 3: 4, 10: 1—4, 13) (рис. 30, 1, 2, 5, 6, 8, 9).

Не менее ярко следы контактов с андроновцами видны в комплексах Джаркатана эпохи поздней бронзы (Аскаров 1989). В могильнике Джаркутан IV открыты трупосожжения, в могиле этапа Кузали — андроновский браслет. На поселении Джаркутан исследованы два больших каменных ящика 4×0,7 м глубиной 0,5 м, составленные из вертикально врытых каменных плит и перекрытых каменными плитами. Ящики содержат кальцинированные человеческие кости, уголь, золу и мелкие фрагменты керамики типа Молали.

А.А. Аскаров на поселении Джакутан открыл большой храмовый комплекс, включающий хозяйственные и культовые помещения. Площадь последних 35×35 м. Это коридор длиной 25 м, небольшие комнаты, внутренний двор со священным колодцем, сакральная платформа, на которой находился алтарь огня, и хранилище священной золы. В его центре находится прямоугольный резервуар, на дне которого лежит слой чистой золы толщиной 10 см, перекрытый слоем прокаленной красной глины, содержащей угли, кости. фрагменты керамики. Сверху идет слой с костями животных. В верхних горизонтах заполнения резервуара найдена гончарная керамика типа Молали и фрагменты андроновской посуды. Особый интерес представляет находка больших фрагментов переносных керамических алтарей и культовых сосудов, сделанных на гончарном круге, светлоангобированных, но украшенных гладким штампом и резьбой — орнаментами, типичными для культур степной бронзы (рис. 33). Подобная посуда, кроме храма, найдена и на других участках в кроющем слое поселения (Рахманов 1982: 115—119; Он же, Шайдуллаев 1985; Аскаров 1989, 165; Аскаров, Ширинов 1993: 61, 66—70, 92, рис. 22 I: 4—6; 43 I, Ш; 44 I: 17—19; 46 I; 64 I: 3; 74). Единичен фрагмент с орнаментом — равнобедренными треугольниками, выполненными зубчатым штампом (Аскаров, Ширинов 1993, рис. 64I: 3).

Орнаментированные сосуды представлены подставками с изображениями свастики и колеса с 8 спицами (Аскаров и др. 1993, рис. 43 I: 3; II: 10; 12; III: 4, 5), горшками с широким горлом и отогнутым венчиком, под которым нанесен зигзаг или свисающие треугольники, горизонтально заштрихованные зубчатым штампом (рис. 44: 18, 19).

Есть сосуды с отогнутым или утолщенным венчиком, по которому нанесены косые насечки, иногда пересекающиеся, образуя ромбы или сетку; часто под венчиком проходит еще зигзаг (Аскаров и др. 1993, рис. 22: 4—6; 46 I: 5—7, 12—14; Рахманов 1982 рис. 3, 5, 8) (рис. 33: 4, 7—11). Эти орнаменты имитируют декор степной керамики эпохи финальной бронзы. Наибольший интерес представляют гончарные горшки и особенно цилиндрические сосуды с утолщенным венчиком и наlepным валиком в верхней части; валик и венчик орнаментированы косыми насечками или сеткой (Аскаров и др. 1993 рис. 46 I: 1—4, 9—11; 74; Рахманов 1982: 16, рис. 1, 6). Наlepные валики с насечками — отличительная особенность андроновской керамики типа Алексеевка.

Их появление на земледельческой посуде отражает культурное взаимодействие степного и земледельческого населения в Северной Бактрии. К числу форм позднего Андропова относятся также однолезвийные ножи Джаркутана (Аскаров и др. 1993, рис. 62 I: 2; 67 IV), кинжал из Вахшувара (Ртвеладзе 1981) (рис. 39: 1).

Каковы были взаимоотношения пришлого андроновского населения и аборигенов-земледельцев? А. Аскаров (1989: 164) считал захороненных по обряду кремации «наложниками или наложницами», позже он пришел к выводу, что аборигены «не воспринимали отсталую материально-техническую базу севера, синкретизация произошла в идеологических воззрениях этих племен» (Аскаров и др. 1993: 127). Н.А. Аванесова (Avanesova 1995: 37) полагает, что андроновцы, принесшие с собой обряд кремации, составляли в обществе БМАК привилегированную социальную группу. С этими выводами есть все основания согласиться.

Северная Бактрия дает уникальную возможность проследить процесс миграции на юг андроновского населения и его ассимиляции с местной популяцией. Поскольку материальная культура аборигенов была высоко развита и адаптирована к экологической среде, то пришельцы целиком заимствовали комплекс их материальной культуры. Свою же этническую специфику они сохранили в самой важной сфере культуры — в идеологии: в культах и погребальном обряде. Как

известно, главным условием сохранения идеологии в традиционной культуре является сохранение своего языка, передающего мифологические представления и ритуальные тексты. Для понимания этнокультурных процессов в Северной Бактрии в эпоху поздней бронзы кардинальное значение имеют материалы поселения Джаркутан. Они показывают, что пришедшие с севера андроновцы не только сберегли свой язык и верования, но и распространили свою идеологию в среде местного населения. Только так можно объяснить появление в святой святынь — в храме, на алтарях и культовых сосудах — андроновских культов и орнаментов. Никаких следов пожаров, военных столкновений в Бактрии нет. По-видимому, взаимоотношения двух групп здесь, в отличие от Туркмении, были мирными. Многочисленные этнографические и исторические факты свидетельствуют о том, что в процессе мирной ассимиляции двух этнических групп первоначально устанавливается период билингвизма, затем постепенно один язык выходит победителем. (Так, например, происходила тюркизация земледельцев-иранцев в Средней Азии.).

Поскольку в Северной Бактрии в процессе ассимиляции победили идеологические представления андроновцев, значит, победил и их язык, являющийся носителем мифологии и ритуальной деятельности.

Если принять отстаиваемую в данной работе гипотезу индоиранской атрибуции андроновской культуры, то материалы Южного Узбекистана демонстрируют основную модель распространения индоиранского языка в Бактрии.

Наряду с этим типом миграции (по-видимому, основным) существовали другие модели этнокультурного взаимодействия. Эти модели ярко представлены в материалах Южного Таджикистана.

Памятники Таджикистана

На поздних этапах культуры БМАК происходит миграция этого населения на восток и формирование БМАК в предгорных долинах Таджикистана (карта 8). Культура представлена в верховьях реки Кафирниган: могильники Заркамар и Тандырйул, погребения в позднем могильнике Туп-Хона (Дьяконов 1950: 167, 176) и Кара-Пичок, а на юге долины — два погребения в Шах (Литвинский, Седов 1983: 80); в верховьях рек Вахш и Таирсу: поселения Дахана, Тегузак, Кангурттут, летняя стоянка Бараки-Кудук и могильники Нурек и Кангурттут, на реке Кызылсу: могильни-

ки Пархар и Ходжа-Гоиб (Pyankova 1986b; 1994a: 355—372; 1998: 163—170; Vinogradova 1994: 29—47; 1997: 41; 2001b: 89—109; Виноградова 2000; 2001a: 199—201; 2004; Gotzelt and oth. 1998: 115—144; Lombardo 1997; 2001: 271—280). Северо-восточным форпостом БМАК является находка в кладе Джам недалеко от Самарканда (будущая область Согд) сосудов БМАК, зеркал плоского и круглого с ручкой с геометрическим узором, булавки с фигуркой оленя, двустороннего втульчатого тесла, а также вещей типа Андроново: втульчатой двулопастной стрелы, браслетов, бус и серег с растреском (Avanesova et al. 2001) (рис. 31). К этой культуре относится также слой этапа В на поселении Шортутай в Афганистане (Francfort 1989). По данным стратиграфии Шортутая период БМАК, содержащий керамику андроново-федоровского типа, хронологически следует за этапом А культуры Хараппа и прорезан погребениями культуры Бишкент, синхронными керамике Андроново типа Федорово и позднеандроновской керамике с наlepным валиком (рис. 27: 24—33), (табл. 1). На поселении Тегузак нижний слой относится к неолитической культуре Гиссар. Он перекрыт основным слоем БМАК, содержащим керамику культуры Андроново (рис. 34). Сверху найдена посуда типа Яз I — Кучук II (табл. 2) (Vinogradova 2000: 93, 94). На поселении Кангурттут получена наиболее полная информация: слой Гиссар перекрыт основным слоем БМАК, содержащим материалы культур Андроново и Бишкент, а сверху найдена керамика Яз I — Кучук II. На неолитических стоянках Туткаул и Саед в верхней части слоя культуры Гиссар встречена керамика Андроново. На поселении Ташгузор культуры Бишкент основной слой содержит комплекс Федорово и керамику с наlepным валиком и перекрыт слоем Кобадиян I эпохи Ахеменидов.

В Таджикистане небольшие по площади поселения находятся на склонах гор. Дома расположены террасами, поодиночке. I тип — дом площадью 18×6,7 м (Кангурттут); II тип — небольшие постройки. Основания стен сложены горизонтальными рядами камней на глиняном растворе; выше, вероятно, шла стена из глины с соломой (пахса). Пол иногда вымощен галькой, открыты круглые очаги. III тип — протоюрты, обложенные камнем. Большие дома с каменным фундаментом и протоюрты типичны для позднеандроновской архитектуры (Маргулан 1979: 299).

Экономика была комплексной. Земледелие типа богара документируют отпечатки зерен разных видов ячменя и пшеницы, зерно-

терки, зерновые ямы. Разводили крупный (52%) и мелкий (19,5%) рогатый скот, лошадей (19%), ослов (5,6%) и верблюдов.

Каменные изделия сохраняют традиции неолитической культуры Гиссар. О развитии металлообработки свидетельствуют находки каменных литейных форм. В Тегузаке найдены две формы ножей и шильев, в Кангурттуте — форма кинжала с упором и шила, а также серп с отверстиями в рукояти, два однолезвийных хвостатых ножа с отогнутым назад лезвием, кинжалы с ребром и черешком (рис. 39: 25, 31). Предметы изготовлены из оловянистой бронзы, иногда с примесью свинца. Вероятно, использовали привозное сырье с Зеравшана, где олово добывали в Зорабулаке (Аскарлов, Рузанов 1990). Типологически и по составу сплава большинство металлических изделий принадлежит андроновской металлургической провинции (Kuzmina, Vinogradova 1996). Керамическое производство было высокоразвито. Сосуды изготовлены из глины с примесью шамота на гончарном круте, обожжены в двухъярусных горнах и покрыты белым, редко — красным ангобом и иногда вертикальным и горизонтальным лощением. Выделяется несколько типов керамики: ваза на ножке, большая глубокая миска, сосуд с шаровидным туловом, высоким узким горлом и иногда усеченно-конической придонной частью, отделенной ребром («с подкошенным дном»); горшок с выпуклыми боками и отогнутым венчиком малого диаметра, миниатюрные горшки, а также кухонная лепная серая посуда и сосуды для хранения. Этот комплекс принадлежит к этапам Молали и Бустан варианта БМАК Сапалли.

Андроновские горшки слеплены из глины с большой примесью кварца, полевого шпата и известняка. Они серого и коричневого цвета обжига. Плечо округлое, диаметр венчика равен, а чаще меньше диаметра горла. Большая часть сосудов лишена декора. Орнамент нанесен гладким или крупнозубчатым гребенчатым штампом по двум зонам: на шейке и плечике. Это горизонтальный зигзаг, косые, в том числе вытянутые, иногда противолежащие треугольники, флажки. Встречается орнаментация ямками и вдавлениями, каннелюрами (рис. 36).

На поселении Дахана гончарная посуда этапа Молали составляет 86%, лепная 14%, андроновской нет. В Кангурттут гончарная посуда Молали и Бустан составляет 53%, лепная — 47%, небольшой процент последней составляют фрагменты керамики культур Бишкент и Андроново. На поселении Тегузак в одном шурфе серая

лепная керамика достигает 43%, но лишь небольшая часть сосудов орнаментирована (Л.Т. Пьянкова относит ее к культуре Андронову). Эти факты указывают на возрастающее взаимодействие земледельческого и пастушеского населения.

Идеологические представления населения отражают глиняные антропоморфные фигурки и головка коня. Особый интерес представляют ритуальные комплексы. На поселении Тегузак расчищен ритуальный костер, отгороженный каменной стеной. Зольное пятно 7×3,6 м содержит разбитые сосуды, в центре его возвышается прямоугольный алтарь, состоящий из слоев обожженной земли оранжевого цвета; снаружи он обмазан глиной. Этот комплекс напоминает костры могильника Бустан 6.

На поселении Кангурттут открыто четыре гончарных печи. Две из них круглые диаметром около 1 м, глубиной 0,7 м, использованы для захоронения черепа и костей ног человека. В горне № 4 череп принадлежит мужчине, найдены кости животных. В камере № 3 найдена ножка вазы, в тризне над захоронением — кости мелкого и крупного рогатого скота. По определению Л.Т. Яблонского, женский череп близок андроновским черепам Восточного Казахстана и культуры Тазабагыяб. (Приношу благодарность Н.М.Виноградовой за информацию.) Рядом в яме расчищено частичное захоронение мужчины могучего телосложения, скорченно, на левом боку, головой на запад (ребра и позвоночник отсутствуют, кости ног смещены). По-видимому, оно тоже принадлежит андроновцу.

Погребальный обряд могильников БМАК в Таджикистане характерен для этапа Молали. Известны расчлененные и детские погребения на площади поселения. В могильниках Кангурттут и Тандырийул выявлены катакомбы, заложенные выступающими на поверхность камнями или глиной. Обнаружены также грунтовые ямы и ямы со спуском. На полу камер есть следы натеков, вероятно, от ритуальных возлияний, найдены куски охры и глины и кости и альчики мелкого рогатого скота. Многочисленны кенотафы, в Кангурттуте они составляют 90% могил. В некоторых из них помещена антропоморфная фигура из необожженной глины (рис. 35: 16), а в одной могиле — фигурки мужчины и женщины и ребенка между ними. Встречаются парные захоронения (Шах, Нурек). Умершие лежат скорченно, мужчины на правом, женщины на левом боку, головой чаще на северо-запад или юго-запад. В могилах зафиксированы также расчлененные погребения, от которых со-

хранены только череп и длинные кости рук и ног. Встречены обожженные кости скелета и угли.

Особый интерес представляет открытие в могильнике Тандырыул рядом с погребениями БМАК могилы 25. В катакомбе, заложённой камнями, найдено захоронение женщины, сопровождающееся охрой, браслетом из бус, серьгой с раструбом, овальной подвеской, лазуритовой бусой, ребристыми пастовыми бусами и лепным серым горшком с отогнутым венчиком и округлым плечом, орнаментированным каннелюрами. Другой лепной горшок с каннелюрами найден в погребении 2 вместе с девятью гончарными сосудами БМАК (Kuzmina, Vinogradova 1996: 39, 4, fig. 4: [12] 2). Фрагмент андроновского сосуда есть еще в одной могиле. Сосуды с каннелюрами характерны для федоровских памятников всего андроновского ареала (Кузьмина 1994: рис. 19: 11,15; 20а: 3; 21: 13; 26: 3), серьги с раструбом специфичны для его восточной части (Кузьмина 1966: 75, 76; Аванесова 1975в: 67). На западе есть единственный золотой экземпляр в могильнике Купухта (Кузьмина 1963б).

Этот тип украшений известен на памятниках юга Средней Азии андроновского круга и БМАК (табл. 2), а также из разграбленных погребений БМАК в Афганистане (Sarianidi 1993: 17, fig. 24).

В могилы положены гончарные и изредка лепные сосуды, аналогичные керамике поселений. Из погребения в Ходжа-Гоиб происходит глиняный чайник, параллели которому многочисленны в Южной Бактрии (Gotzelt and oth. 1998: 118, fig. 2: 3). В трех могилах в Тандырыул и Кангурттут обнаружены сосуды культуры Бишкент (табл. 1). В Нуреке найден хвостатый нож.

К кругу земледельческих культур принадлежат находки в Пархаре вазы и двух детских серебряных браслетов, орнаментированных розетками (рис. 40: 13, 14) (Gotzelt and oth. 1998: 118, fig. 4: 3; 5); золотое височное кольцо с шишечками в Нуреке (рис. 40: 3), лазуритовые и другие каменные бусы и votивные миниатюрные бронзовые предметы в Кангурттут: топор-тесло, копье, нож, бритва, вилы, чашечка, зеркало, серьга. Аналогии им известны в Южном Узбекистане (Ионесов, 1990а,б).

К земледельческой культуре принадлежат случайные находки из Южного Таджикистана. Медные топоры из Сангвор и Аракчин (рис. 40: 16, 19) относятся к иранскому типу и имеют аналогии в Индии в позднехаралппском слое Чанху-Даро, могильнике Шах-и Тумп и в слое III поселения Мундигак, дата которых конец III — начало II тыс.

до н.э. (Кузьмина 1966: 8, 9, табл. I: 1, 2). Топоры-тесла из Шар-Шар и Йори-сай (рис. 40: 18, 20) были датированы тем же временем (Кузьмина 1966: 14, 15, табл. I: 7, 8). Тип с выступающей втулкой представлен в Саразме и Дашлы 3 (Исаков 1991б: рис. 78; Сарианиди 1977: рис. 32), (поздняя миниатюрная имитация есть в Кангурттуте). Из Кара-Пичок (рис. 40: 5) происходит бронзовое зеркало с ручкой, типичное для БМАК. В районе Дангара найдены каменные гири, у Куляба — два каменных жезла. В Нуреке найдено горло серебряного сосуда (рис. 40: 1) (Древности Таджикистана, 1985. № 31), аналогии которому есть в кладе Фуллол в Афганистане (Tosi, Wardak 1972). Эти находки указывают на то, что культурные связи с земледельцами культуры БМАК восходят к началу II тыс. до н.э.

Связи с Ираном в конце II — начале I тыс. до н.э. демонстрируют кинжал с инкрустированной рукоятью из Рамита (рис. 40: 10) (Кузьмина 1966: 52, 53, табл. VIII, 9; Погребова, Членова 1970) и бронзовый сосуд с носиком из Фатмев (Луконин 1977, рис. на с. 40; Бостонгухар 1998, рис. 50), дата которого X—VIII вв. до н.э. определяется по находкам глиняных расписных чайников в Талыше, Луристане и некрополе Сиалк В (Алиев 1960: табл. LXXX, LXXXIII; CI; CIII).

Причиной установления ранних связей с земледельческими областями Ирана и Афганистана с Южным Таджикистаном, возможно, было богатство последнего поваренной солью.

Анализ погребального обряда, керамики и инвентаря комплексов Таджикистана, несомненно, позволяет отнести их к БМАК этапов Молали и Бустан и предполагать миграцию населения с запада, где сложилась эта культура и представлены ее ранние этапы.

Адаптация к специфическим горным условиям обусловила специфику культуры, которая позволяет выделять Южный Таджикистан в отдельный локальный вариант БМАК. Его особенности составляют: тип поселений малой площади со свободной застройкой, все три типа жилищ; закладка могил не кирпичами, а камнем и глиной; земледелие типа богара, большая роль скотоводства, широкое распространение характерных для культуры Андроново типов оружия (стрелы, кинжалы), орудий труда (серпы, однолезвийные «хвостатые» ножи) и украшений (серьги с раструбом, крупные бусы) и технологии их изготовления из бронзы в двусоставных каменных литейных формах.

Большое значение в Таджикистане в эпоху поздней бронзы приобретают не только культурные, но и этнические контакты с пас-

тухами культур Андроново и Бишкент, на что указывают находки на памятниках БМАК погребений и керамики этих культур и импортной гончарной посуды на пастушеских памятниках (табл. 2). Взаимоотношения носителей различных культурных типов, несомненно, были мирными. Отсутствуют следы насильственного разрушения земледельческих памятников и широко распространены не только предметы материальной культуры, но и взаимные заимствования культов и черт погребального обряда. Такой симбиоз отражает активнейшие процессы этнической ассимиляции и возможен только в условиях восприятия нового языка и распространения билингвизма.

Культура Бишкент-Вахш

Культура названа по названию долин, где были открыты памятники, Бишкент — А.М. Мандельштамом и Вахш — Б.А. Литвинским. В действительности памятники представляют два варианта единой культуры. Культура Бишкент-Вахш является самым ярким культурным образованием Средней Азии, отражающим синтез скотоводческого и земледельческого населения в эпоху бронзы. Памятники расположены в долине Бишкент на реке Кафирниган и в долинах рек Вахш и Кызылсу. Эти места очень благоприятны для занятия скотоводством.

Известно одно поселение Ташгузор на реке Таирсу и многочисленные могильники: на Кафирнигане — Тулхар, Аруктау, Бишкент I, II, III, Исанбай; на Вахше: Вахш, Тигровая Балка, Ойкуль, Джаркуль, Амударья, Кызлар-Кала; на Кызылсу: Маконимор, Иттифок, Гулистон, Гелот, Майдапатта, Обкух, три погребения на могильнике Кангурттут, относящемся к Бактрийско-Маргианской культуре, погребения Шулюпу, Тегузак, а также Каримберды, в Гиссарской долине, — на окраине г. Душанбе, в Гиссаре, и др.; в Северном Афганистане на одном из холмов (тепе) поселения Шортутай в верхнем слое открыты погребения культуры Бишкент (Мандельштам 1966а; 1968; Литвинский 1964; 1973; Литвинский, Седов 1983; Мухитдинов 1969; 1971; Кузьмина 1972б; Пьянкова 1982а,б; 1986а; 1989а; 1998а; Francfort 1989; Виноградова 2000; Vinogradova 1997; Gotzelt and oth. 1998; Kuzmina, Vinogradova 1996; Kaninith, Teuter 2001).

По данным планиграфии и стратиграфии могильника Тулхар, поселения Ташгузор и керамике выделяется три этапа: I — андроновский, федоровский, II — раннебишкентский, III — позднебиш-

кентский, характеризующийся присутствием керамики с налепным валиком. В Ташгузоре этот слой перекрыт слоями с керамикой Кобадиян I эпохи Ахеменидов. На поселении выявлены хозяйственные ямы и очаги, маленькие полуземлянки, найдены: I — лепные кухонные сосуды черного цвета обжига; II — лепная керамика бишкентского типа с белым ангобом или оранжевого цвета, большие горшки, в том числе с валиком на плечике горшка; иногда с узором горизонтальными или волнистыми линиями; в небольшом количестве есть III — гончарная керамика БМАК этапов Молали-Бустан, в том числе ножка вазы, молалинского типа, и IV — черепки типа Андроново.

Погребальные обряды культуры Бишкент необычайно разнообразны.

Древнейший — I тип — исследован в могильниках Тулхар и Бабашов. В центре могильника под земляным курганом или каменной выкладкой в грунтовой яме в углублении совершены погребения по обряду кремации на стороне. В них найдена лепная керамика. Это типичный андроновский ритуал типа Федорово. Особенность этих погребений составляют сложенные в могилах из камней фигуры свастики или круга с крестом.

На Кафирнигане типично андроновскими являются каменные круглые ограды (Аруктау, Бишкент III), каменные квадратные курганы (Тулхар, Аруктау), захоронения в каменных ящиках (Тулхар, Бишкент II), засыпка погребений камнями. Пережиток обряда кремации демонстрируют погребения в яме по обряду ингумации, но с золой и углями вокруг черепов.

Тип II в Тулхаре составляют захоронения на севере могильника скорченно, на боку, в яме со спуском — дромосом, заложенном камнями. Во входе разжигали огонь, в камеры приносили охру, золу и угли. Мужчины захоронены на правом боку, женщины на левом на подстилке из камыша. В могилах сооружены очаги крутой формы в женских погребениях и прямоугольные очаги в мужских погребениях. Есть также расчлененные погребения в небольших ящиках.

При умерших найдена лепная керамика типа Бишкент, составляющая 70%, и импортная гончарная посуда БМАК (30%), найденная в могилах II типа.

Наиболее поздний тип III представляют катакомбы с каменным заполнением входа, содержащие скорченные погребения и лепную керамику типа Бишкент.

В могилах разных типов найдены кости баранов. металлические изделия, изредка — украшения, каменные стрелы и бусы.

Тип III Кафирнигана имеет полные аналогии в могильниках на Вахше и Кызылсу. Погребальный обряд и керамический комплекс здесь более стандартизованы. Могильники содержат от 10 до 130 сооружений. Это круглые, изредка квадратные курганы с каменным кольцом (иногда — двойным) диаметром 2—15 м. Они содержат катакомбу, вход в которую заложен камнями. Умершие лежат скорченно, мужчины на правом, женщины — на левом боку. Есть парные погребения мужчины и женщины. Известен обряд зажжения ритуальных костров, иногда образующих кольцо вокруг могилы. Большой процент составляют кенотафы. В катакомбу обычно положены ребра барана, изредка — металлические изделия, каменные булавы и стрелы.

Отличительной особенностью культуры Бишкент составляет керамика. 30% горшков в могилах — это гончарные сосуды БМАК. 70% комплекса — это посуда бишкентского типа. Большая часть сосудов по форме подражает типам БМАК, но они слеплены вручную. Некоторые типы керамики сохраняют традиции культуры Заман-Баба. Комплекс включает кухонные круглодонные горшки черного цвета обжига и типично бактрийские светлоангобированные сосуды в форме горшков, мисок, кринок, ваз и, главное, сосудов цилиндрической и биконической формы. Последние типы сохраняются в Бактрии в течение эпохи Ахеменидов и составляют характерную особенность керамики Кобадиян I (Дьяконов 1954; Кузьмина 1972а).

Поздний тип бишкентской керамики — это сосуды с валиком, иногда украшенным насечками, имитирующие характерный тип посуды степей эпохи финальной бронзы.

Хозяйственно-культурный тип бишкентцев был комплексным. На поселении найдены зернотерки, что указывает на земледелие. Скотоводство отражают кости крупного и мелкого рогатого скота, осла и лошади, обычай помещать кости барана в могилу. Топография памятников позволяет заключить, что основу экономики составляло скотоводство и частично богарное горное земледелие. Население использовало горные пастбища и было полукочевым.

Происхождение культуры дискуссионно. Б.А. Литвинский (1981: 157, 158) и Л.Т. Пьянкова (1989а: 89) считают, что культура генетически связана с БМАК и отражает переход части земледельческого населения к отгонному скотоводству. А.М. Мандельштам

(1968: 135) и Е.Е. Кузьмина (1972б: 121), напротив, полагают, что создателями культуры были андроновские скотоводы и, по-моему, возможно, потомки носителей культуры Заман-Баба. Они стали употреблять керамику соседних земледельцев и лепить посуду, подражающую по форме гончарной.

Решающее значение имеют данные погребального обряда. Ранние памятники культуры Бишкент сохраняют характерные черты андроновской погребальной традиции Федорово: курган, ограда, каменный ящик, кремация, свастика, лепная керамика. Позже появляются могилы со спуском и катакомбы. Происхождение этого обряда в Средней Азии остается дискуссионным: он известен и в Бактрийско-Маргианской культуре, но его генезис там не ясен, и в культуре Заман-Баба, где он может быть наследием катакомбной культуры степей Европы (Кузьмина 1958б; Алексин 1986а,б: 99).

На Бишкентских памятниках II и III типов в погребальном обряде сохраняются андроновские черты: курганы и каменные ограды, ящики, поза погребенных и обычай парных захоронений, круглая и прямоугольная форма очагов-жертвенников, яркие проявления культа огня. Поскольку погребальный обряд является этническим индикатором культуры и сохраняется даже при дальних миграциях в другую экологическую нишу, а гончарная керамика быстро заимствуется пришельцами, есть серьезные основания предполагать, что создатели культуры Бишкент были по происхождению пастухами андроновцами. Подтверждением этой гипотезы служат антропологические данные: черепа Тулхара по определению Т.П. Кияткиной — это массивный протоевропеоидный тип степной полосы Евразии с высоким и широким лицом (Мандельштам 1968: 173, 182). Это пришлое население вступило в контакт с носителями бактрийско-маргианской культуры, что ярко демонстрируют и памятники земледельческой культуры Таджикистана и Узбекистана. В результате этого симбиоза сформировалась новая культура Бишкент. Ее развитой этап представляют могильники долины Вахш, характеризующиеся устойчивым сочетанием культурных признаков. Эта культура явилась одним из компонентов при формировании культурного комплекса Бактрии эпохи раннего железа и в эпоху Ахеменидов. В Бактрии развивался керамический комплекс, сложившийся здесь в эпоху бронзы (Кузьмина 1971в, 1972а; Сарияниди 1977; Cattene, Gardin 1977). Другим компонентом была культура керамики с наlepным валиком эпохи финальной

бронзы. В Средней Азии в результате взаимодействия аборигенного и различных волн пришлого населения сформировался ираноязычный бактрийский народ.

Андроновская культура

В Северной Бактрии выявлены следы пребывания андроновских племен. В долине Вахша у совхоза имени Кирова открыто поселение площадью 400 м² (рис. 38 А, Б) (Литвинский, Соловьев 1972: 41—47). Обнаружено два тонких слоя, разделенных стерильной прослойкой толщиной 0,5 м.

В нижнем слое исследованы круглые очаги диаметром 0,5 м, окруженные каменным кольцом, вокруг которых концентрируются кости животных и керамика. Сосуды серого цвета, хорошего качества, часто лощеные. Господствуют типично федоровские горшки с округлым плечом и отогнутым венчиком. 12% сосудов орнаментировано, 60% орнамента выполнено зубчатым штампом. У некоторых горшков орнамент нанесен не по трем зонам, а зоны шейки и венчика объединены, что вообще типично для посуды Средней Азии федоровского типа и культуры Тазабагъяб. Встречены флажки и равнобедренные треугольники, но абсолютно господствуют вытянутые косые треугольники, составляющие особенность федоровской керамики Таджикистана. Один горшок (Литвинский и др. 1972: рис. 19Б2) с раздутыми боками и коротким узким горлом, орнаментированный противоположащими косыми треугольниками, находит аналогии в культуре Тазабагъяб (Итина 1977, рис. 20: 2, 3; 65)

В слое найдены также каменные орудия и фрагменты литейных форм, указывающие на занятие металлообработкой.

Установление аналогии сосуду с Вахша на поселении Кокча 15 имеет решающее значение, так как на этом памятнике найдена импортная керамика Намазга VI, что определяет дату комплекса третьей четвертью II тыс. до н.э. (Итина 1977: 145) и делает его на сегодняшний день самым ранним федоровским комплексом Таджикистана.

В верхнем слое стоянки найдена посуда из глины с примесью гравия, половина ее имеет красно-желтый цвет обжига и изготовлена на матерчатом шаблоне. Формы горшков не восстанавливаются. Половина сосудов орнаментирована зубчатым штампом в виде вытянутых треугольников и флажков, что отражает генетическую преемственность с предшествующим слоем. Половина сосудов украшена гладким штампом в виде зигзага, елки и равнобедренных

треугольников (Литвинский, Соловьев 1972; рис. 20А). Дата верхнего слоя устанавливается по находке желто-глиняного сосуда с носиком-сливом (рис. 38А) (Литвинский и др. 1972: 14, рис. 19А1), находящего аналогии в керамике поздних стоянок в Кайракумах и других памятниках рубежа II — начала I тыс. до н.э. (Литвинский и др. 1962: 255). Ту же дату имеет каменная литейная форма (Литвинский и др. 1972: 45 рис. 21:1), предназначенная, вероятно, для отливки долота с клиновидным лезвием и валиком вкрут втулки — типа, характерного для комплексов финальной бронзы Казахстана (Черников 1960, табл. LXIII, 1).

Андроновская керамика с гребенчатым орнаментом найдена в Гиссарской долине у Тахтабада. Фрагменты андроновской посуды собраны А.В. Виноградовым в Северном Афганистане на левом берегу Амударьи. Она есть также в Шортугае.

Фрагменты керамики андроновского типа обнаружены В.А. Рановым на левом берегу реки Вахш у поселка Карабура (Литвинский и др. 1972: 46) и у переправы Джиликуль (Пьянкова 1998а: 170). В верховьях Вахша у Нурека в верхнем слое поселений 'Ўткаул и Саёд, относящихся к неолитической культуре Гиссар, найдены андроновская керамика и бронзовые предметы (Ранов, Коробкова 1971: 146; Юсупов 1975: 139). В районе Нурека у перевала Шаршар найдена андроновская керамика. Около г. Дангара на античном некрополе Ксиров открыто андроновское погребение (Пьянкова 1999: 288). На Таирсу на поселении Ташгузор культуры Бишкент андроновские фрагменты встречены в слое (табл. 1). На юге Таджикистана при впадении реки Кызылсу в реку Пяндж на античном городище Саксанохур найдены лепной сосуд (рис. 38: 19) и сделанный на гончарном круге горшок культуры Бишкент (Литвинский, Мухитдинов 1969: 160, 161; рис. 1, 2). Лепной сосуд имеет широко раздутое тулово и узкое горло, под горлом зубчатым штампом нанесены свисающие косые треугольники, ниже по тулову идет полоса заштрихованного зигзага. Аналогии орнаменту и форме сосуда известны в Хорезме в могильнике Тагискен (Итина, Яблонский 2001: 94—101; рис. 82: 507, 83; 517: 94), дата которого IX—VIII вв. до н.э.

К андроновской культуре относят также три могильника Таджикистана: Дашти-Кози (рис. 34: 4—14; 20, 22, 23, 26) (Исаков, Потемкина 1989; Бостонгухар 1998), Кумсай (рис. 34: 1—3, 15—18, 24.27) (Виноградова, Пьянкова 1990; Виноградова 2000) и Туюн (рис. 29: 10, 11) (Виноградова 2000).

Могильник Дашти-Кози расположен в предгорье Туркестанского хребта в верховьях реки Зеравшан на правом берегу. Исследовано 27 могил. Судить об их конструкции затруднительно, поскольку очертания могильных ям и дромосов не были установлены (Бостонгухар 1998). Только в погребениях 25 и 25 (1) были выявлены катакомбы, в публикации же (Исаков, Потемкина 1989: 145) все погребальные сооружения реконструированы как катакомбы. Вход в неглубокую входную яму закрыт камнями. Господствуют одиночные захоронения сильно скорченно, на левом боку, головой на запад с отклонениями. Выявлены также захоронения матери с ребенком и одновременные парные разнополые и одно тройное погребения, расчлененные костяки и череп ребенка. Перед захоронением во входной яме или в могиле разводили костер, клали охру. При умершем поставлен сосуд, на женщинах надеты украшения, в нескольких могилах есть кости барана. В катакомбе 25 выявлено семь одновременных разнополых взрослых погребений головой на восток. Умершие слабо скорчены, одна рука у некоторых вытянута. Инвентаря нет. Т. Ходжайов установил, что 3 женщины и 2 мужчины принадлежат к южному средиземноморскому типу, два мужчины относятся к андроновскому типу и отличаются большим ростом. Еще один мужчина — андровец похоронен головой на восток вместе с двумя аборигенными женщинами в могиле 12 без инвентаря, но с костями барана. (Джуракулов, Ходжайов 1987: 15). Особенности обряда в могиле 25 отражают ритуальный характер комплекса или то, что умершие были иностранцами или жертвами эпидемии. В могильнике открыты также большие неглубокие ритуальные ямы, в которых многократно разжигали огонь и заливали его маслом (Бостонгухар 1998: 84—87).

В женских погребениях найдены привески для кос, серьги с рас-трубом, браслеты, зеркала, ребристые пронизки, лазуритовая буса, бронзовые бусы, украшавшие красные сапожки. Выявлено три богатых погребения № 3, 15 и 25(1), где на женщинах было по 3—4 браслета на руках, золотые височные кольца, серьги с крюком, венец из бус, зеркало с петелькой, гривна, платья, расшитые бусами (Бостонгухар 1998: 69, 74, 75, 83, рис. 36, 45). Бронза содержит высокую концентрацию олова и свинца.

Керамика лепная серого и желто-оранжевого цвета сделана из глины с примесью песка, шамота, дресвы. Основная форма — горшок с широким горлом, выделенной шейкой и округлым плечом. Максимальная ширина тулова находится на высоте $\frac{2}{3}$, у некоторых

горшков — на середине высоты, что является поздним признаком федоровской посуды. Некоторые горшки имеют вытянутые пропорции и узкое горло, приближаясь к кувшинам, характерным для финальной бронзы. Половина посуды орнаментирована гладким или гребенчатым штампом. Орнамент расположен одной зоной по плечу: заштрихованные равнобедренные треугольники вершиной вверх или вниз, вертикальная или горизонтальная елка, у двух сосудов она идет по венчику и плечу; зигзаги, спускающиеся от венчика; у одного горшка по шейке нанесены каннелюры, что типично для федоровской керамики, но пропорции сосуда вытянутые (Бостонгухар 1998: рис. 23:7; 25:8; 26:2; 28:11; 30:10; 31:26, 27; 32:24; 36:6).

Вопреки мнению А.И. Исакова и Т.М. Потемкиной (1989: 163), эта керамика ни по технологии, ни по типам не имеет сходства с позднеалакульской, а принадлежит к поздней деградировавшей федоровской традиции, находя ближайшие аналогии в посуде могильников Таджикистана.

Интересны находки в парном погребении 8 вместе с андроновским горшка моллаинского типа и сходного по форме горшка в погребении 7 (Бостонгухар 1998: рис. 28:10; 27:1), находящихся аналогии в гончарной керамике Таджикистана, в частности, в могильнике Кумсай (Виноградова, Пьянкова 1990: рис. 5; 2, 3). Горшок с узким горлом и каннелюрами из погребения 9 (Бостонгухар 1998: рис. 30:11) имеет типологическое сходство с керамикой позднебронзового поселения Якке-Парсан 2 (Итина 1977; рис. 82; 24; 25) и мавзолея в Тагискена (Итина и др. 2001 рис. 87: 570, 573; 88: 574) в Хорезме.

Другой андроновский могильник федоровского круга Кумсай открыт в предгорьях Гиссарской долины (рис. 34) (Виноградова, Пьянкова 1990: 98—112; Виноградова 2000: 90, рис. 4). Раскопана 21 могила типа катакомбы. Сверху могила обозначена несколькими камнями, вход в катакомбу заложен камнями. Погребения одиночные, сильно скорченные, головой на северо-восток, женщины на левом боку, подросток — на правом. У головы сосуд, на женщинах украшения.

В шести могилах найдена лепная керамика из глины с примесью известняка и шамота, серого цвета обжига. Представлены горшки с открытым горлом, округлым плечом, иногда широкими боками или вытянутых пропорций. Два сосуда по плечу украшены каннелюрами, у остальных орнамент выполнен зубчатым штампом двумя зонами по венчику или шейке и плечу в виде двух рядов горизонтального зигзага или противолежащих треугольников (Ви-

ноградова и др. 1990, рис. 5: 4—7). Это посуда позднефедоровской традиции.

В пяти детских могилах найдены сосуды красно-оранжевого цвета с белым ангобом, сделанные на гончарном круте. Это два горшка, открытая миска и кувшин с узким горлом (Виноградова и др. 1990: рис. 4: 12; 5: 1—3). Эта посуда находит аналогии в земледельческих некрополях молалинского этапа Южного Таджикистана (Пьянкова 1998 рис. на с. 169 I).

Женские украшения представлены височными подвесками с крюком и одной очковидной, широкими несомкнутыми браслетами, крупными бронзовыми бусами и разнотипными пастовыми бусами и пронизками. Ими были расшиты накошники и сапожки. Украшения, по заключению И. Равич, содержат 10% олова и 5—10% свинца. По типам, по составу и технике отливки они типичны для позднеандроновских комплексов Зеравшана и Таджикистана (Виноградова и др. 1990: 109).

В бассейне реки Кызылсу открыт могильник Туюн (рис. 29: 10, 11) (Виноградова 2000: 105, рис. 19).

Погребение девочки-подростка совершено в катакомбе скорченно, на левом боку, рядом находятся два детских черепа и федоровский лепной горшок с округлым плечом, орнаментированный зубчатым штампом по венчику и шейке флажками. Найдены серебряная подвеска с крюком, пастовые бусы на черепе и крупные бронзовые бусы на ногах.

Н.М. Виноградова и Л.Т. Пьянкова (1990: 110, 111; Пьянкова 1998: 170; Виноградова 2000: 105) относят могильники Таджикистана к выделенному Н.А. Аванесовой (1985: 40) Зеравшанскому типу андроновско-тазабагъябской общности и предполагают миграцию этого населения с Зеравшана, А.И. Исаков и Т.М. Потемкина (1989: 165) видят исходную территорию в Южном Казахстане. Оба предположения неверны. Памятники Южного Казахстана Таутары и Куюкты не имеют ничего общего с таджикскими (ограда, грунтовая могила, кремация, богато орнаментированная посуда, в том числе с уступом на плече). Выделение зеравшанского варианта также не представляется убедительным, поскольку погребальный обряд и керамика памятников Среднего Зеравшана очень разнообразны и отражают присутствие, наряду с федоровскими, также и алакульских, и срубных традиций, и земледельческой культуры БМАК (клад Джам). Можно констатировать только сходство типов металлических сплавов и на-

бора украшений, представленных на Среднем Зеравшане и в могильниках Таджикистана: федоровские серьги с раструбом, широкие несомкнутые браслеты, крупные бусы с ребром, каменные бусы. Но украшения не являются культурно-определяющим признаком. Решающее значение имеют керамические комплексы. Что касается обряда погребения в катакомбе, то он отражает влияние культуры БМАК. Поскольку центр этой культуры находится в Южном Таджикистане и Узбекистане, вероятно сложение своеобразных могильников Таджикистана именно на Западе, где находится самое древнее андроновское поселение у совхоза Кирова (нижний слой) и где андроновские черты ярко представлены в могильниках Тулхар и Бабашов. Там берут исток эволюция катакомбы, заклад камнями входа, обычай разжигать костер во входе и помещать в камеру золу. Именно для культуры Бишкент характерно сочетание импортной посуды БМАК и местной лепной керамики. Но в Бишкекте синтез андроновской и земледельческой традиции привел к формированию новой синтетической культуры, представленной могильниками Вахша.

Кинжалы с упором на литейных формах из Намазгии из Кангурттута (рис. 29: 13; 39:25) находит многочисленные аналогии по всему Казахстану, в том числе — в комплексах поселений с керамикой с наlepным валиком Алексеевка, Садчиково, Челкар, Елизаветинский прииск, Сталинский рудник, Саргары, Атасу, Ильинка, Кент (Кривцова-Гракова, 1948, рис. 20; 1951; Оразбаев 1958, табл. VIII, 13, IX, 4—6; Зданович С. 1974, 1978, 1979; Маргулан 1979, рис. 136, 3; Матющенко 1973а, рис. 2, 5; Генинг, Ещенко 1973, рис. 4, 10; Кадырбаев и др. 1992, рис. 20: 3; Варфоломеев 1987, рис. 6, 2), а также в позднесрубных комплексах Поволжья и Украины вплоть до Подунавья (типы 34, 36 по Е.Н. Черныху (1976), в том числе — вкладах Малые Копани, Головурово, Лобойково, Кабаково, Соколены, Волошское, Красный Маяк, что определяет датировку среднеазиатского экземпляра XII!—X вв. до н.э.

Кинжалы Тулхара, Вахшувара и Дашлы 3 (рис. 39: 1, 6, 10) характерны для Восточного Казахстана (Черников 1960, с. 164, табл. LXIV, 2—4), другой вариант есть на поселении Новоникольское (Зданович 1988, табл. 10, 21). Варианты, сопоставимые с однолезвийными ножами с отогнутым лезвием Кангурттута и Нурека (рис. 39: 11, 31), известны на Урале в кладе Веселовского вместе с топором андроновского типа, долотом, копьем и серпом (Обыденнов 1996: 109, рис. 3:18) и в Семиречье. Тип ножа из Нурека пред-

ставлен на поселениях Центрального Казахстана Каркаралы и Кент вместе с керамикой с валиком (Маргулан 1998, рис. 134:7; Варфоломеев 1988, рис. 3). Разные типы втульчатых стрел с выступающей или скрытой втулкой принадлежат к категории оружия, которое развивалось в андроновской культуре, начиная с эпохи Синташта и до поздней бронзы, когда варианты, аналогичные среднеазиатским, представлены в комплексах с керамикой с налпными валиками по всему андроновскому ареалу: поселения Алексеевка, Саргары, Шортанды-Булак, Кент, Малокрасноярка и другие (Кривцова-Гракова 1948, рис. 33, 1; Зданович 1988, табл. 10, 8—10; Варфоломеев 1988, рис. 4, 27; Маргулан 1998: рис. 127: 8—10; 190).

Каков возраст андроновских памятников? Самым древним свидетельством является находка андроновского фрагмента в постхараппском слое в Шортугае. На стоянке Вахш выявлен нижний слой, но его керамический комплекс аналогичен посуде большинства других памятников.

Федоровские материалы встречены на памятниках БМАК на поселениях и могильниках Джаркутан, Бустан, Тандырйул, Тегузак, Кангурттут, Шортугай и на поселении культуры Бишкент Ташгузор (табл. 1), что дает основание синхронизировать эти культуры. Хронология устанавливается по находкам металлических изделий, датирующиеся в основном XIII—XI вв. до н.э., некоторые типы доживают до X—IX вв. до н.э. Отнесение памятников к эпохе финальной бронзы подтверждается находкой на поселении Джаркутан цилиндрической печати (Мейтарчиян 1984), относящейся к тому же стилю, что печать со всадником из Мерва (Кузьмина 1971г) и ряд печатей из Южной Бактрии, опубликованных (Сарианиди 1999; Sarianidi 19986, 2000).

Другим основанием для установления возраста андроновских памятников Северной Бактрии является керамика. Форма большинства сосудов с округлым плечом и широким и высоким горлом, декор зубчатым штампом по косой сетке в виде горизонтального зигзага, елки, косых треугольников, флажков и меандра типичны для традиции Федорово. Но встречаются сосуды вытянутых пропорций, или с шаровидным туловом, или с низким горлом. Главные отличия от классической федоровской посуды отмечаются в орнаменте. Большой процент горшков вообще лишен декора, орнамент упрощен и нанесен по одной зоне — горлу или плечу, часто на разные зоны нанесен один мотив. Эти нарушения типичны для позднефедоровской керамики всего андроновского ареала.

Особенно характерен для позднефедоровской посуды мотив очень вытянутых, часто противолежащих косых треугольников и пучков косых линий. Они известны на позднефедоровской керамике Урала и Тобола, где часто сочетаются с керамикой с наlepным валиком и посудой культуры Черкаскуль и Лугавская, абсолютно нехарактерной для Средней Азии (Обыденнов 1977, рис. 10; Обыденнов, Шорин 1995: рис. 39; 46; Стефанов, Корочкова 2000: рис. 27).

Бликие орнаменты представлены на посуде позднеандроновских памятников Центрального Казахстана: Егизек, Беласар (Маргулан 1998: рис. 32; 37), Икпень III, Шапат (Ткачев 2002 ч. 1: рис. 36; ч. 2: 180) и Восточного Казахстана: Измайловка (табл. 54) (Ермолаева 1987: рис. 29; 47), где эта керамика найдена вместе с посудой с наlepным валиком типа Донгал и культуры Бегазы и датируется предсакской эпохой IX—VIII вв. до н.э. по находкам клиновидного долота, стрел и древнейших удил и псалиев. Для Измайловки характерны также сооружение каменных ящиков, наличие в могиле погребального костра, охры.

Сосуды с носиком, встреченные в Северной Бактрии в Ташгузоре (рис. 37), найдены в Центральном Казахстане в самых поздних комплексах: на поселении Тагибай-Булак (Маргулан 1998: рис. 140:1) и в могильнике Красные Горы (рис. 55) (Ткачев 2002, ч. 2; рис. 195) вместе с керамикой с наlepным валиком типа Донгал и датируются по находке в Красных Горах двуколычатых железных удил X—IX вв. до н.э.

Эта дата служит верхней границей памятников бронзового века в Северной Бактрии. К XIII—XI вв. до н.э. относится основная часть памятников БМАК и Андроново, содержащих посуду с наlepным валиком типа Алексеевка и бронзовые изделия, характерные для степей Евразии от Дуная до Китая.

Время первого прихода федоровских племен на юг Средней Азии неизвестно. Возможно, что они продвигались несколькими последовательными волнами. Но, судя по обилию памятников, пик их миграционной активности приходится на эпоху поздней бронзы — время многочисленных и разнонаправленных передвижений во всей степи Евразии.

Вопрос о том, откуда пришли андроновские племена в Северную Бактрию, остается открытым. Наиболее вероятно появление пришельцев с севера — северо-востока. На это указывают господствующие типы погребальных обрядов: каменные круглые и прямо-

утольные ограды, ящики и грунтовые ямы, сочетание кремации и ингумации, федоровский тип горшков с округлым плечом, но бедным орнаментом, часто расположенным одной или двумя зонами, и обилие посуды без орнамента, наконец, бесспорная принадлежность бактрийского металлургического центра к восточно-андроновской металлургической провинции, для которой характерны типы ножей, кинжалов, кельтов и особенно украшений: серьги с раструбом, браслеты с рожками, крупные литые бусы, а также сплавы с высоким содержанием олова и часто свинца.

Взаимоотношения аборигенов земледельцев и пришельцев скотоводов были дружественными. Мирному сосуществованию, вероятно, способствовала хозяйственно-культурная специализация: андроновцы были полуоседлыми скотоводами и поставщиками бронзовых изделий, в обмен на которые получали продукты земледелия, каменные бусы, гончарную посуду.

На севере — на собственно андроновских памятниках — выявлены следы взаимодействия с земледельцами. Известны находки каменных бус, особенно из лазурита и бирюзы, изготовленных ювелирами Намазга VI — БМАК, на памятниках степной зоны Средней Азии (могильник Гурдуш, стоянки на Махан-Дарье и др.) (Гулямов и др. 1966, с. 202, табл. XXIII, XXIV) и от Урала до Сибири (Алабуга, Ушкатта, Киимбай, Урал-Сай, Аксайман, Боровое, Нуртай, Ростовка, Сопка 2); на андроновских памятниках Кожумберды и Атасу распространены бронзовые бляшки со сложными узорами, имитирующими бронзовые и каменные печати земледельцев Маргианы и Бактрии периода Намазга VI (Маргулан 1998, рис. 191; Ткачев 2002 ч. 2: рис. 137, 167). Намазгинского типа булавки с биспиральной головкой найдены в Хорезме (литейная форма Кокча 15а), Северном Казахстане (имитация из могильника Боровое) (Кузьмина 1998в). Однако количество импортов на севере в XV—XIV вв. до н.э. столь ничтожно, что оно указывает на спорадический характер контактов с земледельцами. Лишь в четвертой четверти II тыс. до н.э. пастушеские племена начинают широко осваивать среднеазиатские пустыни и высокогорья.

XIII—XI вв. до н.э. — период перехода к яйлажной форме скотоводства, освоения верховой езды, появления железа и других инноваций в культуре и активного движения на юг (карта 9). В степи распространяется керамика с наlepным валиком, часто с усами (Кузьмина 1994: рис. 51). Она характерна для культуры Ноуа в Румынии, позднесрубных сабаатиновского и белозерского этапов на

Украине, IV — хвалынского (ивановского) этапа в Поволжье, позднеандроновских памятников алексеевского типа, представленных на Урале, во всем Казахстане, на Алтае и в Семиречье, и вплоть до Монголии (Кривцова-Гракова 1948; Тереножкин 1961; Лесков 1970; Потемкина 1979; Оразбаев 1958; Зданович С. 1979; Маргулан и др. 1966; Маргулан 1979; Черников 1960; Могильников 1976; Бернштам 1952; Черных 1983; Chernykh 1992; Кузьмина 1967; 1994; 2005; Цыбиктаров 1998). Она появляется и в Средней Азии.

Именно в эпоху поздней бронзы активизируются контакты земледельцев со степью.

В могильнике Кулевчи VI на Южном Урале раскопано два погребения по обряду кремации на стороне. Дно ям сильно обгорело, выше идет слой глины, затем угля. В каждой могиле найдены кальцинированные кости человека и животных, ребра баранов и по два сосуда: один федоровский, богато орнаментированный, второй — большая миска, подражающая гончарной посуде (Виноградов 2000: 30, 31, рис. 9). Гончарная посуда обнаружена на поселении Черноозерье на Иртыше (Викторова и др. 1974: 22, 23, рис. 2:2).

Посуда времени поздней Намазга VI, Молали, Бустан, сделанная на гончарном круте или подражающая ей по форме, найдена на позднефедоровском поселении Павловка в Северном Казахстане (рис. 52: II) (Малютина 1985; 1991); позднем могильнике Таутары в Южном Казахстане (рис. 18) (Максимова 1962), на поселении Биен в Семиречье (Карабаспакова, 1987, с. 96), в Центральном Казахстане на поселениях Кент и Мыржик и в могильнике Тасырбай (Варфоломеев 1991, с. 15, 17) в комплексе с алексеевской. Сочетание в Кенте большого числа изделий, надежно датирующихся по европейской шкале XIII—XI вв. до н.э. (рис. 50, 51), дает основания для установления хронологии Намазга VI и БМАК. Станковая посуда совместно с алексеевской встречена также на ряде поселений Алтая (Калиновка 4, Курейка 3, Переезд, Бурла 3, Молоково II, Чекановский Лог) (Г. Иванов 1987; 1989; Удодов 1988; 1991, 76; Кирюшин, Лузин 1990; Кирюшин и др. 1990, с. 117, 122; Тишкин 1998; 92; Демин, Ситников 1998: 94). Ситников обращает внимание то, что она есть только в районах рудных месторождений на торговых путях.

Андроновская культура в Южной Бактрии

Андроновские памятники открыты советско-афганской экспедицией. В оазисе Дашлы (Сарианиди 1977, рис. 66) и на южном

берегу Амударьи в сборах А.В. Виноградова представлена андроновская керамика (рис. 26: 54—57). Это лепные фрагменты, украшенные треугольными вдавлениями и гладким штампом в виде вертикальной елки и равнобедренных треугольников. Валиковая керамика отсутствует, вероятная дата — третья четверть II тыс. до н.э., хотя не исключен и более поздний возраст.

Андроновские материалы открыты на поселении Шортутай (Francfort 1977; 1989, рец. Кузьмина 1992). А.-П. Франкофор объединяет выделенные строительные горизонты в два этапа. Первый — это город культуры Хараппа. Керамика изготовлена на гончарном круте и включает специфически хараппские формы и мотивы орнамента (Francfort 1989, табл. 32—38, 43, 46—47, 52—54, 59—61), а также характерные для цивилизации в долине Инда печати, бусы и изделия из раковины (Francfort 1989, табл. 80, 81, 1—14, 75). По-видимому, общность типов транспорта и единство ряда керамических форм и металлических изделий свидетельствуют об активных связях жителей хараппской колонии с земледельческим населением юга Средней Азии на первом этапе обитания памятника. Общие типы позволяют синхронизировать Шортутай (этап А) — Хараппа — Намазга V—VI — Мундигак IV — Шахри-Сохта III—IV — Яхья IVB — Бампур V—VI — Кулли-Шахдад-Гисар IIIC. Отстаивая систему длинной хронологии, А.-П. Франкофор датирует первый этап 2200—2000 гг. до н.э., когда поселение было покинуто.

Второй этап памятника отражает новую культуру, распространившуюся из Северной Бактрии. Это комплекс керамики, находящийся аналогии в Дашлы и Сапалли. В верхнем (IV) этапе второго периода открыты погребения культуры Бишкент, содержащие керамику типа северо-бактрийского варианта БМАК, сделанную на гончарном круте, вместе с лепной посудой (Francfort 1989: табл. XI, XXV), что характерно и для могильников Таджикистана (Пьянкова 1989а: рис. 61—63, табл. 77, 15, 17, 78, 1). Найдена также андроновская керамика федоровского типа. Это лепные, иногда лощеные, сосуды без орнамента и фрагменты, украшенные характерным для позднефедоровских комплексов декором, выполненным зубчатым и гладким штампом по косой сетке (Francfort 1989: 80, 242, табл. 58, 1, 3, 4, 12—15, XXVI, 1, 5, XXVII, 3) (рис. 27: 24—33).

Особую типологическую группу составляет лепная посуда с наlepным валиком под венчиком или орнаментом, имитирующим наlepной валик (рис. 37: 23—27) (Francfort 1989: табл. 58, 6—9, XXVII,

1). Из вещевого материала с комплексом степной керамики соотносится бронзовая двулопастная стрела со скрытой втулкой (Francfort 1989, IV период, табл. 78, 3), металлические изделия (рис. 39: 19) (Francfort 1989: 208, табл. 75), сделанные из бронзы (период III) или из сложного сплава с мышьяком и оловом (периоды III, IV), в отличие от изделий этапа А, изготовленных из меди и мышьяковистой бронзы, что характерно для металлургического производства всех земледельческих центров Средней Азии и культуры Заман-Баба (что касается памятников бишкентской культуры, то, как говорилось, для них типично такое же, как в Шортугае, сочетание вещей из мышьяковистой бронзы и из оловянистой бронзы; последние, как правило, принадлежат к андроновским типам (Кузьмина 1966: 86—91; Терехова 1975; Рузанов 1982; Пьянкова 1989а: 86).

В верхних слоях Шортугая, по заключению палеоботаника Г. Вилкокса (Francfort 1989: 180, табл. 65), представлены злаки, имеющие северо-евразийское происхождение: просо и шестирядный ячмень, выявленные в Кангуртуте.

Интересно стратиграфическое положение андроновской керамики. Один фрагмент найден в верхнем (II) периоде харалпского поселения, все остальные относятся ко второму этапу: часть в III периоде и вдвое большее число — в последнем IV периоде обитания памятника, где они сосуществуют с бишкентскими закрытыми комплексами. Устанавливается такая последовательность культур: (этап А) — I и II периоды — Хараппа-Намазга V; этап В — III период — северо-бактрийский вариант БМАК и Андрон; IV период — БМАК — Андрон-Бишкент. А.-П. Франкфор, принимая непрерывность обитания памятника после ухода харалпского населения, что доказывается, на его взгляд, сохранением некоторых гончарных и строительных традиций (крупноформатный кирпич), и отстаивая систему длинной хронологии, датирует этап В 2000—1700 гг. до н.э., используя калиброванные даты по C^{14} и подчеркивая несовместимость предлагаемой им хронологической шкалы с принятой в отечественной науке. Что касается полученных 16 дат (Francfort 1989: 241, табл. 81), то они не выглядят слишком убедительно ввиду большого разброса и перекрывания: период I — 4075—3725 (2850—2090 гг. до н.э.), период II — 4375—3710 (3340—2060 гг. до н.э.), период III — 3620—3050 (2850—940 гг. до н.э.), период IV — 3640—3535 (2160—680 гг. до н.э.). То же справедливо и для серии дат памятников андроновской и бишкентской культур (Приложение). Поэтому целесообразнее

обратиться к сравнительно-историческому анализу и синхронизации комплексов. Предлагаемая А.-П. Франкфором относительная хронология и синхронизация памятников раннего этапа Шортуга бесспорны. У сторонников длинной хронологии не вызывает сомнений и нижняя дата — конец III тыс. до н.э., хорошо согласующаяся с началом этапа Намазга V по хронологической шкале В.М. Массона (1956), принятой большинством отечественных ученых. Однако все-таки нет достаточных оснований относить время проживания хараппцев в Шортугае только к началу эпохи Намазга V, конец которой определяется 1700—1600 гг. до н.э., синхронизируясь с наиболее принятой верхней датой существования цивилизации Мохенджо-Даро (Бонгард-Левин, Ильин 1985: 92—95; Елизаренкова 1989: 432, 434; Possehl 1990, 1999). В.М. Массон (1959: 109 и сл.), отмечая кризис городской цивилизации в конце эпохи Намазга V, подчеркивал, что в эпоху Намазга VI жизнь городских центров продолжалась, а ремесло достигло даже более высокого уровня. В.И. Сарианиди (1977: 151—155) видит в эту эпоху расцвет городской культуры и в Маргиане и в Бактрии — расцвет, обусловивший формирование Бактрийского государства в предахеменидскую эпоху.

Южно-среднеазиатская хронологическая система основана на анализе стратиграфии большого числа памятников, давших последовательную мощную свиту слоев, свидетельствующих о длительном бытовании этапов Намазга V и Намазга VI (табл. IV, V). Верхний хронологический репер — ахеменидская эпоха — VI в. до н.э. Преимущество традиций производства бактрийской белой гончарной керамики от эпохи бронзы до Ахеменидов несомненно (Кузьмина 1971в; 1972а). Этот тезис получил надежное подтверждение в результате независимого анализа массового керамического материала (Сарианиди 1977: 116; Cattenat, Gardin 1977). Это исключает датировку конца эпохи Намазга VI 1700 г. до н.э. Хронология Намазга VI и его бактрийского варианта корректируется совместными находками степной и земледельческой керамики на поселениях Шортугай, Джаркутан, Кангурттут, Тегузак, поселениях и могильниках культуры Бишкент и Андроновы: Дашти-Кози и Кумсай (табл. 2).

Решающее значение для установления их хронологии XIII — XI в. до н.э. имеют находки керамики с наклепным валиком, датированной по европейской шкале.

Андроновский металл известен на земледельческих поселениях Бактрии и Маргианы: это кинжал с Дашлы 3 и стрелы с Тоголок 15

и Шортугая, а также ножи, кинжалы, втульчатые копья, жезл в виде протомы коня из случайных находок в Южной Бактрии (Сарианиди 1977: рис. 36; 1990: табл. XC. 9; Francfort 1989: табл. 78, 3; Amiet 1977: рис. 15, 87; Pittman 1984: fig. 32). Бесспорно андроновское происхождение имеет находка в Северном Афганистане — серьги с раструбом (Sarianidi 1993: 17, fig. 24). Интерес представляет церемониальный бронзовый топор из случайных находок в могильниках Южной Бактрии (Ligabue et oth. 1988: 164, fig. 101) и из коллекции Мехбубяна (Mahboubian 1997): лезвие завершено головой или фигурой коня со стоячей гривой. Такая трактовка изображения лошадей специфична для андроновских жезлов (ср.: рис. 9 или 45: 5, 6). Северное степное происхождение этой стилистической манеры доказывается многочисленными изображениями на петроглифах Казахстана (Пяткин, Миклашевич 1990: рис. 1, 2). Оттуда же в Бактрию приводили самих коней. В Дашлы 19 в могиле открыто погребение коня, в другой могиле — бронзовое навершие в виде протомы лошади (Сарианиди, 1977: 148), захоронения коней открыты в могильнике Гонур (Дубова 2004).

Металлические изделия типов, характерных для позднеандоновской металлургической провинции, распространялись вплоть до Северного Индостана: это кельт с поселения Гхалигаи в Свате (Stacul 1967: рис. 12h) и кельт из Курукшетры — места битвы ариев, описанной в Махабхарате, по мнению Д. Гордона (Gordon 1958: 138, fig. 1), принесенный ариями с прародины.

С продвижением пастушеских племен на юг, вероятно, связано и появление на поселении Пирак в Белуджистане фигурок лошадей и двугорбых верблюдов (рис. 69) (Jarrige, Santoni 1979: 177—179, fig. 94—95) и распространение на севере Индостана, в том числе — в Тхоре (рис. 44a), изображений колесниц на петроглифах, стилистически сходных не с переднеазиатскими профильными, а с андроновскими плановыми (Касамби 1968: 123; Кузьмина 1980в: 34; Lal 1961: fig. 5, 6; Jettmar 1985).

В конце II тыс. до н.э. на юге Средней Азии, в Иране и Афганистане распространяется орнаментация посуды наlepными валиками (рис. 46, 47). Сосуды с валиками найдены в Тепе-Гияне (рис. 48: 57, 58), откуда происходят также типично степные двукольчатые удила, псалии и бляшки с петелкой (Contentau, Ghirshman 1935: 8, 13), что Р. Гиршман первоначально связывал с миграцией всадников-иранцев из степей. В Афганистане на Тилля-Тепе присутствует лепная керамика с наlepными валиками (Сарианиди 1972в: рис. 7,

2, 9, 1, 12, 1, 22, 4). Аналогичная посуда входит в комплексы XIII—IX вв. до н.э. Туркмении (Яз I), Узбекистана (Кучук), Таджикистана (Карим-Берды, где найден также кельт казахстанского типа) (Массон 1959; Аскарлов, Альбаум 1979; Виноградова, Кузьмина 1986). Распространение на юге моды на орнаментацию посуды на лепными валиками, технологически не оправданной на гончарной керамике и представляющей имитацию лепной, и появление металлических изделий, принадлежащих и по типу, и по составу (высокооловянистая бронза) к продукции северных металлургических очагов и не имеющих прототипов в переднеазиатских культурах, указывают на основное направление миграций в XIII—IX вв. до н.э., шедших с севера на юг, с территории степей.

Андроновская культура Памира

Пастушеские племена освоили высокогорья Восточного Памира. Здесь открыты скальные навесы Машале и Куртеке. В последнем В.А. Ранов (1962: 78) выявил несколько очагов, каменные стрелы и другие орудия, керамику позднеандоновского типа и два наконечника бронзовых стрел. Черешковая стрела находит аналогии в круге древнеземледельческих культур эпохи финальной бронзы Средней Азии и Ирана: Чуст, Дальверзин, оба некрополя Сиалка, верхний слой тепе Гияна; втульчатая стрела характерна для памятников позднеандоновских; оба типа сочетаются в Туркмении в культуре эпохи варварской оккупации Яз I, в Хорезме в культуре Амирабад, в Ташкентском оазисе в культуре Бургулюк, в Северной и Южной Бактрии на памятниках Кучуктепе и Тиллятепе (Кузьмина 1966: 31—7, табл. VI; Литвинский 1972: 91—3, табл. 30—2; Аскарлов, Альбаум 1979: 44, 45, рис. 19; Духе 1982а: 51, 52, рис. 13; 14: 11; Сарияниди 1972б; 1989в: 36, табл. III: 1, 3), что позволяет датировать пещеру Куртеке рубежом II — началом I тыс. до н.э.

Исследованы могильники Кокуйбельсу, Карадимур и курганы в сакских могильниках Кызылабат (курганы 1 и 6), Жартыгумбес IV, курган 1, Тегермансу I, курган 1 (Литвинский 1963: 501; 1964: 146; 1972, 14, 16, 17, 19, 22, 29, 30, 40, 41, 90; табл. 1:2: 6:38, 39, 50; Бубнова 1985; 1993: 312; 1998: 154, рис. на с. 155).

Западнее изучены могильники Южбок II, Курган 2, Баяндкиик, Кальтатур, Даранбхарв (Бабаев 1980; 1984; 1989).

Погребальные сооружения представляют небольшие каменные курганы, часто с каменным кольцом, каменные кольца и прямо-

угольные каменные ограды, иногда с большими камнями по углам (Жартыгумбез). В Карадимур под курганом выявлено квадратное сооружение с двойными каменными стенами, забутованными глиной, и входом-пандусом.

Строительная техника характерна для позднеандроновских жилищ, планировка напоминает тазабагыябский дом и мавзолеи Бегазы и Тагискена (Маргулан 1998; Итина, Яблонский 2001). В Кокуйбельсу рядом с могильником сооружены две большие каменные выкладки в виде стрелы. Б.А. Литвинский (1964: 147) сопоставил их с сакральными сооружениями Тянь-Шаня (Арпа) и Индии.

На Памире в центре курганов и оград находится овальная яма, содержащая останки кремации (Кокуйбельсу), обычно захоронение скорченно, на правом, редко на левом боку, головой на запад, а чаще на восток. В Южбок известны захоронения на спине с поднятыми ногами. В могиле иногда находится циста или каменный ящик (Кзылрабат) и есть каменное перекрытие (Карадимур).

В Южбок вокруг головы установлено три камня, рядом есть очаг. (Этот обряд находит аналогии в культуре Бишкент.) Большой процент сооружений составляют кенотафы без погребений. В Карадимур в сооружении найдены голова коня и кострище с костями животных, в других могильниках встречаются кости мелкого рогатого скота.

Захоронения часто сопровождаются сосудами. Другой инвентарь представлен андроновскими бронзовыми бусами, каменной мотыгой (Южбок), медным копьем (Южбок), ножом (Тегермансу).

Керамика грубая с примесями дресвы, плохого обжига, серого или коричневого цвета. Представлены горшки с округлым плечом или слабо профилированные банки (Кзылрабат, Жартыгумбез, Карадимур).

Только горшок из Кзылрабата (Литвинский 1972: табл. VI: 38) по форме типично федоровский. Сосуд из Карадимура (Бубнова 1998: 155 рис. 1) имеет узкое горло и раздутые бока, что типично для керамики эпохи финальной бронзы. Орнамент встречается редко, раппорт нарушен: горизонтальная елка под венчиком (Жартыгумбез) и меандр по плечу (Карадимур), выполненные зубчатым штампом (рис. 38: 20). Искаженные формы, нарушение раппорта, исчезновение орнамента — все это черты, отражающие деградацию федоровской традиции и позволяющие отнести комплексы к самому концу эпохи бронзы.

Особый интерес представляют два сосуда из Южбока: высокая цилиндрическая банка с зауженным горлом и горшок с широким дном и выпуклыми боками (Бабаев 1980: рис. 4). Они относятся не к андроновской культуре, а имитируют керамику культуры Бишкент типов 2 и 14 по Л.Т. Пьянковой (1989а: рис. 48, 57, 84).

Дата памятников Памира, кроме керамики, устанавливается по находкам металлических изделий. В Южбоке найдено кованое копье с плоским лезвием и длинным утолщенным черешком, изготовленное из меди с примесью мышьяка (Бабаев 1980: рис. 3; 1984). По форме и составу металла оно сопоставимо с дротиком из могильника Тигровая Балка культуры Бишкент (Pjankova 1986в: abb. 73: 3).

Однолезвийный бронзовый нож из Тегермансу с отогнутым назад концом лезвия (Литвинский 1972: 30, рис. 1: 2) аналогичен «хвостатому» ножу поселения Кангурттут культуры Бишкент (Kuzmina, Vinogradova 1996: 43, fig. 4:15). Последний отлит из оловянистой бронзы. Он имеет большое значение для установления хронологии, поскольку найден совместно с каменной литейной формой кинжала с упором (Kuzmina and oth. 1996: 45, fig. 4:13), принадлежащего к классическому типу степей Евразии, датируемому XIII — IX вв. до н.э. Хвостатые ножи с отогнутым концом и изогнутым лезвием, которые употреблялись для снятия шкуры с животного, были характерны для Монголии и Северного Китая, где их дата X—IX вв. до н.э. (Bunker 1997: 139 № 30).

Анализ погребального обряда, керамики и вещевого инвентаря подтверждает вывод Б.А. Литвинского (1972: 29), отнесшего памятники Восточного Памира к самому концу эпохи бронзы.

Топография могильников указывает на сезонное отгонное (яйлажное) скотоводство. Летом в горы выгоняли стадо (преимущественно овец). Подсобную роль играла охота: в пещере Куртеке найдены стрелы.

Комплекс могильника Южбок близок культуре Бишкент и, возможно, свидетельствует о летних кочевках бишкентцев. По данным могильника население принадлежало к восточному варианту европеоидного средиземноморского расового типа, остававшегося в сакскую эпоху «тем же, что в эпоху бронзы, то есть автохтонным» (Кияткина 1984: 139).

Остальные могильники по обряду и керамике представляют реминисценцию федоровских традиций и наиболее близки синхронным памятникам семиреченского типа.

Изучив культуру саков Памира, Б.А. Литвинский (1972: 156) пришел к выводу, что она генетически восходит к местной культуре эпохи поздней бронзы.

Современные памирские языки принадлежат к индоиранской ветви и сохраняют многие архаичные черты (Пахалина 1969, 1976; Morgenstierne 1938(2)).

Многие топонимы являются индоарийскими, в мифологии и фольклоре сохраняются представления и образы, восходящие к глубокой индоиранской древности. Это позволяет предполагать индоиранскую принадлежность населения Памира в эпоху бронзы.

В Теккеташ и Акджилга открыты относящиеся к андроновской культуре петроглифы с изображением конных колесниц (Мандельштам 1961; Жуков, Ранов 1972, 1974). Аналогия им известна в верховьях Инда в Тхор (Jettmar 1985), что указывает на миграцию населения с севера.

Традиционные маршруты перекочевок соединяли Памир с Тянь-Шанем, долиной Кафирниган и Северной Индией. Древний путь шел из долины Сурхандарьи в долину Гиссар, дальше по реке Иляк в верховья Вахша и через перевал Гулизандон на реки Кызылсу и Яксу и далее через перевалы в Шугнани и Вахане в Индостан (Зелинский 1969; Gorbunova 1993/94: 6, map 1). Через Пяндж и Амударью было много бродов, главная переправа находилась у современного города Термез.

Топография памятников показывает, что путь в Индию был открыт андроновскими пастухами.

* * *

Итак, материалы Бактрии демонстрируют крайне сложную картину сосуществования трех культур и их этнокультурную интеграцию. Анализ материалов позволяет выявить несколько моделей миграции.

I — миграция племен Андронovo на Памир, при которой они полностью сохранили свою культуру и язык и, вероятно, ассимилировали немногочисленное неолитическое население культуры Гиссар. Это тип BI: миграция в пределах единой хозяйственно-культурной зоны (радиальная локальная миграция);

IIA — миграция создателей таджикского варианта культуры Андронovo, при которой пришельцы сохранили свой хозяйственно-культурный тип и основные этнически значимые черты культу-

ры: керамику, орнамент, женский костюм, но восприняли элемент погребального обряда. Это крайне редкий в истории и этнографии вариант миграции IIA в пределах единой хозяйственно-культурной зоны, когда без подчинения новой элите происходит частичная смена идеологии. Строго говоря, заключения о сохранении или смене языка сделать невозможно. Учитывая, что соседи были носителями родственного языка, можно предполагать, но нельзя доказать, что андроновцы Таджикистана сохранили свой язык.

IIБ — миграция предков культуры Бишкент — племен Андронов и, возможно, потомков Заман-баба, — при которой они первоначально в эпоху Тулхар сохранили свою материальную и духовную культуру и язык, а позже — в эпоху Бишкент — мирно заимствовали у своих соседей-земледельцев гончарное ремесло. Это тип IIБ — миграция в пределах единой хозяйственно-культурной зоны и частичное восприятие у носителей более развитого хозяйственно-культурного типа элементов их материальной культуры, в результате чего формируется новая культура, язык трансформируется, в нем появляются заимствования и складывается новый диалект или язык той же языковой семьи, к которой принадлежали предки-андроновцы. (Это модель II — интеграция полная, которую предполагают А.М. Мандельштам и Е.Е. Кузьмина. Б.А. Литвинский, Л.Т. Пьянкова и Н.М. Виноградова реконструируют этнокультурный процесс иначе.)

III — Миграция пастухов-андроновцев на территорию земледельцев БМАК, при которой андроновцы восприняли более развитую культуру аборигенов, но сохранили свою духовную культуру и язык, а также вооружение. Они заняли господствующее положение в обществе и передали аборигенам свои мифологические представления, что возможно только при переходе к билингвизму, а затем победе языка мигрантов. Это миграция типа III: миграция из более отсталой хозяйственно-культурной зоны в более передовую и *миграция элитарная*, при которой группа пришельцев, возможно, небольшая по численности, но сплоченная и имеющая военное преимущество, устанавливает свое политическое господство, навязывает свою идеологию и язык, но воспринимает высокую материальную культуру аборигенов, адаптированную к местной среде. Эта модель миграции, очевидно, была основной при переселении пастухов-андроновцев на юг.

Военное превосходство андроновцев демонстрирует распространение в Бактрии андроновских высокоооловянных бронзовых изделий, в том числе оружия: кельтов, кинжалов, ножей, копий, стрел; появле-

ние боевых колесниц, лошадей и культа коня. Сохранение этнически значимых андроновских культурных традиций отражают важнейшие детали погребального обряда и культовой практики: строительство курганов, каменных оград, каменных ящиков и цист, обряд кремации и ингумации с преимущественной западной ориентировкой; культ огня и охры, сооружение круглых и квадратных очагов, обычай совершать возлияния в огонь воды и масла; использование на культовых сосудах традиционных орнаментов; сохранение костюма и набора женских украшений, служащих этническими индикаторами: серьги с раструбом, наконечники, браслеты, в том числе с рожками, бусы, в том числе на сапожках, зеркала и бляшки с петелькой.

IV — миграция проходная, при которой этническая группа, возможно, небольшая, не задерживаясь, проходит в другой регион. Археологически такая миграция на проходной территории не фиксируется.

Нарисованная картина отражает крайнюю пестроту и сложность этнокультурных процессов в Бактрии в эпоху бронзы и формирование при участии андроновцев различных культурных групп, а следовательно, различных диалектов.

Эта картина хорошо согласуется с историко-лингвистической картой. На Памире живут носители многочисленных памирских языков (Пахалина 1959), а в долинах чересполосно сосуществуют земледельцы таджики и полукочевники узбеки, широко распространено двуязычие и интенсивно идут процессы ассимиляции, смены языка и формирование смешанного антропологического типа (Кармышева 1976: 147, 148).

Таблица 1

Стратиграфия поселений Бактрии с керамикой Андроново

Поселение/ культура	Джарку- тан	Кучук	Кангурт- тут	Тегузах	Ташгу- зор	Шорту- гай
Яз II — Кобад I		*			*	
Яз I — Тилля	*	*	*	*		
Валиковая керамика	*				*	*
Бишкент			+		+	+
БМАК +	+	+	+	+	+	+
Гиссар			+	+		+
Хараппа						+

Таблица 2

Совместные находки украшений типов Андроново и БМАК

Памятник	Серьга с раструбом	Широкий браслет	Крупные бусы бронзовые	Бляха, зеркало с петелькой	Бусы каменные	Серьга с крюком
Муминабад	+	+	+			
Чакка	+					
Сазаган	+					
Джам	+		+			
Дашти-Кози	+	+		+	+	+
Кумсай		+				+
Туюн						+
Тандырайул	+		+		+	
Нурек					+	
Бустан VI	+	+	+	+	+	+

II. Происхождение индоиранских народов

5. Современное состояние проблемы происхождения индоиранцев

Во Введении представлены различные противоборствующие точки зрения на происхождение индоиранцев, высказывавшиеся и в лингвистике, и в археологии на протяжении более двух веков. За последние годы с момента завершения работы над русским изданием книги (1994) дискуссия активно продолжалась. Обсуждается несколько основных гипотез.

Симпозиум «Ethnic problems of the history of Central Asia in the early period» (1977 г.) в Душанбе можно признать триумфом отечественной индоиранистики. В нем участвовали ведущие лингвисты, историки и археологи: И.М. Дьяконов, В.И. Абаев, В.А. Лившиц, И.М. Стеблин-Каменский, Г.М. Бонгард-Левин, Э.А. Грантовский, И. Алиев, М.Н. Погребова, К.Ф. Смирнов, Е.Е. Кузьмина, В.И. Сарианиди, В.Ф. Генинг, А.А. Аскаров, И.С. Масимов, антрополог В.П. Алексеев, и др. Были продемонстрированы выдающиеся успехи и утвердилось мнение о локализации прародины индоиранцев в степях и их миграции в Среднюю Азию [Asimov, 1981: 44-52].

В работе принимали участие также индийские ученые С.С. Мишра, Б.Б. Лал, Б.К. Тхапар, Р.С. Гаур, Л. Гопал, А.-Х. Дани (Пакистан) и европейские исследователи Б. и Р. Олчины. Р. Гиршман, К. Йеттмар, Б. Брентьес. Идея миграции индоиранцев с севера восторжествовала, и культура ариев после их прихода в Индию была соотнесена с культурой серой расписной керамики.

Утверждение гипотезы миграции индоиранцев было прорывом в русской науке, в которой долгие годы насильственно насаждалась концепция автохтонного развития Н.Я. Марра. После 1977 г. наступила эйфория. Индоиранская атрибуция Срубной и Андроновской культур получила всеобщее признание.

Однако в 1980 г. началась острая дискуссия по поводу новой концепции, заявленной еще в 1972 г. выдающимися лингвистами Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Ивановым (1980, 1984). Предполагая связи индоевропейских языков с языками Кавказа и Древнего Востока, они переместили прародину в V—IV тысячелетии до н.э. в Восточную Анатолию, откуда индоарии ушли в Митанни и в Индию, западные иранцы продвинулись на восток в Иран, а восточные иранцы-скифы только в VIII веке до н.э. прошли через Среднюю Азию на север в степи вслед за другими индоевропейцами. Эта гипотеза была отвергнута советскими археологами. Многие переднеазиатские заимствования оспорены И.М. Дьяконовым (1980).

Исходя из совершенно других соображений, К. Ренфрю (Renfrew, 1987) локализовал протоиндоевропейцев в Анатолии — центре зарождения производящего хозяйства, откуда они в VII—VI тысячелетиях до н.э. расселились через Балканы в Европу, неся с собой навыки земледелия и скотоводства. При этом, согласно модели А, индоарии сразу прошли на восток в Индию, а по модели В прародина всех индоиранцев локализовалась в степях, откуда они позже расселились в Иран и Индию.

Критики К. Ренфрю отмечали, что распространение культурных инноваций часто бывает обусловлено не миграцией нового населения, а культурными заимствованиями.

А. и С. Шерраты (Sherratts 1988) высказали альтернативную точку зрения, считая, что расселение индоевропейцев и анатолийско-черноморское взаимодействие происходили не в VI тысячелетии до н.э., а лишь после вторичной революции производящего хозяйства.

В 1990 году И.М. Дьяконов [Diakonov 1990: 53—65] также поместил прародину пра-протоиндоевропейцев в VI тысячелетие в Передней Азии, считая, что С.А. Старостиным установлены древние связи с языками Кавказа и Передней Азии. Он предположил миграцию протоиндоевропейцев через Балканы и Дунай и связал ее с распространением культуры линейно-ленточной керамики. Дальнейшая история индоевропейцев развивалась в Европе. Что же касается индоиранцев, то И.М. Дьяконов (1995: 123—130) признал их создателями культуры Андронов, а миграцию андроновцев связал с распространением этой культуры на юг Средней Азии.

В 1989 г. Дж. Мэллори опубликовал книгу «В поисках индоевропейцев», в которой наиболее строго и аргументированно отстаивал высказанную еще в XIX в. концепцию локализации индоевропей-

кой прародины в Европе, подчеркивая роль черноморских степей, где был domesticiрован конь.

Каково состояние проблемы происхождения индоиранцев сегодня? Абсолютно не претендуя на полноту анализа этого вопроса, требующего монографического исследования, остановлюсь только на нескольких моментах, существенных с моей точки зрения. За последние годы были опубликованы материалы нескольких международных конференций, в России вышли принципиально важные монографии: Т.Я. Елизаренкова (1999), она же и В.Н. Топоров (1995), Э.А. Грантовский (1998, книга подготовлена С.В. Кулланда), О.Н. Трубачев (1999).

По-прежнему обсуждается три основных гипотезы, но если конференция 1996 года в Филадельфии прошла под знаком дискуссии Дж. Мэллори (Mallory 1998) и К. Ренфрю (Renfrew 1998), то на конференции 1999 г. на Аркаиме К. Ренфрю (Renfrew 2002) отметил, что происходит сближение позиций.

Гипотеза IA: Т.В. Гамкрелидзе (Gamkrelidze, 1990: 5—14), по-видимому, остался на своих прежних позициях. Но Вяч.Вс. Иванов в докладе на Президиуме Академии наук в Москве 11 сентября 2001 года уже предположил движение индоиранцев не через закаспийские пустыни, а вокруг Черного моря, и отметил, что гипотеза М. Гимбутас устарела: ареал индоиранцев шире территории ямной культуры и совпадает с ареалом коня, в который он включает Переднюю Азию¹. При этом он подчеркивает важность коня и колесницы в Аркаиме, но предполагает миграцию создателей этой индоиранской культуры с юга из Митанни, где дрессировка лошадей была впервые развита ариями Митанни (Ivanov 1997: 22, 23).

В статье 2002 г. Вяч.Вс. Иванов сделал следующий важный шаг. Он говорит об ирано-финно-уторских связях в названиях металлов, допускает енисейскую или тохарскую, но преимущественно (индо)иранскую или восточно-иранскую протоскифскую атрибуцию Синташты, но при этом приводит очень интересные не только ИИ, но и ИА этимологии: Dary-al, Ur-al, Ar-al.

Гипотеза IB. К. Ренфрю (Renfrew 1990, 1999, 2002a,b) тоже претерпела трансформацию. Он принял некоторые возражения своих критиков, древнейшие события индоевропейской истории связал с

---

¹ Единичные находки костей лошади второй половины IV тысячелетия до н.э. выявлены на поселениях Демирчи-Эйюк, Джарыккайя и Норсун-тепе в Восточной Анатолии, где, возможно, локализовался второй очаг domestикации коня (Beneke 2002). Эта территория, вероятно, была заселена хурритами.

Балкано-Дунайским и Северо-Понтийским регионами подчеркнул, что гипотеза М. Гимбутас, поддержанная Д. Энтони (Anthony 1986; 1995) о роли воинов-всадников как разносчиков индоевропейской речи в Европе, оспорена и категорически отверг предполагавшуюся В.В. Ивановым и Т.В. Гамкрелидзе миграцию индоевропейцев с юго-востока через пустыни Закаспия. Главное, К. Ренфрю подчеркнул, что он более не рассматривает гипотезу А о миграции индоиранцев в Индию из Передней Азии (2002: 6) и отметил, что наметился консенсус и «есть широкое согласие со взглядом Е. Кузьминой (1994) о значении андроновской культуры», которая, весьма вероятно, отражает распространение индоиранской речи в начале II тысячелетия до н.э. (2002: 16, fig. 5). В это время была преодолена вторая, или Уральская, критическая линия разлома (fault lines) Дж. Мэллори (Mallory 1998: 188) и «степная зона стала мостом через Евразийский континент» (2002: 15).

Но дальше К. Ренфрю подчеркнул, что окончательному решению индоиранской проблемы препятствует третья критическая линия Мэллори — среднеазиатская, поскольку «археологически имеется слишком мало следов “прихода” индоиранцев на Иранское плато и в Индию» (2002: 15, 16).

Гипотеза II. Дж. Мэллори (Mallory 1996, 1997, 1998a,b, 2001, 2002; Mallory, Mair 2000) в ряде работ, посвященных происхождению индоевропейских народов, уделил большое внимание этногенезу индоиранцев. Он рассмотрел общетеоретические проблемы и методы и с этих позиций дал критический анализ выдвигавшихся моделей. Он подчеркнул, что предлагавшиеся ранние даты распада индоевропейцев общности несостоятельны, поскольку общими в индоевропейских языках являются термины, связанные с колесным транспортом и конем (1996: 8—11). Но отметил, что «специфическая модель, предложенная Марией Гимбутас, должна быть уточнена» (2002: 3, fig. 7).

Дж. Мэллори (2002: fig. 5) нарисовал хронологическую шкалу развития индоевропейских языков и высказал предположение, что «ямная культура отражает греко-армяно-индо-иранский континуум» (1998: 187). Он (1998: 188) признал, что «в общем, культура Андронovo (в самом широком смысле этого термина) составляет разумное (reasonable) соответствие с культурой и географическим положением индоиранцев до их ухода на их исторические места обитания в Иране и Индийском субконтиненте» (также 2002: fig. 7;

Mallory, Mair 2000: 263, 313). Он нарисовал три географические критические линии (fault lines) распространения индоевропейцев: вторая черта проходит по Уралу, через которую прото-индоиранцы прошли только после формирования Синташты в 2000 г. до н.э., а третья черта — граница БМАК, южнее которой следы андроновцев исчезают (1998: 182, 191; fig. 2, 5), и «мы встречаемся с необыкновенной трудностью объяснения экспансии из этого северного региона в северную Индию..., где мы предполагаем расселение индоариев в середине второго тысячелетия до н.э.» (1998: 192, 193).

Исследователь предложил выход: пастухи-андроновцы вступили в контакт с земледельцами БМАК, навязали им свой язык, но восприняли их более высокую материальную культуру, которую и донесли до Индии вместе с конями и колесницами. Этот процесс он остроумно изобразил в виде Kultur Kügel (1998: 192—194; fig. 6a, b; 2001: 360, 361; fig. 3a; 2002: 13, 14; fig. 8), «где материальная культура индо-иранской культуры Андронovo была сменена под воздействием БМАК, хотя траектория языка сохранилась». «Обсуждая распространение индоиранских языков в великом Иране и Индии... мы работаем с моделью элитарного господства, которую нелегко совместить с археологическими аргументами. Мы имеем степи, занятые предположительно индоиранцами (или иранцами) горизонта андроновских культур 2000—900 гг. до н.э. К югу простирается территория БМАК, население которой по археологическим данным поддерживало контакты с пастухами, но генетически не было с ними связано». Степные племена Андронovo заняли доминирующую позицию в культуре БМАК и донесли свой индоиранский язык, но сопровождаемый новой материальной культурой БМАК, на юг в Иран и северо-западные подступы к Индии (2002: 13, 14). И в заключение он пишет: «Я не отрицаю возможности военного завоевания, но я не рассматриваю ее как столь же эффективное средство языковой аккультурации, как установление нового социального порядка, военного или иного... мы должны ожидать разнообразия механизмов распространения, действовавших в разное время в разных местах» (2002: 23).

Ч. Бёрни (Burney 1999: 7—10) пришел к выводу, что «сейчас есть широкое согласие рассматривать процесс экспансии индоиранцев с древнейшей прародиной, отождествляемой с культурой Андронovo», включающей различные субкультуры, разнообразие которых обусловлено спецификой экологических условий, приспособление к которым приучило индоиранцев адаптироваться к широким новым

территориям, через которые осуществлялась их миграция в начале и середине II тысячелетия до н.э. «Есть бесспорное свидетельство военного характера общества индоиранцев с начала II тысячелетия до н.э. Потребность в пастбищах была стимулом массового движения; предпосылкой успеха которого были энергия и военное искусство».

А. Шеррат (Sherratt 1997, 1999: fig. 1) продемонстрировал, что в IV—III тыс. до н.э. установившиеся дальние торговые связи, центром которых были регионы Передней Азии, включали в свою орбиту «варварскую» периферию, где стимулировали domestикацию верблюда и коня и изобретение колесниц. При этом центром происхождения индоевропейцев были земли вокруг Черного моря (с. 269), а индоиранцы, «возможно, продвигались на дальние расстояния, неся свой язык и верования (но не свои горшки!)» (р. 278). Хотя были миграции, как андроновская экспансия, «большая часть контактов между культурами включала сеть регулярных связей для обмена товарами, идеями и иногда людьми» (с. 279).

Неудачную попытку возродить оставленную в XIX в. локализацию индоевропейской прародины в Средней Азии предприняла германист Дж. Никольс (Nickols 1997). Она исходила из того, что с I тысячелетия н.э. тюркская и монгольская миграции проходили из глубин Центральной Азии на запад. Такая аналогия методически неправомерна. Главное, ввиду неблагоприятных экологических условий (обилие озер и болот, а также впадение Аму-Дарьи в Каспий в эпоху Лявляканского плювиала) на севере Средней Азии в культуре Кельтеминар очень долго господствовала присваивающая экономика (Виноградов 1981), и никаких следов миграции на запад через Урал нет. (Этот факт отвергает и ранее предполагавшуюся В.В. Ивановым и Т.В. Гамкрелидзе гипотезу центральноазиатской миграции индоевропейцев из Анатолии. Работа Б. Саргент (Sargent 1997) на ту же тему оказалась мне недоступна.)

Гипотеза III. В 1990-х гг. в Индии началось религиозно-националистическое движение Hindutva, возникшее как реакция на рост сепаратизма в стране. Националистически настроенная интеллигенция, поддержанная частью археологов, например, Б.Б. Лалом (Lal 2002), выступила с утверждением, что гипотеза инвазии, или миграции индоариев создана западными колонизаторами. Индия с IV, если не с VII, тысячелетия до н.э. была заселена «Indigenous IA», создавшими высокую цивилизацию Хараппа. Анализ этой гипотезы, поддержанной некоторыми западными учеными, посвящены рабо-

ты Э. Брайанта (Bryant 1999, 2001), М. Витцела (Witzel 1999, 2001, 2002) и критика статьи Н. Казанас (Kazanas, JIES 2002, v. 30, № 3, 4).

Очевидная несостоятельность этой гипотезы состоит в том, что:

1. Большинство ее сторонников рассматривает только развитие культуры индоариев в Индии, игнорируя общую индоарийскую проблему. Предположение же К. Сетна (Sethna 1992) об индоевропейской прародине от севера Индостана до севера Каспийского моря, как говорилось, не подтверждается материалами Средней Азии. Вопрос о генезисе скифов вообще не ставится.

2. В Индии вплоть до II тысячелетия до н.э. отсутствует главный маркер индоарийской культуры — конь (Meadow, Patel 1997). Спорные единичные находки фигурки коня в Мохенджо-Даро и костей в Сурхкотада, на которые ссылается Б. Лал (Lal 2002: 71; fig. 3), не меняют картины, поскольку Индия, как и БМАК, не входила в ареал дикого предка лошади и культ коня здесь не зафиксирован до исторической эпохи. Породистых лошадей ввозили в Индию из Средней Азии вплоть до XX в.

3. Предлагаемые на основе археоастрономии даты битвы в Куркуштре — 3067 г. до н.э. (Kazanas 2002) и Ригведы — ранее 2000 г. до н.э. (Lal 2002: 75) невозможны, поскольку описанные в Ригведе и Махабхарате колесницы появились в Передней Азии не ранее XVIII—XVI вв. до н.э., а в степях на Урале по калиброванным радиоуглеродным датам в XXI—XVIII вв. до н.э. (Moorey 1986; Kuzmina 2001). В Индии они засвидетельствованы только намного позже. Самые ранние (хотя и спорные) находки моделей колес с односторонней ступицей и орнаментом, по мнению Б.Б. Лала (Lal 2002: 72; fig. 3: 28—30) имитирующим спицы, найдены на хараппских поселениях Калибанган, Банавали и Ракхигархи. Ссылка же на астрономию некорректна, поскольку для Индии разработана система калиброванных радиоуглеродных дат (Possehl 1994; 1998).

4. Против локализации индоиранской прародины в Передней Азии или в Индии свидетельствуют данные о дрезних не только иранских, но и индоарийской заимствованиях в финно-угорских языках (ECUIE, 2001). При этом следует подчеркнуть, что заимствования были двусторонними: из финно-угорской мифологии были восприняты индоиранские представления о волшебной рыбе Кара и фантастическом лосе Шарабха (Бонгард-Левин; Грантовский 1983). Сложился общий культ богини-матери — владычицы вод, связанной с бобрихой (Кузьмина 1994: 248).

5. Гипотезе об индоариях как аборигенах Индии противоречат выявленные в степях Евразии от Дуная до Дона иранские гидронимы и топонимы (Миллер 1887; Абаев 1949; Топоров, Трубачев 1966), а в Причерноморье — возможно также индоарийские (Трубачев 1999) и, бесспорно, индоиранские названия Волги — Ра (индийское Раса, иранское Ранха) и Урала — Рипа и индоарийские — в системе Волги и Урала и далее — на восток вплоть до Сибири (Marquart 1938; Дульзон 1964; Грантовский 1970; Доватур и др. 1982; Членова 1983). А топонимика части Афганистана и Белуджистана отражена в Ригведе (Елизаренкова 1989: 440—443; Witzel 1999).

6. Важным аргументом в пользу прихода индоариев на субконтинент являются заимствования в санскрите из аборигенных языков дравидского, мунда и других названий местной флоры и экзотической фауны, а также хозяйственных терминов и, главное, многих слов, связанных с ирригационным земледелием: ирригация, канал, канава, орошенное поле, борозда, пахарь, семя, зерно, рис, соргум, горчица (Kuiper 1991; Southworth 1995; Witzel 1999). Количество заимствований в лексике возрастает со временем, что отражает сближение ариев с аборигенами и сохранение в индийской культуре многих древних традиций.

7. Главным же аргументом против локализации прародины индоиранцев «отнесения Ригведы к цивилизации Харappa» (Lal 2002: 75) в Индии, Бактрии или Передней Азии является характеристика древней культуры индоиранцев в языке и текстах ведической литературы индоариев и Авесты иранцев. Это культура пастухов, ведущих подвижный образ жизни, воюющих за пастбища и скот (Rau 1983; Кузьмина 1994; Елизаренкова 1995, 1999; Witzel 1999).

Касаясь бесспорной традиционности индийской культуры, рассматриваемой как главный аргумент сторонниками гипотезы «аборигенов-ариев», классик археологии Индии Р. Олчин (Allchin 1982: 329—330) пишет, что кризис цивилизации Харappa, вызванный комплексом экологических и экономических причин, мог стимулировать миграцию располагавшихся на северной границе ариев, которые постепенно заняли господствующее положение и на службу к которым перешла часть жрецов. «Из встречи и нового амальгамирования двух культур родилась индийская, или индоарийская, культурная традиция». Это не были «армии завоевателей, а несколько последовательных волн проникновения маленьких мобильных военных отрядов с конями». При этом рядовое население сохраняло

традиционный образ жизни, особенно в деревнях. В эту эпоху деревня играла доминирующую роль в индийском обществе. В результате синтеза «великой традиции Инда и культуры пришедших завоевателей сложилась новая единая индоарийская традиция» (с. 332).

Гипотеза IV. Особую позицию в дискуссии об индоиранцах занял В.И. Сариниди (1987, 1990; Sarianidi 1998a,b). Открыватель последней в Старом Свете неведомой цивилизации — БМАК, — он исследовал города с дворцами и храмами, в которых нашел яркие следы возжигания огня и совершения возлияний, что связал с куклами огня и священного напитка Хаома в иранской религии. Это привело его к убеждению, что создатели БМАК были иранцами. Первоначально он считал, что они пришли из Восточного Ирана. Однако позже В.И. Сариниди (Sarianidi 1998a,b, 1999, 2001a,b) на основании анализа глиптики, имеющей, по его мнению, сиро-хеттское происхождение, и установления переднеазиатских и греческих связей других категорий инвентаря, стал сторонником гипотезы Т.В. Гамкрелидзе и Вяч.Вс. Иванова. Он предполагает миграцию из Передней Азии создателей культуры Бактрии и Маргианы и по-прежнему категорически отрицает индоиранскую атрибуцию культуры Андронов.

Против ираноязычности населения БМАК и особенно против связи культов с религией Заратуштры выступил целый ряд ученых. Критике был посвящен специальный выпуск «Вестника древней истории» (1989, № 1).

А.-П. Франкфор (Francfort 1994; 2001), И.С. Ключков (1997) и Е.В. Антонова (2000) полагают, что стилистически и семантически глиптика БМАК восходит к миру Элама, как показал П. Амье (Amiet 1998). «Иконическая символическая система цивилизации Окса... не соответствует индоевропейской и индоиранской гипотезам» (Francfort 2001: 154—155), а зороастризм не известен ранее периода Яз I С. Сальватори (Salvatory 1995: 38—55), продемонстрировал широкие связи БМАК, позволяющие уточнить хронологию, и отметил, что они не отражают этнических движений, а свидетельствуют об интенсивных контактах на Древнем Востоке, которые Ф. Кол (Kohl 1984) назвал «экономической мировой системой».

С других позиций с критикой гипотезы В.И. Сариниди выступил Ж. Фуссман (2001: 88—94). В основе его анализа лежит трехтомное исследование J. Kellence, E. Pirart «Les textes vieuxs-avestiques». Они показали вслед за другими учеными близость язы-

ка Ригведы и староавестийских текстов Гат и Ясны, что позволяет их считать диалектом единого индоиранского языка. Эта гипотеза сейчас обсуждается лингвистами.

Ж. Фуссман (2001: 93) предполагает отнести время Заратуштры и староавестийских текстов к 1200—1000 гг. до н.э. и может быть раньше, распад ИИ общности — к 1800—1500 гг. до н.э., Яшты и Видевдат — к 600—500 гг. до н.э. Однако норвежско-американский исследователь О. Скъярво (Skjaervo 1995: 155—176), также подчеркивая близость Авесты и Ригведы, датирует раннюю часть Авесты XIV—XI вв. до н.э., а Яшты — X в. до н.э.

Противоречит гипотезе В.И. Сарианиди не столько спорная хронология Авесты, сколько полное отсутствие в ней упоминаний храмов. Жертвоприношения богам совершаются на открытом воздухе, а бог огня Агни переносит жертвы на небо, так что «амударьинская культура имеет мало общего с ариями» [Фуссман 2001].

Отдавая должное В.И. Сарианиди в открытии и изучении БМАК, считаю, однако, что им не учтено главное условие этногенетических реконструкций: рассматривать индоиранскую проблему комплексно, в его же работе вопросы происхождения дардов и скифов, индоиранско-финно-угорских контактов даже не ставятся. Хозяйственно-культурный тип, реконструируемый по данным Авесты и Ригведы: пасторализм, мобильность, отсутствие городов и ремесла — не соответствует гораздо более высокому уровню культуры БМАК. Это не позволяет принять ее иранскую атрибуцию. Однако можно полагать, что некоторые элементы ранних ритуалов БМАК где-то сохранились и позже были включены в зороастрийский культ.

Проблемой БМАК активно занимался К. Ламберг-Карловский (Lamberg-Karlovsky 1987, 1994a,b, 1996; Hiebert, Lamberg-Karlovsky 1992), показавший, что она входила в круг культур Древнего Востока, имевших развитую сеть коммуникаций. Связи БМАК были ориентированы на юг, особенно в Белуджистан.

Ф. Хиберт (Hiebert 1994, 1998: 153; fig. 2) отметил, что прослеживаются связи БМАК с культурой Андроново, «но ни единый степной кочевой комплекс не был найден на Иранском плато...» Следовательно, «представление о номадах с севера как первородных иранцах не подтверждается имеющимися археологическими данными».

Специальную статью происхождению индоиранцев посвятил К. Ламберг-Карловский (Lamberg-Karlovsky 2002). Он сопоставил

выводы Е.Е. Кузьминой и В.И. Сарияниди, «работающих над синхронными, но очень разными Андроновским и Бактрийско-Маргианским археологическими комплексами II тысячелетия до н.э., оба из которых идентифицированы как индоиранские», и эта идентификация была использована в националистических целях.

«Однако нет убедительных археологических доказательств, что они имеют общих предков, и что каждый из них является индоиранским... и идентификация индоиранцев остается неуловимой». И дальше (с. 74): «Ни единого артефакта андроновского типа не было идентифицировано в Иране или Северной Индии, но есть достаточные свидетельства присутствия бактрийско-маргианских материалов на Иранском плато и в Белуджистане».

Оставляя в стороне частные неточности, отмечу несколько допущенных К. Ламберг-Карловским существенных ошибок, искажающих ход исторического развития в степях. Культура Абашево не относится к культуре Андроново; в отличие от ямной, полтавкинской и катакомбной, она располагается не в степной, а в лесостепной зоне от Дона и Средней Волги до Урала и принадлежит генетически к кругу центрально-европейских культур шнуровой керамики типа Фатьяново (Кузьмина О. 1992; fig. 2). Культура Абашево хронологически предшествует Андронову и составляет один из компонентов при формировании Синташты (Зданович 1988; Смирнов, Кузьмина 1977; Кузьмина 2000; Ткачев 1995; 2000). Это исключает упрощенное представление об однолинейном развитии Андроново на основе степных культур и заставляет предполагать билингвизм создателей Синташты (Кузьмина 2003). Культура Афанасьевое не заходит в IV тысячелетие до н.э. и хронологически смыкается с Андроновом, в котором прослеживаются ее пережитки (Вадецкая 1986).

Андроновских памятников нет в Туве. Срубная культура датируется не III, а II тысячелетием до н.э. и формируется на основе тех же блоков культур, что и Андроново (Отрощенко 2001).

БМАК в Северной Бактрии доживает до эпохи поздней бронзы, и на ее основе складывается культура и керамический комплекс Ахеменидской эпохи (Кузьмина 1976; Сарияниди 1977; Cattena, Gardin 1977). Верхняя дата Намазга VI также должна быть поднята.

К. Ламберг-Карловский (с. 67, 73) предположил, что андроновцы говорили на угорском, дравидском или алтайском языке. Однако лингвисты считают, что на эламском или родственном дравидском языке говорили земледельцы Туркменистана и хараппцы (McAlpin

1981; Witzel 1999). Носители алтайских языков достигли Запада из глубин Азии только в историческую эпоху (Баскаков 1969; Porre 1965). Прародина угорских народов располагалась в лесной зоне по обе стороны от Урала (Напольских 1997; ECUIE 2001).

Индоиранская семья включала не две, а три группы: индоариев, протоиранцев и дардов и нуристанцев (кафиров), которые первыми покинули индо-иранскую прародину и расселились в северном Индостане (Morgenstierne 1929—1938; Edelman 1983), сохранив архаическую культуру и мифологию (Fussman 1972). (Е.А. Хелимский (Helimsky 1996) полагает, что андроновцы могли быть кафирами.) Генезис различных ирано-язычных племен VIII—V веков до н.э. скифов, савроматов и саков на основе срубной и андроновской культур установлен ретроспективным методом, в разработке которого принимали активное участие Б.А. Литвинский (1962, 1963, 1972), К.Ф. Смирнов (1964), К.А. Акишев (Акишев, Кушаев 1963) и другие. Этот вывод подтверждается данными антропологии (Алексеев 1981; Алексеев, Гохман 1984; Алексеев и др. 1986; Итина, Яблонский 2001).

К. Ламберг-Карловский (с. 67) разбирает также проблемы социального строя индоиранцев. Но здесь происходит перенос на В.И. Сарияниди и Е.Е. Кузьмину претензий ко всей марксистской науке. Но ни В.И. Сарияниди, ни я никогда не писали ни о военной демократии, ни о вождествах. Предположение, что богатые погребения с колесницами, конями и оружием оставлены воинами-колесничими, выделение которых в особую касту составляет специфическую особенность общества индоиранцев, было высказано мной и К.Ф. Смирновым (1977) на основании анализа элитных курганов, число которых сейчас многократно возросло.

Вопрос, на который я считаю необходимым ответить: политическая ангажированность В.И. Сарияниди и моя. Этот упрек я категорически отказываюсь принять.

В.И. Сарияниди пришел к мысли о зороастризме и, следовательно, ираноязычности населения Бактрии после первых своих раскопок в Афганистане. Я же была ученицей ираниста М.М. Дьяконова, который первым в России высказал гипотезу об индоиранской принадлежности культуры Андронovo, и разработка этой гипотезы стала делом всей моей жизни. Мои методы анализа были опубликованы мною в 1986 г. (1986a,b). В работе над этой темой в 60—70-е гг. мне очень помогал Вяч.Вс. Иванов, который тогда локализовал прародину индоиранцев в степях (Иванов, Топоров 1960). Я храню

ему благодарность за советы и считаю его своим гуру, хотя его новая концепция в части, касающейся индоиранцев, не подтверждается теми материалами, которыми я владею.

Таким образом, говорить о моей политической ангажированности не приходится, тем более в том тоне, в котором в комментариях выступил Дж. Хамилакис (с. 76, 77). Его текст напомнил мне доносы, которые писали в СССР партийные лидеры на ученых, после чего человека ждал концлагерь или — в лучшем случае — изгнание с работы (пишу об этом на основании печального личного опыта). А теперь это называется импотенцией постмодернизма?

Проблематичным остается соотнесение этноса и археологической культуры. Для меня очевидно, что культура — это взаимодействие людей в процессе труда и творчества, совершения ритуалов, военных действий, социальных контактов и, главное, обучения, социализации детей. Единственным инструментом коммуникации в обществе является единый язык, передаваемый следующему поколению. Поэтому язык и культура взаимосвязаны. Индоиранцы сохранили свою древнюю историческую традицию не только в самом языке, но и в текстах, хотя бы и облеченных в религиозную или эпическую форму. У исследователей нет сомнения в историчности донесенной информации (Sankalia 1973; Rau 1983; Elisarenkova 1995; Skjaervo 1995). Это дает уникальную возможность реконструировать по данным текстов материальную культуру индоиранцев, достаточно полно отражаемую в археологических материалах, а также отчасти и некоторые социальные реалии, погребальный обряд и пр. Поэтому я категорически не согласна с мнением К. Ламберг-Карловского (с. 74) о том, что этнические индикаторы приложимы к любому другому этносу. На самом деле высокая степень сходства прослеживается только с другими индоевропейцами, особенно греками, но выявлены и специфические черты культуры индоиранцев [Кузьмина 1986b].

В качестве более надежного арбитра К. Ламберг-Карловский считает исследования генов. (См. параграф «Данные антропологии и генетики».)

Подводя итог дискуссии, с удовлетворением констатирую, что Д. Энтони, Дж. Мэллори и К. Ренфрю поддержали локализацию прародин индоиранцев на севере. На той же позиции стоит А. Шеррат и абсолютное большинство отечественных ученых.

Гипотеза V. А. Парпола (Parpola 2002a,b) в своих последних работах развил идею, что БМАК уже была арианизирована андроновца-

ми и это население составляло группу дасов (Parpola 1988: 216; 1994, 1995). Спорный вопрос о дасах не будет здесь рассматриваться. Одна из сакских групп I тыс. до н.э. называлась дасами. В Ригведе дасы описаны как враги ариев, имеющие ведоидный антропологический тип. А. Парпола высказал мнение, что носители ямной культуры были прото-греко-армяно-индоиранцами. Он предполагает, что разделение индоиранцев имело место в III тыс. до н.э., так что создатели полтавкинской культуры были пре-прото-индоариями, а создатели абашевской культуры стали пре-прото-индоиранцами. Но это заключение ошибочно. Во-первых, специалисты отмечают, что языки и мифология Ригведы и Авесты были очень близки друг другу. Это свидетельство длительных и близких контактов между арийскими ветвями. Во-вторых, как было сказано, культура Абашево принадлежит не к степному, а к лесному культурному региону. Она была генетически связана с фатьяновской культурой и принадлежала к горизонту культур шнуровой керамики Северной Европы (Кузьмина О. 2000). Создатели этих культур рассматриваются многими исследователями, включая Парполу, как предесессоры итало-кельтской, германской и балто-славянской ветвей индоевропейцев. Наконец, как было многократно подчеркнуто, весь комплекс специфических особенностей, которые отличают индоиранскую культуру от других индоевропейских культур, может быть прослежен не раньше, чем памятники синташтинского и потаповского типов. То есть по археологическим данным не ранее, чем 2100—1800 гг. до н.э. (калиброванные даты C¹⁴). Если обратиться к спекулятивным построениям, то только создатели степных культур полтавкинской и катакомбной могут рассматриваться как возможные пре-прото-индоиранцы. Эти культуры сложились на ямной основе, причем генезис катакомбной культуры спорен (Кияшко 2002). А. Парпола (Parpola 2002a: 84, 85) предполагает, что около 2100—1900 гг. до н.э. степные племена пришли с севера и установили в Бактрии свое господство, хотя перемещались небольшими группами. Затем произошла экспансия БМАК в Шахдат в Кермане, в Сеистан и пакистанский Белуджистан. Есть свидетельства связей с поздней стадией индской цивилизации. А. Парпола допускает, что индоиранские языки были принесены на юг арианизированным бактрийским населением.

Как отметил Ч. Бёрни (Burney 1999), даты, предлагавшиеся Я. Харматтой (Harmatta 1992), Р. Фраем (Frye 1996: 60—61) и Т. Гамкрелидзе и В. Ивановым (1995: 827—828) слишком удревлены, и

«мы находимся на более твердой почве при анализе этнических движений из андроновской зоны во II тыс. до н.э. (Кузьмина 1994, карты 7—9). Экономическое давление, особенно сокращение пастбищ, было поводом, ведущим к массовым перемещениям населения в Индию и Иран — миграции, чей успех зависел от энергии и ловкости воинов и при этом особую роль играла лошадь». И.М. Дьяконов также поддержал отстаиваемую мной индоиранскую атрибуцию андроновской культуры (1995а,б).

Подводя итог, следует сказать, что, несмотря на серьезные разногласия, андроновская гипотеза имеет широкое признание. Однако не только оппоненты, но также и сторонники ее отмечают отсутствие следов андроновской миграции вне пределов Бактрии и Маргианы, и мало надежды найти археологические отражения факта миграции, поскольку скотоводы с севера принесли с собой индоарийскую речь, но не горшки. Каковы тогда перспективы веди́йской археологии?

Для подтверждения андроновской гипотезы крайне важны археологические материалы Северной Бактрии, полученные в Узбекистане и в Таджикистане. Здесь выявлены следы бесспорного продвижения андроновского населения на юг вплоть до Амударьи. Главное же, установлены различные модели взаимодействия пришедшего пастушеского населения с земледельцами северного варианта Бактрийско-Маргианской культуры, обычно выделяемой как культура Сапалли (Аскаров, Ширинов 1993).

Как следует из приведенного обзора современных точек зрения на происхождение индоиранцев, даже сторонники индоиранской атрибуции андроновской культуры подчеркивают, что третья — Бактрийская — черта Дж. Мэллори остается роковой. Ответ на этот вопрос был, как говорилось, дан Б. А. Литвинским еще в 1977 г. (с. 22): арианизация как оседло-земледельческого, так и степного населения Средней Азии связана с продвижением степных племен и их частичным смешением с оседло-земледельческим населением.

Мной было предложено несколько моделей отражения разных типов миграций в археологическом материале в различных культурно-хозяйственных зонах (Кузьмина 1981: 103—104; 1986; 1994: 223—263).

При миграции из более отсталой хозяйственно-культурной зоны в более передовую возможны: I — локальная миграция (колони́зация), при которой происходит расширение территории архе-

ологической культуры, сохраняющей свой хозяйственно-культурный тип, идеологию и язык.

Вариант I-A — массовая инвазия: пришельцы уничтожают или полностью ассимилируют местную культуру. Археологическое отражение: следы пожаров и разрушений, сложение деградировавшей новой культуры на пепелище древней цивилизации; вариант I-B — пришельцы, проникающие отдельными группами, расселяются чересполосно с аборигенами, сохраняя свой хозяйственно-культурный тип. Археологическое отражение: сосуществование на одной территории памятников двух разных культур, находки на земледельческих поселениях лепной керамики пришельцев; II тип — интеграция: различные формы взаимодействия местной и пришлой культур, проявляющиеся в формировании новых культурных типов или археологических культур, отражающие разные комбинации местных и пришлых компонентов; III тип — миграция элитарная: миграция иногда небольшой по численности группы, сплоченной и имеющей военное преимущество, и устанавливающей свое политическое господство. Пришельцы навязывают свой язык аборигенам, но усваивают их материальную культуру. Археологическое отражение: сохранение субстратной культуры, инновации в области духовной культуры: новый погребальный обряд и образы в искусстве, инновации в военном деле и в некоторых функционально и экологически не обусловленных элементах традиционной материальной культуры (тип жилища, костюм, орудия труда, культовая керамика). В победившем языке суперстрата фиксируются заимствования из субстратного языка: лексика, связанная с местной экологией, экзотической флорой и фауной, чужим хозяйственно-культурным типом, социальные термины. Смена языка аборигенами, вероятно, в значительной мере диктуется социальными факторами.

Как говорилось, в материалах Северной Бактрии отражены разные типы миграций андроновцев с севера.

I. *Лекальная миграция* отражена распространением в Таджикистане чересполосно с поселениями и могильниками БМАК андроновских памятников федоровского типа. Особое значение имеет открытие двухслойного поселения на Вахше у совхоза им. Кирова (Литвинский, Соловьев 1972: 41—47). Дата верхнего слоя концом II — началом I тысячелетия до н.э. устанавливается по керамике, изготовленной на матерчатом шаблоне, и сосуду с носиком-сливом, находящими аналогии в посуде Кайракумов (Литвинский и

др. 1962: 255) и литейной форме орудия с валиком на втулке. Нижний слой, соответственно, датируется третьей четвертью II тыс. до н.э. Он содержит типичную для Таджикистана федоровскую посуду с округлым плечом и орнаментом, нанесенным зубчатым штампом одной зоной по венчику и шейке в виде вытянутых косых треугольников. Один сосуд находит аналогии на поселении Кокча 15 культуры Тазабагъяб (ср.: Литвинский и др. 1972: рис. 19 Б 2 — Итина 1977: рис. 20: 2, 3; 65), что подтверждает дату. Известны и другие находки андроновской керамики (Пьянкова 1998: 170).

Особую группу составляют андроновские памятники Памира. Исследованы могильники Карадимур, Кокуйбельсу и погребения в сакских могильниках Кзылрабат, Жартыгумбез, Тегермансу (Литвинский 1972: табл. 1: 2; 6: 38, 39, 50; Бубнова 1998: 154, 155), а западнее — могильники Южбок, Баляндкиик, Кальтатур, Дараиабхарв (Бабаев 1980). Это каменные ограды и кольца, иногда с курганом, содержащие яму, каменный ящик или цисту с кремацией или ингумацией. В Карадимур положена голова коня. Керамика грубая, без декора или с деградировавшим федоровским орнаментом. Посуда и бронзовые изделия подтверждают отнесение Б. А. Литвинским (1972: 29) этих комплексов к самому концу бронзового века.

Б. А. Литвинский (1972: 156) сделал вывод, что культура эпохи бронзы явилась основой формирования культуры саков Памира, что подтверждено данными антропологии (Кияткина 1984: 139). Современные памирские языки принадлежат к индоиранской группе и сохраняют многие архаичные черты (Пахалина 1969). В мифологии сохраняются представления и образы, восходящие к индоиранской древности. Это дает основания предполагать индоиранскую атрибуцию андроновцев Памира.

Особый интерес представляют две большие стреловидные каменные выкладки в Кокуйбельсу, сопоставленные Б. А. Литвинским (1964: 147) с сакральными сооружениями Индии.

ГБ тип лекальной миграции. К андроновской культуре относят также могильники Таджикистана Дашти-Кози на Зеравшане (Исаков, Потемкина 1989; Бостонгухар 1998), Кумсай в Гисарской долине (Виноградова, Пьянкова 1990; Виноградова 2000) и Туюн в бассейне р. Кызылсу (Виноградова 2000). Судить о конструкции могил Дашти-Кози невозможно, т. к. утверждение, что это были катакомбы с дромосом, заложенным камнями (Исаков, Потемкина 1989), не подтверждается данными полевой документации (Бостонгухар

1998), свидетельствующими, что катакомбы выявлены только в 2 могилах из 27. В двух других могильниках установлена конструкция катакомб, вход в которые заложен камнями, а сверху — камни. Умершие лежат скорченно, на левом боку, головой на запад или восток, в сопровождении федоровского сосуда, а женщины — в богатых федоровских украшениях. В сооружениях Дашти-Кози есть следы костров, охра, иногда — кости барана. В закрытых комплексах могил, наряду с андроновской, выявлена также гончарная посуда БМАК молалинского типа (Бостонгухар 1998: рис. 27: 1; 28: 10; Виноградова, Пьянкова 1990: рис. 4: 12; 5: 1—3).

Мирное сосуществование в Таджикистане носителей двух хозяйственно-культурных типов: земледельцев БМАК и андроновских мигрантов скотоводов характерно для типа лекальной миграции IB. Но катакомбный обряд погребения свидетельствует о том, что могильники Таджикистана демонстрируют не чистый первый, а переход ко второму типу миграции, приводящий к интеграции аборигенов и пришельцев. Этот вывод надежно подтвержден заключениями М. Джуракулова и Т. Ходжайова (1987: 15) о появлении пришлого андроновского населения и его сосуществовании с местной популяцией. Судя по тому, что главные культурно определяющие признаки: керамика ручной лепки, формы сосудов и мотивы их орнаментации, а также специфический набор женских украшений и костюм характеризуют андроновскую культуру федоровского типа, можно полагать, что именно язык андроновцев был господствующим у этого населения.

Культура Бишкент-Вахш отражает другой вариант второго типа миграции — II — *полную интеграцию*. Культура представлена поселением Ташгузор и многочисленными могильниками на Кафирнигане, открытыми А. М. Мандельштамом (1966, 1968), и на Вахше и Кызылсу, исследованными Б.А. Литвинским (1964, 1973) и его сотрудниками (Пьянкова 1982 а,б; 1986, 1989, 1998; Виноградова 1997, 2000; Götzelt et al. 1998 (там же библиография); Кузьмина 1986; также Kaninith, Teufer 2001 и др.).

На поселении найдены: I — грубая лепная кухонная посуда; II — керамика бишкентского типа с белым ангобом; III — гончарная керамика БМАК этапов Молали и Бустан; IV — фрагменты андроновской посуды федоровского типа.

По-видимому, древнейшими памятниками культуры являются могильники I типа Тулхар и Бабашов, сохраняющие яркие андроновские федоровские черты в погребальном обряде: курган, камен-

ная выкладка, грунтовая яма, кремация. В могилах найдена только лепная посуда. На Кафирнигане типично андроновскими являются круглые каменные ограды (Аруктау, Бишкент III), каменные квадратные курганы (Тулхар, Аруктау), каменные ящики, помещение золы и угля в могилы с ингумацией. Тип II в Тулхаре составляют могилы со спуском-дромосом, заложенным камнями, содержащие трупоположения также со следами культа огня: каменными очагами, золой, углями, кострами во входе. В могилах найдена лепная посуда типа Бишкент и гончарная керамика БМАК, составляющая 30%. III — поздний — тип составляют катакомбы с каменным закладом со скорченными погребениями и лепной бишкентской посудой, они аналогичны погребениям на Вахше и Кызылсу, представляющими вариант единой культуры. Андроновские традиции сохраняются в сооружении квадратных, а чаще круглых курганов с каменным, иногда двойным кольцом. Но погребения совершены в катакомбах. В закрытых комплексах сочетается керамика типов БМАК и Бишкент. Последняя подражает формам БМАК, но сформирована не на круте, а вручную, хотя покрыта светлым ангобом, как посуда БМАК. Поздний тип бишкентской керамики составляют сосуды с налпным валиком, иногда с насечками, имитирующими господствующий тип позднеандоновской посуды типов Алексеевка и Донгал XIII—IX вв. до н.э. На поселении выявлены следы земледелия (ячмень) и скотоводства (крупный и мелкий рогатый скот, конь, осел). Топография памятников отражает отгонный тип скотоводства.

Создателями культуры были пришедшие андроновцы, под воздействием соседей земледельцев начавшие изготавливать посуду, подражающую гончарной, и воспринявшие катакомбный обряд. Это предположение подтверждается отчасти данными антропологии: по первоначальному определению Т. П. Кияткиной черепа Тулхара — это массивный протоевропеоидный тип степной полосы Евразии с высоким и широким лицом (Мандельштам 1968: 173, 182). Эта культура очень ярко отражает синтез земледельческого и скотоводческого населения — результат миграции II типа, ведущей к ассимиляции и заимствованию пришельцами-скотоводами многих черт материальной культуры местных земледельцев. Эта культура явилась одним из главных компонентов формирования восточноиранской культуры Бактрии эпохи Ахеменидов.

В более поздних памятниках представлены керамические формы, аналогии (или прототипы?) которых есть в культуре Бишкент-Вахш.

Создателей этой культуры Б. А. Литвинский (1972) признал кафирами. А. М. Мандельштам (1968) убедительно показал индоарийский характер многих черт погребального обряда могильника Тулхар и на этом основании предложил индоарийскую атрибуцию бишкентской культуры. Я приняла его аргументацию (Кузьмина 1972). Однако его анализ касается прежде всего андроновских элементов культуры Бишкент и, с моей точки зрения, надежно подтверждает индоиранскую атрибуцию андроновской культуры. Что же касается культуры Бишкент-Вахш, то сегодня мне кажется более убедительным предположение о том, что в ее создателях можно видеть одну из волн миграции третьей группы индоиранцев — нуристанцев (кафиров) или дардов.

Носителей культуры Свата итальянские исследователи считают предками современных дардов (Stacul 1975).

III тип — миграция и интеграция элитарная. Примером этого типа миграции могут служить материалы БМАК Северной Бактрии. В Таджикистан эта культура приходит, видимо, из южного Узбекистана, где зафиксированы более ранние этапы. Культура представлена многочисленными поселениями и могильниками на Кафирнигане, Вахше, Таирсу и Кызылсу (Литвинский, Седов 1983: 80; P'jankova 1994, 1998; Vinogradova 1994, 2000, 2001; Götzelt et al. 1998; Lombardo 2001). Северо-восточным форпостом БМАК является случайная находка в Джаме недалеко от Самарканда в Согде сосудов БМАК, зеркал, булавок с фигурой оленя, возможно, в комплексе с андроновскими вещами: втульчатая двулопастная стрела, браслеты, бусы, серьги с раструбом (Avanesova 2001). К этой культуре относится также слой этапа В на поселении Шортугай в Афганистане, содержащий андроновскую керамику федоровского типа и втульчатую стрелу. Этот слой хронологически следует за этапом А культуры Хараппа и прорезан погребениями культуры Бишкент, находками федоровской посуды вместе с керамикой с наlepным валиком (Francfort 1989). В Северной Бактрии наиболее убедительные стратиграфические наблюдения сделаны на поселении Кангурттут: основной слой БМАК содержит материалы культур Андроново и Бишкент, сверху перекрыт слоем Яз I и Кучук II, а сам (табл. 1) он перекрывает слой неолитической гиссарской культуры. Андроновская посуда найдена также на многих других памятниках БМАК. Экономика была комплексной: земледелие богарного типа сочеталось со скотоводством (крупный (52%) и мелкий (19,5%) ро-

гатый скот, конь (19%) осел и верблюд). При этом вероятно существование отгонной формы, на что указывают жилища типа протоюрты, сосуществующие с большими стационарными домами.

На большое значение металлообработки указывают находки каменных литейных форм, оружия (стрелы, кинжалы), орудий труда (серпы, однолезвийные хвостатые ножи) и украшений (серьги с раструбом) и технология их изготовления из бронзы с высоким содержанием олова, характерные для восточно-андроновской металлургической провинции.

О влиянии андроновской идеологии свидетельствуют появления изображений коня, распространение культа огня: ритуальный костер с огнем на поселении Тегузак, и наличие андроновских погребений на площади могильников БМАК с катакомбами, заложенными камнями или глиной, или ямами со спуском: Тандырйул, погребение 25, содержащее сосуд с каннелюрами, и украшения (табл. 2), в том числе — серьги с раструбом федоровского типа. Этот тип украшений известен на памятниках юга Средней Азии и из разграбленных могил БМАК в Афганистане (Sarianidi 1993: 17, fig. 24).

Таким образом, в Таджикистане прослеживается не только появление андроновского пастушеского населения, но и различные формы его взаимодействия с местными земледельцами. Этнические контакты отражают распространение на памятниках БМАК технологии, изделий и типов андроновской металлообработки, лепной андроновской посуды, федоровских погребений, а на пастушеских памятниках — импортной гончарной посуды и украшений.

Взаимоотношения носителей различных культурных типов, по-видимому, были мирными: отсутствуют следы разрушений земледельческих поселений и, главное, заимствованы не только передовые производственные навыки и предметы материальной культуры, в том числе — оружие, но и черты погребального обряда. Такой симбиоз отражает процессы этнической ассимиляции и возможен только в условиях билингвизма и восприятия нового языка.

Еще ярче модель элитарной миграции и ассимиляции прослеживается в Узбекистане. Древнейшим свидетельством контактов БМАК с андроновцами является находка дисковидного псалия в Джаркутане (Teufel 1999: Abb.), принадлежащего к типу I по моей классификации (Кузьмина 1980), изобретенному на Южном Урале создателями раннеандроновских памятников синташтинского типа. Псалии древнейшего первого типа, варианта с выступающим

бортиком, для укрепления изделия найдены только в Синташте, Кривом Озере и Большекараганском могильниках (Генинг и др. 1992: рис. 57: 8; Кузьмина 1994: табл. 4, рис. 37; Боталов и др. 1996: 80, 81, рис. 17: 10; 18: 4; Виноградов 2003: рис 35: 5, 6).

В Танабергене представлены псалии I типа, но без валика, а в Потаповке на Волге — с валиком, но с дополнительными отверстиями (Васильев и др. 1994: рис. 33: 1; 42: 3; Ткачев 1998: рис. 2: 10, 11).

Этот тип псалиев вместе с бронзовыми удилами и булавкой с изображением лошади обнаружен также в Средней Азии в погребении Зардча-Халифа у Пянджикента в богатом погребении культуры БМАК (Бостонгухар 1998; Bobomullov 1997). Дата уральских и среднеазиатских комплексов по традиционной русской хронологии XVIII—XVII вв. до н.э., по калиброванным радиоуглеродным датам, как для Урала, так и для Средней Азии — приблизительно XXI—XVIII вв. до н.э. Находка в Джакуртане подтверждает уже высказанное предположение, что эти псалии и появление образов коней в искусстве и их ритуальных погребений в Дашлы XIX в Бактрии и в могильнике Гонур в Маргиане (Сарианиди 1977: 19; 2001: 37—39) отражает первую волну миграции на юг раннеандроновского населения, в котором есть основание видеть древнейших индоиранцев (Кузьмина 2000). Они приводят с Урала высокопородных коней, навыки их тренинга и запряжки в колесницы и передовую технику колесничной тактики боя, о которой так красноречиво свидетельствуют индоиранские тексты.

Следующий по времени этап демонстрируют материалы поселения Тугай под Самаркандом (Avanesova 1996), являвшимся центром металлообработки, работавшим, вероятно, на базе полиметаллического месторождения Зеравшанского хребта, описанного Б. А. Литвинским (1954) и изучаемого немецкой экспедицией (Parzinger, Boroffka 2001). Керамика поселения принадлежит к раннеандроновскому петровскому типу; ее уральское происхождение доказывает специфическая для Урала примесь талька. В петровском комплексе присутствует также посуда соседнего земледельческого поселения Саразм, имевшего широкие культурные связи с Белуджистаном и долиной Инда (Lyonnet 1996).

Причиной возвышения Урала и формирования там раннеандроновских памятников Новокумакского горизонта, вероятно, было освоение там богатых месторождений меди и создание более совершенных типов сначала медных, а затем бронзовых типов оружия (Нелин

1999). Поиски новых месторождений и пастбищ толкнули андроновцев на юг. Другим пунктом распространения петровского населения был Джаркутан, где найдена петровская керамика (Аванесова 2002). К сожалению, я не могла ознакомиться с нею *de visu*. Таким образом, в южном Узбекистане прослеживается постепенное проникновение раннеандроновского населения, которое приносит с собой более прогрессивную технологию металлообработки и совершенное оружие и приводит коней, распространяя колесничную тактику боя.

Эти контакты со временем нарастают. Свидетельство тому материал могильников Джаркутан IV, Бустан III и VI, где выявлена кремация. В могильнике Бустан VI среди 130 погребений 17 совершены по обряду трупосожжения, и именно в них найдены лепные сосуды с округлым плечом и штампованным орнаментом федоровского типа (Аванесова 1995: fig. 12). В 82 погребениях зафиксирован культ огня: костры, очаги, ямы и сосуды с золой, глиняные крутые алтарики. Исследованы три костра, а рядом с ними — три ящика-цисты из кирпича со следами многократного возжигания огня, залитого затем водой и жиром. В костре огонь разжигали трижды, а затем засыпали красной глиной и белым гравием. В ящиках найдены кальцинированные кости человека и овцы, цилиндрическая урна и фрагменты вазы БМАК и андроновского горшка, серьги с крюком. Эти конструкции интерпретированы как крематорий (Аванесова 1995: 33—35, fig. 3, 4; 2002). Как говорилось, прототип этих сооружений открыт в федоровском могильнике Кинзерский на Урале (Кузьмина 1975: 222, 227) и в Центральном Казахстане в могильнике Шалат (Варфоломеев 2002, ч. 2: 107). В этом регионе многочисленны каменные кольца и ограды, заключающие очаг со слоями угля и следами возлияний и керамикой; иногда они приурочены к менгирам с головой барана (Маргулан 2002: 331—335). Приведенные факты свидетельствуют об андроновском происхождении культа огня в Бустане. То же происхождение имеет культ коня, проявлением которого в Бустане является захоронение костей ног лошади и фигурка коня. Древнейшие свидетельства культа коня выявлены в южнорусских степях в IV тыс. до н.э., а массовые жертвоприношения пар колесничных коней зафиксированы в раннеандроновских могильниках Урала.

В могильнике Бустан найдены также андроновские браслеты с несомкнутыми концами или спиралями, серьги с раструбом, бляшки с петелькой и пр. (Аванесова 1997: fig. 3: 4; 10: 1—4, 13). Трупосожжения и андроновские украшения найдены также в могильнике Джаркутан.

Особенно выразительны материалы поселения Джаркутан. Здесь исследованы два больших каменных ящика, содержащих уголь, золу, кальцинированные кости человека и керамику типа Молали. Главное же, в храме рядом с алтарем открыт резервуар со слоями золы, прокаленной красной глины с углями, костями и керамикой, а сверху — кости животных, фрагменты посуды типов Молали и Андроново, глиняные алтари и культовые сосуды, сделанные на гончарном круте и покрытые светлым ангобом, но украшенные андроновскими геометрическими орнаментами в том числе — культовые подставки с изображением свастики и колеса с восемью спицами, напоминающие изображения могильника Тулхар (Рахманов 1982: 115—119; Аскаров, Ширинов 1993: 61, 66—70, 82; рис. 22 I: 4—6; 43 I, III; 44 I: 17—19; 46 I; 64 I: 3; 71).

Появление в могильниках БМАК андроновских погребений и обрядов огненного культа, а в Джаркутане в храме, на алтарях и культовых сосудах андроновских орнаментов — не оставляет сомнения в том, что андроновцы заняли господствующее положение в обществе Северной Бактрии. Это классический пример элитарной миграции типа III и доминирования. При этом пришельцы сохранили свои навыки металлообработки, оружие, колесницы и коней, а также этнически знаковые признаки своей культуры: костюм и украшения, а главное — свои мифологические представления и ритуалы, передача которых возможна только при сохранении этнического самосознания и самоназвания и языка. «Горшки» же и более высокую материальную культуру, адаптированную к местной экологии, они восприняли у аборигенов-земледельцев, постепенно навязав им свой язык и мифологию. Причем первыми в новую элиту были включены местные жрецы. Такой представляется модель арианизации Северной Бактрии.

А. А. Аскаров (1989: 164) первоначально считал захороненных по обряду кремации «наложниками или наложницами», но позже он пришел к заключению, что «аборигены не восприняли отсталую материально-техническую базу севера, синкритизация произошла в идеологических воззрениях этих племен» (Аскаров и др. 1993: 127). Н. А. Аванесова (2002) также высказала предположение, что андроновцы, принесшие с собой обряд кремации, составили в обществе БМАК господствующую группу. Отсутствие следов разрушений и пожаров позволяет думать, что арианизация происходила медленно и постепенно, в основном мирным путем.

Таким образом, в Северной Бактрии прослеживается несколько моделей миграции из более отсталой в более передовую зону:

I. Лекальная миграция: часть населения полностью сохраняет свою материальную культуру и обряды (андроновские поселения и погребения Таджикистана);

II. Интеграция: пришельцы сохраняют свой хозяйственно-культурный тип, но постепенно заимствуют элементы местной культуры, причем формируется новый культурный тип (так называемые андроновские могильники Таджикистана с захоронениями в катакомбах) или ассимиляция, при которой складывается принципиально новая культура, синтезирующая погребальный обряд и создающая новый керамический комплекс, подражающий аборигенному (культура Бишкент-Вахш);

III тип — миграция элитарная, при которой пришельцы отказываются от традиционного хозяйственно-культурного типа, заимствуют материальную культуру аборигенов, но навязывают им свою власть и свой язык, заняв доминирующее положение в социуме и сохранив свое военное превосходство (БМАК Южного Узбекистана).

Одновременное сосуществование в Северной Бактрии разных культур и культурных типов отражает процессы дивергенции в обществе мигрантов, андроновская культура которых и на прародине отнюдь не была единой. В процессе дивергенции происходило постепенное формирование на основе племенных диалектов отдельных языков индоиранского языкового континуума, если принимать отстаиваемую гипотезу индоиранской атрибуции культуры Андронovo. В свете данных Северной Бактрии, каковы могут быть археологические следы индоарийской миграции в Индии?

По ведическим источникам известно, что культура пришельцев отнюдь не была единой, и часть из них придерживалась не ведийских обрядов. Участниками миграции, преодолевшими третью — бактрийскую линию разлома Дж. Мэллори, могли быть все известные группы населения Северной Бактрии, включая и носителей БМАК. Археологическим отражением миграций могут быть находки в Белуджистане и на северо-западе Индии комплексов БМАК и могильников с чертами культуры Бишкент-Вахш. Однако, судя по данным ведической традиции, прежде всего — Ригведы, пришедшие арии сохранили свой хозяйственно-культурный тип. Это была элитарная миграция, сопровождавшаяся расширением территории и захватом скота. Но местное аборигенное население продолжало

вести традиционное хозяйство и вступило в контакт с ариями. В тексте Шатапатха-Брахмана говорится об использовании ариями в быту гончарной керамики, сделанной на гончарном круге ремесленником-шудрой, и изготовлении самим арием только культовой лепной посуды по традиционной технологии предков.

Как правильно отметил В. Рау в статье «Возможна ли ведическая археология?» (Rau 1977), ведические памятники — это кратковременные стоянки небольших общин пастухов, где может быть только горстка черепков (отметим — большая часть из них местного производства и сделана на гончарном круге и лишь незначительное количество могут представлять фрагменты грубой лепной посуды деградировавшего андроновского типа). Что касается погребений, то надежды найти их мало, поскольку у ариев был обычай отправлять на родину тела погибших на чужбине. Тело или кремировали и везли прах в сосуде, или расчлняли, сохраняя только череп и длинные кости, или, наконец, помещали в большой сосуд с маслом. Иногда собирали тридцать три кости разных частей скелета и заворачивали в шкуру черной козы для транспортировки домой, где совершали обряд кремации; если место смерти было неизвестно, то делали человеческую фигуру из стеблей цветов, заворачивали в шкуру черной козы и затем сжигали; в некоторых случаях умершего вдали от родины сжигали без церемоний, а на родине сооружали кенотаф (Caland 1967).

Все эти типы погребений известны на андроновских могильниках, особенно в Семиречье и на юге Средней Азии, где очень многочисленны кенотафы, а также в Свате (Stacul 1975).

Главным же археологическим свидетельством прихода ариев в Индию могут являться ритуальные захоронения коней, изображения колесниц и коней в андроновской манере в фас на петроглифах и фигурки коней. Но кони «ничего не значат без персонала, обученного обращаться с конями и управлять ими» (Ratnagar 1999: 228). Именно арии принесли эти навыки сначала в Маргиану и Бактрию, а затем в Индию. Конные колесницы употреблялись на войне, скачках и в церемониях, в частности — Vajrapaya и Asvamedha, а строитель колесниц gathakara имел высокий социальный статус (Spartboom 1983).

Таким образом, материалы, полученные в Северной Бактрии, являются важнейшим источником реконструкции не только этнической истории Средней Азии, но и решения проблемы происхождения и расселения индоиранских народов.

6. Происхождение дардов и нуристанцев

На крайнем северо-западе индийского субконтинента, между горами Гиндукуш на западе и хребтом Каракорум на востоке, находится область Сват и районы Гилгит, Читрал, Дир, а южнее — Гомал и Гандхара. Здесь выявлены многочисленные памятники по течению реки Инд и в долинах ее притоков Гомал и Кабул и впадающей в него реки Сват с многочисленными притоками. Открытые круглый год перевалы Хайбер, Гомал, Курам, Точи и Бургал соединяют район с соседними областями, открывая пути в Среднюю Азию, Афганистан и Индию (Müller-Karpe, 1983, abb 1 map). Первые памятники были выявлены А. Стейном, с 1958 г. начались систематические раскопки Итальянской Археологической Миссии под руководством Д. Туччи (Tucci 1958, 1977), а с 1967 г. — Пакистанской экспедиции Пешаварского университета, под руководством А.Х. Дани (Dani 1967, 1970—1971, 1978: fig.12; Timargarha et al. 1967; Durrani 1968). В настоящее время зафиксировано 35 могильников и 7 поселений.

Наибольшую информацию дают могильники Лозбанр I, Кателан I, Буткара II (Silvi Antonini 1963, Silvi Antonini, Stacul 1972, Castaldi 1968), Кхераи (Stacul 1966) Тимаргарха (Dani et al. 1967), Зариф Каруна (Khan 1979) и скальный навес Гхалигаи (Stacul 1969; 1987) и многослойные поселения Алиграма (Stacul, Tusa 1977), Биркот-Гхундаи (Stacul 1980), Баламбат, Гумла и Хатхала (Dani 1970—1971).

Учитывая расположение памятников на путях миграций, раскопки привлекли большое внимание, но интерпретация вызвала дискуссию (Литвинский 1964, 1967, 1972; Кузьмина 1972б, 1974е, 1975а; Müller-Karpe 1983; Виноградова 1990, 1991, 1995; Vinogradova 2001с; Complete Bibliography: IsMEO 1982). А.Х. Дани считает памятники Свата и Гандхары единой Культурой Гандхарских могил. Д. Стакул (1975: 328—330) полагает, что некрополи Свата представляют особую культуру. Сравнение материалов заставляет склониться к мнению, что это памятники единой культуры, в которой выделяются отдельные локальные варианты.

Основу периодизации составляют многослойные поселения. В Гхалигаи установлено развитие культуры от III тыс. до н.э. доисламской эпохи (Stacul 1969: 62—64, 84). Неолитическая культура Гхалигаи (слои 23—21) отнесена к периоду I. По C₁₄ она датируется 2970—2920 гг. до н.э. (Stacul 1967, 1969, 1970, 1987: 167). В период II (слои 19—18) дата: 2180 г. до н.э. — памятник включается в аре-

ал влияния культуры Хараппа и Мундигак IV. Н.М. Виноградова (1990: 43) отмечает также связи с Белуджистаном.

Период III (слои 17—16) отражает связи Свата с соседним Кашмиром, где распространена примитивная культура с лепной керамикой с отпечатками рогожи на дне. Эта культура Бурзахом I сложилась в Кашмире под влиянием Китая (Stakul 1987: 167). Период III Гхалигаи не представлен на многих других поселениях, в частности в Гумла, в период IV сохраняются связи с Кашмиром, где распространена культура Бурзахом II, родственная культура Луньшан в Китае, по мнению многих китаистов сложившаяся в результате западного импульса из Гиссара III В. Восточные связи Свата подтверждаются находками изделий из нефрита, в частности украшений «магатма» в виде клыка с дырочкой, маленьких топориков-амулетов, прямоугольных каменных ножей с отверстием (Stacul 1978: fig. 35; 1979).

Черно-серая полированная керамика разнообразных форм действительно напоминает посуду Гиссара III В. В Свате она встречена на поселениях Бир-Кот-хундай — 44%, Лозбанр III — 43%. Вторая группа — лепная керамика с примесью песка. Третья группа — сделанная на круге красноглиняная посуда с черной росписью, составлявшая в Бир-Кот-хундай -19%, Лозбанр III — 15% (Stacul 1987: 103f). И по технике, и по форме, и по мотивам орнамента (лист пипала, четырехлепестковая розетка) эта керамика сохраняет традиции гончарства Хараппы. Некоторые мотивы росписи перекликаются с некрополем Хараппы Н: звезды, головки птиц, лабрис (Vinogradova 1990: 45).

Таким образом, материалы Гхалигаи отражают картину сложных и разнонаправленных культурных контактов, причем в некоторых случаях можно предполагать не только смену ориентации связей, но и появление новых этнических групп.

К концу периода IV Д. Стакул (1966) относит могильник Кхераи, который считает самым ранним и не имеющим пока аналогов.

Периоды V—VII (слои 15—9) соответствуют времени могильников Свата и Гандхары. Это принципиально новый этап развития региона. Колонка Гхалигаи во многом, но не полностью, соответствует этапам развития, выявленным на поселении Гумла, расположенном в долине Гомал. К эпохе неолита относятся I слой; II слой демонстрируют импульсы из Сиалка III — Гиссара I В — II А, Мундигака II — III и Намазги III. Последнее отражает сходство многих мотивов орнамента керамики (специфичные крест и ступенчатая пирамида) (Кузьмина 1974е).

Культура периода Гумла III была создана пришедшими из долины Инда носителями цивилизации Хараппа, особенно ярко синтез местной древней и пришлой хараппской культуры выступает в период IV (Dani 1970—1971: 150—169). Поселение достигло высшего расцвета. Город окружен стенами, развито ремесло, посуда сделана на круте и украшена типично хараппскими мотивами орнамента. Введение колесного транспорта, документированное моделями повозок, колес и упряжных быков, позволило интенсифицировать культурные связи, в том числе со Средней Азией (Кузьмина 1974е). Поселение Гумла было захвачено, сожжено и разрушено полностью, среди причин его гибели рассматривается нашествие ариев.

По мнению А.Х. Дани, именно арии соорудили на пепелище свой курганный могильник — V период Гумла (Dani 1970—1971: 49—53, 169).

Курган №1 диаметром 6 м, высотой 0,5 м сверху обмазан глиной, содержит в центре грунтовую могильную яму глубиной 1 м. Насыпь и заполнение ямы представляет культурный слой IV периода, в который врезана яма. Погребения некрополя совершены под курганами в ямах по обряду кремации; зола, уголь и обожженные кости положены на дно могилы или помещены в сосуды. Иногда в могилы поставлены не орнаментированные горшки (Dani 1970—1971: 50, fig. 4,5,7; pl 14—16). Отличительная особенность могильника — помещение вместе с прахом умершего костей животных. Найдены череп и кости ног быков, нога и другие кости лошадей, а также замещающие их фигурки быков, лошадей, верблюда и птицы и модель колеса (Dani 1970—1971: 50, fig. 166; pl. 31: 1—4). Подкурганный обряд погребения, наличие лошади и двугорбого верблюда, и их культ фиксируется в регионе впервые. Следов преемственности с Хараппой нет, что свидетельствует, что это культура пришельцев.

Совершенно аналогичная картина выявлена на поселении Хатхала (Dani 1970—1971: 56—59, fig. 166; pl. 18 a-b; 31). Хараппский слой (период В) перекрыт могильником. Курганы из твердой глины, могилы круглой и «подковообразной» формы (последние напоминают подбой-катакомбу), обряд — кремация на стороне, пепел помещен на дне ямы или в сосуде, покрытом зернотеркой.

А.Х. Дани (1970—1971: 169, fig. 37) сопоставляет культуру этих могильников с культурой Гандхара и кремацией в Сараджхала около Таксилы. Но отмечает, что в керамике есть различия. Часть сосудов сделана на круте, обжиг красный внутри, снаружи посуда

красная или белая, есть один серый кубок. Вся керамика лишена орнамента. Варианты в гончарстве указывают на то, что пришельцы не были едины. По мнению А.Х. Дани, разрушив поселения Гумла и Хатхала, они двинулись в долину Инда и сокрушили Мохенжо-Даро. Их собственная материальная культура была бедна, поэтому они легко заимствовали достижения аборигенов.

Многие типы посуды и урн находят аналогии в некрополе Тимаргарха и в могильниках Свата. Некрополи объединяет ряд общих признаков. Они расположены на холмах, господствующих над речными долинами. Некоторые содержат большое количество могил (например, в Тимаргархе — 270). Прослежено стратиграфическое перекрывание захоронений. Погребения снаружи иногда обозначены каменными выкладками. Детские могилы обособлены. Могила двухъярусная, сверху вырыта круглая или прямоугольная камера диаметром 2,5—4 м, глубиной 1—2 м, на дне которой выкопана прямоугольная яма длиной 1,5—2 м, глубиной 0,5—1,5 м. В Зариф-Каруна есть также крутые ямы. Стены верхних камер первоначально были укреплены каменными оградками, сохранившимися в Тимаргархе и Кателаи, или обложены деревом, закрепленным по углам вкопанными столбами диаметром 10—15 см, что зафиксировано в Лозбанр I. В Тимаргархе выявлены смыкающиеся круглые и квадратные каменные ограды и кучи камней над могилами, так что по внешнему виду некрополь очень напоминает андроновские могильники (рис. 42). Стенки ям укреплены четырьмя каменными плитами, поставленными на торец, или цистой из горизонтально уложенных плит. Сверху яма перекрыта одной или несколькими плитами. Погребения ориентированы головой на запад, с отклонением на юго-запад, реже на северо-запад, иногда на юг, и совершены по обряду ингумации или кремации. Умершие лежат скорченно, женщины на левом, мужчины на правом боку. Есть парные погребения — сати и очень редко — тройные захоронения. В Лозбанре есть могила с трупосожжениями, разделенная на две части каменной стенкой, для двух погребенных (Silvi Antonini, Stakul 1972, pl. XCI; XCII). В головах погребенного стоит один или несколько сосудов, иногда крупные горшки поставлены также у ног. В могилах с трупосожжением пепел и обожженные кости рассыпаны по дну или помещены в керамический ящик или сосуд, а чаще в урну с отверстием или в появляющиеся во II периоде урны с моделированным из глины лицом. В западной части, как и в могилах с ингумацией,

поставлена керамика. Есть также расчлененные погребения, но они малочисленны.

Посуда или слеплена от руки, или сделана на гончарном круге. Цвет поверхности серый или черно-серый, урны часто красные. Формы сосудов необычайно разнообразны. Почти все сосуды лишены декора, изредка в поздних могилах встречается резной геометрический орнамент, иногда инкрустированный белой пастой или обрамленный ямочными вдавлениями. Характерна гофрировка поверхности, особенно бокалов.

Остальной инвентарь погребений беден и включает плоские схематичные статуэтки, бронзовые украшения (булавки, височные привески, кольца, бусы), каменные бусы и немногочисленные орудия: листовидные черешковые ножи и два маленьких ножа с упором, бритвы, крючки, костяную стрелу, а также железные изделия, в том числе псалии (Silvi Antonini, Stacul 1972, pl. LIV — LXIII).

Классификация материалов вызвала разногласия. Первоначально исследователи (Castaldi 1968; Silvi Antonini 1969; Stacul 1975) привлекали очень широкий круг сравнений от Гиссар IIIc до Тагискена, но единичные аналогии не могут быть основой хронологии. Периодизация трех могильников была предложена С. Сальватори (Salvatori 1975), общая картина культуры Свата была нарисована Г. Мюллером-Карпе (Müller-Karpe 1983). А.Х. Дани (Dani 1967: 25) выделил три периода: I — скорченные одиночные погребения; II — кремация в урнах; III — ингумация, в том числе парные и расчлененные погребения. Иная классификация была предложена Д. Стакулом (Stacul 1969; 1966, 66, fig. 8). К. Сильви Антонини и Д. Стакул (Silvi Antonini, Stacul 1972) на основании стратиграфии могил, перекрывающих друг друга, и статистико-комбинаторного метода классификации инвентаря, прежде всего керамики, создали свою классификацию. Она была подтверждена Н. Виноградовой (Vinogradova 2001), проанализировавшей распространение типов керамики в закрытых комплексах стратифицированных погребений.

Таблица 3

Период	Кремация	Ингумация	Кенотаф	Всего
I	52	42	11	105
II	42	67	4	113
III	5	30	2	37

Таблица составлена на основании данных N. Vinogradova (2001: 13, table 3).

В результате по данным трех могильников выделено три периода. Фракционные погребения характерны для всех периодов; обряд кремации господствует в период I; в период II преобладает ингумация; в III периоде она абсолютно господствует. Кенотафы характерны для I периода и почти исчезают во II и III периодах.

Самым ранним является могильник Кателан, в котором преобладают погребения I типа, самым поздним — Буткара II. Отмечается непрерывное развитие могильников Гандхары — Свата, проявляющееся в постепенном изменении обряда, преемственности развития керамических форм и женских статуэток. Однако Д. Стакул и А. Дани предполагают две волны миграций: в начале I и III периодов

Таблица 4

Период	Кателан	Лозбанр	Буткара II
I	75	41	2
II	40	90	18
III	19	16	16
Всего	134	147	36

Время могильников вызвало споры: XVI—VIII вв. до н.э. по А. Дани (1967: 240); XIV—IV вв. до н.э. по Д. Стакулу (позже: XVII—V вв. до н.э.); XI—VIII вв. до н.э. по Г. Мюллеру-Карпе (1983: 76). Верхняя дата устанавливается на основании стратиграфии поселения Баламбат, где могилы и здания конца III периода перекрыты постройками эпохи Ахеменидов. Поселение Гхалигаи перекрыто слоем буддийского времени. Эта дата подтверждается также находками в III периоде железных изделий, в том числе — трехдырчатого железного псаля, относящегося к типу, известному в степях Евразии и в Сиалке в раннем железном веке (Jettmar 1968).

Степные аналогии есть также для чайников с носиком и круглой ручкой (ср.: Vinogradova 2001, fig. 8: 14—9; Мошкова (ред.) 1992, табл. 32: 36, 37; 37: 48; 56; 62).

Сосуды с подкошенным дном III этапа близки типам керамики ахеменидской эпохи Средней Азии (сравни: Vinogradova 2001, fig. 8:5; 8, Kuzmina 1976a, fig. 2), на что уже обращала внимание К. Сильви Антонини (Silvi Antonini 1969: 113; 1973), предполагая контакты с Яз II.

Абсолютная хронология могильников устанавливается по радиоуглеродным датам, но, к сожалению, для могильников они не

всегда подтверждают стратиграфию (Vinogradova 2001, tab. 9). Более надежны даты Тимаргарха, период I — 1530 ± 60 до н.э. и период III — 940 ± 60 до н.э. (по А. Дани) и даты поселений Свата: период IV 1510 ± 60 до н.э. и 1150 ± 60 до н.э. и период V — интервал от 1230 ± 40 до н.э. до 790 ± 135 до н.э. (о хронологии см: Possehl 1994; Yule 1994; Vinogradova 2001, pl. 9).

В целом, по-видимому, могильники Свата могут быть датированы XVI—VIII вв. до н.э., наиболее поздние погребения, возможно, относятся к ахеменидской эпохе.

Каковы происхождение этой культуры и ее этническая атрибуция? Д. Стакул (1971) высказал предположение, что люди, принесшие обряд кремации, пришли из Анатолии на Дунай и оттуда, гонимые варварами срубной культуры степей Причерноморья, мигрировали позже в Сват. Эта гипотеза была создана на основе миграционистской концепции Р. Гейне-Гельдерна (Heine-Geldern von 1965) и М. Гимбутас. В качестве ее доказательства приводились сходства с отдельными элементами разновременных культур Дуная от энеолита до Гальштатта: обряд кремации, лицевые урны, орнаментация шишечками, налепами и резным декором, женские статуэтки и медные булавки.

Эта гипотеза неубедительна. В теории миграций условиями доказательства переселения считается: 1) одновременность сопоставимых памятников; 2) наличие не единичных, а массовых аналогий в закрытых комплексах; 3) выделение комплекса этнически значимых признаков; 4) соседство территорий или наличие коммуникаций; 5) историческое обоснование причин и характера миграции. Ни одному из этих условий венгерская гипотеза не удовлетворяет. Сопоставляемые памятники разновременны; выявлены только единичные формальные соответствия случайных, а не этнически значимых признаков; закономерность этнических связей Венгрии и Свата не установлена. Обряд кремации распространен на очень широкой территории. урны с изображением лица отсутствуют в Свате в ранних могильниках периода I A, а появляются только позже в результате местного развития; сосуды, украшенные шишечками, налепами и резным орнаментом появляются только в период II; медные булавки относятся к типам, широко распространенным в соседних культурах, особенно в Средней Азии.

В другой своей работе Д. Стакул (Stacul 1970) высказал предположение, что миграционных волн в Сват было две. Принимая гипотезу К. Йеттмара (Jettmar 1956) о миграции арийских племен из

степей через Кавказ, Д. Стакул полагает, что вторая волна осуществлялась из Ирана и с ней связано распространение в Свате железа и коня, принесенных иранцами. Детальный анализ материалов, проведенный М.Н. Погребовой (1977: 145—147), привел ее к выводу, что хотя в Свате есть аналогии отдельным иранским типам сосудов, керамические комплексы Ирана и Свата резко различны, причем опосредованные связи с Ираном не привели к распространению там железа в конце II тыс. до н.э. «Все это не позволяет согласиться с мнением Стакула о проникновении в Сват в конце II тыс. до н.э. собственно иранского населения» (Погребова 1977: 145).

Д. Стакул датировал появление железа в Свате эпохой Ахеменидов, в действительности время поздних контактов с Ираном и распространение железа (вероятно, опосредовано через Среднюю Азию) — это IX—VIII вв. до н.э., что подтверждается типом псаля из Тимаргарха (Jettmar 1968).

А. Дани (1967, 1978) выделял две волны миграций создателей могильников, полагая, что участники первой миграции (периоды I, II), пришедшие с севера, были ведическими ариями, а второй волны (период III) X—IX вв. до н.э. генетически связанными с ними представителями племени Куруш, описанными в Махабхарате.

А. Дани (1967: 3) датировал поздние могилы Тимаргарха и Тхана IX—VI вв. до н.э. и связывал их с доахеменидским царством Гандхара, от чего культура получила свое название. По мнению А. Дани, Ф. Дуррани (1966: 165), носители этой культуры пришли из степей Закаспия в Иран и Афганистан, откуда около 1000 г. до н.э. переселились в Сват, принеся новый язык.

Б. и Р. Оллчины (Allchin B. and R. 1972: 303; 1973: 214, 215) полагали, что культура Свата была близкой Гияну I и Силаку А и В и появилась в Индии в результате миграции ариев из Ирана.

По мнению Б.К. Тхапара (Thapar 1981: 299), культура могильников Гандхары принесена из Ирана и «является хорошим кандидатом на идентификацию с ариями Ригведы». Индийский исследователь отмечал, что могильники I и II периодов отражают первую волну арийской миграции, а III периода — вторую. Рафик Мугал в докладе на индо-иранском симпозиуме в Гарвардском университете в 2002 г. предложил свою периодизацию и также признал создателей культуры могильников Гандхары ариями.

Сторонники гипотезы прихода населения Гандхары и Свата из Ирана придают чрезмерно большое значение распространению

черно-серой керамики. Ее рассматривают как индикатор иранского этноса, возводя его к III тыс. до н.э., и связывают с культурами Шах-тепе, Гиссара III и Тюренг-тепе (Vanden Berghe 1964: 37; Young 1965: 72; 1967; Dyson 1965; 1967; Deshayе 1969). Критика этой гипотезы была дана (Мандельштам 1964: 192—194; Кузьмина 1972a,b; 1994; Kuzmina 1976b: 65; Луконин 1977: 13—15; Погребова 1977a: 8, 16; Медведская 1977: 169—175; 1978: 14—18; Medvedskaya 1982; Грантовский 1981: 245—272; 1998: 37—60; Cleuziou 1982). Ее опровергает то, что: 1) в III—II тыс. до н.э. на территории Ирана в ареале черно-серой керамики обитали не индоевропейские и не индоиранские народы, а хурриты, эламиты, кутии, луллуби и др.; 2) появление иранского этноса в Иране фиксируется письменными источниками только в IX в. до н.э. (Дьяконов 1956; Грантовский 1981); 3) черно-серая керамика сделана на гончарном круте, в то время как в ведических текстах говорится об изготовлении посуды руками (Rau 1972, 1974; Грантовский 1981; Кузьмина 1986a,b); 4) лепная керамика с серо-черным цветом лощеной поверхности характерна для культуры Андроново.

Многие исследователи искали истоки культуры Свата в Средней Азии. К. Сильви Антонини (Silvi Antonini 1969: 105; 1973: 243) обратила внимание на сходство некоторых керамических форм в культуре ВМАС и Яз II, но отметила также связи с Ираном. В.И. Сарияниди (1977) указал на некоторые аналогии ВМАС и Свата периода V Гхалигаи. Э. Кастальди (Castaldi 1968) сопоставила керамику могильника Кателаи с Тагискеном и пришла к выводу, что тагискенцы из Хорезма мигрировали в Иран, там смешались с носителями культуры Гиссар III, и уже это смешанное население пришло в Сват. Эта гипотеза несостоятельна. Во-первых, могильник Тагискен датируется IX—VIII вв. до н.э. (Итина, Яблонский 2001: 101), то есть позже ранних могильников Свата на полтысячелетия и на тысячу лет позже Гиссара III. Во-вторых, Тагискен со Сватом роднит только обряд кремации, но погребальные конструкции различны, как и керамические комплексы, которые сближает только инкрустация части сосудов белой пастой. Э. Кастальди ошибочно связывает генетически культуру Тагискена с более ранней андроновской. На деле эта культура родственна также культуре Дандыбай. Что касается Гиссара III, то речь может идти только о сохранении в Свате нескольких заимствованных керамических форм, комплексы же посуды, архитектура и погребальный обряд при-

нципиально различны: Гиссар III классический земледельческий телья Индо-Переднеазиатского региона с кварталами жилых домов и погребениями на поселении, что не позволяет ставить вопрос о генетической связи со Сватом, весь характер культуры которого резко различен.

Таким образом, сложилось два направления поисков истоков культуры Свата: иранское и среднеазиатское, Д. Туччи (Tusci 1962: 28) высказал убеждение, что истоки этой культуры надо искать в Средней Азии, а ее создатели были дардами. Сторонником этой гипотезы выступил Б.А. Литвинский (1964; 1967; 1972). Он (1964; 1967) предположил, что культура Свата связана с культурой Бишкент-Вахш в Таджикистане, и признал население Свата кафирами. Я попыталась (1972б; 1974е; 1975а) найти аналогии материалам Свата в Тулхаре и предположила, что это были индоарии, следуя за А.М. Мандельштамом (1968), который провел сопоставление погребального обряда могильника Тулхар с данными о ведическом погребальном ритуале. Но Д. Стакул и К.Сильви Антонини в дискуссиях отметили, что при сходстве обряда в керамическом комплексе мало общего.

Для этногенетических выводов особый интерес представляет ранний могильник Кхерай в Свате (Stakul 1966: 261—274), относимый к концу периода IV (рис. 41). Горная долина Горбанд связана перевалами с Таджикистаном и Афганистаном, а также с долиной Инда. Раскопано 12 погребений. Поверхность развеейна, судить, были ли земляные курганы, нельзя. Могильные ямы прямоугольные 0,4—0,5×0,7—1,7 м глубиной 0,4—0,5 м. Внутри могилы каменный ящик из четырех плит сланца, он перекрыт одной или тремя плитами. Умершие лежат скорченно, на правом боку, головой на запад — юго-запад. У головы стоят один-два сосуда, иногда в ногах есть горшок. Погребальный обряд не имеет аналогий ни в Индии, ни в Иране, а во всех деталях аналогичен андроновскому, включая юго-западную ориентировку (табл. 5). Преобладает керамика класса А: лепная грубая ассиметричная, плохого качества обжига, серо-коричневого цвета (Stacul 1966: fig. 4). Это горшки с отогнутым венчиком, с округлым или грушевидным туловом, глубокие миски и чаши с прямыми стенками и сосуд с подкошенным дном (вариант AIII, fig. 4d). Единственный сосуд класса В сформован на гончарном круте, покрыт серо-черным лощением и по форме аналогичен сосудам класса AVII (fig. 4f).

Где есть подобная посуда? Классификация керамики культуры Бишкент-Вакш была проведена Л.Т. Пьянковой (Pyanikova 1986: abb. 61—72; Пьянкова 1989: 57—77). Лепная посуда Таджикистана часто повторяет формы гончарной керамики ВМАК. Большая часть керамики покрыта специфичным для ВМАК белым ангобом. Наряду с этим типом в Бактрии бытовала краснолощенная и чернолощенная керамика. По форме почти все сосуды могильника Кхерай находят аналогии в раннем могильнике долины Бишкента — Тулхар (Кузьмина 1972б; ср.: Stacul 1966: fig. 4 и Мандельштам 1968: табл. X: 2, 5, 7, 8; XII: 2, 7, 8; XV: 1, 2; XXIII, 9 (Аруктау); Kuzmina 1976a: tab. 2). Особенно существенно сходство сосудов цилиндрикоконической и грушевидной формы, составляющих специфику таджикских памятников. В керамике более поздних могильников Пакистана, особенно периода Ia (Vinogradova 2001 fig. 4: 3—5, 8, 10, 12), как отмечают исследователи, прослеживаются некоторые черты преемственности с предшествующей посудой Кхерай, но в целом керамические комплексы гораздо богаче и разнообразнее.

Как говорилось, решающее значение для этногенетических выводов имеют данные о духовной культуре Свата, поскольку она сохраняется при дальних миграциях и запечатлена в языке. Анализ таблицы 3 показывает, что по всем параметрам все детали погребального обряда Гомала и Свата имеют полные аналогии в культуре Андроново и только в ней.

В постхараппских курганах Гумла и Хатхала выявлена кремация под курганом, найдены фигурки двугорбого верблюда — бактриана и лошади и захоронения животных, в том числе коня — характерный андроновский обычай. В книге «Откуда пришли индоарии» в разделе «Транспорт» говорилось о появлении в Свате культа и изображений колесниц в андроновском стиле. Почитание коня сохранилось в Свате и в период IIA, к которому относятся булава и крышка с лошадкой из Каталаи (Silvi Antonini, Stacul 1972: pl. LII; LIII).

В погребениях Свата все детали погребального обряда родственны андроновским: сооружение вокруг ямы круглой или прямоугольной ограды; прямоугольная яма, в которой построен каменный ящик или циста и редко — сруб; сочетание кремации и ингумации; положение умерших скорченно, на боку, головой на запад — юго-запад (что отличает андроновский обряд от срубного, где господствует ориентировка на восток или север); наличие парных разнополюх погребений, как при ингумации, так и при

кремации — сати; случаи сооружения в могиле каменной перегородки, разделяющей два погребения; помещение одного-двух сосудов у черепа; жертвоприношения животных, в том числе — коня и изредка верблюда; обычай рассыпать прах по дну ямы. Отличие погребального обряда Свата — частое помещение праха в урну. В Андронове есть прямоугольные глиняные блюда, в которых переносили пепел (табл. 14), но рассыпали его в могиле кучкой или в виде куклы. Последние два обряда заставляют обратиться к материалам культуры Бишкент-Вахш, сложившейся в результате синтеза андроновских традиций и культуры ВМАС при участии потомков культуры Заман-Баба. В последней находят аналогии ящичные урны периода IA (ср.: *Silvi Antonini et al.* 1972: pl. XLIV — Гулямов и др. 1966: таб. VII; XIV; XV). Цилиндрические алтари с крышкой есть в Джаркутане (Аскаров и др. 1993: рис. 51).

Интересно обратиться к анализу статуэток из могил Северной Бактрии и Свата, всех трех периодов. Представлено несколько типов. Для всех характерна подчеркнутая стеатопигия, выделенные в виде двух треугольников руки, у большинства — наклепанные груди. Ноги либо соединены в виде треугольника (поздние), или разъединены. Голова круглая или чаще трапецевидная. Нос вытянут, глаза обозначены точками, показаны ожерелья и диадемы (*Müller-Karpe* 1983: abb. 36, 37). Почти полную аналогию фигуркам Свата составляют более крупные экземпляры из Северной Бактрии, отличающиеся только тем, что глаза у них показаны горизонтальной чертой; есть также сидящие фигурки (*Vinogradova* 1994: fig. 7; 1; 2; 19; *Avanesova* 1995a: 40, fig. 8: 13; 10: 6; 12). Полную аналогию экземпляру из Лозбанра могила 66 с прямоугольным основанием (*Müller-Karpe* 1983: abb. 36: 8) составляют фигурки из храма Джаркутан (Аскаров, Ширинов 1993: рис. 50: I: 9—11 и Кангурттута (*Vinogradova* 2001b: abb. 3: 23) (рис. 35). В Средней Азии традиция изготовления женских статуэток восходит к культуре Анау, а в степи представлена в Заман-Баба (Гулямов и др. 1966: табл. V: 5). Г. Мюллер-Карпе (1983: 105) считал, что фигурки изображают женское божество. Тайтирия Брахмана позволяет дать другую интерпретацию. В тексте говорится, что после кремации из пепла с глиной лепят фигурку, которую потом почитают как умершего (*Caland* 1967: 104). Подобный обряд существовал в Риме, где поклонялись ларам (*Dumézil* 1966: 335). Текст Ашвалаяна Грихиясутра (IV: 5) объясняет, что урны для пепла женщины имеют налепы, для мужчины — изображение носа.

В Бактрии и Свате сходны фигурки животных, в том числе лошадей. Фигурка птицы из Кателаи (Silvi Antinini, Stacul 1972) семантически тождественна жертвеннику с головой птицы из некрополя Бустан VI, которую Н. Аванесова (Avanesova 1995a: 42, fig. 7) справедливо связывает с арийским культом огня и солнца.

Как же сложилась культура Свата? Если исходить из решающего значения погребального обряда, то она генетически связана с андроновской общностью. Несомненно, что это миграция II типа, при которой пришельцы сохраняют свой язык, мифологию и ритуал, но в процессе миграции усваивают элементы чужой материальной культуры.

Модель миграции в Свате отличается от модели миграции в Северной Бактрии. Там создатели культуры Бишкент-Вахш первоначально сохранили многие черты погребального обряда, но затем восприняли обряд захоронения в катакомбе и не только стали использовать местную керамику земледельцев ВМАС, но и стали делать свою лепную посуду в подражание гончарной. Они установили мирные отношения с земледельцами Джаркутана, навязав им элементы своей духовной культуры и обряда, о чем свидетельствуют могильники Бустан, и, возможно, передали свой язык (элитарная миграция и последующая ассимиляция).

В Гомале и Свате земледельческая культура Хараппа была уничтожена, причем гипотезы гибели в результате экологического кризиса и наводнения здесь неприемлемы. По-видимому, укрепленные поселения пали под ударами пришельцев. Они сохранили свой погребальный обряд, но керамический комплекс был создан под воздействием родственного населения Тулхара в процессе их движения с севера из степей через Таджикистан. В Гумла и Тимаргархе употреблялась керамика с белым ангобом (Dani 1970—1971: fig. 37). Этот технологический прием чужд гончарству Ирана и Индии и составляет отличительную особенность ВМАС и заимствован оттуда в культуру Бишкент-Вахш. Керамика Свата могильника Кхерай по форме аналогична посуде Тулхара, но, как и последующая лепная посуда Свата, покрыта лощением и имеет серо-черный цвет поверхности, получающийся в результате восстановительного обжига. Эта технология специфична для андроновского гончарства. Важно подчеркнуть, что традиции андроновского ручного изготовления посуды (Кузьмина «Гончарство» 1994: 132), сохранились в северо-западном Пакистане и афганском Бадахшане вплоть до современности (Rye, Evans 1976).

Для того чтобы эта красивая рабочая гипотеза превратилась в строгую научную гипотезу, необходимо, во-первых, проверить хронологическую классификацию материалов Тулхара, предложенную К. Канинтом и М. Тойфером (Kaninth, Teufer 2001), и уточнить хронологию таджикских могильников, а во-вторых — провести детальный сопоставительный анализ керамических комплексов двух регионов с учетом технологии производства.

В пользу миграции с севера говорят немногочисленные металлические изделия. В Калако-дерай найдены миниатюрные ножики с черешком и выемками на основании лезвия, принадлежащие к классическому степному типу XV—XIII вв. до н.э. (ср.: Кузьмина 1994: рис. 29—30 — Stacul 1992: fig. 4), в Кателаи, в могильнике нижнего горизонта, есть так называемая бритва близкая типу степей XIII в. до н.э., например, в кладе Шамши (ср.: рис. 59 — Silvi Antonini, Stacul 1972 pl. LVId); в Кателаи из могилы верхнего горизонта происходит массивное тесло (сравни Черных, Кузминых 1989: рис. 71 — Müller-Karpe 1983: abb. 29: 10). Серьги и височные кольца Свата из золота и меди не являются диагностическими, так как очень широко распространены во времени и пространстве. Но аналогичные им изображены на фигурках из Бустана VI (Avanesova 1995: fig. 15, 16). Золотое кольцо с пятью шариками, один из которых украшен бирюзой, из могильника ВМАС Нурек (Пьянкова 1998а: 170) является аналогом артефакта из могилы 122 Тимаргарха (Dani 1967: p. 231—232, pl. XLIX: b/5) и позволяет датировать могилу не VI—IV вв. до н.э., а XII в. до н.э. по аналогии с комплексом Нурек. В Северной Бактрии находят аналогии типы бус и булавки с конической лопатовидной головкой (ср.: Vinogradova 2001: fig. 4: 45, 47 — Кузьмина 1966, табл. XVI: 16—22, 36—41, 46—49; Аскаров и др. 1983: табл. XXXIV: 3—5; XXXV: 7, 8).

Тесла с боковыми выступами (цапфами) найдены около Даррелла в Шелозане (Heine-Geldner 1956: fig. 1) и в Маникал (Jettmar 1961: fig. 1,2). Большинство авторов, изучавших эти артефакты культуры дардов, пришли к выводу, что они попали в Индостан через Иран, вероятно, с Кавказа. Б.А. Литвинский (1964: 144) высказал предположение, что они проникли через Среднюю Азию. Центром изготовления этих предметов в XV—XIII вв. до н.э. был Средний Урал, что доказывает находка литейной формы в Зиргане и самих изделий в Елабуге и Миловке (Тихонов 1960: табл. I: 1; VIII: 21; XVII: 10). Связи уральских металлургов со Средней Азией были очень активны, что делает вероятным попадание тесел в Пакистан

из Средней Азии. Псалий из Тимаргарха сделан из железа (Jettmar 1968) и принадлежит к типу, который сложился в степях Евразии в XII—IX вв. до н.э. (Кузьмина 1994: рис. 39, 5, 7; Voroŭka 1998a: abb. 10 тип III) для верховой езды и бытовал в железном веке.

Вывод о северных истоках культуры Свата подтверждают данные антропологии, о которых говорилось в разделе «Антропология» (Кузьмина 1994: 245, 246). Исследовано 12 черепов из могил Буткара II и 4 черепа поселения Алиграма. Они относятся к средиземноморскому типу, представленному в Средней Азии. Б.А. Литвинский (1972: 186) подчеркивает отмеченное Б. Бернхардом (Bernhard 1967: 317—385) «удивительное сходство... серии черепов из Свата с сакскими памирскими черепами». Оно обозначает возможное генетическое родство двух популяций. В Тимаргархе среди 25 черепов представлен этот тип, а также массивный протоевропеоидный, характерный для андроновцев степи, веддоидный (3 черепа), характерный для коренного населения Индостана, и монголоидный (2 черепа), вероятно, принесенный в период III Гхалигаи из Кашмира.

Каков же был этнос, слагавшийся на протяжении четырех тысячелетий из столь разных компонентов? Некоторые исследователи признали создателей могил Свата иранцами (Castaldi 1968; Silvi Antinini 1973). Большинство во главе с Б. и Р. Олчинами (Allchins 1973: 303) и Б.К. Тхапаром (Thapar 1981: 299) полагало, что эта культура пришла из Ирана и принадлежала ригведийским ариям. А. Парпола (1994: 16, 17) полагал миграцию первой волны ариев с Дуная и думал, что создатели ранней культуры могильников Гандхары были проторигведийцами = протодардами, поздняя Гандхара — поздние ригведийцы — нуристанцы. В работе (Parpola 2002a: 71—72) он подчеркивает связи Гхалигаи IV и ВМАС, а Гхалигаи V с Хасанлу V, и считает, что часть индоариев прошла через север Индостана, а ареал культуры Гандхара совпадает с дардским языком. Третьи: С. Гупта (Gupta 1972; 1979), Е. Кузьмина (1972a, b; 1974; 1975) считали создателей могильников ригведийскими ариями, пришедшими не из Ирана, а из Средней Азии.

Арийская атрибуция культуры подтверждается анализом погребального обряда, находящего аналогии в Ведах. Арийская этимология топонимов Гомала и Свата доказывает это: вед. Gomati — Гомал, Suvastu — Сват, Kubha — Кабул, Sindhu — Инд, Kumu — Куппам (Stein 1917: 91—99; Топоров 1962: 59—66; Елизаренкова 1972: 12, 13; 1989: 440—443; Allchins 1973: 218).

Но эти факты отражают общеарийский, а не ведический характер культуры Свата, указывая на то, что разные группы индоариев, в том числе дарды и кафиры, мигрировали в эти регионы.

Д. Туччи (Tusci 1963, 1977) связывал древнюю культуру Свата с современным населением — дардами и предложил искать ее истоки в Средней Азии. К. Йеттмар (Jettmar 1960, 1966, 1975: 466), изучив этнографию Гиндукуша, пришел к выводу, что у дардов и кафиров много пережитков древнейшей индоиранской культуры, возникших в культуре Андроново и законсервированных в изолированных горных долинах. Большое внимание происхождению дардов и кафиров уделил Б.А. Литвинский (1964: 142—151; 167: 123—127; 1972: 144—149). Он показал сходство некрополей Свата и долины Вахша и, суммировав археологические, лингвистические и антропологические данные, пришел к выводу, что предки кафиров и дардов были группой ариев и пришли из Средней Азии. Расселившись в горных долинах, они сохранили древнюю культуру.

Дарды и нуристанцы (старое название — кафиры) — это третья группа индоиранских народов. В их языках сохранились многие реликтовые черты, сближающие их с одной стороны с иранскими, с другой стороны — с индоиранскими. Исследованием языков этих народов занимались Дж. Моргенштерне (Morgenstierne 1929; 1938; 1973), Д.И. Эдельман (1965) и Ж. Фуссман (Fussman 1972). Г.М. Бонгард-Левин (Бонгард-Левин, Ильин 1985: 133) допускает, вслед за Т. Барроу (Burrow 1973), что можно говорить о прото-индоариях и нескольких волнах миграций, только одной из которых были создатели Ригведы, пришедшие ранее XIII—XII вв. до н.э., когда, вероятно, был составлен текст. К первой же волне доведийского миграционного потока относились дарды и кафиры, «языки и верования которых сохранили доведийские, но после обще-индоиранские черты» а также вратья, «придерживавшиеся арийских, но не ведических норм жизни и культовой практики». Это предположение согласуется с лингвистическими материалами о диалектных различиях индоарийского языка (Emeneau 1966).

Е. Хелимский (Helimsky 1996) высказал предположение, что создателями языков дардов и кафиров были андроновцы (но его представление, что все андроновцы были предками только этой третьей группы, неверно в связи с многочисленностью и многообразием андроновского этноса и его ведическими связями). И.М. Дьяконов (1995а; Dyakonov 1996) допускал, что арии, пришедшие в Переднюю

Азию, были ветвью дардов, первыми ушедших с прародины, а ведические арии мигрировали в Индостан позже. Он защищал гипотезу, что племена срубной культуры были иранцами, а андроновцы — это индоарии, нуристанцы, дарды и, хотя бы частично, иранцы.

Эта лингвистическая концепция представляется наиболее вероятной и согласующейся с данными археологии.

В культуре Свата андроновскими элементами являются аналогичные ведийским погребальный обряд, культ колесницы, коня, верблюда, некоторые традиции ручного гончарства, а также андроновские типы металлических изделий.

Другие элементы культуры Свата роднят ее с культурой Бишкента: это часть керамического комплекса (цилиндро-конические и грушевидные сосуды, применение белого ангоба), женские статуэтки, металл, украшения. Можно полагать, что во время миграции на юг андроновские племена или включили по дороге часть бактрийского населения (корпоративная миграция), или восприняли элементы их культуры (частичная ассимиляция).

Пришедшее в Сват индоарийское население не идентично ведическим ариям. Это отличие касается прежде всего хозяйственно-культурного типа. Ведические арии были скотоводы-полукочевники. Население, пришедшее в Сват, построило долговременные поселения и перешло к оседлому комплексному хозяйству, сочетавшему земледелие и скотоводство. Переход к оседлости демонстрирует постепенное сокращение числа кенотафов в могилах.

Дардский и нуристанский этносы и их культура формировались в результате интеграции с аборигенами, от которых были заимствованы многие элементы материальной культуры, адаптированной к условиям горной долины, а также типы гончарной круговой керамики.

Аборигенный субстрат, вероятно, составляли дравиды, родственные хараппцам. Осколок древней дравидийской общности представляет язык брахуи, распространенный в Белуджистане (Воробьев-Десятовский 1956; Andronov 1980). Вторым компонентом мог быть язык Мунда, распространенный на севере и востоке Индостана и принадлежащий к аустроазиатской семье (Бонгард-Левин 1979; 1984; Бонгард-Левин, Гуров 1988; 1990; Kuiper 1991; Witzel 2001)

С.А. Арутюнов (2003: 432—433) отмечает, что население севера Индии светложее и светлоглазое, чем резко отличается от жителей других регионов. Дарды и нуристанцы, по данным антропо-

логии, принадлежат к тому миграционному потоку, который предшествовал приходу в Индостан ведических Ариев.

Отличие от ведических Ариев особенно отчетливо проявляется в мифологии. Ж. Фуссман (Fussman 1977, 1996) выявил в Северном Пакистане необычайно архаичные религиозные верования и обряды, сохраняющие обще-индоиранские представления, чуждые создателям Вед. Здесь есть культ предков и трехчленная индоиранская и индоевропейская структура общества и культ древнейших общих индоиранских божеств: Jata — Jamir (Яма), Indra (Индра), покровитель коров Gavesha, богиня молока и плодородия Dhichana. Последние боги указывают на роль скотоводства в хозяйстве этого населения и его предков. Некоторые мифологические персонажи зооморфны, существует практика жертвоприношений и прорицания жрецов, использующих в качестве галлюциногенного растения можжевельник. Многие элементы этой мифологии и ритуалов близки скифским (Kuzmina 2002a: 115). А. Парпола (Parpola 2002b: 291—294) подчеркивает сходство обычаев кафиров и скифов приносить человеческие жертвы, снимать скальпы и собирать черепа врагов и обычай отбивать череп сородича и хоронить его.

Архаичные общие индоиранские черты мифологии позволяют предполагать, что приход дардов в Индию происходил до прихода ведийских ариев. Это была особая волна. В пользу этого предположения говорят культы козла и женского божества, слабо засвидетельствованные в Ведах.

Б.А. Литвинский (1964: 147—148) обратил внимание на соответствия в Таджикистане и особенно на Памире культа горного козла, который К. Йеттмар считает специфичным для дардов. Значение этого культа в обоих регионах подтверждается тем, что горный баран занимает первое место на петроглифах (Olivieri 1998).

Другой важный культ дардов — культ женского божества Markum (Маркум) — покровительницы женщин и владычицы горных козлов — также близок народам Гиндукиша и Памира. Это приводит Б.А. Литвинского (1964: 151) к выводу о тесном контакте предков этих народов на территории Средней Азии в эпоху бронзы. Пережитки этого культа и обычай наряжать женщину в головной убор с рогами козла сохранился в Пакистане и поныне (Olivieri 1998). Комплекс приведенных данных позволяет считать, что предки дардов и нуристанцев пришли из андроновских степей через Северную Бактрию и составляли особую, отличную от ведийских ариев группу.

Таблица 5
Сопоставление погребальных обрядов

	Андрон	Сват
Выделенный Могильник	+	+
Курган	+	+
Ограда	+	+
Яма со срубом	+	+
Каменный ящик	+	+
Циста	+	+
Погребение скорченно	+	+
Левый, правый бок	+	+
Ориентировка запад — юго-запад	+	+
Сожжение	+	+
Прах рассыпан	+	+
Прах в сосуде	(+)	+
Sati	+	+
Кукла (1)	+	+
Жертвенное животное	+	+
Жертва конь	+	+
Кенотаф	+	+

(+) — признак встречается редко

(1) — только Бактрия

7. Происхождение ведических индоариев

Возможна ли ведийская археология?

Под таким названием в 1977 г. была опубликована статья В. Рау (Ray 1977), где он утверждал, что археолог может найти в Индии только следы кратковременного арийского лагеря с горсткой фрагментов лепной керамики. Но так ли это?

Как ни соблазнительна модель *Kulturkugei* элитарной миграции ариев БМАК, отказавшихся от своего традиционного пастушеского ХКТ и воспринявших культуру БМАК, она не отражает появления в Индии культуры ведических ариев, которая зафиксирована в Ригведе. Ведические арии в Индии сохранили свой традиционный пастушеский ХКТ и полукочевой образ жизни, разводя крупный и мелкий рогатый скот и лошадей, ведя войны с другими родственными кланами и с аборигенами за захват скота, пастбищ и водопо-

ев, сражаясь на колесницах. В гимнах Ригведы к богам обращены просьбы даровать победу и ниспослать богатство конями и скотом (Rau W. 1983; Елизаренкова Т.Я. 1995, 1999; она же, Топоров В. Н. 1995). В этой работе сделана попытка доказать, что критериям индоарийской культуры в Старом Свете во II тыс. до н.э. удовлетворяет только культура Андронов. Когда В. Рай (1977) писал о ведической археологии, он имел в виду миграцию степной скотоводческой культуры с севера в Индостан, принесшей арийский язык.

По ведическим текстам ясно, что это не было массовое всеохватывающее нашествие, подобное завоеваниям гуннов или монголов, когда движется весь народ, включая по пути и другие иноэтничные племена (массовая корпоративная миграция). Индоарийская миграция представляла другой тип — расселение небольших кланов, подобное основанию колоний греками. Античные источники сообщают, что Народное собрание выбирало группу молодых юношей и девушек, которые после совершения жертвоприношений отправлялись в поход, унося с собой свою культуру, свой язык и культ богов своего полиса. В миграции андроновцев участвовали разные племенные группы, о чем свидетельствует упоминание в Ригведе нескольких названий племен, говорящих по-арийски, но имеющих отличные обычаи и обряды. Наряду с кланами, возможно, существовали отдельные группы молодых мужчин, прошедших обряд инициации, составлявших военные отряды типа средневековых персидских *gurks* (волков) и немецких *Mannverbunde*. Женщин было меньшинство, так как многие не выдерживали тяготы дороги. Поэтому некоторые пришедшие арии имели местных жен. Арии ехали в крытых повозках, колесницы везли в разобранном виде на специальных больших повозках. Перед началом похода проводили жертвоприношения, главное из них — *Aśvamedha* — совершал только могущественный царь, отправлявшийся на завоевание нового царства в день весеннего Нового года. Пути в Индию были уже открыты андроновцами через Афганистан и Белуджистан, и более трудный — через перевалы Памира и Гиндукуша. Какие археологические следы могла оставить культура пришельцев?

Поселения и жилища

В. Рай (1997: 203—206) реконструирует их поселок (*grama*) как «группу хижин, окруженных оградой» «два конца грамы соединены вместе» (JB 3, 331). Это круг, составленный из повозок, в центре

которого находится скот (Елизаренкова, Топоров 1995: 490). Такие лагеря — майданы (слово иранское, сохраненное и в русском) — устраивали казаки для ночевки в степи вплоть до XX в.

Наряду с повозкой (III тип андроновского жилища нашей классификации) устанавливали разборные легкие транспортабельные жилища — протоюрты (II тип андроновского жилища).

Никаких археологических следов временная стоянка — ни повозка, ни юрта — не оставляют. После суток отдыха община вновь пускается в путь.

Далее В. Рау (1997: 206) пишет, что, завоеывая равнины Пенджаба и Ганга, «ведические» индийцы по необходимости должны были быть все время в движении. Нет никаких оснований ожидать у них постоянных стоянок.

Т.В. Елизаренкова и В.Н. Топоров (1995: 489) также считают, что «прочные, рассчитанные на долгосрочную или даже постоянную жизнь поселения были неизвестны ведическим ариям... Постоянной была вечно передвигающаяся повозка, переменным был неподвижный дом». Однако это не совсем так. Арии засевали поля ячменем и оставались на одном месте несколько месяцев в ожидании урожая (Елизаренкова 1999: 111; Грантовский 1998: 117). Слово «дом» (*dama*) является древним общиндоевропейским термином, употребляемым в Ригведе (Lubotsky 1997: 660). Л. Рену (Renou 1939, 1954) показал, что вся индоарийская терминология, связанная с домостроительством, имеет индоевропейские или индоиранские истоки. Это долговременный большой дом, углубленный в землю, построенный из больших бревен-столбов и имеющий очаги и дверь. Это тип Ia андроновского жилища (Кузьмина 1994: 94—98). Открытия в Индии домов андроновского типа мне не известны, но в Белуджистане представлены загоны и большие жилища андроновского типа Ib, со стенами, укрепленными массивными каменными плитами, врытыми в землю вертикально на торец (Fairserve 1975; 1997). Дома подобной конструкции есть также на поселениях в Свате.

Поселки, состоящие из нескольких больших домов из дерева или блоков камня, известны по этнографии современных индоиранских пастушеских народов. Часть года в них живет вся община, а в другие месяцы часть общинников утонуяет стада на пастбища. Разведки и раскопки поселений из таких домов — обычная практика археологов степей Евразии. Но если такое поселение будет найдено, главную трудность составит его культурная атрибуция.

В. Рау пишет о перспективе найти горстку черепков посуды ведических ариев. Ах, если бы! В действительности, по данным ведических текстов, мы знаем, что арии в быту использовали изготовленную на гончарном круге посуду, сделанную аборигеном-ремесленником шудрой. (Позже та же ситуация была в Иране при Ахеменидах: сами персы не занимались ремеслом и свозили в Персеполь мастеров со всей империи (Дандамаев, Луконин 1980). Согласно Шатапатха-Брахмане (6, 5, 1, 1—6; 14, 1, 2) только для культовых целей сам арий вместе с женой собственными руками делал ритуальный сосуд укха (*ukha*) по заветам предков (Кузьмина 1994: 132—136). Следовательно, из сотен черепков гончарной посуды, найденной при раскопках, археолог должен выделить горстку лепных фрагментов.

Известна ли такая керамика в Индостане? Судя по ведийским текстам, для изготовления посуды арии использовали шамот, который, по заключению В. Рау (Rau 1972, 1974, 1989), они брали на заброшенных хараппских поселениях. В этой связи большой интерес представляет сообщение о поселении Джудейро-Даро, расположенном в Белуджистане в долине Качи на левом берегу Инда. Поселение состоит из нескольких холмов, поверхность которых сплошь покрыта хараппской керамикой, сделанной на гончарном круге (Shar, Vidale 2001: 3, fig. 5, 6). Найден также сосуд и фрагменты горшков, резко отличающихся от хараппских (fig. 13, 14 a,b). Эти довольно большие достаточно тяжелые сосуды с отпечатками ткани сформованы из глины с примесью толченых черепков и раковин, хорошо обожжены. Шаровидный горшок изготовлен на перевернутом шаблоне, имеет округлые бока, слегка отогнутый венчик и плоское дно, подлепленное снизу. Отчасти по форме и, главное, по составу теста с примесью шамота и раковины и очень специфичной технике лепки на матерчатом шаблоне эта посуда сопоставима с андроновской керамикой. Ее отличие — отсутствие орнамента, но эта особенность присуща многим позднеандроновским комплексам и посуде из сборов в пустыне (Кузьмина 1994: 122—125).

В ведических источниках орнаментация штампом также упоминается редко. По-видимому, это связано с тем, что хранительницами традиции орнаментации посуды на прародине были женщины, а в процессе миграции, когда передача навыков гончарства

от матери к дочери была утрачена, а в клане появились женщины неарийского происхождения, изготовление культовой посуды перешло к мужчине, и орнаментация керамики почти исчезла. Сами же орнаменты, связанные с культом огня и солнца и символизирующих их свастики и колеса, перешли на другие культовые предметы и дошли в орнаментации храмов и в прикладном искусстве Индии. Лепная кухонная керамика известна на позднехарапских памятниках, но технологически она отлична от описываемой группы. Дата последней дискусионна (Shar, Vidale 2001: 52). О находках грубой лепной керамики в Белуджистане, датируемой серединой II тыс. до н.э., наряду с посудой типа Кулли упоминает В. Фаирсервис (Fairserve 1997: 66). Я не имела возможности ознакомиться с посудой *de visu* и потому не могу о ней судить. Но поиск единичных фрагментов лепной керамики на поверхности харапских поселений и постхарапских стоянок кажется перспективным.

Сейчас самый южный пункт андроновской посуды федоровского типа — это второй холм поселения Шортутай в Афганистане, где она встречена в комплексе с посудой культуры Бишкент (рис. 27: 28—33). На соседнем холме в верхнем слое харапского комплекса найден всего один андроновский фрагмент. Естественно, единственного черепка недостаточно для решения проблемы взаимоотношения населения городов Харалпы и пришлых андроновских пастухов.

В настоящее время большинство арийских племен, сохраняющих кочевой образ жизни, используют импортную городскую гончарную посуду. Племена ригведийцев могут ускользать от археологии по этой самой причине: «текст и раскопанное поселение не соотносятся друг с другом» (Falk 1997: 77).

Металлические изделия

Описание оружия арийского колесничего в митаннийском тексте из Нузи в Ригведе и Авесте полностью совпадает. Специфические элементы не имеют ни истоков, ни аналогов в Индии, Иране и Передней Азии. Ими являются кожаные колпаки, заменяющие шлемы, втульчатые стрелы, копья и кинжалы (Rau 1973; Zaccanini 1974; 1978; Кузьмина 1994: 190—192). Металлические артефакты представлены в погребениях Синташты, их более поздние типы многочисленны в Бактрии: стрела есть в Шортуте (рис. 39: 19), случайные находки стрел и ножей известны к югу от Амударьи.

Оттуда же происходит главный андроновский федоровский маркер: золотая серьга с раструбом.

Южнее в Хурабе найден топор с изображением на втулке верблюда, родиной которого была Средняя Азия, что позволяет считать топор импортом с севера. В Курукшетре, где была битва ариев, найден кельт андроновского типа, признанный Д. Гордоном (Gordon 1958: 138, fig. 1) оружием пришедших ариев. Надеюсь, что новые находки андроновского оружия в Южной Азии — лишь дело времени.

Погребальный обряд

Каждая этническая и, следовательно, археологическая культура включает погребальный обряд.

Погребальный обряд ведических ариев реконструирован на основании Ригведы (X: 14—18), Атхарваведы (XVIII: 1—4), Шатапатхабрахманы (XIII: 8) и более поздних текстов (Caland 1896; Пандей 1982: 190—210, Смирнов Ю. 1997: 127—132).

Могильники ариев были расположены вдали от поселений, вокруг могилы сооружалась круглая или прямоугольная каменная ограда и сверху насыпался курган (обряд *pitrimedha*). Грунтовая могила воспринималась как дом мертвого и иногда имела деревянный сруб. Арии были биритуальны. При ингумации умершего клали скорченно, головой на запад. Главным обрядом была кремация на стороне, пепел в могилу несли в сосуде (*kumbha*) (Caland 1896; Renou 1954; Puhvel 1969, 1981: 409; Пандей 1982; Jones Blew 1997: 198; 2002). После кремации вынутые из костра кости обмывали водой и молоком: «упокаиваем мы тебя здесь теперь с водой и сладким молоком», а затем прах помещали в одежду, «пусть возлюбят его боги при складывании частей его тела» (Caland 1896: 104). Существовал обряд *Sati* — парное захоронение кремированных мужа и жены в одной могиле.

В могилу ставили сосуды при ингумации и кремации.

При погребении царю и кшатриям приносили в жертву коня, жертвенными животными были также крупный и мелкий рогатый скот, особой сакральностью обладал череп животного.

Существовали и другие ритуалы. При кремации прах иногда развеивали, или бросали в реку, или закапывали под деревом. В неясных контекстах упоминается расчленение трупов, вероятно,

обряд выставления, подобный более позднему зороастрийскому: «как долго сохраняется только одна кость, так долго блаженствует он в небесах» (Caland 1896).

Особенно интересны обряды, связанные со смертью на чужбине. Иногда умершего сжигали, не совершая церемоний, а на родине сооружали кенотаф; в другом случае собирали тридцать три кости из разных частей скелета и, завернув их в шкуру черной козы (антилопы), отправляли домой и там сжигали; если же было неизвестно, где умер человек, то из стеблей цветов делали фигуру человека, заворачивали в шкуру и затем сжигали (Баудхаяна-Питримедха сутра III: 6, 2). Наконец, иногда тело умершего помещали в большой сосуд, наполненный маслом, и отправляли на родину, где совершали обряд кремации (Caland 1896; Пандей 1982: 190—218; Смирнов Ю. 1997: 127—132).

Обычай бальзамировать или как-то сохранять тело с ведических времен сохранился у скифов: по свидетельству Геродота (IV, 71), они возили тело царя по разным племенам и только затем сооружали курган.

Каковы могут быть археологические следы погребальных обрядов ведических ариев в Индии? К сожалению, археологу они оставляют мало надежды. Прах умершего на чужбине ария был иногда развеян, в других случаях тело, или череп и кости, или пепел отвезены на родину, где захоронены; обычно там был сооружен поминальный кенотаф. Следовательно, следы первых мигрировавших ариев надо искать не в Индии, а на их прародине, там, где есть кенотафы! *Argumentum a silentio*.

Как соотносятся ведические обряды с погребальными ритуалами других культур? (Рис. 42; табл. 5.)

Андроновский погребальный обряд.

Как говорилось в главе о погребальном обряде, андроновские могильники расположены вне поселений. Вокруг могилы сооружалась каменная круглая или прямоугольная ограда, сверху иногда насыпался курган. Грунтовая могила часто заключала деревянный сруб или каменный ящик. Андроновцы были биритуальны. При ингумации умершего клали скорченно, на левый бок, головой на запад. Главным обрядом была кремация на стороне, пепел несли в сосуде, на Урале — в блюде, и высыпали на дно могилы. Как показал М.П. Грязнов, иногда делали куклу с пеплом.

Существовал обряд совершения в одной могиле парных разнополох погребений при ингумации и кремации — аналог *sati*; иногда в одной могиле сочетаются кремация и ингумация.

В могилу при кремации и ингумации около головы ставили один, обычно 2 сосуда (реже больше).

Обычно в жертву приносили животных, помещая в могилу или на ее перекрытие шкуру с черепом и ногами. Жертвенными животными были крупный и мелкий рогатый скот, в больших могилах с оружием есть жертвоприношения лошадей (рис. 4а).

Отдельные из этих обрядов широко известны в других культурах, прежде всего индоевропейских, но их специфическая совокупность характерна только для андроновской культуры и для ведической традиции.

Ритуалы, связанные со смертью на чужбине, специфичны для Семиречья и особенно Северной Бактрии, откуда шли пути миграции на юг. Именно здесь зафиксированы расчлененные погребения; захоронения пепла в сосуде (иногда не обожженном, а высушенном на солнце). Они открыты в Таджикистане в Тулхаре (Мандельштам 1968: 100, 101) и в Киргизии в Кызылбулак I, II (Горячев 2001: 51, 53, рис. 7: 1, 2 — парное разнополое сожжение *sati*). Главное, здесь крайне многочисленны кенотафы, иногда содержащие глиняную куклу, вероятно, с костями или прахом умершего внутри. Именно многочисленные кенотафы на юге Средней Азии и есть доказательство арийской миграции!

Погребальные обряды Белуджистана и Индии.

Во всем Переднеазиатском регионе в эпоху неолита и бронзы господствует обряд вытянутого или скорченного труположения на площади поселения, иногда в могиле, обложенной необожженными кирпичами. В Месопотамии в культуре Хассуна и в Иране в Тепе Гиян V зафиксирован обряд захоронения младенца в сосуде. В Анатолии в Короку-тепе и Алишаре (Алексин 1986б: 25, 32; 36—37) также есть захоронения в сосудах.

Погребальные обряды Белуджистана. В предхарраппской культуре Белуджистана выявлены погребения на поселении вытянутые и слабо скорченные, иногда в могилах, обозначенных глиняными кирпичами вокруг, а также фракционные захоронения, состоящие из черепа и нескольких костей, часто в сосуде. Они есть в Сохр-Дамб (Наль), Дамб Бути, и в культуре Кулли, где появляется обряд

помещения пепла в сосуд. В Северном Белуджистане энеолитические культуры долины Зхоба широко применяли посткремационные захоронения в урнах: «в прехарапских культурах северо-западной Индии преобладали три метода расположения покойного. В то время как в южном Белуджистане и Синде доминировали вытянутые фракционные захоронения. В регионе Кветта и к востоку на поселении Мехи были обычны трупосожжения» (Singh P. 1970: 32).

Эти традиции сохранились в Белуджистане в Хараппскую эпоху и представлены на поселении Суткаген-дор около берега Макарана. Здесь найдены урны с остатками трупосожжения — сосуды содержат фрагменты человеческих костей и керамики. Этот обряд, чуждый Хараппе, зафиксирован в позднем Хараппском комплексе в Тарханвала и Дера около Чанху-Даро в Синде. В Чанху-Даро найден сосуд с черепом (Singh P. 1970: 46).

Погребальный обряд Хараппской цивилизации. Обряд изучен П. Сингхом (1970). Могильники находятся на площади поселений. В хараппских могильниках R 37, Рупар, Калибанган, Лотхал и др. господствует обряд вытянутого труположения полного скелета, ориентированного головой на север. Тело лежит в могильной яме, иногда обложенной глиняными кирпичами, или же в деревянном гробу. В Калибангане выявлены ямы с обычными заупокойными дарами и сосудом-урной, не содержащими ни костей, ни золы, в Лотхал — с измельченными костями, в Хараппе есть также и урны с трупосожжениями. М. Уилер (Wheeler 1953: 54; 1968) интерпретировал их как постхараппские.

В могильнике Лотхал (фаза III), наряду с обычными открыты три безынвентарных могилы, каждая из которых содержит парное разнополое погребение — прообраз обряда *sati*. Поскольку этот обряд не имеет ни истоков, ни аналогов в Индии, исследователь С.Р. Рао признал погребенных чужестранцами, вероятно, торговцами из Шумера (Singh P. 1970: 41).

Не ясной остается картина резни в Мохенджо-Даро, где найдены незахороненные скелеты со следами насильственной смерти (J. Marshall 1931: 79—90), а ведь именно они породили концепцию М. Уилера (Wheeler 1968: 129—32), который признал, что скелеты принадлежат хараппцам — жертвам ариев, пришедших в Индию, разрушивших процветавшие города и уничтоживших мирных земледельцев. Эта концепция подвергалась критике и сейчас отвергнута

большинством специалистов. Г. Поссел (Possehl 2002: 164—65) пришел к выводу, что трагическая резня, произошедшая в подзднехарап্পский период, не обязательно связана именно с нашествием ариев, поскольку, возможно, есть хронологический разрыв между гибелью Мохенджо-Даро в 1900 г. до н.э. и временем проникновения групп ариев в Индию, на что указывает, вероятно, и поздняя дата Ригведы. Маккей (MacKay 1937—38: 647—48) полагал, что «виновниками были люди с холмов и индийского пограничья». Как показал Ж.-Ф. Жарриж (J.-F. Jarrige 1973), после гибели харап্পского города в Чанху-Даро поселение было надолго заброшено, и лишь позже сформировалась культура Джхукар.

Погребения в постхарап্পской культуре северо-западной Индии относятся ко времени после 1900 г. до н.э., к периоду турбулентных движений, когда происходят смены культур (Piggott 1950: 214—243; Gordon 1958: 77—97): в Пенджабе в могильнике Н в Хараппе (1900—1500 BC cal.), в Синде, в Джхукаре и Чанху-Даро, в Белуджистане — в Рана-Гхундай, Наль, Шах-и Тумп и в Макране в Хурабе. М. Уилер (Wheeler 1947) доказал стратиграфически, что могильник Н позже, чем R 37. В нижнем слое II могильника Н представлены погребения, вытянуто на спине или на боку, головой на восток или северо-восток. Есть фракционные захоронения. В одном случае при умершем найдены ребра козы. В слое I (позднем) найдены погребения в сосудах, то есть сосуды, содержащие остатки кремаций или фракционных погребений, включавших череп и длинные кости взрослых и детские полные скелеты в позе эмбриона. Первоначально тела умерших были экскарнированы. Затем кости были собраны и положены в горшок для погребения.

Особенность могильника Н составляет керамика. Сосуды украшены фигурами быков, козлов, птиц, рыб, звезд, выполненными черной краской по красному фону, не имеющими аналогий. М. Ватс (Vats 1940) пытался объяснить эти изображения с помощью ранневедийских текстов и, соответственно, предположил, что создателями культуры могильника Н были арии. Но эта гипотеза не имеет серьезных аргументов.

Антропологи отмечают сильное сходство между скелетами могильника R 37 и скелетами из более нижних слоев могильника Н. Но те и другие группы скелетов отличаются от захоронений в верхних слоях могильника Н (Possehl 2002: 171). В то же время ин-

дивиды из могильника R 37 и более нижних слоев могильника Н имеют сильное биологическое сходство с погребениями раннего железного века (800 г. до н.э.) Тимаргархи в районе Дира. Это весомое доказательство биологической преемственности от бронзового к раннежелезному веку (Possehl 2002: 171).

Представляется, что учитывая, что обряд расчлененного погребения в урне характерен для Белуджистана, начиная с энеолита, там и надо искать происхождение населения, оставившего позднюю часть могильника Н.

В заключение Г. Поссел (G. Possehl 2002: 175) пишет, ссылаясь на антрополога К. Кеннеди (Kennedy 1995): «Хараппцы и их предшественники представляли популяцию или популяции, которые были очень устойчивы», и «эта стабильность сохраняется вплоть до настоящих дней» и представлена в современном населении Пенджаба и Синда.

Таким образом, основное население северо-западной Индии оставалось неизменным на протяжении тысячелетий. Но были ли люди хараппской эпохи ведическими ариями? Сравнение их погребальных обрядов с ритуалами, реконструированными по данным ведических текстов, дает безусловный ответ: нет!

Есть ли следы миграций с севера в Белуджистане и Индии? В Южном Белуджистане есть каменные кольца и ящики, по конструкции напоминающие степные (Fairservis 1997: 66). В позднем авестийском тексте Видевдат (I,2), вероятно, сохраняющем древнюю традицию, говорится, что чуждые народы на реке Харахваити сжигали своих умерших, как делали это арийцы Ригведы (Falk 1997: 86).

Особый интерес представляет могильник Шах-и Тумп на юге Белуджистана (Stein 1931: 88—103; Piggott 1950: 215—19). Он сооружен на руинах покинутой деревни культуры Кулли. Здесь открыто 12 трупоположений и 7 кенотафов. Умершие похоронены скорченно, на левом боку, руки перед лицом, головой на запад (одно погребение — на спине, одна рука согнута, другая вытянута). Найдены кости овцы или козы. Два погребения рассматриваются как останки воинов или вождей. Они сопровождаются богатым инвентарем: многочисленными сосудами у головы; у одного есть медное украшение на шее, полигональная рубиновая бусина и, главное, оружие — кремневый клинок. На втором погребенном надето богатое ожерелье из лазуритовых, агатовых и ониксовых бус, у правого плеча лежат три круглых камня от пращи, малый каменный клинок и навершие медного топора.

Топор из Шах-и Тумп принадлежит к типу клиновидных топоров с круглым проухом и асимметричным лезвием (Stein 1931: 96, pl. XIII, 135). Они происходят из Ирана, но в конце III — начале II тыс. до н.э. распространяются на Кавказе (Deshayes 1960: 154, 191). Близкие по форме изделия найдены в III слое в Мундигаке (2 экземпляра), в слое конца цивилизации Хараппа в Чанху-Даро и в постхараппском Джжукаре (Dechayes 1960: 80, 195). Их появление в Белуджистане и Индии ученый объяснил торговлей с Ираном. С. Пиггот (S. Piggot 1952: 213) сравнил топор из Шах-и Тумп с топорами Кубани и объяснил его появление приходом завоевателей ариев с севера через Кавказ. Но два топора этого типа найдены в Таджикистане в Сангворе и Аракчине (Кузьмина 1966: 8—9, pl. I: 1, 2) (рис. 40).

Не дают ли эти находки оснований связать появление комплекса Шах-и Тумп с южной Средней Азией? Но набор примитивного оружия не находит аналогий ни в БМАК, ни в андроновской культуре

В Индии в Мадхья Саураштра есть каменное кольцо, обозначающее погребение (Singh P. 1970: 42). Встает вопрос: не отражает ли выявленный в могильнике Лотхал обряд парного разнополого погребения *satī* влияние ритуала, известного в андроновской культуре со времени Синташты. Хотелось бы, чтобы специалисты по археологии Южной Азии рассмотрели данные о погребальных обрядах Индостана в свете андроновских материалов.

Вместе с тем обращает на себя внимание появление на юге Средней Азии расчлененных погребений, известных в Белуджистане с энеолита. Возможно, этот ритуал выставления трупов, известный ведическим ариям и ставший господствующим у иранцев, распространился в результате связей с Белуджистаном.

В заключение следует подчеркнуть, что в Индии, судя по антропологическим данным, абсолютное большинство населения оставалось неизменным с эпохи Хараппа, что свидетельствует о малочисленности пришедших с севера ариев. Однако факт их миграции не может быть опровергнут, поскольку погребальный обряд ариев, реконструируемый по данным ведической традиции, соответствует только андроновскому, особенно на юге Средней Азии, где многочисленны кенотафы — вероятные могилы ушедших в Индию ариев.

Таблица 6
Сопоставление погребальных обрядов

	Ведический	Андрон	Белуджистан	Хараппа
Выделенный могильник	+	+		
Курган	+	+		
Ограда	+	+		
Яма со срубом	+	+		
Погребение скорченное	+	+		
левый бок		+		
Ориентировка запад	+	+		
Прах рассыпан	+	+		
Прах-кукла	+	+		
Сати	+	+		
Жертва животного	+	+		
Жертва конь	+	+		
Могильник на поселении			+	+
Яма, обложенная кирпичом			+	+
Деревянный гроб				+
Захоронение на спине				+
Ориентация на север				+
Кремация в урне	<+>	<+>	+	<+>
Фракционное погребение в урне			+	<+>

+ — признак встречается

<+> — признак встречается редко

Кони и колесницы степей Евразии и Индостана

В связи с тем, что культ коня и колесницы проходит красной нитью в Ригведе и других санскритских текстах (Spatteboom 1985), наличие коня и колесницы служит важнейшим показателем присутствия индоариев. «Поскольку конь и колесная повозка лингвистически так тесно связаны с индоевропейцами..., они могут быть ключом к тому, что мы называем "миграцией Ариев"» (Ratnagar 1999: 228).

До недавнего времени была общепринятой гипотеза В. Громовой (1949), что предком домашней лошади был тарпан, водившийся в Понто-Каспийских степях, где были найдены самые ранние и самые многочисленные кости лошади (Бибикова 1967; 1970; Цалкин 1970а), и отсюда конь был заимствован в культуры земледельцев Дуная и Балкан (Bökönyi 1969; 1974; 1978; Necrasov 1971; Benecke 1993).

Этот факт рассматривался как важнейший аргумент локализации прародины индоевропейцев именно в Понто-Каспийских степях (Мерперт 1968; 1974; Грантовский 1970; Кузьмина 1971б; Kuzmina 1971 a; Gimbutas 1970; 1977; Даниленко, Шмаглий 1972; Mallory 1989; Anthony 1986; 1995).

Подробный анализ современного состояния проблем истории коневодства содержится в книге «Prehistoric steppe adaptation and the horse» (Levine, Renfrew, Boyle ed. 2003). Сейчас установлено, что предположение о независимом центре domestikации коня в Казахстане в Ботае несостоятельно (Benecke, von den Driessh 2003; П.А. Косинцев 1995, 2002). Время начала domestikации лошади в Восточной Европе остается дискуссионным. Широкое признание получила гипотеза Ш. Бекони (Bökönyi 1994), согласно которой лошадей первоначально использовали как мясное животное и лишь на втором этапе ее стали применять в транспортных целях.

Гипотеза, высказанная украинскими исследователями (Даниленко, Шмаглий 1972; Телегин 1973) и поднятая на щит М. Гимбутас (Gimbutas 1970, 1977) и позже поддержанная Д. Энтони (Anthony 1986; Anthony, Brown 1991), о воинах-всадниках степей, которые в IV тыс. до н.э. якобы совершали сокрушительные набеги на земледельцев Дуная и Балкан, разрушили их культуру и навязали им индоевропейскую речь, сейчас подвергнута серьезной критике на основании того, что предметы из Дереевки, принимавшиеся за псалии, таковыми не являются (Dietz 1992), возрастной состав животных не соответствует табуна domestikцированных лошадей (Levine 1999; Rassamakin 1999), в индоевропейских языках нет общего слова «всадник» и всадничество распространяется только в последней четверти II тыс. до н.э. (Кузьмина 1981в; 1994; Kuzmina 1994a,c, 2003). Однако именно в степи от Днепра до Урала, где водился дикий предок коня, где была идеальная для него экология, где он играл огромную роль в экономике — его кости на поселениях неолита — энеолита составляют до 65% (Дереевка) и даже до 80% (Хутор Репин) остеологических материалов. Там сложились наиболее благоприятные условия для его domestikации населением, уже знакомым с заимствованными у земледельцев навыками разведения крупного и мелкого рогатого скота (Шнирельман 1980; Sherratt, 1983).

Н. Бенеке (Benecke 1993) изучил кости древних лошадей Европы, выделил несколько центров распространения коня и пришел к

заклучению, что все древние домашние лошади Европы происходят от домашних лошадей степей Восточной Европы.

Именно здесь впервые бесспорно зафиксировано формирование культа коня, столь важного в культуре индоевропейцев (Mallogu 1981). На стоянке эпохи неолита V тыс. до н.э. Варфоломеевка в Поволжье открыты жертвенники, состоящие из многочисленных лошадиных зубов с насечками, орнаментированные путовые кости лошади, костяные фигурки лошадей и древнейший каменный скипетр с головой коня.

Костяные фигурки лошадей есть в энеолитических могильниках Съезжее и Липовый овраг, на стоянке Виловатое на Волге, каменный молот-скипетр с головой коня происходит из Новоорска на Урале, каменные зооморфные скипетры — из Волго-Уралья (Kuzmina 2003: 208—214; fig. 14. 1—4).

Древнейшее в Старом Свете ритуальное захоронение черепов и ног двух коней, положенных на ритуальной площадке, посыпанной охрой, открыто в энеолитическом могильнике Съезжее самарской культуры на Волге. По традиционной хронологии оно датируется первой половиной IV тыс. до н.э.; использование калиброванных радиоуглеродных дат удревняет возраст памятников неолита — энеолита Волго-Уралья, где выявлены древнейшие следы культа коня, еще на 500—700 лет (Васильев 1980: 62—70; табл. 7:1; 13: 12, 15).

В следующем по времени Хвалынском могильнике в погребениях и жертвенниках найдены кости ног коня. Обряд ритуального захоронения черепа и ног коня (вместе со шкурой) от своих предков унаследовали создатели ямной культуры конца IV—III тыс. до н.э. Эти захоронения открыты по всему ареалу от Урала и Волги до Днепра и Дуная, и обычно они встречаются под насыпью больших курганов. От ямной культуры обряд унаследован генетически связанной с ней культурой Полтавка; известен он и в катакомбной культуре (Кузьмина 1977а).

Своего апогея культ коня в степях достигает на памятниках типа Синташта в начале II тыс. до н.э., когда в курганах с захоронениями воинов-колесничих, положенных вместе с богатым набором вооружения и иногда с колесницей, под насыпью или в могиле захоронены два коня, в некоторых случаях только шкура с черепом и ногами. Эти захоронения уже сопоставлялись с арийским ритуалом Ашвамедха и погребенные в могилах колесничие — с социальной группой — ратайштар — «стоящий на колеснице», выделив-

шейся в обществе индоиранцев (Смирнов, Кузьмина 1977: 52—57; Бонгард-Левин, Грантовский 1983: 170—172).

Группой, работающей под руководством автора, проведен комплексный анализ материалов из могильников синташтинского типа. Танаберген II и Восточно-Курайли на Южном Урале (раскопки В.В. Ткачева) и курганов типа Покровка, Крутенький и Уваровка на Волге (раскопки О.В. Кузьминой): палеозоологом П.А. Косинцевым изучены кости лошадей; археологами П.Ф. Кузнецовым и Е.Е. Кузьминой дана характеристика археологических комплексов, проанализированы псалии и предложена реконструкция узды, антропологом А.А. Хохловым дана оценка антропологического типа погребенных, А.П.Бужиловой и М.Б.Медниковой выявлены изменения на костях в результате специфических нагрузок, позволяющих выявить предполагаемых всадников и колесничих на основе разработанной оригинальной методики, уже апробированной в Сибири (Mednikova 1997). Комплексное изучение позволило подтвердить наличие колесничих.

Все эти факты указывают на то, что степи Восточной Европы были главным центром domestikации коня, а с рубежа III—II тыс. до н.э. здесь употреблялись боевые колесницы.

Однако в 1994 г. была опубликована важная книга «Die Indogermanen und das Pferd» (Hänsel, Zimmer 1994), содержащая статьи ведущих индоевропейцев о коне и транспорте, а также статьи палеозоологов, в том числе — сведения о выделении самостоятельного центра domestikации лошади в Восточной Анатолии (Becker 1994).

В 2002 г. Н. Бенеке (Benecke 2002в: 187) подтвердил существование степного центра domestikации; на основании метрических данных он пришел к выводу, что коневодство в Германии 3300—2700 гг. до н.э. «было инициировано животными, импортированными из Восточной Европы». Однако, проанализировав кости домашних лошадей из турецкой Фракии 2600—2300 гг. до н.э., учитывая новые данные, он высказал предположение, что «коневодство в Южных Балканах началось в середине III тыс. до н.э. Предположительно, использование лошадей как транспортных животных могло быть заимствовано из Анатолии» (Benecke 2002в: 187). Дж. Босник и А. фон ден Дриш (Boessneck, von den Driessh 1975, 1976; Uergmann 1990) отрицали наличие домашних лошадей в Анатолии, но Ш. Бёкони (Bököney 1972, 1991) предполагал их существование здесь. Вопрос о том, являются ли лошади неолитических поселе-

ний рубежа V—IV тыс. до н.э. дикими или домашними, остается открытым. Существенно, что в Трое кости домашней лошади появляются только в слое VI не ранее 1700 г. до н.э., и только в слое VII становятся многочисленными, что К. Блеген объяснял миграцией из Европы первых индоевропейцев [Blegen 1958].

Решение этой проблемы, естественно, — дело палеозоологов. Но если гипотеза независимого центра доместикации коня в Восточной Анатолии будет подтверждена, какое это будет иметь значение для дискуссии о происхождении индоевропейцев и особенно индоиранцев?

Т.В. Гамкрелидзе (Gamkrelidze 1994) признал, что единым центром происхождения лошади была Восточная Европа, где в Поволжье лошадь известна в V тыс. до н.э., а в Украине в IV тыс. до н.э. Через Закавказье и Дунай во второй половине IV тыс. до н.э. она попала в Анатолию, где известна в Норсун-Тепе, Демерджи-Эйюк и в Джерымкая, а древнейшее упоминание лошади есть на табличке из Кюль-Тепе — ассирийской колонии Карум-Каниш. Далее Т.В. Гамкрелидзе отмечает, что на Древнем Востоке лошадь была инновацией, заимствованной у индоевропейцев, от которых получено название коня. Лошадь и ее культ воспринят у индоевропейцев также алтайцами, монголами и китайцами. Гамкрелидзе (с. 41) полагает, что можно проследить траекторию движения влекомых лошадьми повозок из центра их происхождения на Ближнем Востоке на восток в Среднюю Азию и дальше на север в Фергану, Сибирь и Монголию. Это распространение «в основном совпадает с дорогой расселения, которую мы предложили, которая привела индоевропейцев с Ближнего Востока через Иранское плато в Среднюю Азию и дальше на северо-восток».

Иначе видит историю коневодства В.В. Иванов (Ivanov 1999; 2002), он полагает, что Передняя Азия была ареалом доместикации коня, а центром коневодства был Нагар. Из Митанни, где были распространены колесницы, кони и колесницы были приведены с юга на север в Аркаим восточными иранцами — протоскифами. При этом В.В. Иванов впадает в неразрешимое противоречие: установлено, что индоиранцы Митанни были уже выделившимися индоариями, и даже если бы они пришли на Урал из Передней Азии, они принесли бы индоарийский, а отнюдь не восточно-иранский протоскифский язык, который в начале II тыс. до н.э. еще просто не выделился. Не подтверждается и предположение о восточно-иранском и протоенисейском билингвизме в Аркаиме: по архео-

логическим данным в формировании культуры Аркаим решающее значение имели восточно-европейские постямные культуры Полтавка, позднекатакомбная и Абашево, а лесной — не протоенисейский, а протоуторский — компонент не играл существенной роли. Разделение уральских языков на юагирский, финно-угорский и самодийские, по данным Московской лингвистической школы, произошло в V—IV тыс. до н.э. (Милитарев 2003).

Что касается Нагара, то, как показала Джоан Оутс (Oates 2001; 2003), он был центром торговли и разведения больших ослов и кунга — гибрида осла и самки онагра, которые наряду с волами были транспортными животными на Ближнем Востоке и изображения которых ошибочно принимались исследователями за лошадей и онагров. Последние не поддаются domestikации. Бронзовые псалии, которые, как считалось раньше, употреблялись для запряжки лошадей, были найдены на скелетах больших сирийских ослов в Телль-Харор и Телль-Брак рубежа III—II тыс. до н.э. (Clutton-Brock, Davies 1993). Это, как и захоронение ослов на поселениях и свидетельства письменных источников, привело Дж. Клаттон-Брок (Clutton-Brock 1992) к выводу о главенствующей роли осла на Древнем Востоке.

Что касается домашней лошади, то малочисленные кости найдены на поселениях конца III — начала II тыс. до н.э. в Северной Сирии (Телль-Лейлан, Брак-Нагар), в Загросе (Годин-Тепе) и, позже, в Южной Палестине (Oates 2003: 117). На табличках Jemdet-Nasr конца III тыс. до н.э. и периода Ур III появляется шумерское слово для лошади — *anse.zi.zi*, *anse.kur.ra* — означающее «осел гор», по мнению большинства исследователей, восходящее к индоевропейскому корню, как и в кавказских языках (Herzfeld 1958, fig.2; Gamkrelidze 1994: 39; Hänsel, Zimmer 1994, *passim*).

Ко времени Ур III относятся шумерская басня о всаднике и его коне (Gordon 1962) и гимн, посвященный царю династии Ур III Шульги (2094—2047 гг. до н.э.), в котором царь назван «мулом, конем, жеребцом» (Falkenstein 1950).

Началом II тыс. до н.э. датируются изображения всадников на глиняных плакетках, происходящих из нескольких городов Передней Азии (Moorey 1970). На некоторых плакетках, судя по экстерьеру, изображены именно лошади. Но они взнузданы при помощи наносного кольца, употреблявшегося для запряжки быков и ослов, и всадник сидит на крупе животного, как на осле. Р. Мури полагает, что эти всадники были жителями Малой Азии.

В документах первой четверти II тыс. до н.э. из Мари и Каниша лошади упоминаются чаще (Кузьмина 1977; Oates 2003; Нефедкин 2001). В законах Хаммурапи (1792—1750 гг. до н.э.) конь отсутствует, но он упомянут в его письмах (Herzfeld 1968: 3).

В. Нагель (Nagel 1966: 23—25, 29) приводит письменное свидетельство о колесницах около 1800 г. до н.э.: боевые повозки — возможно, колесницы — упоминаются в надписи правителя Аниттаса из Восточной Анатолии; ассирийский царь Шамши-Адад I (1815—1781 гг. до н.э.) в письме просит прислать конные упряжки с севера Месопотамии с реки Хабур; в переписке царя Мари Зимри-Лима (1781—1759 гг. до н.э.) с царем Кархемыша говорится о доставке коней из округа на юго-востоке Анатолии; в надписи времени Хаттусилиса I (1650—1600 гг. до н.э.) упомянуты колесницы в хеттском войске; именно районы Восточной Анатолии и истоков Хабур были, видимо, той областью, из которой поступали в первой четверти II тыс. до н.э. в государства Древнего Востока редкие и безумно дорогие лошади, называвшиеся «осел чуждых горных стран» (Янковская 1956).

Но в письме царю Мари Зимри-Лиму управляющий просит его ехать на повозке, запряженной мулами, а не на лошадях (Kurper 1957: 35—37), что свидетельствует о малой роли этого животного.

Таким образом, на рубеже III — в начале II тыс. до н.э. конь был известен на Древнем Востоке, но оставался животным экзотическим, что отражено в почти полном отсутствии костей лошади и его достоверных изображений, и в его названии «осел горных стран». Взымывали коня как быка или осла, что было малоэффективно и не позволяло использовать его ни в хозяйстве, ни в военном деле (Кузьмина 1977а: 32).

Более многочисленные свидетельства о знакомстве с конем происходят из Малой Азии. Но по традиционной гипотезе происхождения индоевропейцев именно в III—II тыс. до н.э. происходит выделение из индоевропейской общности анатолийских языков и хетты и лувийцы отселяются в Малую Азию, неся с собой коней, их общее индоевропейское название и их культ (Нефедкин 2001: 52, 53).

П.Р. Мури (Moorey 1986: 201—203) полагает, что они приводят с собой из Понто-Каспийских степей в Восточную Анатолию колесницы.

Древнейшие колеса с четырьмя спицами датируются XIX—XVIII вв. до н.э. Они представлены в Анатолии на изображениях четырехколесных повозок, запряженных четырьмя эквидами, на

печатах и оттисках из Кюль-Тепе (Каниш) и модели из Эчем-эйюк. Повозки с двумя колесами со спицами изображены на печатах из Кюль-Тепе, слой II, и сирийских цилиндрах. Повозки запряжены эквидами при помощи носовых колец, что не позволяет считать эквидов лошадьми и, вопреки М. Литтауэр интерпретировать повозки как подлинные колесницы (Littauer, Crowel 1979: 48—52, 71, 72; fig. 24; 25; 28; 29; 32).

Достоверные археологические доказательства появления культа коня на Ближнем Востоке связаны именно с хеттами. Они поклонялись конному богу Пирва (Pirva), сопоставляемому со славянским Perun и литовским Perkunas (Otten 1951; Иванов 1969), и совершали жертвоприношения коня при погребении царя и царицы. При их сожжении убивали лошадей, а головы животных хоронили вместе с царским прахом (Keilschrifttexte aus Bogaskoy, 30, № 24). Уникальные для Древнего Востока захоронения конских черепов открыты в могильниках с кремацией и ингумацией Османкаясы, Илика и Богазкей XVII—XIV вв. до н.э. (библиографию см.: Кузьмина 1977а). Этот обряд не имеет аналогов в Передней Азии, но типичен для индоевропейцев, и его истоки восходят в степи к V тыс. до н.э. (Интересно, что, по заключению палеозоологов W. Hette и M. Rohrs (Bittel 1958), лошади османкаясы появились в Анатолии с севера из степей.)

Вопрос о происхождении конных колесниц в Передней Азии или в Волго-Уралье остается открытым. Хронологический приоритет пока за степями, если принимать радиоуглеродные даты. В Передней Азии известны боевые повозки, но пока нет ни псалиев, ни самих колесниц, ни достоверных изображений раньше XVII в. до н.э.

Установить приоритет Анатолии или степей в изображении колесниц пока трудно. Однако возможно, что развитие колесного транспорта после распространения из Передней Азии четырехколесных повозок с бычьей запряжкой в III тыс. до н.э. дальше шло независимо. На Древнем Востоке упряжными животными стали мулы и ослы, и для них были выработаны бронзовые удила и псалии. В степи же делались попытки запрячь лошадей, и интенсивно шло развитие типов роговых псалиев. (Если это так, то мое предположение, что бронзовые псалии Передней Азии имитируют степные, неверно, и формальное сходство обусловлено единой функцией).

В дальнейшем в Анатолии и Юго-Восточной Европе был выработан свой тип роговых стержневидных псалиев, а Подунавье было местом контакта со степной зоной (Mozsolics 1953; Смирнов

1961a; Hüttel 1978; Кузьмина 1980a; Boroffka 1998; Нефедкин 2001). Соблазнительно связать сложение зоны стержневидных псалиев с расселением с Балкан индоевропейцев, хеттов и лувийцев, но это предположение нельзя доказать. Однако опосредованная Подунавьем связь микенских греков со степной зоной на основании анализа псалиев кажется несомненной (Смирнов, Кузьмина 1977; Нефедкин 2001).

Сравнить конструкцию древнейших колесниц невозможно, так как в степи есть только фрагменты подлинных экипажей, не дающие, однако, возможности провести их достоверную реконструкцию, а в Передней Азии — только модели и изображения. Различия отмечаются в количестве спиц: на Древнем Востоке их четыре, в северной Евразии — 8—12, но на сосудах и петроглифах этой зоны часто изображено тоже только четыре. Так что это различие может отражать стилистическую манеру (Littauer, Crouwel 1979: 72).

Многочисленные упоминания колесниц и коней относятся в Передней Азии к XV в. до н.э. и связаны прежде всего с индоариями, приход которых в Митанни относят к XVI—XV вв. до н.э., хотя их имена зафиксированы уже в XVIII в. до н.э. в хурритских текстах. Хурриты — не индоевропейский народ, обитавший на юге Армянского нагорья, в северной Месопотамии и Сирии и бывший коренным населением государства Митанни, где установили свое господство индоарии (Herzfeld 1968: 23). Именно митаннийские арии способствовали распространению навыков тренинга и запряжки коней в колесницы, что документирует коневодческий трактат хеттского конюшего Kikkuli (XIV в. до н.э.), содержащий индоарийскую коневодческую терминологию, имена царей и описание отрядов колесничих. С XV в. до н.э. на всем Древнем Востоке утверждается колесничная тактика боя.

Заслуга индоариев Митанни не в том, что они познакомили народы Древнего Востока с лошадей (она уже была там известна), а в том, что они привели высокопородных лошадей, выведенных для колесничной запряжки, и научили их лечить, тренировать и запрягать в колесницы. И это дало возможность впервые эффективно использовать лошадь и совершить инновацию в военном деле, сделав колесничную тактику боя древневосточным койне.

В XV—XIV вв. до н.э. колесницы появляются в Закавказье, что доказывают бронзовые модели древневосточного типа (Pogrebova 2003a).

Иран и Бактрия, видимо, не были зоной изобретения колесниц. Говоря о лошадях в Иране, обычно ссылаются на кости эквидов между слоями I—II из Суз и на изображение на фрагменте сосуда из Суз начала III тыс. до н.э., но там явно изображен дикий эквид (Potratz 1938: 35; Hančar 1955: 14, 405). Кости двух эквидов (не ясно, диких или домашних) найдены в Телль-и-Иблиз в I слое (3500 г. до н.э.) и в IV слое (3000 г. до н.э.) (Moorey 1986: 197), интересна находка в Телль-и-Малаян на юге Ирана (2100—1800 гг. до н.э.): челюсти эквида со следами действия бронзовых удиц (Azzaroli 1985: 21, 38). Но в свете сирийских данных вероятнее, что это мул. Большинство палеозоологов не включают Иран, Афганистан и Индию в зону доместикации коня. Приношу благодарность А. von den Drisch, R. Meadow, N. Bencke за консультации.

На печати из Гиссар III представлена не колесница (рис. 44б: 3), как думал R. Ghirshman (Ghirshman 1977: 14—16), а повозка с cross-bar wheels (Littauer, Crowel 1977: 99—100). Но Р. Мури (Moorey 1969a: 430) счел, что колеса этой повозки принадлежат к архаичному типу, использовавшемуся в Сузах. Колесо состоит из трех соединенных секций — планок. Вид эквида на печати неопределим.

На сосуде из Бактрии в музее Лувра (рис. 44б: 10) изображены четырехколесная повозка с cross-bar wheels и экипаж с цельными колесами, сбитыми из сегментов. Каждая повозка запряжена парой волов (Schmidt 1937: 158, fig. 118; Amiet 1988: 161, fig. 6). Дата печати и сосуда конец III — начало II тыс. до н.э.

В Туркмении в эпоху Намазга IV, V, судя по глиняным моделям, существовала такая же четырехколесная повозка, запрягавшаяся парой волов или верблюдов (рис. 68: 20—22). В богатой могиле некрополя Гонура была найдена повозка с цельными деревянными колесами (рис. 44б: 1, 2), а также захоронения лошадей и верблюдов (Дубова 2004).

Только в эпоху Намазга VI появилась важнейшая инновация: колеса со спицами. Модель повозки и глиняные модели колес, в том числе — с изображенными спицами (рис. 31: 12—23), найдены в могильнике Бустан (Avanesova 1997). Глиняные модели колеса с нарисованными спицами найдены в Немазга-тепе, Теккем-тепе, Елькен-тепе, а кости лошади — в Гонуре, Намазга, Теккем, Тахирбай 3 и Келлели (Кузьмина 1980в; Кузьмина, Ляпин 1980; Kuzmina 1983).

Как доказательство раннего распространения в Иране и Бактрии боевых колесниц Р. Гиршман и В.И. Сариниди рассматривали

серебряные и бронзовые трубы (Amiet 1988: 173; fig. 19a,b; Ghirshman 1977: 31; Sarianidi 1998a: 55, 56, p. 23; pl. 22: 15—18). Акустический анализ показал, что они издают очень слабый звук, похожий на голос самки оленя, и не могли употребляться в шуме боя, а использовались как манок на охоте на оленя. (Приношу благодарность проф. Bawergren из лаборатории Acoustics and Archaeology of Music of the city University of New York за сообщение.)

Как говорилось, на юг Средней Азии лошадь вместе с колесницей попала с Урала в начале II тыс. до н.э., что бесспорно документируют находки в Зардча-Халифа (Бобомуллоев 1993) и Джаркутане (Бостонгухар 1998; Teufer 1999) специфического типа псалиев, найденных в Синташте, Каменном Амбаре и Кривом Озере (рис. 6; 7a) (Kuzmina 2001c, fig. 2; Виноградов 2003: рис. 35). Таково же, вероятно, появление лошади в Бактрии и Маргиане (БМАК), выявленное погребениями жеребенка без головы и лошадей в могильнике Гонур (Дубова 2004); лошади на поселении Дашлы 19 (Сарианиди 1977: 148; 2001: 37, табл. 12: 7) и изображений лошадей или их голов на церемониальных бронзовых топорах начала II тыс. до н.э. (рис. 45: 5—8) (Pittman 1984: fig. 32; Amiet 1988: fig. 9b; Ligabue et al. 1988: fig. 98) и из коллекции Махбубяна (Mahboubian 1997, fig. 15).

Распространителями конных колесниц в Китае во второй половине II тыс. до н.э. были андроновские племена. Это дополнительно подтверждает находка бронзовых удил с псалиями с шилами, восходящими к более ранним андроновским прототипам, в могильнике Nanshangen, могила 1; датирующемся вещами сибирских типов концом II тыс. до н.э. (Wagner, Parzinger 1998: 72; abb. 14:12).

Таким образом, предположения Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванова о появлении конных колесниц в Аркаиме и Сибири через Кавказ или Иран и Среднюю Азию с Ближнего Востока не подтверждаются археологическими материалами.

Каковы же следы лошади и колесницы в Индии?

В культуре Хараппа с середины III тыс. до н.э. известны глиняные модели цельных колес и фигурки упряжных быков и глиняные и бронзовые модели четырехколесных и двухколесных повозок. Хараппские колеса имеют одностороннюю ступицу, чем отличаются от переднеазиатских. Аналогичный тип колеса известен в Южной Туркмении в эпоху Намазга III и в северном Пакистане в долине Гомал на поселении Хатхала в хараппском слое IV (Dani 1970—1971: 77, 78, pl. 34). Тип четырехколесных повозок реконструирует-

ся на основании глиняных моделей быков-зебу на четырех колесах и фрагментов изогнутого дышла и глиняных прямоугольных платформ из хараппского слоя (II) поселения Банавали в Хариане (Bisht 1993: 119, pl. 10: 23; 24). Они сопоставимы с моделями Намазга V в Туркмении, но имеют отверстие для вертикальных стоек по краям платформы, а не сплошные борта. Двухколесные повозки двух типов: I — с изогнутой платформой, с отверстиями для вертикальных стоек (Мохенджо-Даро и Чанху-Даро); II — с сиденьем, расположенным на оси (бронзовая модель из Чанху-Даро) (Маккей 1951: 97, табл. XXI: 13; XIX: 1; Piggott 1983: 200—202; Allchins 1973, fig. 30). Традиционные типы транспорта, восходящие к хараппским, сохранились в Индии до сих пор.

Вопрос о времени появления коня и колесницы в Индии дискуссионен. Сторонники гипотезы *Indigenous Aryan* настаивают на том, что лошадь была domesticiрована в культуре Хараппа на основании находок на поселении Суркотада ее костей (Pusalker 1963), что отвергнуто палеозоологами (Meadow, Patel 1997).

Как изображения коня рассматриваются глиняные фигурки из Мохенджо-Даро (Lal 2002: 71, 72; fig. 3: 26; 27) и Лотхала (Pusalker 1963). Доказательством появления колесниц являются глиняные модели колес с односторонней ступицей из поселений Калибанган, Банавали и Раюсигархи. Колеса украшены 10—12 линиями, выполненными краской или рельефом, изображающими спицы (Lal 2002: 72, fig. 3.28—3.30), против чего выступает Р.С. Шарма (Sharma 1999: 72), видящий здесь орнамент. Дискуссию вызвала бронзовая модель из Даймабада на реке Гадавари, представляющая двух быков-зебу, запряженных при помощи ярма и дышла в платформу с двумя цельными колесами, на которой стоит обнаженный мужчина, держась за поручень; на дышле помещена фигура животного (лошади), еще две зооморфные фигурки находятся по краям платформы. Благодаря раскопкам установлено, что клад Даймабад, включающий повозку и фигуры слона, носорога и быка-буффало, связан с позднехараппским комплексом, в который входят керамика, печати и их оттиски (Joshi, Bisht 1994: 42, pl. XX). Экипаж не является колесницей и по типу напоминает бигу на бактрийском сосуде из Лувра. Крайне спорна интерпретация изображения, нарисованного на черепке из Банавали периода I, как колесницы с колесами со спицами (Bisht 1993: 116, pl. 10:7).

Знакомство населения Хараппы с лошастью в начале II тыс. до н.э. в принципе нельзя исключить ввиду активных связей с БМАК, но

Индия не может быть родиной ни коня, ни колесницы, поскольку не входит в ареал дикого предка коня. Откуда же здесь распространлись кони и колесницы? Ответ на этот вопрос однозначен: из Казахстана и Средней Азии. Это аргументируется тем, что изображение колесниц в Индостане выполнено в североевразийском стиле.

В Старом Свете сложилось две зоны изображения колесного транспорта: переднеазиатская, где повозка или колесница была представлена на печатях, сосудах, в монументальном искусстве в профиль; и североевразийская, распространенная от Скандинавии до Монголии и Китая, где изображение на сосуде или петроглифе выполнялось в фас, распластанным (Bussagli 1955; Anati 1960; Кожин 1969а; Шер 1980; Кузьмина 1980в; Littauer 1977; Новожинов 1999. Frankfort 2002). В этой стилистической манере колесницы представлены на петроглифах Индии второй половины II тыс. до н.э. Выделено более двадцати районов, содержащих более ста памятников, состоящих каждый из нескольких гротов, украшенных выполненными краской или гравированными рисунками. Три четверти памятников сосредоточено на севере страны. В ряде из них изображены колесницы и кони: например, в Chibbarnala, Chatur-bhu-Nash, Dharampur (Новожинов 1994: 22, 23, fig. 9; Brooks, Wakankar 1976: 1—32), в Tekk: lakota (Щетенко 1979: 105, рис. 15: 10); а также в Центральной Индии, и более поздние: колесница с четверкой коней — в Morhana Pahar в Mirsapur и четырехколесный экипаж с парой лошадей в Mirsapur, датируемый 800 г. до н.э. (Касамби 1968: 123; Lal 1961, fig. 5, 6; Allchins 1973, fig. 3). Двухколесная повозка, запряженная парой быков-зебу, есть на сосуде поселения Inamgaon культуры Jorve (Центральная Индия), датируемой XVI—XI вв. до н.э. (Щетенко 1979: 159, 176, рис. 39). На этом памятнике и в Навдатоли найдены также кости лошади.

Колесницы Chibarnalla относятся к III варианту двухколесных экипажей Казахстана, у которых по краям дышла изображены дополнительные линии; этот вариант представлен на петроглифах южного Казахстана в Койбагар, Арпаузен и Ксан (рис. 43) (Кадырбаев, Марьяшев 1977: 162, 163, рис. 10; 36; 89; 102), в Семиречье в Каратау и Ешкиольмес (Марьяшев, Горячев 1998: табл. 11: 6; рис. 102; 103; 106—110; 118) и на Памире в Акджилга (Жуков, Ранов 1974: 63—67, рис.). Интересно, что в Chibarnalla изображен стреляющий из лука во врага солнцеголовый персонаж, аналогии которому многочисленны на указанных петроглифах, расположенных на трассах коммуникаций в центре Азии.

Путь конных колесниц в Индию отражают находки костей и изображений лошадей и колесниц на вещах и петроглифах северо-западного Индостана: в Гомале и Свате. В верховьях Инда и его притоков открыты родственные памятники. В Hathala на развалинах харапского поселения сооружен могильник, состоящий из курганов с трупосожжениями, сопровождающимися черепом быка и костями ног быков и лошадей и глиняными фигурками этих животных, двуторбого верблюда и модели колеса (Dani 1970—1971: fig. 166, pl. 31: 1—4). В долине Swat в могильнике Katelai (период VI) открыты захоронения двух лошадей и медная булава с фигуркой коня (рис. 44а: 2, 3); в Loebanг найдена крышка урны с фигуркой коня (Silvi Antonini, Stacul 1972: 288; 291; pl. LII: C; LIIa; LXXIIb; CLIV). На поселении Bir-Kot-ghwandai — фрагмент сосуда периода IV с конем (рис. 44а: 1).

Кости лошади найдены в Loebanг III, Aligrama и Bir-Kot-ghwandai (Olivieri 1998: 67) в скальном навесе Ghalegai и на поселениях периода IV. По заключению палеозоолога А.Аццароли (Azzaroli 1975: 355) пара жеребцов из Katelai принадлежит к восточной породе.

Захоронение лошадей в могильнике — это индоевропейский и особенно индоиранский обряд, истоки и аналоги которого прослеживаются в степях. О культе колесниц в Свате свидетельствуют петроглифы. В верховьях реки Инд в Тхоре на караванном пути в Южную Азию К. Йеттмар (Jettmar 1985: fig.6) открыл петроглиф, представляющий колесницу с двумя колесами с четырьмя спицами и парой коней, за которой помещен мужчина с луком (рис. 43: 15; 44: 5). Три изображения исследованы на камнях в Годара I (Olivieri 1998: 67, 69, 73, 74; fig. 15). Это влекомые парой коней двухколесные экипажи (рис. 44а: 4). (На одном петроглифе спицы не изображены.) Открыты также изображения колес с четырьмя спицами (рис. 44а: 6—9). Оба исследователя относят колесницы к протоисторической эпохе. Их дата может быть уточнена по аналогиям из Казахстана и Средней Азии. Вариант А: колесница с четким рисунком дышла, ярма, колес с четырьмя спицами и двух лошадей и иногда лучника (Кадырбаев, Марьяшев 1977: 162, рис. 51: 1; 72; 100; Шер 1980: рис. 107; 110; Новоженев 1994: 111—122, рис. 77, 78; Марьяшев, Горячев 1998: 31—36, табл. II) известна на петроглифах Арпаузен, Койбагар, Габаевка, Саймалы-таш, Тамгалы.

Для уточнения даты петроглифов второй половиной II тыс. до н.э. важны изображения на сосудах, на плитах, вторично исполь-

зованных в каменных ящиках, и выявление комплексов, включающих поселение, могильник и петроглифы. Комплексы в Семиречье датированы методами электронно-парамагнитного резонанса XIV—XIII вв. до н.э. (Рогожинский 2001: 40—41).

Русские исследователи многократно рассматривали культ коня и колесницы в степях Евразии в связи с мифологическими представлениями индоиранцев, интерпретируя отдельные сюжеты на основе текстов Ригведы и Махабхараты (Кузьмина 1973с, 1977а, 1986а, 2001г, 2002; Кадырбаев, Марьяшев 1977; Шер 1980; Самашев 1992). В солнцеголовом персонаже я увидела древнейшего индоиранского бога солнца и договора Митру (Кузьмина 1986: 119—121).

Сходство индийских петроглифов со степными служит дополнительным аргументом в пользу их индоарийской интерпретации.

Что касается сходства с петроглифами конструкции самих колесниц, описанных в ведических текстах, то оно подробно рассмотрено (Кузьмина 1994). Графическая реконструкция предложена С. Пигготом (Piggott 1950: fig. 32): (рис. 45: 2). Набор вооружения, описанный в Ведах, Микр-Яште Авесты и в тексте из Нузи, имеет аналогии в степях. Надежно установлен общеиндоевропейский характер ведийских представлений и ритуалов, связанных с конем: *Ashvamedha*, *Purushamedha* и других, и роль коня в погребальном обряде. Литература на эту тему огромна, укажем лишь несколько работ: Levi 1898; Malten 1914; Oldenberg 1917; Dumont 1927; Koppers 1936; Kane 1946; Mayrhofer-Passler 1953; Dumezil 1954; Puhvel 1955; 1969; Mole 1963; Pusalker 1969; Иванов 1969а, 1974; Кузьмина 1977г, 2001; Mallory 1981; Palome 1994; 1997; Renfrew 1998а.

Таким образом, обнаружение новых наскальных изображений коней и колесниц в Северной Индии — это важный аспект ведийской археологии, а постепенное распространение наскальных рисунков в других районах страны, видимо, отражает арианизацию населения.

Что же касается перспектив найти ритуальные захоронения коней, то они не слишком велики. Арии пришли на субконтинент, где была крайне неблагоприятная для коней экология: они болели и вымирали, цена их возросла, и их перестали употреблять в пищу. Постепенно утвердился религиозный запрет на кровавые жертвоприношения. Tull H.: «The killing that is not killing: men, cattle and the origins of non-violence (Ahimsa) in the vedic sacrifice». — IIJ 1996: 39; цитируется по (Burney 1999: 14, 15).

В Иране после прихода иранцев Заратуштра в Гатах тоже призвал отказаться от жертвоприношений животных. Поэтому открытие гекатомб мало вероятно. Но об утвердившемся культе коня и колесницы свидетельствуют многочисленные их изображения в индуистских храмах, особенно в храме Сурьи в Копагак, и процессии с участием хранящихся в святилищах гигантских колесниц, в особенности выезд знаменитой колесницы Jagannatha в храме в Пури, которые автору посчастливилось наблюдать.

В заключение следует констатировать, что территория юга Средней Азии и Афганистана имела особое значение в истории транспорта в Старом Свете. Четырехколесные повозки появились здесь еще в эпоху Намазга III, как об этом свидетельствуют глиняные диски с односторонним выступом — вероятно, модели колес с односторонней ступицей, аналогичной индийским. В III тыс. до н.э. колесный транспорт представлен здесь широко, и, что следует подчеркнуть, сложился своеобразный, отличный от переднеазиатского тип четырехколесной повозки с низкими бортами (Кузьмина 1983). Для упряжки использовались двугорбые верблюды. Это животное было domesticiровано и использовалось тут на протяжении III—II тыс. до н.э., но не было известно ни в харалпской Индии, ни в Передней Азии (там известна только одна печать с изображением бактриана, на горбах которого сидит пара людей). Именно применение населением БМАК в качестве транспортного средства двугорбого верблюда способствовало установлению широких культурных связей вплоть до Индии, Элама и Переднего Востока.

Данные антропологии и генетики

Вытекающее из анализа ранних ведических текстов заключение, что именно в среде пришедших в Индию индоариев сложилась кастовая система элитного доминирования, при которой представителями обеих высших каст кшатриев и брахманов были индоарии, находит независимое подтверждение в данных антропологии. Благодаря работам совместной советско-индийской программы, руководимой доктором К.Ч. Малхотра при участии М.Г. Абдушелишвили, В.П. Алексеева, С.А. Арутюнова и И.М. Семашко, было выделено три основных группы населения. Первая — неоиндийская европеоидная группа людей высокорослых, со светлой кожей,

прямыми волосами, отсутствием эпикантуса, резко выступающим носом; к этой группе принадлежат в основном представители высоких каст из северо-западной и северной Индии из Гуджарата, Кашмира, Харианы, Химачала, а также пришедшие в Индию парсы. Вторая — палеоиндийская — группа близка веддоидному типу низкорослых людей с темной кожей, слабым волосяным покровом, иногда с выраженным эпикантусом. В этой группе «сосредоточены всецело без исключения низкие касты и племенные группы». Третья группа — мезоиндийская — занимает переходное положение и включает в основном представителей средних каст (Арутюнов 2003: 423—424). Создатели культуры Хараппа были европеоиды, пришедшие на Инд из юго-западного Ирана, принеся, вероятно, протодравидийский язык, родственный эламскому. У населения Хараппы прослеживается веддоидная примесь, что отражает начало метисации населения Индостана, большая часть которого в древности была заселена веддоидным населением. Новейшие данные генетики подтверждают эти антропологические заключения.

Рассмотрение дискутируемых проблем генетики индоиранцев находится вне моей компетенции. Однако некоторые результаты исследований, проводящихся многонациональными коллективами генетиков (приношу благодарность проф. М. Витцелю, ознакомившему меня с некоторыми результатами генетических исследований.), заслуживают внимания археологов и лингвистов.

«Предки австроазиатских племенных популяций могли быть самыми древними обитателями Индии... Мы также можем проследить следы передвижений людей с Запада и из Средней Азии в Индию» (Majumdar 2001: 533). Группа исследователей пришла к выводу, что их «анализы населения Индии подтверждают широко распространенную (хотя и не единственную) концепцию о массовой индоарийской инвазии в Индию около 4 тысяч лет назад» (Passarino and oth. 1996: 927—934; Barnabas and oth. 1996: 409—422). Особенно интересно, что было показано: «пропорций генов, которые “характеризуют” говорящих на арийских языках, прогрессивно уменьшается от высшей варны к низшей и в обратном направлении прослеживается тренд тех генов, которые “характеризуют” аборигенных индийцев».

Боясь ошибиться в изложении материалов, я приведу длинную цитату: «Западноевразийские хаплотипы были найдены в высших кастах..., наиболее близких европейцам, особенно восточным европей-

цам..., а низшие касты ближе азиатам» (Barnshad et al. 2001: 931—932). По мнению группы Бэмшеда, «современные индийцы имеют прото-азиатское происхождение с западноевразийской примесью. При этом западноевразийская примесь выше у мужчин, чем у женщин... Говорящее по-индоевропейски население из Западной Евразии пришло в Индию с северо-запада и распространилось по субконтиненту», «они... смешались или заместили аборигенное дравидогворящее население» и установили индийскую кастовую систему, «поместив себя преимущественно в кастах высшего ранга»; «большинство иммигрантов составляли мужчины... кшатрии (высшая каста), члены которой служили воинами, ближе к европейцам, чем любая другая каста».

Если эти, пока еще предварительные, выводы генетиков подтвердятся, то они явятся существенным аргументом в пользу гипотезы северной прародины индоариев.

8. Происхождение иранцев

История изучения срубной культуры

На протяжении всей книги подчеркивалось генетическое родство и параллельное развитие культур Андроново и Срубная.

Динамика исторического процесса в степях Восточной Европы сейчас рисуется следующим образом. В результате развития энеолитических культур, восходящих к мариупольской общности, формируется гигантская ямная культурная общность, простирающаяся от Урала до Дуная (Мерперт 1968; 1974). Н.Я. Мерперт считает ее индоевропейской.

На границе степи и Северного Кавказа в результате синтеза культур Ямной и Новосвободненской складывается Новотиторовская курганная культура. Ее носители ведут полукочевой образ жизни, перемещаясь на повозках (Гей 2000). А.Н. Гей (2000: 209) видит в ее создателях одну из групп индоевропейцев и считает, что эта культура явилась компонентом следующей по времени катакомбной культуры. По мнению А.В. Кияшко (1999; 2003), последняя сформировалась на юге степи на основе ямной, импульсом к трансформации которой послужили связи с Северным Кавказом.

Стройности этого построения препятствует несогласованность радиоуглеродных дат: по А.В. Кияшко (2003: 37) катакомбная культу-

ра датируется по радиоуглероду от конца IV до конца III тыс. до н.э., тогда как новотиторовская культура относится к XXVII—XXII вв. до н.э. (Гей 2000: 197—198). Принятие сверхдлинной хронологии катакомбных памятников невозможно, так как на них представлены развитые типы четырех-колесных повозок с крытым кузовом и двух-колесных, заимствованных через Кавказ из Передней Азии, где они датируются в пределах III — начала II тыс. до н.э.

В то время как на юге степи в результате разнонаправленных миграций развивается катакомбная культура, севернее на Волге происходит сложение непосредственно на ямной основе культуры Полтавка (Качалова 1967; Кузнецов 1989), возможно, при воздействии катакомбных племен.

Следующей культурой является срубная.

Она была выделена В.А. Городцовым (1905; 1907; 1916). На основании стратиграфии курганов он установил относительную последовательность культур: ямная => катакомбная => срубная. Несмотря на существенные уточнения, эта схема остается неизменной.

Срубная культура занимает территорию от Урала до левого берега Днепра, отдельные погребения открыты на западе на Днестре и Дунае (Comsa 1976), на востоке в песках Северного Прикаспия (Рыков 1926; 1936; Иванов И., Васильев 1995: 157—159; Галкин 1980; 1998). Далее, как говорилось, срубные или срубные с андроновскими чертами погребения найдены в песках Туркмении (Мандельштам 1966а,б), у Самарканда и под Ташкентом (Кузьмина 1986в).

Плотность населения в степи и лесостепи в срубное время была самой высокой за время от энеолита вплоть до XIX в. Например, количество памятников только в лесостепи Средней Волги около 2000 (Колев 2000: 153). Это объясняется тем, что эпоха развитых срубной и андроновской культур относится к периоду экологического оптимума с теплым и влажным климатом (Лаврушин, Спиридонова 1995; Иванов И. 1983; 1996; Иванов И., Плеханова и др. 2001), что обеспечило высокий выход биомассы и в результате демографический взрыв и позволило степным племенам перейти к оседлости и заняться земледелием.

Срубная культура является наилучше исследованной культурой Восточной Европы эпох энеолита и бронзы. Ее библиография насчитывает сотни публикаций, разделы в исторических монографиях: для Украины (Березанская, Чередниченко 1985; Березанская, Отрощенко, Чередниченко 1986; Березанская, Отрощенко 1997; От-

рощенко 1999; 2001; 2002), для Самарского Поволжья (Колев 1991; 2000), а также монографии и сборники, посвященные отдельным регионам, труды бесчисленных конференций, рефераты или диссертации. В настоящее время основными центрами изучения срубной культуры являются Москва, Санкт-Петербург, Воронеж, Самара, Саратов, Уфа, Киев, Днепропетровск, Донецк и др.

Первой работой, посвященной систематизации срубных материалов, была монография О.А. Кривцовой-Граковой (1955). Она признала, что срубная культура формируется в степях левого берега Волги на основе выделенной П.Д. Рау (Rau 1928) стадий Полтавка, непосредственно связанной с ямной. Исследовательница (1955: 11) полагала, что «племена ямной культуры на всем занимавшемся ими пространстве относились к однородной этнической группе, распадавшейся на отдельные племена». О.А. Кривцова-Гракова выделила три локальных варианта срубной культуры: на Волге, на Дону и на Днепре и Причерноморье, предполагая продвижение племен постепенно с востока на запад. Были подчеркнуты также связи срубной и андроновской культур и проникновение андроновских металлургов на срубную территорию (с. 37, 38; 51—53). В развитии культуры она выделила ранний (XVI—XIII вв. до н.э.) и поздний (XIII—VIII вв. до н.э.) периоды. Последний характеризует керамика с налепным валиком. Он разделен на этапы Белозерский и Сабатиновский. (Впоследствии был уточнен их обратный хронологический порядок.) Поздние памятники явились основой культуры скифов. Таким образом, реконструировалось прямолинейное развитие культур: ямная — Полтавка — срубная — скифская и, соответственно, предполагалось их этническое единство. Работа Кривцовой-Граковой оказала огромное влияние на развитие не только исследований срубной, но и андроновской и других культур эпохи бронзы.

Следующий шаг в изучении срубной культуры был сделан Н.Я. Мерпертом (1958: 61—151). На основе классификации конструкции погребений он выделил четыре этапа: I ~ XVI—XV вв. до н.э.; II ~ XV—XIII; III ~ XIII—X; IV ~ IX—VII вв. до н.э. Он (1985: 6, 7) признал, что ядро культуры сложилось на местной древнеямной основе в восточной части срубной ойкумены — в Волго-Уральских областях. Там срубные племена были тесно связаны с близко родственными андроновцами. Интенсификации связей способствовало использование единых центров металлургии Урала. Воздействие на полтавкинские племена чуждой катакомбной культуры име-

ло лишь второстепенное значение. Своеобразие локальным вариантам придавали на юге — связи с Кавказом и реминисценции катакомбной культуры. на западе — традиции культуры многова-ликовой керамики и западные связи. Поэтому срубную ойкумену правомерно рассматривать как культурно-историческую область (Мерперт 1985: 8; Мерперт и др. 1985).

Большой вклад в изучение срубной проблемы внесла Н.К. Качалова. Она обосновала выделение полтавкинских памятников в особую культуру (1965) и доказала их определяющую роль в формировании срубной культуры на Волге. Ею были выделены в лесостепной зоне три локальных варианта: I — северо-восточный (Средняя Волга, Урал), где ярко прослеживается преемственность с полтавкинской культурой; II — Средний Дон; III — северо-западный (Северский Донец левый берег Днепра), где выявлено катакомбное влияние. Центром формирования срубной культуры был район Волги-Урала, причем не только степь, но и лесостепь, откуда шла миграция на запад (Качалова 1977: 97). В основе разработанной ею периодизации (Качалова 1985) лежит выделение раннего бережновского периода, где установлена связь с полтавкинской культурой, но отсутствуют следы культуры Абашево. Она синхронизировала I этап с предандроновским новокумакским горизонтом по Смирнову-Кузьминой (1977). II этап — с алакульским; III — с сабастиновским. IV этап отнесен к XI—X вв. до н.э., хотя не имеет никаких датирующих вещей, он признан завершением существования срубной культуры. Наконец, выделен особый тип Нур (Качалова 1989). Эти памятники К.Ф. Смирнов (1964: 24—32) рассматривал как протосавроматские. Мнение Н.К. Качаловой (1989), что они не связаны генетически с позднесрубными, принять категорически невозможно. Вызвало дискуссию и вычленение бережновского этапа.

Для выяснения генезиса динамики культур Поволжья решающее значение имело открытие могильника Потаповка и вычленение типа Потаповка (Васильев, Кузнецов, Семенова 1991; 1992; 1994; 1995). Эти памятники с богатым набором вооружения, псалями и колесницами возникли в результате импульса синташтинских племен с Урала. Как говорилось, анализ стратифицированного кургана 25 могильника Новый Кумак вместе с материалами типов Синташта и Петровка на Урале, Западном и Северном Казахстане позволил установить, что эти памятники занимают хронологическую позицию между катакомбной и развитой андроновской культурой

и, главное, что они сложились на основе не местного субстрата, а миграции на Урал носителей культур Восточной Европы Полтавка, позднекатакомбной и Абашево (Смирнов, Кузьмина 1977).

Те же компоненты участвовали в сложении синхронных памятников Потаповка, заложивших основу срубной культуры на Волге. В.С. Бочкарев (1991; 1995а) ввел понятие единого блока культур, участвующих в формировании предандроновских и предсрубных комплексов, и Волго-Уральского очага культурогенеза.

К.Ф. Смирнов и Е.Е. Кузьмина (1977) постарались аргументировать индоиранскую атрибуцию создателей Новокумакского горизонта, что было принято специалистами (Зданович 1992а; Васильев, Кузьмина, Семенова 1994; 1995; Отрощенко 2002).

Но генезис срубной культуры остро дискусионен. Спор идет, во-первых, о центре или центрах ее происхождения, во-вторых, о роли слагающих ее компонентов. В.В. Отрощенко (1996) и Е.Е. Кузьмина (1999) считают, что очагом культурогенеза было не Волго-Уралье, а только Южный Урал. Разработка его месторождений была стимулом культурных инноваций. Они представлены здесь в наиболее раннем и полном виде: укрепленные поселения, вооружение, колесницы, псалы, конские захоронения: чем западнее, тем слабее доходит импульс.

Главные споры идут по поводу места абашевской культуры в этногенезе срубного населения и месте памятников покровского типа, названных по Покровскому могильнику, раскопанному П.С. Рыковым (19276) на Волге. Глава Воронежской школы Д. Пряхин и Ю.П. Матвеев считают центром формирования культуры Абашево район Дона. Престижные погребения с воинским инвентарем (Власовское, Богоявленское, Кондрашкинский, Селезни, Филатово) отнесены к Доно-Волжской абашевской культуре (Матвеев, Пряхин 1995). На ее основе формируются раннесрубные памятники покровского типа (Пряхин, Матвеев 1979). Подонье рассматривается как центр сложения срубной культуры (Матвеев, 1994). В ее развитии выделено три этапа, последний из которых характеризует валиковая керамика, и единичные бедные погребения, что связано с уходом части населения (Пряхин, Матвеев 1988: 159).

Другой воронежский исследователь Подонья А.Т. Синюк (1996: 207, 208) говорит о появлении колесничих в результате импульса с Урала, а памятники Дона выделяет в культуру покровско-абашевскую, синхронную покровским памятникам Поволжья и петровс-

ко-новокумакского типа Урала. Он предполагает сложение донской срубной культуры в результате сочетания компонентов культур доминирующей покровско-абашевской, катакомбной и срубной Волги.

Саратовский исследователь Н.М. Малов (1992) рассматривает покровские памятники как самостоятельный культурный тип и включает их в блок культур Абашево — Синташта — Петровка, считая синхронными синташтинским.

Основная исследовательница культуры Абашево О.В. Кузьмина (1979; 1992; 2000) занимает противоположную позицию. Она рассматривает Покровские памятники как самостоятельную культуру и считает, что абашевская и покровская культуры относятся к хронологически следующим друг за другом этапам бронзового века. За всем этим стоит не только терминологическая путаница, но и принципиально разная оценка места покровских памятников в срубном культурогенезе.

По заключению лидера археологии Башкирии В.С. Горбунова (1976; 1977; 1986; 1990; 1992; 1996) лесостепной Урал был занят племенами Абашево. Петровские комплексы синхронны покровским на Урале (Горбунов 1989: 85).

В районе Приуралья зафиксированы единичные ранние полтавкинские и синташтинские памятники. По данным стратиграфии поселений устанавливается, что абашевцев сменили срубники, пришедшие во второй четверти II тыс. до н.э., вероятно, из Самарского Поволжья (Сальников 1954б; 1962б; 1965; 1967; Горбунов, Морозов 1985; Горбунов 1990; 1992). Расцвет культуры относится ко II этапу (XIII—X вв. до н.э.), когда срубные племена усиливают экспансию в лесостепь Южного Урала.

На II и III этапе на реки Белая, Урал, Самара проникают алакульские группы, и в могильниках выявляются смешанные комплексы. На Южном Урале образуется зона синкретических срубно-алакульских памятников, отражающих межкультурную миксацию (Зудина 1981; Кузьмина 1987б; Рутто 1989; 2000).

На III этапе (XII — XI вв. до н.э.) наступает кризис культуры, бедные погребения единичны, поселения, содержащие керамику с налепным валиком, малочисленны. Численность населения резко сокращается, наступают племена лесной межовской культуры (Горбунов, Морозов 1985; Обыденнов 1986; Обыденнов, Обыденнова 1992; Обыденнов, Шорин 1995).

Северо-западнее — в Татарстане в Приказанском Поволжье А.Х. Халиков (1969) выделял три этапа: XVI—XV, XV—XIII, XIII—

XI вв. до н.э. Срубные племена пришли с юга и оттеснили носителей культур Абашево и Приказанская. Срубное население поддерживает связи с андроновцами. В XIII—XI вв. до н.э. появляется срубная керамика с налепным валиком. С востока проникают черкаскульские племена. В результате синтеза с ними складываются памятники типа Сускан; с севера, со Средней Волги и Камы на юг движутся племена лесных культур — Приказанской и Поздняковской, и на рубеже II—I тыс. до н.э. срубные памятники исчезают, оказав, однако, большое влияние на местное население.

Наиболее детальная периодизация срубной культуры лесостепного Поволжья разработана самарскими археологами (Васильев, Кузьмина О., Семенова 1985). Выделено три этапа и два типа памятников финальной бронзы.

Потаповский тип памятников складывается в результате взаимодействия носителей местной культуры Полтавка, восходящей к ямной, культуры Абашево и раннего петровского населения Урала.

Теперь предполагается также влияние позднекатакомбного населения.

I период собственно срубной культуры — покровский — отражает продолжающийся синтез полтавкинского и абашевского компонентов.

В ряде памятников абашевские черты не прослеживаются, что роднит их с памятниками бережновского типа степного Нижнего Поволжья, где господствуют традиции Полтавки.

II период характеризуется стандартизацией погребального обряда и керамики, в которой исчезают полтавкинские и абашевские черты. Те же процессы характерны для андроновских комплексов типа Алакуль. Их синхронность подтверждается одинаковыми типами металлических изделий и псалиев. На Волге найдены андроновские погребения, керамика и украшения (Кузьмина 1987б). Это время наибольшего распространения и высшего расцвета обеих культур. Оно совпадает с экологическим оптимумом (XVI—XIII вв. до н.э.).

В III период происходит упрощение обряда и огрубение керамики (рост числа банок, обеднение орнамента). Эти признаки типичны для позднеалакульских и смешанных алакульско-федоровских комплексов.

На основе предшествующей срубной культуры при теснейшем взаимодействии с более восточными племенами складывается культура финальной бронзы типа Ивановка. Этот тип близок ан-

дроновскому (алексеевскому) типу. Эпоху финальной бронзы в степном Поволжье завершают памятники типа Нур, аналогичные типу Донгал в Казахстане. Это население приняло участие в формировании сако-скифских племен раннего железного века.

Эти положения развиты в последующих работах. Уточнено, что тип Полтавка явился результатом трансформации полтавкинского населения при участии абашевского. Однако данных о хронологическом предшествовании последнего нет. Третьим компонентом могла быть вновь открытая культура шнуровой керамики Вольск-Лбище. (Отмечу попутно, что поселение этой культуры Тентексор открыто в северо-восточном Закаспии).

Потаповские памятники составляют основу формирования срубных памятников Покровского типа (Кузнецов, Семенова и др. 2000: 130, 134). Эпоха финальной бронзы представлена в степной части региона памятниками ивановского типа, близко родственного алексеевскому, они входят в круг культур с валиковой орнаментацией «культура валиковой керамики (КВК)». (Эти комплексы распространены и в пустынях Северного Прикаспия (Васильев, Колев, Кузнецов 1986). Площадь поселений невелика, количество погребений ничтожно. Это указывает на уход основной части населения из региона.

В лесостепном Поволжье продвигаются племена лесной андронидной культуры Черкаскуль (Замараево). Как говорилось, она сложилась под влиянием федоровского типа андроновских памятников на Урале. Придя в Поволжье, население расселилось вместе с создателями поздневаликовой посуды ивановцами, создав памятники типа Сускан (Мерперт 1958: 128, 130; рис. 18, 21).

Это не позволяет принять хронологию и интерпретацию памятников типа Сускан, предложенную Ю.И. Колевым (2000). Наследниками ивановцев явились создатели крайне немногочисленных стоянок и единичных погребений типа Нур. В этом населении предложено видеть исторических киммерийцев (Алексеев, Качалова, Тохтасьев 1993). И.М. Дьяконов (1981) считает киммерийцев одним из раннеиранских племен.

Что касается Украины, то история срубных племен этого региона подвергалась многократной переоценке, и позиции авторов относительно происхождения здесь срубников и их судеб резко расходились.

Д.Я. Телегин (Телегин 1961) на основании стратиграфии поселения Ушкалка доказал, что памятники сабастиновского типа предшествуют белозерским.

Для решения проблем абсолютной хронологии не только Украины, но и всей степи большое значение имела работа А.И. Тереножкина (1965), рассмотревшего западные связи памятников Украины и установившего их возраст на основании хронологии Европы. Для выяснения вопросов истории металлообработки, выяснения западных контактов и хронологии очень важна была монография В.С. Бочкарева и А.М. Лескова (Bochkarev, Leskov 1980). Существенным также было выделение памятников маевского типа (Ковалева И. 1976; 1978; Ковальова, Волкобой 1976; Ковалева, Волкобой 1978).

С.С. Березанской (1982) была дана четкая и хорошо аргументированная характеристика истории срубных племен. Ею установлено, что западной границей культуры был левый берег Днепра, и выделены два локальных варианта: степной левобережный и лесостепной на Северском Донце. Сложение культуры было интерпретировано как результат продвижения с востока из Среднего Поволжья на Северский Донец группы раннесрубных племен с явственно прослеживающимися чертами андроновской культуры (Березанская 1982: 40, 41). В дальнейшем срубники расселились вплоть до Киева на Днепре. Они вступили в контакт с местными племенами культуры многоваликовой керамики. Этот синтез, отмечаемый в комплексах маевского типа, привел к сложению самобытных сабатиновских.

По данным стратиграфии выявлено, что срубный слой на поселениях и могилы в курганах залегают выше культуры многоваликовой керамики и перекрыты культурами раннего железного века. В развитии культуры в лесостепи С.С. Березанская выделяет два этапа: ранний и поздний (сабатиновский). Последний характеризуется распространением керамики с наlepным валиком и активными западными связями, прежде всего с культурой Ноуа. Белозерский (третий) период срубной культуры Украины в лесостепи не выражен. В это время здесь расселяются северные племена культур Бондариха и Лебедовская.

Очень важны заключения С.С. Березанской об этнической принадлежности срубных племен. Основываясь на заключениях лингвистов о распространении на Украине иранских гидронимов (Топоров, Трубаев 1962; Стрижак 1965) и их доскифском возрасте (Грантовский 1970), она совместила карты гидронимов и срубной культуры, и они совпали. «Данные топонимики указывают на широкое распространение иранского элемента в лесостепной Украи-

не» (Березанская 1982: 207). Лесные соседи — племена Марьяновской и Бондарихинской культур — были финно-уграми.

Н.Н. Чередниченко предложил другое решение происхождения срубной культуры без смены населения: «все варианты одновременны и единого центра происхождения срубной культуры не было, а ее сложение в каждом регионе следует объяснять, исходя из местной археологической основы». На Украине это культура многоваликовой керамики, связанная с катакомбной. Своеобразие отражают и типы металлических изделий. Срубной подосновой на Дону Н.Н. Чередниченко, как и А.Д. Пряхин, считал культуру Абашево.

В сабаатиновское время он отмечает сокращение числа памятников и нивелировку культуры. Большое внимание он уделил западным связям срубных племен Украины, что позволило уточнить хронологию и выявить срубные погребения в Румынии. Н.Н. Чередниченко полагал, что резкое похолодание с XII в. до н.э. вызвало массовую миграцию срубного населения (1970; 1972; 1977).

Изменялась и трактовка сабаатиновских памятников. И.Н. Шарфутдинова (1968, 1982) предложила выделить их в особую культуру. (Сам термин был введен Н.Н. Погребовой (1960).) Культура не связана генетически со срубной, а родственна культуре Ноуа в Румынии. Первоначально эта идея вызвала острую дискуссию (Лесков 1970), но теперь общепризнана. Памятники локализуются на левом берегу Днепра, в Крыму и вплоть до Днестра и Дона. На Севере они граничат с Белогрудовской культурой, на Днестре — с Ноуа, на Дунае — с Кослоджень. Керамика включает сосуды с налепными валиками с опущенными концами («усами»), аналогичные позднесрубным других территорий, и многочисленные типы чаш, кубков, кувшинов, чаш с двумя ручками, находящими параллели в культуре Ноуа. Характерны специфичный набор оружия и кельтов Красномаяцкого металлургического очара (Petrescu-Dimbovița 1977; Bockarev, Leskov 1980). Для Сабаатиновки и культур Ноуа и Кослоджень типичны одинаковые костяные изделия, в том числе псалии.

Таким образом, в сложении культуры Сабаатиновка участвовали «три компонента: местный — культура многоваликовой керамики, восточный — срубный и западный — культура Монтеору» (Шарфутдинова 1986: 115).

Сабаатиновским памятникам была посвящена работа И.Т. Чернякова (1985). Он признал самостоятельность культуры сабаатиновцев и генетически связанных с ними белозерцев, исследователь

признал их известными истории киммерийцами, но последних он считал не иранцами, а фракийцами.

Иная трактовка культуры Белозерка была дана В.В. Отрощенко (1986а). Он считает, что в лесостепи срубная культура кончает свое существование в XII в. до н.э. и на ее место приходят лесные культуры. Белозерские памятники локализуются в Северном Причерноморье. Они спускаются по Днепру (преимущественно по левому берегу) и концентрируются между Днестром и Дунаем. Дата памятников спорна: XII—VIII вв. до н.э. (Тереножкин, Чередниченко, Отрощенко) или X—VIII вв. до н.э. (Лесков, И.Н. Шарафутдинова). В.В. Отрощенко (1986: 151) рассматривает «сабастиновский тип памятников в качестве культуры внутри срубной культурно-исторической общности», «в сложении белозерской культуры решающую роль сыграли племена срубной культуры Левобережной Украины и сабастиновской культуры северо-западного Причерноморья». Сложение культуры относится к XII в. до н.э. В эпоху кризиса происходит движение «народов моря», в котором, возможно, участвуют сабастиновские племена. В XII в. до н.э. исчезают сабастиновские памятники и на их месте появляются белозерские, что отражает смену населения и, вероятно, отражает массовую миграцию позднесрубного населения в степи Днепра и северо-западного Причерноморья. Здесь на белозерской основе формируется культура киммерийцев, которые относятся к североиранской группе племен, как скифы и сарматы.

В заключение В.В. Отрощенко (1986: 152) приходит к выводу, что «к североиранскому этносу принадлежали племена срубной культурно-исторической общности в целом». В «Истории Украины» (1985: 526) автор, признавая иранскую принадлежность генетически связанных срубной, белозерской и киммерийской культур, допускает включение фракийского этноса в культуру заключительного этапа бронзового века. Этот вывод подтверждается лингвистическими данными. О.Н. Трубаев (1968) установил группу иллирийских и фракийских гидронимов на Днестре, Буге и Среднем Днепре.

В 1997 г. вышел новый том «Древней истории Украины» (Березанская, Отрощенко 1997), где развивались сложившиеся взгляды: сохранялись основы относительной периодизации культур финальной бронзы, признавалась иранская атрибуция срубной культуры и было предложено новое осмысление истории срубных племен.

Важным этапом изучения срубной культурной общности в целом явилась публикация монографии В.В. Отрощенко (2001), посвященной периодизации культур юга Восточной Европы, и последующий автореферат докторской диссертации «История племен срубной общности». Источниковая база исследования поистине огромна: учтено 2423 поселения и 7624 погребения во всем ареале! Время существования срубной общности автор определяет XVIII—XII вв. до н.э. и выделяет две культуры. Покровская срубная культура формируется на основе культуры Синташта, в свою очередь, сложившейся на основе Абашево, а также памятников потаповского типа и затем Доно-Волжской абашевской культуры. Ее характеризует элитная группа колесничих (харизматических кланов), а также северная и северо-восточная ориентировка погребений. Эту культуру Отрощенко считает индоарийской. Вторая культура бережновско-маевская. Она сложилась на основе памятников новокумакского типа и культуры многоваликовой керамики, восходящей к катакомбной. Эта срубная культура отличается восточной и северо-восточной ориентировкой погребений. Ее создатели были северными иранцами. Стимулом к формированию срубной общности был импульс со стороны Синташты.

Культуры не синхронны: покровская исчезает в 1400 г. до н.э., бережновско-маевская формируется позже и доживает до 1200 г. до н.э. На ее основе складывается белозерская культура, за которой следует черноголовская культура киммерийцев-иранцев. Срубники сыграли решающую роль в происхождении савроматов и саков.

Запустение степей в конце срубной культуры связано с массовой миграцией срубного населения в ~1400 и особенно ~1200 г. до н.э. в Иран. Путь срубников шел через Кавказ и через Туркмению.

Такова в общих чертах концепция В.В. Отрощенко. Оценить эту большую и сложную обобщающую работу — дело специалистов по срубной культуре.

Если же оценивать эту работу с точки зрения современных представлений об андроновской общности и индоиранском генезисе, то возникает несколько вопросов, требующих уточнения. Автор использует термины «синташтинская культура» и «новокумакский тип памятников». Но, как говорилось, выделить культуру Синташты невозможно, — это конгломерат памятников, в которых в разных пропорциях сочетаются слагающие компоненты и нет устойчивых типов. Это период билингвизма и процесса формиро-

вания индоиранского языка. Что касается новокумакского типа, то его не существует. К.Ф. Смирновым и мной (1977) был выделен предандроновский горизонт между катакомбной и развитой андроновской культурой, установлена его хронология и показано, что памятники созданы в районе уральских рудников в результате взаимодействия культур Восточной Европы. Был поставлен вопрос об индоиранской принадлежности этого населения и выделении касты воинов-колесничих.

Нашей сверхзадачей было опровергнуть гипотезу Иванова—Гамкрелидзе о сложении индоиранцев в Иране и миграции скифов оттуда в VIII в. до н.э. Защищаемые нами положения выдержали испытание временем и в основном согласуются с заключениями Отрощенко. Но за последнюю четверть века установлено стратиграфически, что в пределах новокумакского горизонта древнейшими являются памятники типа Синташта, а петровские следуют за ними и генетически тесно связаны с ними (Н. Виноградов 1995а, 1999, 2003; Епимахов 1995, 2002б; Ткачев 1995, 1996, 1998, 2003; Кузьмина 2000, 2001д; Д. Зданович 2002).

Вызывает возражения интерпретация и хронология Сусканской культуры, основанная на ошибочной трактовке Ю.И. Колева (2000). Последний предполагает участие в сложении этой культуры не только черкасульского, но и андроновского федоровского населения. Я изучала коллекции сусканскую и приказанские: в них нет федоровского компонента, они отражают связи позднесрубного и черкасульского финно-угорского населения (Обыденнов, Обыденнова 1992).

Что касается интерпретации генезиса индоиранцев, то мои выводы расходятся с некоторыми заключениями Отрощенко. Срубная культурная общность, даже разделенная на две культуры, достаточно монолитна. В покровской срубной культуре, в отличие от андроновской, особенно федоровской, нет специфических, именно арийских черт. Думаю, что Синташта и Потаповка отражают период индоиранского единства, а вся отделившаяся срубная культура принадлежит иранцам.

Нельзя не отметить, что ссылка в таком серьезном издании на теорию пассионарности Л.Н. Гумилева неуместна. А антинаучность и необоснованность эффектных построений Гумилева подвергнута уничтожающей критике специалистами (Шнирельман, Панарин 2000).

Этот длинный историографический очерк был необходим для того, чтобы сделать существенные для данной темы выводы. Проблема происхождения и развития срубной культуры остается дискуссионной. Но, несмотря на различия точек зрения по частным вопросам, общие закономерности культурогенеза вырисовываются четко.

1. Начиная со времени Мариупольской общности вплоть до эпохи скифов, развитие в степях Восточной Европы не прерывалось никакими инвазиями извне.

2. Ситуация в степи и лесостепи была различной и определялась спецификой и изменениями экосистемы. Экологические кризисы порождали культурные кризисы. Выход был или во введении инноваций, или в миграции.

3. Со времени ямной и новотиторовской культур, освоивших колесный транспорт, население было мобильным. Оно вело пастушеский образ жизни. Размер и состав стада диктовались конкретными экологическими условиями. На западе в Понтийских степях при благоприятных обстоятельствах большая часть популяции занималась земледелием.

4. Подвижной хозяйственно-культурный тип и смена природных циклов, приводивших к сдвигу границы леса и степи, делали обстановку нестабильной, это приводило к перемещению и часто скрещению соседних племен и формированию новых культур. Культурная карта была мозаичной.

5. Культуры Андроново и Срубная сложились по данным С¹⁴ на рубеже III—II тыс. до н.э. на единой основе культур Восточной Европы. Главными компонентами были степные культуры Полтавка и в меньшей мере позднекатакомбная, и лесостепная Абашево, входящая в круг культур шнуровой керамики Центральной Европы.

6. Центром, где осуществлялся синтез этих культур, был район рудных месторождений Южного Урала. Здесь и в Западном Казахстане сформировались памятники типа Синташта, положившие начало культуре Андроново.

7. На Волге из тех же компонентов в результате импульса с Урала сформировались памятники типа Потаповка. Они стали основой срубной культуры.

8. Дальнейшее развитие последней в Понто-Каспийской степи и лесостепи определялось большой степенью участия абашевско-

го компонента на Дону, а в Украине — посткатакомбной культуры многоваликовой керамики.

9. Внутренняя периодизация срубной общности в представлении разных авторов совпадает. Срубные этапы синхронны андроновским.

10. Изначальное генетическое родство срубных и андроновских племен усиливалось регулярными связями, особенно распространением на запад из Казахстана олова, а с Урала — меди и готовых изделий (Кузьмина 1994: 150—151). Между Волгой и Уралом была контактная зона. Андроновское влияние достигало Днепра.

11. Экологический оптимум в середине — третьей четверти II тыс. до н.э. позволил жителям всего ареала вести комплексное оседлое земледельческо-скотоводческое хозяйство. Земледельческий компонент всегда был выше в Причерноморье. Виды злаков и породы скота были едины.

12. Типы жилищ: большой дом каркасно-столбовой конструкции и легкая протоюрта, получившая распространение в эпоху финальной бронзы, были одинаковы.

13. Гончарное производство, развивающее энеолитические традиции, было ручным, без гончарного круга. Геометрический орнамент состоял из одинаковых элементов в обеих культурах. Некоторые особенности технологии, характерные формы сосудов и композиции орнаментов составляли диагностические особенности каждой культуры.

14. В погребальном обряде общими были: курганы, могильные ямы — дома мертвых, часто с деревянным срубом или каменным ящиком, захоронение скорченно, на левом, редко на правом боку, наличие парных погребений — *sati*, случаи кремации, культ огня, единичные расчлененные погребения, кенотафы; жертвенники, содержащие в элитных курганах кости коня, в рядовых — коров и овец. Помещение в могилу пары сосудов, иногда ножа, изредка других орудий, а в женских погребениях — украшений.

В безлесных андроновских районах было широко распространено сооружение каменных оград вокруг могилы и ящиков.

15. Существенно отличались андроновские федоровские племена, практиковавшие обряд кремации и изготавливавшие горшки с округлым плечом и необычайно богатым орнаментом.

16. В (конце XIV) XIII—XI вв. до н.э. по всей степи от Дуная до Алтая распространяется керамика с наlepным валиком. Численность срубного населения резко сокращается.

17. В X—IX(VIII) вв. до н.э. по всему фронту лесостепи идет наступление с севера лесных культур. В их носителях многие исследователи видят финно-угров.

18. Почти все исследователи, занимавшиеся этническими проблемами, единогласно считают срубные племена иранцами.

Культура степей Евразии в эпоху финальной бронзы

В последней четверти II тыс. до н.э. в степи разразился экологический кризис. Наступило резкое похолодание (Ромашко 1986; Спиридонова 1991; Иванов И. 1996; Лаврушин, Спиридонова 1995; 1999; Иванов, Васильев 1995). Выход биомассы сократился. Высокий снежный покров сделал невозможным для лошадей добывать из-под снега корм себе и овцам. Эти неблагоприятные экологические условия привели к необычайно существенным историческим последствиям, предпосылки которых создавались в культуре пастухов на протяжении предыдущих веков.

Важнейшей инновацией стало распространение верховой езды. Как говорилось, пастухи, пасшие табуны, умели ездить верхом. Но никаких объективных данных о существовании воинов-всадников в предшествующее время нет. Для эпохи финальной бронзы появление верховой езды фиксируют новые типы стержневидных псалиев, встречающихся на огромной территории от Карпат до Алтая (Русу 1960; Hüttel 1981; Boroffka 1998a; Dietz 1998). На их основе в скифскую эпоху формируются типы бронзовых псалиев.

Распространение всадничества дало возможность искать выход из кризиса в утверждении нового типа хозяйства: отгонного скотоводства, когда часть общины со стадами уходит на далекие пастбища. Это позволяет значительно расширить кормовую базу и увеличить численность поголовья стада. Но поскольку скот — это легко отчуждаемое имущество, необходимость его охраны вызвала другие важные изменения в социуме — появление воинов-всадников и, как следствие, увеличение арсенала и создание новых эффективных типов оружия. Результатом этого явилось существенное расширение металлообрабатывающего производства и, вероятно, его специализация и первое появление железа.

Именно к эпохе финальной бронзы по всей степи относится наибольшее количество оружия и кладов бронзовых изделий (Чер-

ных 1976; Chernykh 1992; Bochkarev, Leskov 1979; Кузьмина 1966; 1994; Черняков 1985 и др.). Есть клады мастеров-литейщиков и клады, принадлежащие отдельному клану. То, что их зарывали, указывает на крайне сложную обстановку в степях. Об этом же красноречиво говорят скелеты и черепа со следами боевых травм (Mednikova 1997).

Какова была культура степей в эту эпоху? Как говорилось, первоначально в развитии срубной культуры выделялись период Сабатиновка, за ним Белозерка и, наконец, скифы. Предполагалась их прямая генетическая связь. В культуре Андроново поздний этап был назван Алексеевским. Отличительной чертой памятников эпохи является наличие на керамике налепного валика, иногда с опущенными концами — «усами» (рис. 46—48). Было показано широкое распространение керамики с такой орнаментацией вплоть до Дуная, Трои и Ирана (Кузьмина 1967). Памятники с такой посудой было предложено объединить в общность культур валиковой керамики (Черных 1983; 1984; Chernykh 1992).

Дальнейшие исследования внесли существенные уточнения в схему, но и терминологическую путаницу. Ученые убедительно показали, что сабатиновские памятники не представляют общеукраинского этапа срубной культуры, а локализуются только от правого берега Днепра до Днестра и далее Дуная (Погребова Н. 1960; Телегин 1961; Шарафутдинова И. 1968; 1982). Они характеризуются активными контактами с культурой Румынии Ноуа, в которой заимствованы типы столовой посуды (Черняков 1985; Сава 2003). Распространены также бронзовые изделия галиградского типа, общие с Ноуа костяные предметы с циркульным орнаментом. Такое своеобразие дает основание выделить сабатиновские памятники в особую культуру. Этот тезис вызвал резкие возражения некоторых исследователей (Лесков 1970), но сейчас широко принят. Не ясной остается этническая принадлежность создателей сабатиновской культуры: одни исследователи считают главным компонентом срубный и, соответственно, в носителях культуры видят иранцев (Артамонов 1974: 94; Граков 1977: 153, Дергачев 1997; Отрощенко 1999). Некоторые подчеркивают ее западные связи с культурами Ноуа и Кослоджени и предполагают фракийскую принадлежность. И.Т. Черняков (1985: 145, 148, 151) предлагает киммерийскую атрибуцию сабатиновцев, считая их фракийцами и подчеркивая роль культуры многоваликовой керамики в ее сложении.

По аналогии с культурой Ноуа дата сабаатиновской культуры устанавливается XIV—XII вв. до н.э. (Березанская, Шарафутдинова 1985: 498; Березанская, Отрощенко 1997).

Что касается левобережной Украины, то здесь на основе срубных формируются памятники белозерского типа. Они датируются XII—IX вв. до н.э. (Телегин 1961; Тереножкин 1965: 176; 1976; Черняков 1985; Отрощенко 1986а). Большинство исследователей выделяет их в отдельную культуру, но их генетическая связь с предшествующей срубной и последующей киммерийской не ставится под сомнение и принимается ее иранская этническая принадлежность (Отрощенко 1986а: 152). А.И. Тереножкин (1965, 1976) считал создателей этих памятников киммерийцами, обращая внимание на восточные сибирские аналогии некоторым типам оружия и отрицая генетическое родство скифов и киммерийцев и предшествующих срубников, считая приход скифов миграционной волной с востока (Ильинская, Тереножкин 1983; 13).

Валиковая керамика представлена на Дунае и Карпатах в культурах Ноуа и Кослоджени и далее в Трое в слое VII В₁. (Blegen et al. 1958; Димитров 1968). С. Blegen (1958: 2, 282, 284, 285) датирует слой 1190—1100 гг. до н.э. Эта керамика выделена также в постмикенских слоях в Микенах, Афинах, Азине. По периодизации А. Фурумарка (Furumark 1941) это период МIIIB—IIIC, то есть 1300—1230 и 1230—1200 гг. до н.э. Появление в Средиземноморье этого своеобразного типа керамики связывается с волной миграции «народов моря», зафиксированной вплоть до Египта (Sandars 1978). «Народы моря», по свидетельству «Илиады» Гомера, включали фракийцев и переселившиеся в Малую Азию палеобалканские племена, в том числе — фригийцев.

Геродот (III: 73) говорит, что они приняли участие на стороне троянцев в Троянской войне. Исследователи датируют ее XIII в. до н.э.

Таким образом, историческая традиция подтверждает большую роль юго-западной группы создателей валиковой керамики в исторических процессах: Троянской войне и расселении в Малой Азии группы индоевропейских народов (Дьяконов 1968). Они принесли с собой с севера индоевропейскую речь, культ индоевропейских богов, искусство верховой езды и почитание бога-всадника и коня, архитектуру зданий с двускатной крышей, сохранившуюся в храмах и скальных гробницах, и костюм, включающий фригийский колпак (Acurgal 1961).

На востоке Европейской степи памятники финальной бронзы одними исследователями, вслед за П.С. Рыковым (19276; 1936) выделяются в особую хвалынскую культуру (Малов 2001; Изотова, Малов, Слонов 1993), другими называются ивановским типом (Васильев, Кузьмина, Семенова 1985), но всеми подчеркивается преемственность традиций.

Мне представляется, что поскольку памятники с валиковой керамикой являются закономерным генетическим продолжением развитого этапа срубной культуры и смены населения не отмечается, то целесообразно рассматривать их как завершающий этап или поздний тип срубной культуры.

К предскифскому периоду отнесены поздние валиковые комплексы типа Нур (Качалова 1989).

В данной книге принята периодизация срубной культуры самарских ученых.

Что касается андроновского ареала, то история его изучения подробно рассмотрена (Кузьмина 1994: 13—34). Сложность классификации состояла в наличии смешанных комплексов, где сочетались лесная черкаскульско-межовская и степная алексеевская керамика. В настоящее время классификация и хронология андроновидных лесных памятников хорошо разработаны (Обыденнов, Обыденнова 1992; Матвеев 1993; Генинг, Стефанов 1993; Генинг, Стефанова 1994; Шорин 1994; Потемкина, Корочкова, Стефанов 1995), и установлена их угорская этническая принадлежность и связи с индоиранцами (Лушникова 1990; Напольских 1997; ECUIE 2001).

Памятники алексеевского типа были неудачно названы саргаринскими и неверно датированы X—VIII вв. до н.э. (Зданович С. 1974, 1978, 1979, 1981, 1983, 1984). В науке общепринято называть культуры и типы по первооткрытому памятнику, поэтому комплексы финальной бронзы должны называться алексеевскими (Кривцова-Гракова 1948). К тому же в Алексеевке открыт чистый комплекс (Евдокимов 1971, 1975а, 1984), а в Саргары есть примесь керамики культуры Дандыбай. Тем более неуместно название «саргаринско-алексеевская культура» (Ситников 2002): во-первых, это тавтология: валиковые комплексы обоих памятников почти идентичны; во-вторых, так же, как и со срубными памятниками, не закономерно отрывать генетически связанный этап от культуры, что лишает культуру ее динамики и этнической целостности.

Столь же незакономерен термин замараевская культура (Оразбаев 1958), так как на поселении Замараево сочетаются степная валиковая алексеевская и лесная черкаскульско-межовская посуда. Не выдерживает критики термин «замараево-безгазинская культура» (Аванесова 1979), так как Замараево — это специфический комплекс, сочетающий две культуры, генетически и этнически абсолютно разные: алексеевскую и черкаскульскую, а мавзолеи Бегазы характеризуют культуру, которая по первооткрытому памятнику должна называться Дандыбай (Рыков 1935). При этом ни тот, ни другой тип памятников (или культур) не соответствует алексеевскому этапу с его валиковой керамикой и особым этносом. Непонятна позиция В.В. Евдокимова (Евдокимов, Варфоломеев 2002: 40), который выделял памятники алексеевского типа (Евдокимов 1971, 1975а,с, 1980а, 1983, 1984) и вдруг отнес их к бегазы-дандыбаевской культуре, подчеркивая, однако, целесообразность наименования культуры «дандыбаевская культура» (с. 59) и самобытность культуры валиковой керамики (с. 87), созданной андроновским населением.

Несправедливо мнение А.А. Ткачева (2002: 199), который признает выделение трушниковской, алексеевско-саргаринской и дандыбай-саргаринской культур. Методически корректно говорить только о чуждой андроновской общности дандыбаевской культуре и об алексеевском типе андроновских памятников с валиковой керамикой, близко родственной позднегрубному ивановскому типу и сменяющим их генетически связанным типам Нур на Волге и Донгал в Казахстане.

Дата памятников алексеевского типа надежно обосновывается XII—XI вв. до н.э. на основании сходства типов псалиев и металлических изделий, распространяющихся в эпоху финальной бронзы от Дуная до Центральной Азии. К алексеевскому типу принадлежат материалы, выделенные С.С. Черниковым (1960) как тип (этап) Малоокрасная.

Восточным пределом распространения алексеевского влияния является Центральная Азия, где в плиточных могилах найдена посуда с наклепными валиками, в том числе с «усами» (Цыбиктаров 1998: 92—93, рис. 80).

Большим достижением археологов Центрального Казахстана было выделение памятников типа Донгал (Варфоломеев 1982, 1987а; Ломан 1987, 1991; Бейсенов, Ломан 1999; Евдокимов 1987б; Евдокимов, Варфоломеев 2000; Ткачев 2002). Они аналогичны и

синхронны памятникам типа Трушниково, ранее выделенным С.С. Черниковым (1954; 1960, табл. XLVIII, LXXVII) в Восточном Казахстане и памятникам типа Нур на Волге. Они датируются X—IX(VIII) вв. до н.э. и генетически связаны с савроматскими и сакскими раннежелезного века. Мнение Н.К. Качаловой (1989), что создатели типа Нур пришли из Казахстана, кажется мне недостаточно обоснованным: трансформация близко родственных памятников типов Ивановка и Алексеевка закономерно привела к сложению столь же близких комплексов накануне железного века.

Каковы же были судьбы населения эпохи финальной бронзы? Экологический кризис привел население к глубокому социокультурному кризису. По всему поясу степей количество поселений резко сократилось, между Доном и Дунаем — в десятки раз (Отрощенко 1986а: 150), число погребений исчисляется единицами. Очень огрубела и утратила локальное своеобразие керамика. Она развивалась параллельно в разных регионах. Исчезли сосуды покровского и алакульского типов с подчеркнутым ребром. Плечо сосудов стало округлым, пропорции вытянутыми, появились горшки с закрытым горлом. Под венчиком или на плече горшков стали помещать вытянутый или чаще налепной валик. Орнаментация сосудов обеднела, зональность была нарушена. Декор наносился в одну зону на венчике и шейке, реже на плече в виде равнобедренных треугольников и, главным образом, горизонтальной и вертикальной елки, изредка также крестов, ромбов, зашипов, ямок, ногтевых вдавлений. Последние элементы стали популярны на памятниках типов Нур и Донгал. Валик часто покрывали косыми насечками или крестом. Известны горшки, на которых валик имитирует полосу, покрытая насечками или крестами. Декор выполнен резьбой или гладким штампом, зубчатые штампы выходят из употребления. В некоторых комплексах присутствуют воротнички и сложнопрофилированные венчики, иногда с косыми насечками. Большой процент составляют банки без орнамента.

На гигантской территории от Восточной Европы до глубин Центральной Азии керамический комплекс почти однороден, локальные различия существуют, но они минимальны. Монолитность и малочисленность памятников не дают оснований ответить, произошла ли унификация культуры в результате миграции срубного населения на восток или андроновского на запад, или, наконец, параллельного развития близкородственного срубного и андронов-

кого населения. Последнее предположение представляется предпочтительным ввиду сохранения локальных особенностей в каждом регионе. Это, однако, не исключает широтных миграций населения.

Унификация касается не только керамики, но и других важнейших компонентов культуры: общих типов жилищ, в том числе легких протокурт; бронзовых изделий (долота, серпы, ножи-кинжалы с упором, копья с прорезями, втульчатые стрелы, бритвы, бляшки с петелькой), типов псалиев с тремя отверстиями, нанесения циркульного орнамента на костяные изделия, наконец, распространения вместо оседлого комплексного хозяйства эпохи расцвета срубных и андроновских комплексов нового полукошевого, яйлажного типа скотоводства. (Что касается погребального обряда, то данные о нем отрывочны. Общим является бедность небольших могил; ориентировка неустойчива, при наличии не характерной ранее южной.)

Эти культурно-определяющие общие признаки позволяют высказать предположение, что в степи произошла консолидация генетически родственных племен, говоривших на различных диалектах, восходящих ко времени индоиранской общности. Победителем в этом процессе стал иранский язык с множеством племенных диалектов. Есть основание предполагать, что главными участниками этого процесса были срубные и близкие им алакульские племена, особенно в контактной зоне Волги — Урала. Катализатором процесса были миграции XIII—XII вв. до н.э., охватившие степной пояс от Дуная до Алтая.

На востоке племена культуры Карасук еще в XIV в. до н.э. занимают Минусинскую котловину, вытесняя андроновское федоровское население енисейского варианта. Последнее, по-видимому, уходит на юго-запад, втягивая по дороге другие группы федоровцев Сибири. Их маршрут (корпоративная миграция), возможно, частично шел через Центральный Казахстан, частично через Киргизию, и достигал Южного Таджикистана. Там в эпоху финальной бронзы фиксируется приток федоровцев и сложение смешанных типов памятников. Часть федоровцев уходит через Амударью в Южную Бактрию (Шортугай). Другая часть андроновцев приходит на Памир и, вероятно, через перевалы попадает в верховья Инда.

В XIII—XII вв. до н.э. в Бактрии появляются племена, изготавливающие керамику с налепным валиком, найденную вплоть до Шортугая. В степях позже, следом за федоровцами, движутся племена культуры Дандыбай (карта 9).

В Казахстане ими оставлены мавзолеи в 30 могильниках: Дандыбай, Бегазы, Сангру I, Ш, Бугулы II, III, Айбас-Дарасы, Аксу-Аюлы III, Донгал, Карагаш, Шоинды-коль, а также Беласар, Балакулболды, отнесенные А.Х. Маргуланом к переходному этапу (Грязнов 1952; Маргулан 1979; 1998; Маргулан и др. 1966; Ткачев 1989, 2002; Варфоломеев 1991, 1992; Евдокимов, Варфоломеев 2000).

Часто дандыбаевские мавзолеи включены в более древний андроновский могильник. Они представляют обычно двойную квадратную или круглую каменную ограду из уложенных плашмя плит на глиняном растворе, заполненную камнями. Иногда ограда сооружена из вертикальных плит. В центре монументального сооружения возвышаются плиты каменного ящика с контрфорсами. Ящик иногда имеет трапециевидную форму. Захоронения совершены по обряду кремации или трупоположения с неустойчивой ориентировкой, в том числе вытянутые на спине или на правом боку. Они сопровождалась большим количеством сосудов и богатым инвентарем. Погребения разграблены. Найдены однолезвийный нож, кинжал с упором, черешковое копье, стрелы втульчатые двуплостные (одна — с шипом) и черешковая трехлопастная, иглы, булавка, браслеты золотой и бронзовые с коническими концами, зеркало с петелькой, бронзовая и костяные бляшки и трубочка с циркульным орнаментом. Циркулярный орнамент и особенно типы стрел, находящие аналогии в предскифских комплексах, позволяют датировать дандыбаевские памятники IX—VIII вв. до н.э. Большие размеры сооружений и богатство инвентаря отражают высокий социальный статус погребенных (Кореняко 1990; Исмагил 1998).

Дандыбаевские памятники концентрируются в Центральном Казахстане. Но отдельные погребения и сосуды найдены в Семиречье (Биен), Киргизии (Каинда, Джаильма, Воронцовское погребение), Хорезме (Тагискен), Северном Казахстане (Саргары) и в Северном Прикаспии (сборы В.Д. Белецкого, А.Н. Мелентьева (1972), И.Б. Васильева (Васильев и др. 1986; Иванов, Васильев 1995: 157)).

Два дандыбаевских кургана открыты у города Актау на восточном берегу Каспия (Баландина, Астафьев 1996). Под курганами выявлены каменные ящики внутри двойных круглых оград из горизонтально уложенных плит на глиняном растворе. Рядом с курганами исследованы менгиры и костры. Погребение в одном кургане головой на запад, в другом на юг. Керамика представлена одним сосудом, сделанным на гончарном круге, и открытыми банками и

горшками с округлым плечом без орнамента или с зигзагом и горизонтальной елкой и горшком с валиком с насечками; керамики типа Дандыбай нет (что не позволило исследователям правильно интерпретировать комплекс).

Западным пределом распространения дандыбаевского влияния являются находки дандыбаевской посуды в Ильевском могильнике и на стоянках в Волгоградской области (Мамонтов 1980: 158) и сборы под Астраханью.

Памятники Дандыбай, по мнению М.П. Грязнова (1952), относятся к культуре Карасук.

Судить об этнической принадлежности этого населения, вероятно, пришедшего из Центральной Азии, невозможно. Но не исключено, что оно отражает первую волну продвижения на запад одной из групп прототюркских народов. По мнению лингвистов, прототюрки входили в алтайскую языковую макросемью, отделившуюся от ностратической общности в VI тыс. до н.э. Их прародина предположительно локализовалась на Алтае (Рамстедт 1957; Порре 1965; Баскаков 1962; 1969). Допустить возможность прототюркской атрибуции племен культуры Дандыбай позволяет зафиксированная у них и у носителей культуры Карасук необычайно архаичная техника изготовления сосуда путем выколачивания из кома глины (Грязнов 1952: 147). Она сохранилась только у тюркских народов Сибири якутов и шорцев. У якутов и бурят есть элементы федоровского орнаментального комплекса, что указывает на их древние контакты (Иванов С. 1963: 154—158; 1964). Но эта гипотеза нуждается в проверке.

Особенности технологии, форм и орнамента посуды Дандыбай, как и элементов погребального обряда, не дают никакой возможности принять гипотезу А.Х. Маргулана (1998: 381, 382) о позднеандоновской принадлежности этого населения и его генетической связи с саками.

В могильниках Бегазы, Бутулы III, Сангру I, Донгал, Шоиндыколь, Енбек-Суйгуш, Балакулболды III, Айбас-Дарасы, Айдарлы в комплексе с керамикой культуры Дандыбай найдена посуда типа Алексеевка. Особенно выразительны сосуды с налепными валиками могильников Бегазы, Айдарлы, Бутулы III, Сангру, Айбас-Дарасы, Кент, Донгал (Маргулан и др. 1996; табл. 18; Маргулан 1979, рис. 78, 89, 110, 112, 118; Маргулан 1998, рис. 26; 1; 56: 2; 79: 2; 85: 3; Евдокимов, Варфоломеев 2002, рис. 19: 1).

На поселениях Центрального Казахстана алексеевская и донгальская керамика абсолютно господствуют. Дандыбаевская посуда составляет в Кенте всего 5,8% комплекса, Мыржик — 1,7%, в малом числе присутствует в Атасу I, Бугулы II, Шортанды-Булак, Упаис, Ак-Мустафа (Варфоломеев 1989: 59; Кадырбаев 1983; Кадырбаев и др. 1992; Евдокимов, Варфоломеев 2002: 57) и в Северном Казахстане: Новоникольское, Саргары, Павловка (Зданович С. 1983: 78; Зданович 1988, табл. 7; Малютина 1985: 513, 514). Алексеевское население было многочисленно на Алтае (Кирюшин, Шамшин 1987, 1988; Кирюшин, Иванов и др. 1990; Шамшин 1988; Шамшин и др. 2000; Троицкая, Софеевков 1990; Удодов 1991; Иванов Г. 1988, 1989, 1990, 1992, 1993, 1995, 1998; Демин, Ситников 1998; Тишкин 1998; Папин, Шамшин 1998; Папин и др. 2000; Ситников 2002). Чистый дандыбаевский комплекс открыт в могильнике Старый Сад (Молодин, Нескоров 1992). Дандыбаевская посуда встречена в алексеевских и донгальских комплексах Западной Сибири в Барабинской и Кулундинской степи в могильнике Крохалева XIII (Троицкая, Софеевков 1990: 68) и на поселениях Бурла III, Кайгородок, Новоильинке, Рублево VI, Курейка III (Удодов 1991; Шамшин 1999; Иванов 1993; Ситников 2000), а также на Иртыше на поселениях Прорва и Шауке II (Евдокимов, Стефанов 1980; Шамшин и др. 2000).

Эти находки очень важны, во-первых, потому, что они отражают путь дандыбаевских племен с востока на запад. Во-вторых, они свидетельствуют, что это пришлое население было малочисленно и подвижно, а основными обитателями степи оставались позднеандроновские племена алексеевского типа. Они поглотили пришельцев и явились основой формирования культуры ираноязычных саков.

К предсакскому времени в Казахстане относятся памятники типа Донгал.

На многих поселениях керамика с налепным валиком встречена вместе с посудой, сделанной на гончарном круте, типа поздней Намазга VI. Она найдена в Киргизии: Биен, Центральном Казахстане: Кент, Мыржик, Домалактас, Байшура (Евдокимов и др. 2002: 57) и на многих памятниках степного Алтая (Кирюшин, Иванов и др. 1990; Кирюшин, Шамшин 1987; Тишкин 1998; Демин, Ситников 1998: рис. 1). Эти находки свидетельствуют об установлении активных контактов степняков с земледельцами Средней Азии в эпоху финальной бронзы.

Миграции позднефедоровских племен, а затем дандыбаевских и алексеевских проходили с востока на запад и далее в Среднюю Азию. Другая волна племен двигалась с севера на юг.

В XIII—XI вв. до н.э. в связи с похолоданием климата по всему фронту лесостепи проходит смещение на юг лесных племен. На Оби на прежнюю андроновскую территорию наступают еловцы (Матющенко 1974). Ирменские племена доходят вплоть до Восточного Казахстана: их посуда найдена в Малокрасноярке (Матвеев А. 1985: 17). От Иртыша и Тобола до Урала, а также на Волге идет большая волна черкаскульско-межовского населения, этническая принадлежность которого определяется как финно-угорская (Обыденнов 1986: 59; 1988; 1997; 142; Обыденнов, Шорин 1995: 49, 163; Шорин 1988; Стефанов, Корочкова 2002: 94). Двигутся вниз вдоль Волги племена Приказанской культуры (Халиков 1969). На территории срубной культуры на Волге и Каме в результате взаимодействия пришлого черкаскульского населения, оставившего могильник Такталачук (Казаков, 1978: 1979), и местного срубного населения формируются комплексы типа Сускан (Мерперт 1961).

Интерпретация этих памятников как результата взаимодействия срубных и федоровских племен в XV в. до н.э. (Колев 2000, рис. 4—17) неверна. В действительности на поселениях сусканского типа Сускан, Лебяжинка II, V, Поплавское, Нижняя Орлянка, Екатериновка, представлена керамика пришедших из леса черкаскульских межовских племен. Дата памятников устанавливается эпохой финальной бронзы не ранее XIII в. до н.э. и позже по находкам валиковой керамики, кубков, кельтов с лобным ушком, кинжалов с упором и псалиев, в том числе сусканского типа. Тот же процесс миграции позднечеркаскульского населения на юг отмечается в Волго-Донском междуречье, где лесная, а не федоровская посуда найдена вместе с валиковой ивановского типа на поселениях Ерзовка, Сухая Мечетка; открыты также могильники предскифского времени (Мысков 1992).

Существенную смену этнокультурной ситуации на Украине реконструируют киевские исследователи. Белозерские племена спускаются из лесостепи на юг и сменяют сабаатиновское население, расселившись в Причерноморье вплоть до Дуная (Черняков 1935: 150; Отрощенко 1986а: рис. 34).

Под влиянием западных соседей в Северном Причерноморье рано появляется железо. Часть белозерских племен поселяется в Крыму (Лесков 1970). Отдельные памятники открыты в предгорьях Северного Кавказа (Белинский и др. 2000; Отрощенко 2001: 190).

Многочисленные и разнонаправленные миграции в последней четверти II тыс. до н.э. приводят к тому, что срубное население по-

кидает лесостепь. Часть его уходит в Туркмению через Северный Прикаспий (Отрощенко 2003: 89) или севернее через контактную срубно-андроновскую зону.

В разделе о Туркмении уже была дана характеристика комплексов со смешенными срубно-андроновскими чертами при явном преобладании именно срубного компонента. Культура оставшихся в степях пастухов трансформируется, что приводит к сложению нового культурного образования — культуры уже известных истории племен саков и скифов.

На Украине переходная эпоха представлена памятниками типа Черногоровка VIII—VII вв. до н.э. и, возможно, сменяющими их новочеркасского типа. Исследователи видят в них киммерийцев и скифов.

В Волго-Уралье памятники переходного типа выделены К.Ф. Смирновым (1964: 174—188, рис. 2—4), подчеркнувшим общие тенденции развития срубных и андроновских племен в конце эпохи бронзы и изменения племенных территорий при переходе к полукочевому хозяйству (Смирнов 1964: 180—181).

В Казахстане количество переходных памятников невелико. Примером могут служить могильники Красные Горы в Центральном и Измайловка в Восточном Казахстане (рис. 54, 55). В первом исследована каменная ограда, заполненная щебнем, с грунтовой ямой, в которой лежал скорченно, на правом боку, головой на юг скелет мужчины 25—35 лет со следами травм (Ткачев 2002: 139—145; рис. 193—195). Открыт также жертвенник, представляющий ограду, содержащую сосуд, фрагменты керамики и обожженные кости животных, а рядом яму с двумя черепами и копытами лошадей и парой железных удил. Сосуд с носиком и керамика принадлежат к типу Донгал, а удила характерны уже для сакской культуры. В Измайловке выявлено десять погребальных сооружений переходного времени (Ермолаева 1987: 65—94, рис. 27—47). Это круглые каменные ограды с небольшой насыпью и ящиком в центре и два отдельных ящика, содержащие останки погребений головой на запад. Две ограды имели квадратную форму, отличались конструкцией со срубом или камнями, восточной ориентировкой погребенных и богатством инвентаря. Эти конструкции характерны для культуры Дандыбай. В керамическом комплексе сочетаются сосуды типов Дандыбай и Донгал и кувшины с раздутыми боками и узким горлом. Две последних группы находят аналогии в раннесакских

комплексах, один горшок украшен валиком и вертикальной елкой. Интерес представляют находки двух пар стремечковидных удил и двудырчатых и трехдырчатых псалиев и разного типа бляшек конского убора и пулевидных стрел. Они получают развитие уже в сакской культуре. Дата комплекса IX—VIII вв. до н.э. Эти и подобные им памятники демонстрируют сложение сако-скифской культуры еще в недрах эпохи бронзы.

9. Происхождение западных иранцев

60-е гг. XX в. ознаменовались расцветом археологических работ в Иране, приведших к открытию замечательных памятников и выдающихся произведений искусства.

В Иранском Азербайджане в районе озера Урмия Ч. Берни было исследовано многослойное поселение Хафтаван-тепе (Burney 1970), О. Мускарелла (Muscarella 1968; Dyson 1967) — Динка-тепе. Р. Дайсон (Dyson 1965) по проекту Пенсильванского университета раскопал ключевой многослойный памятник Хасанлу. Британский институт иранских исследований в 1967—1976 гг. проводил раскопки в Мидии большого тепе Нушиджан под руководством Д. Стронаха (Stronach 1969). В Южном Прикаспии иранские археологи в 1961—1962 гг. провели раскопки могильников Марлик (Negahban 1964; 1996), Калураз и Хурвин (Hakemi 1968), продолженные Бельгийской миссией (Vanden-Berghe 1959; 1964). На последнем была собрана коллекция мадам И. Малеки.

Художественные бронзы из Амлаша и замечательная чаша с мифологическим сюжетом поступили в собрание Лувра (Amiet 1968). Раскопки были проведены иранскими археологами Х. Самади в Мазандаране и Гиляне могильников Клардашт, Гармабак и Тамаджан. Они дали возможность датировать амлашские бронзы XII—XI вв. до н.э.

С 1928 г. в музеи мира поступали из грабительских раскопок в Луристане многочисленные своеобразные изделия: идолы, фигурки всадников, лошадок, оружие и псалии, украшенные изображениями в зверином стиле.

Открытия в Луристане позволили их датировать на основании исследований стратифицированных поселений Тепе-Гуран, Годин-тепе, Сурх-Дум и особенно Баба-Джан-тепе и могильников Тепе-Гуран, Бард-и Бал, Вара Кабуд, Бани-Сурмах, Бад-Хора и других.

Впервые была создана научная классификация. Эти исследования осуществлялись под руководством К. Гофф из Лондонского университета и особенно Бельгийской миссией Л. Ванден-Берге (Vanden-Berghe 1959, 1969a,b,c,d; 1972), а также иранскими исследователями (Maleki 1964) и др.

Появление нового материала и находки прекрасных произведений торевтики побудили многих ученых обратиться к изучению не только археологии, но и искусства Ирана. Одна за другой выходят книги Л. Ванден-Берге (Vanden Berghe) «Archéologie de l'Iran ancien» (Leiden, 1959) и «A la decouverte des civilisation de l'Iran ancien» (Bruxelles, 1968), Р. Гиршмана (Ghirshman) «Perse: Proto-iraniens, Medes et Achéménides» (Paris, 1963), А. Годара (Godard) «L'art de l'Iran», Е. Порады (Porada) «Iran ancien» (Paris, 1963; London 1965), Ж.-Л. Уота (Huot) «Iran I: des origines aux Achéménides» (Genève, 1965), В. Куликана (Culican) «The Medes and Perses» (London — NY, 1965).

В течение нескольких лет по всей Европе путешествует выставка «7000 ans d'art en Iran» (Paris, 1961—1962 и др.). П.Р. Мури (Moorey) публикует «Catalogue of the Ancient Persian Bronzes in the Ashmolean Museum» (Oxf., 1971a) и статью об их хронологии (1971b).

Главное внимание в археологических исследованиях было уделено созданию хронологической классификации. В основу ее были положены стратиграфия поселений и могильников, использование радиоуглеродных дат, а также находки импортных вещей, в том числе печатей и оружия с именами известных истории правителей.

Для Луристана эта работа была проделана Л. Ванден-Берге (Vanden-Berghe 1968a,b,c,d; 1972). Много сделали также К. Гофф (Goff 1969), положившая в основу стратиграфию Бабаджан-тепе, Х. Трейн, разработавший стратиграфию Тепе Гурана и признавший создателей бронз касситами. П. Кальмейер (Calmeyer 1964), осуществивший стилистический анализ бронз в связи с иноземными влияниями. Создателей бронз Луристана он также признал касситами. Р. Гиршман (Ghirshman 1963: 42, 71—72) принял сверхкороткую хронологию бронз, отнеся их к VIII—VII вв. до н.э. и связал их с киммерийцами.

Л. Ванден-Берге (Vanden-Berghe 1968a,b,c; 1972) выделил разновременные бронзы с 2600 по 600 г. до н.э., в Железном веке он вычленил три периода: I — 1300/1250 — 1000; когда господствует бронза, II — 1000-800/750, когда сосуществуют бронза и железо, и III — 800/750-600 г. до н.э., когда оружие делают из железа, а ритуальные предметы из бронзы. Расцвет искусства относится к эпохе

этнических передвижений 1200—800 гг. до н.э. и отражает различные культурные влияния со стороны Элама и Ассирии, в результате чего формируется своеобразный луристанский стиль. Он высказал предположение, что создателями бронз были разноплеменные народы: эламиты, гуттии, касситы, урарты, маннеи, ассирийцы, мидийцы и даже скифы. При этом он признал, что в 1200 г. до н.э. в Иран вторглись иранцы, и полагал вслед за Р. Дюсо и Р. Гиршманом, что изображения луристанского искусства XII—VIII вв. до н.э. представляют дозораострийских древнеиранских божеств.

Хронология памятников северо-западного Ирана была разработана Р. Дайсоном (Dyson 1965, 1967, 1968, 1970, 1972) на основании стратиграфии поселения Хасанлу. Сопоставление комплексов, характеризующих три этапа Хасанлу с другими памятниками Западного Ирана, позволило выделить три периода: Железный век I—III. Начало этой эпохи — 1300 г. до н.э. — Р. Дайсон назвал «археологической революцией», связанной с появлением иранцев.

Большое значение имела разработанная Т. Кайлер-Янгом (Cuyler-Young 1965; 1967; 1969) классификация керамики Западного Ирана. В ее основу было положено сопоставление керамических комплексов из слоев поселений Хасанлу, Геой-тепе, Тепе-Гияна и могильников Хурвин, Сиалк и др.

В результате были выделены три «керамических горизонта», характеризующие приход единой новой культуры, получившей название «культуры серой (или черной или серо-черной) керамики». Распространение серо-черной керамики и характерных для нее новых типов сосудов, прежде всего — чайников, кубков с ручкой, Т. Кайлер-Янг, как и Дайсон, связал со сменой населения и приходом иранцев.

В развитии этой новой культуры было выделено три горизонта:

I: 1300—1000 гг. до н.э. — горизонт ранней западной серой керамики, характеризующийся большим культурным единством;

II 1000—800 гг. до н.э. — горизонт поздней серой керамики, когда отмечаются центробежные тенденции и локальная специфика;

III 750/700—500 гг. до н.э. — горизонт красной керамики. Последняя иногда имеет роспись или гравировку в виде треугольников. Она является основой сложения керамического комплекса империи Ахеменидов.

Утверждению гипотезы «археологической революции» Раннего Железного Века (РЖВ) в Иране способствовали также работы Л. Ванден Берге (Vanden Berghe 1959; 1964). Он первым подчерк-

нул резкую смену погребального обряда, произошедшую в Иране в начале Железного века. Повсеместно на смену захоронениям на площади земледельческих поселений под полами домов пришел обычай сооружать обособленные могильники. Захоронения совершены в ямах, обложенных камнями, или в каменных ящиках и сопровождаются керамикой. Выделяются большие могилы, в которых положены драгоценные сосуды и предметы, украшенные в зверином стиле. Это отражает социальную стратификацию общества пришельцев. На их кочевой быт указывают захоронения коней.

Комплексная разработка проблем истории Ирана, в которой приняли участие многие ученые из разных стран, явилась большим достижением археологии 60-х гг., продемонстрировав возможность выхода на решение археологическими средствами важных исторических проблем.

В основе гипотезы миграции иранцев лежит работа Ж. Дейе (Dehayes 1969). Он провел раскопки поселения Тюренг-Тепе, синхронизировал его с поселением Гиссар III, отнеся их к концу III тыс. до н.э. — первой четверти II тыс. до н.э. Создателей культуры Юго-восточного Прикаспия, которые изготовляли на гончарном круге серо-черную лощеную керамику, Ж. Дейе признал древнейшими индоевропейцами или иранцами. Эту культуру Д. Странах позже назвал культурой Горгана. Именно в ней сторонники гипотезы миграции иранцев в эпоху Железного века I видели прародину иранцев.

Этот тезис вызвал серьезные возражения русских ученых. А.М. Мандельштам (1965: 192—194) отрицал индоевропейскую или иранскую принадлежность памятников Горгана. Он также обратил внимание на «неразработанность вопроса о возможности конкретной этнической атрибуции различных археологических комплексов». В рецензии на публикацию Л. Ванден-Берге (Vanden-Berghe 1964) могильника Хурвин он отметил, что синхронизация могильников Сиалк А и В и Хурвина и двух волн иранской миграции остается недоказанной.

Основываясь на данных И.М. Дьяконова (1956), я отвергла киммерийскую или скифскую атрибуцию конских погребений Ирана (Кузьмина 1973с: 187), связав их с миграцией иранцев через Кавказ. Я высказала сомнение в возможной иранской атрибуции населения северо-западного Ирана, поскольку здесь еще в начале I тыс. до н.э. жили не ираноязычные народы: манны, хурриты, лулубеи, кадусии и др.

М.Н. Погребова (1977а: 8, 15—19), возражая Т. Кайлеру Янгу, обратила внимание на то, что между Гиссар III и памятниками РЖВ есть хронологический hiatus в полтысячелетия, даже если принять позднюю дату слоя III. Она подчеркнула также, что предполагавшееся Янгом единство культуры Железный век I, что, по Янгу, доказывает приход иранского этноса, весьма иллюзорно. В действительности, и в эпоху Железного века I есть существенные различия в культуре регионов. Более того, многие формы серой керамики генетически восходят к древним местным формам расписной посуды. Соответственно, тезис Янга, что культурная фрагментация характеризует второй период, не соответствует действительности.

И.Н. Медведская (1977, 1978, 1983; Medvedskaya 1982), проанализировав керамические комплексы Железного века I, показала, что некоторые типы, например чайники, зародились на Древнем Востоке еще в IV тыс. до н.э.; некоторые керамические типы развились в Анатолии, и, таким образом, они не могут рассматриваться как этнический индикатор культуры иранцев. Она развернула также дискуссию об абсолютной хронологии и синхронизации памятников Ирана.

Главным оппонентом гипотезы распространения серой керамики в результате появления иранского этноса выступил Э.А. Грантовский (1970: 46 сл.; 362; 1981; Бонгард-Левин, Грантовский 1983: 180, 185; 1998: 37, 61, 80). Он подчеркнул, что сделанная на гончарном круте серая керамика в принципе не может быть индикатором культуры арийских народов, в том числе иранцев, поскольку, судя по данным Ригведы и Авесты, в их обществе не было гончарного ремесла (Грантовский 1981).

На Древнем Востоке в разные эпохи существовали большие полиэтнические керамические провинции, охватывавшие несколько стран, например, Хабурская, которую не точно связывают с хурритами. Он отметил также, что керамический комплекс Железный век I не выводится непосредственного из Горгана и частично воспроизводит ранние типы северо-западного Ирана, причем серая керамика зародилась там раньше Железного Века I.

Есть неувязки в хронологии: в I этапе практически нет железа, а дата этапа по калиброванным данным C^{14} опускается в XIV в. до н.э. и на полтысячелетия древнее первого упоминания иранцев в Западном Иране в IX в. до н.э. в источниках Ассирии и затем Урарту. Главное же, эталонный памятник серой керамики, с которым связывается появление иранцев — Хасанлу, — это древний город

Ида — столица страны Ида, которые упомянуты в надписи Салманасара III в 855 году. На найденной в Хасанлу более древней каменной чаше (или крышке) нанесена идеографическая надпись: «дворец Баури, правителя страны Ида» (см.: Dyson 1972: 50, fig. 9). По данным ономастики этого региона, зафиксированным в источниках Ассирии, в частности в анналах Салмансара 843 года до н.э., население этой страны составляли не иранцы, а древние аборигены, вероятно, лулубеи (Грантовский 1998: 56—57; Дандамаев, Луконин 1980: 68, 69).

Э.А. Грантовский (1998: 57—59) приводит другой пример, где серая керамика безусловно принадлежит не иранскому населению. На северо-востоке Иранского Азербайджана немецкие археологи В. Клайс и С. Кролл обследовали поселение и погребение с каменным ящиком. Там иранским археологом М. Машкуром открыта урартская надпись, прочитанная Г.А. Меликишвили. В надписи говорится о захвате урартийцами столицы Лублиуни страны Пулуади царя Кадиауни. Имя царя и название города и страны безусловно не иранские. Об этом городе сообщают анналы царя Урарту Сардури II середины VIII в. до н.э.

Возражения русских ученых настолько убедительны, что не позволяют принять археологическую гипотезу об иранской принадлежности создателей серой керамики Раннего Железного Века I, ни, тем более, об иранской или индоевропейской атрибуции создателей культуры Горгана рубежа III — начала II тыс. до н.э.

Каковы же письменные данные о приходе иранцев на Иранское плато и путях их миграции?

В течение двух предшествующих веков эта проблема рассматривалась многократно. История вопроса дана в работах М.М. Дьяконова (1961), Э.А. Грантовского (1970). Для данной темы важнейшее значение имеют труды В. Гайгера (W. Geiger 1882), который основывал свои выводы на материалах Авесты, Г. Кэмерона (Cameron G. 1936. *History of early of Iran*. Chicago), Э. Герцфельда (Herzfeld 1938, 1941, 1947, 1958), А. Олмстеда (Olmstead D. *History of Persian Empire*. Chicago 1948), Р. Фрая (Frye 1962 1976 Cambridge, *Ancient History of Iran*) и др., где дан анализ письменных источников.

Большой вклад в изучение ранней истории иранских племен внесли русские ученые. М.М. Дьяконов (1954; 1961) первым обратился к реконструкции хозяйственно-культурного типа по данным Авесты.

Труды И.М. Дьяконова (1956, 1968), И. Алиева (1960) были посвящены истории древнего Ирана и прежде всего Мидии. В работах М.А. Дандамаева (1963 и другие) рассмотрена в основном история Ахеменидов. В книге М.А. Дандамаева и В.Г. Луконина (1980) первым освещены проблемы экономики страны, а вторым дан блестящий очерк формирования искусства древних ираноязычных народов: самих иранцев эпохи Раннего Железного Века и скифов. Книга И.М. Дьяконова (1956), несмотря на прошедшие полвека, остается классической. Он (1956, 1958, 1967, 1968) показал, что вплоть до I тыс. до н.э. северо-западный Иран населяли различные народы, принадлежащие к нескольким языковым семьям. На северо-западе обитали хурриты, родственные урартам. В Иранском Азербайджане и Курдистане жили кутии, язык которых не идентифицируется из известных языков Передней Азии. К югу была земля лулубеев, говоривших на языке, родственном эламскому. К нему близок также язык касситов — горцев-скотоводов и металлургов Луристана. Их генетическими потомками являются современные луры, воспринявшие иранский язык и многие черты культуры пришедших иранских кочевников-коневодов.

Есть данные о походе в Иран царя Ассирии Ададнерари I (начало XIV в. до н.э.), который истребил касситов, кутиев и лулубеев. В XIII в. до н.э. Салманасар I победил кутиев, а Тикульти-Нинурта I стал царем Митанни, кутиев и всех стран Наири-Урарту. Никаких данных в этих документах о существовании в это время иранского элемента в Иране нет. Та же ситуация отмечается в анналах Элама. Шильхак-Иншушинак (1165—1151 гг. до н.э.) совершил поход в Иран, в Загрос, но иранцы там также не упомянуты. Это приводит к выводу, что с III по I тыс. до н.э. нет свидетельств о смене этноса в Иране. Там обитают хурриты, кутии, лулубеи, касситы, эламиты и другие народы, но об иранцах письменные источники молчат (Дьяконов 1956: 98—142, карты с. 99, 139; Herzfeld 1938; 1968).

К сожалению, в XII—X вв. до н.э. походы Ассирии на восток прекращаются из-за внутреннего кризиса. Соответственно, данные об этническом составе населения Ирана в это время отсутствуют (Дьяконов 1956: 137—138; Дандамаев, Луконин 1980). Лишь в IX в. до н.э. появляются упоминания страны Парсуа царства Манна в Иранском Азербайджане и ядра будущей Мидии и союза «сильных мидян» (Дьяконов 1956: 139). С 834 по 788 г. до н.э. Ассирия совершает походы в Мидию.

Геродот (I, 101) перечисляет шесть мидийских племен, из которых три имеют иранскую этимологию: *arisantoi* — «племя ариев», *stroukhates*, *paretakenoi*. Последние зафиксированы на востоке: в Исфагане и Средней Азии. Арии — самоназвание разных индоиранских народов: индоариев, западных иранцев — мидян и персов; Дарий в надписи в Накш-и-Рустем пишет, что он «перс, сын перса, арий, от семени ариев». Арий было также самоназванием восточных иранцев: оно часто встречается в скифских именах и у осетин (Абаев 1949 I: 156).

Эти данные, бесспорно, свидетельствуют о распространении иранцев в Иране в начале I тыс. до н.э. Однако три из шести упомянутых Геродотом мидийских племен не имеют иранской этимологии. Следовательно, пришельцы подчинили себе и включили в свой состав часть аборигенного населения (элитарная корпоративная миграция).

В начале I тыс. до н.э. топонимика Западного Ирана сохраняет в основном неиранский характер, что указывает на численное превосходство местного населения и мирный характер взаимоотношений аборигенов и пришельцев (Дьяконов 1956: 150).

Процесс консолидации разноэтничного населения в единый этнос отражают двусоставные имена богов: Баг-Машту, Баг-Барту, Баг-Тешуб (Грантовский 1977: 302—305; 1998: 30—33).

По данным ономастики только с VIII—VII вв. до н.э. все мидийские имена имеют иранскую этимологию, а маги поклоняются иранским богам (Дьяконов 1956: 148, 151).

Анализ топонимики и ономастики и связи мидийского языка с языками Средней Азии привели И.М. Дьяконова (1956: 74, 139, 150, 151) к выводу о среднеазиатском происхождении этноса «ариев» и проникновении кочевых коневодческих племен иранцев с востока из степей.

Он полагал, что продвижение отдельных иранских племен в Иран с востока началось в конце II тыс. до н.э., задолго до их фиксации в IX в. до н.э. на западе страны.

Противоположную точку зрения — о кавказском пути миграции иранцев из южнорусских степей — высказал Э.А. Грантовский (1970, 1998). Изучив топонимику Ирана, он предложил иранскую интерпретацию некоторых географических названий в северо-западном Иране и на этом основании предположил приход иранцев в основном через Закавказье. Он отметил, что в переднеазиатских

письменных источниках иранские имена появляются только в IX в. до н.э., но допустил возможность прихода иранцев через Кавказ раньше — IX в. до н.э.

Часть выдвинутых Э.А. Грантовским (1970) иранских этимологий в Западном Иране была оспорена И.Г. Алиевым, И.М. Дьяконовым и Г.А. Меликишвили. Это приводит к выводу, что Грантовский «недооценивает роль автохтонного населения, продолжавшего занимать значительные территории Иранского плоскогорья» и «продвижение мидийцев и персов в Иран через Кавказ, а не из Средней Азии... пока нельзя считать доказанным» (Дандамаев, Луконин 1980: 40—41).

Таким образом, анализ письменных источников фиксирует появление иранцев в IX в. до н.э., но не позволяет дать непротиворечивый ответ на вопрос об их приходе с Кавказа или из Средней Азии. Отсутствие же письменных данных для XII—X вв. до н.э. не дает возможности надежно установить нижнюю дату миграции.

Ответ на два эти кардинальные вопроса должна дать археология. Но если гипотеза связи иранской миграции с распространением серой керамики несостоятельна, какие археологические материалы могут рассматриваться как этнические индикаторы миграции?

М.Н. Погребова (1977) признала, что одним из важных показателей является распространение в Иране захоронений коня и его изображений, отражающих идеологию вновь пришедшего населения.

Конские захоронения открыты в могильнике Хасанлу IV. В большой могиле глубиной 4 м скорченно, на левом боку, головой на северо-восток лежит знатный воин, при котором положены символы его статуса — пектораль и листовидные стрелы. Рядом головами на восток уложены четыре коня — два на левом, два на правом боку. Места для колесницы в могиле нет. Найдены удила с псалиями (Dyson 1965: 26, 280).

Р. Дайсон подчеркивает отличие этого захоронения от соседних рядовых могил и датирует его VIII, и может быть, IX в. до н.э. (Dyson 1965: 208—209). Гиришман (Ghirshman 1994: 26, 280) сопоставил это погребение со скифскими. Но скифские походы относятся к более позднему времени.

На соседнем некрополе Динка-тепе обнаружен скелет лошади с отрубленными ногами. Соседние могилы отнесены к X—IX вв. до н.э. (Muscarella 1968: 187). В Прикаспии в Гиляне в могильнике Марлик открыты также три «конские» могилы. Это ямы 2Ч1 м²,

обложенные камнем на глиняном растворе. В них было, видимо, захоронено по одному конскому черепу, от каждого сохранились только зубы. Рядом положены бронзовые удила и бляхи сбруи. Исследовано богатое погребение, в котором выделен участок, где найдены зубы коня и бронзовые предметы конской сбруи (Negahban 1964: 15—16). М.Н. Погребова (1977: 137) датирует могильник концом II тыс. до н.э.

В могильнике Калураз открыто несколько человеческих погребений, в стороне от которых, но в той же могиле находятся захоронения коней и сбруи, причем встречены железные удила (Hakemi 1968, 63—65). Могилы датируются рубежом II — I тыс. до н.э. (Погребова 1977: 137).

В 1991 г. в Калуразе продолжены исследования 1963—1968 гг. А. Шахид-заде в простой земляной могильной яме открыты захоронения человека и коня. Аналогичные захоронения коней были выявлены Али Хакеми в Марлике и Рустамабаде (Hakemi 1968). Комплекс находок близок Марлику и Сиалку. Железные вещи единичны, а бронзовые изделия многочисленны и близки Марлику. Это определяет дату памятника 1200—1000 гг. до н.э. (Curtis, St John Simpson 1998: 191).

В Центральном Иране открыта могила, содержащая захоронения мужчин и женщин, а рядом относящееся к нему захоронение коня. Комплекс относится к концу II тыс. до н.э. (Young 1969: 288, 320). Южнее, на ключевом памятнике Луристана Бабаджан-тепе, у входа в замок выявлена грунтовая яма, перекрытая камнями, содержащая погребение коня и железные удила. Дата погребения в цитадели — VIII—VII вв. до н.э. (Goff 1970).

Кроме того, двукольчатые удила и псалии и бляшки от конского убора найдены в могильнике Тепе-Гиан I (Contenau, Ghirsman 1935: pl. VIII). В могильнике Сиалк VIB вне могил обнаружены двукольчатые удила и трехдырчатые псалии и бляхи с петелькой, там же найдена цилиндрическая печать с изображением всадников и сосуд с лошадкой (рис. 53: 1, 4—11) (Ghirsman 1939: pl. LVI).

Каково происхождение конских погребений в Западном Иране?

Р. Гиршман (Ghirsman 1963: 42, 71, 72) отнес все луристанские бронзы к VIII—VII вв. до н.э. и считал их создателей киммерийцами. Конскую могилу из Хасанлу он сопоставил со скифскими, и эта атрибуция получила широкое признание. Но Э.А. Грантовский (1970: 370, 372), М.Н. Погребова (1971a) и я (Кузьмина 1973в) от-

вергли это предположение, поскольку конские погребения в Иране относятся ко времени не только доскифских походов в Переднюю Азию, но и до сложения скифского этноса в степях.

М.Н. Погребова (1977: 114—134) выделила в Закавказье, в Азербайджане, группу могильников, в которых зафиксированы конские погребения, аналогичные иранским. Это погребения в могильниках Кировабад, Ханлар, Балуккая, Ходжалы и Мингечаур. Здесь выявлены курганы и бескурганные погребения в больших могильниках, часто со срубом, в ямах, перекрытых бревнами или камнями, а также в каменных ящиках, иногда окруженных каменным кольцом. Перекрытия иногда подожжены. Умершие лежат скорченно. Известны единичные вытянутые погребения и трупосожжения. В большинстве могил открыты сопровождающие умершего захоронения лошадей или их кости.

В степных курганах у Кировабада обнаружено по одному скелету коней, а в кургане 7 — два в могиле и три на перекрытии. В Ханларе в курганах выявлены очень большие ямы со срубам. В них выделяется богатое основное погребение и сопровождающие могилы и захоронения одной-двух лошадей. В огромных грунтовых ямах в мингечаурских курганах при одном погребенном было положено от трех до восьми лошадей. В кургане 4 восемь коней было помещено в камере, а еще шесть — на деревянном перекрытии. Размеры погребальных сооружений, обряд погребения лошадей и богатство инвентаря резко выделяют описанные курганы из многочисленных погребальных памятников региона. Они не имеют аналогий в других памятниках Закавказья и, несомненно, принадлежали привилегированной группе населения (Погребова 1977: 121).

В этих курганах найдено бронзовое оружие (копья, стрелы, мечи, кинжалы, топоры-секиры), части конской сбруи, украшения, керамика. Железо отсутствует. Анализ инвентаря определяет дату комплексов (XIII) XII—X вв. до н.э. Возраст курганов Мингечаура более поздний — IX—VII вв. до н.э. (Погребова 1977: 126).

Характерные для рассматриваемого типа памятников Азербайджана обряд погребения в срубах и конские захоронения не имеют в Закавказье ни аналогов, ни прототипов. М.Н. Погребова (1977: 132—133) видит их истоки и параллели на севере в памятниках позднесрубной культуры Поволжья и предполагает возможность «проникновения одной из групп населения в конце II тыс. до н.э. из Нижнего Поволжья в Восточное Закавказье, где она... смешалась с

местным населением и в основном восприняла его материальную культуру». Она подчеркивает взаимосвязи позднесрубных племен с Дагестаном и далее Закавказьем. Подтверждением этого служат находки в Закавказье костяных блях и колец от узды, а также роговых псалиев и блях в Мингечауре.

Нижнее Поволжье эпохи поздней бронзы Погребова, как и другие исследователи России и Украины, считает местом обитания иранских племен и центром сложения всадничества и культа коня. Проведенный анализ приводит ее к выводу, который можно считать хорошо аргументированным: открытые в Западном Иране погребения со срубками и каменными ящиками и захоронениями коней и сбруи степного и кавказского типа «можно ассоциировать с медленным поэтапным продвижением компактной группы ираноязычного населения из степей Поволжья через северо-восточное Закавказье в северо-западный Иран» (с. 170 карта 5). Инфильтрация была постепенной и осуществлялась в конце II — начале I тыс. до н.э. Причем встречного движения населения с юга на север не прослеживается.

Подтверждением этой гипотезы служат находки в Северном Иране закавказских типов керамики, элементов сбруи и оружия (стрелы, мечи), выявленных, в частности, в могилах Хасанлу, Марлике, Хурвине, Сиалк VI (Погребова 1977: 135; гл. 5).

Вывод о приходе иранцев из степей через Закавказье в конце II тыс. до н.э. хорошо согласуется с ранним заключением Р. Гиршмана (Ghirshman 1939), который считал, что период Сиалк V отражает эпоху начала миграции с севера, а период Сиалк VI — это время сложившейся принципиально новой культуры иранцев в Иране. С этим заключением есть все основания согласиться.

* * *

Говоря об истории культур Ирана, необходимо отметить, что к группе памятников Горгана (древняя Гиркания), Гиссар, Тюренг, Шах-Тепе принадлежат поселения и могильники на крайнем юго-западе Туркменистана в области к северу от реки Атрек, носившей название Дахистан. Здесь в 30-е гг. XX в. учеными Туркменистана был открыт ряд поселений, включая Мадау. А.А. Марущенко датировал их концом II — началом I тыс. до н.э. и выделил как культуру Мадау. В 1951—1953 г. В.М. Массон (1956) провел раскопки Мадау и Изат-кули, объединив их в культуру архаического Дахистана. Он

датировал ее концом II — первой третью I тыс. до н.э. на основании находок бронзовых стрел — трехлопастных и двухлопастных с черешком и втульчатых двулопастных (Массон 1956: 420, 437, 438; рис. 15, 36).

В керамическом комплексе преобладает гончарная посуда серо-черного цвета, иногда покрытая белым ангобом, и реже красная. В небольшом количестве представлена грубая лепная посуда с примесью толченой керамики в тесте. Обращает внимание один большой горшок с налепным валиком, украшенным косыми насечками (Массон 1956: 411; рис. 25: 5). Он находит аналогии среди валиковой керамики подгорной полосы. Остальную посуду В.М. Массон (1956: 427) сопоставил с керамическим комплексом подгорной полосы Туркмении и пришел к выводу, что эти культуры «характеризуют две совершенно различные культурно-исторические области». Культура Дахистана имеет ближайшие аналогии и истоки в Шах-Тепе, Тюренг-тепе и отчасти Гиссаре, а также в синхронных Гиян II—I и Сиалк V—VI. В долине правого притока Атрека реки Сумбар И.Н. Хлопин (1983) исследовал могильники Сумбар I, II и Пархай. Открыты скорченные захоронения в катакомбах и богатый инвентарь. Керамический комплекс могильников частично аналогичен керамике поселений Дахистана. Многие формы имеют прототипы в более древних памятниках Горгана Шах-тепе и Гиссар III и близкие аналогии в Сиалке V, Хурвине, там же встречаются соответствия металлические изделия и украшения (Хлопин 1983: 40, рис. 10, 13). Это дает основание включить могильники Сумбара в зону серо-черной керамики Северного Ирана эпохи Раннего Железного Века.

И.Н. Хлопин (1983. табл. 2,3) принимает для культуры короткую хронологию (1350—1000 гг. до н.э.). Открыватель многих выдающихся памятников Туркменистана И.Н. Хлопин (1969; 1970а; в; е; 1989; 1983, 1994; 1999) на протяжении многих лет страстно отстаивал гипотезу иранской принадлежности древнего земледельческого населения юга Средней Азии начиная с VII тыс. до н.э.

Он соотносил культуру серо-черной керамики юго-восточного Прикаспия с иранским племенем туров, а культуру Подгорной полосы Копетдага и Теджена с ариями (Хлопин 1999: 75—77). Эта гипотеза уже многократно подвергалась критике, и все, что сказано о неприемлемости сходной позиции Ж. Дейе (Deshayes 1969) о расселении иранцев из Горгана в III тыс. до н.э. справедливо и по отношению к точке зрения И.Н. Хлопина.

Обращение к материалам Средней Азии возвращает к вопросу о восточном пути миграции иранцев на Иранское плато. И.М. Дьяконов (1956: 139, 150, 151) считал именно движение с северо-востока наиболее вероятным и предполагал, что оно началось еще в конце II тыс. до н.э. до того, как первые упоминания об иранцах на западе появились в ассирийских источниках в IX в. до н.э. Эту точку зрения высказывали также Дж. Кэмерон (Cameron 1936), Х. Нюберг (Nyberg 1938) и др.

Как было показано, связи Закавказья с Ираном и кавказский путь западных иранцев был продемонстрирован М.Н. Погребовой (1971а,б; 1977а,б; 1985, 2003). В античных источниках упомянут топоним Сака-сена — *Saka-sayana* — «обитаемая земля саков». Она локализуется к югу от реки Куры, и это название у Страбона (Strabo XI, 8, 4), вероятно, отражает принятое в Иране обозначение всех ираноязычных кочевников общим термином «сака» (Дьяконов 1958: 250, 251; Алиев, Погребова 1981; Погребова 1977; 2003б: 129—137). В данном случае речь, видимо, идет о племени, пришедшем из-за Волги в Закавказье и далее в Иран по пути, проложенному еще в конце II тыс. до н.э.

Что касается восточного маршрута, то в пользу этой гипотезы тоже могут быть приведены некоторые данные.

На миграцию части иранских племен через Среднюю Азию указывает прежде всего свидетельство Геродота (III, 90, 101) о том, что в состав сатрапии Мидия входили племена мидяне, парикании и ортокорибантии. Еще В.В. Григорьевым (1871), а затем М. Кисслингом и Ю. Юнге (Junge 1939) было установлено, что это название является точным переводом иранского этнонима одного из сакских племен — саков Тиграхауда — «носящие высокие шапки» или «острошапочные». В подобном головном уборе на ахеменидском рельефе, изображающем победу Дария в Бехистуне, представлен вождь саков Тиграхауда Скунха.

Этих саков локализуют от Закаспия до Ферганы (Литвинский 1972: 161—163; Доватур и др. 1982: 193). По находке островерхого головного убора в кургане Иссык их помещают в Семиречье (Акишев 1978). В курганах Ак-Алаха в глубинах Сибири тоже есть высокие колпаки (Полосьмак 1994; 2001: 157—161).

В любом случае локализация острошапочных саков на севере Средней Азии или в Казахстане позволяет предполагать, что во время миграции иранских племен в Иран на рубеже II—I тыс. до

н.э. часть этого племенного объединения продвинулась далеко на запад и вошла в состав Мидийского союза.

Об участии среднеазиатских племен в заселении Ирана свидетельствует распространение там в конце II тыс. до н.э. двуторбых верблюдов — бактрианов и их культа, подтверждаемые многочисленными изображениями в искусстве (7000 ans, pl. XXXI: 3).

Родиной бактрианов был юг Средней Азии, где животное было domesticiровано в III тыс. до н.э. и стало употребляться для запряжки в повозки (Kuzmina 1963a; 1980b; Kuzmina 1983). Верблюд был известен также андроновским племенам (Кузьмина 1963) со времени Синташты.

Культ бактриана получил распространение в БМАК, на что указывают многочисленные изображения на печатях Бактрии и Маргианы и захоронения в могильнике Гонур (Сарианиди 1999; 2004).

О почитании этого животного андроновцами свидетельствуют ритуальные захоронения в Аксу-Аюлы, Тельжан-Кузеу, Милыкудук, в мавзолеях Бегазы, фигурка из Ушкатты и голова с Иртыша, а также многочисленные изображения на петроглифах Казахстана и Средней Азии (Оськин 1975, рис. 55: 8, 9; Кузьмина 1994: рис. 34: 10—11; 55: 8, 9). К западу от Урала в срубной культуре верблюд был практически неизвестен.

В Закавказье лишь в эпоху поздней бронзы произошло знакомство с другим видом верблюдов *camelus dromedarius* — одногорбым. Дромедары были domesticiрованы в Аравии, которая называется по-арабски «мать верблюдов» (Bulliet 1975). Семитское название дромедара было вместе с животным заимствовано в языки Кавказа грузинский, сванский, менгрельский (Боголюбский 1929), а также через посредство греческого и латыни — во все индоевропейские, кроме индоиранских, где термин *ustra* прилагается к двуторбому бактриану. Из индоиранских название верблюда заимствовано в финно-угорские, а позже, вероятно, в китайский (Schrader 1901: 405; Salonen 1955 56: 85—87; Redard 1964: 155—162; Mayrhofer 1956: 113—144; Барроу 1976: 143).

Появление бактрианов в Ассирии впервые зафиксировано в надписи в Куюнджике царя Тиглат-Палласара I (1116—1090 гг. до н.э.) и в документе Ассурбелкала (1074—1057 гг. до н.э.) о покупке бактрианов у купцов, торгующих с Востоком.

В анналах Ассурназирпала I, Салманасара III, Шами-Адата V и Саргона II упомянуты верблюды как дань с востока.

Изображения их представлены в Ассирии в начале I тыс. до н.э. на Черном обелиске в Нимруде, на рельефах Балаватских ворот и в Куянджике. В Ассирии животных использовали в армии для устрашения врагов (Schafer, Andrae 1925; Salonen 1955—1956: 85—87).

Первоначально бактриан назывался словом, означающим дромедара, *gammalu*, — но с указанием, что он с двумя горбами. В XI в. до н.э. появился термин — *udru* — от индоиранского слова *ustra* или дардского *uhtra* (Diakonoff 1995b: 474).

Таким образом, верблюд не мог быть заимствован ни от срубников, ни от народов Кавказа, а только от ираноязычных племен Средней Азии в конце II тыс. до н.э.

Не менее весомым аргументом использования восточного пути являются данные о распространении коневодства. Как говорилось, лошадь была domesticiрована в восточно-европейской степи и оттуда попала в Маргиану и Бактрию в конце III — начале II тыс. до н.э. На Кавказе конь известен уже в III тыс. до н.э., но его культ и жертвоприношения появляются только во второй половине II тыс. до н.э. в комплексах, отражающих влияние срубной культуры (Погребова 1977; Кузьмина 1977).

Важно подчеркнуть, что ареал этого вида животных сохранился в Ахеменидскую эпоху: в Персеполе бактрианы представлены как дань бактрийцев, парфян, арахов и ареев (Schmidt 1953 I: pl. 19, 30, 33, 39, 41; 1970 III: p. 148—149; Dutz 1971: 204; delegations 4. 7. 13, 15); и восточно-, и западноиранские народы ведут также коней.

Коневодство и ритуальные захоронения коня и образы в искусстве могли появиться в Иране в Раннем Железном Веке и через Кавказ, и через Среднюю Азию. Центром коневодства была Мидия. Но следует отметить, что в Иране вместе с конем стал известен также конский корм — люцерна. В VIII в. до н.э. люцерну получали оттуда в Вавилоне, где она носит название «лошадиная трава», заимствованное из иранского языка. В Греции люцерна называлась «мидийской травой». Но родиной этого растения была Средняя Азия, откуда оно и могло появиться в Западном Иране (Дьяконов 1956: 152). (Из Ферганы во II в. до н.э. семена люцерны были вывезены вместе с высокопородными лошадьми в Китай (Бичурин 1950 II: 150).)

Труднее говорить о происхождении в Иране конского снаряжения.

Экскурс о конском снаряжении в главе о происхождении скифов позволяет установить происхождение в Иране комплектов же-

лезных однокольчатых удил I типа и псалиев III типа в могильнике Сялк VI B, и сходного комплекса в могиле Тепе-Гиян I (Ghirshman 1939, II pl. LXVI; Contenau, Ghirshman 1935, pl. VIII) (рис. 53).

Хронология Сялка вызвала разногласия. Р. Гиршман первоначально связал его появление с приходом киммерийцев в Переднюю Азию. Позже было установлено, что оба памятника относятся к эпохе Раннего Железного Века. А.И. Тереножкин датировал удила этого типа второй половиной VII в. до н.э. И.Н. Медведская (1983) доказала неприемлемость этой даты, отнеся сялковский экземпляр к середине VIII в. до н.э. Это вызвало возражения западных коллег, настаивающих на дате IX в. до н.э. (Curtis 1995). В.Р. Эрлих (1991: 40—41) по кавказским аналогиям отнес комплекс Сялка к концу VIII — первой половине VII в. до н.э., хотя и отметил, что в Европе железные однокольчатые удила встречаются в ранних гальштатских комплексах.

Аналогии конскому убору Сялка в Чусте и Дальверзине дают основание допускать среднеазиатский путь миграции этой группы коневодческого населения в Иран.

Возражая В.Р. Эрлиху, следует подчеркнуть им самим сделанное замечание (Эрлих 1991: 38—41), что на Северном Кавказе псалии IIIa типа, представленные в Сялке (тип IIIб, по Эрлиху), относятся к малочисленной III группе, которая слабо связана с местными типами, что «обусловлено причинами не хронологическими, а инокультурностью», и что во время военных кампаний конца VIII — начала VII в. до н.э. на Северный Кавказ проникает из Средней Азии всаднический комплекс, родившийся в азиатской части степного пояса.

В этой связи интересны соображения М.Н. Погребовой (2001: 323). Детально анализируя конские погребения Ирана, исследовательница продемонстрировала, что варианты трехдырчатых псалиев (III наш тип) часто сочетаются со стремечковидными удилами. Встречаются экземпляры псалиев с круглыми шляпками. При этом «бронзовые трехдырчатые псалии в Закавказье, несомненно, выглядят как инородные».

Приведенные данные позволяют утверждать, что Сялк относится к доскифской эпохе и предшествует Аржану и культурно-исторически принадлежит эпохе Яз I в Средней Азии, отражающей расселение позднеандроновских и позднесрубных племен.

Дата псалиев сялковского варианта колеблется, как говорилось, от IX до VII в. до н.э. М.Н. Погребова (2001: 324—326) подчеркива-

ет, что в настоящее время происходит удревнение скифских памятников, что вызывает и понижение даты предскифского периода, и датирует псалии «сиалковского варианта» концом VIII — началом VII в. до н.э. или только VIII в. до н.э. Р. Мури (Moorey 1971b: 126) предполагал происхождение псалиев сиалковского типа из степей Евразии. Нами (Кузьмина 1966: 60) и М.Н. Погребовой (2001: 325) высказано предположение, что они послужили основой для псалиев с зооморфными головками. Экземпляры этого типа найдены в Хасанлу, Амлаше и датированы концом VIII — началом VII в. до н.э. (Эрлих 1994: 65).

В цитадели Хасанлу в слое IVB найдено 42 пары бронзовых удил и 125 псалиев (de Shauensee, Dyson 1983). Большая часть псалиев трехдырчатые, а часть удил — одно-кольчатые с витыми стержнями. На основании данных C^{14} дата комплексов определена IX в. до н.э. М.Н. Погребова (2001: 326) вслед за И.Н. Медведской считает псалии Сиалка и Хасанлу наиболее ранними и предполагает, что этот тип на Кавказе появился не позднее VIII в. до н.э. Что касается среднеазиатского происхождения этого комплекса в Иране, то Погребова (с. 328, 329) отвергает его из-за отсутствия здесь стремечковидных удил. По ее мнению, «создателями псалиев сиалковского варианта должны были быть не абorigены, а носители «евразийской традиции», которыми были пришедшие с северо-запада киммерийцы». Этому красивому построению препятствует, во-первых, датировка Хасанлу IX в. до н.э. на основании радиоуглеродных данных, во-вторых, убедительные аргументы Дж. Куртиса (Curtis 1995), настаивающего на ранней дате на основании анализа шлемов и отсутствия в Хасанлу следов влияния Урарту, которое распространилось в VIII в. до н.э. Третьим аргументом являются данные степей Казахстана и Средней Азии, где комплекс Сиалка сложился на памятниках валиковой керамики и культуры расписной керамики Яз I — Чуст, датируемых VIII в. до н.э. и раньше.

Суммируя данные о коневодстве в Иране, можно констатировать, что оно могло быть распространено там разными волнами степного населения, шедшими через Кавказ и через Среднюю Азию. Конский убор попал в Иран из Средней Азии и получил там дальнейшее развитие.

Еще одна категория иранских находок подтверждает среднеазиатский путь миграции части степных народов на Иранское плато. Это два сосуда, обнаруженных в Тепе-Гиян в верхнем I слое (рис.

48: 57, 58) (Contenau, Grirshman 1935: 8, 13; Кузьмина 1994, рис. 51: 57, 58). Они, по-видимому, сделаны на гончарном круге, имеют коническую придонную часть, отделенную ребром от раздутого тулова. Как было показано, эта керамика специфична для Южной Туркмении и составляет диагностический признак посуды Намазга VI. Но отличительной особенностью пары гиянских сосудов является наlepной валик с опущенными «усами», у одного экземпляра даже с косыми насечками. Это характернейшая черта валиковой посуды степей Евразии алексеевского типа. Сочетание валиков с намазгинской формой сосуда отражает воспоминание пришельцев именно о среднеазиатском маршруте. Дата этих горшков и по степным, и по туркменским аналогиям определяется XII—X вв. до н.э., но безусловно раньше Тагискена, где валик помещен не на плече, а под венчиком, что типично для донгальских сосудов.

Итак, археологические материалы Ирана, проанализированные М.Н. Погребовой и нами, хорошо согласуются с историческими данными о приходе ираноязычных народов в Иран. При этом снимается противоречия между гипотезой Э.А. Грантовского о кавказском маршруте и мнением И.М. Дьяконова о миграции через Среднюю Азию: очевидно, что использовались оба пути. При этом начало движения в Иран можно отнести к последней четверти II тыс. до н.э.

10. Происхождение восточно-иранских кочевников саков и скифов

В VIII—VII вв. до н.э. вся степь Евразии была заселена кочевыми племенами, знакомыми грекам со времен Гомера (Homer, *Iliad* XIII, 4—8). Греческим авторам они были известны под именем скифов. В ахеменидских надписях Дария и Ксеркса они названы сака (Kent 1953), а в китайских хрониках — сэ — тоже сака (Бичурин 1950: II 190). Персы знают три объединения: *Saka tyaiu paradraya* — саки, живущие за морем, тождественные скифам, *Saka haumavarga* — саки, почитающие хаому, и *Saka tigrhauda* — саки, носящие остроконечные колпаки. Известен также народ *Daha*.

Греческие авторы упоминают большое число скифских племен и их соседей. Они подчеркивают единство хозяйственно-культурного типа номадов. Страбон (Strabo I, II, 27) сообщает: «Известные

народы северных стран назывались одним именем скифы или номады». Поэт Хэрил («Персика», фрагмент 3) пишет: «саки, пастухи овечьи, скифского рода, живущие в Азии». Геродот (Herodotus VII, 64) сообщает: «Персы всех скифов зовут саками». О том же свидетельствует Плиний Старший (Plinius Maior VI, 19, 17): «по ту сторону Яксарта (Сырдарья. — Е.К.) живут скифские племена. Персы вообще называют их саками... Количество скифских народов бесконечно... Знаменитейшие из них саки, массагеты, даи, исседоны..., аримаспы». То же повторяет Диодор (II, 43, 1—5): скифы «сначала занимали незначительную область, но впоследствии... завоевали обширную территорию и снискали своему племени большую славу и господство. Сначала они жили у реки Аракс (Сырдарья или Волга. — Е.К.)..., но еще в древности они приобрели себе страну в горах до Кавказа... и прочие области до реки Танаиса... Скифы разделились на множество ветвей, и «одни были названы саками, другие массагетами, некоторые аримаспами и подобные многие другие». Псевдо-Гиппократ (О воздухе, водах и местностях, 24) относит к скифским народам также савроматов. Геродот (IV, 117) отмечает, что «савроматы говорят на скифском языке, но издревле искаженном».

Таким образом, речь идет о конгломерате близкородственных народов, говорящих на диалектах одного языка и находящихся под господством племени скифов. Греческие авторы подчеркивают единство хозяйственно-культурного типа, костюма и вооружения степняков. То же демонстрируют изображения саков на рельефах Ахеменидов (Vanden Berghe 1959; Ghirshman 1963; Porada 1963; Dutz 1971) и художественных изделиях греческих торевтов (Кузьмина 2002).

Греческий писатель Дионисий Перизигит называет саков «из всех стрелков в мире самыми искусными, не пускающими стрелы на удачу». А Климент Александрийский (Ковры VIII, 62) говорит, что у саков и мужчины, и женщины «стреляют с коней на скаку, оборачиваясь назад».

Древнейшее изображение лучника-кентавра представлено на пограничном столбе из Вавилона, хранящемся в Британском музее. Оно датируется, видимо, еще XIII в. до н.э. Кентавр, на голове которого колпак, стреляет из лука (Sulimirsky 1970: 395, fig. 90). На барельефе из северо-западного дворца Ашурназирпала II (885—859 гг. до н.э.) в Нимруде изображены два всадника, в остроконечных шапках, штанах и мягких сапогах, стреляющие на скаку.

Достоверные сведения о бурных событиях в Передней Азии сообщают анналы Ассирии (Алиев 1960; Дьяконов 1956). Пришедшие из степей киммерийцы в VIII—VII вв. до н.э. нанесли поражение царю Урарту Русе I и разгромили царя Ассирии Саргона II, разбили царя Лидии Гига и взяли столицу Сарды, разрушили Фригию, дошли до Ионии, захватив Эфес.

Древнейшее упоминание саков содержится в анналах Ассирии 641—640 гг. до н.э., где говорится, что царь Умман-манда Тутдамме был царем саков и Гутиума. Тутдамме известен Страбону как Лигдамис-киммериец. Речь идет о его владычестве над Мидией, а сака — это скифы (Дьяконов 1956: 234—235; 285—286; Литвинский 1972: 157).

Киммерийцы позже были разбиты скифами. Последние установили господство над Мидией и утвердили свою гегемонию в Азии.

Они совершили походы в Сирию и Палестину, а фараон Египта Псамметих откупился от них дарами. Библейский пророк Иеремия (5: 15—18) с ужасом восклицал: «Вот идет народ издалека... Колчан его как открытый гроб... Истребит он жатву твою и хлеб твой, истребит сыновей твоих и дочерей твоих..., разрушит мечом укрепленные города твои». Геродот (I, 106) говорит: «Скифы владывались над Азией в течение 28 лет и все опустошили своим буйством и излишествами. Они вжимали с каждого дань... совершали набеги и грабили».

Царь Мидии Киаксар хитростью победил скифов, и они вернулись в свою страну.

В 514 г. до н.э. скифы разгромили в степях персидского царя державы Ахеменидов великого Дария.

Не менее драматична была история саков в Средней Азии. Диодор (Diodor Bibliot II, 34: 1—4) передал легенду, рассказанную греческим врачом Ктесием, находившимся на службе у персов, о войне царицы саков Зарины с Мидией за обладание Парфией. Геродот (I, 205—214) повествует о победе царицы массагетов Томирис над персидским царем Киром (550—530 в.с.), который завоевал все страны вплоть до Средиземного моря, создав могучую державу Ахеменидов.

Сакские отряды покрыли себя славой, служа в персидской армии. Они были в центре войска в битве при Марафоне (Геродот VI, 113, IX, 70), отличились доблестью в сражении в Фермопилах; в битве при Платеях самой храброй была их конница.

Анализ политической истории киммерийцев и сако-скифов, их взаимоотношений с Ассирией и Ахеменидским Ираном, попытки воссоздать карту расселения племен породили огромную литературу. Но ее рассмотрение не входит в нашу задачу.

Нарисовать достоверную картину локализации и этногенеза каждого сако-скифского народа крайне трудно, поскольку, как писал еще 2000 лет назад Плиний Старший (VI, 19, 17), «ни в одном другом вопросе (как о саках. — Е.К.) не расходятся так писатели; полагаю, что это потому, что бесчисленное количество этих племен — кочевые».

В контексте данной книги представляют интерес лингвистическая принадлежность и происхождение сако-скифов.

Лингвисты В.Ф. Миллер (1887 т. III), В.И. Абаев (1949; 1958; 1965; 1973; 1979а), Э. Бенвенист (E. Benveniste 1938), И.М. Дьяконов (1956; 1981) доказали на основании изучения гидронимов, топонимов, имен собственных и отдельных дошедших слов, что эти народы говорили на языках восточно-иранской группы индоиранской семьи. Скифский язык рассматривался как предок аланского, к которому восходит современный осетинский. С.В. Кулланда (Кулланда, Раевский 2004: 90—95) показал, что скифский язык ближе не аланскому, а бактрийскому. Но в любом случае, это восточно-иранские языки (Кулланда, Погребова, 2006).

К различным сакским языкам восходят современные памирские языки Памира, Северного Индостана и Синьцзяна (Morgenstierne 1929; Пахалина 1969; Стеблин-Каменский 1974, 1976, 1981, 1982; Оранский 1979б), а также известный по документам VII—X вв. н.э. хотано-сакский язык Китайского Туркестана, сохранивший древние черты (Bailey 1955, 1957, 1958, 1975). У разных восточно-иранских племен зафиксировано самоназвание агуа, «благородный», как у ведических ариев и персов-ахеменидов. Вероятно, оно отражает не этническое самосознание гигантской арийской общности, а является следом единства происхождения входящих в нее племен. Другое самоназвание — сака — «сильные» (Bailey 1958: 133).

Генезис культуры саков в Казахстане и Средней Азии не вызывает особых дискуссий. Предполагается, что она сложилась на основе андроновской культуры (Бернштам 1949: 349; 1950: 144; 1957: 18; Черников 1960: 112; Дьяконов М. 1961: 42, 64; Литвинский 1962: 291—295; 1963: 129—133; 1967: 122—126; 1972: 156; 1977; 1981: 162; Кадырбаев 1966: 408; 1966, 1966б; И. КазССР 1977: 184; И. Кирг.

СССР: 1984: 107, 140; Марьяшев, Горячев 1999: 56; Горячев 2001: 60). Но при этом необходимо учитывать приведенные данные о миграциях в предсакскую эпоху и ассимиляции андроновцами носителей культуры Дандыбай. К.Ф. Смирнов (1964: 182—188) продемонстрировал сохранение андроновских и срубных традиций в культуре савроматов в Волго-Уралье.

Гораздо сложнее вопрос о происхождении киммерийцев и скифов в Северном Причерноморье. Аристей из Проконнеса в поэме «Аримаспея» сообщил, что аримаспы потеснили своих соседей исседонов, и те изгнали из Азии скифов, которые ушли в Причерноморье и вытеснили местное население киммерийцев в Переднюю Азию. Почти ту же легенду передает Геродот (IV, 11): «Кочевые скифы, жившие в Азии, будучи теснимы войною со стороны массагетов, перешли реку Аракс и удалились в киммерийскую землю». Аракс отождествляют с Яксартом (Сырдарьей) или с Волгой («Ра» в передаче Птолемея). Эти легенды породили гипотезу о миграции скифов с востока. По другой же легенде Геродота скифы появились на Днепре за 1000 лет до похода персидского царя Дария, который был разбит скифами в степях в 512 г. до н.э.

Толкования античных свидетельств вызвали разногласия. М.И. Артамонов (1966) и глава московской школы Б.Н. Граков (1971) полагали, что основой формирования скифской культуры была срубная, пришедшая на Украину с Волги, а в VII в. до н.э. новая волна миграции из восточных областей способствовала утверждению в степях скифской триады, включающей вооружение, конский убор и скифский звериный стиль.

Другая точка зрения была выдвинута А.И. Тереножкиным (1961: 204; 1976: 207, 209; Ильинская, Тереножкин 1986: 24, 28). Он говорил о решающем значении в конце бронзового века импульса из Центральной Азии, принесшего в Скифию карасукские стрелы, кинжалы, ножи и конский убор. Аргументом в пользу этой гипотезы явилось открытие в Туве М.П. Грязновым (1980) кургана Аржан. Там были найдены ранние предметы конского снаряжения вместе с произведениями скифского искусства. Для комплекса была предложена ранняя дата — VIII в. до н.э.

В настоящее время в скифологии существует две школы. Петербургские исследователи предполагают сложение скифской культуры в Центральной Азии в VIII и, возможно, IX в. до н.э., допуская даже влияние китайского искусства на сложение звериного стиля.

Центральноазиатская точка зрения нашла отражение в текстах Н.А. Боковенко (1986; он же, Мошкова 1992 (ред.)) и весьма популярна. Имеет она своих сторонников и на Украине.

Есть ряд серьезных работ о генезисе киммерийцев и скифов (Мурзин 1990; Скорый 1999; 2003). Наиболее развернутая аргументация принадлежит А.Ю. Алексееву (2003).

Исследователи московской школы не принимают сверхдлинную хронологию (Членова 1997) и не видят оснований выводить всю скифскую триаду из Азии (Мелюкова 1989 (ред.); Погребова, Раевский 1992; Петрухин, Раевский 1998). В сложении скифского искусства они, вслед за петербуржцем В.Г. Лукониным (1977; 1987), признают решающее значение походов в Переднюю Азию, где скифы восприняли некоторые образы и композиции мидийского и урартского творчества (Погребова, Раевский 1992). Целиком принимая выводы М.Н. Погребовой, я полагаю, что вторым источником формирования звериного стиля была бактрийская художественная школа (Кузьмина 1977б; 2002).

Данные антропологии

Материалы Украины исследовала С.И. Круц (1984 и «История Украины» 1985; 1997). Она пришла к выводу, что на Украине с эпохи неолита сосуществует и взаимодействует два главных антропологических типа европеоидной расы: I — средиземноморский тип присущ культурам линейно-ленточной керамики и Криш на Балканах и Дунае и неолитическим бронзовым культурам Центральной Европы. На Украине этот тип представлен в основном между Днестром и Дунаем и в Крыму. II — более массивный протоевропеоидный широколицый тип характеризует постмариупольские культуры, Средний Стог, а также ямную культуру левого берега Днепра, Донца, Дона. Более смягченные формы этого типа прослеживаются на западе степи. В культуре Триполье сочетаются оба исходных типа. Ямное население северо-восточного Причерноморья имеет длинную голову и узкое лицо, что роднит его со средиземноморским типом. На Волге и в Прикаспии представлен брахикранный тип, отсутствующий на Украине. Все антропологические типы ямного населения имеют местную основу. «Антропологические данные Украины не подтверждают гипотезы о массовой миграции извне в эпохи энеолита и бронзы» (Круц 1997: 383).

В срубную эпоху население Украины занимало среднее место между долихокранной узколицей популяцией культуры многоваликовой керамики (Бабино) и более массивным широколицым населением срубной культуры Поволжья (1985: 533). Антропологические данные подтверждают импульс на Украину с Волги при формировании срубной культуры.

На этапе Белозерки господствующим стал древний долихокранный узколицый вариант.

Выявляется большая близость черепов культур срубной, белозерской и скифской Северного Причерноморья и, с другой стороны, между черепами тех же культур в лесостепи (Круц 1987: 86—88). Это доказывает генетическую преемственность на Украине ираноязычного скифского населения с предшествующим срубным.

В последней сводке для Волги и Урала (Хохлов 2000) показано, что с эпохи неолита в степи и лесостепи развиваются варианты европеоидного населения. Процессы осложнены метисацией и многочисленными передвижениями, идущими в разных направлениях, но не выходящими за границы Восточной Европы. Наследниками племен днепро-донецкой и среднестоговской неолитических культур явились создатели ямной культуры с резко выраженными европеоидными чертами, высокого роста, с массивными черепами. Второй компонент составляли потомки погребенных в энеолитическом Хвалынском могильнике. Они менее матуризованы.

В III тыс. до н.э. — в эпоху экологического кризиса — обстановка в степи очень напряжена. На 31% черепов ямно-полтавкинских племен выявлены следы ран, часто смертельных. В лесостепи почти одновременно с полтавкинскими появляются племена культуры Абашево. Абашевцы характеризуются долихокефалией и узким лицом. Генетические корни этого населения находятся в культурах Баланово и Фатьяново на Средней Волге и в Центральной Европе.

По данным А.А. Хохлова (2000: 320—322), раннесрубное (потаповское) население Волги явилось результатом метизации разных компонентов. Один тип был массивным, восходящим к ямно-полтавкинскому. Второй тип был долихокранный — европеоидный, генетически связанный с населением Синташты.

Интересно, что зафиксирована примесь уралоидного компонента, принадлежащего местному аборигенному населению. Причем мужские черепа потаповцев чистые европеоиды. Среди женских, напротив, больше уралоидных черт. (Это позволяет рассматривать

приход восточно-европейских племен на Урал и в Западный Казахстан как элитарную миграцию.)

Другим участником этнокультурных процессов в степях были племена покровского типа. Это долихокранные узколищные европеоиды, родственные абашевцам и отличные от потаповцев. В покровских сериях выявлена также примесь аборигенной ураловидной расы.

В классических срубных могильниках господствуют черепа, отражающие процессы метисации потомков различных восточно-европейских популяций. Большинство срубных черепов матуризованные долихокранные со среднешироким лицом. Они свидетельствуют о большой роли ямно-полтавкинского компонента у населения срубной культуры.

У срубников и алакульцев Урала и Западного Казахстана, относящихся к долихокранному узколищному антропологическому типу (Гинзбург 1962б; Алексеев 1967), можно предполагать генетическую связь с населением Синташты. Расцвет срубной и андроновской культур — время стабильности: на черепах следы травм отсутствуют.

В эпоху финальной бронзы происходят массовые миграции. Часть срубного населения покидает родину. Памятники типа Сускан, отражающие миграцию населения культуры Черкаскуль из лесного Урала, почти не имеют антропологических материалов. Мало антропологических данных о создателях валиковой керамики. Единственный вывод — это то, что население оставалось европеоидным.

Миграции начала I тыс. до н.э. изменили антропологическую карту Евразии. «Появившееся в поволжских степях савроматское население физически имело мало общего с позднесрубным и генетически восходит, вероятно, к южно-уральским и казахстанским кочевым популяциям. (Этот вывод сделал еще в 1949 г. В.В. Гинзбург (Смирнов 1964: 188). — Е.К.). Судьба же многочисленных коллективов срубной культуры неизвестна. Из всех популяций железного века наибольшее совокупное морфологическое сходство с последними демонстрируют, пожалуй, причерноморские скифы (Хохлов 2000: 322).

Это заключение служит аргументом в пользу историчности легенд о приходе савроматов и скифов из-за Волги.

* * *

Как говорилось, часть андроновского населения на западе принадлежит к долихокранному типу, родственному срубному (Дебеч 1954; Гинзбург 1956а; Алексеев 1964б 1967). Абсолютное большинс-

тво андроновских черепов относится к особому европеоидному андроновскому типу, иногда называемому памиро-ферганским. Андроновцы отличались высоким ростом, могучим телосложением и массивными черепами. Это население жило на Урале, по всему Казахстану и в Западной Сибири. В Сибирь и Среднюю Азию андроновцы поэтапно расселились из Казахстана (Дебец 1948; Гинзбург 1957, 1962а; Алексеев 1961а, 1961б, 1967; Исмагулов 1963, 1970; Гохман 1973; Дремов 1972, 1973, 1990; Рыкушина 1976, 1979).

По данным В.А. Дремова (1997) андроновские федоровские черепа обского варианта близкородственны черепам Енисея и Восточного Казахстана. Это свидетельствует о генетическом родстве всего федоровского населения. Отмечается его отличие от алакульской популяции могильника Ермак Омской области, популяция которого близка алакульскому населению Западного Казахстана и срубному — Волги (Дремов 1997: 76—77, 81). Этот вывод крайне важен, так как подтверждает отстаиваемую мной гипотезу сосуществования двух линий формирования андроновской общности: федоровской и алакульской.

В эпоху финальной бронзы федоровские племена на Енисее вытеснены на запад и на юг носителями культуры Карасук. На Оби в лесостепной зоне племена, принадлежащие местному таежному субстрату, создают не андроновские, а андронидные могильники Еловка, Черноозерье, Сопка II. Коренное население имеет монголоидную примесь, малочисленные европеоидные черепа принадлежат андроновскому федоровскому типу (Дремов 1997: 120—121).

В VIII—VII вв. до н.э. в степях Азии на андроновской основе формируется культура саков. Саки Казахстана являются потомками массивного европеоидного андроновского антропологического типа (Гинзбург 1951; Рычков 1964; Алексеев 1969; Алексеев, Гохман 1984: 27, 35, 53; Исмагулов 1963; 1970; Гохман 1973; 1980).

У саков Северного, Центрального и особенно Восточного Казахстана отмечается небольшая монголоидная примесь (Ходжайов 1980: 156). Вероятно, она обусловлена участием в их этногенезе носителей культуры Дандыбай, поглощенной андроновцами в эпоху финальной бронзы.

В Приаралье Л.Т. Яблонский (1996) отмечает отсутствие предков саков в предсакское время и их миграцию с иных территорий. Он (2003: 167—170) справедливо подчеркивает значение экологического кризиса в эпоху финальной бронзы, а также роль мигра-

ций в процессе этногенеза (Яблонский 1996; 2003; Итина, Яблонский 2001: 106—108); ср.: Кузьмина 1977в: 78—79; 1987г; 1994, карта 9; 1995; 1996—1997; Kuzmina: 2000; 2003). В заключение Л.Т. Яблонский (2003: 168), несмотря на свой гипрекритицизм, вынужден признать, что гипотеза «преемственности популяций раннего железного века от локальных групп населения эпохи бронзы успешно доказывалась данными археологии и палеоантропологии при рассмотрении их на высоком таксономическом уровне».

Важные данные получены антропологами в Средней Азии. На Тянь-Шане большая часть черепов саков восходит к андроновским. Среди черепов из Ферганы также преобладают брахикранные. Но в обоих регионах присутствует примесь более долихокранного населения (Гинзбург 1956б; 1962а; 1970; Ходжайов 1980: 155).

На севере Средней Азии к андроновскому протоевропеоидному варианту восходит не только кочевое, но и земледельческое население VIII—IV вв. до н.э. (Ходжайов 1977: 13; 1980: 154; 1983: 100—102; Алексеев и др. 1986: 125—130). Это свидетельствует о том, что часть позднеандроновского населения этого региона перешла к кочевому образу жизни, войдя в конгломерат сакских племен, другая же часть стала земледельцами.

Особая картина вырисовывается на Памире. Памирские саки принадлежат к более грацильному долихокранному узколищцу индо-афганскому типу восточной ветви средиземноморской расы, который был представлен здесь в эпоху бронзы (Литвинский 1972: 182—184, определение В.В. Гинзбурга (1960; 1970) и Т.В. Кияткиной).

Подводя итог, можно констатировать, что ираноязычные скифы и саки были потомками населения степей Евразии эпохи бронзы — носителей культурных общностей срубной и андроновской, представленной двумя исходными типами: алакульским и федоровским. С эпохи энеолита и вплоть до раннего железного века в степях Евразии антропологически не фиксируется никакой инвазии населения из Передней Азии или Ирана. Все многочисленные миграции отмечаются только в пределах степной и лесостепной зон.

Антропологические данные позволяют сделать несколько важных этногенетических выводов:

1. Начиная с энеолита и эпохи ямной культуры в степях Восточной Европы сосуществовало и постоянно взаимодействовало две группы европеоидного населения: протоевропеоидное массивное широколицее и более грацильное узколищце; при сложении культу-

ры Синташта господствующей на Урале и в Западном Казахстане была грацильная популяция. Ее потомками стали срубные и алакульские племена Урала и Западного Казахстана.

2. Более матуризованным было срубное население на Волге, его импульс прослеживается у срубников Украины.

3. Андроновское федоровское население Казахстана, Сибири и Средней Азии принадлежит андроновскому антропологическому типу и генетически отличается от алакульского, что подтверждает нашу гипотезу о сосуществовании двух исходных типов андроновской общности — алакульской и федоровской.

4. Ираноязычные саки Казахстана и Средней Азии являются потомками андроновцев. В некоторых сакских популяциях отмечается небольшая монголоидная примесь, вероятно, за счет участия в их этногенезе носителей культуры Дандыбай. Саки Памира отличаются от других популяций и восходят к местному населению эпохи бронзы, родственному древним европеоидам юга Средней Азии.

5. Савроматы генетически не связаны со срубным населением Волги и, вероятно, восходят к срубно-алакульскому населению Южного Урала и Казахстана.

6. Скифы лесостепи генетически близки белозерскому и срубному населению, скифы степи, по Круц, восходят к носителям культуры Бабино, а по Хохлову — возможна их связь со срубным населением Волги. Эту идею высказал еще в 1971 г. Г.Ф. Дебеч, и она согласуется со взглядами М.И. Артамонова и Б.Н. Гракова.

В контексте данной книги существенно, что, каковы бы ни были миграции отдельных племен, они проходили в пределах степной зоны. Никакой массовой инвазии ни во II тыс., ни в VII в. до н.э. в степь из Ирана не происходило. Сако-скифская культура формировалась на местной основе культур срубной и андроновской, фактически слившихся в эпоху финальной бронзы.

Формирование материальной культуры саков и скифов

Эти данные антропологии надежно подтверждаются в результате анализа основных категорий материальной культуры андроновской общности, который привел к выводу о прямой генетической преемственности культуры саков и скифов с предшествующей (Кузьмина 1994).

Тип *монументального срубно-андроновского жилища* каркасно-столбовой конструкции с двускатной или четырехскатной кровлей сохранился в архитектуре дома скифских поселений (Граков 1971), конструкции подкурганных сооружений (Акишев, Кушаев 1963; Смирнов 1964), в современных жилищах ираноязычных народов горного Памира и Афганистана (Андреев 1927, 1951, 1958; Андреев, Половцев 1911; Кисляков 1936, 1939; Воронина 1951а,б; Писарчик 1954, 1975; Маматназаров 1977; Маматназаров, Якубов 1985; Логашова 1981; Жилина 1982; Гафферберг 1948) и осетин Кавказа (Пчелина 1930; Ильина 1946; Абаев 1949; Калоев 1971), а также в Нуристане (Робертсон 1906; Вавилов, Букинич 1929).

Выработанный андроновцами тип ступенчатого перекрытия существует в бытовых постройках и воспроизведен в культовых сооружениях в кирпиче и камне в Средней Азии, Казахстане, Афганистане и Восточном Туркестане у ираноязычных племен (Бесенов 1959; Godard, Hackin 1928; Hackin, Carl 1933; Пугаченкова 1963; Le Coq von 1925) и в Индии у высших кастовых групп и принципиально отличен от традиционных индийских домов (Гусева 1981).

Как говорилось, терминология, связанная с жилищем, индоевропейская или индоиранская (Абаев 1956, 1979а; Renou 1939; Барроу 1976; Гамкрелидзе, Иванов 1984; Лившиц 1963; Оранский 1976; Елизаренкова 1999; Rau 1983).

Вторая категория позднеандроновского жилища — *протоюрта*, получившая распространение в эпоху финальной бронзы, является непосредственным предшественником скифского разборного жилища и пережиточно сохраняется у ираноязычных кочевников Афганистана, Ирана и Передней Азии (Feilberg 1944; Гафферберг 1948, 1964; Вильчевский 1958; Ferdinand 1964, 1969; Barth 1965). Терминология, связанная с протоюртой, индоиранская, а описание разборного жилища есть в ведических памятниках (Benveniste 1955; Кузьмина, Лившиц 1987; Елизаренкова, Топоров 1995; Елизаренкова 1999).

Наконец, третья категория андроновского жилища — *крытая повозка*, представленная в скифской культуре и описанная в античных источниках (Артамонов 1966; Кожин 1969б; Нечаева 1975) восходит к степным повозкам с крытым кузовом III тыс. до н.э. (Piggott 1968; Кузьмина 1974а; Hausler 1981; Кожин 1988; Избицер 1993; Новоженев 1989а; 1994; Нефедкин 2001). Названия, связанные с повозкой, общеиндоевропейские или индоиранские (Шрадер 1913; Мейе 1938; Абаев 1949, 1958, 1979; Гамкрелидзе, Иванов 1984;

Vasmer 1950—57; Brandenstein 1962), а ее описания есть в ведических текстах (Hertel 1925; Rau 1986; Елизаренкова, Топоров 1995; Елизаренкова 1999).

Хозяйственно-культурный тип иранцев и ведических ариев надежно реконструируется как полукочевой подвижный с доминантой скотоводства при господстве в стаде коровы и коня, являвшихся главным объектом завоевания (Geiger 1882; Zimmer 1879; Bartholome 1904; Шрадер 1913; Dhalla 1922 и др.). Особенно ценны заключения о хозяйстве иранцев М.М. Дьяконова (1954), В.И. Абасева (1956, 1979а), В.А. Лившица (1963); а индоариев — В. Рай (Rau 1975, 1983), Т.Я. Елизаренковой (1982), Т.Я. Елизаренковой и В.Н. Топорова (1995).

Таким образом, у индоиранцев на юге существовал тот хозяйственно-культурный тип, который сложился в степях Евразии в недрах андроновской и срубной культур и победил в эпоху экологического кризиса и распространения культуры валиковой керамики. Постепенный переход к полукочевому хозяйственно-культурному типу предопределил утверждение в Евразии в скифскую эпоху кочевого скотоводства (Кузьмина 1994).

Для установления преемственности скифской (в широком смысле слова) и предшествующей культуры валиковой керамики решающее значение имеет генетическая преемственность в категории, являющейся важнейшим этническим индикатором, — в *керамике*.

В эпоху бронзы в степях традиции гончарства в условиях домашнего ремесла передавались от матери к дочери, что гарантировало их устойчивость в пределах рода (Franchet 1911; Dannenberg 1925; Cardew 1969) и сохранение даже при дальних миграциях. Это делает домашнее ручное гончарство важным этническим индикатором в отличие от гончарного ремесленного производства, при котором навыки передаются от мастера к мастеру вне зависимости от их этнической принадлежности.

Технология гончарства в степях эпохи бронзы была изучена В.А. Городцовым (1922), М.В. Воеводским (1930), О.А. Кривцовой-Граковой (1948), К.В. Сальниковым (1951б), установившими, что керамика лепилась методом кольцевого налеха или на матерчатом шаблоне и твердой болванке. Большой вклад в изучение технологии гончарства был внесен А.А. Бобринским (1978) и его учениками.

Анализ андроновской керамики всего ареала позволил установить преемственность гончарства Синташты — Петровки — Ала-

куля, выделить типы петровский, алакульский, федоровский, смешанные федоровско-алакульские и характеризующие эпоху финальной бронзы алексеевский и вслед за казахстанскими учеными (Евдокимов 1982; Евдокимов, Ломан 1982; Ломан 1987; Варфоломеев 1987, 1988, 1991; Евдокимов, Варфоломеев 2002) выявить донгальский тип. Два последних входят в круг культур валиковой керамики финального бронзового века и непосредственно связаны с сакской керамикой по технологии, части форм и мотивам обедненного орнамента (Кузьмина 1982, 1985а,б; 1986а,б; 1994). Выделена также керамика культуры Дандыбай, не входящей в андроновскую общность и поглощенной местными племенами. Преемственность гончарных традиций эпохи бронзы и Раннего Железного Века в степях отмечалась многими исследователями (Воеводский 1930; Смирнов К. 1964; Акишев, Кушаев 1963; Руденко 1953 и др.). Пережитки древней технологии изготовления посуды сохранились на Памире (Семенов 1903; Зеленин 1927; Пещерева 1929, 1959), а также в северо-западном Пакистане и афганском Бадахшане у реликтовых групп населения, говорящего на арийских языках (Rye, Evans 1976).

Сведения о древнем гончарстве имеют решающее значение в решении индоиранской проблемы, поскольку, если по данным древней традиции арии не имели гончарного круга, то все культуры, знакомые с ремесленной крутовой керамикой, автоматически исключаются из возможных претендентов быть предками арийцев (Rau, 1972, 1974; Грантовский 1981; Кузьмина 1983в, 1986в, 1994), что является существенным аргументом в пользу степной прародины.

Другим важнейшим этническим индикатором культуры индоиранцев является *костюм*. У всех древних народов мира он был прежде всего признаком родового и племенного отличия, а позже — также социальным знаком.

Хотя костюм в степях сложился под влиянием суровых экологических условий и хозяйственно-культурного типа скотоводов, он стал важным знаковым символом арийских племен, сохраняющимся при миграциях в другую экологическую нишу.

Женский костюм составляло длинное платье с довольно широкими рукавами, иногда расшитое по вороту и рукавам бусами. Прической андроновок были две косы с накосниками. Мужчины носили двубортный кафтан, брюки и войлочные или кожаные колпаки, покроем которых служил племенным отличием. И мужчины, и женщины были обуты в кожаные или войлочные сапожки, укра-

шенные низкой из бус (Сосновский 1934; Комарова 1961; Аванесова 1981; Максименков 1978; Евдокимов, Усманова 1990; Усманова Э.Ф., Ткачев А.А. 1993; Кузьмина 1994; Виноградов Н. 1998; некоторые предложенные реконструкции требуют уточнения).

Этот костюм был полностью унаследован сако-скифскими племенами, что засвидетельствовано выдающимися находками в археологических раскопках в Азии (Руденко 1953; Акишев 1978; Акишев, Акишев А. 1980; Полосьмак 2001; Чугунов К.В. 2004) и на Украине (Степанов 1916; Артамонов 1966; Мирошина 1977; Ключко 1979, 1984, 1992) и многочисленными изображениями в античном и ахеменидском искусстве (Sarte, Herzfeld 1910; Dutz 1971; Dalton 1964; Boardman 1970; Кузьмина 2002).

Все слова, связанные с прядением и ткачеством, в арийских языках принадлежат к древнейшему общеиндоевропейскому наследию (Абаев 1949; Rau 1971; Гамкрелидзе, Иванов 1984). Вся терминология, относящаяся к отдельным предметам одежды и ее частям, индоиранская (Абаев 1949; и особенно Х. Бейли (Bailey 1955); Thompson 1965; Beck 1972; Герценберг 1972;). Комплекс одежды, сложившийся в степях в эпоху бронзы, многократно описан в Авесте и ведической литературе и сохранился у ираноязычных осетин (Калоев 1971), памирцев (Андреев 1958), частично — курдов. Элементы степного костюма, часто — вместе с названиями, заимствованы у иранцев их северными соседями хантами (Прыткова 1953) и сменившими саков в степях тюрками (Сухарева 1954, 1982; Захарова, Ходжаева 1964).

В Индии комплекс одежды евразийских кочевников воспроизведен на портретах царей в Матхуре (Путаченкова 1979; Vogel 1930; Rosenfield 1967) и частично сохранился в костюме высших кастовых и отдельных этнических групп (Маретина 1977; полевые записки автора 1980), резко выделяя их от представителей низших каст, носящих традиционную одежду индо-переднеазиатского типа (Flynn 1971; Farqoia 1985; Буланова 1989).

Таким образом, приспособленный к экологическим условиям степи и сходный с костюмом других индоевропейских народов Восточной Европы (Древняя одежда 1986), степной костюм при миграции в Иран и Индию стал знаковым символом индоиранцев и служит важным этническим индикатором сако-скифской культуры.

Для понимания особых исторических судеб ранних иранских кочевников существенное значение имеет анализ еще одной кате-

гории андроновской культуры — *металлургии*. Как подчеркивалось, очень высокое развитие горного дела и металлургического производства выделяли андроновцев среди соседних народов.

Древние рудники выявлены на Урале, в Северном, Центральном и Восточном Казахстане, Алтае и Средней Азии (Паллас 1780; Лепехин 1802; Грязнов 1935; Массон М. 1930а,б, 1934, 1936, 1953; Литвинский 1950, 1954; Исламов 1955; Сургай 1951).

Геологами Казахстана древние рудники были сопоставлены с поселениями рудокопов (Пазухин 1926; Чудинов 1936; Сатпаев 1929, 1967; Левитский 1941; Чухров 1950; Хайрутдинов 1955 и особенно Н.В. Валукинский 1948; 1950), что позволило А.Х. Маргулану (1970, 1972; 1973) установить их андроновский возраст. Важнейшее значение имели комплексные исследования горного дела Северного и Восточного Казахстана С.С. Черниковым (1948, 1949, 1960).

Новым словом явилось изучение химического состава металла, что позволило впервые выявить металлургические центры (Черных 1970).

Проводились исследования Еленовского микрорайона на Урале (Формозов 1951а; Кузьмина 1962а; 1963а,б, 1960а,б, 1965а, 1966), рудников и поселений Атасу и Мыржик в Центральном Казахстане (Алексеев, Кузнецова 1980, 1983; Кузнецова 1987, 1989а,б; Кадырбаев 1983; Жауымбаев 1984а,б, 1987; Курманкулов 1988).

Был установлен очень высокий уровень металлургического производства, достигшего расцвета в эпоху финальной бронзы (Рындина и др. 1980; Дегтярева 1985; Кадырбаев, Курманкулов 1992), что позволило сделать вывод: в это время металлургия у андроновцев стала специализированным ремеслом, работающим на обмен (Черных 1972: 183—194; Кузьмина 1994: 150).

Этот вывод позволяет заключить, что длительное переживание бронзового века в культуре сако-скифов объясняется не отставанием их культуры от других регионов Евразии, где железо широко распространилось раньше, а тем, что их потребности в металле были полностью удовлетворены.

Таким образом, анализ основных категорий материальной культуры сако-скифов доказывает их прямую генетическую связь с предшествующей культурой степей эпохи финальной бронзы.

Преемственность сохранилась также в элементах подкурганного обряда погребения, некоторых конструкциях могил, широтной ориентировке, культе коня и обычае его ритуального захоронения на похоронах царя и знати.

Поэтому есть основание присоединиться к заключению Б.Н. Гракова (1977: 154): «...савроматы и степные скифы принадлежали к иранской группе языков индоиранской ветви. Поэтому их предки среди племен срубной культуры... должны были говорить на тех же языках».

Каков генезис специфических типов материальной культуры сако-скифов?

Б.Н. Граков и А.И. Мелюкова (1954) ввели понятие скифской триады, которая характеризует комплексы «скифского мира» в самом широком смысле этого слова. Она включает конское снаряжение, вооружение и искусство звериного стиля. В настоящее время исследователи расширили список «скифских» признаков (Мурзин 1990: 16—24; Алексеев 2003: 40—41).

Конское снаряжение

Псалии. Удила. Классификации костяных и роговых и развивающихся на их основе бронзовых псалиев и удил, формирующихся в степях на рубеже финальной бронзы и раннего железа, посвящена обширная литература (например: Иессен 1953; 1954; Иллінська 1961; Тереножкин 1961; 1976; Эрлих 1991; Boroffka 1998; Dietz 1998; Погребова 2001; Боковенко 1986; Bokovenko 2000).

Но общего труда, анализирующего развитие конского убора всей степной зоны, нет. Частично это компенсируют разделы в «Археологии СССР» (Мелюкова 1989; Мошкова 1992).

Как было показано И.Н. Медведской (1983), в эпоху Раннего Железного Века в Старом Свете существовали две принципиально различные системы упряжи. В Передней Азии со второй половины II тыс. до н.э. использовалась узда, состоящая из цельного комплекта удил с напускными псалиями (Potratz 1941; Abb. 3, 5, 11; 1966). В степи же от Тувы до Дуная сложилась узда евразийского типа, в которой удила и псалии не скреплены неразрывно (рис. 50: 10; 53: 12—15; 54: 29, 30; 55: 12) (Кузьмина 1994: рис. 39: 4—7).

Следует отметить, что, хотя многократно подчеркивалось, что в эпоху финальной бронзы и Раннего Железного Века владыками степей стали всадники, колесницы продолжали употребляться как парадный престижный транспорт в Европе, в том числе в Греции, и в Скифии, и в Азии в культуре Карасук и, вероятно, в степях, где часть петроглифов с колесницами относится уже к концу II тыс. до н.э. Как подчеркивает Н. Бороффка (Boroffka 1998: 135), типы псалиев «не обязательно связаны с верховой ездой или боевыми колесницами».

На Кавказе были распространены колесницы переднеазиатского типа (Pogrebova 2003a), и «узда в основном изготовлялась по переднеазиатской системе, то есть с псалиями, напускавшимися на мундштучную часть или составлявшими с ней одно целое». Единичные находки евразийского типа костяных или роговых псалиев, крепившихся к бронзовым однокольчатым удилам, «в Закавказье, несомненно, выглядят как инородные» (Погребова 2001: 323).

Что касается Казахстана и Средней Азии, то здесь с эпохи финальной бронзы известна только узда евразийского типа. Ее составляют трехдырчатые роговые или бронзовые псалии и двухкольчатые удила, часто стремечковидные, то есть имеющие одно кольцо, оформленное в виде стремени.

Предлагаемая нами типология удил строится на основе классификации по форме внешних петель, предложенной А.А. Иессеном (1953; 1954), а типология псалиев — по сочетанию формы стержня и отверстий. Классификация основана на эволюционно-функциональном методе классификации, разработанном М.П. Грязновым. Он был использован мной при классификации андроновских псалиев II тыс. до н.э. и металлических артефактов Средней и степной Азии эпохи энеолита и бронзового века. Учитывая линию эволюции удил от экземпляров предскифской эпохи, мы предлагаем вычленить пять типов:

I — простейшие двухкольчатые удила;

II — двухкольчатые с дополнительным малым кольцом;

III₁ — (тип III по А.А. Иессену) с окончанием, оформленным в виде стремени;

III₂ — той же формы, но с выступом на стремени;

IV — стремечковидные с дополнительным отверстием, чем они сближаются с типом II;

V — с наружным звеном прямоугольной формы.

Что касается псалиев, то они имеют множество вариантов. Нашей целью является не создание общей классификации с учетом всех хронологических и локальных особенностей, а только, во-первых, выявление общей эволюционной линии, и, во-вторых, установление ареала, из которого конский убор мог появиться в Иране. Поэтому выделено несколько основных типов:

I — роговой псалий в виде стержня с отогнутым концом с тремя отверстиями в одной плоскости;

II — псалий костяной, роговой или бронзовый с тремя отверстиями в одной плоскости, но без отогнутого конца (бронзовый — это тип Черногоровка);

III — роговой, а чаще бронзовый псалий с тремя утолщениями, в центре которых проделаны отверстия, и с отогнутым концом;

IVa — бронзовый псалий с изогнутым стержнем, тремя петлями в одной плоскости и отогнутым концом; иногда в виде лопаточки;

IVb — то же, но со шляпкой сверху;

Va — бронзовый псалий с тремя петлями, как тип IVa, но без с отогнутого конца стержня;

Vb — то же, но со шляпкой наверху.

В.Р. Эрлих (1991: рис. 2) выделяет типы IV, V как тип I; тип VI (по Эрлиху — тип IV), VIa прямой стержень с тремя отверстиями с цилиндрическими муфтами и с отогнутым лопаточковидным окончанием (на западе — тип Цимбалка); VIb — то же, но без отогнутой лопасти и с утолщениями на обоих концах (на западе — тип Камышеваха).

Таким образом, можно теоретически реконструировать генетическое развитие псалиев от типа I — рогового с тремя отверстиями в одной плоскости и отогнутым концом, что обусловлено естественной формой материала (изогнутого рога) — к типу III — роговому или имитирующему его бронзовому псалию, у которого подверженные поломке участки вокруг отверстий усилены полукруглыми в разрезе выступами, а конец отогнут, как у исходной роговой формы; параллельно формируется тип IVa с прямым стержнем и петлями (по Эрлиху тип Ib), также с отогнутым концом.

На основании исходного архаичного типа II без отогнутого конца параллельно с типом IVa складывается тип Va с утолщениями вокруг отверстий, но без отогнутого конца.

Усовершенствованием типов IVa и Va является помещение наверху бронзовой шляпки (типы IVb, Vb). Завершают эволюцию наиболее прочные псалии с муфтами VI типа. Сложение звериного стиля приводит к появлению бронзовых псалиев с зооморфной головкой. Но они принадлежат уже другой — скифской — эпохе.

Воссозданная на основе эволюционного метода картина является, конечно, чисто умозрительной. На самом деле в моменты становления новой тактики — колесниц в эпоху Синташты и верховой езды — в Раннем Железном Веке идет интенсивный поиск новых типов конского снаряжения, и при этом в одном закрытом

комплексе погребения оказываются совмещенными и традиционные, и новые типы.

К тому же инновации происходили в разных регионах, в разном темпе, и на протяжении всей рассматриваемой эпохи сохранялись локальные различия.

Как бы то ни было, проведенный анализ показывает, что исходными были простейшие роговые и костяные псалии с тремя отверстиями. Как говорилось, в степях в эпоху финальной бронзы употреблялось и создавалось огромное количество различных типов костяных и роговых псалиев (Кузьмина 1994, рис. 39: 4—8; 42: 10). Но в начале I тыс. до н.э. были отобраны только трехдырчатые роговые псалии I и II типов, которые легли в основу скифских. На гигантском пространстве степей развитие конской узда идет в одном направлении и эволюционная линия не прерывается от эпохи культур Валиковой керамики финальной бронзы до самого конца скифского периода (Мелюкова 1989: 96, 97).

Анализ эволюции псалиев еще раз подчеркивает роль степных племен эпохи финальной бронзы и их генетическую связь с ираноязычными племенами саков и скифов в развитии использования коня.

В Азии древнейшие находки исходной формы двуколычатых удилов I типа связаны с комплексами культур Валиковой керамики эпохи финальной бронзы. В Фергане одно звено бронзовых удилов, имеющих однокольчатые концы в одной плоскости, обнаружено на поселении 9 в Кайракумах (рис. 53: 12) (Литвинский 1962: 228—230; табл. 58: 1; Кузьмина 1966: 60, табл. XV: 38) в комплексе с посудой с наlepным валиком, неорнаментированной и украшенной елочным орнаментом (Литвинский 1962, табл. 66—69). Б.А. Литвинский датирует удила VIII—VII вв. до н.э., а поселение относит к поздней группе. По современным представлениям керамика поселения 9 принадлежит к типу Донгал, и, соответственно, дата может быть уточнена: комплекс, в том числе псалий, может быть датирован (X?) IX — началом VIII в. до н.э.

Звено удилов с кольцами во взаимоперпендикулярных плоскостях найдено на эпонимном поселении культуры Чуст (рис. 53: 13) (Спришевский 1961: 40; Кузьмина 1960: 60, табл. XV: 39). Дата культуры Чуст спорна, но по комплексу металлических изделий синхронна эпохе финальной бронзы (см. ниже). Учитывая далекие западные аналогии этому типу удилов в Гальштатт Б (X—VIII вв. до н.э.), считаю возможным подтвердить предложенную мной в

1966 г. дату этого типа удил в Средней Азии первой четвертью I тыс. до н.э., скорее — IX—VIII вв. до н.э.

Особый интерес представляет находка двух пар железных (!) удил этого типа в могильнике Красные Горы в Центральном Казахстане (рис. 55: 12) (Ткачев 2002, ч. 2: 140—145; рис. 195: 10, 11). Это древнейшие известные мне железные удила в степях Азии. В перекрытой камнями яме № 7 — жертвеннике у поминальной ограды — открыты четыре копыта и два черепа лошадей с удилами, сдеанными из прямоугольных в сечении кованых железных стержней. В ограде найдены горшок с носиком-сливом и фрагменты 13 сосудов. Это плоскодонные горшки и банки, содержащие примесь песка, дресвы и шамота. Они украшены насечками под венчиком, пальцевыми вдавлениями и жемчужинами. А.А. Ткачев справедливо отнес комплекс к позднедонгальскому типу. Следует подчеркнуть полное сходство керамики Красной Горы и Кайракумов, особенно характерных горшков с носиком.

Древнейшая известная мне находка матрицы бронзового псалия происходит с поселения чустской культуры Дальверзин (рис. 53: 15). Это каменная литейная форма, на которой вырезан трехдырчатый псалий типа III с отогнутым концом круглого в сечении стержня и тремя расширениями с круглыми отверстиями в одной плоскости (Заднепровский 1962: 67, 68, табл. XX: 3; Кузьмина 1966: 60, табл. XV: 40).

Еще один псалий III типа найден в ограде 17 могильника Измайловка в Восточном Казахстане (рис. 54: 29, 30) (Ермолаева 1987: 64—94; рис. 33: 1). В каменной ограде расположен ящик трапециевидной формы, составленный из врытых вертикально плит, в нем открыто разграбленное погребение, ориентированное головой на запад. В могиле найдены серебряная серьга с раструбом и бронзовые бляшки и пронизи конского убора. Рядом с ящиком компактно уложены вещи конского убора: два трехдырчатых псалия и два двухдырчатых с ложковидными концами, и две пары стремячководных удил: одни — типа III, другие также со стремячком и расположенным перпендикулярно круглым отверстием, через которое продеты двухдырчатые псалии.

Культурно-хронологическая позиция измайловского комплекса определяется керамикой. Здесь сочетаются восходящие к карасукским сосуды культуры Дандыбай (Ермолаева 1987: *passim*) и восходящие к андроновским горшки типа Донгал, в том числе — с валиком (Ермолаева 1987: 91, рис. 28: 6). Дата Измайловки, а следовательно, и

конского убора, определяется по поздней валиковой и дандыбаевской керамике, пулевидным наконечникам стрел, аналогии которым открыты на поселении Мыржик типа Донгал в Центральном Казахстане (Кадырбаев, Курманкулов 1992: рис. 29) вместе с трехдырчатым костяным псалием и гончарной керамикой типа Намазга VI. Керамический комплекс, пулевидные стрелы, бляшки конского убора сопоставимы с могильником Северный Тагискен, датируемым IX—VIII вв. до н.э. (Итина, Яблонский 2001: 97, 100, рис. 123: 2—8). Посуда, стрелы и бляшки конского убора находят аналогии на поселении Кент и в могильнике Донгал (Евдокимов, Варфоломеев 2002: 60; рис. 17: 5; 27: 8—10; 28), датируемых IX в. до н.э.

Бляхи Измайловки находят аналогии в могильнике Зевакино в Восточном Казахстане (Арсланова 1974б: табл. III, 24; 1975), где распределитель узды входит в комплекс с сосудом типа Донгал, многочисленными однолезвийными ножами и серпом, типичными для восточно-андроновской металлургической провинции начала I тыс. до н.э., а также каменной застежкой с тремя желобками. Прототип последней составляет застежка поселения Малокрасноярка в Восточном Казахстане (Черников 1960: табл. XXXIX: 6). На поселении трушниковского этапа — Трушниково — найдены керамика, пулевидный наконечник стрелы, аналогичные Измайловке (рис. 54: 24), однолезвийный нож с отверстием в рукояти. Памятники трушниковского этапа принадлежат к типу Донгал. С.С. Черников (1960, табл. LXXVIIб) датирует этап IX—VIII вв. до н.э. А.С. Ермолаева (1987: 94) осторожно относит комплекс Измайловки к IX—VII вв. до н.э. Представляется, что синхронизация с Донгалом, Тагискеном, Трушниковым позволяет смело понизить дату до IX—VIII вв. до н.э.

Итак, приведенные факты дают основания утверждать, что исходные типы бронзовых удил: I — однокольчатый и III — со стремчовидным окончанием, а также исходные типы I — трехдырчатых роговых и имитирующих их III — трехдырчатых бронзовых псалиев и набор бронзовых бляшек конской узды сложились в степях Центрального и Восточного Казахстана на памятниках типа Донгал, представляющих поздний — валиковый — этап развития культуры Андроново. Он датируется первой четвертью I тыс. до н.э.

Во время миграции на юг поздние андроновцы принесли конский убор в Среднюю Азию.

Нижняя дата памятников (X?) IX в. до н.э. определяется по всему археологическому контексту эпохи финальной бронзы. Верхняя же дата

зависит от хронологии кургана Аржан, конский убор которого, сохраняя многие архаические черты, все же относится уже к сакской эпохе.

В Аржане в едином комплексе найдены простейшие удила I, II, III типов, в том числе — с витым стержнем, что рассматривается как имитация кожаных удил — архаический признак. Псалии разных типов, главным образом II типа, часто с грибовидной шляпкой и иногда с утолщением вокруг отверстий.

Представлены также элементы узды из рога, кости, кожи, дерева (Грязнов 1980: 47, рис. 30; Марсадолов 1998).

В кургане погребено не менее 160 старых верховых жеребцов. М.П. Грязнов считает, что уздечные уборы однотипны, но имеют этнографические отличия.

Хронология кургана Аржан является объектом жарких дискуссий. Опорная дата — VIII в. до н.э. — основана на результатах исследований дендрохронологии (Марсадолов 1996). Детальный анализ современного состояния проблем хронологии Аржана и Скифии предпринят А.Ю. Алексеевым (2003: 15—37, табл. 2). Сам он датирует Аржан VIII в. до н.э., а первый период собственно скифской культуры в Европе относит к концу VIII в. до н.э. (с. 27).

Сторонником длинной хронологии и отнесения предскифского новочеркасского этапа к VIII в. до н.э., а раннего скифского жаботинского этапа к концу VIII в. до н.э. еще в 1987 г. выступил Г. Коссак (G. Kossak 1987).

М.П. Грязнов (1980: 51), ссылаясь на А.А. Иессена, полагал, что «скифская культура формировалась еще в VIII в. до н.э., то есть задолго до легендарных походов скифов в Переднюю Азию». Основой своей хронологии он признал типы псалиев, находящие аналогии в памятниках Причерноморья и Северного Кавказа, предшествующих раннескифскому периоду. Он счел аржанский этап начальным этапом скифской культуры и первоначально датировал его VIII—VII вв. до н.э., а позже — VIII в. до н.э.

Но суть проблемы не только в хронологии конкретного памятника: М.П. Грязнов (1980: 61) поставил вопрос об удревнении, может быть, до IX—VIII вв. до н.э., скифо-сибирских культур, представленных материалами Уйгарака, Тагискена, Тасмола, Семиречья и Памира, увидев в них исток той скифской культуры, которая лишь в VII—VI вв. до н.э. расцвела в Европе.

Таким образом, от хронологии Аржана зависит решение проблемы региона или регионов, где происходило сложение скифского

комплекса, причем не только знаменитой триады, но общего ядра скифской культуры.

В раннесакскую эпоху в Казахстане и Средней Азии сохраняются удила I типа и получают особое распространение удила III типа стремечковидные, — тип IV — стремечковидные с дополнительным круглым отверстием, сочетающие признаки типов II и III, а также удила V типа с квадратной скобой. Типы эти сосуществуют во времени и представлены в единых закрытых комплексах могильников Тасмола и др. (Кадырбаев 1966а: 383—388; рис. 7: 3, 4; 15: 5—7; 24: 8, 9; 26: 6, 7; 28: 8).

В.Р. Эрлих (1991: 36) предполагает на Кавказе синхронность удил типов I и III и псалиев типов II (Черногоровка) и Vв (Новочеркасск).

М. К. Кадырбаев (1966а, б) выделил культуру Тасмола и датировал ее ранний этап VII — первой половиной VI в. до н.э. (Кадырбаев 1966а: 385).

В могильниках Средней Азии Уйгарак и Тагискен представлены псалии типов I, III, IV, V, причем III тип — со стремечковидным окончанием — абсолютно господствует (Толстов, Итина 1966; Вишневская 1973: 100—111, табл. XXXVI; Итина, Яблонский 1997).

Следует подчеркнуть, что исследователи, начиная с А.А. Иессена (1953: 105), предполагают восточное происхождение типа III. Удила же IV типа специфичны для Средней Азии и азиатских степей. Тип V — с квадратными окончаниями — представлен в Тагискене (Толстов и др. 1966: 161, рис. 8: 3, 4), Уйгараке.

Материалы Центрального Казахстана и Средней Азии демонстрируют, что именно этот регион лидировал в развитии конской узды, где уже в IX—VIII вв. до н.э. были выработаны основные ее элементы, причем это лидерство регион сохранял и в раннесакский период.

Вооружение

Стрелы. Эта категория непрерывно развивалась в степях Азии, начиная с эпохи Синташты. Наибольшее количество стрел происходит из памятников атасуского и алексеевского типов в Центральном Казахстане (Аванесова 1975б; Маргулан 1998: рис. 190; Маргулан и др. 1966: табл. LIV). В эпоху финальной бронзы в закрытых комплексах встречены уже упомянутые пулевидные экземпляры. Стрелы I категории, I типа двулостные втульчатые с листовид-

ным пером и скрытой втулкой найдены в комплексах с валиковой керамикой, например, на поселениях Саргары (Аванесова 1975б: 34), Кент (рис. 50: 6) (Варфоломеев 1988: 86, рис. 4: 2; Евдокимов, Варфоломеев 2002: рис. 27: 12, 13), Мыржик (Кадырбаев, Курманкулов 1992: 232; рис. 29: 2, 3; 118: 6—9), Шортанды-Булак, Малокрасноярка (Черников 1960: табл. XXXVI: 2—6) и в могильнике Сангру III (Маргулан 1979, рис. 93: 1; 161: 8—10).

Исследователи датируют их XII—IX вв. до н.э.

С эпохи Синташта непрерывно идет развитие категории двулопастных черешковых стрел вплоть до финальной бронзы (Генинг и др. 1992: рис. 171: 3; 185: 1—5; 186; Аванесова 1975 б; Маргулан 1998: рис. 190: 3—5; 11).

В культуре Дандыбай впервые появляются стрелы *двулопастная втульчатая с шипом* и *трехлопастная черешковая*. Они найдены в мавзолее 2 в Бегазы (Маргулан 1998, рис. 22: 9, 10). Стрелы с шипом получают развитие в раннесакскую эпоху и имеются в Аржане (Грязнов 1980: рис. 11: 12). Этот тип вместе с черешковыми трехлопастными характерен для культуры Тасмола; оба типа найдены в могильнике Карамурун I, трехперые — в Тасмола II, Нурманбет I (Кадырбаев 1966: 376, рис. 43: 4; 46: 1—4; 7, 8; 58). Тасмолинские экземпляры представляют уже модификацию исходных типов Бегазы. Автор (с. 378) подчеркивает, что для Приуралья и Скифии трехперые наконечники нехарактерны, но распространены на Памире (Айдын-Куль, Памирская), в Восточном Казахстане (Усть-Буконь), на Алтае.

Застежки горита. Характерную деталь раннескифского вооружения составляют маленькие продолговатые предметы с двумя или тремя желобками (Черненко 1981).

Они найдены по всей степи, начиная с относимых к киммерийской культуре комплексов: Высокая Могила, Енджа (Тереножкин 1976, рис. 5: 6), Красное Знамя (Черненко 1981: 41, рис. 25: 1—6) и далее на восток вплоть до Аржана (Грязнов 1980: рис. 12: 1—4).

Аналогичный предмет из золота есть в Северном Казахстане в Чебачьем (АКК, табл. VI: 23).

Прототипы их, сделанные из рога или камня, представлены в комплексах с валиковой посудой: Алексеевка (Кривцова-Гракова 1948, рис. 22: 3), Кент (рис. 51: 7) (Евдокимов, Варфоломеев 2002: рис. 31: 7), Малокрасноярка (Черников 1960: табл. XXXIX: 6), Дандыбай (АКК, табл. VI: 85), Зевакино (Арсланова 1974б: 58, табл. II: 6).

Другого типа — круглые с одним желобком — застёжки найдены в сакских курганах Тагискен и Уйгарак (Итина, Яблонский 1997: рис. 12: 4; Вишневская 1973: табл. XVI: 14), их аналоги — в курганах Журавка, Красное Знамя, Старшая Могила и других (Черненко 1981: 39, рис. 24). Автор (с. 41) относит древнейшие экземпляры к предскифскому времени и датирует, начиная с VII в. до н.э.

Как принадлежность горита Е.В. Черненко (1981: 42, рис. 26) рассматривает костяные артефакты цилиндрической формы с двумя взаимоперпендикулярными отверстиями. Их аналогии известны в андроновских памятниках, в частности в могильнике Алакуль (раскопки автора).

Акинаки. А.Ю. Алексеев (2003: 52) констатирует «невозможность отыскания для них типологических истоков в предшествующих культурах эпохи поздней бронзы и раннего железа». Однако уже многократно отмечались многочисленность и разнообразие типов кинжалов, датируемых финальной бронзой, в пределах восточно-андроновской металлургической провинции. Это свидетельствует об интенсивном поиске наиболее эффективного типа оружия ближнего боя. Примером служит II Каракольский клад. Его составляют пять кинжалов (рис. 57: 5—9). Они имеют вытянуто-листовидный клинок длиной от 24 до 29,5 см с ребром посередине. Уступ-упор в виде прямого валика или выкружки отделяет от основания лезвия литую рукоять, завершающуюся фигуркой животного (Винник, Кузьмина 1981: 48—53, рис. 1—5). Рукояти разнообразны: прямоугольная пластина с выступающими валиками по краям или сложнопрофилированная с тремя вертикальными желобками, наконец, две рукояти овального сечения ребристые с шестью или девятью горизонтальными валиками. Рукоять завершается навершием с фигуркой животного. Кинжалы отлиты в сложносоставных литейных формах, фигурки прилиты отдельно. Мастерам известна также отливка по восковой модели (Дегтярева 1985б: 15, 16). Технология изготовления каракольских кинжалов не отличается от способа производства акинаков. Мастерами Каракола найдены форма клинка, рукояти и навершия. Осталось только превратить отделяющую клинок выкружку в бабочковидное перекрестие, что не представляло технических трудностей. Кинжалы Каракола были признаны предшественниками акинаков (Винник, Кузьмина 1981: 52). Это подтверждает сходство рукоятей кинжалов и акинаков. Вертикальные желобки есть на акинаках из Иссыкского клада (Акишев, Кушаев 1956, рис. 85), слу-

чайных находках с Иссык-Куля (Мошкова, ред. 1992: табл. 27: 3), Алтая (Кубарев 1981: рис. 1: 7; 2: 9; 3: 1, 6), Минусы и Тувы: могильник Аймырлаг (Мошкова Ред. 1992, табл. 74: 11, 14, 20; 84: 15, 16). Оформление рукояти горизонтальными валиками отмечено на предсакских кинжалах Алтая (Кубарев 1981: рис. 1: 2) и акинаках, например, с Иссык-Куля (Мошкова, ред. 1992: табл. 27: 1). Рифленые овальные в сечении рукояти часто встречаются на кинжалах с гардой в Северном Китае (рис. 57: 1—4), где их относят к культуре северных варваров, пришедших из степей Евразии, и датируют XI (X) — VIII вв. до н.э. (Bunker 1997: 27, 134 № 20; p. 139; fig. 31).

Для решения проблемы происхождения акинаков интересна находка бронзового кинжала на Елизаветинском поселении Акмолинского района Акмолинской обл. (рис. 56: 1) (АКК: 89 № 1123; табл. III: 52; Оразбаев 1958: 274; табл. IX: 2). Это кинжал с сужающимся клинком с вертикальным валиком, рукоятью с вертикальным желобком с перемычками. Рукоять увенчана грибовидной шляпкой и отделена от клинка серповидной гардой утолщенной в центре и имеющей утолщения на выступающих наружу концах. Кинжал близок некоторым карасукским экземплярам, особенно по конструкции желобчатой рукояти (Членова 1976). Разработанная классификация карасукских кинжалов избавляет от необходимости детального сопоставления. Подобные кинжалы с шипами (гардой) — широко распространенный тип в культурах северных варваров на периферии Китая, Алтая, Центрального Казахстана (Членова 1972, табл. 61: 1—8; Маргулан 1979, рис. 2: 15, 16). Аналогии этому типу кинжалов представлены в Восточном Казахстане (Коллекция Семипалатинского музея; Баты; Дженома курган 2: Черников 1949, табл. X: 1, 2; Черников 1960, 84, табл. LXVI: 5; 10; Членова 1972: табл. 70: 33). С.С. Черников отнес их к орудиям карасукских форм, но доказал их местное казахстанское производство на основе анализа металла.

Рассматриваемый кинжал из Елизаветинского отличается тем, что выступающие шипы слились, образуя утолщение, что позволяет сопоставлять его с кинжалами из Аржана (Грязнов 1980, рис. 11: 1—2), а экземпляр с фигуркой на рукояти признать комбинацией этого типа с кинжалами клада Каракол. Аналогичный тип кинжала с бараном известен в Восточном Казахстане (Арсланова 1982; Самашев 1992).

Елизаветинское поселение было местом обработки золотоносной руды Троицкого прииска, входившего в группу рудников у Степного.

Комплекс поселения датируется X—IX (VIII?) вв. до н.э. по находкам позднеандроновской керамики, орнаментированной зигзагом и горизонтальной елкой, типичной для посуды типа Донгал (Оразбаев 1958: табл. XII: 1, 7, 11—20).

К этой же эпохе относятся найденные металлические изделия: большой кельт-молот с двумя ушками и валиком по краю втулки, четырехгранный втульчатый пробойник, шилья, фрагменты двух серпов, три двулопастные втульчатые стрелы и двулезвийные ножи с упором (АКК: 89, табл. III: 42, 50; Оразбаев 1958: 274, табл. IX: 8, 10, 11; XI: 1, 2, 6, 9—11). Последние позволяют сопоставить комплекс с погребением могильника Боровое ограда 1, где найдены нож, шило, квадратное зеркало с ручкой-петелькой, сосуд донгальского типа (А.М. Оразбаев отнес комплекс к культуре Замараево).

Кинжал из Джуван-тобе относится к той же эпохе по совместной находке с кельтом-лопаткой (Членова 1972, табл. 70: 20; 33). Синхронен кинжал с шипами и грибовидным навершием, но без желобка на рукояти из клада Палацы в Восточном Казахстане, включающем молоток, два кельта со сквозной втулкой и браслет с коническими спиралями, аналогии которому есть в могильниках Сангру II, Айшрак, Аксу-Аюлы, Былкылдак III (Маргулан 1988, рис. 192). В них найдена валиковая позднеандроновская и изредка дандыбаевская посуда, а в Сангру I — также квадратное зеркало: такое, как в Боровом.

Эти находки подтверждают, что в эпоху поздней бронзы в Казахстане и Семиречье металлурги вели поиск наиболее совершенного типа кинжала, и, наконец, им стал акинак.

Не беру на себя смелость делать какие-либо заключения, но хочу обратить внимание на акинак, традиционно относимый к VII, скорее, VI в. до н.э.

Почему-то скифологи не обратили должного внимания на находку подлинного акинака в Северном Казахстане (рис. 56: 1), хотя ее привел уже А.И. Тереножкин (1976: 130, рис. 80: 3). Он полагал (с. 131—132), что «родина акинаков... находилась где-то в Сибири или Центральной Азии» на карасукской основе. С.С. Черников (1954: 36, рис. 22: 5) опубликовал результаты своей экспедиции 1938 г., посвященной обследованию поселений в Кокчетавской области, в районе рудника Степняк — самого крупного разрабатывавшегося в эпоху бронзы месторождения золота. Здесь по берегам озера располагалось несколько поселений золотодобытчиков. На одном

из них у поселка Сталинский рудник сохранились остатки культурного слоя толщиной до 0,6 м и следы обработки руды. В отвалах и канавах найден очень выразительный комплекс: бронзовые кинжал-акинак длиной 30 см с ребром вдоль лезвия, плоской рукоятью с брусковидным круглым в сечении навершием и намечающимся бабочковидным перекрестьем; нож с желобчатой рукоятью с отверстием; кельт-молоток с квадратной втулкой; часть кирки; фрагмент серпа, круглое зеркало с выпуклым бортиком; слитки меди; две костяные круглые бляшки конской узды с прорезями, орнаментированные одна — резными ромбами, другая — концентрическими кругами. В состав комплекса входила также керамика (рис. 56: 4—18) (Черников 1954: 39—43, рис. 18: 4—6, 10; 19; 21: 5). Поразительна интуиция С.С. Черникова, который 50 лет назад смог совершенно точно установить хронологию и историческую значимость этого комплекса. Отличительной особенностью посуды Сталинского рудника и всех других поселений в районе Степняка является полное отсутствие как алакульских горшков с уступом, так и типичной сакской посуды. Господствуют горшки с наlepным валиком на плечике или чаще — под венчиком, украшенные косыми насечками или горизонтальной елкой; многочисленны сосуды с раздутым туловом; изредка сохраняются простейшие андроновские элементы декора: треугольник и елка, популярна горизонтальная елка.

С.С. Черников сопоставил керамику Степного с позднеандоновской посудой алексеевского поселения, но подчеркнул, что «поселения у Степняка, возможно, более поздние, чем Алексеевское», он отметил их синхронность с Дандыбаем II и констатировал, что «здесь сильны еще... андроновские формы, но есть уже и новые, характерные для кочевников черты» (Черников 1954: 46).

В настоящее время комплекс Степного может быть уверенно отнесен к типу Донгал. Следует отметить, что на поселениях Степного были также найдены однолезвийные ножи с валиком и отверстием на рукояти, топор андроновского типа с гребнем, два кинжала-копья с упором, на одном из которых нанесена тамга мастера, тесло с уступом, тесло втульчатое, долото копьевидное, стрелы двупластные со скрытой втулкой и с выступающей втулкой и четырехгранная, четырехгранные шилья.

Все без исключения бронзовые изделия Степняка находят аналогии в закрытых комплексах поселений с валиковой керамикой и вкладах эпохи финальной бронзы. Некоторые категории характер-

ны для широкой степной зоны, но их сочетание специфично для андроновской металлургической провинции и особенно для кладов Семиречья (Кузьмина 1961в; 1965б; 1966; 1967: Кожомбердыев, Кузьмина 1980). Дата древнейшего акинака степей определяется по комплексу керамики типа Донгал IX(VIII?) в. до н.э., верхний рубеж лимитируется хронологией Аржана.

Тип кинжалов Аржана с изогнутой под тупым углом гардой-перекрестием с шишечками на концах и ребром вдоль клинка и рукояти напоминает кинжал из погребального комплекса Nonchangen (ср. Грязнов 1980, рис. 11: 1, 2 — Kossak 1996, abb. 12:1). Последний отличается квадратной поллой рукоятью, что сближает его с рукоятями клада Каракол и Восточного Казахстана, также полыми, но круглыми в сечении. В Nonchangen найдены также трехлопастная черешковая стрела и шлем типа Келермес (abb. 18: 3, 4), что важно для синхронизации комплексов востока и запада. Акинаки, считающиеся древнейшими, из Лермонтовского Разъезда на Северном Кавказе и Самтавро в Грузии (Тереножкин 1976: 128, рис. 78: 1; 79: 2—4) не могут учитываться при датировке экземпляра из Степняка, так как они имеют очень вытянутые клинки и сделаны уже из железа.

Шлемы. Шлемы келермесского типа составляют еще одну характерную категорию общестепных изделий. Они распространены от Северного Кавказа (Келермес, станица Крымская, Старокорсунское городище) и Украины (с реки Тясмин в Приднепровье) до Поволжья (Старые Печеуры), Средней Азии (Самарканд), Семиречья (Кысмычи) и Алтая (шлем из Киргизии принадлежит к другому типу). Со времени работы Б.З. Рабиновича 1940 г., выделившего этот тип, появилась обширная литература. Достаточно сослаться на основные публикации (Черненко 1968: 76—82, рис. 41—44; Галанина 1985; Алексеев 2003: 47—50, рис. 3). М.П. Грязнов считал, что шлемы отливали в двустворчатых литейных формах. Е.В. Черненко справедливо отметил, что могла быть использована только трехстворчатая матрица. Другие исследователи полагают, что отливка осуществлялась по восковой модели.

Дата этого типа постепенно понижается. Б.З. Рабинович отнес их к VI в. до н.э., Л.К. Галанина (1985: 174) определила нижнюю дату серединой VII в. до н.э., а Е.В. Черненко (1987: 134) поместил их в VII в. до н.э., допуская и VIII в. до н.э. А.Ю. Алексеев датировал их VII—VI вв. до н.э. Однако еще А.А. Иессен (1951: 117) предполагал дату VIII—VII вв. до н.э.

Происхождение шлемов дискуссионно. Е.В. Черненко полагал вслед за Б.З. Рабиновичем их генезис на Северном Кавказе. Л.К. Галанина предположила, что скифские шлемы сформировались на основе прототипов Древнего Востока и затем изготавливались на Северном Кавказе и в Средней Азии. Эту гипотезу не позволяет принять отсутствие в Передней Азии близких прототипов.

Мной (Кузьмина 1958а: 124—125) было высказано предположение, что бронзовые шлемы возникли в степях как имитация сакского головного убора. Геродот (VII: 64) пишет: «Саки, скифское племя, имели на голове остроконечные шапки из плотного войлока, стоящие прямо». Одно из сакских объединений называлось «саки в остроконечных шапках». Изображения их многочисленны в иранском искусстве.

В. Вард (Ward 1910: 328, fig. № 1051; 1052) считал остроконечными шлемами головные уборы саков на ахеменидских цилиндрах. Саки вооружены топорами-клевцами, для защиты от которых и предназначались шлемы.

Было отмечено (Кузьмина 1958: 122), что ближайшую аналогию шлемам келермесского типа составляет оружие, принадлежащее кочевникам, обитавшим на северных границах Китая (Inner Mongolia... т. II, fig. 33: 1, 2). В настоящее время это оружие изучали многие исследователи. А.В. Варенов (1988: 11; 1989а: 46—50, рис. 14, 15) высказал предположение, что прототипом собственно китайских шлемов эпохи Шан-Инь были кожаные или войлочные головные уборы. Шлемы, закрывавшие шею, имели прямоугольный вырез спереди и трубочку наверху для крепления султана. Они отлиты в многосоставных литейных матрицах. Иньские шлемы принципиально отличаются от шлемов эпохи Чжоу. Последние имеют вырезы на затылке и на лицевой стороне с выступом в центре. Обычно по нижнему краю шлема идет валик, над ним — отверстия для прикрепления оплечья, наверху есть петелька для плюмажа. Шлемы отлиты по восковой модели. Их сходство со скифскими не только в общей конструкции, но и в деталях, по-видимому, указывает на моноцентрическое происхождение типа. А.В. Варенов (1988: 11) отмечает, что самые ранние шлемы чжоуского времени датируются XI—X вв. до н.э., и, следовательно, являются исходными для скифских.

Хронология чжоуских шлемов определяется XI—X вв. до н.э. по Варенову, или X—IX вв. до н.э. по Худякову, по находкам в Мейлихэ, Чифэн, Байфу, на основании хронологии Чжоу XI—VIII вв.

до н.э. и подтверждается радиоуглеродным анализом образца из Байфу: 1120±90 гг. до н.э.

Где же и когда произошли шлемы келермесского типа?

Русские китаисты А.В. Варенов и С.А. Комиссаров и энтузиасты азиатской прародины скифов среди археологов уверенно предполагают китайское происхождение этой инновационной формы оружия. Однако отсутствие генетической связи иньских и чжоуских шлемов было доказано самим А.В. Вареновым. Существенно в этой связи соображение главного специалиста по истории оружия азиатских кочевников Ю.С. Худякова, показавшего, что китайские шлемы возникли для защиты «от удара клевцом или чеканом, которые служили основным оружием воинов-колесничих. Поэтому они не случайно появились и получили распространение... среди “северных варваров”, воевавших с китайцами» (Борисенко, Худяков 2003: 24). И далее: «...шлемы раннескифского и сакского круга культур относятся уже к иной стадии развития защитных металлических наголовий, связанных с комплексом вооружения всадников».

В этой связи особый интерес представляет комплекс Xiajiadian в могильнике Nanshangen (Wagner, Parzinger 1998: 37—72). В могиле 101 найден шлем рассматриваемого типа (abb. 15: 1) в комплексе с копьем с петелькой, однолезвийным ножом с кольцевым навершием, бляшками с петелькой и своеобразными цельными удилами с псалиями с шипами. В могиле 102 обнаружены предметы конского убора, в том числе кольчатые удила и трехдырчатые псалии. Дата этих погребений устанавливается по находке сосуда Чжоу IX в. до н.э.

Наличие в этих погребениях большого количества предметов (прежде всего конского снаряжения), находящих аналогии и прототипы в памятниках Казахстана, Средней Азии и Алтая эпохи валиковой керамики позволяет высказать точку зрения, что культурный импульс шел не из Китая в степь, а, наоборот, из восточных районов степи к «северным кочевникам», обитавшим на периферии Китая.

Следует отметить, что знаток культуры «северных кочевников» Э. Банкер (Bunker 2002: 80—81, № 46), публикуя шлем келермесского типа из коллекции Ariadne Galleries в Нью-Йорке, происходящий из Северного Китая, датирует его VII в. до н.э. по аналогии с келермесскими. От последних он отличается фигуркой лошади на верхушке и орнаментом из равнобедренных треугольников по всему наружному краю. Экземпляр отлит по восковой модели, фигурка лошади — в двусоставной форме и позже приварена. Исследова-

тельница приводит аналогии этому шлему в Национальном музее в Тайбее (Taipei), на памятнике эпохи поздней бронзы Xiaoheshigou, Nincheng в юго-восточной Внутренней Монголии (по фото не ясно с наносным выступом или без), в коллекции Дэвида Вейля (без выступа над переносом). Э. Банкер полагает, что изобретение фронтального треугольного выступа было сделано в России в VII в. до н.э. Она подчеркивает, что шлемы династии Шань из Аньяна были отлиты в составных формах, а техника отливки по восковой модели появилась в Китае только в VI в. до н.э., и нуждается в рассмотрении вопрос о заимствовании этой технологии в Китае через посредство скотоводов северных окраин.

Что касается фигур лошадок на китайских шлемах, то они аналогичны по форме и технике лошадке монгольской породы без гривы на навершии кинжала клада Каракол в Семиречье (Винник, Кузьмина 1980: рис. 2; Дегтярева 1985: 16).

Симптоматична находка двух шлемов в плиточных могилах в Монголии в Эмгент Хюшуу и Холтост Нуга (рис. 58) (Erdenbaatar 2004: 194—197, fig. 8.2 A; B; C; 8.3). Автор ссылается на аналогичные шлемы в Монголии и Манчжурии в Shilishan и Sincun и на случайную находку, хранящуюся в музее Онтарио в Торонто. Они относятся к культуре «северных варваров» эпохи Западного Чжоу.

Обнаружение шлемов в плиточных могилах возвращает к проблеме центра происхождения шлемов. На основании химических и спектральных анализов бронзовых изделий установлено, что Монголия принадлежала к производственной зоне Сибири, включая Алтай и Байкал (Erdenbaatar 2004: 217).

Из Забайкалья с реки Олов происходит самая восточная в Сибири находка шлема келермесского типа (Борисенко, Худяков 2003: 23).

Э.А. Новгородова (1970) считала основным центром производства монгольских бронз Алтай.

Нельзя ли предположить, что именно самый мощный очаг бронзолитейного производства в эпоху финальной бронзы был тем центром, где металлургами культуры поздней валиковой керамики был выработан келермесский тип шлемов? Бесспорная достоверность их миграции на восток подтверждается многочисленными находками керамики с наlepным валиком в плиточных могилах Монголии и Забайкалья (Цыбиктаров 1998: рис. 80—84).

Именно носители Культуры Валиковой Керамики, распространившись из восточно-андроновских степей в Монголию и Забай-

калье, принесли с собой и передали племенам у северных границ Китая навыки верховой езды и конский убор, появившийся с новой тактикой боя элитный тип защитного оружия, а также орудия труда (долота, тесла) и украшения (зеркала с петелькой, серьги).

Одновременно и несколько раньше аналогичный процесс проникновения позднеандроновских металлургов шел из Семиречья в Синьцзян (карта 10).

Раннескифские шлемы появились в культуре предков саков не как модернизация китайских эпохи Шан-Инь, а как инновация, связанная с распространением новой тактики боя — верховой езды — и употреблением, наряду со стрелами, также ударного оружия, которым могли быть топоры андроновского типа.

Иньские шлемы, как говорилось, принципиально отличаются от скифских конструкцией, иной формой лицевого и отсутствием затылочного вырезов, отсутствием литого валика и отверстий, а также имеющегося на некоторых сакских экземплярах гребня.

Все эти детали есть на колпаках саков, причем, что важно, тип сакского колпака восходит к андроновскому (Кузьмина 1994: 160). Это позволяет мне по-прежнему считать, что именно сакский колпак был прототипом шлема. Эта гипотеза была поддержана специалистом по оружию Ю.С. Худяковым (Борисенко, Худяков 2003: 24): «Формы сакских шлемов во многом повторяют войлочные и кожаные головные уборы, столь характерные для древних ираноязычных кочевников степного пояса Евразии».

В пользу ранней даты изобретения шлемов ираноязычными племенами в Азии свидетельствует неоднократное упоминание этого вида оружия в Авесте (Js. 11, 7; Yt. 10, 112; Yt. 13, 45).

Металлургам Казахстана, Семиречья и Алтая в конце бронзового века уже была известна и техника отливки в трехсоставных литейных формах, и отливка по восковой модели (Рындина и др. 1980; Дегтярева 1985). Эта техника (отливка по восковой модели) известна начиная с катакомбной эпохи и широко распространена в архаическую скифскую эпоху.

Если эта гипотеза, основанная всего на двух шлемах с Алтая и одном из Средней Азии, верна, то можно полагать, что в условиях активных контактов в степях это новое оружие могло распространиться на Волгу, Днепр и Северный Кавказ или путем обмена, или вместе с мигрирующей с востока одной из групп предков скифов. Если это так, то это может подтверждать гипотезу их восточного

происхождения. Наличие большинства элементов расширенной скифской триады в комплексах эпохи финальной бронзы Восточного Казахстана, Алтая и Средней Азии позволяет считать именно эту территорию основным катализатором раннесакской культуры и исключает предположение о миграции предков скифов от границ Китая или из глубин Центральной Азии.

Попав на Северный Кавказ с востока, некоторые прототипы сакских вещей получили здесь распространение.

Но собственно скифская культура сформировалась только в процессе киммерийских и затем скифских походов на восток, прежде всего, впитав достижения генетически родственной культуры западных иранцев. Механизм сложения скифского искусства, с моей точки зрения, был убедительно раскрыт В.Г. Лукониным, М.Н. Погребовой и Д.С. Раевским.

Сакская культура слагалась на той же основе эпохи финальной бронзы, но в ее оформлении и сложении изобразительного искусства решающую роль сыграли контакты с культурой также генетически родственных восточноиранских племен юга Средней Азии и Афганистана (Кузьмина 2002).

Орудия труда

Орудия труда: ножи двулезвийные и однолезвийные, долота с желобком и клиновидные, кельты с двумя ушками и с лобным ушком, серпы — все эти категории в сакскую эпоху сохраняют преемственность с изделиями эпохи бронзы (Кузьмина 1966), что еще раз доказывает генетическую связь саков и скифов с создателями культуры валиковой керамики. В сакскую эпоху только изменились пропорции некоторых изделий.

Необычайное богатство восточно-андроновской провинции месторождениями меди и олова привело к тому, что здесь очень долго господствовало бронзолитейное производство, хотя железо найдено на многих поселениях XIII—IX вв. до н.э.

Однолезвийные ножи. К числу раннесакских культовых предметов относят узкие длинные однолезвийные ножи, которые находят в могилах парами (Алексеев 2003: 53). Они известны в случайных находках в Восточном и Центральном Казахстане и на Каркаралинском поселении 15 (Маргулан и др. 1979: 224, рис. 166: 8, 9), а также в Семиречье около Алматы (АКК, табл. VIII: 73), на Большом Чуйском канале (фрагменты), в Фергане в Долона и, предположительно,

в Ташкентском оазисе (Кузьмина 1966: 44—45, табл. 5; IX: 24, 33, 36, 37). Два ножа, отличающиеся кольцом на рукояти, найдены в литом бронзовом котле на руднике Чердож в Восточном Казахстане (Арсланова, Чариков 1980: 148, рис. 2). Близкий, но не тождественный нож происходит из Аткарского могильника срубной культуры в Поволжье. О.А. Кривцова-Гракова (1955: 54, рис. 12: 12) сравнивает его с андроновскими. Экземпляр с подчеркнуто заостренным концом лезвия найден в карасукском погребении могильника на Долгой Гриве на Верхней Оби (Грязнов 1956а: 31, рис. 7: 26). Ножи из карасукской могилы и из Каркаралинского поселения 15 с валиковой керамикой позволяют установить нижнюю дату этих изделий и отнести к началу I тыс. до н.э. по крайней мере часть случайных находок.

К скифскому времени относятся экземпляры из Тувы на памятниках Аржанского и сменяющего его этапа Усть-Хемчик (Мошкова, ред. вкладка III: 8), тагарской культуры в Минусинской котловине (Киселев 1949, табл. XXXIII: 24), в погребениях VIII—VI вв. до н.э. в могильнике Джувантобе в Семиречье (АКК табл. VIII: 52, 53, 73) (последний — с ромбическим навершием). Известны эти ножи в Приаралье: в Сакар-Чага вместе со стрелами типа Черногоровка (Яблонский 1996: рис. 17); что определяет дату VIII—VII вв. до н.э., а также в Тагискене в кургане 55 (Итина, Яблонский 1997: 23, 67) вместе с цельнометаллическими стремявидными удилами и двудырчатыми псалями, втульчатыми стрелами с ромбовидной головкой и деталями конской упряжи: крестообразной пронизью и диском, украшенными солярными знаками (рис. 47). Комплекс кургана позволил исследователям датировать его VIII — первой половиной VII в. до н.э.

Возможно, функционально к этой же категории принадлежит длинный нож с кольцевым навершием из Угайрака (Вишневкая 1973, табл. XXI: 11). Автор датировала могильник VII—V вв. до н.э.

Находки в Угайраке стремечковидных удил, трехдырчатых псалий, втульчатых стрел, каменных застежек, предметов с солярным знаком, имеющих аналогии в погребениях Высокой Могины, Енджи, хутора Кубанского, Алексеевского, Жаботина на западе степного пояса и Гияна и Сялка В II в Иране, и, что особенно важно, взаимовстречаемость групп однотипных артефактов в этих комплексах, позволили предложить понизить на полвека дату некоторых погребений Уйгарака (Кузьмина 1975в).

Таким образом, форма культовых ножей сакской культуры генетически восходит к культуре валиковой керамики начала I тыс. до н.э.

Котлы. К числу диагностических «скифских» предметов относятся котлы. Их находки известны на Северном Кавказе, у Танаиса на Дону, в Воронежской обл., Поволжье, Урале (Кривцова-Гракова) 1955: 44, 45, 133, 135; Смирнов 1964: 127 — 136, рис. 70 АБ) и Восточном Казахстане и Семиречье (Бернштам 1952: 45—50; Копылов 1955; Спасская 1956; Арсланова, Чариков 1980: рис. 1) и в связанном с семиреченским очагом Синьцзяне (Mei, Shell 1998: fig.7; 1999). Многочисленную группу они составляют в Тагарской культуре Сибири (Членова 1967: 92—109, табл.18, 19) и распространены вплоть до Байкала и Ангары, а также Монголии (Новгородова 1989, 259 рис.).

Их типология разработана Е.Ю. Спасской (1956), детализирована Н.Л. Членовой (1967). Выделено два типа: Первый: открытый сосуд с шаровидным или яйцевидным туловом, полый конической ножкой — поддоном и вертикальными ручками; второй тип — открытый невысокий сосуд с тремя ножками и горизонтальными ручками.

Хронология и происхождение котлов дискуссионны, так как большая часть происходит из случайных находок. Фиксированной является дата котлов комплекса курганов Келермес, относимых ко времени с середины VII в. до н.э. Более древними считаются котлы типа Бештау с приделанными кольцевидными ручками, возвышающимися над венчиком на половину кольца (Алексеев 2003: 45; рис. 1: 7, 8). Они находят аналогии среди изделий восточно-андоновской металлургической провинции и Минусы. Н.Л.Членова (1967: 94—95, 99) датирует их VIII — началом VII в. до н.э.

Ранняя дата I типа подтверждается находкой в руднике Чердо-як в Восточном Казахстане котла вместе с двумя длинными культовыми ножами, встречающимися в раннесакских погребениях и в памятниках эпохи финальной бронзы (см. выше). Этот комплекс подтверждает гипотезу об использовании котлов для варки жертвенной пищи на коллективных трапезах во время календарных праздников, прежде всего — весеннего Нового года Ноуруза. Этот обычай и использование большого котла и ритуальных ножей для заклания жертвенных животных сохраняется в этнографии у памирцев, осетин и других народов, восходящих к андроновцам.

Некоторые сакские котлы делали в составных литейных формах. Возможно, часть изготовлена по восковой модели с утратой формы, как и шлемы кубанского типа.

Обе эти технологии и доливка отдельных деталей (например, фигур животных) уже известны в эпоху финальной бронзы в восточно-андроновской металлургической провинции (Рындина и др. 1980; Дегтярева 1985: 16). Некоторые котлы в Восточной Европе более примитивны, и поддон у них приклепан отдельно (Смирнов 1964: 128).

Центром производства котлов второго типа — на трех ножках — являются Семиречье, где найдено 13 экземпляров, и соседняя Фергана, откуда происходит котел из Тюячи, отличающийся цилиндрическим туловом (Членова 1967, табл. 19: 8,10,11,12). Вне этой территории они единичны в Минусинской котловине и есть в Монголии, где они являются импортом из Семиречья. К.Ф. Смирнов (1964: 135) подчеркивает близость к семиреченским некоторым савроматским экземплярам. Дата типа в Средней Азии определяется VIII в. до н.э. по фигуркам животных, выполненным не в скифском зверином стиле, а в архаическом, так что они напоминают животных каракольскогоклада.

Каково происхождение котлов? Н.Л.Членова (1967: 102, 103) отрицает их китайский генезис и считает, что «Иран — одна из наиболее вероятных территорий, которые могут быть прародиной котлов скифского типа». Это предположение не кажется вероятным, так как тип котла из Сиалка, на который ссылается Членова, не имеет поддона или ножек, у котлов из Урарту есть ручки — кольца, укрепленные в муфтах, которых нет у скифских. Говоря о происхождении котла из Ферганы, можно было бы сослаться на ритуальные сосуды Бактрии и Маргианы: они имеют цилиндрическое тулово с фигурками по борту, но лишены конического поддона, хотя эта форма присутствует у ваз и бокалов (Sarianidi 1998, fig.10: 1, 2, 10). Так что они тоже не могут быть прототипом сакских.

Согласно другой гипотезе, высказанной еще в конце XIX в. П. Рейнеке, прародина скифских котлов локализовалась в Китае. Сейчас это мнение имеет сторонников среди энтузиастов концепции восточного происхождения скифов. Действительно, в Китае, в эпоху Шан-Инь, были выработаны разнообразные типы бронзовых сосудов (Bugley 1987). Их отливали в литейных формах, в которых были вырезаны сложные орнаменты из переплетающихся S-видных фигур меандра.

Возможным прообразом степных котлов II типа — триподов на трех ножках является экземпляр сосуда типа ding из Северо-Центрального района Китая из коллекции Артура Саклера (Bugley 1987

№ 86; So and Bunker 1995: 92 № 4). Дж. Со датирует его XII—XI вв. до н.э. на основании типичного Китайского орнамента. Исследователи считают его продукцией китайских мастеров, работавших на северных варваров. Следует отметить, однако, что ни в Сибири, ни в Киргизии и Казахстане ни одного котла с подражанием китайскому декору найдено не было. Существенное отличие сосуда типа ding от степных котлов состоит в том, что он имеет вертикальные ручки, прикрепленные к верхнему краю, тогда как у степных ручки горизонтальные, прикрепленные ниже края.

В VII—VI вв. до н.э. тип сосудов ding продолжает бытовать, но орнаментация их меняется, что «сигнализирует об инфильтрации не-китайских мотивов в бронзолитейные мастерские в центре Китая» (J. So in So, Bunker 1995: 110 № 24).

Что касается котлов типа I на поддоне, то их происхождение, возможно, связано с сосудами типа fu из Северного Китая (So, Bunker 1995: 108 № 22; Bunker 2002: 194—195 № 185). Это сосуд с яйцевидным туловом на коническом поддоне с вертикальными ручками. Ручки в виде перевитой веревки; в верхней части тулова расположен валик с насечками, имитирующими веревку. Он отделяет регистр с меандровым декором от нижнего, украшенного V-образными фигурами. Относят котел к переходному периоду от Западного к Восточному Чжоу, и исследовательницы датируют его VIII в. до н.э., отмечая, что это древнейшая находка типа в Западном Китае. Аналогичные маленькие и более округлые сосуды без орнамента найдены в Сиане в погребениях Гандушан, Янгинг к северу от Пекина. Могилы принадлежат не-китайцам и датируются VII—VI вв. до н.э.

Исследовательницы полагают, что китайцы могли быть первыми, кто отлил из бронзы этот тип сосудов, который стал потом знаковым в культуре скифов. Он получил дальнейшее развитие у кочевников Евразии. Поздние изделия отличаются пропорциями и имеют квадратные в сечении ручки и прорезы на поддоне. Этот тип был донесен гуннами до Западной Европы (Egèy 1995; Bunker 1997 № 269, № 236; 2002 № 186, 187).

В пограничных провинциях Китая, населенных «северными варварами», найдено несколько котлов сакского типа. Э. Банкер (Bunker E. 1997: 178 fig. 93 № 93) датирует их VII—VI вв. до н.э. Есть и более поздние экземпляры V—IV вв. до н.э. (р. 239 № 195, 196). Она полагает, что скифские котлы не имеют прототипа в Китае. «Китайцы могли быть первыми, кто отлил (в бронзе) этот тип кот-

лов, который мог существовать в виде, выкованном из металла или вырезанном из дерева... Происхождение котлов номадов следует искать дальше на западе» (Bunker 1997: 178). Таким образом, Э. Банкер присоединяется к сторонникам третьей — степной — гипотезы происхождения скифских котлов. А.М. Таллыгрэн локализовал центр их создания в Средней Азии, Е.Ю. Спасская — в степях; Н.М. Ядринцев, Г.П. Сосновский, Э. Миннз — в Сибири (Членова 1967: 92). Н.Л. Членова (95—99) доказала, что сибирские котлы Тагарской культуры не являются древнейшими, а развились под влиянием котлов Казахстана, Семиречья и Средней Азии, древнейшие из которых датируются VIII—VII вв. до н.э.

Что касается происхождения котлов I типа, то они имеют формальное сходство с глиняными кубками, широко распространенными в эпоху финальной бронзы, в том числе в Дандыбае и Тагискене (Кузьмина 1974б), но эта аналогия чисто формальная, поскольку сосуды имеют разное назначение и материал. Сопоставление с клепаными котлами эпохи бронзы, например, из Самарской обл. и Украины (Кривцова-Гракова 1955: 44, рис. 10: 9; Березанская, Отрощенко 1997, 468, рис. 175), демонстрирует близкое сходство сосудов с поддоном и позволяет принять предположение О.А. Кривцовой-Граковой (1955: 44—45, 133, 135, рис. 10: 9; 31), что литые скифские бронзовые котлы развились на основе клепаных металлических котлов эпохи поздней бронзы. Последние не только имеют тулово, аналогичное большим глиняным сосудам поздней эпохи срубной и андроновской культур, но и техника их клепки из нескольких горизонтальных полос воспроизводит технологию изготовления керамики методом кольцевого налепа. Находка котла в культурном слое поселения Дикий сад в Николаеве в комплексе с керамикой эпохи финальной бронзы позволяет отнести металлические клепаные котлы Восточной Европы к предскифскому времени и рассматривать их как предсесоры скифских литых. Очень существенно наблюдение О.А. Кривцовой-Граковой, что плечики котлов украшены выпуклым валиком, который в металле имитирует наlepной валик керамики финальной бронзы (В этой связи следует вспомнить, что древнейший в Китае котел типа fu VIII в. до н.э. также украшен валиком с косыми насечками, имитирующими наlepные валики керамики степей XII—IX (VIII?) вв. до н.э. и их воспроизведение на доскифских клепаных котлах, что не позволяет признать Китай родиной скифских котлов.) Орнамент кот-

ла из музея Самары в виде горизонтального зигзага под валиком и перлов и овальных вдавлений на венчике подражает типичному декору валиковой посуды Понтийских степей и Поволжья. О.А. Кривцова-Гракова (1955: 45) предполагает также, что глиняные сосуды на поддонах, распространившиеся по всей степи в комплексах валиковой керамики, являются подражанием металлическим котлам (сегодня это представляется мне не менее вероятным, чем поиск прототипов кубков в керамике земледельцев Ирана и Средней Азии — Кузьмина 1974).

Выводы О.А. Кривцовой-Граковой о происхождении скифских литых котлов от кованых эпохи финальной бронзы принял К.Ф. Смирнов (1964: 128). Как пример традиции орнаментации валиком с усами он привел котел из с. Мазурки (рис. 70А: 5). Он подчеркнул также, что восточнее Волги клепаных котлов нет (с. 130).

Чем объяснить это явление? Представляется, что в эпоху финальной бронзы центр металлургического производства Евразии локализовался в Казахстане и Семиречье. Рудные богатства и высокий уровень металлообработки обусловили появление технологии изготовления литых котлов еще в эпоху финальной бронзы, когда на западе степи еще делали кованые котлы. Орнаменты на сакских котлах типичны для культуры валиковой керамики: валик, зигзаг, свисающий треугольник (Арсланова, Чариков 1980: рис. 1: 3). Фигурки животных — это фауна Семиречья и Алтая. Традиция подобных украшений ножей и кинжалов в степях восходит к Сейме и Турбину.

Что касается Синьцзяна, то расцвет культуры там в эпоху финальной бронзы обусловлен миграцией из Семиречья андроновского населения, оставившего там свои могилы. Тождество типов металлических изделий с кладом Шамши (рис. 59) (Kuzmina 2001d; 2004) позволяет предполагать работу в Синьцзяне металлургов-литейщиков из Средней Азии.

Открытые в Синьцзяне петроглифы входят в евразийскую степную провинцию (рис. 44а).

Таким образом, представляется, что нет необходимости искать прототип скифских котлов ни в Китае, ни в Иране, а можно считать их инновацией в культуре металлургов восточно-андроновской металлургической провинции в Эпоху Валиковой Керамики, когда в степях установились широкие этнокультурные связи, обуславливающие влияния среднеазиатской и китайской культур, стимулировавшие поиск новых типов, адаптированных к услови-

ям скотоводческого быта. Этот вывод подтверждает точку зрения В.А. Городцова (1910: 197).

Зеркала Зеркала, являющиеся не только украшением, но и культовым аксессуаром, также характерны для всего скифского мира (Алексеев 2003: рис. 2 карта). Классификация тагарских зеркал разработана С.В. Киселевым (1949: 127, табл. 3) и является основой классификационной схемы Н.Л. Членовой (1967: 81—92); зеркала Скифии классифицированы Т.М. Кузнецовой (2002).

На памятниках эпохи бронзы степей зеркала известны в культуре Андроново. Представлено шесть типов: I — круглые, несколько вогнутые; II — круглые с выступающей ручкой; III — круглые с ручкой — петелькой; IV — квадратные плоские; V — квадратные с ручкой — петелькой; VI — круглые с ручкой — петелькой и бортиком.

Зеркала типа I известны в степных памятниках Средней Азии, в могильнике Заман-баба конца III — начала II тыс. до н.э., и в могильнике Гурдуш XV—XIII вв. до н.э. (Кузьмина 1966: 67—68). Их происхождение в результате заимствования у земледельцев юга Средней Азии подтверждается находками в тех же комплексах каменных бус, типичных для культуры Анау. Земледельческая культура юга Средней Азии входила в ареал памятников Ирана и Передней Азии, где тип дисковидных зеркал сложился в эпоху энеолита. В Туркмении зеркала известны, начиная с эпохи Намазга III, в Иране — в Суза IA, Гиссар III и других. Зеркала характерны для БМАК и представлены на юге Узбекистана, начиная с этапа Сапалли (Аскарлов 1977: 73, табл XXXVII: 2; 4; 7; 9—12). Они известны также в Таджикистане в могильниках культуры Бишкент — Вахш (Мандельштам 1968, табл. V—VII), Кангурттут (Виноградова 2004, рис. 39: 1; 27: 40: 26—27; Р»janlova 1986; abb. 73: 11) и андроновском Дашти-Кози (Бостонгулар 1998: 69; 71; 83, рис. 45: 4, 5)

Тип II — зеркала круглые с выступающей ручкой — найдены в Семиречье в составе кладов Сукулук (целое и разломанное) и Садовое — три экземпляра (один — со штифтами для рукояти); каменные литейные формы обнаружены в Фергане два в Дальверзине и (фрагменты двух форм) в Чусте (Кузьмина 1966: 68, 69, табл. XIII: 1, 4—6, 8, 9).

На юге Средней Азии зеркала II типа обнаружены в культуре Бишкент в могильниках Тулхар, Кангурттут, Кара-Пичок, Тигровая Балка (Мандельштам 1968: 64; 81; табл. VIII: 1; Виноградова 2004: рис. 39: 40; 40: 3; 48: 31); в кладе Джам у Самарканда (рис. 31: 11) (Avane-

sova 2001). Этот тип был известен в Иране в эпоху расселения там иранских племен. Зеркала найдены в могильниках Сялк В (Ghirshman 1939, pl. XXIX: 8 и др.) и Хурвин (Vanden Berghe 1959, fig. 1576).

Зеркала с выступающей ручкой многочисленны на этапах Сапалли и Джаркутан в ВМАК, где представлено два их варианта: с простой ручкой и ручкой в виде фигуры женщины. Последний тип найден также в Туркмении у Тахта-Базара (Аскаров 1973, табл. 25: 14; 32: 14; Аскаров 1977: 73, табл. XXXVII: 1, 3, 5, 6, 8; Сарияниди 2001, табл. 26; 13—15; Sarianidi 1988, fig. 14; Amiet 1998, fig. 10; pl. 88). Оба варианта имеют самый широкий круг аналогий в культурах Передней Азии и Ирана. В Индии зеркало первого варианта происходит из могильника Хараппа R37, второго варианта — из Амри (Wheeler 1947, pl. LII: C).

Нет сомнения, что зеркала с ручкой II типа были заимствованы пастушескими племенами у южных соседей.

В Иране в эпоху расселения иранских племен этот тип мог развиться параллельно на основе древних местных форм.

Тип III — зеркала с ручкой-петелькой — наиболее многочислен. Зеркала найдены в могильнике Муминабад в Узбекистане (Кузьмина 1966: 68, табл. XIII: 7), Джаркутан (Аскаров, Ширинов 1993 рис. 63: 6) и в могильнике Бустан (Avanesova 1997, abb. 14: 4, 5), на поселении культуры Тазабагъяб Байрам — Казган 2 (Итина 1977: 133, рис. 67: 18), и андроновских могильниках Ферганы: Япаги, Семиречья: Каракудук, Кульсай, Кизылбулак и в кладе Шамши (рис. 59: 5) (Кузьмина 1994: рис. 33; Горбунова 1995; Марьяшев, Горячев 1999, рис. 5: 5; 9: 15; Kuzmina 2004: 73, fig. 2.8: 15—16, 31). Все комплексы датируются эпохой бронзы, главным образом, поздней: XIII—IX вв. до н.э., причем среднеазиатские экземпляры и более древние, и более многочисленные. По-видимому, III-й тип зеркал был заимствован в культуре земледельцев. Зеркала с петелькой известны в случайных находках БМАК. Из Средней Азии тип распространился на Урал — Сухомесово и в Казахстан: Центральный — Атасу, Восточный — Зевякино (Кузьмина 1966: 68; Арсланова 1974а,б: 57, табл. III: 5 XIV) и далее в Сибирь — Ближние Елбаны (Грязнов 1956а, табл. III: 3). Казахстанские зеркала найдены совместно с керамикой и ножами финальной бронзы, что подтверждает дату. В Сибири этот тип артефактов получает распространение в культуре Карасук (Членова 1967: 88), а также лесостепных племен: Томский могильник на Малом мысу (Комарова 1952: 18, рис. 8: 4). Из Семиречья

зеркала с петелькой попадают в Синьцзян, где они найдены в могильнике Yanbulake (Mei, Shell 1998, fig. 4: 1; Kuzmina 1998; 2004; 73, fig. 2.8: 17; Комиссаров, Ларичев 1998). Достигают они также Маньчжурии (Членова 1967: 88). Из Синьцзяна или Сибири зеркала III типа проникают через посредство «северных варваров» в Китай.

На царском кладбище династии Шан в Аньяне в могиле Fu Hao, которая была consortом правителя Wu Ding, правившего в XIII в. до н.э., среди вещей из северных окраин было положено четыре зеркала типа III (Linduff 1997). Зеркальце было найдено также в Houjiazhuang в могиле 1005, датируемой 1300—1028 гг. до н.э. (Yuliano 1985a,b: 38—43; fig. 1: 4). Они украшены андроновским геометрическим орнаментом (Kuzmina 1998a). Известны такие зеркала в начале Западного Чжоу (Комиссаров 1985: 93, рис. 1), и особенно в культуре северных варваров VIII—VII вв. до н.э. (Комиссаров 1988: 90, рис. 75: 18; 76: 7 — могильник Ноншаньген).

Зеркало типа V с петелькой, но с выступами, как тип IV, найдено в Сибири в Еловке в комплексе еловско-ирменской культуры, отражающей синтез позднеандроновских и карасукских традиций (Матющенко 1974, рис. 56: 1).

Находки зеркал V типа вместе с керамикой финала бронзы позволяют датировать зеркала и включающие их комплексы X—IX вв. до н.э. и утверждать, что эта эпоха была временем интенсивного поиска оптимальных форм украшений и оружия в восточно-андроновской металлургической провинции. Из нескольких сосуществовавших типов зеркал был избран и модернизирован тип III, получивший бортики. Этот новый тип VI, созданный восточно-андроновскими металлургами, получил распространение во всей степи, возможно, в результате продвижения одной из групп восточно-иранских племен на Запад.

Зеркала VI типа — тип зеркал с петелькой сложился в среде андроновских племен в Средней Азии и распространился в Казахстане. Именно позднеандроновские металлурги совершили следующий шаг в развитии этой категории: они создали VI тип: зеркала с петелькой и бортиком по краю, который получил широкое развитие в скифской культуре. Древнейшее известное мне зеркало этого типа обнаружено на поселении финальной бронзы Степняк (Черников 1954: 39—43).

Однако не исключено, что и этот тип был заимствован на юге: зеркало с бортиком было найдено, например, в Афганском Сеистане на поселении Гардан-Рег, датирующемся второй половиной II тыс. до н.э. (Fairervis 1961: 72, fig. 34—36).

Зеркала с петелькой и бортиком найдены в Средней Азии в могильниках Южный Тагискен и Уйгарак (Итина, Яблонский 1997; рис. 69; Вишневская 1973, табл. XVI), в Центральном Казахстане в могильнике Тасмола (Кадырбаев 1966, рис. 5), в курганах Алтая (Кирюшин, Тишкин 1997, рис. 66) и далее на восток в Минусинской котловине (Членова 1967, табл. 21), в Туве (Грач 1980, табл. 1) и плиточных могилах Монголии (Новгородова 1989, рис. 242: 23).

Дата этих украшений определяется в зависимости от хронологической концепции автора и колеблется от IX до VII в. до н.э. На западе они появляются позже, чем на востоке. Т.М. Кузнецова (1991) датирует их VII в. до н.э. Исследователи считают зеркало ритуальным предметом, имеющим сложную семантику и, возможно, связанным с женским культом.

Оленные камни. Открытым остается вопрос о происхождении оленных камней, распространенных от Болгарии до Монголии.

В Центральном Казахстане многочисленны менгиры, в том числе зооморфные, но оленных камней нет. Не может ли разгадка состоять в том, что на части степной территории господствовали деревянные идолы? По свидетельству Диодора (Библиотека II, 3, 4, 5), саки установили на кургане царицы Зарины золотую статую. Гораздо важнее, что в этнографии разных индоиранских народов, особенно потомков сарматов, осетин и кафиров (Fussman 1999), существует обычай через год после похорон устанавливать поминальный деревянный столб, на котором намечена голова и изображены кинжал, плеть, ружье и конь. Я.В. Васильков (1999а: 19—21) считает это пережитком общеперсидского культа предков. В 1980-х гг. во время этнографических поездок в Северной Осетии я видела каменные надгробные стелы, на которых, кроме кинжала, ружья и коня, были изображены также олени. Не является ли это пережитком очень древней традиции?

* * *

Какой вывод можно сделать в результате предпринятого экскурса? Гипотеза китайского происхождения комплекса кургана Аржан и других раннескифских памятников, по-видимому, не получает подтверждения.

Рассмотренные категории раннескифской материальной культуры имеют длинную линию эволюционного развития в степях, восходя к металлообработке Синташты и Сеймы — Турбино. В эпоху финальной бронзы XIII—IX вв. и особенно X—IX вв. до н.э.

в степях на памятниках Культуры Валиковой Керамики, представляющих завершающий этап андроновской культуры, на местной основе складываются основные категории раннесакской культуры: I — конский убор: двусоставные удила и разные типы трех- и (реже) двудырчатых псалиев, повторяющие форму костяных и роговых, разные типы блях и предметов конского убора; II — стрелы двулопастные черешковые; втульчатые двулопастные с выступающей и скрытой втулкой, двулопастные с шипом, пулевидные, трехлопастные; III — застежки колчанного убора роговые и каменные с желобками; IV — кинжалы с шипами и разнообразными рукоятками, продолжающие бытовать в скифское время, и подлинники акинаки; V копыя; VI — весь набор рабочих инструментов: ножи двулезвийные и однолезвийные разных типов; кельты, долота, тесла, шилья, иглы и др.; VII — культовые литые котлы двух типов; на коническом поддоне и на трех ножках; VIII — культовые длинные однолезвийные ножи; IX — зеркала с петелькой; X — нашивные бляшки с петелькой.

Технология металлообработки в эпоху бронзы достигла очень высокого уровня (Дегтярева 1985: 13—15). Господствовала техника отливки в двусоставной каменной литейной форме; мастера использовали также одностворчатые литейные формы с крышкой и трехстворчатые. Отливка производилась в каменных, глиняных и изредка бронзовых литейных матрицах. Были известны сложное литье с доливкой зооморфного навершия и отливка по восковой модели. Комплекс этих технологических приемов, типы изделий и одинаковые рецептуры сплавов в зависимости от функционального назначения предметов были характерны для металлургических центров Северного, Центрального и Восточного Казахстана, Алтая, Семиречья и пастушеских районов Средней Азии. В этой восточно-андоновской металлургической провинции технические навыки достигли своего апогея в эпоху финальной бронзы, когда были выработаны основные типы категорий материальной культуры саков.

Никаких следов заимствования технологических процессов извне, в том числе — из Китая, не отмечается. Металлообработка в эпоху Шан — Чжоу была весьма высока. Но там господствовала другая технология литья и совершенно другие компоненты сплавов (Linduff Ed. 2004).

При этом очень важно замечание А.Д. Дегтяревой (1985: 20), что металл могильников дандыбаевской культуры «по спектро-анали-

тическим данным и структурным показателям не выделяется из общей серии бронзовых и медных изделий Казахстана».

Каковы причины того, что центр ираноязычного мира в конце II тыс. до н.э. переместился в андроновские степи? По-видимому, причин было несколько.

Во-первых, в Восточном Казахстане и на Алтае находился самый крупный в эпоху бронзы очаг добычи олова, разработки которого по данным геологов достигли огромного размаха.

Во-вторых, начиная с эпохи Турбино и Сеймы здесь интенсивно развивались металлургия и металлообработка, к концу бронзового века поднявшиеся на необычайную высоту и перешедшие на стадию специализированного ремесла. Это вызвало строительство поселений протогородского типа, в которых концентрировалось большое количество народа. Эти поселки продолжали функционировать, когда в других регионах степи произошел кризис комплексного оседлого земледельческо-скотоводческого хозяйства.

В-третьих, по не вполне понятным причинам экологический кризис, охвативший огромную часть степи и приведший, по мнению многих украинских ученых, к массовым миграциям на западе степного пояса, в гораздо меньшей степени захватил Казахстан и Южную Сибирь. Это определило направление миграций с запада на восток и, главным образом, на юг в Среднюю Азию и Иран.

Переход к яйлажному отгонному скотоводству, при котором скот стало легко угонять, приводил к грабегам и разбоям, а это стимулировало интенсификацию оружейного дела. Эксперименты мастеров вели к выработке новых многочисленных и разнообразных типов сначала наступательного оружия, прежде всего — стрел и кинжалов, а затем и к совершенствованию защитного доспеха.

Появление всадничества вело к прогрессу конского снаряжения: раз победа воина-всадника зависела от резвости и управляемости коня, это требовало замены ременных удили и роговых псалнев на бронзовые и постоянного совершенствования последних.

Смена хозяйственно-культурного типа вызвала социально-психологический шок в позднеандроновском обществе, ускорив процесс социальной дифференциации, о чем свидетельствуют ограды Дандыбая, Бегазы и Тагискена.

Важным, но не вполне ясным фактором в этих событиях явилась миграция с востока на запад степей вплоть до Волги носителей культуры Дандыбай, они ускорили процесс стратификации

андроновцев, но вскоре были ими поглощены. Возможно, с их миграцией связано появление в степи с востока трехлопастных черешковых стрел и некоторых типов кинжалов. В результате контактов с Синьцзяном могли появиться кельты-лопатки.

Большая подвижность населения привела к открытию новых земель и установлению широких межкультурных связей. Именно в это время фиксируется установление постоянных культурных контактов по трассам будущего Великого Шелкового пути. Главным предметом обмена был металл.

Маршруты из степи демонстрируют находки керамики с налепным валиком и высокооловянистых бронз андроновских типов на востоке — вплоть до плиточных могил Монголии и северных границ Китая (где культура охотников-скотоводов была много примитивнее андроновской), а на юге — вплоть до оазисов Средней Азии и Афганистана, включая Сеистан, где многовековая культура земледельцев была выше андроновской. Оттуда в степь поступала гончарная керамика, найденная вплоть до Алтая, а также, вероятно, другие достижения цивилизации (техника отливки по восковой модели, типы зеркал, бусы и пр.). Усиление обмена, знакомство с новыми технологиями, достигнутые на рубеже I тыс. до н.э., явились важнейшим фактором стремительной трансформации культуры в предскифский период, когда шел обмен вещей, идей и людей. Но эпицентром этих событий должны были стать, во-первых, районы, имевшие мощную сырьевую базу и развитую производственную инфраструктуру, во-вторых, районы, находившиеся в сфере влияния древних цивилизаций и на трассах главных коммуникаций. Такими регионами в начале I тыс. до н.э. были Центральный Казахстан, Алтай и Средняя Азия.

В какой мере политические события в Китае и государствах Южной Азии могли повлиять на обитателей степей? В XII в. до н.э. в Китае утвердился династия Западного Чжоу, а в VIII в. (около 770 г. до н.э.) произошла новая смена: столица была перенесена на восток, и началось правление Восточного Чжоу. Изменились государственные границы, что вызвало миграцию северных племен. По мнению Д.Г. Савинова (1993) эти события нашли отклик в истории скифов. На юге Средней Азии датированными ключевыми событиями были упоминания в конце IX в. до н.э. похода Семирамиды в Бактрию и появление на исторической арене Ахеменидов, с которыми и саки, и скифы были втянуты в политическую борьбу, что также могло вызвать перегруппировку сакских объединений.

11. Происхождение культуры восточных иранцев земледельческих областей Средней Азии

В начале XX в. Э. Шмидт, руководивший раскопками Пенсильванского университета в Анау на юге Туркменистана на вершине южного холма, выделил новую культуру (Pitropelly 1908: 49, 106—108). Ее комплекс резко отличался от предшествующей, прерывая прогрессивное развитие, установленное для предыдущих этапов памятника. Главную ее особенность составляла керамика, характеризующаяся крайней грубостью, изготовлением без гончарного круга и возрождением росписи сосудов, отсутствующей на великолепной гончарной керамике стадии Анау III (Намазга V—VI). Сокращение площади поселения и упадок ремесла Э. Шмидт объяснил экологическим кризисом, завоеванием юга Туркменистана примитивными кочевыми племенами и назвал эпоху Анау IV Эпохой Варварской Оккупации (ЭВО). С тех пор на протяжении века не затихает дискуссия о характере этой культуры, ее происхождении и этнической принадлежности.

Памятники и слои ЭВО выделены в бывшей Парфии, где сосредоточено их большое число. Они открыты также в Маргиане, Северной и Южной Бактрии. Поселения концентрируются по отдельным оазисам.

В Парфии к этой эпохе, кроме Анау IV А, относятся Яшулли-депе, Яссы-депе, Улут-депе, Чаача, Елькен-депе (Сарианиди 1972б; Массон 1966б: 184; Сарианиди, Кошеленко 1985). Последнее является ключевым, так как на нем впервые надежно установлена стратиграфия: нижний слой Елькен I относится к концу культуры Анау III (g, f), синхронной по стратиграфии Намазга периоду VI. В нем содержится небольшое число андроновских фрагментов. Он перекрыт слоем Елькен II, относящемся к эпохе варварской оккупации, а сверху залегает слой Елькен III, принадлежащий уже к предахеменидской и ахеменидской эпохе, характеризующейся возрождением керамики, сделанной на гончарном круге (Марущенко 1959).

А.М. Марущенко в 1939 г. выделил стадии Яшиллы и Анау IV, а после раскопок на Елькен-тепе назвал их этапами Елькен II и Елькен III (Марущенко 1959).

В.М. Массон предложил разделить период Анау на Анау IV и Анау IVA (1959: 102), а после исследования поселения Яз-депе именовать памятники ЭВО культурой (или эпохой) Яз I, с уточнением, что в Яз-депе отсутствует ранняя часть слоя Елькен II.

Термин «эпоха варварской оккупации» вызвал критику, и его пытались заменить названиями «культура Восточного Хорасана» (Сарианиди 1977: 107—116), «чувствительная культурная общность» (Заднепровский 1978: 44—45), «культура (или культуры) расписной керамики поздней бронзы» (Аскаров, Альбаум 1979: 68—74; Пьянкова 1998а: 204—211), наконец, «культура Окса железного века» (Francfort 2001в). Предлагались также региональные схемы периодизации (Пилипко 1986).

Следует напомнить, что в Парфии и Маргиане на ряде поселений в слое Намазга VI найдены фрагменты андроновской лепной керамики (Кузьмина 1994: схема IV; рис. 52). Она сформована от руки из глины с примесью дресвы и украшена геометрическим декором по венчику и плечу в виде равнобедренных треугольников, вертикальной елки, реже меандра. По стратиграфическому положению в слое Анау III (конец Намазга VI) она датируется XV—XIII вв. до н.э. и предшествует слою Анау IV. Существенно подчеркнуть, что на поселении Теккем-депе выявлено два слоя пожара, перекрытых хижанами степняков. Это позволяет предполагать, что пришельцы усугубили кризис, переживаемый поздненамазгинским населением, и расселились в его среде (Ганялин 1956б). Над пепелищем Теккем-депе встречены фрагменты степной керамики. Они могут быть отнесены к эпохе финальной бронзы Алексеевского типа: фрагменты с валиком с крестами; с горизонтальной елкой под венчиком; с косыми насечками по краю венчика (Ганялин 1956: 85, рис. 9; Кузьмина 1994, рис. 52). Именно эта керамика, часто украшенная налепными валиками с насечками и крестами, обычно встречается на стоянках в пустыне у горной полосы (Ганялин 1956б: 86; Кузьмина 1963в; 1998в; 1994). Дата ее XIII—XI вв. до н.э. А.Ф. Ганялин (1956б: 86) относит «гибель всей местной древней земледельческой культуры» к последней четверти II тыс. до н.э.

Елькен — это большое поселение с цитаделью диаметром 130 м, возвышающейся над ровом почти на 20 м. Нижний слой поселения Елькен I, покоящийся на материке, содержит керамику двух типов. Абсолютное большинство сосудов изготовлено на гончарном круге. Они разнообразных форм, в том числе цилиндрические, есть большие корчаги с усеченно-коническим дном. Наружная поверхность покрыта светлым или красным ангобом и иногда залощена (Марущенко 1959; 60. табл. IV).

Эта группа находит полные аналогии в Анау III (Schmidt in Pumpelly: 1904, pl. 10:1, 2; 12: 1; 14: 1, 2; 19: 1, 7), в верхнем слое Теккем-депе (Ганялин 1956) и в Намазга, слой VI.

Вторую группу составляет грубая лепная посуда, представленная фрагментами горшков, орнаментированных елочным геометрическим узором, имеющих иногда отогнутый наружу венчик с косыми насечками. Диагностическим признаком этой группы являются соуды с наlepным валиком под венчиком, украшенным косыми насечками (Марущенко 1959: 60—62. табл. V). Количество этой группы керамики резко возрастает в верхней части слоя Елькен I. А.А. Марущенко (как и А.Ф. Ганялин) справедливо отнес эту керамику к степной бронзе, но сопоставил ее с андроновской и тазабагыбской. И на этом основании датировал слои Елькен I серединой второй половины II тыс. до н.э. В настоящее время успехи в изучении андроновской культуры позволяют внести уточнения. Дата андроновской и тазабагыбской культур удревнена и, главное, разработана классификация позднеандроновских памятников. Посуда с наlepным валиком в туркменских памятниках относится к типу Алексеевка и датируется XIII—XI вв. до н.э. К сожалению, изученные мной в Ашхабаде коллекции степной посуды Елькена и Теккема столь малочисленны, что нельзя установить, была ли найдена на этих памятниках в нижней части слоя Намазга VI доваликовая андроновская посуда, которая есть в слое III в Анау и на ряде других памятников Средней Азии.

Слой Елькен II залегает выше слоя I и резко отличается от него (схема 1). К этому времени относится сооружение глиняной платформы и возведение на ней цитадели и строительство рядом с протогородом маленьких сельских усадеб. Это отражает существенные социально-экономические изменения в жизни общества.

Большие отличия прослеживаются и в керамике. Она представлена тремя группами.

К первой группе относится посуда, сделанная на гончарном круге, количество которой резко сократилось. Посуда покрыта красным, изредка лощеным ангобом, иногда нанесенным только в верхней части. Сохранились типы горшков, чаш и сосудов с усеченно-коническим дном (Марущенко 1959: 63).

Вторую группу составляет лепная керамика с примесью шамота и иногда отпечатками ткани на внутренней поверхности (табл. XX—XXII). Часть горшков этой группы орнаментирована наlepным валиком, в том числе с двумя отходящими от валика усами без насечек (табл. XVIII). Появились соуды с ручками и носиком-сливом (табл. XIII, XIX). По современным представлениям эта группа валиковой посуды относится к типу Донгал и датируется X—IX вв. до н.э.

Третью группу, которая считается диагностической, составляет лепная посуда, украшенная росписью. Горшки, чаши, кринки с ручками покрыты светлым, желтоватым или бурым ангобом. В верхней части сосуда нанесен геометрический декор в виде заштрихованных или покрытых сеткой треугольников и ромбов, залитых треугольниками (Марущенко 1959; 63. табл. XV—XVII).

Именно эта посуда отнесена Э. Шмидтом (H. Schmidt in: Rumpelly 1908: 49) к культуре степных кочевников. Аналогичные комплексы обнаружены в Яшилли и Яз-депе. Марущенко датирует эти памятники XII—VII вв. до н.э.

Кроющим слоем городища является Елькен III. Это новый важный этап, о чем свидетельствует рост площади городища, обнесенного стеной, сложенной из стандартного сырцового кирпича 50—60×25—30×10 см, сооруженной поверх вала из глины, облицованного кирпичом.

В городе процветает ремесло: найдены шлаки меди и впервые появляющегося железа.

Почти вся керамика сделана на гончарном круге. Это хумы, горшки, чаши и абсолютно господствующие сосуды цилиндрической формы с характерными клювовидными в сечении венчиками (Марущенко 1959; 67. табл. XXVI—XXXII). Сосуды покрыты светлым или красным ангобом, иногда нанесенным только в верхней части. Весь этот керамический комплекс генетически связан с предшествующими не исчезавшими традициями Елькен II и I.

Особый интерес представляют сделанные на гончарном круге сосуды, украшенные в верхней части сформованным валиком, что отражает сохранение традиции валиковой керамики (табл. XXXII: 1).

Посуда Елькен III находит аналогии в керамических комплексах Анау IV и Яз III. Отдельные типы сосудов, например, горшки с двумя ручками, напоминают формы из ахеменидских Суз и Персеполя.

На основании находок втульчатых двулопастных и трехлопастных стрел (Марущенко 1959; 67. табл. XXXII) слой Елькен III отнесен к VII—IV вв. до н.э.

Подводя итог, Марущенко (1959; 56, 70) подчеркивает, что «поселение Елькен связано глубокими корнями с древней местной земледельческой культурой».

В эпоху варварской оккупации оно стало «центром примитивного варварского государства, станом вождя одного из захвативших поселение и осевших скотоводческих племен».

Та же стратиграфия прослежена на Улут-депе (В.И. Сарияниди АО 1968; АО 1970; 1972а). Это большое столичное тепе площадью 10 га, высотой 30,5 м, сохранившее напластования от эпохи Намазга IV до Ахеменидов. В середине II тыс. до н.э. памятник, как и многие другие, испытывал кризис, его площадь резко сократилась, но в первой половине I тыс. до н.э. он пережил бурный подъем и стал одной из двух столиц региона, наравне с Елькен-депе. Интересна стратиграфия Улута. Два нижних яруса (VII и VI) относятся к этапу Намазга VI, посуда тут изготовлена на гончарном круте, но уже в недрах этой культуры появляются единичные фрагменты расписной керамики, количество которой возрастает выше. В IV ярусе сохраняется архитектура многокомнатных домов, построенных из сырцового кирпича размером 55—60×25×10 см, но керамический комплекс резко сменяется: преобладает грубая лепная посуда с примесью шамота. Большая часть ее украшена под венчиком фризом, нанесенным черной или красной (редко — зеленоватой) краской по светлomu ангобу. Мотивы декора разнообразны: равнобедренные треугольники, углы, ромбы, пирамиды, треугольники: заштрихованные, залитые, покрытые сеткой или шахматным рисунком (Сарияниди 1972а: рис 27; Сарияниди, Кошеленко 1985, табл. LXVII, LXVIII).

Вторую группу лепной посуды составляют грубые кухонные горшки и котлы, украшенные налепными валиками и косыми налепами, а также котлы с ручками-налепами и крышки с ручками. В верхнем ярусе количество лепной посуды резко сокращается, но она не исчезает полностью. Господствует здесь керамика, сделанная на гончарном круте. Это банки, миски, хумы цилиндро-конической формы, характерные для эпохи Елькен III — Яз II. Таким образом, стратиграфия Улута позволяет установить, что расписная керамика зарождается еще в недрах культуры этапа Намазга VI и пережиточно сохраняется в предахеменидское время, когда возрождается и никогда не исчезавшая традиция изготовления высококачественной гончарной посуды цилиндрикоконической формы, генезис которой можно возвести к эпохе Намазга IV. В.И. Сарияниди (1970: 434) подчеркивает, что крутовая керамика I яруса восходит к местной посуде типа Намазга VI. Он относит появление комплекса Яз I в предгорных районах к концу II тыс. до н.э. и предполагает, что «появление комплекса расписной посуды следует связывать не со степными областями Средней Азии, а с более южными районами», имея в виду материалы Тилля-тепе в Афганистане. Отмечая большую мощность

слоев Яз I в Афганистане, В.И. Сарияниди (1972б: 54, 55) предполагает, что культура ЭВО сложилась под влиянием Хорезма и ее распространение связано с расселением оттуда индоиранских племен.

Рекогносцировка нескольких памятников на юге Туркмении проведена Г. Гутлыевым (1977). Он относит их к эпохе раннего железа. На Ясы-депе выявлена платформа из пахсы и сырцового кирпича и установлена стратиграфия. Верхний слой синхронен Яз III, т.е. относится к ахеменидской эпохе. Вся керамика цилиндроконической формы сделана на гончарном круте. Ниже залегает слой Яз II, где из 516 фрагментов только 34 ручной лепки. В нижнем слое, синхронном Яз I, сохраняются цилиндроконические банки, изготовленные на круте, но их количество резко сокращается. Господствует грубая лепная керамика с примесью кварца. Она покрыта узорами в виде фриза в верхней части, состоящего из треугольников заполненных ромбами, косой штриховкой, фигурами, залитыми краской (Гутлыев 1977: 20, рис. 4).

Та же стратиграфия установлена на Гараой-депе (Гутлыев 1984): в первом ярусе 95% посуды сделано на гончарном круте. Во втором и третьем ярусах она составляет 90%, отдельные сосуды украшены коричневой росписью по светлому фону в виде углов, елки, треугольников, заштрихованных сеткой. Судя по рисункам, есть также посуда с наклепными валиками и вертикальными ручками.

Ниже картина меняется: из 325 фрагментов только 42 сделаны на круте. В лепной посуде присутствует примесь шамота. Мотивы декора те же, но много залитых краской полос, треугольников, ромбов (Гутлыев 1984, рис. 4). На основании аналогий с другими памятниками автор датирует нижний слой — Яз I концом II тыс. до н.э. Обращает внимание то, что традиция изготовления расписной посуды сохранилась здесь и в ахеменидскую эпоху.

Точно те же закономерности развития керамического комплекса выявлены к юго-востоку от Ашхабада на поселении Яшыллы-депе площадью 3 га, высотой 6 м. В нижнем культурном слое толщиной 2,1 м — Яз I — лепная расписная посуда составляет 23%, нерасписная — 56%, число гончарной возрастает с 9 до 18%; в слое II количество расписной убывает с 18 до 3%, нерасписной — с 50 до 3%, гончарной возрастает с 28 до 90%; незначительное количество составляет серая лощеная посуда культуры Дахистана; в верхнем слое вся керамика изготовлена на круте и имеет изысканные цилиндроконические формы (Гутлыев 1980, табл. 33).

В подгорной полосе Копет-Дага в области Этек в оазисе Дашлы открыт ряд памятников эпохи варварской оккупации (Пилипко 1986). На небольшом поселении Дашлы 17 выявлено три этапа. I — относящейся к периоду Елькен II характеризуется керамикой трех типов, выявленной в шурфе на поселении Дашлы 30. Треть посуды изготовлена на гончарном круге и представлена сосудами биконической формы и большими корчагами с усеченно-коническим дном, она продолжает традиции эпохи Намазга VI. Новой — и диагностически важной — формой являются большие гончарные сосуды с клювовидным венчиком и расположенным под ним валиком (Пилипко 1986, табл. 2, особенно 1, 2, 7, 9 с валиком). Последняя форма несомненно возникла под влиянием степной керамики с наlepным валиком. Лепная посуда (табл. 1) с примесью шамота покрыта красным ангобом, а чаще имеет светлую зеленовато-желтую поверхность. Есть небольшие горшки с росписью в виде равнобедренных треугольников, заполненных сеткой. Большую часть лепной керамики составляют крупные сосуды с вертикальными ручками, миски, сосуды с носиком.

На поселении Дашлы 17 на втором этапе была сооружена из кирпича и пахсы обводная стена.

Керамический комплекс этого поселка и Дашлы 16 сохраняет преемственность с предыдущим. Но лепная керамика представлена только ангобированными чашами. Принципиальное отличие комплекса составляет полное исчезновение расписной посуды и существенное увеличение круговой, среди которой ведущей формой становятся цилиндро-конические банки (Пилипко 1986, 9, табл. 3). К этому времени относятся находки втульчатых лавролистных бронзовых стрел.

Таким образом, памятники подгорной полосы, имея некоторые локальные отличия, отражают сходную стратиграфию и характеризуются общей линией развития керамики.

***

В Маргиане свидетельства установления связей земледельцев эпохи Намазга VI со скотоводами андроновского круга выявлены на поселении Гонур и на стоянке, расположенной рядом с ним, открытой Ф. Хибертом; на поселении Тоголок I и в сборах на других памятниках (рис. 286). Посуда украшена геометрическим орнаментом, выполненным зубчатым или гладким штампом (Сарианиди 1990

табл. XII: 14, 15; LIV). Она лишена черт, специфичных для культуры Тазабагъяб, и валиков, характерных для финальной бронзы, и по современным представлениям относится к XV—XIV вв. до н.э.

На поселении Аучин наряду с гончарной также представлена лепная посуда. Сосуды с усеченно-коническим дном подражают местной гончарной керамике, как и сосудик со сливом, покрытый белым ангобом. Часть лепных фрагментов орнаментирована резными треугольниками и углами, они во многом близки андроновской керамике (Массон 1959: 20, 21).

На поселении Тахирбай 3 (Массон 1959: 20, 21, 27, табл. XI) есть подобная посуда; один фрагмент имеет ребро алакульского типа, но найдены также черепки с росписью и с валиком под венчиком (Сарианиди 1990: табл. LXII: 10, 11) типа Яз I. В.М. Массон (1959: 19), полагает, что Аучин является более ранним, а Тахирбай — более поздним памятником мургабского варианта культуры Намазга. Сосуд с валиком и носиком-сливом происходит с поселения Тоголок 28 (Сарианиди 1990, табл. L: 11). Он типичен для эпохи варварской оккупации.

Ключевым комплексом в дельте Мургаба служит поселение Яздепе. На нем выявлено три культурных слоя. В слое Яз I выделено три группы керамики (Массон 1959: 35, табл. 1). К первой относятся сосуды, сделанные на гончарном круте — это крупные горшки-хумы и полусферические чаши-кубки, круглые миски. Они имеют красный цвет обжига, а снаружи (иногда только в верхней части) покрыты белым или желтоватым ангобом. В нижней части слоя эта керамика составляет 5,5—8%, а вверху ее количество возрастает до 14,5%. Второй тип составляет лепная посуда, покрытая по беловатому фону красной или коричневой росписью. Подсчитать ее процент трудно, так как расписана только верхняя часть. В среднем эта группа составила внизу 12%, а вверху — вдвое меньше.

Мотивы декора — расположенный под венчиком фриз из обращенных вниз углов, треугольников и ромбов, заштрихованных линиями или сеткой (Массон 1959, табл. XVII — XX; XXV; XXXI).

Господствует третья группа — лепная нерасписная посуда, количество которой сократилось вверху на 10%. Вся лепная посуда содержит много толченой керамики — шамота.

Выделяется два варианта обжига сосудов: серо-черные, слегка лощенные и более грубые буро-красные. Формы их едины: это чаши и большие горшки-хумча, иногда с вертикальными ручками. Отличительная особенность горшков — орнаментация их налепными вали-

ками с защипами, иногда только косыми отрезками валиков (Массон 1959: табл. XXII: 3, 4; XXIII: 8, 9; XXIV; XXV: 11; XXVI: 1, 2, 7; XXVII: 6).

К этому слою относятся камни пращи, булава и три черешковые и три втульчатые двухлопастные бронзовые стрелы, однолезвийный нож и бляшка с петелькой (Массон 1959: 38, табл. XXXIII).

Следующим по времени является слой Яз II. В отличие от других памятников постепенный переход на Язе не прослежен и выглядит как скачок в развитии производства: вся керамика сделана на гончарном круге и лишена примеси шамота. Но генетическая преемственность гончарных сосудов отчетливо прослеживается в формах кубков, горшков с усеченно-коническим дном, белом ангобе и нанесении его у части сосудов только в верхней трети. Традиции лепной посуды отражает сохранение валиков под венчиком и появление клювовидных венчиков. Абсолютно господствуют горшки цилиндро-конической формы (Массон 1959: 39, 40; табл. XXXVII—XXXIX). В слое II найдены бронзовая двулопастная втульчатая стрела (табл. XXXIV: 18) и фрагмент железного топора (табл. XXXV: 4).

Керамика Яз III сохраняет традиции гончарной посуды Яз II. Ее диагностическим признаком является замена клювовидного венчика венчиком в виде уплощенного валика (Массон 1959: 41, табл. XLI, XLII). В слое найдена бронзовая трехперая стрела со скрытой втулкой (табл. XXXIV: 14) и железные топоры и тесла (табл. XXXV: 1—3).

По мнению В.М. Массона (1959: 68, 70, 128, 129, рис. 20), эпоха Яз II (IX—VII вв. до н.э.) была временем кардинальных культурных инноваций: расширялась сеть ирригационных каналов, было введено железо, а на поселении на высокой глинобитной платформе из глины и сырцового кирпича была возведена прямоугольная цитадель. Ее современная высота — 12 м, площадь 1 га. Формат кирпича 53×28×12 отражает сохранение архитектурных традиций эпохи Намазга VI, как и керамика.

Нижний слой Яз I соответствует верхней части слоя Елькен II, а слои Яз II и III относятся к предахеменидской и ахеменидской эпохам.

В.М. Массон (1985: 61) предлагает датировать Яз 1900—650 гг. до н.э., Яз II — серединой VII в. до н.э.

* * *

В Шерабадском оазисе Узбекистана комплекс Яз I открыт в кроющем слое поселения Джаркутан (Аскарлов 1976: 17—19; 1977, табл. LXVIII), представляющем крепость и примыкающий поселок.

Цитадель Джаркутана имеет площадь 3 га и окружена крепостной стеной с контрфорсами.

Во дворце и доме в крепости обнаружены в поздних ямах фрагменты лепных и гончарных сосудов. Треть обломков покрыта темно-красной краской по светлому фону. Орнамент идет под венчиком, представлен углами, свисающими незамкнутыми косо, или сеткой заштрихованными, или замкнутыми треугольниками или ромбами (рис. 33: 16—24; 62: 2, 3, 5—18). Есть также кухонные горшки, иногда сформованные на матерчатом шаблоне, с валиком под венчиком.

Интересно, что валиком с насечками и крестами украшены под венчиком некоторые гончарные культовые сосуды из храма (рис. 33: 7—12) (Аскарлов, Ширинов 1993; рис 46: I; VII).

Комплекс Яз I перекрывает слои БМАК этапов Молали-Бустан (Шайдуллаев 1990; 2000; Аскарлов, Ширинов 1993: 55; 57; 58; 85; рис. 19: III; 20: I; 21; также 74: II, 1, 2).

Гончарная керамика из ям продолжает традиции БМАК, но обращает внимание обилие сосудов биконической и цилиндроконической форм, господствующих в эпоху Яз II (рис. 61: 2, 3, 5—18).

Авторы (с. 127) справедливо полагают, что эти факты отражают синкретизм местной бактрийской и пришлой андроновской культур.

В южном Узбекистане, как и в Туркмении, в отдельных оазисах представлены немногочисленные большие поселения и укрепленные усадьбы. Динамику развития отражает стратиграфия поселения Кызыл-тепе в оазисе Миршади (Сагдуллаев 1978а,б, 1987, 1989; Сагдуллаев, Хакимов 1976; Шайдуллаев 1990, 2000). Памятник площадью 30 га — это крепость с цитаделью площадью 2 га, возвышающейся на 10 м. Она стоит на платформе, сложенной из необожженного кирпича и пахсы. За стенами с овальными башнями и рвом продолжается неукрепленная часть поселка. В окрестностях находится семь небольших укрепленных квадратных усадеб Кызылча 1—7, составляющих земледельческую округу.

В нижнем слое Кызыл I около 97% составляет лепная керамика с примесью песка и шамота, сформированная на матерчатом шаблоне или ленточным способом, что типично для технологии степной посуды эпохи бронзы. Большие горшки и хумы лишены ангоба и лощения снаружи. Остальные сосуды покрыты светлым, беловатым или, редко, красным ангобом, что отражает традиции ремесленного производства земледельцев. Основные формы — полусферические чаши, горшки, сосуды хумча, иногда с усеченно-

коническим дном. Есть также горшки с наклепленными валиками, с вертикальными ручками, с носиком-сливом (Сагдуллаев 1978: 7; 1987: рис. 20).

Этот керамический комплекс типичен для этапа Яз I. Его существенную особенность составляет малочисленность расписной керамики.

На другом памятнике оазиса — однослойном Безымянном поселении наряду с описанной посудой небольшой процент составляют фрагменты с мазками красной или черной краской или треугольниками (Путаенкова 1972: 47—48).

Кызыл II было временем важных перемен. На поселении была построена цитадель. Часть лепной посуды сделана на матерчатом шаблоне. Сохранились горшки с вертикальными ручками и короткими носиками.

В керамическом комплексе в переходных слоях постепенно возрастало количество гончарной посуды, во II слое она составила 70%. Тесто почти без примесей, обжиг хороший, черепок красный. Снаружи сосуды покрыты светлым желтовато-белым ангобом. Абсолютное большинство чаш и мисок до больших хумов и хумча имеют цилиндро-коническую форму и клювовидный венчик (Сагдуллаев и др. 1976: рис. 2; Сагдуллаев 1987: 10, 11, рис. 22, 23). Отличительную особенность керамики этого памятника составляет традиция наносить на гончарные сосуды мазки и геометрические фигуры (рис. 24).

Этот керамический комплекс находит аналогии в Елькен III и Яз II.

Кызыл III демонстрирует дальнейшее развитие традиций. Почти вся посуда сделана на гончарном круте и по ребрам покрыта белым, иногда — розовым ангобом. Исчезают роспись и клювовидный венчик. Он становится треугольным в сечении или валикообразным. Сосуды сохраняют цилиндро-коническую форму, но придонная часть становится очень низкой, ребро резко подчеркнуто, а цилиндрические стенки слегка вогнуты. (Сагдуллаев 1987: 11, 12, рис. 25—26). Аналогичен этой посуде комплекс Яз III.

Та же динамика выявлена на соседней, полностью раскопанной небольшой укрепленной усадьбе Кызылча 6, предназначенной для проживания одной семьи. Большой внутренний двор окружен жилыми помещениями и укреплен стеной. (Сагдуллаев 1987: рис. 7, 8). Население занималось земледелием, на что указывают находки каменных пестов, зернотерок, бронзового серпа, а в Кызылча 6 — же-

лезного серпа. Особенность, отличающая узбекские поселения от Маргианы и Парфии, — находка в них каменных серпов и ножей. (Сагдуллаев 1987: 31, рис. 17; 34: 2, 3). Аналогии им есть в других культурных областях — в Чусте и Синьцзяне.

Оружие представлено находками в Кызылча 6 четырех втульчатых двулопастных стрел характерных для комплексов Яз-депе (Сагдуллаев 1987: 33, рис. 32: 4, 5).

Аналогичные памятники с той же стратиграфией и развитием керамики выявлены в соседних оазисах южного Узбекистана. Следует упомянуть поселение Бандыхтан-тепе I с цитаделью 90×70 м высотой 5—6 м. На нем сочетается гончарная и лепная посуда, иногда покрытая под венчиком небрежными мазками, нанесенными красной краской по кремовому ангобу, и грубые горшки с наклепленным валиком с вдавлениями (Ртвеладзе 1976: 95—96, рис. 2). Это позволяет отнести памятник к эпохе Яз I (рис. 61: 1, 4, 19, 20).

Развитие культуры в начале I тыс. до н.э. демонстрирует поселение Кучук-тепе в Шерабадском оазисе (Аскаров, Альбаум 1979) (рис. 60).

Это холм площадью 0,5 га высотой 8 м, представляющий остатки укрепленной усадьбы, где проживала одна семья и где выявлено три этапа жизни в усадьбе. Нижний слой, относящийся к периоду Яз I, характеризуется господством лепной посуды; гончарная составляет только 20%. Это полусферические чаши, горшки с венчиком в виде валика и крупные сосуды — «хумча». Лепная посуда изготовлена на матерчатом шаблоне. Это миски и горшки с узким горлом. Особенность посуды Кучук I — отсутствие орнаментации наклепными валиками. Видимо, имитацией их являются две параллельные линии под венчиком гончарных горшков (табл. 3: 12—15). Часть лепной посуды покрыта кремовым или розовым ангобом, по которому небрежно нанесен красной или темно-красной краской под венчиком декор в виде зигзага, косо или горизонтально заштрихованных или залитых краской свисающих треугольников (изредка ромбов и кружков). (Аскаров, Альбаум 1979: 32, 33, рис. 13, 14; табл. 2; 5). Есть фигурки копытных животных.

Для комплекса Кучук II характерны крупные горшки с клювовидным венчиком и (иногда) с усеченно-коническим дном (табл. 5: 4, 8; 11: 14, 18, 19). Типичны горшки с горизонтальными ручками — упорами и сосуды с носиками (рис. 13; табл. 5: 2; 8: 5—7, 9; 13: 16). Орнамент исчезает, изредка под венчиком чаш наносят мазки или контурные треугольники (табл. 7: 4, 5; 8: 1, 4, 8; 12: 1, 4—6; 13: 1, 4, 11). На крупных гончарных горшках идет модифицированный

валик, имитирующий валик налепной (табл. 11: 14, 18, 19). Есть также горшки, у которых отрезок налепного валика помещен под горлом (табл. 14: 1, 4, 6, 8).

Дальнейшая плавная эволюция прослеживается в комплексе Кучук III. Здесь исчезает лепная посуда. Абсолютно господствуют цилиндрико-конические сосуды изысканных пропорций с подчеркнутым ребром и вогнутыми стенками, клювовидными или утонченными венчиками (табл. 15-18). Этот комплекс аналогичен посуде Яз III, а в Бактрии — Кобадан I.

Инвентарь памятника включает каменные зернотерки, ступки, песты. В верхнем слое поселения найдены каменные серпы (табл. 22), пять бронзовых ножей двух типов: серповидные с ответвлением в рукояти и однолезвийные с длинной ручкой и округлым концом лезвия (рис. 23).

Интерес представляет находка двух роговых псалиев с отверстиями. К сожалению, тип их не может быть установлен, так как они сильно фрагментированы.

Оружие представлено бронзовым кинжалом с долом (продольным ребром) и полусферическим навершием рукояти. На памятнике обнаружено 26 бронзовых стрел. Ко времени Кучук II относятся наконечники двулопастные с выступающей втулкой, характерные для этого времени в широкой зоне Евразии и восходящие к андроновским прототипам. Большая часть разнотипных стрел происходит из верхнего слоя. Большинство из них — трехлопастные черешковые (Аскаров, Альбаум 1979: 44—47, рис. 19; табл. 24, 25).

Аналогичный керамический комплекс выявлен на поселении Талашкан (рис. 62: 1, 4, 19, 20; Ртвеладзе 1976).

На территории Таджикистана культура эпохи варварской оккупации выявлена достаточно слабо. Этот комплекс присутствует на поселении Кангурттут. Н.М. Виноградова (2004: 41, рис. 24: 35—38) относит его к самому концу II — началу I тыс. до н.э. Он перекрывает слой эпохи бронзы периода Бустан, который содержит посуду, сделанную на гончарном круте (90%). Ведущими формами являются горшки с коническим дном, чаши и вазы на ножке (рис. 24: 1—25). Она сочетается с небольшим процентом лепной бишкентской и андроновской познефедоровской керамики с богатым штампованным орнаментом (Виноградова 2004: 41, рис. 24: 35—38) (рис. 35).

Литейная форма кинжала с упором и однолезвийные ножи с отогнутым концом позволяют на основании широкого круга ана-

логий датировать ранний комплекс XIII—XI вв. до н.э. (Kuzmina, Vinogradova 1996) и отнести его к восточно-андроновской металлургической провинции. Полученные радиоуглеродные даты в интервале между 1976/1756 и 1594/1291 г. до н.э. (Виноградова 2004: 41) абсолютно противоречат археологической хронологии.

Следует отметить, что на поселении представлены кости лошади и ее фигурки, свидетельствующие о распространении животного и его культа.

Сосуды типа Яз I есть в верхнем слое поселения Тегузак (Пьянкова 1987 — АРТ XX; 1988 — АРТ XXI; 1993 — АРТ XXIV). Основной керамический комплекс составляет гончарная белоангобированная посуда, аналогичная керамике Кангурттута, относимая к этапу Бустан сапаллинского варианта БМАК. Он сочетается с позднеандроновской керамикой с орнаментом зубчатым штампом. В верхней части слоя найдены грубые лепные сосуды без орнамента и горшок с носиком-сливом, украшенный налепным валиком. Они отнесены к комплексу Яз I.

Единственным пока чистым памятником Яз I в Таджикистане является поселение Карим-берды (Виноградова 1986 — АРТ XIX; Ryankova 1996). Важно подчеркнуть, что это оседлый земледельческий поселок с каменными стенами. Керамика, сделанная на гончарном круте, составляет 62%. Лепная посуда представлена сосудами с налепным валиком или носиком-сливом, мисками, крышками. Расписная керамика малочисленна. Орнамент нанесен темно-красной краской по светлому фону в виде углов, елки. Л.А. Пьянкова датирует поселение IX—VIII вв. до н.э. Ближайшую аналогию ему составляет нижний слой поселения Кучук-тепе в южном Узбекистане (Аскарлов, Альбаум 1979; Шайдуллаев 2000).

Дата определяется по находке кельта-тесла со сквозной втулкой, аналогии которому известны в эпоху финальной бронзы в восточно-андроновской металлургической провинции в Восточном Казахстане в Чердояке, в кладе Палацы, включающем также браслет с рожками и кинжал с грибовидным навершием и гардой. Все эти изделия типичны для эпохи поздней валиковой керамики и карасукской культуры (Черников 1960: 84, табл. X: 4; LXIV: 8).

Кельт содержит высокий процент олова — 10%, по данным И.Г. Равич, что характерно для позднеандроновской металлургии.

В Южном Таджикистане памятники, переходные от ЭВО к Яз II, не выявлены. Предахеменидскую эпоху знаменуют поселения стадии Кобадан I, выявленной М.М. Дьяконовым.

В северо-восточном Афганистане в Шортугае в кроющем слое представлена только керамика Алексеевского типа с простым геометрическим орнаментом и наlepным валиком (рис. 27: 24—33) (Francfort 1989 pl. 58: 6—8; 11—15; XXVI: 5).

В Восточном Афганистане в результате разведок советско-афганской и французской экспедиций установлено, что открытые укрепленные поселения сооружены не Ахеменидами для защиты от северных варваров, а относятся к более древней эпохе.

Главным исследованным памятником Северного Афганистана является поселение Тилля-тепе (Сарианиди 1972б; 1977; 1989а) в оазисе Шиберган. Тилля-тепе — «Золотое тепе» — это небольшой холм, который составляет платформа диаметром 100 м из сырцового кирпича, возвышающаяся на 4 м и частично уходящая вглубь земли. Цитадель фланкирована круглыми башнями. Стратиграфически выделено два слоя, и предполагается существование развешанного верхнего третьего. В нижнем слое Тилля I, видимо, существовал большой зал, который позже был перестроен. Керамические комплексы Тилля I и II почти не различаются по материалу и включают четыре типа посуды двух групп (рис. 63).

Первую группу составляют гончарные чаши, миски, горшки, большие хумы. Глина без примесей, обжиг красного цвета. Верхняя часть сосуда покрыта белым ангобом. По наблюдениям В.И. Сарианиди (1972: 21, 23) в верхней части II слоя и в предполагаемом кроющем слое III возрастает процент гончарной керамики, особенно цилиндрико-конических банок (рис. 63: 22): многие сосуды имеют клювовидный венчик, у некоторых сформован валик, имитирующий наlepной валик лепной посуды (Сарианиди 1972: рис 17: 3; 15).

Вторую группу представляет лепная посуда, составляющая две трети керамического комплекса. Она изготовлена из глины с примесью толченых черепков — шамота.

Первый тип — это расписная керамика: полусферические чаши, горшки, сосуды с носиками. Их поверхность внутри и снаружи покрыта белым или кремоватым ангобом. В верхней части сосуда красной или коричневой краской нанесен геометрический орнамент. Фриз из треугольников вершиной вверх или вниз, ромбов, зигзагов, квадратов, заштрихованных косыми линиями или сеткой и иногда сплошь заполненных краской. Следует отметить, что роспись изредка встречается на гончарной посуде. В.И. Сарианиди

(1972: 20) подчеркивает, что ни в форме, ни в мотивах декора посуды с разных глубин динамики не прослежено.

Эта керамика находит широкий круг аналогий в посуде эпохи варварской оккупации юга Средней Азии, особенно в подгорной полосе, где встречаются такие же богатые и сложные узоры. В.И. Сарияниди (1989: 4, 5; 29; 40 табл. 1) допускает очень длительный период жизни на Тилля-тепе, помещая слои Тилля I-II раньше слоя Елькен II, исходя из предполагаемой им большой толщи культурного слоя памятника, определяемой им то 6, то 9 или 10 метрами, в то время как в Парфии культурный слой Елькен II не превышает 3 м, а в Маргиане — 2 м. Против этого выступили Л.И. и И.Н. Хлопины (1976). Они, по-видимому, справедливо отвергли предположение о толщине культурного слоя Тилля. На памятниках Туркмении установлены существенные изменения керамики от слоя к слою. Отмеченное же В.И. Сарияниди единство керамического комплекса Тилля свидетельствует против его длительного накопления. Это позволяет синхронизировать Тилля I-II с памятниками подгорной полосы, что прекрасно проиллюстрировано самим В.И. Сарияниди (1972в. рис. 7).

Второй тип лепной керамики составляет черная или серая посуда: чаши, небольшие горшки, миски, иногда с ручкой, расширяющимся к низу туловом. Глина содержит примеси шамота. Черный цвет поверхности получен в результате обжига при недостаточном доступе кислорода. Снаружи сосуды тщательно залощены. Многие горшки под венчиком орнаментированы сформованными рельефными поясами, иногда в несколько рядов, или подковообразным налепом (Сарияниди 1972б: 20; рис 8: 6—8; 9: 4; 14: 10; 1989: 31—33, табл. XLIX—LIV). Единичны экземпляры с геометрическим орнаментом, выполненным гладким штампом (Сарияниди 1972б; рис 10: 4).

Подобная посуда, хотя и в очень небольшом количестве, известна в комплексах Елькен II в подгорной полосе. Обычно ее признают импортом из Дахистана или Ирана. Однако проведенный В.И. Сарияниди (1989: 33,33) анализ показал, что формы чернополированной керамики далеко не идентичны иранским. Восстановительный бескислородный обжиг практиковали также андроновцы. Параллельные рельефные пояса можно было бы рассматривать как имитацию типичных федоровских каннелюр, валики сравнить со степными налепными валиками. Но такое сопоставление некорректно: во-первых, формы сосудов абсолютно не похожи, во-вто-

рых, когда на лепной посуде появились налепные валики, совершенно вышла из употребления высококачественная чернолощенная керамика. Так что происхождение этого типа посуды остается не выясненным. Но обращает внимание наличие некоторых сходных форм и аналогичной технологии обжига в слоях поселений Мундигак в Афганистане, Пирак в Белуджистане и Джангар в Индии, что Ж.-Ф. Жарриж (Jarrige, Santoni 1979; 394, 395) объясняет процессом диффузии с запада, связанным с распространением на этих памятниках железа.

Третий — самый многочисленный тип лепной керамики Тилля составляет грубая кухонная посуда, содержащая большую примесь шамота. Это крупные горшки и котлы с округлыми боками. Некоторые сосуды имеют вертикальные ручки или подковообразные налепы и выступы (Сарианиди 1972б: 21; рис 8: 8; 1989: 35, табл. XL: 1, 2, 4). Диагностическим признаком этой керамики являются короткие носики и налепные валики, в том числе с косыми пальцевыми вдавлениями, спускающимися «усами» или налепными короткими косыми валиками (рис. 63: 14, 17—21) (Сарианиди 1972б: 21; рис. 7; 9: 1; 10: 3; 12: 1, 7; 22: 4; 1989: табл. XL).

Именно эта посуда составляет большинство на стоянках и на поселениях юга Средней Азии, появляясь там еще в конце эпохи Намазга VI и местами доживая до предахеменидского времени.

Металлический инвентарь Тилля-тепе включает два бронзовых однолезвийных ножа (Сарианиди 1989а: табл. III: 13, 14; Л. Давидова 1966: 44—46, табл. IX—XI). Найдено четыре бронзовые двулопастные черешковые стрелы: одна — с ромбической головкой, две — с опущенными жальцами (рис. 63: 10, 15) (Сарианиди 1972б: 24; рис 7; 14: 7; 21: 4; 1989: табл. III: 1—4). Аналогии им известны в Яз-депе (Массон 1959; рис. 34; табл. XXXIII: 3—4, 8), и на поселении Пирак в слое III, в котором нож сделан из железа (Jarrige, Santoni: 1979; fig. 108: 842; 845). Там же находят соответствие бронзовые трубочки с отверстиями (Сарианиди 1989а: рис. 6: 2, 5). Украшения представлены бронзовой бляшкой с петелькой (Сарианиди 1989а: табл. III: 12).

Анализ архитектуры, керамики, металлических изделий не оставляет сомнений в правильности сделанного В.И. Сарианиди вывода об отнесении Тилля-тепе к кругу памятников юга Средней Азии эпохи варварской оккупации (рис. 64). Общность памятников не вызывает разногласий исследователей, но происхождение и хронология дискуссионны.

Западнее, в оазисе Наибабад, исследовано поселение Наибабад I площадью 450×300 м, высотой 3 м. На нем обнаружен комплекс керамики Яз I (Сарианиди 1989а: 25, 26, табл. XLI—XLVI). В оазисе выявлен ряд поселений, в том числе маленький поселок Кумли I площадью 30×30 м, высотой 4 м. Холм — это платформа из кирпича 43×24×10 см, вероятно, увенчанная зданием (Сарианиди 1989: 26, табл. XLVII—XLVIII). Стратиграфия показала, что под слоем ахеменидского времени залегает слой, как с гончарной, так и с расписной посудой.

Французской археологической миссией во главе с Ж.-К. Гарденом (J.-C. Gardin 1998: 20; 2000) в оазисах Кундуз и Арчи выявлена ирригационная сеть, свидетельствующая о централизации в регионе в эпоху РЖВ, и обследованы небольшие укрепленные усадьбы и большое поселение Кундузский Бала Гиссар предахеменидского времени. Река Кундуз, видимо, представляет восточную границу, за которой расписная керамика практически неизвестна (Francfort 2001: 226).

Спорны как относительная, так и абсолютная хронология. По аналогии с памятниками Ирана XIII—VIII вв. до н.э., отнесенными к эпохе РЖВ, комплексы Средней Азии некоторые исследователи иногда также относят к эпохе железного века (Кошеленко, Сарианиди 1985; Пьянкова 1998а; Francfort 2001; Виноградова 2004: 107).

Появление железа в Средней Азии знаменует находка нескольких бусин на Намазга VI, в погребении, относящемся к концу этапа Намазга VI (Кузьмина 1966: 91, 99, табл. XV: 10). К эпохе Яз I относятся фрагменты железного серпа в слое Анау IV (Pumpelly 1903, I: 157—158 № 40). А.С. Сагдуллаев (1982: 233) датировал серп IX—VII вв. до н.э. По мнению В.М. Масона (1959: 108), эта находка «видимо, указывает на начало Железного Века в Средней Азии», которое на юге Средней Азии можно отнести к первой трети I тыс. н.э., а «в VI—IV вв. до н.э. в областях Средней Азии был уже развитой железный век». На Елькен-депе, видимо, в слое III найдены шлаки бронзы и железа (Марущенко 1959: 57).

На цитадели Джаркутана обнаружена часть рукояти ножа с железными заклепками. По керамическому комплексу она относится к периоду Джаркутан сапаллинского варианта БМАК — XIII в. до н.э. (Шайдуллаев 1998: 39—41).

В.М. Массон (1959: 106) и А.С. Сагдуллаев (1982: 233) составили банк данных о находках железных изделий на юге Средней Азии. К VIII в. до н.э. относится находка железного ножа в Фергане на посе-

лении Дальверзин культуры Чуст (Заднепровский 1962: табл. XXII: 21); железный топор есть в Яз II, шлаки — в Елькен III и Чурнок, в Согде железо есть на поселении Дара-тепе VII—VI вв. до н.э. Тем же временем оно датируется в Хорезме, в Кюзелигыр, где открыта мастерская и найден серп, в Кююсае и Уйгараке. Массовое распространение железа в Средней Азии фиксируется только в VI—IV вв. до н.э. Поэтому, по-видимому, пока целесообразно начинать железный век Средней Азии только со второй четверти I тыс. до н.э., а памятники эпохи варварской оккупации конца II и первой четверти I тыс. до н.э. относить к эпохе финальной бронзы, как и синхронные им комплексы культуры валиковой керамики в степях.

Впрочем, и в Иране, где памятники XIII—VIII вв. до н.э. отнесены к эпохе РЖВ, как говорилось, железо в ранних комплексах также отсутствует.

Это не позволяет принять предложенный А.-П. Франкфором термин «культура Раннего Железного Века...» (Francfort 2001).

12. Происхождение культуры восточных иранцев Афганистана и Белуджистана

Как уже говорилось, памятники Яз I находят аналогии в Южной Азии. Это прежде всего поселение Нади-Али в афганском Сеистане. Здесь были проведены раскопки Р. Гиршманом (Ghirshman 1939), продолженные Г. Дейлсом (G. Dales 1971; 1972; 1977). К сожалению, полной публикации не появилось. На поселении выявлено два слоя: I — разрушенный, где найдена ахеменидского времени керамика типа Яз II и трехперые наконечники стрел с выступающей втулкой, второй II — нижний слой — сохранил платформу цитадели, частично сложенную кирпичом доахеминдского формата 57×28×9 см. Следует подчеркнуть что раскоп достиг глубины только 12,5 м при высоте тепе Сурх-Даг (Нади-Али) 31 м. Следовательно, динамика культуры этого памятника не установлена. Керамика II слоя представлена сосудами I типа, сделанными на круте, имеющими красноватый цвет черепка и цилиндрико-коническую форму, — этот тип господствует и в верхнем слое. Во II слое изредка встречается серо-черная посуда, в том числе сосуд с носиком типа Сиалк В. Наиболее характерную форму составляет расписная посуда, украшенная

геометрическим узором, нанесенным красным, реже черным цветом, часто полихромная. Орнаменты — круги, углы, треугольники, иногда заштрихованные сеткой (Ghirshman 1939: 20—22, табл. III, IV). Некоторые сосуды и росписи, несомненно, аналогичны посуде некрополя Сиалк В, другие выглядят архаичнее и неоднократно сопоставлялись с керамикой Яз I — Тилля I-II (Массон 1959: 60, табл. 3; Сарияниди 1989: 40 и др.). Несмотря на архаичность керамического комплекса, его дата может определяться по аналогии керамике типа Сиалк В и находкам стрел двулопастных лавролистных черешковых, сочетающихся с более поздними трехлопастными втульчатыми. Р. Гиршман (Ghirshman 1939: 20, 22) датировал Нади-Али II IX—VIII вв. до н.э., а В.М. Массон (1959: 60, табл. 3) поднял эту дату до VII в. до н.э. Г. Дейлс (Dales 1971; 1972; 1977) отнес II слой к мидийской эпохе. В любом случае, обнаружение посуды, сопоставимой с Яз I, позволяет считать этот регион Афганистана зоной контакта носителей афгано-среднеазиатских и сиалковских традиций.

Ключевое значение для понимания этнокультурных процессов имеют материалы поселения Рана-Гхундай в Белуджистане в Западном Пакистане в долине Зхоба около перевала Болян, ведущего в Индию. Здесь в соседней с Кветтой горной долине проводили разведки Ф. Ноэтлинг (F. Noetling) и А. Стейн (A. Stein 1929), а позже осуществил раскопки В.А. Файрсервис (Fairservis 1957—1959). На поселении Рана-Гхундай выявлена эпоха расцвета на рубеже III — начале II тыс. до н.э., когда отмечаются активные связи с Хараппой и Гиссаром III и влияние соседней долины Кветта. В эпоху, синхронную кризису цивилизации Хараппа, в Рана-Гхундай и соседних поселениях наблюдается глубокий кризис. В столице региона Периано Гхундай обнаружена расписная посуда типа Джухкар, на поселении Рана-Гхундай в верхнем слое выявлены следы разрушения поселка и пожаров (Fairservis 1959: 352, 358; 381). В кроющем слое А и на поверхности поселений Каудани и Мохул-Кала найдена совершенно чуждая местной традиции гончарной — расписной двуцветной керамики, грубая лепная посуда с налипным валиком под венчиком (рис. 70: 20—23). Валик украшен косыми насечками, горизонтальной елкой или крестами, а также ногтевыми вдавлениями (Fairservis 1959: fig. 15: 22, 23; pl. 38: b-m; 47: f; g; j; l-p). Этот керамический комплекс настолько выразителен и специфичен, что не оставляет сомнения в отнесении его к посуде типа Алексеевка в азиатских степях. Это позволяет датировать кроющий слой этих

памятников Белуджистана XIII—XI вв. до н.э и предполагать появление валиковой керамики с севера из степей через Туркменистан.

Памятники с валиковой керамикой обнаружены также на юге долины Инда в Белуджистане (Franke-Vogt 2001: 262—270) на поселениях Туламба, Дурра и Баст, Дур-хан и Патани-Дамб (fig.11: 8,14,15; 12: 14—18; 13: 3—6). Это лепные грубые горшки с примесью шамота, иногда лощеные и украшенные наlepными валиками (*appliqué ware*) с косыми насечками или зашипами (рис. 70). Исследовательница относит эти комплексы к эпохе «черных веков» (*dark ages*) и датирует их концом II — началом I тыс. до н. э., она полагает, что они предшествуют комплексам с расписной керамикой «Londo ware», на которой встречаются изображения лошадей (рис 53: 2, 3) (Franke-Vogt 2001: fig. 16: а). У. Франке-Фогт справедливо сопоставляет рассматриваемую керамику с наlepным валиком с посудой Пирака.

Лепная керамика очень ярко представлена на поселении Пирак. Оно расположено в Пакистане в долине реки Качи около перевала Болан — это холм площадью 9 га. Культурные слои достигают мощности 12 м и разделены на три периода. Особенность памятника составляет обилие лепной посуды (70% комплекса), она появляется в период IA и доживает до периода VIII—III вв. до н.э. (Jarrige, Santoni 1979: 22, 23: 76, 77). Тесто содержит примесь шамота, иногда применен матерчатый шаблон. Наружная поверхность покрыта белым или розово-кремовым ангобом. Горшки с широким раздутым туловом иногда имеют короткий носик или вертикальные ручки. Есть ручки в виде горизонтальных наleпов. Отличительной особенностью этой керамики является наlepной валик под венчиком, украшенный вдавлениями пальцев или зашипами (рис. 67: 6, 10, 14, 15) (Jarrige, Santoni 1979: fig. 40: 62, 64, 67, 68; 72, 73; 41: 81—84. pl. XXIX B; C). Такая посуда есть во II периоде (fig. 60, 61). Трансформированные пережиточные формы сохраняются в VIII в. до н.э. (fig. 73) и на поверхности (fig. 83: 482, 484). Именно эта группа посуды находит полные аналогии в керамических комплексах юга Средней Азии и Тилля Тепе. Небольшой процент в нижнем периоде составляет керамика, сделанная на гончарном круге. Она получает распространение в III периоде. В III слое представлены гончарные сосуды с подкошенным дном, по форме напоминающие керамику Яз II. Получает распространение черно-серая керамика.

В раннем периоде расписная керамика составляет 13—15%. Она покрыта богатым геометрическим узором, выполненным краской

красного или сливового цвета в виде фестонов, горизонтальной елки, рядов противоположащих треугольников, ромбов, сетки, ковровых узоров. Богатый репертуар орнаментов I периода, несомненно, отражает традиции местной расписной посуды цветского стиля. Но вместе с тем В.И. Сарияниди (1989: 27—30, рис. 7, 8) убедительно доказал близость многих орнаментальных схем Пирака и Тилля Тепе. Сходство прослеживается также в типах двулопастных черешковых стрел со свисающими жалами, бронзовых трубочек с отверстиями (Сарияниди 1989, рис. 6).

На основании радиоуглеродных дат I период датирован XVIII—XIII вв. до н.э. (Jarrige, Santoni 1979: 17, 19). Верхняя дата памятника, по находкам в кроющем слое железа определяется VIII в. до н.э. Она не вызывает сомнения. Но нижняя дата в свете среднеазиатских параллелей кажется спорной. В.И. Сарияниди (Сарияниди 1989: табл. на с. 39) синхронизирует Тилля I с Пирак II, датировав их началом XIII в. до н.э. Комплекс лепной посуды с валиком не позволяет отнести Пирак I ко времени ранее XIII в. до н.э. Что касается некалиброванных радиоуглеродных дат Пирака: период I — 2130 ± 290 до н.э. и 1460 ± 140 г. до н.э.; II — 1200 ± 140 до н.э.; III — 1020 ± 140 г. до н.э. (Jarrige, Santoni 1979: 337), то даты первого периода расходятся с хронологией, устанавливаемой методом аналогий.

На связи со Средней Азией, указывают находки в Пираке в периоды IB, II и III фигурок двугорбых верблюдов (рис. 69) (Jarrige, Santoni 1979: 79; fig. 94, 95; pl. XLII B; XLIII). Верблюд был domesticiрован в эпоху Намазга IV в Южной Туркмении и оттуда в начале II тыс. до н.э. был заимствован раннеандроновским населением Урала и Казахстана (Кузьмина 1963а, 1980в; Kuzmina 1983а; Кузьмина, Ляпин 1980).

Фигурки верблюдов многочисленны в глиптике и коропластике Туркмении (рис. 68), единичны для андроновской культуры, но на петроглифах Казахстана и Средней Азии есть много изображений этого животного (рис. 43: 10, 11). Его кости обнаружены на поселениях всего ареала. Вывод Ж.-Ф. Жаррижа о появлении верблюда бактриана, ранее не известного в регионе, из Средней Азии вполне обоснован.

То же происхождение имеет в Пираке лошадь (рис. 69: 1, 3, 6, 9). Фигурки найдены в периоды IB, II и IIIB (Jarrige, Santoni 1979: fig 92; pl. XLI); и монтаж фигурки всадника (pl. XXXVIIID). Как многократно подчеркивалось, местом domestикации лошади были степи Евразии.

В эпоху финальной бронзы здесь получила распространение верховая езда. Ее навыки были распространены вместе с самим животным, мигрировавшим из степей воинами-всадниками. Кости лошади найдены на большинстве памятников эпохи Елькен II — Яз I на юге Средней Азии. По определению Р. Мидоу (Meadow 1979: 334) на поселении Пирак также были найдены кости верблюда и домашней лошади.

Верховая езда в Южной Азии появилась в конце II тыс. до н.э. в эпоху расселения иранских племен. В Иране найдены многочисленные глиняные и бронзовые фигурки всадников, а слово «всадник» появляется в Авесте.

Представляется, что эти факты позволяют поставить вопрос о том, что инновации, выявленные в культуре Пирака, также связаны с миграциями отдельных племенных групп — носителей диалектов восточно-иранского языка.

Интересно, что и в Средние века в районе Пирака кочевали ираноязычные племена, имевшие различный образ жизни (Jarrige, Santoni 1979: 8). Долина Качи оставалась зоной контакта. Это, вероятно, объясняет сочетание в Пирак I традиций местной культуры Кветты и культуры валиковой керамики, пришедшей из степей.

Есть все основания согласиться с мнением Жаррижа (1979: 68), что за хараппской эпохой последовал «Век инвазий», а за ним «Темный век», характеризовавшийся полукочевой экономикой. Справедливо и мнение (с. 77), что сочетание различных керамических традиций в Пираке отражает пестрый этнический состав его населения. Наконец, бесспорен вывод о связях Пирака со Средней Азией (с. 100—101).

Миграция с севера установлена также Ж.-М. Касаль (Casal 1961: I, II) на многослойном поселении Мундигак в Южном Афганистане в долине Кандагара. Расцвет памятника относится к периоду IV, когда площадь его увеличена в несколько раз, построено большое сооружение — предположительно храм, а на вершине холма возведена постройка с полуколоннами, интерпретированная Ж.-М. Касаль как дворец правителя. Найдена гончарная керамика, в том числе с хараппской росписью, каменные статуэтки, фигурки быков. Выявлены активные культурные связи с Гиссаром, памятниками Средней Азии, Кветты и Эхоба, что позволяет датировать слой IV концом III — началом II тыс. до н.э. Период Мундигак V, относимый к постхараппской эпохе, демонстрирует резкий кризис культуры.

На смену гончарной приходит лепная керамика, орнаментированная черной или фиолетовой краской по красному фону (рис. 65, 66) (Casal 1961: 1: 104, 119). Исследователь связал ее появление с массовой миграцией носителей культуры Чуст из Ферганы. Слой датирован первой половиной II тыс. до н.э., а культура Чуст — концом III тыс. до н.э. (с. 116). В.М. Массон (Массон 1964: 296, рис. 5) подчеркнул связь комплекса с Яз I и, не отрицая северного происхождения комплексов V и VI, выступил против предложенной даты, подчеркивая, что культура Чуст относится к концу II — началу I тыс. до н.э. Формы сосудов: корчаги, миски, горшки с вертикальными ручками или короткими носиками. Орнаментальные мотивы посуды периода V представляет зигзаг, треугольник, полоса под венчиком, заштрихованная сеткой со спускающимися вытянутыми треугольниками (Casal 1961: fig. 106. 115).

Сосредоточившись на росписи керамики, исследователи не обратили внимания на характерный элемент — валик, присутствующий на некоторых горшках (рис. 65, 66) (Casal 1961: fig. 112: 560). В слое VI строительные остатки отсутствуют, есть зольники, оставленные «кочующими номадами» (Casal 1961: 91). Впервые зафиксировано железо. В период VI сохраняются некоторые формы расписных сосудов, но роспись становится беднее. Это заштрихованная сеткой полоса, ряды косо заштрихованных треугольников, ромбов, зигзаг. Процент орнаментированной посуды, видимо, убывает (Casal 1961: fig. 116—122). Появляются сосуды с горизонтальными ручками-налепами и сохраняется имитация слабо выраженного валика. (Casal 1961: 92; fig. 2: 120; 635; 121; 643). Эта посуда по некоторым формам и мотивам декора (но не по цвету) близка керамике Яз I.

В свете среднеазиатских параллелей слои Мундигак V—VI могут быть датированы не ранее XIII—VIII вв. до н.э.

Рассмотрение материалов некоторых памятников Южной Азии приводит к выводу, что здесь идут процессы, сходные со Средней Азией. После расцвета культуры в эпоху развитой бронзы многие поселения переживают кризис. На развалинах земледельческих поселений появляются следы костров от стойбищ скотоводов. Гончарная керамика заменяется лепной, но нигде не исчезает полностью. Лепная расписная посуда сохраняет некоторые формы гончарной. Геометрические орнаменты, при общем сходстве мотивов, на каждом памятнике индивидуальны и сохраняют традиции древней местной росписи. Это свидетельствует о том, что древнее або-

ригенное население остается на месте. Постепенно во всем регионе к в VIII в. до н.э. расписная посуда замещается гончарной.

Диагностическим признаком комплекса финальной бронзы Афганистана и западной периферии субконтинента является грубая лепная посуда. Она содержит примесь шамота и часто сделана на матерчатом шаблоне.

Для всех памятников характерны сосуды с коротким носиком, горшки с вертикальными ручками и горшки или — редко — миски с горизонтальными ручками-налепами. Общей формой являются горшки или большие сосуды-хумча с раздутыми боками и наlepным валиком под горлом. Валик покрыт косыми насечками, крестами, а чаще пальцевыми зашипами и вдавлениями ногтя. Валики с опущенными «усами» на юге мне неизвестны. Но часто встречается сомкнутый валик с одним или двумя отростками. Этот комплекс по технологии, формам и орнаментации находит аналогии в посуде степей, откуда постепенно распространяется в подгорную полосу юга Средней Азии, в Афганистан и Пакистан. Дата валиковой посуды XIII—VIII вв. до н.э. во всем регионе ее бытования. Эта керамика повсеместно манифестирует распространение восточно-иранского языка.

13. Сложение земледельческой культуры ираноязычных народов в северных регионах Средней Азии

Механизм становления земледелия в северных областях Средней Азии, где в эпоху бронзы земледельческая культура была неизвестна, принципиально отличен от описанных процессов слияния двух разнокультурных этносов. Здесь осуществлялась седентеризация пастушеского населения по модели культурного заимствования.

В Усрушане в верховьях Сырдарьи древнейшим земледельческим поселением является Нуртепа в оазисе Ура-Тюбе (Негматов и др. 1982: 89—111). На поселении выявлена стратиграфия. Нижний слой относится к концу эпохи бронзы — началу железного века. Расписная керамика отсутствует. Господствует лепная посуда, сделанная на матерчатом шаблоне и содержащая примесь шамота, кварца и песка. Она представлена горшками, чашами, котлами. Чаши покрыты коричневым ангобом, столовая посуда — белым ангобом. Характерны горшки, в том числе с вертикальными и го-

ризонтакными ручками, и большие сосуды с налелными валиками, в том числе — с зашипами (Негматов и др. 1982: 91, рис. 2: 1, 30—32; 3: 5, 8). Этот комплекс находит аналогии в лепной посуде Северной Бактрии Кучуктепа II, а прежде всего — в степных культурах Бургулюк в Чаче в Ташкенском оазисе и Кайракумах в Фергане, особенно на поселениях 40 и 42 (Дуке 1978а: 47—92; 1978б: 51—59; Литвинский 1962: 131—133, 255—258, табл. 98, 99, 102, 103, 106). Гончарная белоангобированная посуда немногочисленна.

К этому этапу относится сооружеение вала из пахсы и строительство землянок, аналогичных бургулюкским. Население ведет оседлый образ жизни, занимаясь земледелием и скотоводством.

Исследователи датировали этот период концом VII—VI вв. до н.э. В свете нынешних данных эта дата должна быть углублена, вероятно, в IX(?)—VIII вв. до н.э.

Следующий слой Нуртепа ознаменован сооружеением наземных домов и цитадели выстроеной из прямоутольного и квадратного кирпича (Негматов и др. 1982: 94, 107).

Исследователи отнесли этот комплекс к середине VII—V вв. до н.э. (Негматов и др. 1982: 102). Но его дата определяется по находкам гончарной посуды типа Кобадиян I и, видимо, также может быть понижена. Следует отметить, что в слое сохраняется много лепной посуды, в том числе — валиковой.

На поверхности памятника найдены черепки античной посуды типа Афрасиаб II.

Таким образом, Нуртепа принадлежит к кругу ираноязычных пастушеских культур, где ирригационное земледелие распространяется под влиянием земледельцев Бактрии значительно позже, чем на юге.

Культура Чуст

Культура Чуст локализуется в Ферганской долине. Она представлена многочисленными поселениями трех типов: большими площадью более 10 га, средними — 2—4 га, малыми и отдельными неукрепленными усадьбами. Памятники расположены на равнине группами. Земледелие было богарным, основанным на воде малых рек и ручьев. Есть также поселки в горах.

Лучше всего исследованы поселения Чуст, многие годы исследовавшееся В.И. Спришевским, выделившим культуру, а также Дальверзин и Ош, изучавшиеся Ю.А. Заднепровским (1962, 1997).

Столицей региона был Дальверзин площадью 25 га, расположенный на естественном холме. Культурный слой толщиной 1,6—4 м залегает на материке. Позже поселение было укреплено оборонительной стеной толщиной 4—6 м, сохранившейся на высоту до 2,5 м. Она возведена на глиняной платформе, перекрытой галькой, и сложена из земли, глины и сырцовых (необожженных) кирпичей разного формата: 50×30×10 и 30×30×10 см. Внутри часть площади отгорожена стеной и не застроена и, вероятно, была загонем для скота. На других участках выявлены незначительные строительные остатки и бронзолитейная мастерская.

Поселение Чуст находится на берегу Сырдарьи. Это естественный холм площадью 4 га. На нем выявлены остатки стены толщиной 3 м, высотой 3,5 м, сложенной из необожженного кирпича размером 55×33×10 см.

Уникально поселение на горе у города Ош, расположенное террасами по склону.

Архитектура жилищ на чустских поселениях сохранилась плохо. Вероятно, это были небольшие дома из глины. Выявлены также следы построек из кирпича, маленькие землянки и овальная протоюрта, от которой сохранились ямки от столбов (Чуст). Особенностью чустских поселений является обилие ям, предназначенных для хранения зерна. В Чусте на одном только раскопе выявлено 163 ямы. Если учесть, что в каждой могло храниться от 2 до 10 и более центнеров зерна, то запасы его были огромны. Другой отраслью экономики было скотоводство. Ведущая роль принадлежала корове и лошади, разводили также овец, коз, двуторбых верблюдов и ослов. Были высоко развиты металлообработка, изготовление костяных и каменных орудий.

Отличительным признаком чустской культуры является керамика. В отличие от юга Средней Азии и Афганистана она вся лепная. Тесто содержит примесь дресвы и шамота, многие сосуды сделаны методом ленточного налепа или на матерчатом шаблоне. обжиг плохой, пятнистый.

Формы сосудов необычайно разнообразны. Ю.А. Заднепровский (1962: 24—28) классифицировал их по характеру наружной поверхности. I тип составляют сосуды, у которых наружная поверхность покрыта красным ангобом — 73% фрагментов (табл. XVI). Только 1,2% составляет специфически чустская посуда с росписью (фактически ее число было больше, так как учтены только верхние части сосудов где располагалась роспись).

Кухонная грубая сероглиняная посуда составляла 18%. Незначительное число составляли сосуды, покрытые белым ангобом, а также отличающиеся по фактуре сосуды черно-серолащенные (рис. 6). Найдено всего несколько фрагментов, сделанных на гончарном круте. В 1997 г. Ю.А. Заднепровский уточнил свою классификацию (с. 48—54).

Основные формы — это горшки с широким или узким горлом, иногда с носиком или вертикальными или горизонтальными ручками, миски с налечами, крупные хумы с узким горлом (Заднепровский 1962, табл. XII—XV, XIX). Они находят широкий круг аналогий в керамике ЭВО в Бактрии, Маргиане и Парфии. Более специфичны круглодонные горшки и миски, конические банки и кувшины с узким высоким горлом (табл. XII: 1, 2, 4, 5, 16—20; XIII).

Часть мисок и горшков в верхней части и изредка до дна покрыта фризом, состоявшим из треугольников, противостоящих треугольников, ромбов, пересекающихся лент, заштрихованных сеткой или залитых краской (Заднепровский 1972: табл. XVII, XVIII, XXXI, LXXVII; 1997, рис. 48—52). Отличительную особенность керамики Чуста составляет мотив очень вытянутого клиновидного треугольника, а также цветовая гамма: черная роспись по красному фону. Отдаленное сходство по цвету и мотивам росписи (но не по формам!) эта керамика имеет с посудой Мундигак V, отчасти VI в Афганистане (Casal 1961).

Только в Оше найдены фрагменты с изображением фигурок копытных животных (Заднепровский 1997, рис. 52). Аналогии им составляют росписи в Кучуке (Аскаров, Альбаум 1979, рис. 14: 22, 23) и Мундигаке (Casal 1961, fig. 108: 540). В Дальверзине найден фрагмент с изображением человека.

Черную и серую посуду с полосчатым лощением Ю.А. Заднепровский (1962: 28, рис. 6) справедливо считает южным импортом, отмечая, что она характерна для нижнего слоя. Исследователь (с. 25) подчеркивает единство керамического комплекса во всех горизонтах Дальверзина. Вместе с тем сопоставление чустской керамики с разных поселений позволяет выявить значительное своеобразие (Заднепровский 1997: 88—89; Матбабаев 1999). При этом резко выделяется по малочисленности кухонной и обилию расписной керамики поселение Ош на священной горе Сулейман-Тау, которое считают культовым центром Ферганы.

Несмотря на многолетнее изучение, проблемы происхождения культуры Чуст не нашла своего разрешения (Иванов Г. 1996). Вклю-

чение ее в круг культур расписной керамики несомненно. Ю.А. Заднепровский даже предлагал отнести их к единой чустской общности. Против этого справедливо выступил А.С. Сагдуллаев (1983; 1989а,б), подчеркнув, что периферийная культура Чуста резко отличается от значительно более развитых культур Бактрии и Парфии.

Действительно, на юге в эпоху варварской оккупации не только сохранялись, но и трансформировались в результате внутреннего развития имевшие многовековую традицию ирригация и архитектура, сохранилось ремесленное гончарное производство, на что справедливо указывал В.М. Массон (1959). Как я пыталась доказать, культура конца II тыс. до н.э. формировалась в результате синтеза двух различных этнических групп: земледельцев — носителей традиции гончарного ремесла и скотоводов — носителей валиковой керамики.

В Фергане картина была принципиально отличной. Там не было ирригационного земледелия; в Дальверзине есть лишь зачатки архитектуры: стены крепости возводят не из кирпича, а из земли и глины, жилища представляют собой землянки и юрты; гончарный круг неизвестен. Бросается в глаза и отсутствие в Чусте керамики с наlepным валиком — диагностического показателя второго этнического маркера ЭВО. Все это отражает принципиальные различия этногенетических процессов на севере.

Поскольку керамика является важнейшим этническим индикатором, Ю.А. Заднепровский искал точные параллели Чуста. Несомненно, многие формы чустского комплекса имеют аналогии на юге, оттуда происходит чернолощенная посуда и, что важнее, — белоангобированная керамика, указывающая на связи с северной Бактрией (Сагдуллаев 1983). Связи с этим регионом подтверждаются и находкой в Кучуке специфического типа каменных серпов.

Но декор чернорасписной краснофонной посуды не находит там истоков. В поисках их Ю.А. Заднепровский (1962: 102, рис. 19—21) обращается к памятникам Центральной Индии Неваса и Навдатоли (во время работы в Археологическом центре в Пуне меня тоже поразило формальное сходство некоторых элементов декора, но различны не только формы сосудов, но и вся культурная ситуация). Ю.А. Заднепровский (1997: 96—100, рис. 63: 1, 2) искал связи также с Восточным Туркестаном, обратив внимание на поселение Ксинтала. А.-П. Франкфор (Francfort 20016) справедливо выступил против поисков истоков в Синьцзяне расписной керамики ЭВО. Но в отношении Ферганы это направление кажется достаточно

перспективным, поскольку металлообработка Синьцзяна, несомненно, складывалась под сильным воздействием металлургических очагов Ферганы и Семиречья (Kuzmina 1998a; 2001a; 2004). Вероятное происхождение в Синьцзяне имеют также специфичные для чувстской культуры каменные серпы.

Находка чувского комплекса в Сары-Булун на Иссык-Куле еще приблизила чувские памятники к Синьцзяну.

Однако следует признать, что как бы ни были заманчивы эти поиски, они далеки от своего завершения.

Следует полагать, что в Туркмении и Афганистане локальные варианты расписной керамики связаны с возрождением древнейших местных традиций росписи, что и определяет локальное своеобразие памятника.

А что же было в Фергане? Здесь осуществлялась седентеризация местного населения. Доказательством тому служит сходство чувской посуды с посудой соседних памятников кайракумского типа. Оба комплекса сближает одинаковая технология изготовления посуды методами кольцевого налепа и на матерчатом шаблоне, состав теста с примесью дресвы и шамота, формы неорнаментированных горшков с раздутыми боками, в том числе с носиком, вертикальными и горизонтальными ручками — налепами (Литвинский 1962: табл. 63: 9; табл. 66: 6, 13; 67: 6; 69: 9, 14; 88: 5; 89: 39; 98; 99; 106: 2, 3). Б.А. Литвинский обоснованно отнес большую часть типов посуды Кайракумов к самому концу бронзового века.

Ее поздний возраст подтверждается полным отсутствием керамики XII—XI вв. до н.э. с наlepным валиком (исключение — поселение 55, табл. 103), — к этому времени она просто уже вышла из употребления.

По-видимому, группа местного позднеандроновского населения предскифской эпохи в условиях аридизации климата (Заднепровский 1962: 72—74) перешла к зачаткам ирригационного земледелия. Отношение с соседними родственниками испортились, и это заставило строить оборонительные стены вокруг своих поселков, полных запасов зерна и металла.

Условием перехода к новому хозяйственно-культурному типу, естественно, был импульс со стороны земледельцев юга, которые ранее установили контакты с Ферганой с целью получения отсюда бронзы — этот факт подтверждают типы и состав металлических изделий ЭВО.

Обращение к материалам поздних кайракумских поселений возвращает к вопросу о хронологии этой культуры.

Ю.А. Заднепровский (1962) относил ее к эпохе поздней бронзы и датировал концом II — началом I тыс. до н.э., позже он помещал ее в ранний железный век, принимая дату начало I тыс. до н.э. (Заднепровский 1984; РЖВ САИ). В книге «Ошское поселение» (1997: 67—68: табл. VI) он проанализировал серию новых радиоуглеродных дат, полученных для памятников Намазга VI и чустской культуры. Археологу трудно понять, какая система калиброванных дат более корректна: по методу Сизтл-Гронинген или МАСКА, принятому американскими исследователями. Абсолютные даты по разным методам и уточненные по Σ_1 или Σ_2 дают очень большие расхождения. Ф. Кол (Kohl 1984) отнес Чуст к РЖВ и поместил его начало в 1500 г. до н.э., синхронизировав с памятниками ЭВО юга Средней Азии, Мундигак VI и Пирак II. Ту же нижнюю дату для Яз I — 1500 г. до н.э. принял Ф. Хиберт (Hiebert 1993; 140, fig. 2). А.-П. Франкфор (Francfort 2001a: 221—222) предлагает выделить три периода крашеной керамики: I — 1500—1000; II — 1000—700; III — 700—400 гг. до н.э. В настоящее время для чустской культуры есть десять дат для трех опорных памятников. Но они ложатся в интервале 1680—770 гг. до н.э. для Дальверзина и XXI—VII вв. до н.э. для Чуста. Такой разброс для практически синхронных однослойных памятников оставляет проблему их абсолютной хронологии открытой. К столь же пессимистическому выводу приводит рассмотрение новой хронологии Намазга-Тепе (Кирчо, Попов 1999). В этих условиях приходится вернуться к традиционному археологическому методу аналогий.

Чустская культура необычайно богата металлическими изделиями. Как говорилось, датирующее значение имеет копьевидное долото, находящее аналогии вкладах Семиречья Сукулук и Садовое и в Синьцзяне (Заднепровский 1962, табл. XXII: 3). Однолезвийные ножи и ножи-серпы, вероятно, могут быть отнесены к началу I тыс. до н.э. Решающее значение имеют тип удил с Чуста и тип псалиев на литейной форме Дальверзина (Заднепровский 1962, табл. XX: 3, Кузьмина 1966: 59—60, табл. XV: 39, 40), близкий псалию погребения 15 могильника Сиалк В (Ghirshman 1939 II, pl. LVI) в зависимости от хронологии Сиалка, принимаемой исследователем, это IX — или VIII—VII(?) вв. до н.э. Важны для датировки также находки в Чусте фрагментов десяти роговых псалиев, принадлежа-

щих к типу трехдырчатых с тремя отверстиями в одной плоскости (Матбабаев, Батиров 1992: 17) и фрагмента псалия с Дальверзина (Заднепровский 1962, рис. 15) с овальным отверстием в центре и двумя круглыми в другой плоскости. Оба типа в степях относятся к финалу бронзового века, к началу I тыс. до н.э. (к дате VIII—VII вв. до н.э. склонялся А.И. Тереножкин (1965).

Таким образом, по традиционной хронологии памятники чустской культуры относятся к концу II — началу I тыс. до н.э. (Сарианиди, Кошеленко 1985: 193). Наиболее обоснована верхняя часть даты — начало I тыс. до н.э., чему не противоречат находки железа.

Поскольку по письменным памятникам эпохи Ахеменидов известно, что население Ферганы входило в ареал восточно-иранской речи, есть основание предполагать, что носителем этого языка было коренное позднеандроновское население кайракумского типа.

Неизвестно, явился ли результатом культурного заимствования южный компонент чустской культуры, или имело место проникновение в Фергану небольших групп земледельцев юга. На это могут указывать небольшой процент белоангобированной и серолощенной посуды и несколько долихокраанных черепов, найденных в Дальверзине (Заднепровский 1962: 20—24). Но это население было поглощено. По данным Т.К. Ходжайова (1980: 154—156), Фергана, как и Ташкентский оазис, входит в северную зону, где в железном веке обитало население, восходящее к андроновской общности, хотя и занимавшееся земледелием. Население же южных областей, также говорившее на восточно-иранских языках, было генетически связано с аборигенной популяцией эпохи энеолита и бронзы.

Это отражает принципиально разные модели исторических процессов финальной бронзы на юге Средней Азии, где имела место элитарная миграция из степей, последующая ассимиляция и аккультурация пришельцев при смене языка аборигенами. На севере, напротив, пастушеские племена перешли к новому хозяйственно-культурному типу в результате культурного заимствования, сохранив свой язык.

Культура Бургулюк

Тот же процесс аккультурации отчетливо прослеживается в Ташкентском оазисе в материалах культуры Бургулюк, выделенной А.И.Тереножкиным в 1940 г.

В зоне водохранилища Туябутуз на холмах вдоль реки Ахангаран исследована цепочка поселений (Дуке 1978; 1982а,б; Абдуллаев, Дуке 1987). Поселение 1 площадью 250×100 м окружено рвом шириной 20 м, глубиной 2—2,5 м и стеной толщиной 2 м, сложенной из сырцового кирпича южный компонент чусткой культуры 42×24×12 см. Это древнейшее фортификационное сооружение в Ташкентском оазисе. На поселении выявлено 14 жилищ, одно из них — овальной формы землянка. Она разделена пахсовыми стенами на 4 маленьких помещения. Обычны очень маленькие овальные землянки площадью от 3×2 м до 6×4 м глубиной от 0,4 до более 1 м. Есть двойные землянки с общим входом. Внутри жилищ выявлены ниши в стенах и открытые очаги. Рядом с домами находятся хозяйственные ямы, размером в среднем от 0,6×0,4 до 1,6×1 м и глубиной от 0,5 до 4 м.

Основной материал составляет керамика. Вся она лепная, изготовлена ленточным способом или на матерчатом шаблоне (рис. 71: 11—18). Почти все сосуды имеют круглое дно. Выделяются горшки с шаровидным туловом, котлы полусферической формы, большие хумы. Некоторые горшки и котлы имеют короткий носик и горизонтальную ручку-упор с противоположной стороны, круглые налеты. Немногочисленны миски (Дуке 1982: 44—48, рис. 4, 6—11).

Всего 1% фрагментов составляет расписная керамика (Дуке 1982: 49—51, рис. 12). Роспись нанесена красно-коричневой краской по красно-розовому, светлому или серому фону. Украшены котлы с полусферическим туловом и миниатюрные сосуды. Мотивы орнамента — это углы и свисающие вершиной вниз треугольники, как правило, они залиты краской и лишь изредка заполнены сеткой и точками.

Население занималось каирного типа земледелием (многочисленны зернотерки) и отчасти скотоводством — найдены кости коров, лошадей и овец. О занятиях металлообработкой свидетельствуют находки шлаков бронзы. Состав сплава очень разнообразен: оловянные и свинцовые бронзы, иногда примеси сурьмы и цинка. Главным источником сырья были соседние горы Чаткал (Рузанов, Лушпенко 2000). В 50 км от стоянок находятся древние рудники Акташкан. По типам бургулюкские бронзовые изделия принадлежат андроновской металлургической провинции. Это серпы с вогнутым лезвием и отверстием в рукояти, сходные с чустскими, однолезвийные ножи с прямым выделенным уступом лезвием,

бритва, шилья, стрелы двухлопастные черешковые и втульчатая (рис. 71: 1—10, 19) (Дуке 1982: 51—54, рис. 13, 14).

Хронология памятников устанавливается X(?)IX—VIII вв. до н.э. по аналогии металлическим изделиям и грубой керамике на памятниках самого конца эпохи бронзы: Якке Парсан (Итина 1963; 1977: 160, рис. 78: 14; 79) и Кангагыр (Юсупов 1991: 109—111, рис. 2) культуры Амирабад и части стоянок в Кайракумах (Литвинский 1962). В некоторых районах в предсакскую эпоху сосуды приобретают шаровидную форму, удобную для кочевого быта, почти исчезает орнаментация, в том числе и наlepными валиками. К поздним признакам расписной посуды относится сплошная заливка треугольника краской (Аскаров 1976: 19).

Типы жилищ, нерасписной керамики, металла не оставляют сомнений в отнесении бургулюкской керамики к круту степных памятников. Переход населения к земледелию вызван внутренними причинами и лишь стимулирован культурными влияниями южных земледельческих областей.

* * *

В системе относительной хронологии памятники ЭВО — Елькен II — расположены между слоем Намазга VI = Елькен I и слоем Елькен III, относящимся к предахеменидскому времени (схема 1).

Предложено несколько гипотез хронологии периода и происхождения культуры ЭВО.

1. Гипотеза миграций из степей. А.А. Марущенко (1959: 65) первым синхронизировал памятники ЭВО с Нади-Али, Сялк V, VI и Гиан I в Иране и подчеркнул решающую роль в сложении культуры ЭВО — миграции андроновских и тазабагъябских племен, принесших иранскую речь. Эту концепцию принял А.Ф. Ганялин (1956б: 84) и первым пришел к выводу, «что образование новой археологической культуры явилось синтезом местной земледельческой и пришлой кочевнической». Я также примкнула к гипотезе миграции (Кузьмина 1971в; 1972а; 1976б; Kuzmina 1976а). Рассматривая происхождение культуры ЭВО, я, как и другие исследователи, сосредоточила внимание на расписной керамике, справедливо подчеркнув ее отличие как от гончарной Намазга VI, так и от срубно-андроновской (Кузьмина 1972а: 107; Kuzmina 1976а: 119). Но неразработанность в то время проблемы степной культуры валиковой керамики не позволила мне

установить очевидную связь посуды с валиками ЭВО со степной. Ошибочной была и попытка вслед за Ю.А. Заднепровским выявить связи ЭВО и Синьцзяна, единственным доказательством чему являются каменные жатвенные ножи, известные также в Индии.

Вместе с тем в работе справедливо было показано отличие керамического комплекса ахеменидского Ирана от так называемого «Ахеменидского» комплекса Средней Азии и независимый генезис керамики на основе гончарных традиций, сохранившихся в Бактрии с эпохи Намазга VI. Это позволило на новом материале обосновать гипотезу М.М. Дьяконова о существовании великого Бактрийского царства. В настоящее время эта гипотеза подкреплена материалами всего юга Средней Азии и получила всеобщее признание. Позже мной было показано единство памятников валиковой керамики степей и юга Средней Азии и их атрибуция как восточно-иранских.

II. Гипотеза автохтонного развития. В.М. Массон датировал Яз I 900—650 гг. до н.э., подчеркнув, что на Яз-депе отсутствует нижняя часть слоя Елькен II; Яз II — 650—450 гг. до н.э., Яз III — временем до завоевания Александра Македонского (Массон 1959: табл.4, 5; 1966: 182, 184). Он показал прогресс культуры ЭВО, развившейся в развитии ирригации и строительстве крепостей и сохранении древних традиций в архитектуре и гончарном ремесле. Вместе с тем он не отрицал возможное участие пришлых андроновских племен (РЖВ САИ 1984: 6). Он высказал предположение, что иранизация юга Средней Азии произошла не в эпоху ЭВО, а во II тыс. до н.э. (Массон 1959: 118—121). Позже он уточнил, что культура Туркмении II тыс. до н.э. представляет «лингвистическую ассимиляцию аборигенов» «племенами индо-иранского круга», а культурная трансформация Яз I, Мундигак VII и Нади-Али I отражает «формирование на основе соединения различных культурных компонентов» западно-иранской (Дахистан и Иран) и восточно-иранской (Яз I) языковых групп (РЖВ САИ 1984: 7—8).

III. Гипотеза миграции из Восточного Хорасана. В.И. Сарияниди (1972б: 24) датировал Тилля I 1300—1000 гг. до н.э., Тилля II — 1000—600 гг. до н.э., Тилля III — 600—500 гг. до н.э. Он полагал, что слои Тилля мощнее — и, следовательно, древнее парфянских. Основываясь на незначительных материалах расписной керамики, найденных в Атрекской долине в иранском Хорасане, В.И. Сарияниди

(1972б: 29—33) предположил, что центр формирования культуры ЭВО находился в Иране, где Ж. Дейе (Deshayes 1969) локализовал индоевропейскую прародину. Все памятники ЭВО он объединил в восточно-хорасанскую культуру и считал, что «следует полностью отказаться от гипотезы, связывающей генезис культуры расписной керамики типа Анау IV под прямым влиянием степных скотоводческих племен» (Сарианиди 1972: 33). Против этой гипотезы выступили Хлопины (1976), показавшие, что слои I—II представляют мусорные наносы. А. Аскарлов и Л.И. Альбаум (1979: 56) возразили против сверхдлинной хронологии Тилля I — II. Ю.А. Заднепровский (1986: 27) отметил отсутствие достоверных данных о памятниках Хорасана. В дальнейшем гипотеза В.И. Сарианиди не получила признания.

IV. Гипотеза культурного синтеза. А. Аскарлов и Л.И. Альбаум (1979: 17, 56, 59, 67) отнесли ЭВО к бронзовому веку, синхронизировали Кучук I, Яз I, Елькен II, Анау IV А и Тилля I, датировав их концом XI—X — второй половиной VIII в. до н.э., Кучук II — второй половины VIII—VII вв. до н.э., Кучук III — концом VII—VI вв. до н.э. Они справедливо отметили, что сложение культуры ЭВО происходило в одних районах на базе древней земледельческой культуры как возрождение традиции расписной керамики, в других же районах — на базе скотоводческой культуры. Они полагали, что миграция варварских племен затормозила сложение ранней городской цивилизации. Но с середины VIII в. до н.э. «древняя культурно-хозяйственная традиция местных племен... вновь с мощной силой возродилась», что привело к формированию во время Кучука II Бактрийского царства. Этот период во всем регионе они называли Бактрийским.

В.Н. Пилипко (1984: 23) отнес памятники северной Парфии к Раннему Железному Веку, выделив этапы РЖВ I — (EIA) — X—VIII вв. до н.э., II — VII—VI вв. до н.э., III — V—IV вв. до н.э. Он сделал важный вывод: упадок культуры Намазга VI связан не с появлением творцов расписной керамики, а с более ранними кочевниками. Соответственно, становление культур с расписной керамикой характеризует собой не упадок, а возрождение древнеземледельческих традиций юга Туркмении... Ареал язовской общности совпадает с районом расселения восточно-иранских племен.

А.С. Сагдуллаев (1987: 37, 38, 39) датировал Кызыл I — 1000—700, II — 700—550 гг. до н.э., рассматривая этап I как переходный к железному веку. Он ввел понятие БИКО — Бактрийская истори-

ко-культурная общность, считая, что формирование нового языка и культуры в результате прихода нового этноса происходило медленно при решающей роли автохтонного населения, сохраняющего местные древние формы культуры.

Л.Т. Пьянкова (1998: 210—212, 215) отнесла анализируемые памятники к раннему железному веку, отметила искусственность их хронологии, поддержала высказанное мной предположение об участии в формировании Яз I носителей культуры валиковой керамики степей и признала правильность общепринятой точки зрения о восточно-иранской атрибуции культур Средней Азии начала I тыс. до н.э.

Ш.Б. Шайдуллаев (2000) отнес памятники северной Бактрии к РЖВ (EIA), исходя из находки на цитадели Джаркутана рукояти ножа с железными заклепками, который он датировал XIII в. до н.э. Его предположение о частичном сосуществовании комплексов Намазга VI и Яз I слабо аргументировано. Н.М. Виноградова (2004: 106—107) также поместила комплексы Яз I Таджикистана в РЖВ, от установления их абсолютной хронологии она отказалась ввиду различия мнений ученых и противоречивости калиброванных радиоуглеродных дат. Количество калиброванных дат для памятников ЭВО невелико и, к сожалению, они дают слишком большой разброс: Кангурттут — от 1976 до 1098 г. до н.э., более надежны даты Кучук и Тилля (табл.). Поэтому необходимо привлечение дат памятников сопредельных территорий и более древних. Ценные сводки составлены Г. Посселом (Possehl 1994) и А.Б. Кирчо и С.Т. Поповым (1999) и ежегодно пополняются.

Как говорилось, к сожалению, калиброванные датировки расходятся как с историческими переднеазиатскими, восходящими к египетской шкале, так и с европейскими, основанными на более надежном методе дендрохронологии. Уточнение системы радиоуглеродных дат — дело физиков. Пока же целесообразно, аккумулируя базу радиоуглеродных датировок, не отказываться от традиционного метода аналогий (Кузьмина 2001д; Kuzmina 1998d).

В основу синхронизации комплексов ЭВО могут быть положены керамика с наlepным валиком и металлические изделия.

Обращение к степным параллелям позволяет подтвердить закономерность отнесения комплексов к эпохе финальной бронзы. Как уже подчеркивалось, перекрывающая слой Намазга VI в Теккем-тепе, Елькен и Намазга керамика с наlepленными валиками и косыми насечками, крестами и свисающими углами относится к алек-

сеевскому типу, классическими памятниками которого являются поселения Алексеевка, Саргары (рис. 49: 1—9; 14—15) и Кент. Дата их (1350?) 1300—1000 гг. до н.э. Следующий этап представляют памятники типа Донгал, для них характерны сосуды с валиками под самым венчиком и косо наклепленные отрезки валиков под венчиками и на плечике горшка и узкогорлые большие сосуды с разутым туловом и валиком под горлом (Евдокимов, Варфоломеев 2002, рис. 22 — тип Алексеевка, 36 — Донгал). Их дата X—IX (VIII?) вв. до н.э.

Предметы снаряжения коня, свидетельствующие об использовании его для верховой езды создателями культуры ЭВО, представлены только обломками двух роговых псалиев Кучуктепа. (Аскаров, Альбаум 1979; табл. 21: 5, 6). Они принадлежат к категории стержневидных псалиев с круглыми отверстиями, этот тип создан в степях в эпоху финальной бронзы.

Металлические изделия ЭВО находят широкий круг аналогий в степях (рис. 49; 71). Это прежде всего однолезвийные ножи — серпы (I тип нашей классификации). Спинка изогнута, лезвие прямое или слегка вогнутое. Экземпляры этого типа найдены на вышке Намазга, несколько артефактов происходит с поселения Чуст. Тип сформировался в срубно-андроновской среде и стал популярен в эпоху финальной бронзы в восточно-андроновской металлургической провинции, особенно в Семиречье, Чусте, Ташкентском оазисе (Кузьмина 1966; 44, 45; табл. IX, X), дожив до скифской эпохи.

Тип II составляют жатвенные ножи той же формы с отверстием в рукояти. Нож этого типа найден на Тилля-Тепе, редкий вариант с прямой спинкой — в Анау, один нож-серп обнаружен на поселении Кангурттут; он изготовлен по андроновской технологии из оловянистой бронзы (Виноградова 2004; 215; рис. 27: 11). Литейная форма — на поселении Якке-Парсан, случайные находки — в Семиречье и Ташкентском оазисе и на бургулюкских стоянках, классические ножи и их каменные имитации — в Кучук-тепе, Кызыл I, II, Дальверзине, Чусте (Кузьмина 1966: 46, табл. IX—XI; Аскаров, Альбаум 1979: 60, табл. 23; Дуке 1982; 52, 53, рис. 14: 2, 3; 5—7; Сарианиди 1989; 36, рис. 89: 13). Генетически тип восходит к ножам I типа. Эти изделия функционально и по форме близки к серпам, с которыми связаны переходными вариантами. Нижняя дата типа в степях устанавливается XIII—XI вв. до н.э. по находкам в ключевых комплексах: Алексеевка, Петровка II, Атасу и Кент (Кривцова-Гракова 1948: 107, рис. 27: 3; Зданович 1988, табл. 10Г: 15; Кадыр-

баев, Курманкулов 1992, рис. 20: 2; Евдокимов, Варфоломеев 2002, рис. 27: 15). Но известны они и в более поздних комплексах.

Другой тип — IV по нашей классификации — нож однолезвийный с лезвием, отделенным уступом от длинной рукояти. Тип представлен в Яз-депе, Кучук-тепе, Тилля-Теде, Дальверзине, Бургулюке и в случайных находках в Средней Азии (Кузьмина 1966: 47, табл. X: 24—27; Аскарлов, Альбаум 1979, табл. 23: 3; Сариниди, 19726: табл. III: 14; Заднепровский 1962, табл. XXI: 12; Дуке 1982: рис. 14: 1). Образцы ножей этого типа есть на поселениях Алексеевка и Атасу (Кривцова-Гракова 1948: 107, рис. 27: 1; Кадырбаев, Курманкулов 1992: рис. 20: 4). Там же найден нож с кольцевидным окончанием рукояти (рис. 20: 1). Из Кента происходит еще более выработанная форма ножа с желобчатой рукоятью и кольцом (Евдокимов, Варфоломеев 2002, рис. 27: 1).

Последний тип, несомненно, послужил прообразом монетовидного плоского круглого навершия рукояти, специфического только для культуры Чуст (Кузьмина 1966 тип III).

Анализу стрел посвящено специальное исследование В.М. Массона (1959: 45—48, рис. 12), который положил их классификацию в основу хронологии этапов Яз. Находки стрел в Елькене II, Кучуке (Аскарлов, Альбаум 1979: 57, 61—66, рис. 19; табл. 24, 25) и других памятниках подтвердили правильность эволюции типов во времени. Следует только отметить, что сейчас есть тенденция удревнения комплекса стрел предскифского периода, что позволяет несколько понизить дату экземпляров Яз III и Кобадан I. Подтверждается также предположение о сосуществовании на юге в эпоху варварской оккупации двулопастных черешковых стрел, имеющих южное происхождение, и двулопастных втульчатых стрел, происходящих из степей, где прослеживается линия их эволюции с раннеандроновского времени (Кузьмина 1966: 31—37; табл. VI; Аванесова 19756).

Двулопастные стрелы I типа с выступающей втулкой найдены в Яз-депе в слое I, в Кучук-тепе, Изат-Кули и на стоянках скотоводов в пустыне Каракум Бала-Ишем 8 и Куин-Кую, а также Приаралье на поселении Якке-Парсан (Кузьмина 1966, табл. VI: 2—4; 19—25; Аскарлов, Альбаум 1979: табл. 25: 2, 4, 6, 7.). Стрелы II типа со скрытой втулкой происходят из слоя эпохи варварской оккупации Овадан-тепе, Кучук-тепе, Мадау и из более северных памятников Средней Азии: клада Бричмулла у Ташкента, могильника Вуадиль в Фергане (Кузьмина 1966, табл. VI: 5—11).

Степное происхождение втульчатых стрел подтверждается их находками на опорных памятниках финальной бронзы: в Алексеевке, Садчикове, Степняке, могильниках Боровое, Дандыбай, поселениях Малокрасноярка, Мыржик, Атасу (Кадырбаев, Курманкулов 1992: рис. 29: 2, 3; 118: 6—9; 142: 16, 17), Кент (Евдокимов, Варфоломеев 2002, рис. 27: 8—13). Время бытования стрел — XIII—IX(VIII?) вв. до н.э.

Украшения на памятниках эпохи варварской оккупации представлены круглыми бляшками с литой петелькой. Они найдены на южном холме Анау, в Яз-депе, в том числе в слое I, Тилля-Тепе, Дальверзине, и в Кайракумах в кладе Бричмулла (Кузьмина 1966: 69, 70, табл. XIV: 2, 5, 7, 8, 11—13; Сарияниди 1989, табл. II: 12). Этот тип широко распространен в степи, включая Сибирь, типичен для могильников Семиречья и Ферганы, но известен также в Иране в Гиане I и Сиалке VI (Contenau, Ghirshman 1935, pl. 8, Ghirshman 1939, pl. IX; LVI). Предположению, что бляшки попали на юг из степей, препятствуют находки изделий этого типа в Анау III и в Иране в Гиссаре III (Pumpelly 1908, fig. 259; Schmith 1937; pl. L, NH 112631).

Все же на вероятное степное происхождение указывает находка на вышке Намазга в кроющем слое каменной литейной формы ножа с кольцевым упором и бляшек (Щетенко 1999в: 331, рис. 4: 5), что свидетельствует о степной технологии их отливки, а не об изготовлении по восковой модели, практиковавшейся иранскими ювелирами. В степях подобные бляшки были не только украшением костюма, но и конской узда. Помещение на одной форме с бляшками ножа с кольцевым упором — классического типа орудия широкой зоны степей эпохи финальной бронзы — позволяет отнести комплекс литейщика Намазга к XIII—XI вв. до н.э.

Анализ лепной керамики и металлических изделий дает возможность выявить в культурном комплексе эпохи варварской оккупации большую группу артефактов, имеющих бесспорно степное происхождение. Их хронология, установленная на основании европейских соответствий, позволяет уточнить дату памятников ЭВО. Степное происхождение имеет практически весь металл ЭВО и посуда с наlepным валиком типа Алексеевка XIII—XI вв. до н.э. и Донгал X—IX(VIII) вв. до н.э. Следует отметить, что в слое, перекрывающем Намазга VI, представлена керамика типа Алексеевка—Ивановка и наиболее ранние типы металлических изделий, что позволяет отнести время инвазии степных племен к XIII—XII вв.

до н.э. К этому времени относится и большая часть посуды, найденной на стоянках в пустыне.

На памятниках Яз I наряду с этой посудой изредка появляется керамика, более характерная для комплексов Донгал. Это горшки с валиком под горлом и с отрезками косо наклепленных валиков. Следует отметить, что на стоянках в пустыне керамика этого типа практически отсутствует. Металл — там, где может быть прослежена его эволюция — принадлежит также к более ранним типам.

Наиболее поздними представляются комплексы культур Чуст и Бугурлюк, часть их металлических изделий относится непосредственно к предскифской эпохе.

Таким образом, по-видимому, пастушеские племена, которые мигрировали с севера отдельными группами на протяжении всего II тыс. до н.э., усилили свое продвижение на юг в последней четверти II тыс. до н.э. в результате экологического кризиса существенной трансформации всей культуры, переходу к яйлажному скотоводству и распространению всадничества.

В XIII—XII вв. до н.э. значительная масса степняков расселилась на окраинах пустыни. Они стали совершать набеги на оазисы, население которых переживало кризис, вызванный внутренними причинами, а также, вероятно, усугубленный экологическими изменениями — возможным иссушением оазисов, как полагали Э. Шмидт и Б.А. Куфтин. Постепенно кочевники осели в оазисах и благодаря военному преимуществу заняли господствующее положение. Наступил постепенный, длительный процесс перехода номадов к оседлому образу жизни, восприятию местной материальной культуры и после периода билингвизма — восприятию местным населением языка пришельцев, — тип элитарной миграции.

Период Яз I демонстрирует уже следующий этап: когда процесс синтеза двух этнических групп уже завершился и происходит сложение новой культуры, в которой постепенно нарастают автохтонные черты, но побеждает язык пришельцев. Поскольку известно, что в степи на основе памятников алексеевского и ивановского типов сложилась культура сако-скифов, ираноязычность которых подтверждается персидскими и греческими источниками, есть основание предполагать, что именно миграция носителей валиковой посуды привела к распространению на юге Средней Азии и в Афганистане восточно-иранской речи.

14. Происхождение восточно-иранских народов:

ВЫВОДЫ

Рассмотрение проблемы происхождения восточных иранцев представляется наиболее важной и вместе с тем наиболее трудной частью исследования. Защищаемая нами гипотеза генезиса и расселения индоиранцев, как говорилось, нашла многочисленных сторонников. Но даже ее адепты подчеркивали, что переход от культуры андроновских и срубных пастухов к культуре земледельцев Средней Азии Ахеменидской эпохи не находит объяснения.

Главным оппонентом гипотезы выступил блестящий знаток культуры Центральной и Южной Азии, носитель лучших традиций французской декартовской философской школы А.-П. Франкфор (Francfort 1989; рец: Кузьмина 1992). Он рассмотрел и последовательно развенчал три главных, выдвигавшихся в разные годы, предположительных отождествления с культурой иранцев, как она рисуется по материалам Авесты и свидетельствам ахеменидских и греческих источников, с конкретными археологическими культурами: Андроново, Намазга VI, Яз I.

Его возражения таковы (Francfort 1989):

Культура Андроново. Эта гипотеза, защищаемая Кузьминой (1981a) и Литвинским (1981), «является прекрасным кандидатом». Она основана на связи между данными текстов и археологическими материалами и опирается на: 1) ретроспективный анализ; 2) пасторализм; 3) коневодство и использование колесницы; 4) социальную структуру, включающую колесничих; 5) топонимику; 6) контакты индоиранцев (Кузьмина 1981). Возражая против моих аргументов, А.-П. Франкфор отрицает правомерность ретроспективного метода, считая, что он ведет к абсурду, поскольку в культуре земледельцев иранцев Средней Азии ахеменидской эпохи также прослеживается преемственность культов быка, овцы, верблюда, огня, похоронного обряда, керамики и архитектуры крепостей, которые генетически связаны с предшествующими этапами культуры земледельцев. Из этого можно вывести дедуктивное заключение, что индоиранцами были не андроновцы, а оседлые жители Средней Азии. Следовательно, этим методом нельзя прийти к правильному выводу.

Это заключение французского ученого неверно, поскольку, как говорилось в теоретической главе (Кузьмина 1994: 57—66), ретроспективный метод применим только к примитивным родовым

обществам, где традиция производства и верования передаются от поколения к поколению в пределах племени и очень устойчивы. В пределах же земледельческих обществ с развитым ремесленным производством инновации распространяются независимо от этнической принадлежности мастеров. Кроме того, нами было выделено понятие этнических индикаторов, которые специфичны для конкретного этноса и сохраняются даже при переселении в другую экологическую зону.

Культура Намазга VI. Далее Франкфор подчеркивает всеобщее распространение культа быка, но в палеозоологических материалах преобладают кости овцы. В действительности здесь нет противоречия. Как говорилось, вес коровы в 7 раз больше веса овцы, следовательно, преобладание численности овцы в стаде не означает ее господства в рационе питания. По данным В.И. Цалкина (1972б; 80), мясная пища андроновцев на 60—70% состояла из говядины и только на 10% из баранины.

Франкфор отмечает, что коневодство было издревле известно не только в степях, но и в Передней Азии и именно там произошло изобретение колесницы. К вопросу о конях, колесницах и всадниках приходилось многократно обращаться в книге. В свете новейших данных колесницы Синташты (XXI—XVIII вв. до н.э. по С¹⁴) древнее переднеазиатских, и они были принесены андроновцами в Среднюю Азию (Kuzmina 2001). Важным центром коневодства в Передней Азии был район верхнего Двуречья — Хабур. По данным письменных источников из Нузи лошадей экспортировали в государства Переднего Востока. Возможно, там сложился независимый переднеазиатский тип псалиев, восходящий к запряжке ослов (Clutton Brock 1992). Но следует иметь в виду, что именно в Нузи зафиксированы древнейшие имена индоариев. (Gelb et al. 1943), позже мигрировавших в Митанни. Это вновь возвращает к проблеме решающей роли ариев в распространении колесничной тактики боя. Десятки новых могил колесничных исследованы сейчас в степях (Усачук, ред. 2004), что снимает возражения. Общий вывод Франкфора о месте колесничных в обществе (с. 453): «не становится ни более ясным, ни более обоснованным, поскольку андроновцы постепенно исчезают к югу от Средней Азии».

Далее Франкфор анализирует культуры Намазга VI — Молали (р. 453). В представлении Сарияниди (1981; 1981с), Гиршмана (Ghirshman 1977), Йеттмара (Yettmar, 1981), Потье (Pottier 1981)

культура Намазга VI представляет индоариев. Соответствуют письменным текстам: культы быка, верблюда, огня, вары Йимы; использование труб, связываемых с колесничной тактикой боя; близость к культуре Джукар, рассматриваемой как постхараппская = арийская; преемственность материалов бронзового века и эпохи Ахеменидов. Культура индоиранцев рассматривается как местная, но имеющая некоторые заимствования из андроновской, что не дает возможности установить, являлись ли индоариями или иранцами носители Намазга VI или андроновцы, что приводит в тупик.

Культура Яз I (Francfort 1989; 450), рассматриваемая как индоарийская или иранская Массоном (1959: Masson, Sarianidi 1972), Жаррижем (Jarrige, Santoni 1979). Ее характеризуют: 1) ирригация; 2) использование железа; 3) социальный строй, сопоставимый с предписаниями Авесты. Возражения Франкфора сводятся к тому, что ирригация характерна для всей эпохи бронзы; железо малоупотребимо, и его появление не связано с иранцами; социальный строй Авесты включает семью, клан, племя и область. По Массону и Сарияниди (1972), правители областей жили в замках на платформе. Отвергая это предположение, Франкфор утверждает, что эта архитектура возникла в более древнюю эпоху. Общий вывод: «ничто не позволяет говорить, что остатки культуры Яз I отражают культуру, характерную для индоиранцев» (с. 450).

Гипотеза отождествления с индоиранцами культуры черно-серой керамики Ж. Деше (Deshayes 1975) также несостоятельна (с. 450). Франкфор (с. 454) приходит к общему выводу, что «все проанализированные гипотезы могут быть отброшены в область вероятных, сомнительных, не дающих возможности выбрать строгие бесспорные критерии». Он предлагает свою логическую схему комбинации возможных решений (табл. 115). Но эти сконструированные искусственные модели, не основанные на конкретном материале, не дают ничего для решения проблемы.

К этим вопросам и сомнениям Франкфор (Francfort 2001: 221—232) вернулся, сосредоточив внимание на культурах крашеной керамики Средней Азии, которые он называет Культурой Окса железного века (Iron Age Oxus culture). Он рассматривает две основных предложенных гипотезы: 1) степную, согласно которой произошел синтез андроновцев с земледельцами оазисов; 2) происхождение вариантов Туркменистана из Ирана, а также возможность взаимовлияний культур крашеной керамики Синьцзяна.

Франкфор (Francfort 2001; 221—222) безоговорочно принимает калиброванные радиоуглеродные даты и отодвигает начало культуры к 1500 г. до н.э. и выделяют три этапа: 1500—1000; 1000—700 и 700—400 гг. до н.э.

Франкфор (Francfort 2001: 228) оспаривает гипотезу о возможной связи культуры Акетала (Aketala) в Синьцзяне с культурами Окса и Ферганы, подчеркнув отсутствие в соседних со Средней Азией районах Аксу, Кашгара, Яркенда и Хотана расписной посуды и керамических форм. Прослеживаются только контакты с керамикой и металлом андроновской культуры и частично Дандыбая, что подтверждает наши выводы (Kuzmina 1998a).

Он справедливо принимает высказанную В.И. Сариниди (1977), Каттена — Гарденом (Cattenat, Gardin 1977) и мною (Кузьмина 1971b; 1977b; Kuzmina 1976a) гипотезу о непрерывности в Бактрии и Маргиане традиций развития гончарной керамики, архитектуры (включая сохранение размеров кирпича) и ирригационного земледелия.

Признавая важные изменения в культуре XV—XIV вв. до н.э. и возможную роль в них андроновцев, он приходит к выводу, что «формирование восточно-иранского археологического комплекса ... произошло на базе большой, медленной и важной трансформации цивилизации бронзового века Окса» (Francfort 2001: 231), при этом вопрос о происхождении иранцев остается открытым.

Как может быть оценена позиция французского ученого? Во-первых, нельзя принять термин «цивилизация Окса», поскольку аналогичными событиями были охвачены и Маргиана, и предгорная полоса Копет-Дага, и гораздо более южные районы. Главное же, говоря о динамике культуры Бактрии, он не учел того, что важнейшая трансформация произошла в степях.

Как было показано в предшествующих главах, на огромном пространстве Евразии в XIII—IX вв. до н.э. под влиянием экологического кризиса на смену оседлому комплексному земледельческо-скотоводческому хозяйству пришло подвижное яйлажное скотоводство, чему способствовало освоение верховой езды.

Определяющее значение для решения генезиса культуры Яз I имеют новые исследования культур валиковой керамики в степях и выделение ранней стадии, XIII—XI вв. до н.э., представленной на Волге памятниками типа Ивановка, а от Урала до Алтая — типа Алексеевка, и поздней стадии Нур и Донгал X—IX вв. до н.э. При

этом существенно, что на памятниках типа Алексеевка широко распространена импортная гончарная посуда Намазга VI. Это позволяет утверждать, что в конце периода Намазга VI степные позднеандроновские племена установили активные связи с земледельцами юга Средней Азии. Это был культурный обмен, осуществлявшийся по трассам будущего Шелкового пути (карта 11). Многочисленные находки гончарной керамики на алексеевских поселениях Урала и Алтая позволяют предполагать, что главным предметом обмена была бронза. Это подтверждают находки на юге Средней Азии бронзовых изделий, по типу и составу — высокооловянистая бронза, — характерных для памятников алексеевского типа. Находки именно алексеевской керамики составляют абсолютное большинство на стоянках на границе пустыни и оазисов Южной Туркмении.

Уход части степного населения на юг в Индию, передвижение групп с Украины на восток привели к усилению межэтнических контактов и формированию достаточно гомогенной культуры, носящей условное неудачное название «Культура Валиковой Керамики». Сходна в степи не только лепная посуда с валиками, но и многие другие типы грубой, бедно орнаментированной керамики, единые типы костяных псалиев и большинство категорий металлических изделий. Разумеется, исследователи выделяют локальные варианты, но никогда до предскифского времени культура степей не была столь гомогенна. Именно эта культура явилась основой формирования культуры восточных иранцев скифов-савроматов — саков. Это дает основание полагать, что в XIII—IX вв. до н.э. в эпоху миграций финальной бронзы в степях победили различные восточно-иранские диалекты.

Ошибка Франкфора, как и многих других исследователей до него, состоит в том, что он говорит о распространении некой безличной андроновской или просто степной культуры, не учитывая того, что среди степных стоянок, которые морем разлились по границам земледельческих оазисов, абсолютное большинство включают именно валиковую керамику XIII—XI вв. до н.э., и, что еще более важно, в кроющем слое поселений подгорной полосы над следами разрушений и пожаров найдена именно эта валиковая посуда.

Из этих фактов следует два принципиально важных вывода: во-первых, отстаиваемая А.-П. Франкфором хронология этих событий — XV—XIV вв. до н.э. — неверна, что бы ни говорили радиоуглеродные даты. Датировка ЭВК от Трои, Дуная, Гияна и Китая

по разным системам хронологии, включая наиболее достоверные дендрохронологические данные Европы, определяется XIII—IX вв. до н.э. Эти данные, как говорилось, соответствуют и времени РЖВ Ирана, когда там расселяются западные иранцы. Во-вторых, мнение Пампелли—Шмидта об Эпохе Варварской Оккупации (ЭВО) подтверждается не тем, что в Туркмении на смену гончарной монохромной приходит лепная расписная посуда, а тем, что в этом принципиально новом комплексе есть сосуды с наклепными валиками, и именно они являются диагностическими, указывая, откуда явились их производители.

Анализ керамических комплексов ЭВО позволяет надежно реконструировать этногенетические процессы на юге Средней Азии. А.А. Марущенко (1939; 1959) и А.Ф. Ганялин (1956) были совершенно правы, когда вслед за исследователями Анау говорили об эпохе варварской оккупации. Этот тезис подтверждается гибелью земледельческих поселений, широким распространением костей лошади, сменой типов металлических изделий и — что особенно важно — появлением новых типов степных двулопастных втульчатых стрел и ножей-кинжалов с упором.

Но прав был и В.М.Массон (1959), когда он справедливо обратил внимание на принципиально важные изменения во всем облике культуры ЭВО: совершенствование ирригационных систем, позволившее освоить новые регионы; строительство новых укрепленных поселений, в том числе как больших городов, так и укрепленных усадеб.

Правы и те исследователи, которые проследили и подчеркнули непрерывную линию развития гончарного производства, не пресекавшегося на протяжении всей эпохи. Именно не заимствованные в ахеменидском Иране, а местные туркменские типы посуды явились основой, на которой сформировался керамический комплекс Средней Азии в эпоху урбанизации в предахеменидский период.

Анализ всей совокупности доступных в настоящее время материалов приводит к непротиворечивому выводу, что в эпоху финальной бронзы, когда земледельческая культура юга Средней Азии и Афганистана переживала постепенно нарастающий кризис, возможно, стимулированный экологическими условиями, на территорию оазисов стали проникать кочевавшие на границе пустынь скотоводы — всадники, носители КВК XIII—XI вв. до н.э. Именно они были создателями культуры ЭВО. В одних случаях они установили мирные отноше-

ния с земледельцами, в других разрушали их находившиеся в упадке поселки и устраивали на пепелище свои временные жилища. В любом случае, это была элитарная миграция. Пришельцы первоначально сохраняли свой образ жизни, продолжая захватывать и угонять скот и производя лепную посуду, часть которой украшали валиками по традиции, принесенной с прародины. Но постепенно, особенно в X—IX вв. до н.э., они переходили к прочной оседлости, смешивались с местным населением и заимствовали его культурно-хозяйственный тип. О таком ходе исторического процесса самым красноречивым свидетельством являются развитие керамического комплекса, в котором постепенно происходит вытеснение валиковой керамики.

Но важно подчеркнуть, что именно она была принесена пришельцами, явившись одним из компонентов новой культуры носителей восточно-иранских языков.

В эпоху финальной бронзы в степях на основе КВК происходило формирование культуры скифских и сакских восточноиранских племен, часть которых переходила к кочеванию.

В то же время на юге на той же основе КВК складывалась культура близкородственных по языку восточно-иранских народов: бактрийцев, арейцев и других.

Они проделали другую трансформацию — от полукочевого скотоводства, грабежей и набегов они постепенно переходили к оседлому земледельческому быту, восприняв хозяйственно-культурный тип местного населения, но передав ему свой язык. Тем же путем ранее происходила арианизация Северной Индии. Следует подчеркнуть, что основным населением юга Средней Азии в ЭВО оставались аборигены — земледельцы, которые сохранили тысячелетние традиции архитектуры, включая формат кирпича, и гончарного производства, включая основные цилиндрико-конические формы керамики, ее ангобирование светлым или красным ангобом.

Именно этот комплекс стал основой керамики предахеменидской Средней Азии, эпохи, когда можно предполагать формирование Великого Бактрийского царства. Как подчеркивалось, этот комплекс принципиально отличен от разнообразной посуды Ирана эпохи Ахеменидов (Кузьмина 1971b; 1972a; Kuzmina 1976a).

Что касается расписной керамики, которая считается главным отличительным признаком ЭВО, то, вероятно, моду на нее ввели пришедшие варвары, которых поразили россыпи этой красивой посуды, до сих пор покрывающей поверхность заброшенных посе-

лений Туркмении. Интересно отметить, что еще в слоях конца Намазга VI известны гончарные сосуды, которые украшены или наклепными валиками или росписью.

(Проблема возрождения традиции расписной посуды на широкой территории Средней Азии, Афганистана и Ирана в эпоху расселения иранских племен и соотношения этих комплексов с керамикой Индии в эпоху расселения индоариев ждет изучения международным коллективом исследователей.)

Постепенная замена валиковой и расписной посуды гончарной характеризует эпоху стабилизации обстановки и консолидации пришедших варваров, принесших валиковую посуду и введших моду на расписную керамику, и аборигенов — земледельцев, сохранивших свои традиции.

ЭВО, несомненно, характеризует период билингвизма, а ее конец отражает победу нового языка и консолидации двух этносов.

Данные антропологии подтверждают эту модель, указывая на сохранение господствующего типа аборигенного населения в эпоху раннего железа. А письменные источники свидетельствуют о том, что язык этого населения был восточно-иранским. Распространение восточно-иранских диалектов на юге Средней Азии и Афганистане, как и западно-иранских в Иране, относится к XII—IX вв. до н.э. VIII—VII вв. до н.э. знаменуют начало в обоих регионах принципиально новой исторической эпохи.

15. Проблема даты Заратуштры

Поскольку Авеста является важнейшим источником по истории раннеиранских племен, установление хронологии ее ранней части — Гат (Gathas) и времени их сочинения пророком Заратуштрой представляет первостепенный интерес. Споры о времени и месте проповеди пророка идут уже третий век.

Проблемы хронологии Авесты разбираются в общих трудах по истории Средней Азии и Ирана, в работах, посвященных Авесте и лично Заратуштре, и в специальных статьях о хронологии пророка и созданных им Гатах. Из них укажу последние работы Дж. Ньели (G. Gnoli 1989), Октава Шерво (O. Skjaervo 1995) и Жана Келленса (J. Kellence 2001; 2002).

Не ставя перед собой задачи нарисовать полную картину различных точек зрения, выделяю только разброс мнений ведущих иранистов.

Мнения ученых можно скомпоновать в порядке принятой ими хронологии жизни пророка.

Согласно одной точке зрения, основанной на различных спорных калькуляциях свидетельств античных источников и поздней зороастрийской традиции, Зороастр жил в эпоху Ахеменидов и даже был их родственником. Расходясь в деталях и методах аргументации, этой точки зрения, высказанной Дж. Хертелем еще в 1924 г., придерживаются Э. Херцфельд (Herzfeld E. 1947: 48), В. Хеннинг (Henning 1951: 41), И. Гершевич (Gershevitch 1959) и теперь Дж. Ньюли (Gnoli 1989). Причем Э. Херцфельд помещает события в Мидии. Эта точка зрения уже многократно подвергалась критике. В России она не имеет последователей.

Но уже один из первых исследователей Авесты В. Гейгер (Geiger 1862: 132, 136, 169, 170) признал памятник очень древним, отражающим архаичную пастушескую экономику и поместил область, где проповедовал Заратуштра в восточно-иранских областях.

Один из главных исследователей зороастризма англичанка Мери Бойс в изданном в 1975 г. томе своего труда «История зороастризма» (Boyse 1975) поместила прародину иранцев в азиатских степях и отнесла деятельность пророка к эпохе бронзы, даже указав на пережитки каменного века, отраженные в Авесте. Ее дата — между 1700 и 1000 гг., скорее 1400—1000 гг. до н.э. В книге «Зороастрийцы» (1987: 27) она уточнила дату: 1500—1200 гг. до н.э. Итальянский исследователь Авесты Жерардо Ньюли (J. Gnoli. 1980; 1997) первоначально относил время проповеди пророка к рубежу II—I тыс. до н.э. В своих последних трудах (J. Gnoli 1989) и книге 2000 г. «Zoroaster in history» он изменил свою точку зрения, сочтя более приемлемым отнести деятельность Зороастра ко времени Ахеменидов.

Г. Виденгрэн (Widengren 1977) полагает, что время Заратуштры X—VII вв. до н.э.

Эдуард Мейер (Meyere) еще в 1884 г. предложил поместить дату Заратуштры к рубежу II—I тыс. до н.э. И эта точка зрения нашла многочисленных сторонников: Т. Барроу (Burrow 1973: 123—140), Х. Хумбах (Humbach H.). Среди отечественных ученых ее отстаивают главный переводчик Авесты И.М. Стеблин-Коменский (1990: Предисловие к Авесте) и Э.А. Грантовский (Бойс 1987: 290, 291 —

Послесловие). Сторонниками длинной хронологии Гат выступают представители лингвистического направления исследования Авесты К. Хоффман, Ф.Б. Ке йпер, П. Тиме и др. (Kellence 2002: 16). Эта хронология основана на архаизме языка Гат и признании близости текстов Ригведы и Авесты (Kellence, Pirart 1988).

Ко времени задолго до завоевания персами Средней Азии, к VIII—VII вв. до н.э. относят деятельность Заратуштры и большинство отечественных ученых: И.М. Дьяконов (1956: 48, 53, 390; 1971: 141), М.М. Дьяконов (1954: 139—140; 1961: 59, 63), И.М. Оранский (1960: 92), И. Алиев (1960: 18—21), В.А. Лившиц (1963; 1998: 216); М.А. Дандамаев, В.Г. Луконин (1980: 308). Все они, за исключением Алиева, локализуют место проповеди пророка в Средней Азии и восточно-иранских областях.

Большой вклад в изучение Авесты внес М.М. Дьяконов (1954; 1961: 59, 361). Вслед за В. Гейгером (Geiger 1882) он реконструировал материальную культуру, которая отражена в Авесте. Сравнив эти данные с полученными им свидетельствами археологии Северной Бактрии, он показал, что эта культура намного архаичнее не только ахеменидского Ирана, но и предполагаемого им Бактрийского царства: «Сравнение с археологическими материалами из Средней Азии и Восточного Ирана указывает на более ранний период сложения старейших частей Авесты» (Дьяконов М. 1961: 59—63).

Материальная культура Авесты очень архаична; нет упоминаний о больших оросительных системах, специализированном ремесле, железо названо общим термином с бронзой, а основной единицей общества является *vis* — род, состоящий из отдельных семей домовладений — *ptāpa*, соответствующей термин есть в Гатах.

Своеобразную позицию в споре занял В.И. Абаев (1956: 23). Он считал, что Заратуштра начал свою проповедь среди пастушеских скифских (сакских) племен, призывая их к оседлости и мирной жизни, но не получив у них поддержки, обратился к бактрийскому царю Виштаспе, который по его мнению, жил в эпоху Ахеменидов.

В.И. Абаев обратил внимание на то, что общество Гат отражает быт пастухов, ведущих подвижный образ жизни, постоянно воюющих, захватывающих скот, который является главным богатством. Он призвал пастухов переходить к оседлой жизни и занятию земледелием.

Каким известным сегодня археологическим реалиям отвечает общество, описанное в Гатах?

Проповедь пророка направлена к скотоводам, живущим грабежом: душа коровы взывает о защите от угона (Ясна XXIX).

Пророк призывает отказаться от набегов, перестать разорять мирные селения и перейти к оседлой жизни и хлебопашеству, соблюдая мирные договоры.

Когда мог быть актуален этот призыв?

Это, несомненно, ЭВО, но, по-видимому, не время кризиса XIII—XI вв. до н.э., когда пришельцы еще не ассимилированы с остатками местного населения. Это, скорее, время Яз I — 1000—800 гг. до н.э., когда в земледельческих областях происходит седентеризация пришельцев и синтез двух культур.

В.И. Абаев прав, когда называет кочевников скифами-саками: это та группа восточно-иранских племен — носителей валиковой керамики, которые приходят с севера. Они близкородственны предкам саков-скифов, продолжающим жить в степях, и это родство еще отчетливо осознается в Авесте: в Яште XIII: 143 говорится: «Область арья... турья, сайрима, сайни, даха» (Bailey 1959) — это арийские иранские племена, известные по античным источникам сарматы и дахи, а туры ближайшие родственники и постоянные антагонисты иранцев, живущие к северу от Бактрии.

Верхняя граница возможной эпохи Гат остается археологически не ясной. Она зависит от времени формирования скифской культуры, которая определяет дату формирования предахеменидской городской культуры юга Средней Азии и Афганистана.

Обращение к археологическим материалам позволяет в известной мере уточнить и место действия пророка: это не был северо-западный Иран, где в X—VIII вв. до н.э. сложилась совершенно иная ситуация.

Наконец, анализ материалов предахеменидского времени Средней Азии позволяет развенчать гипотезу о доахеменидском Великом Хорезме, созданную Э. Бенвенистом (Benveniste 1934), А. Кристенсеном (Christensen 1943) и подхваченную С.П. Толстовым (1948: 108, 109). Если только не принимать предположения В. Хеннинга (Henning 1951: 43) о локализации Хорезма в долине Теджена и Мургаба.

Дело в том, что на юге Средней Азии и в Афганистане в предахеменидскую эпоху сложились укрепленные городские поселения, получили распространение ирригация, включая вывод воды из больших рек, и ремесло, особенно гончарное, в котором были

выработаны строгие и изысканные формы цилиндро-конической посуды. Это дает серьезные основания подтвердить гипотезу о Великом Бактрийском царстве, включавшем и Маргиану (Дьяконов М. 1954; Дьяконов И. 1956: 380; Кузьмина 1972а; Kuzmina 1976а; см. также Ширинов 2001; Пьянков 2001).

Согласно иной точке зрения, главным центром региона был бассейн Хельмента, а упоминания о Хорезме и Бактрии были только воспоминанием о пути миграции или отражением связей (J. Skjærvø 1995: 160).

Этим процессом были охвачены юг Узбекистана и Таджикистана. Но в Хорезме, если иметь в виду традиционную локализацию в Приаралье, городская культура сложилась позже, и градостроительство и гончарство распространились там под влиянием южных регионов и Ахеменидской империи (Воробьева 1973; Вишневская, Раппопорт 1997; Болелов 2004).

Заключение

Большинство отечественных археологов и лингвистов предполагают, что памятники типа Синташта отражают сложение на постямной основе индоиранской общности.

После периода билингвизма происходит обособление индоиранского праязыка. Этот процесс относится к концу III — началу II тыс. до н.э. Население знакомо с земледелием, скотоводством, разведением лошадей. Оно возводит укрепленные поселения, сопоставимые с варой (*Vara*), изготавливает золотые и медные, а в конце эпохи — также бронзовые изделия. Главным достижением эпохи является введение конных колесниц и привилегированное положение колесничих, которых погребают в больших курганах с конями, колесницами и богатым инвентарем, включающим все типы оружия, имеющие общеиндоиранские названия. Этот набор вооружения описан у ариев в Митанни и представлен в Ригведе и в Авесте в позднем гимне Митре, видимо, отражающем древнюю индоиранскую традицию.

Эта картина хорошо согласуется с реконструкцией культуры прото-индоиранцев и надежно подкрепляет гипотезу Дж. Мэллори о происхождении индоевропейских народов и заключения Ж. Фуссмана и О. Скьярво о распаде индоиранской общности между 1700 и 1500 гг. до н.э. К сожалению, нет надежных данных для ответа на вопрос о времени распада индоиранской общности на три (или более?) группы: иранцев, индоиранцев и дардов и нуристанцев (только что опубликована работа А.И. Когана «Дардские языки. Генетическая характеристика» (М., 2005), в которой он выдвинул гипотезу, что нуристанские языки выделились первыми, а дардские — позже).

Можно предположить, но нельзя доказать, что появление под воздействием Синташты памятников типа Потаповка на Волге и далее на Дону и Днепре знаменует начало деления общности на протоиранцев — срубников и прото-индоиранцев и дардов и нуристанцев-андроновцев. Причем различия отчетливо выступают только между крайними памятниками цепочки.

Судя по тому, что язык ариев, пришедших в Митанни около или ранее середины II тыс. до н.э., считают индоарийским, но имеющим иранские черты, можно признать, что распад индоиранской общности начался ранее середины II тыс. до н.э. на прародине. (Впрочем, М.Т. Дьяконов видит в языке ариев Митанни нуристанские черты, что не исключает утверждения о распаде общности.)

В это время в степях Евразии сформировалось три больших культурных объединения. Срубная культура распространена на Украине и вплоть до Урала (гипотеза В.В. Отрощенко о двух срубных культурах не общепризнана и касается лишь разной роли слагающих компонентов двух групп). В создателях срубных памятников большая часть ученых видит древних иранцев. Серьезным доказательством этого служит показанное С.С. Березанской (1972) совпадение границ срубной культуры с ареалом иранских гидронимов, выявленных В.Н. Топоровым и О.Н. Трубачевым (1962).

От Урала до Центрального Казахстана простирается зона алакульского типа памятников. Причем между Волгой и Уралом проходит широкая территория смешанных срубно-андроновских комплексов.

От Центрального Казахстана до Енисея локализуется ареал памятников федоровского типа. Они же распространены на Урале чересполосно с алакульскими, а в Северном и Центральном Казахстане господствуют смешанные памятники, сформировавшиеся в результате взаимодействия алакульских и федоровских племен. Говоря лингвистическим языком, эту нерасторжимую цепочку взаимосвязанных комплексов можно характеризовать как область расселения носителей родственных диалектов индоиранской общности.

Памятники федоровского типа демонстрируют наибольшее сходство с реконструируемой культурой ведических ариев: сочетание обрядов ингумации при господстве кремации, обычай сати, специфические типы культовой керамики. Это дает основание выдвинуть гипотезу об индоарийской принадлежности федоровских племен.

В истории расселения степных племен в Среднюю Азию и дальше на юг выделяется три хронологических этапа.

Первый этап — XX—XVII вв. до н.э.: появление с Урала на Зеравшане в погребении Зардча-Халифа псалиев типа Синташта и культа коня, а позже керамики петровского типа на стоянке Тутай около земледельческого поселения Саразм. Данных о том, дошли ли они до Индии, нет.

Судя по материалам Джаркутана, пришельцы были малочисленны, но, используя коней и колесницы, они стали господствующей элитой, восприняв материальную культуру БМАК. Продвинулась ли часть этого населения южнее, входила ли она в состав тех, кто установил контакты БМАК в Белуджистане, — неизвестно. Тем более нет данных, чтобы предполагать, что ранние андроновцы были разрушителями цивилизации Хараппа и виновниками побоища в Мохенджо-Даро, как полагал М. Уилер (M. Wheeler 1968). Его оппоненты отмечали, что, во-первых, в других хараппских городах нет следов насильственного разрушения; во-вторых, судя по стратиграфии Хараппы, существует хронологический hiatus между гибелью города и могильником Н. Это привело к выводу, что гибель центров цивилизации была обусловлена экологическими и социально-политическими причинами (Бонгард-Левин, Ильин 1985).

Второй этап миграции пастушеских племен на юг охватывает XVI—XIV вв. до н.э. Из смешанной срубно-алакульской зоны расселяется население, которое создает самобытную земледельческую культуру Тазабагъяб. По всей Средней Азии фиксируются памятники андроновских племен. В Ташкентском и Самаркандском оазисах появляется срубное население, вступающее в контакт с андроновцами.

Федоровские племена достигают Амударьи, участвуют в формировании культуры Тулхар и активно взаимодействуют с носителями земледельческой бактрийско-маргианской культуры. Культурные контакты между степняками могут характеризоваться как интеграция носителей родственных языков или диалектов.

Взаимодействия между земледельцами и скотоводами носят очень разный характер и осуществляются по разным моделям (см. часть II). Южный Таджикистан и Узбекистан демонстрируют разные модели контактов: культурное влияние, сохранение культуры при смене погребального обряда (таджикский вариант андроновской федоровской культуры); интеграция и формирование в результате постепенного синтеза андроновской федоровской культуры и БМАК новой культуры Бишкент.

Миграция и интеграция элитарная: проникновение андроновского федоровского населения в среду БМАК и вероятное подчинение местного населения, прежде всего — в идеологической сфере. Эту интереснейшую модель демонстрируют материалы могильника и особенно храма Джаркутан и могильников Бустан. Эти фак-

ты можно интерпретировать как постепенную арианизацию населения юга Средней Азии и распространения здесь мирным путем индоарийского и дардско-нуристанских языков.

Если эта модель верна, то она хорошо согласуется с гипотезой Т. Барроу (Burrow 1973) о первоначальном расселении в Средней Азии индоариев и их последующей миграции отсюда в Индию и о приходе иранцев по их стопам, что объясняет отсутствие в иранских языках чужеродных заимствований, столь многочисленных в санскрите. Продвижение на юг в Афганистан и Индию создателей этих уже арианизованных культур, в разной мере сочетающих андроновские федоровские черты и черты ВМАС, демонстрирует предложенную Дж. Мэллори (J. Mallory 1998) модель арийской миграции Kulturkügel.

Весьма вероятно предположение Б. и Р. Олчинов (B. and R. Allchin 1973), что пастушеские племена расселились по окраинам хараппских центров, переживающих кризис из-за экологических бедствий и внутренних социально-экономических катастроф. Гибель городов открыла дорогу пришельцам, и они не ордой, а отдельными племенными отрядами стали расселяться на границах оазисов. При этом часть коренного хараппского населения продвинулась на восток в Хариану и на юг в Гуджарат, где хараппские памятники, по мнению ряда ученых, более поздние, чем на западе.

Очень существенна установленная Дж. Джоши (J. Joshi 1978) преемственность в культуре хараппской и постхараппской эпох на периферии хараппского ареала. Это доказывает медленный и постепенный характер продвижения арийских групп. Первоначально пришельцы и аборигены расселились рядом, но не вместе. Взаимоотношения с коренным населением отчетливо отражают ведические источники. Еще в XIX в. было установлено наличие заимствований из местных языков (Kuiper 1991; 1997; Witzel 1999).

В Ригведе заимствованной лексики очень мало, но некоторые названия племен, включенных в арийскую общину, и имена нескольких правителей и особенно жрецов явно не являются индоарийскими. Это значит, что пришельцы установили контакты с элитой нескольких соседних племен, а часть жрецов перешла на их сторону, присоединившись к новой знати. (Этот процесс, как говорилось, начался еще в Северной Бактрии.)

В Брахманах количество заимствований из языков дравидского и мунда возрастает, причем меняется и состав лексики. Это назва-

ния не только незнакомой ариям флоры и фауны, но также слова, связанные с хозяйством и бытом. Они отражают то, что арии вступили в более тесные контакты с рядовым населением страны — ремесленниками и общинниками-земледельцами. Именно с этого периода правомерно говорить о формировании новой культуры — культуры индийского народа, складывавшейся в результате органического синтеза пришлой культуры ариев, особенно проявляющейся в языке и духовной сфере, и аборигенной культуры, сохраняющей древние хараппские традиции.

Как показал Г. Поссел (G. Possehl 2002), образ жизни в Индии в эту эпоху кардинально изменился: на смену большим многолюдным городам пришли небольшие поселки — центры земледелия и сильно деградировавшего ремесла. Исчезли хараппская письменность, печати, дорогие украшения, прекратилась международная торговля, но сохранились древние способы хозяйствования и орудия земледелия, традиции домостроительства, типы транспортных средств, главное, традиции гончарства на гончарном круге. Поэтому мнение тех индийских ученых, которые подчеркивают сохранение хараппских традиций в культуре последующих эпох, вполне справедливо.

Вклад арийцев составляли распространение коня и колесницы, что зафиксировано петроглифами Индии, погребальный обряд: сочетание ингумации при господстве кремации, обряд сати, жертвоприношение коня и принципиально новые мифологические представления и социальная структура общества, состоящего из трех групп: военной элиты с царем, жрецов и общинников. Все это родственно другим индоевропейским народам (Dumézil 1930; 1968—71: I—III).

Третий этап миграций — XIII—IX (VIII) вв. до н.э. — обусловлен культурной трансформацией в степях Евразии в результате внутреннего развития и наступившего экологического кризиса. В это время утверждается новый хозяйственно-культурный тип — подвижное (яйлажное) скотоводство, условием чего было появление всадничества. Активизируются миграционные процессы: федоровцы уходят в Среднюю Азию и их место в Южной Сибири занимают носители культуры Карасук; с востока движутся в Казахстан из глубин Азии дендыбаевские племена; часть срубных племен из-за кризиса мигрирует на Северный Кавказ. Они уже раньше появлялись и оседали на Кавказе, и восприняли некоторые черты материальной культуры горцев. Миграцию потомков срубников с

Кавказа в Иран М.Н. Погребова (1977) связывает с появлением западных иранцев в Иране. Другой их путь, вероятно, пролегал через Среднюю Азию. Это тип элитарной миграции и последующей ассимиляции пришельцами культуры аборигенов, восприятия последними иранского языка.

Другая часть срубников приходит на Урал и движется в Среднюю Азию вдоль Каспия. Активизация культурных связей, подвижность населения приводят к значительной унификации культуры, что проявляется особенно в появлении единого типа керамики с налепным валиком. Уход федоровцев и взаимодействие срубных и родственных им не только в культурном, но и в антропологическом отношении алакульцев, особенно в контактной зоне Урала, приводят к тому, что яркая локальная специфика вариантов степных культур периода расцвета бронзового века в эпоху финальной бронзы сменяется культурным единообразием на большой территории степей. По-видимому, эти процессы можно связать с формированием и распространением по всей степной зоне восточно-иранского праязыка.

Многочисленные культурные инновации эпохи финальной бронзы: взлет металлургического производства, приведший к изобретению железа, изобретение новых типов оружия и псапиев для управления верховым конем способствовали сложению в степях культуры различных восточно-иранских племен саков, савромат, скифов и других.

В то же время в XIII—XI вв. до н.э. часть степных племен — носителей культуры валиковой керамики по уже проторенным ранее дорогам подходит к границам земледельческих оазисов, оставляя на стоянках на краю пустыни многочисленные черепки ивановско-алексеевской керамики с валиком и единичные бронзовые вещи позднеандроновских типов. Они обменивают металл и продукты скотоводства на зерно и гончарную посуду типа Намазга VI, которая распространяется от Северного Казахстана до Тувы и Семиречья, а в верхнем слое на земледельческих поселках появляется степная керамика алексеевского типа и андроновский металл. Контакты с земледельцами то мирные, то враждебные. Для защиты от их набегов жители Елькен-тепе возводят крепостные стены. Но нарастающий упадок приводит к гибели культуру Намазга VI. На руинах поселков Теккем, Намазга появляются хибарки пришельцев. Наступает кризис. Варвары расселяются на полузаброшенных

поселениях. В эпоху варварской оккупации часть пастухов продолжает кочевать, совершать набеги на поселки, захватывать зерно и скот. Но часть живет бок о бок с аборигенами. Они делают свою традиционную посуду с наlepным валиком; их внимание привлекает расписная посуда, которую они находят на поверхности заброшенных тепе. По их заказу аборигены возрождают утраченную технику росписи, но для себя они продолжают изготавливать высококачественную керамику на круте.

Варвары, благодаря военному преимуществу, заняли господствующее положение в обществе — пример элитарной миграции. Подчинив себе местное население, пришельцы — носители валиковой керамики после периода билингвизма навязывают земледельцам свой восточно-иранский язык.

Медленно происходит консолидация аборигенов и части пришельцев, осевших на землю. Постепенно они вступают во враждебные отношения с продолжающими кочевать ближайшими восточно-иранскими родственниками. Чтобы защитить себя и от подчиненных местных жителей, и от кочевых племен, они начинают сооружать замки, строят новые поселки, роют каналы, используя опыт аборигенов. Наступает принципиально новый этап истории юга Средней Азии и Афганистана — эпоха постепенного расцвета культуры — теперь уже восточно-иранских народов. Она датируется X—IX (VIII?) вв. до н. э. Именно в этих исторических условиях мог прозвучать голос пророка Заратуштры, призывавшего к отказу от разорения маздаянистских селений, к переходу к возделыванию земли, к защите скота. Недаром Заратуштра потребовал отказа от кровавых жертвоприношений скота, обвинив в этом самого родоначальника Йиму! Сначала пророк обратился к своим соплеменникам, продолжавшим кочевать; не найдя у них сочувствия, он пришел к князьку Виштаспе, вероятно, обитавшему в одной из описанных цитаделей.

(Обращение археолога к сложнейшему тексту — Гатам, — интерпретация которого представляет трудности для профессионалов-религиоведов, конечно, весьма рискованно. Но совпадение культурно-исторической картины Гат с археологическими реалиями слишком выразительно!)

Говоря об Авесте, нельзя не отметить, что предположение В.И. Сарияниди (Sarianidi 1998) о сложении некоторых ритуалов Авесты на памятниках ВМАК еще в эпоху бронзы, заслуживает серьезного

внимания, не взирая на суровую критику Ж. Фуссмана (J. Fussman) и многих русских ученых. Ярко выраженный культ огня, отмеченный, в частности, в Джаркутане, где выявлена ассимиляция БМАК с андроновцами (Аванесова, Ташбулатов 1999; Ширинов 1990; 2000; Burney 1999: 11, 12), позволяет полагать, что носители этого культа андроновцы восприняли некоторые черты огнепоклонников БМАК, которые сохранялись в Средней Азии на протяжении многих веков.

В позднебронзовых материалах юга Средней Азии зафиксирован также предзороастрийский обычай расчленения умерших и захоронения части костей и черепов в сосудах. (Впрочем, как говорилось, этот обычай был известен ведическим ариям и некоторым сакским племенам.) Эти факты позволяют думать, что процесс формирования Авесты протекал длительное время на основе ритуалов и мифологии различных восточно-иранских племен, особенно в эпоху варварской оккупации.

Дальнейшее развитие на обширной территории Афганистана и Средней Азии идет в одном направлении. В Михр-Яште фигурирует страна Арьйошайна (Aryōšayana) — «страна ариев», включающая Арею, Маргиану, Согдиану, Хорезм и горные области Гиндукуша. В этом ареале происходит развитие поселений, земледелия и ремесла, причем в гончарстве полностью побеждает гончарный круг. Складывается новая городская цивилизация. Зона распространения аграрной экономики постепенно расширяется. К новому хозяйству переходят жители тех областей, где раньше не было традиций ирригационного земледелия. Эти процессы в разных районах Средней Азии происходят очень неравномерно, и северные регионы сильно отстают от южных. В частности, ранний земледельческий комплекс не выявлен в Хорезме и, что очень странно, на поселении Афрасиаб — арене действия героев, многократно описанных в поздних частях Авесты и в Шахнаме.

Следует подчеркнуть, что, как доказал А. Кристенсен (Christensen 1943), в Авесте очень устойчиво воспоминание о генетическом родстве всех иранских народов: Сайрима, Тура и Ираддж — названы братьями-родоначальниками савроматов, туров (собирательный термин для народов севера Средней Азии и Казахстана) и младший — предок иранцев Ирана.

Пастушеские племена были очень подвижны и очертить их племенные границы невозможно. Но этническое осознание древнего

родства отражено не только в общем для всех индоиранцев самоназвании — Агуа, но также в общем термине Saka, которое использует Страбон для описания области Сакасена в Западном Иране.

Когда распалась иранская общность? По косвенным данным это произошло на прародине в эпоху бронзы. В IX в. до н. э., когда в ассирийских источниках появляются иранские имена, они могут быть интерпретированы как мидийские (Дьяконов 1956, Грантовский 1960; 1998), что касается восточных иранцев, то можно предполагать, что обособление некоторых языков также произошло в начале I тыс. до н. э. Важным свидетельством этого является установление В.А. Лившицем (2003: 10) этимологии упоминаемого античными авторами названия реки Сырдарьи — Яксарт (Jaksart) «текущая», «струящаяся». Слово принадлежит к одному из древнесакских, уже обособленному согдийскому диалекту.

Лейтмотивом дальнейшей истории Средней Азии были культурный обмен и военная борьба земледельцев и скотоводов. Те же процессы, по-видимому, происходили в Иране. Там тоже пришедшие иранские племена делились на кочевников и оседлых. Следует подчеркнуть, что перешедшие к седентеризации иранцы были только воинами и администраторами. Как показал М.А. Дандамаев (Дандамаев, Луконин 1980), в Ахеменидской империи земледельцами были древние жители Ирана, а ремесленниками — они же и специалисты, свезенные со всех концов империи: от греков до индийцев.

Долгие годы считалось, что городская культура Средней Азии была создана после завоевания ее Ахеменидами при Кире Великом, воцарившемся в 558 г. до н. э. Исследование поселения Кала-и Мир в оазисе Кобадиян на юге Таджикистана, проведенные М.М. Дьяконовым (1954), позволило ему выделить керамический комплекс Кобадиян I и предположить, что он сформировался в эпоху до Ахеменидов. Дальнейшие исследования позволили выявить ряд памятников доахеменидского времени VIII — начала VII в. до н. э., показать их генетическую связь с комплексами эпохи бронзы и существенные отличия от синхронных керамических комплексов Ирана.

Это служит археологическим подтверждением гипотезы, высказанной В. Гейгером (Geiger 1906: 50—54) и возрожденной М.М. Дьяконовым (1954: 138; 1961: 64, 75) и отстаиваемой Ж. Ньели (G.

Noli 1980: 95); Р. Фраем (Frye 1962: 64—65); В.А. Лившицем (ИТН 1963); И.В. Пьянковым (ИТН 1998) и многими другими.

Сведения о царстве Бактрии содержатся в Авесте и текстах греческих авторов, прежде всего — Ктесия Книдского (430—354 гг. до н. э.), который жил при дворе Артаксеркса. Легенда отражена в сочинении Диодора (II: 2-7). В ней говорится о походе на Бактрию царя Ассирии Нина и его женитьбе на Семирамиде. Семирамида — историческое лицо — Шаммурамат, правившая после 810 г. до н.э. При ней и ее сыне Ададнерари III в 802—788 гг. до н. э. было совершено несколько походов на восток (Дьяконов 1956: 167—169). Анализируя бактрийскую легенду, В.А. Лившиц (ИТН 1963: 156) приходит к выводу, что с конца IX—VIII вв. до н. э. «могущество Бактрии, наличие в ней многочисленных укрепленных поселений и столицы — Бактр...» — это достоверное ядро легенды.

Ксенофонт I (Сут. 1, 5, 2) считает, что война с Бактрией происходила при мидийском царе Киакспре. Геродот (I:153), описывая завоевания Кира, упоминает бактрийцев как главных противников царя, наряду с Вавилоном, египтянами и саками, тем самым подтверждая величие Бактрии.

Таким образом, основы современной цивилизации и в Средней Азии, и в Афганистане, и в Иране, и в Индии закладывались в глубокой древности не в результате войн и завоеваний, которые несли хаос и разрушение, а в результате мирного труда и взаимодействия разных народов, которые создавали новую культуру в результате взаимодействия и восприятия достижений древних и новых этносов, формирующих единый народ своей страны.

Как мы видели, в свете имеющихся материалов наиболее достоверным представляется соотнесение с создателями пастушеских культур андроновской и срубной (так же, как бишкентской и таза-багъябской) с древними индоиранцами, мигрировавшими из степей в Индию и Иран.

Завершая свой пятидесятилетний труд, какие наиболее спорные моменты я сама вижу в нем?

Во-первых, это абсолютная хронология. Даты культур степей Евразии основаны на синхронизации с хронологической шкалой Европы и хорошо согласуются с независимо установленной хронологией Китая, но принципиально расходятся с калиброванными датами Средней и Южной Азии.

Во-вторых, недостаток данных для реконструкции палеографии некоторых регионов Евразии в III—II тыс. до н.э.

В-третьих, проблема сопоставления археологических материалов с информацией, содержащейся в индоиранских текстах. Использование Ригведы и других индоарийских текстов теперь возможно благодаря исследованиям материальной культуры В. Рау (W. Rau) и Т.Я. Елизаренковой. Но для Авесты — памятника крайне сложного и содержащего разновременные части — такая работа иранистами не произведена, так что привлечение Авесты без текстологического анализа грозит ошибками.

Наконец, не выясненным до конца остается вопрос происхождения федоровского населения в Сибири.

В заключение хочется извиниться перед читателями за повторы, которые неизбежны в книге, писавшейся много лет.

* * *

Конечно, чтобы продвинуться в решении проблемы происхождения индоиранских народов, понадобятся еще усилия многих и многих поколений археологов, лингвистов, мифологов, антропологов. Их труд увенчается успехом, только если они будут работать сообща. Поэтому закончить свою книгу мне хочется словами древнейшего призыва в «Гимне единения» Ригведы (X, 191):

*Вместе собирайтесь! Вместе договаривайтесь!
Вместе настраивайтесь в ваших помыслах!
Единой да будет ваша мысль,
Чтобы было у вас доброе согласие!*

Источники¹

- Авеста в русских переводах.* Под. ред. И.В. Рака. 2-е изд. СПб., 1998.
- Авеста. Избранные гимны. Из Видевдата.* Перевод, примечания, словарь И.М.Стеблина-Каменского. М., 1993.
- Авеста. Избранные гимны.* Перевод и комментарии И.М.Стеблина-Каменского. Душанбе, 1990.
- Аммиан Марцелин. История* / Пер. Ю. Кулаковского и А. Сонни. Киев, 1906—1908.
- Арриан. Поход Александра.* Пер. М.Е. Сергеевко. М.-Л., 1962.
- Артхашастра или наука политики.* Пер. В.И. Кальянова. М., 1993.
- Атхарваведа. Избранное.* Пер. Т.Я. Елизаренковой. М., 1976.
- Бертельс Е.Э., 1924.* Отрывки из Авесты. — Восток. 4.
- Бируни Абу Рейхан.* Памятники минувших поколений. — Избранные произведения. I. Ташкент, 1957.
- Бичурин Н.Я. (Иакинф), 1950, 1953.* — Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. I-III. М.-Л.
- Брихадараньяка Упанишада.* Пер. А.Я. Сыркина. М., 1964.
- Геродот. История в 9 кн.* Пер. Г.А. Стратановского. Л., 1972.
- Гомер. Илиада.* Пер. Н.И. Гнедича. Ред. А.И. Зайцев. Л., 1990.
- Да услышат меня земля и небо. Из ведийской поэзии.* М., 1984.
- Древние авторы о Средней Азии (VI в. до н.э. — II в. н.э.).* Хрестоматия. Ред. Л.В. Баженов. Ташкент, 1940.
- Законы Ману.* Пер. С.Д. Эльмановича. Ред. Г.Ф. Ильин. СПб., 1913 / М., 1960.
- Зороастрийские тексты: суждение Духа разума (Дадестан-и меног-и храд). Создание основы (Бунда-хиши).* Пер. О.М. Чунакова. М., 1997.
- История Осетии в документах и материалах (С древнейших времен до конца XVIII в.).* Ред. Г.Д. Тогошвили, И.Н. Цховребов. I. Цхинвали, 1962.
- История Узбекистана в источниках.* Сост. Б.В. Лунин. Ташкент, 1984.
- Квинт Курций Руф. История Александра Македонского.* Ред. Б.С. Соколов. М., 1963.
- Ксенофонт. Киропедия.* Пер. В.Г. Борухович и Э.Д. Фролова. М., 1976.
- Латышев В.В., 1949.* — Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. — ВДИ. 2.
- Луна, упавшая с неба: Древняя литература Малой Азии.* Пер. В.В. Иванова. М., 1977.
- Литература древнего Востока. Тексты.* М., 1984.
- Литература и культура древней и средневековой Индии.* М., 1987.
- Махабхарата, или Сказание о великой битве потомков Бхараты.* Пересказ Э.Н. Темкина и В.Г. Эрмана. М., 1963.
- Махабхарата. I. Адипарва.* Пер. В.И. Кальянова. М.-Ленинград, 1950.
- Махабхарата. II. Сабхапарва.* Пер. В.И. Кальянова. М.-Ленинград, 1962.
- Махабхарата. IV. Виратапарва.* Пер. В.И. Кальянова. Ленинград, 1967.
- Махабхарата. I—VIII.* Пер. Б.Л. Смирнова. Ашхабад, 1956-1972.
- Махабхарата. IX. Шальяпарва.* Пер. В.И. Кальянова. М., 1996.
- Махабхарата. V. Удьяогпарва.* Пер. В.И. Кальянова. Ленинград, 1976.
- Махабхарата. VII. Дронапарва.* Пер. В.И. Кальянова. СПб., 1992.
- Махабхарата. VIII. Карнапарва.* Пер. Я.В. Василькова, С.Л. Невелевой. М., 1990.
- Махабхарата.* Пер. С. Липкина, О. Волковой, Б. Захарьина.
- Рамаяна.* Пер. В. Потаповой, Б. Захарьина. М., 1974.

¹ Атхарваведа и Ригведа цитируются по переводу Т.Я. Елизаренковой, Гаты Заратуштры — по переводу В.И. Абасева, некоторые индийские тексты — по переводу В. Рау (Rau 1983).

- Рамаяна. Литературное изложение. Пер. Э.Н. Темкина, В.Г. Эриана. М., 1965.
- Ригведа. Мандалы I—IV. Пер. Т.Я. Елизаренковой. М., 1989.
- Ригведа. Мандалы V—VIII. Пер. Т.Я. Елизаренковой. М., 1995.
- Ригведа. Мандалы IX—X. Пер. Т.Я. Елизаренковой. М., 1999.
- Страбон. География в 17 книгах. Пер. Г.А. Стратановского. М., 1994.
- Упанишады. Пер. А.Я. Сыркина. М., 1967.
- Фирдоуси. Шахнаме. I. Пер. Ц. Бану, А. Лахути, А.А. Старикова. Ред. Е.Э. Бертельс. М., 1957.
- Фирдоуси. Шахнаме. V—VI. Пер. Ц. Бану-Лахути, В.Г. Берзнева. Ред. А.Н. Болдырев. М., 1984—1989.
- Хрестоматия по истории Древнего Востока. Ред. М.А. Коростовцев, И.С. Кацнельсон, В.И. Кузищин. I. М., 1980.
- Хрестоматия по истории Древнего мира. Ред. В.В. Струве, Д.Г. Редер. М., 1963.
- Хрестоматия по истории Древнего мира. Ред. В.В. Струве. I. М., 1950.
- Чхандогья упанишада. Пер. А.Я. Сыркина. М., 1965.
- Эсхил. Трагедии. Пер. В. Иванова. Комментар. В. Н. Ярхо. М., 1989.
- The Aitareya-Brāhmaṇam of the Rīgveda. Ed. and transl. by M. Haug. I-II. Bombay-London, 1863.
- Arda Viraz Namag. Ed. and transl. by H. Jamasp Asa and M. Haug. Bombay-L., 1872.
- Arrian. Anabasis. Erklärt von C. Sintenis. Bd. I-II. Berlin, 1860—1863.
- Arthashastra of Kautilya. Ed. by R. Shama Sastri. Mysore, 1919.
- The Advālyānagrihyasūtra. Ed. by T. Ganapati Sāstri. — Trivandrum Sanskrit Series. Trivandrum, 1923.
- Avesta. Die heiligen Bücher der Parsen. I—III. Geldner K.F. (Hrsg.). Stuttgart, 1886—1895.
- Avesta. Die heiligen Schriften der Parsen übersetzt auf den Grundlage von Ch. Bartholomae. Stuttgart, 1910.
- Benveniste E., 1929. — The Persian Religion according to the Chief Greek Texts. Paris.
- Brahmasūtram Samkarabhāṣya. Vārānasi, 1964.
- The Bundakhishn. Ed. by E.T.D. Anklesaria. Bombay, 1908.
- Cameron G.G., 1958. — Persepolis Treasury Tablets old and new. — JNES. 17.
- The Dātapatha-Brāhmaṇa of the White Yajurveda. Ed. by A. Weber. Leipzig, 1924.
- Dadestan i Menog i Khrad. Ed. and transl. by E.W. West. — The Book of the Mainyo-i-Khrad. Stuttgart-L., 1871.
- Darmesteter J. The Zend-Avesta. I. — Sacred books of the East. Vol. IV. Oxf., 1880; Delhi, 1965.
- Darmesteter J. The Zend-Avesta. II. — Sacred books of the East. Vol. XXIII. Oxf., 1883; Delhi, 1965.
- Darmesteter J. The Zend-Avesta. III. — Sacred books of the East. Vol. XXXI. Oxf., 1887; Delhi, 1965.
- A dictionary of the vedic rituals. Based on Śrauta and Grhya Sutras. 1976. (2nd 1982). Delhi.
- Firdausi. Shahname. Transl. by A.G. and E. Warner. Vol. VI—IX. L., 1912—1925.
- Geographi Graeci Minores... / Ed. C. Müller. Vol. I—II. Parisiis, 1854—1861.
- Gershevitch I., 1959. — The Avestian Hymn to Mythra. Cambridge.
- Gilmore J., 1888. — The fragments of the Persica of Ktesias. L.-NY.
- Hallock R.T., 1969. — Persepolis Fortification Tablets. Chicago.
- Herodotos. Für den Schulergebrauch erklärt von K. Abicht. Bd. I—V. Leipzig, 1872—1876.
- Homer. Iliade. Texte greque. Ed. par A. Pierron. Paris, 1869.
- Homer. Odyssea. Ed. G. Dindorf. Pt. I-II. Lipsiae, 1881—1882.
- Humbach H., 1959. — Die Gathas des Zarathustra. Heidelberg. I—II.

- The Jaiminīa-Brāhmaṇa of the Sāmaveda. Ed. by R. Vira and L. Chandra. Nagpur, 1954.
- Jakoby F., 1923—1958. — *Die Fragmente der griechischen Historiker*. Berlin, Leyden.
- Langdon S., 1912. — *Die neubabylonischen Kingsinschriften*. Leipzig.
- Luckenbill D.D. *Ancient Records of Assyria and Babilonya*. Vol. II. Chicago, 1927.
- Die Maitrāyaṇi-Saṃhita des Yajurveda. Hrsg. von L. v. Schroeder. Leipzig.
- Narshakhi. *History of Bukhara*. Transl. by R.N. Frye. Cambridge, Mass., 1954.
- Plini Secundi Naturalis Historia. Recensuit D. Detlīfsen. Vol. IV—V. Berolini, 1871—1873.
- The Principal Upanishads. Ed. with introd., transl. and notes by S. Radhakrishnan. London, 1953.
- Quint Curtius Rufus. *De rebus gestis Alexandri Magni*. — Ed. F. Schmider. I—IV. Londinii, 1825.
- Spiegel F. (Hrsg.), 1853—1858. — *Avesta. Die heiligen Bucher der Parsen*. I—II. Wien.
- Strabonis Geographica. Curatibus C. Müller et F. Dübner. Parisiis, 1853.
- Strassmeier J.N. *Inschriften von Darius, König von Babylon (521—485 v. Ch.)*. Leipzig, 1892.
- The Taittiriya-Brāhmaṇa of the Black Yajurveda. Calcutta, 1859.
- Die Taittiriya-Saṃhita, hrsg. von A. Weber. I—II. Leipzig, 1871—1872.
- Thucydides de bello Peloponnesiaco libri octo... Recensuit... F. Goeller. Vol. II. Lipsiae, 1826.
- Watermen L. *Royal Correspondence of the Assyrian Empire*. Pt. I—III. Ann Arbor, 1930.
- Xenophontis Cyropaedia. E recensione Th. Hutchinsoni. Lipsiae, 1784.
- Xenophontis Cyropaedia. Erklärt von F.K. Hertlein. Bd. I—II. Berlin, 1859—1876.

Литература

- Абаев В.И., 1949. — Осетинский язык и фольклор. М.- Л.
- Абаев В.И., 1956. — Скифский быт и реформа Зороастра. — *Archiv Orientalni*. T. XXIV. N 1. Praha.
- Абаев В.И., 1958; 1973; 1979. — *Историко-этимологический словарь осетинского языка*. Т. I (1958); Т. II (1973); Т. III (1979а). М.
- Абаев В.И., 1965. — Скифо-европейские изоглоссы. М.
- Абаев В.И., 1972. — К вопросу о прародине и древнейших миграциях индоиранских народов. — *Древний Восток и античный мир*. М.
- Абаев В.И., 1977. — Доистория индоиранцев в свете арио-уральских языковых контактов. — ЭПИЦАД.
- Абаев В.И., 1979. — Скифо-сарматские наречия. — *Основы иранского языкознания*. Древнеиранские языки. М.
- Абасов В.И., 1981. — Доистория индоиранцев в свете арио-уральских языковых контактов. — ЭПИЦАД.
- Абашевская культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы степи и лесостепи в Евразии. Тамбов., 1996.
- Абдуллаев Б., Дуке Х., 1987. — Некоторые итоги исследования памятников бургулюкской культуры в 1981—82 г. — ИМКУ. 21.
- Абетков А., 1963. — Погребения эпохи бронзы могильника Тегирмен-сай. — КСИА. Вып. 93.
- Аванесова Н.А., 1972. — Особенности среднеазиатских украшений эпохи бронзы. — ТСГУ. Новая серия. Вып. 218.

- Аванесова Н.А., 1975а. — К вопросу о бронзовых стрелах степных племен эпохи бронзы. — Материалы по археологии Узбекистана. Самарканд.
- Аванесова Н.А., 1975б. — Серьги и височные подвески андроновской культуры. — Первобытная археология Сибири. Л.
- Аванесова Н.А., 1978. — К вопросу о вислообушных топорах андроновского культурного массива. — Вопросы археологии, древней истории и этнографии Узбекистана. Самарканд.
- Аванесова Н.А., 1979. — Проблема истории андроновского культурного единства (по металлическим изделиям). Автореф. канд. дисс. Л.
- Аванесова Н.А., 1981. — К вопросу об одежде скотоводческих племен эпохи бронзы Средней Азии. — Вопросы археологии, древней истории и этнографии. Самарканд.
- Аванесова Н.А., 1985. — Новые памятники андроновской культурно-исторической общности. — ДСА.
- Аванесова Н.А., 1991. — Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР (по металлическим изделиям). Ташкент.
- Аванесова Н.А., 1995. — Новое в погребальном обряде сапаллинской культуры. — АВ. 4.
- Аванесова Н.А., 2002. — Храмовые функции сакрализованных площадок некрополя доисторической Бактрии — Бустон VI. — Степи Евразии в древности и средневековье. СПб.
- Аванесова Н.А., 2003. — Степной пласт доисторической Бактрии. — Центральная Азия. Источники, история, культура. М.
- Аванесова Н.А., Ташбулатова Н., 1999. — Символика огня в погребальной практике сапаллинской культуры. — ИМКУ. 30.
- Августиник А.И., 1957. — Керамика. М.
- Аветисян Г.М., 1978. — Политическая история Митанни в XVI—XV вв. до н.э. — ВДИ. 1.
- Авилова Л.И., Орловская Л.Б., 2003. — Радиоуглеродный метод и проблемы датирования бронзового века. — КСИА. 214.
- Агапов П., Кадырбаев М., 1979. — Сокровища древнего Казахстана. Алма-Ата.
- Агапов С.А., 1990. — Металл степной зоны Евразии в конце бронзового века. Автореф. канд. дисс. М.
- Агапов С.А., Васильев И.Б., 1975. — Покровский могильник. — Наш край. Куйбышев.
- Агапов С.А., Васильев И.Б., Кузьмина О.В., Семенова А.П., 1983. — Срубная культура лесостепного Поволжья. — Культуры бронзового века Восточной Европы. Куйбышев.
- Агафонова Г.А., 1977 — Наскальные изображения Тянь-Шаня эпохи бронзы и раннего железного века как исторический источник. Автореф. канд. дисс. М.
- Агеева Е.И., Пацевич Г.И., 1956. — Отчет о работах ЮКАЭ 1953 г. — ТИИАЭ АН КазССР. Т. 1.
- Адрианов А., 1902—1904. — Выборки из дневника курганных раскопок в Минусинском крае. Минусинск.
- Адрианов А.В., 1892. — Томский могильник. — ОАК за 1889 г.
- Айхенвальд А.Ю., Петрухин В.Я., Хелимский Е.А., 1982. — К реконструкции мифологических представлений финно-угорских народов. — Балто-славянские исследования. М.
- Акишев К.А., 1953. — Эпоха бронзы Центрального Казахстана. Автореф. канд. дисс. Л.
- Акишев К.А., 1959. — Памятники старины Северного Казахстана. — ТИИАЭ АН КазССР. Т. 7.

- Акишев К.А., 1969. — Зимовки, поселения и жилища древних усуней. — ИАН КазССР. Сер. археол. Вып. 1.
- Акишев К.А., 1972. — К проблеме происхождения номадизма в аридной зоне древнего Казахстана. — ПРК.
- Акишев К.А., 1973. — Саки азиатские и скифы европейские (общее и особенное в культуре). — АИК.
- Акишев К.А., 1978. — Курган Иссык. М.
- Акишев К.А., Акишев А.К., 1980. — Происхождение и семантика иссыкского головного убора. — АИДСК.
- Акишев К.А., Акишев А.К., 1983. — Древнее золото Казахстана. Алма-Ата.
- Акишев К.А., Акишев А.К., 1988. — Проблема хронологии раннего этапа сакской культуры. — Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата.
- Акишев К.А., Байпаков К.М., 1979. — Вопросы археологии Казахстана. Алма-Ата.
- Акишев К.А., Кадырбаев М.К., 1977. — Культура и искусство саков. — ИК ССР.
- Акишев К.А., Кушаев Г.А., 1963. — Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата.
- Аккерман Б.А., 1948. — О калбинских разработках олова эпохи бронзы. — ИАН КазССР. Сер. археол. Вып. 1.
- Алексеев А.Ю., 2003. — Хронография европейской Скифии. СПб.
- Алексеев А.Ю., Качалова Н.К., Тохтасьев С.Р., 1993. — Киммерийцы: этнокультурная принадлежность. СПб.
- Алексеев В.А., Кузнецова Э.Ф., 1980. — Новые сведения по древней цветной металлургии. — ПИОП.
- Алексеев В.А., Кузнецова Э.Ф., 1983. — Кенказган — древний медный рудник в Центральном Казахстане. — СА. № 2.
- Алексеев В.П., 1961а. — Антропологические типы Южной Сибири. (Алтае-Саянское нагорье) в эпоху неолита и бронзы. — ВИСИДВ.
- Алексеев В.П., 1961б. — О брахикрином компоненте в составе населения афанасьевской культуры. — СЭ. № 1.
- Алексеев В.П., 1961в. — Палеоантропология Алтае-Саянского нагорья эпохи неолита и бронзы. — ТИЭ. Новая серия. Т. LXXI. Сб. III.
- Алексеев В.П., 1964а. — Антропологический тип населения древней Индии. — Индия в древности. М.
- Алексеев В.П., 1964б. — Антропологический тип населения западных районов пространства андроновской культуры. — Проблемы этнической антропологии Средней Азии. — НТТГУ. Вып. 235.
- Алексеев В.П., 1967. — Антропология андроновской культуры. — СА. № 1.
- Алексеев В.П., 1969. — Европеоидная раса в Южной Сибири и Центральной Азии, ее участие в происхождении современных народов. — ПАС.
- Алексеев В.П., 1970. — Популяционная структура человечества и историческая антропология. — СА. № 3.
- Алексеев В.П., 1972. — Палеодемография СССР. — СА. № 1.
- Алексеев В.П., 1974. — Новые данные о Европеоидной расе в Центральной Азии. — Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск.
- Алексеев В.П., 1979. — Историческая антропология. М.
- Алексеев В.П., 1981. — Антропологические аспекты индоиранской проблемы. — ЭПИЦАД.
- Алексеев В.П., 1986. — Этногенез. М.
- Алексеев В.П., 1988. — Демографическая и этническая ситуация. — История первобытного общества. М.
- Алексеев В.П., 1989. — Историческая антропология и этногенез. М.

- Алексеев В.П., 1990. — Этногенетические аспекты антропологического изучения Южной Азии. — Истоки формирования современного населения Южной Азии. М.
- Алексеев В.П., Бромлей Ю.В., 1968. — К изучению роли переселений народов в формировании новых этнических общностей. — СЭ. № 2.
- Алексеев В.П., Гохман И.И., 1984. — Палеоантропология Центральной Азии. М.
- Алексеев В.П., Кияткина Т.П., Ходжайов ТАК КАК, 1986. — Палеоантропология Средней Азии эпохи неолита и бронзы. — Материалы к этнической истории Средней Азии. Ташкент.
- Алекшин В.А., 1980. — К проблеме генетической связи южно-туркменистанских комплексов эпохи бронзы. — КСИА. 161.
- Алекшин В.А., 1981. — Погребальный обряд как археологический источник. — КСИА. 167.
- Алекшин В.А., 1986а. — Проблемы происхождения археологических культур неолита-бронзы Средней Азии (по данным погребальных обрядов). — МАИК-ЦА. 11.
- Алекшин В.А., 1986б. — Социальная структура и погребальный обряд древнеземледельческих обществ. Л.
- Алиев И., 1960. — История Мидии. Баку.
- Алиев И., Погребова М.Н., 1981. — Об этнических процессах в областях Восточного Закавказья и Западного Ирана в конце II — начале I тысячелетия до н.э. — ЭПИЦАД.
- Алихова А.Е., 1955. — Курганы эпохи бронзы у с. Комаровка. — КСИИМК. Вып. 59.
- Алихова А.Е., 1958. — Комаровское поселение у Моечного озера. — МИА. № 61.
- Андреев М.С., 1927. — По этнологии Афганистана. Долина Панджшир. Ташкент.
- Андреев М.С., 1928. — Сриamente горных таджиков в верховьях Аму-Дарьи и киргизов Памира. Ташкент.
- Андреев М.С., 1958. — Таджики долины Хуф. Вып. 2. Сталинабад.
- Андреев М.С., Половцов А.А., 1911. — Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии. Ишкашим и Вахан. — СМАЭ. Вып. IX.
- Андрянов Б.В., 1968. — Хозяйственно-культурные типы и исторический процесс. — СЭ. № 2.
- Андрянов Б.В., 1969. — Древние оросительные системы Приаралья. М.
- Андрянов Б.В., Чебоксаров Н.Н., 1972. — Хозяйственно-культурные типы и проблема их картографирования. — СЭ. № 2.
- Антонова Е.В., 1988. — Бронзовый век. — Восточный Туркестан в древности и раннем Средневековье. М.
- Антонова Е.В., 2000. — «Змея» и «орел» в глиптике цивилизации Окса. — ВДИ. 2.
- Ардзинба В.Г., 1982. — Ритуалы и мифы древней Анатолии. М.
- Аристова Т.Ф., 1965. — Курды Закавказья. М.
- Аристова Т.Ф., 1981. — Жилище курдов. — ТТСЖ.
- Арсланова Ф.Х., 1973. — Памятники андроновской культуры из Восточно-Казахстанской области. — СА. № 4.
- Арсланова Ф.Х., 1974а. — Некоторые памятники позднебронзового века Верхнего Прииртышья. — СА. № 1.
- Арсланова Ф.Х., 1974б. — Погребальный комплекс VIII—VII веков до нашей эры из Восточного Казахстана. — В глубь веков. Алма-Ата.
- Арсланова Ф.Х., 1975. — Погребения эпохи бронзы Зевакинского могильника. — Первобытная археология Сибири. Л.
- Арсланова Ф.Х., 1980. — К датировке металлических изделий эпохи бронзы Казахского Прииртышья. — АИДСК.

- Арсланова Ф.Х., 1983. — Археологические находки в Казахстане. — БВСП.
- Арсланова Ф.Х., Чариков А.А., 1980. — Бронзовые котлы из музеев Восточно-Казахстанской области. — Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово.
- Артамонов М.И., 1948. — К вопросу об этногенезе в советской археологии. — КСИИМК. Вып. XXIX.
- Артамонов М.И., 1966. — Сокровища скифских курганов. Прага — Л.
- Артамонов М.И., 1969. — Этнос и археология. — ТОСА.
- Артамонов М.И., 1974. — Киммерийцы и скифы. Л.
- Арутюнов С.А., 1979. — Этнографическая наука и изучение культурной динамики. — Исследования по общей этнографии. М.
- Арутюнов С.А., 1981. — Обычай, ритуал, традиция. — СЭ. № 2.
- Арутюнов С.А., 1982. — Этнические общности доклассовой эпохи. — ЭДРО.
- Арутюнов С.А., 1989. — Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М.
- Арутюнов С.А., 2003. — Современный антропологический состав населения Индостана и историческая ретроспектива его формирования. — Scripta Gregoriana. Сб. в честь Г.М. Бонгард-Левина. М.
- Арутюнов С.А., Хазанов А.М., 1978. — Проблема археологических критериев этнической специфики. — VIII Крупновские чтения. Нальчик.
- Арутюнов С.А., Хазанов А.М., 1979. — Археологические культуры и хозяйственно-культурные типы: проблема соотношения. — Проблемы типологии в этнографии. М.
- Арутюнов С.А., Чебоксаров Н.Н., 1972. — Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества. — Расы и народы. М. Вып. 2.
- Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата, 1987.
- Археологический музей Томского университета. Томск, 1888.
- Археологический отдел Семипалатинской областной музея. Семипалатинск, 1888.
- Археология Украинской ССР. 1985. Киев. Т. 1.
- Аскаров А., 1962а. — Низовья Зеравшана в эпоху бронзы. Автореф. канд. дисс. Л.
- Аскаров А., 1962б. — Памятники андроновской культуры в низовьях Зеравшана. — ИМКУ. Вып. 3.
- Аскаров А., 1963. — Поселение Заманбаба. — КСИА. 93.
- Аскаров А., 1964. — Археологическая поездка в северо-западную часть Каршинской степи. — ИМКУ. Вып. 5.
- Аскаров А., 1965. — Новые находки андроновской культуры в низовьях Зеравшана. — ИМКУ. Вып. 6.
- Аскаров А., 1969. — Раскопки могильника эпохи бронзы в Муминабаде. — ИМКУ. Вып. 8.
- Аскаров А., 1973. — Салаллитепа. Ташкент.
- Аскаров А.А., 1976. — Расписная керамика Джаркутана. — Бактрийские дрезноски. Л.
- Аскаров А., 1977. — Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент.
- Аскаров А., 1989. — Степной компонент в оседлых комплексах Бактрии и вопросы его интерпретации. — ВКДЦ.
- Аскаров А.А., 2001. — Об исконной родине расселения древних тюрков. — ИМКУ. 32. O'zbekiston moddiy madaniyati tarixi. Tashkent.
- Аскаров А. 2005. Арийская проблема: новые подходы и взгляды. История Узбекистана в археологических и письменных источниках. Ташкент.
- Аскаров А.А., Абдуллаев Б.А., 1983. — Джаркутан. Ташкент.

- Аскароев А., Альбаум Л.И., 1979. — Поселение Кучуктепа. Ташкент.
- Аскароев А.А., Ионесов В.И., 1991. — Жертвоприношения животных в погребальной практике оседлых земледельцев. — ИМКУ. 25.
- Аскароев А.А., Рузанов В.Д., 1990. — Результаты исследования химического состава металла из могильников Бустан 3, 4 и 5. — ИМКУ. 23.
- Аскароев А.А., Ширинов, 1993. — Ранняя городская культура эпохи бронзы юга Средней Азии. Т.Ш Самарканд.
- Асланов Г.М., Вайдов Р.М., Ионе Г.И., 1959. — Древний Мингечаур. Баку.
- Афанасьева А.В., 1960. — Зоогеография Казахстана. Алма-Ата.
- Афанасьева В.К., Дьяконов И.М., 1970. — Архитектура стран Двуречья и Месопотамии. — Всеобщая история архитектуры. Т. 1. М.
- Ахинжанов С.М., Макарова Л.А., Нурумов Т.Н., 1992. — К истории скотоводства и охоты в Казахстане. Алма-Ата.
- Бабаев А.Д., 1980. — Южбок II — памятник эпохи бронзы на Западном Памире. — АРТ. Т.15.
- Бабаев А.Д., 1984. — Бронзовый наконечник копья из могильника Южбок. — Памироведение. Душанбе.
- Бабаев А.Д., 1989. — Историко-археологический очерк Западного Памира. — Автореф. докт. дисс. Новосибирск.
- Багаутдинов Р.С., 1984. — Погребения с сожжениями среднего и позднего бронзового века в Поволжье. Автореф. канд. дисс. М.
- Багашов А.Н., 2000. — Палеоантропология Западной Сибири: лесостепь в эпоху раннего железа. Новосибирск.
- Бадер О.Н., 1963. — Балановский могильник. М.
- Бадер О.Н., 1964. — Древнейшие металлурги Приуралья. М.
- Бадер О.Н., 1970. — Бассейн Оки в эпоху бронзы. М.
- Бадер О.Н., 1971. — Бронзовый нож из Сеймы с лошадами на навершии. — КСИА. Вып. 127.
- Бажанов Б.С., Костенко Н.П., 1962. — Атлас руководящих форм млекопитающих антропогена Казахстана. Алма-Ата.
- Баландина Г., Астафьев А., 1996. — Опыт реконструкции и интерпретации погребально-поминального комплекса эпохи поздней бронзы Актаусского могильника. — Вопросы археологии Западного Казахстана. Самара.
- Балонов Ф.Ф., 1980. — Колесный транспорт сарматской эпохи. — Археология Южной Сибири. Кемерово.
- Баранес А.П., Косарев М.Ф., Славин В.Д., 1966. — Еловский археологический комплекс. — УЗ ТГУ. № 60.
- Барминцев Ю.Н., 1958. — Эволюция конских пород в Казахстане. Алма-Ата.
- Барроу Т., 1976. — Санскрит. М.
- Баскаков Н.А., 1969. — Введение в изучение тюркских языков. М.
- Батанина И.М., 1995. — Дистанционные методы при археологических исследованиях в заповеднике Аркаим. — Культура древних народов степной Евразии и феномен протогородской цивилизации Южного Урала. Челябинск. Вып. 2.
- Бейсенов А.З., Ломан В.Г., 1999. — К проблеме изучения поселений завершающего этапа бронзового века Центрального Казахстана. — Комплексные общества Центральной Евразии в III—I тыс. до н. э. Челябинск.
- Беленицкий А.М., 1948. — Хуттальская лошадь в легенде и историческом предании. — СЭ. 4.
- Белинский А.Б., Березин Я.Б., Калмыков А.А., 2000. — Предварительные итоги комплексного археологического изучения северной части Ставропольского края. — Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Кисловодск.

- Белоголов М.И., 1957. — Ахалтекинская порода лошадей, ее морфологические особенности и пути улучшения. Автореф. докт. дисс. М.
- Белослюдов А., 1912. — Отчет о работах археологической экспедиции в окрестностях г. Усть-Каменогорска в 1910 г. — Записки семипалатинского подотдела Западносибирского отделения РГО. Вып. VI. Семипалатинск.
- Белослюдов Б.А., 1948. — Памятники древности государственного заповедника Боровое. — ВАН КазССР. Вып. 10. № 43.
- Белослюдов Б.А., Максимов А.Г., 1951. — Древнее поселение у курорта Аул. — ИАН КазССР. Вып. 3.
- Беллев А.С., 1980. — Поздний период эпохи бронзы пограничья степи и лесостепи в Днепровском левобережье. Автореф. канд. дисс. Киев.
- Беллева Т., 2004. — Нуртепа — Кирополь. — Transoxiana. Ташкент.
- Бердыев О., 1969. — Древнейшие земледельцы Южного Туркменистана. Ашхабад.
- Березанская С.С., 1962. — О погребениях культуры многоваликовой керамики. — МАСП. Вып. 4.
- Березанская С.С., 1972. — Средний период бронзового века в Северной Украине. Киев.
- Березанская С.С., 1974. — Пустынка. Поселение эпохи бронзы на Днепре. Киев.
- Березанская С.С., 1978. — Предсрубный культурно-хронологический горизонт на Украине. — ДКПП.
- Березанская С.С., 1982. — Северная Украина в эпоху бронзы. — Киев.
- Березанская С.С., Гершкович Я.П., 1983. — Андроновские элементы в срубной культуре на Украине. — БВСП.
- Березанская С.С., Отрощенко В.В., Чередниченко Н.Н., Шарафутдинова И.Н., 1986. — Культура эпохи бронзы на территории Украины. Киев.
- Березанская С.С., Чередниченко Н.Н., 1985. — Срубная культура. — Археология Украинской ССР. I. Киев.
- Березанская С.С., Шарафутдинова И.Н., 1985. — Сабатиновская культура. — Археология Украинской ССР. I. Киев.
- Березанская С.С. (Березаньска), Отрощенко В.В., 1997. — Бронзовий Вік. — Давня історія України. I. Київ.
- Бернштам А.Н., 1941. — Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе.
- Бернштам А.Н., 1948. — Араванские наскальные изображения и даваньская (ферганская) столица Эрши. — СЭ. 4.
- Бернштам А.Н., 1949. — Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня. — СА. Т. XI.
- Бернштам А.Н., 1950. — Чуйская долина. — МИА. № 14.
- Бернштам А.Н., 1952. — Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. — МИА. № 26.
- Бернштам А.Н., 1957. — Спорные вопросы истории кочевых народов Средней Азии в древности. — КСИЭ. Вып. 26.
- Бернштам А.Н., 1962. — Наскальные изображения Саймалы-Таш. — СЭ. № 2.
- Бертельс Е.Э., 1936. — Строй языка пушту. Л.
- Беседин В.И., 1996. — «Микенские» орнаменты в Восточной Европе. — Северо-Восточное Приазовье в системе европейских древностей. I. Донецк.
- Бессонова С.С., 1982. — О скифских повозках. — Древности степной Скифии. Киев.
- Бибикова В.И., 1967, 1970. — К изучению древнейших домашних лошадей Восточной Европы. — БМОИП. Отд. биологии. Т. XXII, вып. 3; Т. XXV, вып. 5.
- Бирюков В.П., 1926. — Природа и население Шадринского округа Уральской обл. Шадринск.

- Бобомуллоев С., 1993. — Раскопки погребального сооружения из Зардча-Халифы. — Известия АН Таджикистана. 3.
- Бобринский А.А., 1978. — Гончарство Восточной Европы. М.
- Бобринский Л.И., 1900. — Орнамент горных таджиков Дарваза. М.
- Богданова-Березовская И.В., Наумов Д.В., 1962. — Химический анализ металлических предметов из могильника Тасты-Бутак I. — МИА. № 120.
- Боголюбский С.Н., 1929. — Происхождение верблюдов. Алма-Ата.
- Бойс М., 1987б. — Зороастрийцы. Верования и обычаи. М. (1994 — 2-е изд., СПб.).
- Боковенко Н.А., 1986. — Начальный этап культуры ранних кочевников Саяно-Алтая (по материалам конского снаряжения). Автореф. канд. дисс. Л.
- Болелов С., 2004. — К вопросу о периодизации раннего этапа древнего Хорезма. — Transoxiana. Ташкент.
- Бонгард-Левин Г.М., 1963. — Упадок хараппской цивилизации и вопрос об арийском нашествии. — Народы Южной Азии. М.
- Бонгард-Левин Г.М., 1979. — К проблеме генезиса древнеиндийской цивилизации (индоарии и местные субстраты). — ВДИ. № 3.
- Бонгард-Левин Г.М., 1981. — Этнические процессы в Индостане III—I тыс. до н.э. — ЭПИЦАД.
- Бонгард-Левин Г.М., 1984. — Арийское и неарийское в древней Индии. — Древние культуры Средней Азии и Индии. Л.
- Бонгард-Левин Г.М., 2003. — Индия (этно-лингвистическая история, политико-социальная культура, письменное наследие и культура древности). М.
- Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А., 1974, 1983, 2001. — От Скифии до Индии. М.
- Бонгард-Левин Г.М., Гуров Н.В., 1988. — Древнейшая этнокультурная история народов Индостана: итоги, проблемы, задачи исследования. — Древний Восток. Этнокультурные связи. М.
- Бонгард-Левин Г.М., Гуров Н.В., 1990. — Этнокультурный облик древнейшего населения Индостана: языковые семьи и археологические культуры. — Истоки формирования современного населения Южной Азии. М.
- Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф., 1969. — Древняя Индия. М.
- Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф., 1985. — Индия в древности. М.
- Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С., 2003. — Функциональный анализ защитных наголовий древних номадов Центральной Азии. — Степи Евразии в древности и средневековье. 2. СПб.
- Бортвин Н., 1915. — Из области древнесибирской керамики. — Записки Русского археологического общества. Т. XI. СПб.
- Бортвин Н.Н., 1930. — Доисторическое прошлое Курганского округа. — Краеведческий сборник. Вып. 1. Курган.
- Бостонгухар С., 1998. — Верховья Зеравшана во II тыс. до н.э. Душанбе.
- Боталов С.Г., Григорьев С.А., Зданович Г.Б., 1996. — Погребальные комплексы эпохи бронзы Большескараганского могильника. — Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. Челябинск.
- Бочкарев В.С., 1968. — Проблема Бородинского клада. — Проблемы археологии. Вып. 1. Л.
- Бочкарев В.С., 1975. — К вопросу о системе основных археологических понятий. — Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. Л.
- Бочкарев В.С., 1986. — К вопросу о хронологическом соотношении Сейминского и Турбинского могильников. — Проблемы археологии Поднепровья. Днепрпетровск.

- Бочкарев В.С., 1991. — Волго-Уральский очаг культурогенеза эпохи поздней бронзы. — Социогенез и культурогенез в историческом аспекте. СПб.
- Бочкарев В.С., 1992. — Новые абсолютные даты для бронзового века Европы. — Северная Азия от древности до Средневековья. СПб.
- Бочкарев В.С., 1995а. — Карпато-Дунайский и Волго-Уральский очаги культурогенеза. — Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи неолита — бронзы Средней и Восточной Европы. СПб.
- Бочкарев В.С., 1995б. — Культурогенез и развитие металлопроизводства в эпоху поздней бронзы. — Древние индоиранские культуры Волго-Уралья. Самара.
- Бочкарев В.С., 1998. — Проблемы культурно-хронологической интерпретации новой (абсолютной) хронологии бронзового века Европы. — Чтения, посвященные 90-летию Б.Б. Пиотровского. СПб.
- Бочкарев В.С., Лесков А.М., 1978. — О хронологическом соотношении памятников эпохи поздней бронзы Северного Причерноморья с Подоньем, Поволжьем и Северным Кавказом. — ДКПП.
- Братченко С.Н., 1976. — Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев.
- Братченко С.Н., 1989. — Лук і стріли доби енеолиту-бронзи Південно східної Європи. — Археологія. № 4. Київ.
- Бромлей Ю.В., 1972. — Опыт типологизации этнических общностей. — СЭ. № 5.
- Бромлей Ю.В., 1973. — Этнос и этнография. М.
- Бромлей Ю.В., 1983. — Очерки теории этноса. М.
- Брук С.И., Чебоксаров Н.Н., 1976. — Метаэтнические общности. — Расы и народы. Вып. 6. М.
- Брюсов А.Я., 1952. — Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М.
- Брюсов А.Я., 1956. — Археологические культуры и этнические общности. — СА. Т. XXVI.
- Брюсов А.Я., 1964. — Что надо понимать под этническими общностями в археологии и их значение для проблемы происхождения древних и современных народов. — Доклад. VII МКАЭН.
- Бубнова М.А., 1985. — Археология Памира за 40 лет. — Памироведение. II. Душанбе.
- Бубнова М.А., 1993. — Раскопки и разведки древних и средневековых памятников в долине Большого Марджаная и на оз. Яшикуль. — АРТ. XXIV (1984).
- Бубнова М.А., 1998. — Памятники эпохи бронзы на Памире. — История таджикского народа. Душанбе.
- Буланова Н.В., 1989. — Традиционный костюм южных индийцев. — Расы и народы. Вып. 19. М.
- Бурлак С.А., Старостин С.А., 2005. — Сравнительно-историческое языкознание. М.
- Буров Г.М., 1974. — Курганы бронзового века близ Ульяновска. Ульяновск.
- Видецкая Э.Б., 1967. — Древние идолы Енисея. Л.
- Видецкая Э.Б., 1986. — Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.
- Вайнберг Б.И., 1999. — Этногеография Турана в древности. I. Экология и палеогеография. М.
- Вайнштейн С.И., 1973. — Проблема происхождения и формирования хозяйственно-культурного типа кочевого скотоводства умеренного пояса Евразии. — Доклад. IX МКАЭН.
- Вайнштейн С.И., 1976. — Проблемы истории жилища степных кочевников в Евразии. — СЭ. № 4.
- Валукинский Н.В., 1948. — Древнее производство меди в районе Джезказгана. — ИАН КазССР. № 46. Сер. археол. Вып. I.

- Валукинский Н.В., 1950. — Раскопки в урочище Милыкудук в южной части рудника Джезказгана. — ИАН КазССР. № 67. Сер. археол. Вып. 2.
- Ванчугов В.П., 1982. — Белозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье. Киев.
- Варенов А.В., 1980. — Иньские колесницы. — Изв. СОАН СОН. № 1. Вып. 1.
- Варенов А.В., 1985. — Древнейшие зеркала Китая, отражающие этнокультурные контакты. — Проблемы древних культур Сибири. Новосибирск.
- Варенов А.В., 1987. — Древнейшие кинжалы Китая. — Изв. СОАН СОН. № 10. Вып. 2.
- Варенов А.В., 1988. — Древнекитайское оружие эпохи Шан-Инь. Новосибирск.
- Варенов А.В., 1989а. — Древнекитайский комплекс вооружения эпохи развитой бронзы. Новосибирск.
- Варенов А.В., 1989б. — Копья иньского времени и выявление инокультурных памятников. Новосибирск.
- Варенов А.В., 1997. — «Карасукские» ножи и кинжалы из Восточного Туркестана: находки, аналогии, контексты, проблемы. — Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. III. Новосибирск.
- Варенов А.В., 1998а. — К уточнению хронологии V этапа стоянки Чжужайгоу. — Общество и государство в Китае. 28 конференция. I. М.
- Варенов А.В., 1998б. — Южносибирские культуры эпохи ранней и поздней бронзы в Восточном Туркестане. — Гуманитарные науки в Сибири. 3.
- Варенов А.В., 1999. — Материалы новой культуры эпохи бронзы из могильника Кеермути в Северном Синьцзяне. — Eurasia. Евразия. II. Новосибирск.
- Варфоломеев В.В., 1982. — Бегазы-дандыбаевские погребальные сооружения могильника Карагаш. — ВАЭ.
- Варфоломеев В.В., 1987. — Относительная хронология керамических комплексов поселения Кент. — ВПАП.
- Варфоломеев В.В., 1988. — О культурной принадлежности памятников с валиковой керамикой Сары-Арки. — ПАУКС.
- Варфоломеев В.В., 1991. — Сары-Арка в конце бронзовой эпохи. Автореф. канд. дисс. Алма-Ата.
- Варфоломеев В.В., 1992. — Погребения эпохи поздней бронзы Кентского микрорайона. — Маргулановские чтения. М.
- Васильев И.Б. (ред.), 1995. — Древние индоиранские культуры Волго-Уралья. Самара.
- Васильев И.Б., 1975. — Абашевские памятники куйбышевского Заволжья. — ИИСПП.
- Васильев И.Б., 1976. — Каменно-Вражский курганный могильник. — ИОКП.
- Васильев И.Б., 1977. — Лузановский курганный могильник. — СВАЭ.
- Васильев И.Б., 1980. — Энеолит Поволжья. Степь и лесостепь. Куйбышев.
- Васильев И.Б., Колев Ю.И., Кузнецов П.Ф., 1986. — Новые материалы бронзового века с территории Северного Прикаспия. — Древние культуры Северного Прикаспия. Куйбышев.
- Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П., 1991. — Памятники потаповского типа лесостепного Поволжья. — Проблемы культур начального этапа эпохи поздней бронзы Волго-Уралья. Саратов.
- Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П., 1992. — Погребения знати эпохи бронзы в Среднем Поволжье. — Археологические вести. Вып. I. СПб.
- Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П., 1994. — Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара.

- Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П., 1995. — Памятники потаповского типа в лесостепном Поволжье. — Древние индоиранские культуры Волго-Уралья. Самара.
- Васильев И.Б., Кузьмина О.В., Семенова А.П., 1985. — Периодизация памятников срубной культуры лесостепного Поволжья. — СКИО.
- Васильев И.Б., Пятых Г.Г., 1976. — Новые трупосожжения бронзового века в Заповжье. — ОИКП.
- Васильков Я.В., 1998. — Древнеиндийские термины оружия и их соответствия в языках Восточной Европы. — Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. СПб.
- Васильков Я.В., 1999а. — Арийско-финноугорские параллели в сфере заупокойного ритуала. — Изучение культурного наследия Востока. Культурные традиции и преемственность в развитии древних культур и цивилизаций. СПб.
- Васильков Я.В., 1999б. — Из области арийско-уральских культурно-языковых контактов. — Вестник Мордовского университета. № 3—4.
- Вереш П., 1978. — Этнокультурное развитие уторских народов. — Этнокультурная история населения Западной Сибири. Томск.
- Вереш П.Т., 1979. — Хозяйственно-культурные типы и проблемы этногенеза венгерского народа. — Проблемы типологии в этнографии. М.
- Вереш П.Т., 1984—1985. — Финно-угорская прародина и этногенез венгерского народа. — Acta ethnographica Hungarica. № 33/1—4.
- Вигасин А.А., Самозванцев А.М., 1984. — «Артхашастра». Проблемы социальной структуры и права. М.
- Викторова В.Д., 1960. — Из истории населения Юго-Западной Башкирии в эпоху бронзы. — Из истории Урала. Свердловск.
- Викторова В.Д., Борзунов В.А., 1974. — Городище эпохи бронзы у с. Черноозерье на Иртыше. — ИИС. Вып. 15.
- Вильчевский О.Л., 1958. — Мукринские курды. Этнографический очерк. — ТИЭ. Новая серия. Т. 39.
- Винник Д.Ф., Кузьмина Е.Е., 1981. — Второй Каракольский клад Киргизии. — КСИА. Вып. 167.
- Винников А.З., Синюк А.Т., 1990. — По дорогам минувших столетий. Воронеж.
- Виноградов А.В., 1959. — Археологическая разведка в районе Аральска-Саксаульской в 1955 г. — ТИИАЭ АН КазССР. Т. 7.
- Виноградов А.В., 1968. — Неолитические памятники Хорезма. М.
- Виноградов А.В., 1981. — Древние охотники и рыболовы среднеазиатского Междуречья. М.
- Виноградов А.В., Итина М.А., 1968. — Рец. на кн.: Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. — СА. № 1.
- Виноградов А.В., Итина М.А., Яблонский Л.Т., 1986. — Древнейшее население низовьев Амударьи. — ТХЭ. XV.
- Виноградов А.В., Кузьмина Е.Е., 1970. — Литейные формы из Лялякана. — СА. 2.
- Виноградов А.В., Кузьмина Е.Е., Смирин В.М., 1973. — Новые первобытные памятники в северо-восточном Приаралье. — ПАУС.
- Виноградов А.В., Мамедов Э.Д., 1975. — Первобытный Лялякан. М.
- Виноградов В.А., 1969. — О реконструкции протоязыковых состояний. — Система и уровни языка. М.
- Виноградов Н.Б., 1982. — Кулевчи III — памятник петровского типа в Южном Зауралье. — КСИА. Вып. 169.
- Виноградов Н.Б., 1983. — Южное Зауралье и Северный Казахстан в раннеалакульский период (по памятникам петровского типа). Автореф. канд. дисс. М.

- Виноградов Н.Б., 1984. — Кулевчи VI — новый алакульский могильник в лесостепях Южного Урала. — СА. № 3.
- Виноградов Н.Б., 1995а. — Хронология, содержание и культурная принадлежность памятников синташтинского типа в Южном Зауралье. — Исторические науки. № 1. Челябинск.
- Виноградов Н.Б., 1995б. — Южные мотивы в керамических комплексах эпохи бронзы в Южном Зауралье. — Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи неолита-бронзы Средней и Восточной Европы. СПб.
- Виноградов Н.Б., 1998. — Новые материалы для реконструкции облика одежды алакульских женщин. — Проблемы истории, филологии, культуры. VI.
- Виноградов Н.Б., 1999. — Синташтинские и петровские древности бронзового века Южного Урала и Северного Казахстана в контексте культурных взаимодействий. — XIV УАС. Челябинск.
- Виноградов Н.Б., 2000. — Могильник эпохи бронзы Кулевчи VI в Южном Зауралье. — Проблемы истории, филологии, культуры. М.-Магнитогорск.
- Виноградов Н.Б., 2003. — Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск.
- Виноградов Н.Б., Генинг В.Ф., 1976. — Новый могильник середины II тыс. до н.э. на р. Синташта. — АО. 1975.
- Виноградов Н.Б., Костюков В.П., Марков С.В., 1996. — Могильник Солнце-Талика и проблема генезиса федоровской культуры бронзового века в Южном Зауралье. — Новое в археологии Южного Урала. Челябинск.
- Виноградова Н.М., 1980. — О раскопках могильника Тандырыул в 1975 г. — АРТ. Т. 15.
- Виноградова Н.М., 1990. — К вопросу о происхождении могильников Свата в Северо-Западном Пакистане (II—I тыс. до н.э.). Индоарийский аспект культуры Свата. — Вестник музейной комиссии. (СФИНКС). I. М.
- Виноградова Н.М., 1991. — Погребальный обряд культуры Свата (Северо-Западный Пакистан). — Проблемы интерпретации памятников культуры Востока. М.
- Виноградова Н.М., 1995. — К вопросу о происхождении культуры Свата в Северо-Западном Пакистане. — РА. 4.
- Виноградова Н.М., 2000. — Исследования контактов земледельческого и степного населения на юге Средней Азии (Южный Таджикистан) в эпоху бронзы. — Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. М.
- Виноградова Н.М., 2001а. — Поселение эпохи поздней бронзы — Ташгузор в Южном Таджикистане. — Древние цивилизации Евразии. История и культура. М.
- Виноградова Н.М., 2004. — Юго-западный Таджикистан в эпоху поздней бронзы. М.
- Виноградова Н.М., Кузьмина Е.Е., 1986. — Контакты степных и земледельческих племен в Средней Азии в эпоху бронзы. — Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока. М.
- Виноградова Н.М., Пьянкова Л.Т., 1990. — Могильник Кумсай в Южном Таджикистане. — МАИКЦА. Вып. 17.
- Вишневская О.А., 1973. Культура сакских племен низовьев Сыр-Дарьи. М.
- Вишневская О.А., Рапопорт Ю.А., 1997. — Городище Кюзели-гыр. К вопросу о раннем этапе истории Хорезма. — ВДИ. 2.
- Воеводский М.В., 1930. — К истории гончарной техники народов СССР. — Этнография. № 4.
- Воеводский М.В., 1936. — К изучению гончарной техники. — СА. Т. 1.
- Волкобой С.С., 1979. — Срубные погребения с трупосожжением в Орельско-Самарском междуречье. — КДСП. Вып. 3.

- Волковой С.С., 1980. — Срубные погребения с кубками в Днепровском Левобережье. — Курганы степного Поднепровья. Днепропетровск.
- Вопросы археологии Центрального и Северного Казахстана. Караганда, 1989.
- Воробьев-Десятоуский В.С., 1956. — К вопросу о роли арийского субстрата в развитии индо-арийских языков. — СВ. № 1.
- Воронец М.Э., 1948. — Браслеты бронзовой эпохи Музея истории АН УзССР. — ТИИА АН УзССР Т.1.
- Воронец М.Э., 1951. — Отчет археологической экспедиции Музея истории АН УзССР о раскопках погребальных курганов первых веков н.э. возле станции Вревская в 1947 г. — Труды Музея истории народов Узбекистана. Вып. 1. Ташкент.
- Воронина В.Л., 1951a. — Народные традиции архитектуры Узбекистана. М.
- Воронина В.Л., 1951b. — Жилище Ванча и Язгулема. — Архитектура республик Средней Азии. М.
- Воронина В.Л., 1959. — Народная архитектура Северного Таджикистана. М.
- Воронина В.Л., 1972. — Народное жилище арабских стран. М.
- Гаврилюк Н.А., 1989. — Домашнее производство и быт степных скифов. Киев.
- Галанина Л.К., 1985. — Шлемы кубанского типа (вопросы хронологии и происхождения). — Культурное наследие Востока. Л.
- Галкин Л.Л., 1977. — Сосуд срубной культуры с сюжетным рисунком из Саратовского Заволжья. — СА. № 3.
- Галкин Л.Л., 1978. — Северо-восточный каспийский мост эпохи бронзы. — ДКПП.
- Галкин Л.Л., 1980. — Исследования в Гурьевской области. — АО. 1979.
- Галкин Л.Л., 1998. — Эпоха бронзы Северо-Восточного Прикаспия. Автореф. канд. дисс. М.
- Галочкина Н.Г., 1977. — Новые данные об исследовании памятников эпохи бронзы. — Кетмень-Тюбе. Фрунзе.
- Галочкина Н.Г., Кожамбердиев И.К., 1995. — Погребения эпохи бронзы могильников Кулан-сай и Кызыл-сай в Таласской долине. — Из истории и археологии древнего Тянь-Шаня. Бишкек.
- Гамбург Б.З., Горбунова Н.Г., 1956. — Могильник эпохи бронзы в Ферганской долине. — КСИИМК. Вып. 63.
- Гамбург Б.З., Горбунова Н.Г., 1957. — Новые данные о культуре эпохи бронзы Ферганской долины. — СА. № 3.
- Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В., 1972. — Проблема определения первоначальной территории обитания и путей миграции носителей диалектов общиндоевропейского языка. — Конференция по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков. Тезисы. М.
- Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В., 1979. — Древняя Передняя Азия и индоевропейские миграции. — VIII Всесоюзная конференция по древнему Востоку. Тезисы. М.
- Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В., 1980a. — Древняя Передняя Азия и индоевропейские миграции. — НАА. № 1.
- Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В., 1980b. — Древняя Передняя Азия и индоевропейская проблема. — ВДИ. № 3.
- Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В., 1981a. — Первоначальная прародина индоевропейцев. — Наука в СССР. № 2.
- Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В., 1981b. — Миграции племен — носителей индоевропейских диалектов. — ВДИ. № 2.
- Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В., 1984. — Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. I—II. Тбилиси.
- Ганялин А.Ф., 1956a. — Погребение эпохи бронзы у селения Янги-Кала. — ТЮ-ТАКЭ. 7.

- Ганялин А.Ф., 1956b. — Теккем-Тепе. — ТИИАЭ АН ТуркССР. Т. II.
- Ганялин А.Ф., 1959. — К стратиграфии Намазга-Тепе. — ТИИАЭ АН ТуркССР. Т. II.
- Гарден Ж.-К., 1983. — Теоретическая археология. М.
- Гафуров Б.Г., 1972. — Таджики. М.
- Гафферберг Э.Г., 1948. — Жилище джемшидов Кушкинского района (к вопросу об истории жилища кочевников). — СЭ. № 4.
- Гафферберг Э.Г., 1953. — Хазарейская юрта ханаи-хырга (к вопросу об истории жилища кочевников). — СМАЭ. Т. XII.
- Гафферберг Э.Г., 1964. — Гедан — кочевое жилище белуджей. — Доклад. VII МКА-ЭН.
- Гей А.Н., 2000. — Новотиторовская культура. М.
- Генинг В.Ф., 1970. — Этнический процесс в первобытности. Свердловск.
- Генинг В.Ф., 1975a. — Хронологические комплексы XVI в. до н.э. (по материалам Синташтинского могильника). — Новейшие открытия советских археологов. Тезисы. Ч. 1. Киев.
- Генинг В.Ф., 1976. — Проблемы соотношения археологической культуры и этноса. — Вопросы этнографии Удмуртии. Ижевск.
- Генинг В.Ф., 1977. — Могильник Синташта и проблема ранних индоиранских племен. — СА. № 4.
- Генинг В.Ф., 1985. — Заметки к построению теории археологической культуры (АК). — АМИР.
- Генинг В.Ф., Ашихмина Л.И., 1975. — Могильник эпохи бронзы на р. Синташта. — АО. 1974.
- Генинг В.Ф., Гусенцова Т.М. Кондратьев О.М. Стефанов В.И., Трофименко В.С., 1970. — Периодизация поселений эпохи неолита и бронзового века Среднего Прииртышья. — ПХКП.
- Генинг В.Ф., Ещенко Н.К., 1973. — Могильник эпохи поздней бронзы Черноозерье. — ИИС. Вып. 5.
- Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В., 1992. — Синташта. Челябинск.
- Генинг В.Ф., Пряхин А.Д., 1975. — Синташтинское поселение. — АО. 1974.
- Генинг В.Ф., Стефанов В.И., 1993. — Поселения Черноозерье II, Большой Лог и некоторые проблемы бронзового века лесостепного Прииртышья. — Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. Екатеринбург.
- Генинг В.Ф., Стефанова Н.К., 1994. — Черноозерье II — могильник эпохи бронзы Среднего Прииртышья. Екатеринбург.
- Георгиев В., 1958. — Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М.
- Герасимов М.М., 1958. — Черепа из погребения срубной культуры в Среднем Поволжье. — КСИА. Вып. 71.
- Герценберг Л.Г., 1972. — Морфологическая структура слова в древних индоиранских языках. Л.
- Герценберг Л.Г., 1975. — Шаманизм у иранцев и угро-финнов. — Финно-угорские народы и Восток. Тарту.
- Гершкович Я.П., 1978. — К вопросу об андроновских элементах в срубной культуре на Украине. — ДКПП.
- Гехт Г., 1938. — Керамика. Л.-М.
- Гиберт Ф., 1994. — Хронология Маргианы и радиоуглеродные даты. — Российский этнограф. № 21.
- Гиндин Л.А., Мерперт Н.Я., 1984. — Античная балканистика и этногенез народов Балкан. — ЭНБ.
- Гинзбург В.В., 1951. — Древние и современные антропологические типы Средней Азии. — ТИЭ. Новая серия. Т. XVI.

- Гинзбург В.В., 1956а. — Антропологическая характеристика населения Казахстана в эпоху бронзы. — ТИИАЭ АН КазССР. Т. 1.
- Гинзбург В.В., 1956б. — Материалы к антропологии древнего населения Ферганской долины. — Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. Т. I. М.
- Гинзбург В.В., 1957. — Антропологические материалы из Вуадильского и Ак-Тамского могильников. — КСИИМК. Вып. 69.
- Гинзбург В.В., 1959а. — Материалы к антропологии населения Южной Туркмении в эпоху поздней бронзы. — ТЮТАКЭ. Т.IX.
- Гинзбург В.В., 1959б. — Этногенетические связи древнего населения Сталинградского Заволжья. — МИА. № 60.
- Гинзбург В.В., 1960. — Антропологическая характеристика саков Южного Памира. — КСИИМК. 80.
- Гинзбург В.В., 1962а. — К антропологии населения Ферганской долины в эпоху бронзы. — МИА. № 118.
- Гинзбург В.В., 1962б. — Материалы к антропологии населения Западного Казахстана в эпоху бронзы. — МИА. № 120.
- Гинзбург В.В., 1970. — Итоги и перспективы палеоантропологического изучения Средней Азии. — КСИА. Вып. 122.
- Гинзбург В.В., Трофимова Т.А., 1972. — Палеоантропология Средней Азии. М.
- Глазкова Н.М., Чтецов В.П., 1960. — Палеоантропологические материалы Сталинградской экспедиции. — МИА. № 78.
- Гликуман Л.С., Мелентьев А.Н., 1968. — Стоянка эпохи бронзы у станции Саксaulьская. — КСИИМК. Вып. 114.
- Глушков И.Г., 1983. — Бронзолитейный комплекс поселения Крохалева II. — Древние горняки и металлурги Сибири. Барнаул.
- Глушков И.Г., 1986. — Керамика самусьско-сейминской эпохи лесостепного Прииртышья. Автореф. канд. дисс. Новосибирск.
- Голендухин Ю.Н., 1971. — Вопросы классификации и духовный мир древнего земледельца по петроглифам Саймалы-Таша. — Первобытное искусство. Новосибирск.
- Гольмстен В.В., 1933. — «Серпы» из Сосновой Мазы. — ПИМК. № 5—6.
- Гончарова Ю.В., 1996. — К вопросу о классификации дисковидных псалий с шипами эпохи поздней бронзы на территории Восточной Европы. — Древние культуры и технологии. СПб.
- Гончарова Ю.В., 1999. — Некоторые аспекты интерпретации погребений с дисковидными псалиями в степной и лесостепной зонах Евразии. — Stratum Plus. Кишинев. Вып. 2.
- Горбов В.Н., 1955. — К проблеме культурной атрибуции поселения на Белозерском лимане. — Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита и бронзы. СПб.
- Горбунов В.С., 1976. — Классификация абашевских могильников Башкирии. — Древности Южного Урала. Уфа.
- Горбунов В.С., 1977. — Хронологическая интерпретация абашевских памятников в бассейне р.Белой. — НБПП.
- Горбунов В.С., 1986. — Абашевская культура Южного Приуралья. Уфа.
- Горбунов В.С., 1990. — Некоторые проблемы культурогенетических процессов эпохи бронзы Волго-Уралья. Свердловск.
- Горбунов В.С., 1992. — Бронзовый век Волго-Уральской лесостепи. Уфа.
- Горбунов В.С., 1996. — Абашевская культура Южного Приуралья. Уфа.
- Горбунов В.С., Денисов И.В., Исмаилов Р.Б., 1990. — Новые материалы по эпохе бронзы Южного Приуралья. Уфа.

- Горбунов В.С., Морозов Ю.А., 1985. — Периодизация срубной культуры Приуралья. — СКИО.
- Горбунов В.С., Обиденнов М.Ф., 1975. — Находки костяных псалиев эпохи бронзы в Башкирии. — СА. № 2.
- Горбунова Н.Г., 1972. — Работы Ферганской экспедиции. — АО. 1971.
- Горбунова Н.Г., 1979. — Итоги исследования археологических памятников Ферганской области (к истории культуры Ферганы). — СА. 3.
- Горбунова Н.Г., 1995. — О культуре степной бронзы Ферганы. — АСГЭ. 32.
- Горбунова Н.Г., 2001. — Конская упряжь ранних саков Центральной Азии / Древние цивилизации Европы. М.
- Горелик М.В., 1985. — Боевые колесницы Переднего Востока II—II тыс. до н.э. — Древняя Анатолия. М.
- Горно-Бадахшанская область. Т. I. Памятники западных областей. — Археологическая карта Таджикистана. Душанбе, 2001. (Ред. М.А. Бубнова).
- Городцов В.А., 1905. — Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии в 1901 г. — ТАС. Т. I.
- Городцов В.А., 1907. — Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде. — ТАС. Т. VIII. Ч. II.
- Городцов В.А., 1916. — Культура бронзовой эпохи в Средней России. — Отчет Российского Исторического музея за 1914 г. М.
- Городцов В.А., 1922. — К выяснению древнейших технических приемов гончарного дела. — Казанский музейный вестник. № 2.
- Городцов В.А., 1927. — Типологический метод в археологии. Рязань.
- Городцов В.А., 1928. — К вопросу о киммерийской культуре. — СА РАНИОН. Т. II.
- Горячев А.А., 2001. — О погребальном обряде в памятниках кульсайского типа. — История и археология Семиречья. 2. Алматы.
- Гохман И.И., 1973. — Роль андроновского компонента в формировании южносибирской расы. — СЭ. № 2.
- Гохман И.И., 1980. — Происхождение центрально-азиатской расы в свете новых палеоантропологических материалов. — СМАЭ. Т. XXXVI.
- Граков Б.Н., 1930. — Ближайшие задачи археологического изучения Казахстана. Алма-Ата.
- Граков Б.Н., 1935. — Работы в районе проектируемых южноуральских гидроэлектростанций. — ИГАИМК. Вып. 110.
- Граков Б.Н., 1971. — Скифы. М.
- Граков Б.Н., 1977. — Ранний железный век. М.
- Грантовский Э.А., 1960. — Индоиранские касты у скифов. — Доклад. XXV Международный конгресс востоковедов. М.
- Грантовский Э.А., 1970. — Ранняя история иранских племен Передней Азии. М.
- Грантовский Э.А., 1980. — Проблемы изучения общественного строя скифов. — ВДИ. № 4.
- Грантовский Э.А., 1981. — «Серая керамика», «расписная керамика» и индоиранцы. — ЭПИЦАД.
- Грантовский Э.А., 1998. — Иран и иранцы до Ахеменидов. М.
- Грантовский Э.А., Раевский Д.С., 1984. — Об ираноязычном и «индоарийском» населении Северного Причерноморья. — ЭНБ.
- Граков Б.Н., Мелюкова А.И., 1954. — Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время / Вопросы скифо-сарматской археологии. М.
- Григорьев В.В., 1871. — О скифском народе саках. СПб.
- Григорьев Г.В., 1931. — Архаические черты в производстве керамики у горных таджиков. — ИГАИМК. Т. X. Вып. 10.

- Григорьев С.А., 1988. — Новые материалы к истории металлургии Южного Урала. — ПАУКС.
- Григорьев С.А., 1994. — Древняя металлургия Южного Урала. Автореф. канд. дисс. М.
- Гринцер П.А., 1974. — Древнеиндийский эпос. М.
- Гринцер П.А., 1998. — Тайный язык Ригведы. М.
- Гришин Ю.С., 1960. — Производство в тагарскую эпоху. — МИА. № 90.
- Гришин Ю.С., 1971. — Металлические изделия Сибири эпохи энеолита и бронзы. — САИ. Вып. 3—12.
- Громова В.И., 1949. — История лошадей (г. equus) в Старом Свете. — Труды Палеонтологического института. Т. XVII. М.-Л.
- Грюнберг А.Л., 1876. — Очерк грамматики афганского языка (пашто). Л.
- Грюнберг А.Л., 1980. — Заметки по топонимии Афганского Бадахшана. — Ономастика Востока. М.
- Грюнберг А.Л., Стеблин-Каменский И.М., 1974. — Этнолингвистическая характеристика Восточного Гиндукуша. — Проблемы картографирования в языкознании и этнографии. М.-Л.
- Грюнберг А.Л., 1976. — И.М. Стеблин-Каменский. Языки восточного Гиндукуша. Ваханский язык. М. Основы иранского языкознания. Новые иранские языки. Восточная группа. М., 1987).
- Грязнов М.П., 1927. — Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане. — Казаки. Вып. II. Л.
- Грязнов М.П., 1930. — Древние культуры Алтая. — Сибиреведение. № 3—4. Новосибирск.
- Грязнов М.П., 1935. — Золото Восточного Казахстана и Алтая. — ИГАИМК. Вып. 110.
- Грязнов М.П., 1939. — Сибирь, Казахстан, Средняя Азия в эпоху бронзы. — История СССР. Макет Института истории материальной культуры. Ч. 1. М.
- Грязнов М.П., 1941. — Древняя бронза Минусинских степей. — ТОИПК. Т. II.
- Грязнов М.П., 1950. — Из далекого прошлого Алтайского края. Барнаул.
- Грязнов М.П., 1952. — Памятники Карасукского этапа в Центральном Казахстане. — СА. Т. XVI.
- Грязнов М.П., 1953. — Землянки бронзового века близ хутора Ляпичева на Дону. — КСИИМК. Вып. I.
- Грязнов М.П., 1955. — Некоторые вопросы истории сложения и развития ранних кочевых обществ Казахстана и Южной Сибири. — КСИЭ. Вып. 24.
- Грязнов М.П., 1956а. — История древних племен Верхней Оби. — МИА. № 48.
- Грязнов М.П., 1956б. — К вопросу о культурах эпохи поздней бронзы в Сибири. — КСИИМК. Вып. 64.
- Грязнов М.П., 1956в. — Племена Сибири и Казахстана в эпоху бронзы. — Очерки истории СССР. П. 3. Пар. 6. М.
- Грязнов М.П., 1957. — Этапы развития хозяйства скотоводческих племен Казахстана и Южной Сибири в эпоху бронзы. — КСИЭ. Вып. 26.
- Грязнов М.П., 1960. — Предисловие. — С.С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. — МИА. № 88.
- Грязнов М.П., 1965. — О кельтеминарском доме. — Новое в советской археологии. М.
- Грязнов М.П., 1968. — Бронзовый век. — История Киргизской ССР. Фрунзе.
- Грязнов М.П., 1969а. — Классификация, тип, культура. — ТОСА.
- Грязнов М.П., 1970. — Пастушеские племена Средней Азии в эпоху развитой и поздней бронзы. — КСИА. Вып. 122.
- Грязнов М.П., 1980. — Аржан — царский курган раннескифского времени. Л.

- Грязнов М.П., 1981. — Инокультурные традиции на примере андроновско-карасукских сопоставлений. — Преемственность и инновации в развитии древних культур. Л.
- Грязнов М.П., 1999. — Афанасьевская культура на Енисее. СПб.
- Гулямов Я.Г., Исламов У., Аскарлов А., 1966. — Первобытная культура в низовьях Зеравшана. Ташкент.
- Гуров Н.В., 1987. — Дравидийские элементы в текстах ранних самхит. — Литература и культура в древней и средневековой Индии. М.
- Гусева Н.Р., 1981. — Жилище народов Индии, Пакистана и Бангладеш. — ТТСЖ.
- Гусева Н.Р., 1982. — Художественные ремесла Индии. М.
- Гутляев Г., 1977. — Работы на поселении раннежелезного века Яссы-депе у Баба-Дурмаза. — Каракумские древности. III. Ашхабад.
- Гутляев Г., 1980. — Стратиграфический шурф Яшыллы-депе у Гяурса. — Новые исследования по археологии Туркменистана. Ашхабад.
- Гутляев Г., 1984. — Стратиграфический шурф на Гараой-депе. — Проблемы археологии Туркменистана. Ашхабад.
- Давня история Украины, 1997. — Ред. Станко В.Н., Березанська С.С., Гладилін В.М., Гладких М.И., Отрошенко В.В. 1. Київ.
- Дайсон Р., 1986. — Повторное изучение Тепе-Гиссар. — Древние цивилизации Востока. Ташкент.
- Дандамаев М.А., 1963. — Иран при первых Ахеменидах. М.
- Дандамаев М.А., Лукокин В.Г., 1980. — Культура и экономика древнего Ирана. М.
- Дани А.Х., 1999. — Новые открытия в Северном Пакистане и проблема происхождения дардской культуры. — *Stratum Plus*. 2. СПб. — Кишинев.
- Даниленко В.М., Шмаглий М.М., 1972. — Про один поворотний момент в історії неолітичного населення південної Європи. — *Археологія*. № 6. Київ.
- Дебец Г.Ф., 1932. — Расовые типы населения Минусинского края в эпоху родового строя. — *Антропологический журнал*. № 2.
- Дебец Г.Ф., 1948. — Палеоантропология СССР. М.
- Дебец Г.Ф., 1954. — Палеоантропологические материалы из погребений срубной культуры Заволжья. — *МИА*. № 42.
- Дебец Г.Ф., 1971. — О физических типах людей скифского времени. — Проблемы скифской археологии. М.
- Дегтярева А.Д., 1985a. — Металлообрабатывающее производство Казахстана и Киргизии в эпоху поздней бронзы. Автореф. канд. дисс. М.
- Дегтярева А.Д., 1985b. — Металлообработка в эпоху поздней бронзы на территории Семиречья. — *Вестник МГУ*. 3.
- Демин М.А., Ситников С.М., 1998. — Археологические исследования на правом берегу Гилевского водохранилища. — Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул.
- Демин М.А., Ситников С.М., 2002. — Поселение Чекановский Лог-1 в системе относительной хронологии саргаринско-алексеевских древностей // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. Барнаул.
- Деопах Д.В., Митяев П.Е., 1981. — Методика анализа керамического декора. — САС.
- Дергачев В.А., 1997. — Металлические изделия. К проблеме генезиса культур раннего Гальштата Карпато-Нордпонтского региона. Кишинев.
- Деревягин Ю.В., Симонов С.М., 1971. — Валиковая керамика на срубных памятниках Нижнего Поволжья. — СА. № 2.
- Десницкая А.В., 1955. — Вопросы изучения родства индоевропейских языков. М.-Л.

- Джуракулов М.Д., 1986. — Новые открытия археологов Самаркандского университета. — Древние цивилизации Востока. Ташкент.
- Джуракулов М.Д., Аванесова Н.А., 1984. — Новые исследования по Сагаганскому поселению. — ИМКУ. 19.
- Джуракулов М.Д., Ходжаев ТАК КАК, 1987. — Древнейшее, древнее и средневековое население Зеравшанской долины. Самарканд.
- Джусупов А., 1956. — Орудия эпохи бронзы из случайных находок в окрестностях Алма-Аты. — ТИИАЭ АН КазССР. Т. 1.
- Димитров Д., 1968. — Троя VII В/2 и балканские тракийски и мизийски племена. — Археология. 4. София.
- Добровольский А.В., 1952. — Перше Сабатинівське поселення — АП. Вып. IV.
- Доватур А.И., Каллистова Д.П. и др., 1982. — Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М.
- Долуханов А., Щетенко А., Този М., 1985. — Серия радиоуглеродных датировок наслоений эпохи бронзы на Намазга-депе. — СА. № 4.
- Дорж Д., Новгородова Э., 1976. — Петроглифы Монголии. — История и культура народов Средней Азии. М.
- Древние культуры Северного Прикаспия. Куйбышев, 1986.
- Древние языки Малой Азии. М., 1980.
- Древности Икско-Бельского междуречья. Казань, 1978.
- Древности Таджикистана. Каталог выставки Государственного Эрмитажа. Душанбе, 1985.
- Древности Туябугуза. Ташкент, 1978.
- Древности Чароаха. Ташкент, 1976.
- Древняя одежда народов Восточной Европы. М., 1986.
- Дремов В.А., 1972. — Исследование палеоантропологических материалов Верхнего Приобья. — Материалы зонального совещания археологов и этнографов. Новосибирск, 1971. Томск.
- Дремов В.А., 1973. — Черепа эпохи бронзы из могильников Обь-Иртышского междуречья (Барабинская лесостепь). — Вопросы археологии Сибири. Вып. 85.
- Дремов В.А., 1990. — Антропологический состав населения андроновской и андроновидных культур Западной Сибири. — Изв. СОАН, СИФФ. 2.
- Дремов В.А., 1997. — Население Верхнего Приобья в эпоху бронзы. Томск.
- Дубова Н.А., 2004. — Могильник и царский некрополь на берегах Большого бассейна Северного Гонура. — У истоков цивилизации. М.
- Дукс Х., 1969. — К сравнительной характеристике керамики эпохи поздней бронзы в Узбекистане. — ОНУ. № 6.
- Дукс Х., 1979. — Новая стоянка эпохи бронзы в Ташкентской области. — ИМКУ. Вып. 15.
- Дукс Х., 1982а. — Туябугузские поселения бургулюкской культуры. Ташкент.
- Дукс Х., 1982б. — Чиракчинское поселение. — ИМКУ. Вып. 17.
- Дульзон А.П., 1964. — Древние топонимы Южной Сибири индоевропейского происхождения. — Доклад. VII МКАЭН.
- Дюмезиль Г., 1976. — Осетинский эпос и мифология. — М.
- Дюмезиль Г., 1986. — Верховные боги индоевропейцев. М.
- Дурдыев Дж., 1984. — Канга 2 — поселение эпохи средней бронзы. — Проблемы археологии Туркменистана. Ашхабад.
- Дурново Ю.А., 1970. — Исследование черепов из раскопок А.В. Збруевой Новобаскаковских курганов. — Древности Башкирии. М.
- Дурылин С.Н., 1927а. — Раскопки под Челябинском. — ЗУОЛЕ. Т. 40. Вып. 2.
- Дурылин С.Н., 1927б. — Челябинские курганы. — Сборник материалов по изучению Челябинского округа. Челябинск.

- Дэзлет М.А., 1976а. — Большая Боярская писаница. М.
- Дэзлет М.А., 1976б. — Петроглифы Улуг-хэма. М.
- Дьяконов И.М., 1956. — История Мидии. М.-Л.
- Дьяконов И.М., 1958. — Народы древней Передней Азии. — ТИЭ. Новая серия. Т. XXXIX.
- Дьяконов И.М., 1960. — Рец.: В.М. Массон. Древнеземледельческая культура Мар-гианы. М.-Л. 1959. — ВДИ. № 3.
- Дьяконов И.М., 1967. — Языки древней Передней Азии. М.
- Дьяконов И.М., 1968. — Предистория армянского народа. Ереван.
- Дьяконов И.М., 1970а. — Арийцы на Ближнем Востоке: конец мифа. — ВДИ. № 4.
- Дьяконов И.М., 1981. — К методике исследований по этнической истории (киммерийцы). — ЭПИЦАД.
- Дьяконов И.М., 1982. — О прародине носителей индоевропейских диалектов. — ВДИ. № 3—4.
- Дьяконов И.М., 1995. — Прародина индоевропейцев (По поводу книги Е.Е. Кузьминой «Откуда пришли индоарии?». М. 1994). — ВДИ. 1.
- Дьяконов М.М., 1954. — Сложение классового общества в Северной Бактрии. — СА. Т. XIX.
- Дьяконов М.М., 1956. — У истоков древней культуры Таджикистана. Сталинабад.
- Дьяконов М.М., 1961. — Очерк истории древнего Ирана. М.
- Евдокимов В.В., 1970. — Новые материалы к археологической карте Кустанайской области. — МНМКП. Вып. VIII.
- Евдокимов В.В., 1971. — К вопросу о датировке и заселении Алексеевского поселения на реке Тобол. — МНМКП. Вып. IX.
- Евдокимов В.В., 1975а. — Новые раскопки Алексеевского поселения. — СА. № 4.
- Евдокимов В.В., 1975б. — Новые алакульские могильники на территории Кустанайской области. — МНМКП. Вып. XIII.
- Евдокимов В.В., 1975в. — Новые поселения эпохи поздней бронзы Верхнего При-тобольшья. — ВАУ. Вып. 13.
- Евдокимов В.В., 1979. — Топография поселений эпохи бронзы степного Притоболья. — ОЕГ.
- Евдокимов В.В., 1980а. — Вопросы периодизации и хронологии памятников раз-витой и поздней бронзы Казахстана. — Некоторые вопросы истории Казахста-на. Караганда.
- Евдокимов В.В., 1980б. — Итоги работ карагандинского археологического отряда в 1977—1978 гг. — Научно-теоретическая конференция Карагандинского Госу-дарственного университета. Караганда.
- Евдокимов В.В., 1980в. — Поселение эпохи бронзы Шукубай II. — История мате-риальной культуры Казахстана. Алма-Ата.
- Евдокимов В.В., 1981. — Работы Карагандинского отряда. — АО. М.
- Евдокимов В.В., 1982. — Поселение эпохи бронзы Усть-Кенетай. — ВАЗ.
- Евдокимов В.В., 1983. — Хронология и периодизация памятников эпохи бронзы Кустанайского Притоболья. — БВСП.
- Евдокимов В.В., 1984. — Народонаселение степного Притоболья в эпоху бронзы. Автореф. канд. дисс. Киев.
- Евдокимов В.В., 1987а. — О выделении донгальской культуры переходного пери-ода от эпохи бронзы к раннему железному веку в Центральном Казахстане. — Проблемы археологии степной Евразии. Кемерово.
- Евдокимов В.В., 1987б. — Заключительный этап эпохи бронзы Кустанайского При-тобольшья. — ВПАП.
- Евдокимов В.В., 2000. — Историческая среда эпохи бронзы степей Центрального и Северного Казахстана. Алматы.

- Евдокимов В.В., Варфоломеев В.В., 2002. — Эпоха бронзы Центрального и Северного Казахстана. Караганда.
- Евдокимов В.В., Ломан В.Г., 1982. — Поселение Копя II. — БАЭ.
- Евдокимов В.В., Ломан В.Г., 1989. — Раскопки ямного кургана в Карагандинской области. — Вопросы археологии Центрального и Северного Казахстана. Караганда.
- Евдокимов В.В., Усманова Э.Р., 1990. — Знаковый статус украшений в погребальном обряде. — Археология Волго-Уральских степей. Челябинск.
- Евсюков В.В., Комиссаров С.А., 1983. — Бронзовая модель колесницы эпохи Чуньцю в свете сравнительного анализа колесничных мифов. — Новое в археологии Китая. Новосибирск.
- Екимов Ю.Г., Беседин В.И., 1980. — К вопросу о памятниках заключительного этапа эпохи бронзы в лесостепном Подонье. — АВЕЛ.
- Екимов Ю.Г., Пряхин А.Д., 1979. — Костяные псалмы эпохи бронзы с территории лесостепного Подонья. — Древняя история Поволжья. Куйбышев.
- Елизаренкова Т.Я., 1972. — Древнейший памятник индийской культуры. — Ригведа. М.
- Елизаренкова Т.Я., 1976. — Атхарваведа. Избранное (Перевод). М.
- Елизаренкова Т.Я., 1981. — Гимны скамбхе в Атхарваведе. Введение, перевод и комментарий. М.
- Елизаренкова Т.Я., 1982. — Грамматика ведийского языка. М.
- Елизаренкова Т.Я., 1989. — «Ригведа» — великое начало индийской литературы и культуры. — Ригведа. Мандалы I—IV. М.
- Елизаренкова Т.Я., 1995. — Мир идей ариев Ригvedы. — Ригведа. Мандалы V—VIII. М.
- Елизаренкова Т.Я., 1999а. — Ригведа. Мандалы IX—X. М.
- Елизаренкова Т.Я., 1999б. — Слова и вещи в Ригведе. М.
- Елизаренкова Т.Я., Топоров В.Н., 1995. — Мир вещей по данным Ригvedы. — Ригведа. Мандалы V—VIII.
- Елькин М.Г., 1967. — Памятники андроновской культуры на юге Кузбасса. — Известия лаборатории археологических исследований. Вып. I. Кемерово.
- Епимахов А.В., 1995. — Погребальные памятники синташтинского времени. — Риб. 1.
- Епимахов А.В., 1996. — Курганный могильник Солнце II — некрополь укрепленного поселения Устье. — Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. Челябинск.
- Епимахов А.В., 1998. — Погребальная обрядность населения Южного Зауралья эпохи средней бронзы. Автореф. канд. дисс. Новосибирск.
- Епимахов А.В., 2002а. — Мало-Кизыльское селище и его место в системе культур бронзового века Урала. — Степи Евразии в древности и средневековье. СПб.
- Епимахов А.В., 2002б. — Южное Зауралье в эпоху средней бронзы. Челябинск.
- Ермолаева А.С., 1986. — Измайловский погребальный комплекс переходного периода от бронзы к раннему железу из Восточно-Казахстанского Прииртышья. — Ранний железный век и Средневековье Урало-Иртышского междуречья. Челябинск.
- Ермолаева А.С., 1987. — Памятники переходного периода от эпохи бронзы к раннему железу. — Археологические памятники в зоне затопления Шувальбинской ГЭС. Алма-Ата.
- Ермолова Н.М., 1976. — Где же одомашнили двугорбого верблюда? — Природа. № 10.
- Еришов Н.Н., 1956. — Ремесла таджиков Дарваза. — Изв. ООН АН ТаджССР. Вып. 10—11. Душанбе.

- Есаян С.А., 1976. — Древняя культура племен Северо-Восточной Армении. Ереван.
- Ефименко П.П., Третьяков П.Н., 1961. — Абашевская культура в Поволжье. — МИА. № 97.
- Жауымбаев С.У., 1984а. — Древние медные рудники Центрального Казахстана. — БВУИМ.
- Жауымбаев С.У., 1984б. — Древняя металлургия и горное дело Центрального Казахстана. Автореф. канд. дисс. Кемерово.
- Жауымбаев С.У., 1987. — Хронология древних рудников Центрального Казахстана. — ВПАП.
- Жауымбаев С.У., 2001. — Горное дело и металлургия бронзового века Сарыарки. Караганды.
- Железчиков Б.Ф., Иксанова Ф.М., 1978. — К вопросу о культурной принадлежности памятников второй половины II тыс. до н.э. в Уральской области. — ДКПП.
- Жизулина Л.Н., 1976. — Новые памятники срубной культуры в Куйбышевской области. — ПАПП.
- Жуков Б.С., 1929. — Теория хронологических и культурных модификаций неолитических культур Восточной Европы по данным изучения керамики. — Этнография. № 1.
- Жуков В.А., Ранов В.А., 1972. — Петроглифы на реке Северная Акджилга (Восточный Памир). — АО. 1971.
- Жуков В.А., Ранов В.А., 1974. — Древние колесницы на Памире. — Памир. № 11.
- Жуковская Н.Л., 1988. — Категории и символика культуры монголов. М.
- Заднепровский Ю.А., 1962. — Древнеземледельческая культура Ферганы. — МИА. № 118.
- Заднепровский Ю.А., 1966. — Памятники андроновской культуры. — Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.-Л.
- Заднепровский Ю.А., 1986. — Проблема происхождения культуры раннежелезного века юга Туркменистана. — ИАН ТуркССР. СОН. 5.
- Заднепровский Ю.А., 1992. — Древние бронзы Синьцзяна (КНР). — Древности. 3. М.
- Заднепровский Ю.А., 1997. — Ошское поселение. К истории Ферганы в эпоху поздней бронзы. Бишкек.
- Зайберт В.Ф., 1973. — Новые памятники ранней бронзы на реке Ишим. — КСИА. Вып. 134.
- Зайберт В.Ф., Зданович Г.Б., 1974. — Поселение эпохи бронзы Бишкуль IV. — ИИС. Вып. 15.
- Зайберт В.Ф., Плешкова А.А., 1978. — Результаты исследований памятников энеолита и ранней бронзы на реке Чаглинка. — СА. № 1.
- Зайков В.В., 1995. — Минерально-сырьевая база памятников эпохи бронзы на Южном Урале («Страна городов»). — Рив. Кн. 2.
- Зайков В.В., Зданович Г.Б., Юминов А.М., 1995. — Медный рудник бронзового века «Воровская яма» (Южный Урал). — Рив. Кн. 2.
- Зайкова Е.В., 1995. — Состав металлических изделий поселения Синташта. — Рив. Кн. 2.
- Зайкова Е.В., 2000. — Геохимические типы меди и бронз в металлических изделиях поселения Синташта. — Археологический источник и моделирование древних технологий. Челябинск.
- Захарук Ю.Н., 1981. — Методологические проблемы археологической науки. Автореф. докт. дисс. М.
- Збруева А.В., 1946. — Древние культурные связи Средней Азии и Приуралья. — ВДИ. № 3.

- Збруева А.В., 1950. — Памятники позднего бронзового века в Прикамье. — КСИ-ИМК. Вып. XXXII.
- Збруева А.В., 1960. — Памятники эпохи поздней бронзы в Приказанском Поволжье и Нижнем Прикамье. — МИА. № 80.
- Збруева А.В., Тихонов Б.Г., 1970. — Памятники эпохи бронзы в Башкирии. М.
- Зданович Г.Б., 1970. — Новое поселение эпохи бронзы в Северном Казахстане. — ПДКК.
- Зданович Г.Б., 1973а. — Стратиграфия поселения Новоникольское. — АИК.
- Зданович Г.Б., 1973б. — Поселение Явленка — памятник эпохи бронзы Северного Казахстана. — ИИС. Вып. 7.
- Зданович Г.Б., 1973в. — Керамика эпохи бронзы Северо-Казахстанской области. — ВАУ. Вып. 12.
- Зданович Г.Б., 1974а. — Полевые исследования Северо-Казахстанской археологической экспедиции. — ИИС. Вып. 15.
- Зданович Г.Б., 1974б. — Поселение эпохи бронзы Новоникольское. — ИИС. Вып. 15.
- Зданович Г.Б., 1975. — Периодизация и хронология памятников эпохи бронзы Петропавловского Приишмья. Автореф. канд. дисс. М.
- Зданович Г.Б., 1976а. — Раннеалакульский погребальный комплекс у с. Кенес. — Вопросы истории и литературы. Вып. 3. Караганда.
- Зданович Г.Б., 1976б. — Некоторые материалы по архитектуре развитой бронзы Среднего Приишмья. — ИИС. Вып. 21.
- Зданович Г.Б., 1983. — Основные характеристики петровских комплексов Урало-Казахстанских степей (к вопросу о выделении петровской культуры). — БВСП.
- Зданович Г.Б., 1984а. — К вопросу об андроновском культурно-историческом единстве. — КСИА. Вып. 177.
- Зданович Г.Б., 1984б. — Относительная хронология памятников бронзового века Урало-Казахстанских степей. — БВУИМ.
- Зданович Г.Б., 1986. — Щитковые псалии из Среднего Приишмья. — КСИА. Вып. 185.
- Зданович Г.Б., 1988. — Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск.
- Зданович Г.Б., 1989. — Феномен протоцивилизации бронзового века Урало-Казахстанских степей. — ВККДЦ.
- Зданович Г.Б., 1990. — Аркаим. Челябинск.
- Зданович Г.Б., 1992а. — Аркаим: арии на Урале. — Фантастика и наука. Вып. 25. М.
- Зданович Г.Б., 1992б. — Архитектура поселения Аркаим. — Маргулановские чтения. М.
- Зданович Г.Б. (Ред.), 1995. — Аркаим. Челябинск.
- Зданович Г.Б., 1997. — Аркаим — культурный комплекс эпохи средней бронзы Южного Зауралья. — РА. № 2.
- Зданович Г.Б., Генинг В.Ф., 1985. — Оборонительные укрепления эпохи бронзы Урало-Казахстанских степей. — ДСА.
- Зданович Г.Б., Зданович Д.Г., 1995. — Протогородская цивилизация «Страны городов» Южного Зауралья (опыт моделирующего отношения к древности). — РИВ. Кн. 1.
- Зданович Г.Б., Зданович С.Я., 1980. — Могильник эпохи бронзы у села Петровка. — СА. № 3.
- Зданович Г.Б., Малютина Т.С., 1996. — Абашевская культура и синташтинский очаг культурогенеза. — АКИО.
- Зданович Г.Б., Мошинская В.И., 1973. — Об антропоморфном изображении из Прииртышья. — ПАУС.

- Зданович Г.Б., Плешаков А.А., 1981. — Каменная скульптура эпохи бронзы из При-
тоболья. — СА. № 3.
- Зданович Г.Б., Хабдулина М.К., 1976. — Петровские (раннеалакульские) комплексы
Северного Казахстана. — ПАПП.
- Зданович Д.Г., 1997. — Синташтинское общество: социальные основы «квазигро-
родской» культуры. Челябинск.
- Зданович Д.Г., 2002. — Аркаим: некрополь. 1. Челябинск.
- Зданович С.Я., 1974. — Культура финальной бронзы Северного Казахстана. —
Сборник научных трудов по гуманитарным наукам. Караганда.
- Зданович С.Я., 1978. — Жилища поселения финального бронзового века Саргары
в Северном Казахстане. — ДКПП.
- Зданович С.Я., 1979. — Саргаринская культура — заключительный этап бронзово-
го века в Северном Казахстане. Автореф. канд. дисс. М.
- Зданович С.Я., 1981. — Новые материалы по истории скотоводства в Зауралье и
Северном Казахстане в эпоху финальной бронзы. — Материалы по хозяйству и
общественному строю племен Южного Урала. Уфа.
- Зданович С.Я., 1983. — Происхождение саргаринской культуры (к постановке про-
блемы). — БВСП.
- Зданович С.Я., 1984. — Керамика саргаринской культуры. — БВУИ. М.
- Зданович С.Я., Коробкова Г.Ф., 1988. — Новые данные о хозяйственной деятельнос-
ти населения эпохи бронзы. — ПАУКС.
- Зданович С.Я., Малютина Т.С., 1976. — Культовый комплекс Саргары. — ПАУП.
- Зеленин Д.К., 1927. — Прimitивная техника гончарства «налепом» в Восточной
Европе. — Этнография. № 1.
- Зелинский А.Н., 1969. — Древние пути Памира. Автореф. канд. дисс. М.
- Зими́на В.М., Адаменко О.М., 1963. — Новый памятник культуры эпохи бронзы у
села Ново-Александровка (Алтайский край). — Изв. СОАН СОН. № 9. Вып. 3.
- Зими́на Б., 1948. — Очаг андроновской культуры в Северной Киргизии. — ТИИЯЛ.
Кирг. ФАН ССР. Вып. II.
- Зотова С.В., 1964. — О сибирских кельтах сейминско-турбинского типа. — КСИА.
Вып. 101.
- Зотова С.В., 1965. — Ковровые орнаменты андроновской керамики. — МИА. №
130.
- Зудина В.Н., 1981. — Андроновские элементы в срубной культуре Куйбышевского
Заволжья. — ДСКП.
- Зырянс А.Н., 1881—1884. — Курганы и городища в Шадринском уезде Пермской
губернии. — ЗУОЛЕ. Т. 7. Вып. 3.
- Иванов В.А., Исмагилов Р.Б., 1981. — Исследования в междуречье Урала и Сама-
ры. — АО. 1980.
- Иванов В.В., 1957. — Социальная организация индоевропейских племен по линг-
вистическим данным. — ВИМК. № 1.
- Иванов В.В., 1962. — Культ огня у хеттов. — Древний мир. Сборник, посвященный
В.В. Струве. М.
- Иванов В.В., 1963. — Хеттский язык. М.
- Иванов В.В., 1968. — О языковой принадлежности арийских элементов в ближне-
восточных текстах II тыс. до н.э. — Языки Индии, Пакистана, Непала и Цейло-
на. М.
- Иванов В.В., 1969а. — Заметки о типологическом и сравнительно-историческом
исследовании римской и индоевропейской мифологии. — ТЗС. Т. IV.
- Иванов В.В., 1969б. — Использование для этимологических исследований сочета-
ний однокоренных слов в поэзии на древних индоевропейских языках. — Эти-
мология. М.

- Иванов В.В.*, 1974. — Опыт истолкования древнеиндийских ритуальных и мифологических терминов, образованных от *aśva* «конь». — Проблемы истории языков и культуры народов Индии. М.
- Иванов В.В.*, 1979. — Славянские названия металлов. — СС. № 5.
- Иванов В.В.*, 1997. — Индоевропейские миграции. — Стратум: структуры и катастрофы. СПб.
- Иванов В.В.*, 2001. — Новые данные лингвистики о происхождении современных этнических групп. — Тезисы доклада на Президиуме РАН. 11.09.2001. М.
- Иванов В.В., Топоров В.Н.*, 1960. — Санскрит. М.
- Иванов Г.Е.*, 1987. — Бронзовый наконечник дротика с поселения Курейка-3 (степной Алтай). — Археологические исследования на Алтае. Барнаул.
- Иванов Г.Е.*, 1988. — К вопросу об относительной и абсолютной хронологии памятников валиковой керамики степного Алтая. — Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул.
- Иванов Г.Е.*, 1989. — Некоторые итоги изучения археологических памятников в зоне Алтайских ленточных боров. — Археологические исследования в Сибири. Барнаул.
- Иванов Г.Е.*, 1990. — Поселение Крестьянское-9 — памятник финальной бронзы степного Алтая. — Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. Барнаул.
- Иванов Г.Е.*, 1992. — Поселение эпохи поздней бронзы Крестьянское 4. — Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул.
- Иванов Г.Е.*, 1993. — Два поселения эпохи поздней бронзы в степном Алтае. — Культура народов евразийских степей в древности. Барнаул.
- Иванов Г.Е.*, 1995. — Археологические памятники у бывшего поселка Миронов Лог. — Изучение памятников археологии Алтайского края. Барнаул.
- Иванов Г.Е., Исаев Н.Н.*, 1999. — Бронзовый топор с поселения Крестьянское IV. — Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. X. Барнаул.
- Иванов Г.П.*, 1988. — Кашкарчинский могильник — новый могильник эпохи поздней бронзы в Фергане. — ОНУз. 10.
- Иванов Г.П.*, 1996. — Проблемные вопросы периодизации культуры древней Ферганы. — Фаргона.
- Иванов И.В.*, 1983. — Изменение природных условий степной зоны в голоцене. — ИАН СССР. Серия географическая. № 2.
- Иванов И.В.*, 1996. — Бронзовый век Евразийских степей. Его место в системе ландшафтно-климатических изменений голоцена и в историческом процессе. — Древности Волго-Донских степей в системе Восточноевропейского бронзового века. Волгоград.
- Иванов И.В., Васильев И.Б.*, 1995. — Человек, природа и почвы Рын-Песков Волго-Уральского междуречья в голоцене. М.
- Иванов И.В., Плеханова Л.Н. и др.*, 2001. — Палеопочвы Аркаимской долины и бассейна р. Самары — индикатор экологических условий в эпоху бронзы. — Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Самара.
- Иванов С.В.*, 1963. — Орнамент народов Сибири как исторический источник. М.-Л.
- Иванов С.В.*, 1964. — Древний андроновидный комплекс в современном орнаменте народов Сибири. — Доклад. VII МКАЭН.
- Иванова Л.А.*, 1968. — О различиях керамических традиций афанасьевской и окуневской культур. — СА. № 2.

- Иванова Л.А., 1970. — Опыт выделения и палеоэтнографической характеристики афанасьевской культуры Среднего Енисея. Автореф. канд. дисс. Л.
- Иванова Л.А., 1981. — Древнейшее жилище Передней Азии. — ТТСЖ.
- Иессен А.А., 1950. — К хронологии «больших кубанских курганов». — СА. Т. XII.
- Иессен А.А., 1951. — Прикубанский очаг металлургии и металлообработки. — МИА. 23. М.
- Иессен А.А., 1953. — К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н.э. на юге европейской части СССР. — СА. Т. XVIII.
- Иессен А.А., 1954. — Некоторые памятники VIII—VII вв. до н.э. на Северном Кавказе. — Вопросы скифо-сарматской археологии. М.
- Избицер Е.В., 1993. — Погребения с повозками степной полосы Восточной Европы и Северного Кавказа III—II тыс. до н.э. Автореф. канд. дисс. СПб.
- Изотова М.А., Малов Н.М., Слонов В.Н., 1993. — Классификация форм керамики и периодизация поселений хвалынской культуры эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья. — Археологические вести. 1. Саратов.
- Ильина М.И., 1946. — Древнейшие типы жилищ Закавказья. — Сообщения Института истории и теории архитектуры. Вып. 5. М.
- Ильинская В.А. (Иллінська), 1961. — Скифська вузда VI ст. до н.э. — Археологія. 13.
- Ильинская В.А., 1955. — Поселение времени поздней бронзы у села Бабино. — КСИА. Вып. 5.
- Ильинская В.А., Тереножкин А.И., 1983. — Скифия VII—IV вв. до н.э. Киев.
- Ионесов В.И., 1990а. — Некоторые данные о могильнике Джаркутан-4Б. — ИМКУ. 24.
- Ионесов В.И., 1990б. — Становление и развитие раннеклассовых отношений в оседлоземледельческом обществе Северной Бактрии. Автореф. канд. дисс. Самарканд.
- Исаков А.И., 1991а. — Верховья Зеравшана в эпоху энеолита и бронзы. Автореф. докт. дисс. Новосибирск.
- Исаков А.И., 1991б. — Саразм. Душанбе.
- Исаков А.И., Потемкина Т.М., 1989. — Могильник племен эпохи бронзы в Таджикистане. — СА. 2.
- Исамитдинов М.Х., Сулейманов Р.Х., 1984. — Еркурган (стратиграфия и периодизация). Ташкент.
- Исламов О.И., 1976. — Из истории геологических знаний в Средней Азии. Ташкент.
- Исмагил Р., 1998. — Бегазы-дандыбаевский феномен и его типологические параллели. — Уфимский археологический вестник. 1. Уфа.
- Исмагулов О., 1963. — Палеоантропология Казахстана эпохи бронзы. — ТИИАЭ АН КазССР. Т. 18.
- Исмагулов О., 1970. — Население Казахстана от эпохи бронзы до современности. Алма-Ата.
- История Казахской ССР. Алма-Ата 1977.
- История Киргизии. Т. 1. Фрунзе, 1963.
- История Киргизской ССР. Фрунзе, 1984.
- История древнего Востока от ранних государственных образований до древних империй. М., 2004.
- История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. 2000. Самара.
- История таджикского народа. 1998. (Литвинский Б.А., Рамов В.А. Ред.). Душанбе.
- История туркменской ССР. Т. 1. Ашхабад. 1957

- Итина М.А., 1958. — Памятники первобытной культуры Верхнего Узоя. — ТХЭ. Т. II.
- Итина М.А., 1961. — Могильник бронзового века Кокча-3. — МХЭ. Вып. 5.
- Итина М.А., 1967. — О месте тазабагыбской культуры среди культур степной бронзы. — СЭ. № 2.
- Итина М.А., 1977. — История степных племен Южного Приаралья. М.
- Итина М.А., 1978. — Раскопки на Акчадарье. — АО. 1977.
- Итина М.А., 1986. — Взаимодействие земледельческих цивилизаций Средней Азии с их «зарварской» периферией в эпоху бронзы. — Древние цивилизации Востока. Ташкент.
- Итина М.А., 1998. — К истории изучения бронзового века южного Приаралья. — Приаралье в древности и Средневековье. М.
- Итина М.А., Яблонский Л.Т., 1997. — Саки нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). М.
- Итина М.А., Яблонский Л.Т., 2001. — Мавзолеи Северного Тагискена. М.
- Кабанов Ю.Ф., Кожим П.М., Черных Е.Н., 1975. — Андроновские находки на реке Алтынсу. — ПДИЕ.
- Кадиков Б.Х., 1969. — Керамические комплексы памятников на озере Иткуль. — ПАС.
- Кадырбаев М.К., 1961. — Могильник Сангуыр II. — ТИИАЭ АН КазССР. Т. 12.
- Кадырбаев М.К., 1966а. — Памятники тасмолинской культуры. — Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата.
- Кадырбаев М.К., 1966б. — Центральный Казахстан в скифское время. — Тезисы докладов и сообщений на Конференции по вопросам скифо-сарматской археологии. М.
- Кадырбаев М.К., 1969. — Акмола — памятник андроновской культуры. — Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата.
- Кадырбаев М.К., 1972. — Археологические раскопки в Северном Прибалхашье. — ПРК
- Кадырбаев М.К., 1974. — Могильник Жиланды на реке Нуре. — В глубь веков. Алма-Ата.
- Кадырбаев М.К., 1983. — Шестилетние работы на Атасу. — БВСП.
- Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж., 1992. — Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки. Алма-Ата.
- Кадырбаев М.К., Марьяшев А.Н., 1977. — Наскальные изображения хребта Каратау. Алма-Ата.
- Казаков Е.П., 1978. — Погребения эпохи бронзы могильника Такталачук. — Древности Икско-Бельского междуречья. Казань.
- Казаков Е.П., 1979. — Памятники черкаскульской культуры в восточных районах Татарии. — СА. № 1.
- Казахстан от эпохи палеолита до позднего средневековья. — История Казахстана с древнейших времен до наших дней. Г. 1. Алматы, 1996.
- Калиева С., Колбин Г., Логвин В., 1992. — Могильник у поселения Бестамак. — Маргулановские чтения. Петропавловск.
- Калинин Н.Ф., Халиков А.Х., 1954. — Поселения эпохи бронзы в Приказанском Поволжье. — МИА. № 42.
- Калоев Б.А., 1971. — Осетины. М.
- Кальянов В.И., 1967. — Некоторые военные вопросы в древнеиндийском эпосе. — Махабхарата. Кн. IV. Виратапарва. Л.
- Каменецкий И.С., 1970. — Археологическая культура — ее определение и интерпретация. — СА. № 2.

- Каменецкий И.С., Шер Я.А., Маршак Б.И., 1975. — Анализ археологических источников. М.
- Карабаспакова К.М., 1987. — К вопросу о культурной принадлежности памятников эпохи поздней бронзы Северо-Восточного Семиречья и их связь с памятниками Центрального Казахстана. — ВПАП.
- Карабаспакова К.М., 1989. — Этнокультурные связи населения эпохи поздней бронзы Семиречья. — Маргулановские чтения. Алма-Ата.
- Карабаспакова К.М., 1991. — К вопросу о культурной принадлежности памятников начального этапа поздней бронзы Семиречья. — Проблемы культур начального этапа эпохи поздней бронзы Волго-Уралья. Саратов.
- Кармышева Б.Х., 1956. — Жилище узбеков племени карлук южных районов Таджикистана и Узбекистана. — Изв. ООН АН ТаджССР. Вып. 10—11.
- Кармышева Б.Х., 1976. — Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана. М.
- Кармышева Б.Х., 1979. — Ткачество и прядение у населения южных районов Таджикистана и Узбекистана (XIX — начало XX в.). — Проблемы типологии в этнографии. М.
- Касамби Д., 1968. — Культура и цивилизация древней Индии. М.
- Кастанье И.А., 1910. — Древности Киргизской степи и Оренбургского края. — Труды Оренбургской Архивной комиссии. XXII. Оренбург.
- Качалова Н.К., 1967. — О выделении полтавкинской культуры. — КСИА. 112.
- Качалова Н.К., 1972. — Погребения культуры многоваликовой керамики на Среднем Дону. — СГЭ. Т. XXXV.
- Качалова Н.К., 1974. — Лукьяновское поселение и некоторые вопросы срубной культуры. — АСГЭ. Вып. 16.
- Качалова Н.К., 1976а. — Абашевские элементы в срубной культуре Нижнего Поволжья. — АСГЭ. Вып. 17.
- Качалова Н.К., 1976б. — Бережновский горизонт срубных погребений Нижнего Поволжья. — ПАПП.
- Качалова Н.К., 1977. — О локальных различиях в лесостепной срубной культуре. — АСГЭ. 18.
- Качалова Н.К., 1978а. — Относительная периодизация срубных погребений Нижнего Поволжья. — ДКПП.
- Качалова Н.К., 1978б. — Ранний горизонт срубных погребений Нижнего Поволжья. — СА. № 3.
- Качалова Н.К., 1985. — Периодизация срубных памятников Нижнего Поволжья. — СКИО.
- Качалова Н.К., 1989. — Памятники нурского типа и проблема культур эпохи финальной бронзы. — Археология Восточно-Европейской степи. Саратов.
- Качалова Н.К., Васильев И.Б., 1989. — О некоторых проблемах эпохи бронзы Поволжья. — СА. № 2.
- Кейпер Ф.Б., 1986. — Труды по ведийской мифологии. М.
- Кибилов А., Кожемяко П.Н., 1956. — Новые памятники эпохи бронзы. — ТИИАЭ АН КиргССР. Вып. II.
- Кирчо Л.Б., Попов С.Г., 1999. — К вопросу о радиоуглеродной хронологии древних цивилизаций Средней Азии. — Стратум плюс. Кишинев. 2.
- Кирюшин Ю.Ф., 1976. — Бронзовый век Васюганья. Автореф. канд. дисс. М.
- Кирюшин Ю.Ф., 1980. — Новый могильник андроновской культуры у села Елуино. — Древняя история Алтая. Барнаул.
- Кирюшин Ю.Ф., 1983. — Алтай в эпоху энеолита и бронзы. — История Алтая. Барнаул.

- Кирюшин Ю.Ф., 1987. — Новые могильники ранней бронзы на Верхней Оби. — Археологические исследования на Алтае. Барнаул.
- Кирюшин Ю.Ф., 1991. — Проблемы хронологии памятников энеолита и бронзы Южной Сибири. — Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул.
- Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е., 1996. — Новые находки металлических изделий из Шипуновского района. — Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул.
- Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е., 2001. — Новый сейминско-турбинский могильник Шипуново на Алтае. — Историко-культурное наследие Северной Азии. Барнаул.
- Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е., Удодов В.С., 1990. — Новые материалы эпохи поздней бронзы степного Алтая. — Археология и этнография Южной Сибири. Барнаул.
- Кирюшин Ю.Ф., Лузин С.Ю., 1990. — Поселение Большой Лог — новый памятник андроновской культуры Верхнего Приобья. — Археология и этнография Южной Сибири. Барнаул.
- Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., 1979. — Бронзовый век Васюганья. Томск.
- Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997. — Скифская эпоха горного Алтая. 1. Барнаул.
- Кирюшин Ю.Ф., Удодов В.С., 1993. — Некоторые вопросы хронологии памятников бронзового века Алтая. — Маргулановские чтения. М.
- Кирюшин Ю.Ф., Шапшин А.Б., 1987. — Корчажнинская культура лесостепного алтайского Приобья. — Археологические исследования на Алтае. Барнаул.
- Кирюшин Ю.Ф., Шапшин А.Б., 1988. — Погребения ирменской культуры из могильника Староалейка II. — Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. IX. Барнаул.
- Киселев С.В., 1935. — Андроновские памятники близ села Усть-Ерба в Хакасии. — СЭ. № 4—5.
- Киселев С.В., 1948. — К вопросу о культуре древнейшего европеоидного населения Сибири. — ВДИ. № 1.
- Киселев С.В., 1949. — Древняя история южной Сибири. — МИА. № 9.
- Киселев С.В., 1951. — Древняя история Южной Сибири. М.
- Киселев С.В., 1955. — Племена андроновской и срубной культур. — Всемирная история. Т. I. Гл. XVIII. М.
- Киселев С.В., 1960. — Неолит и бронзовый век Китая. — СА. № 4.
- Киселев С.В., 1962. — Некоторые вопросы истории первобытного общества. — КСИА. Вып. 88.
- Кислый А., 1996. — Поселения моряков XVII—XV вв. до н.э. в Восточном Крыму. Донецк.
- Кисляков Н.А., 1936. — Патриархальная семья у таджиков долины Ванча. — Вопросы истории доклассового общества. Труды Института истории, этнографии и археологии. Т. IV. М.-Л.
- Кисляков Н.А., 1939. — Жилище горных таджиков бассейна реки Хингоу. — СЭ. № 2.
- Кияткина Т.П., 1965. — Формирование антропологического типа таджиков по палеоантропологическим данным. Автореф. канд. дисс. Душанбе.
- Кияткина Т.П., 1976. — Материалы к палеоантропологии Таджикистана. Душанбе.
- Кияткина Т.П., 1984. — Краниологические материалы с Западного Памира. — Памироведение. I. Душанбе.
- Кияшко А.В., 1999. — Происхождение катакомбной культуры Нижнего Подонья. Волгоград.
- Кияшко А.В., 2002. — Культурогенез на востоке катакомбного мира. Волгоград.

- Кияшко В.Я., 1974. — Нижнее Подонье в эпоху энеолита и ранней бронзы. Автореф. канд. дисс. М.
- Кланчук М.Н., 1965. — Археологические находки в Карагандинской области в 1962 г. — СА. № 3.
- Кланчук М.Н., 1970. — Стоянка Караганда 15. — СА. № 4.
- Клейн Л.С., 1962. — Катакомбные памятники эпохи бронзы и проблема выделения археологических культур. — СА. № 2.
- Клейн Л.С., 1970. — Проблема определения археологической культуры. — СА. № 2.
- Клейн Л.С., 1973. — Археологические признаки миграций. М.
- Клейн Л.С., 1978. — Археологические источники. Л.
- Клейн Л.С., 1980. — Возникновение кочевого скотоводства. — ССКИЕ.
- Клейн Л.С., 1981. — Проблема преемственности и смены археологических культур. — Преемственность и инновации в развитии древних культур. Л.
- Клейн Л.С., Миняев С.С., Пиотровский Ю.Ю., Хейфец О.И., 1970. — Дискуссия о понятии «археологическая культура» в проблемном археологическом семинаре ЛГУ. — СА. № 2.
- Кленгель Х., 1967. — Экономические основы кочевничества в древней Месопотамии. — ВДИ. № 4.
- Клочко Л.С., 1984. — Верхній плечовий одяг скіфів. — Археологія. Т. 47. Київ.
- Клочко Л.С., 1992. — Скифская обувь. — РА. № 1.
- Клочков И.С., 1997. — Глиптика Маргианы. Принципы описания и классификации. — ВДИ. 1.
- Кнабе Г.С., 1959. — Вопрос о соотношении археологической культуры и этноса в современной зарубежной литературе. — СА. № 3.
- Ковалев А.А., 2002. — О происхождении комплекса форм бронзовых лезвийных изделий древнего Китая (эпоха Ся-Шан). — Степи Евразии в древности и средневековье. СПб.
- Ковалева В.Т., 1979. — Среднее Зауралье в переходное время от неолита к бронзовому веку. Автореф. канд. дисс. М.
- Ковалева И.Ф., 1976. — Маевский тип срубной культуры на Орели. — Археология. Т. 20. Киев.
- Ковалева И.Ф., 1978. — Памятники маевского типа Орельско-Самарского междуречья. — ДКПП.
- Ковальцова И.Ф., Волковой С.С., 1976. — Маївський локальний варіант зрубної культури. — Археологія. Т. 20. Київ.
- Ковалева И.Ф., Волковой С.С., 1978. — Срубные курганные могильники Нижнего Приорелья. — КДСП. Вып. 2.
- Ковалева И.Ф., Ромашко В.А., Андросов А., 1979. — Срубные курганные могильники Среднего Присамарья. — КДСП. Вып. 3.
- Ковалевская В.Б., 1976. — Конь и всадник. М.
- Ковалевская В.Б., 1984. — Кавказ и аланы. М.
- Ковалевская В.Б., 1988. — Центральное Предкавказье в древности и раннем средневековье (кавказский субстрат и передвижение ираноязычных племен). Автореф. докт. дисс. М.
- Ковалевская В.Б., 1995. — Археологическая культура: теория, практика, компьютер. М.
- Коган А.И., 2005. — Дардские языки. Генетическая характеристика. М.
- Кожамкулова Б.С., 1969. — Антропогенная ископаемая териофауна Казахстана. Алма-Ата.
- Кожемяко П.Н., 1960. — Погребения эпохи бронзы в Киргизии. — ИАН КиргССР. Т. II. Вып. 3.

- Кожин П.М., 1966. — О глиняных моделях колес из Балановского могильника. — СА. № 4.
- Кожин П.М., 1968. — Гобийская квадрига. — СА. № 3.
- Кожин П.М., 1969а. — К вопросу о происхождении иньских колесниц. — СМАЭ. Т. XXV.
- Кожин П.М., 1969b. — О сарматских повозках. — Древности Восточной Европы. М.
- Кожин П.М., 1970. — О псалиях из афанасьевских могил. — СА. № 4.
- Кожин П.М., 1977а. — Некоторые данные о древних культурных контактах Китая с внутренними районами Евразийского материка. — Материалы конференции «Н.Я Бичурин и его вклад в русское востоковедение». Ч. II. М.
- Кожин П.М., 1977b. — Об иньских колесницах. — Ранняя этническая история народов Восточной Азии. М.
- Кожин П.М., 1985. — К проблеме происхождения колесного транспорта. — Древняя Анатолия. М.
- Кожин П.М., 1987. — Колесничные сюжеты в наскальном искусстве Центральной Азии. — Археология, этнография, антропология Монголии. Новосибирск.
- Кожомбердиев И., 1977. — Основные этапы истории культуры Кетмень-Тюбе. — Кетмень-Тюбе. Фрунзе.
- Кожомбердиев И., Галочкина Н.Г., 1969. — Работы в долине Кетмень-Тюбе. — АО. 1968.
- Кожомбердиев И., Галочкина Н.Г., 1972. — Памятники эпохи бронзы в долине Кетмень-Тюбе. — УСА. Вып. II.
- Кожомбердиев И., Кузьмина Е.Е., 1980. — Шамшинский клад эпохи поздней бронзы в Киргизии. — СА. № 4.
- Козенкова В.И., 1973. — Новые материалы по бронзовому веку в западном Предкавказье. — КСИА. Вып. 134.
- Козлов В.И., 1967. — О понятии этнической общности. — СЭ. № 2.
- Козлов В.И., 1970. — Этнос и экономика. Этнические и экономические общности. — СЭ. № 6.
- Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона. М., 1980.
- Колес Ю.И., 1991. — Новый тип памятников конца эпохи бронзы в лесостепном Поволжье. — Древности Восточно-Европейской лесостепи. Самара.
- Колес Ю.И., 2000. — Заключительный этап эпохи бронзы в Поволжье. — История Самарского Поволжья. Бронзовый век. Самара.
- Колесников М.А., 1989. — Методы реконструкции хозяйственной деятельности в английской и американской «новой археологии». Автореф. канд. дисс. Киев.
- Комарова М.Н., 1927. — Черепа бронзовой эпохи по левым притокам реки Урал. — Казаки. Вып. II. Л.
- Комарова М.Н., 1947. — Погребения Окунева улуса. — СА. Т. IX.
- Комарова М.Н., 1952. — Томский могильник — памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири. — МИА. № 24.
- Комарова М.Н., 1961. — Памятники андроновской культуры близ улуса Орак. — АСГЭ. Вып. 3.
- Комарова М.Н., 1962. — Относительная хронология памятников андроновской культуры. — АСГЭ. Вып. 5.
- Комиссаров С.А., 1980. — Чжоуские колесницы. — Изв. СОАН СОН. № 1. Вып. 1.
- Комиссаров С.А., 1985. — Археология Западного Чжоу 1027—770 гг. до н.э. — Древние культуры Китая. Палеолит, неолит и эпоха металла. Новосибирск.
- Комиссаров С.А., 1988. — Комплекс вооружения древнего Китая эпохи поздней бронзы. Новосибирск.

- Комиссаров С.А., 1997. — Культура бронзового века Восточного Туркестана. — Гуманитарные исследования: итоги последних лет. Новосибирск.
- Комиссаров С.А., Ларичев В.Е. и др., 1998. — О ранних бронзовых зеркалах, найденных на территории Восточного Туркестана. — Рериховские чтения 1997. Новосибирск.
- Кондратьев О.М., 1974. — Раскопки поселения эпохи ранней бронзы Черноозерье VI в 1970 г. — ИИС. Вып. 15.
- Копылов И.И., 1955. — К вопросу о составе древних бронз Семиречья. — УЗААГ-ПИ. № 9.
- Копытова Л.И., 1974. — Раскопки у села Старая Преображенка. — ИИС. Вып. 15.
- Кореньевский С.Н., 1977. — О древнем металле бассейна реки Самары. — СВАЭ.
- Кореньевский С.Н., 1980. — О металлических вещах I Утевского могильника. — АВЕЛ.
- Коренько В.А., 1990. — О социальной интерпретации памятников бронзового века (погребения дандыбай-бегазинского типа). — СА. 2.
- Коробкова Г.Ф., 1981. — Хозяйственные комплексы ранних земледельческо-скотоводческих обществ юга СССР. Автореф. докт. дисс. М.
- Корочкова О.Н., 1987. — Предтаежное и южнотаежное Тоболо-Иртышье в эпоху поздней бронзы. Автореф. канд. дисс. Л.
- Корочкова О.Н., Стефанов В.И., 1983. — Поселение федоровской культуры. — БВСП.
- Корочкова О.Н., Стефанов В.И., Днепров С.А., 1983. — Курганы федоровского типа могильника Урефты I. — СА. № 1.
- Корякова Л.Н., Стефанов В.И., Стефанова Н.К., 1991. — Проблемы методики исследований древних памятников и культурно-хронологическая стратиграфия поселения Ук III. Свердловск.
- Косамби Д., 1966. — Культура и цивилизация древней Индии. М.
- Косарев М.Ф., 1963. — Среднеобский центр турбинско-сейминской металлургии. — СА. № 4.
- Косарев М.Ф., 1964. — К вопросу о степном компоненте в культурах железного века лесного Приобья. — СА. № 2.
- Косарев М.Ф., 1965. — О культурах андроновского времени в Западной Сибири. — СА. № 2.
- Косарев М.Ф., 1966. — Некоторые проблемы древней истории Обь-Иртышья. — СА. № 2.
- Косарев М.Ф., 1970. — Этнокультурные ареалы Западной Сибири в бронзовом веке. — ПХКП.
- Косарев М.Ф., 1974. — Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М.
- Косарев М.Ф., 1981. — Бронзовый век Западной Сибири. М.
- Косарев М.Ф., 1983. — Андроновские культуры Зауралья и Западной Сибири. — БВСП.
- Косинцев П.А., 1989. — Охота и скотоводство у населения лесостепного Зауралья в эпоху бронзы. — Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. Свердловск.
- Косинцев П., 1995. — Лошадь ранних индоариев. — Коневоды степей Евразии. Петропавловск. 6.
- Косинцев П.А., 1996. — Животноводство абашевской культуры. — АКИО.
- Косинцев П.А., 1999. — Животные в погребальном обряде населения Урало-Поволжья в начале II тыс. до н.э. — Комплексные общества Центральной Азии в III—I тыс. до н.э. Челябинск.

- Косинцев П.А., 2000. — Костные остатки животных из укрепленного поселения Аркаим. — Археологический источник и моделирование древних технологий. Челябинск.
- Косинцев П.А., 2002. — Лошади Ботал и Синташты: сравнительная морфологическая характеристика. — Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск.
- Костюков В.П., Епимахов А.В., Нелин Д.В., 1995. — Новый памятник средней бронзы в Южном Зауралье. — Древние индоиранские культуры Волго-Уралья. Самара.
- Крайнов Д.А., 1972. — Древнейшая история Волго-Окского междуречья. М.
- Кременецкий К., 1991. — Палеоэкология древнейших земледельцев и скотоводов Русской равнины. М.
- Кривцова-Гракова О.А., 1948. — Алексеевское поселение и могильник. — ТТИМ. Т. XVII.
- Кривцова-Гракова О.А., 1951. — Садчиковское поселение. — МИА. № 2.
- Кривцова-Гракова О.А., 1955. — Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. — МИА. № 46.
- Крикис Я.К., 1975. — Археологическая заметка. — «Ленинский путь». Июнь. Самарканд.
- Круглов А.П., Подгаецкий Г.В., 1935. — Родовое общество степей Восточной Европы. — ИГАИМК. Вып. 119.
- Крупнов Е.И., 1960. — Древняя история Северного Кавказа. М.
- Круц С.И., 1984. — Палеоантропологические исследования степного Поднепровья. Киев.
- Круц С.И., 1987. — О формировании физического типа скифов Северного Причерноморья. — Киммерийцы и скифы. Кировоград.
- Крюков М.В., 1986. — Еще раз об исторических типах этнических общностей. — СЭ. № 3.
- Крюков М.В., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н., 1978. — Древние китайцы: проблемы этногенеза. М.
- Кубарев В.Д., 1981. — Кинжалы из горного Алтая. — Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск.
- Кубарев В.Д., 1990. — Периодизация петроглифов Калбак-Таша. — Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. М.
- Кудряцева О.М., 1985. — К вопросу об определении понятия «археологическая культура» в современной археологии. — АМИР.
- Кузнецов Н.А., 1997. — История изучения погребений собак на Среднем Енисее. — Четвертые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск.
- Кузнецов П.Ф., 1989. — Полтавкинская культурно-историческая общность. Свердловск — Куйбышев.
- Кузнецов П.Ф., 1993. — Хронология памятников среднего бронзового века Волго-Уральского междуречья. — Новые открытия и методологические основы археологической хронологии. СПб.
- Кузнецов П.Ф., 1996а. — Новые радиоуглеродные даты для хронологии культур энеолита — бронзового века юга лесостепного Поволжья. — Археология и радиоуглерод. № 1. СПб.
- Кузнецов П.Ф., 1996б. — Кавказский очаг и культуры бронзового века Волго-Уралья — Между Азией и Европой. СПб.
- Кузнецов П.Ф., Семенова А.П., Седова М.С., Колес Ю.И., 2000. — Бронзовый век. История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. (Ред. Колес Ю.И., Мамонов А.Е., Турецкий М.А.). Самара.
- Кузнецова Т.М., 2002. — Зеркала Скифии VI—III вв. до н. э. М.

- Кузнецова Э.Ф., 1987. — Древняя металлургия и металлообработка в Центральном Казахстане. — Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата.
- Кузнецова Э.Ф., 1989а. — Горно-металлургическое производство древнего Джезказгана. — Маргулановские чтения. Алма-Ата.
- Кузнецова Э.Ф., 1989б. — Производство цветных и благородных металлов в Центральном Казахстане. — ВККДЦ.
- Кузнецова Э.Ф., Тепловодская Т.М., 1994. — Древняя металлургия и гончарство Центрального Казахстана. Алматы.
- Кузьмина Е.Е., 1958а. — Бронзовый шлем из Самарканда. — СА. № 4.
- Кузьмина Е.Е., 1958б. — Могильник Заман-Баба. — СЭ. № 2.
- Кузьмина Е.Е., 1961а. — Два бронзовых кельта-лопатки из собрания Государственного Эрмитажа. — СА. № 4.
- Кузьмина Е.Е., 1961б. — Результаты работ на Эмбе в 1958 г. — КСИА. Вып. 85.
- Кузьмина Е.Е., 1961в. — К вопросу о некоторых типах орудий Киргизии эпохи поздней бронзы. — ИАН КиргССР. СОН. Т. III. Вып. 3.
- Кузьмина Е.Е., 1962а. — Археологическое обследование памятников Еленовского микрорайона андроновской культуры. — КСИА. Вып. 88.
- Кузьмина Е.Е., 1962б. — Новый тип андроновского жилища в Оренбургской области. — ВАУ. Вып. 2.
- Кузьмина Е.Е., 1963а. — Древнейшая фигурка верблюда из Оренбургской области и проблема доместикации бактрианов. — СА. № 2.
- Кузьмина Е.Е., 1963б. — Купухта — могильник андроновской знати. — КСИА. Вып. 93.
- Кузьмина Е.Е., 1963в. — О южных пределах распространения степных культур эпохи бронзы в Средней Азии. — Памятники каменного и бронзового веков Евразии. М.
- Кузьмина Е.Е., 1963г. — Периодизация могильников Еленовского микрорайона андроновской культуры. — Памятники каменного и бронзового веков Евразии. М.
- Кузьмина Е.Е., 1964а. — Андроновские могильники на реке Байту. — КСИА. Вып. 97.
- Кузьмина Е.Е., 1964б. — Андроновское поселение и могильник Шандаша. — КСИА. Вып. 98.
- Кузьмина Е.Е., 1965а. — Относительная хронология андроновских поселений Еленовского микрорайона. — СА. № 4.
- Кузьмина Е.Е., 1965б. — Хронология группы кладов Семиречья. — МИА. № 130.
- Кузьмина Е.Е., 1966. — Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. — САИ. Вып. В4—9.
- Кузьмина Е.Е., 1967. — Клад из села Предгорное и вопрос о связях населения евразийских степей в конце эпохи бронзы. — Памятники эпохи бронзы юга европейской части СССР. Киев.
- Кузьмина Е.Е., 1968а. — Клад эпохи бронзы из Каракола. — КСИА. Вып. 114.
- Кузьмина Е.Е., 1968б. — Некоторые спорные вопросы истории первобытной культуры в низовьях Жеравшана. — СА. № 2.
- Кузьмина Е.Е., 1969. — Раскопки могильника Кожумберды. — КСИА. Вып. 115.
- Кузьмина Е.Е., 1970. — Семиреченский вариант культуры эпохи поздней бронзы. — КСИА. Вып. 122.
- Кузьмина Е.Е., 1971б. — Лошадь в Европе и на Переднем Востоке. — Тезисы V Всесоюзной сессии по древнему Востоку. Тбилиси.

- Кузьмина Е.Е., 1971а. — О некоторых аспектах проблемы культурных и этнических связей Средней Азии и Ирана в эпоху поздней бронзы и раннего железа. — ИАИ. М.
- Кузьмина Е.Е., 1971з. — Цилиндрическая печать из Мервского оазиса со сценой единоборства. — ИИГК. М.
- Кузьмина Е.Е., 1972а. — К вопросу о формировании культуры Северной Бактрии. — ВДИ. № 1.
- Кузьмина Е.Е., 1972б. — Культура Свата и ее связи с Северной Бактрией. — КСИА. Вып. 132.
- Кузьмина Е.Е., 1973а. — Могильник Туктубаево и вопрос о хронологии памятников федоровского типа на Урале. — ПАУС.
- Кузьмина Е.Е., 1973б. — Об аняннской линии синхронизации сибирских бронз. — ИИС. Вып. 7.
- Кузьмина Е.Е., 1973в. — Навершие со всадниками из Дагестана. — СА. № 2.
- Кузьмина Е.Е., 1974а. — Колесный транспорт и проблема этнической и социальной истории древнего населения южнорусских степей. — ВДИ. № 4.
- Кузьмина Е.Е., 1974б. — О кубкообразных сосудах Казахстана эпохи поздней бронзы. — В глубь веков. Алма-Ата.
- Кузьмина Е.Е., 1974в. — О некоторых вопросах андроновской демографии. — Изв. СОАН СОН. № 2.
- Кузьмина Е.Е., 1974г. — Сложение скотоводческого хозяйства в степях Евразии и реконструкция социальной структуры общества древнейших пастушеских племен: (Археологический и лингвистический аспект). — Формы перехода от присваивающего хозяйства к производящему и особенности развития общественного строя. М.
- Кузьмина Е.Е., 1974д. — Dani A.H. Excavations in the Gomal valley. — Ancient Pakistan. University of Peshawar. V. 1970—71. НАА. № 2.
- Кузьмина Е.Е., 1975а. — К вопросу о формировании культурного комплекса могильника Кхерай. — КСИА. Вып. 142.
- Кузьмина Е.Е., 1975б. — О соотношении типов андроновских памятников Урала (по материалам Кинзерского могильника). — ПДИЕ.
- Кузьмина Е.Е., 1975в. — Рец.: О.А. Вишневская. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII—V вв. до н.э. — СА. № 2.
- Кузьмина Е.Е., 1976а. — Две коллекции из Западного Казахстана. — СГЭ. Т. XII.
- Кузьмина Е.Е., 1976б. — Историзм археологии. — Историзм археологии. Методологические проблемы. М.
- Кузьмина Е.Е., 1977а. — Распространение коневодства и культа коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого Света. — Средняя Азия в древности и средневековье. М.
- Кузьмина Е.Е., 1977б. — В стране Кавата и Афрасиаба. М.
- Кузьмина Е.Е., 1978. — Связи евразийских степей и Средиземноморья во второй четверти II тыс. до н.э. — ДКПП.
- Кузьмина Е.Е., 1979. — О двух перстнях Амударьинскогоклада с изображением цариц. — СА. № 1.
- Кузьмина Е.Е., 1980а. — Еще раз о дисковидных псалях евразийских степей. — КСИА. Вып. 161.
- Кузьмина Е.Е., 1980б. — О балканском или центральноазиатском пути миграции индоевропейских народов. — Античная балканистика. М.
- Кузьмина Е.Е., 1980в. — Этапы развития колесного транспорта Средней Азии в эпоху энеолита и бронзы. — ВДИ. № 4.
- Кузьмина Е.Е., 1981а. — Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических данных. — ЭПИЦАД.

- Кузьмина Е.Е., 1981б. — Сложение скотоводческого хозяйства в степях Евразии и реконструкция социальной структуры общества древнейших пастушеских племен. — Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала. Уфа.
- Кузьмина Е.Е., 1982а. — Андроновская культурная общность (принципы выделения типов и установления хронологических этапов). — Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван.
- Кузьмина Е.Е., 1983б. — Происхождение гончарства ведических ариев. — МАИКЦА. 5.
- Кузьмина Е.Е., 1984а. — Лингвистический и археологический аспекты проблемы происхождения и расселения индоиранских народов. — Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Тезисы и доклады. М.
- Кузьмина Е.Е., 1984б. — Миграции в Евразийских степях и Подунавье в свете некоторых этноархеологических данных. — Античная балканистика. Тезисы. М.
- Кузьмина Е.Е., 1985а. — Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности. — МАИКЦА. Вып. 9.
- Кузьмина Е.Е., 1985б. — Погребальный обряд пастушеских племен евразийских степей в свете индоиранских традиций. — ДСА.
- Кузьмина Е.Е., 1986а. — Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. Фрунзе.
- Кузьмина Е.Е., 1986б. — Гончарное производство у племен андроновской культурной общности. — Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока. М.
- Кузьмина Е.Е., 1986в. — О некоторых археологических аспектах проблемы происхождения индоиранцев. — Переднеазиатский сборник. Вып. IV. М.
- Кузьмина Е.Е., 1987а. — Контакты племен евразийских степей с земледельческими народами юга Средней Азии. — Проблемы археологии степной Евразии. Кемерово.
- Кузьмина Е.Е., 1987б. — О западных связях андроновских племен. — Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины. Киев.
- Кузьмина Е.Е., 1987в. — Проблемы реконструкции социального строя бесписьменных пастушеских племен на территории древневосточных обществ. — Десятая авторско-читательская конференция ВДИ. Тезисы. М.
- Кузьмина Е.Е., 1987г. — Процессы миграции и интеграции в этнической истории Казахстана и Средней Азии. — ВККДЦ.
- Кузьмина Е.Е., 1988а. — Две зоны развития домостроительных традиций в Старом Свете. — Проблемы хронологии Урало-Казахстанских степей. Челябинск.
- Кузьмина Е.Е., 1988б. — Еще раз о хронологии и этнической принадлежности памятников федоровского типа андроновской общности. — Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул.
- Кузьмина Е.Е., 1988в. — Культурная и этническая атрибуция пастушеских племен Казахстана и Средней Азии эпохи бронзы. — ВДИ. № 2.
- Кузьмина Е.Е., 1988г. — Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. Автореф. докт. дисс. Новосибирск.
- Кузьмина Е.Е., 1990. — Финно-угры и индоиранцы: динамика культурных связей. — *Uralo-Indogermanica*. М.
- Кузьмина Е.Е., 1994. — Откуда пришли Индоарии? М.
- Кузьмина Е.Е., 1992. — Шортугай: проблема соотношения этноса и материальной культуры (Рец.: Н.-Р. Francfort. Fouilles de Shortughai. I, II. Paris 1989).
- Кузьмина Е.Е., 1995. — Евразийская степь: интенсивный или экстенсивный путь исторического развития? — РИВ.

- Кузьмина Е.Е., 1996—1997. — Экология степей Евразии и проблема происхождения номадизма. — ВДИ. 1996, № 2; 1997, № 2.
- Кузьмина Е.Е., 1998а. — Культурные связи населения бассейна Тарима с пастухами андроновской культуры Азиатских степей в эпоху бронзы. — Сибирь в панораме тысячелетий. 1. Новосибирск.
- Кузьмина Е.Е., 1998б. — Методика этно-археологических реконструкций (этногенез индоиранцев). — VI международный семинар: интерпретация археологических и этнографических исследований. 1. СПб.
- Кузьмина Е.Е., 1999. — Некоторые дискуссионные проблемы культуры степей Урала и сопредельных территорий в эпоху неолита и бронзы. — XIV УАС. Челябинск.
- Кузьмина Е.Е., 2001а. — Мифологические представления о коне в культуре индоевропейцев. — Миф. София.
- Кузьмина Е.Е., 2001б. — Время истории Волго-Уралья. — К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века Восточной Европы. Самара.
- Кузьмина Е.Е., 2002. — Мифология и искусство скифов и бактрийцев. М.
- Кузьмина Е.Е., 2004. — Современное состояние проблемы domestikации лошади и происхождения колесниц. — У истоков цивилизации. М.
- Кузьмина Е.Е., Виноградов А.В., 1970. — Литейные формы из Лявлякана. — СА. № 2.
- Кузьмина Е.Е., Лившиц В.А., 1987. — Еще раз о происхождении юрты. — Прошлое Средней Азии. Душанбе.
- Кузьмина Е.Е., Ляпин А.А., 1980. — Новые данные о распространении колесного транспорта в Туркмении. — Новые исследования по археологии Туркменистана. Ашхабад.
- Кузьмина Е.Е., Ляпин А.А., 1984. — Новые находки степной керамики эпохи бронзы на Мургабе. — Проблемы археологии Туркменистана. Ашхабад.
- Кузьмина Е.Е., Мерперт Н.Я., Шилов В.П., 1981. — Новое в изучении культур бронзового века евразийских степей. — *Studia praehistorica*. София.
- Кузьмина Е.Е., Мокрынин В.И., 1985. — Новая стоянка эпохи бронзы в Киргизии и проблемы заселения Семиречья. — Из истории древнего Киргизстана. Фрунзе.
- Кузьмина Е.Е., Певзнер С.Б., 1956. — Оборонительные сооружения городища Кей-Кобад-шах. — КСИИМК. Вып. 64.
- Кузьмина Е.Е., Попов С.А., 1984. — Новый микрорайон андроновских памятников на реке Джарлы. — Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.
- Кузьмина Е.Е., Смирнов К.Ф., 1976. — Погребения бронзового века под Орском и проблема хронологического соотношения памятников эпохи бронзы Приуралья. — ПАПП.
- Кузьмина Е.Е., Шер Я.А., 1981. — К методике статистического анализа керамических комплексов. — Количественные методы в гуманитарных науках М.
- Кузьмина О.В., 1979. — Классификация абашевских и срубно-абашевских погребений лесостепного Заволжья. — Древняя история Поволжья. Куйбышев.
- Кузьмина О.В., 1992. — Абашевская культура в лесостепном Волго-Уралья. Самара.
- Кузьмина О.В., 2000. — Металлические изделия и вопросы относительной хронологии абашевской культуры. — Древние общества юга Восточной Европы в эпоху палеометалла. СПб.
- Кузьминых С.В., 1978. — О химическом составе металлических украшений богатого женского захоронения Ново-Ябалаклинского могильника. — ДКПП.
- Кузьминых С.В., 1981. — Металлообработка срубных племен Закамья. — Об исторических памятниках по долине Камы и Белой. Казань.

- Кузьминых С.В., Агапов С.А., 1989. — Медистые песчаники Приуралья и их использование в древности. — Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. Свердловск.
- Кузьминых С.В., Черных Е.Н., 1988. — К проблеме происхождения кельтов-лопатоков. — Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул.
- Кулланда С.В., Раевский Д.С., 2004. — Эминак в ряду владык Скифии. — ВДИ. № 1.
- Кулланда С.В., Погребов М.Н., 2006. — Иранский мир и скифы Причерноморья // Иранославика. 6 (10).
- Курманкулов Ж., 1988. — Поселения и могильники эпохи бронзы Северной Бетпак-Далы. Автореф. канд. дисс. Кемерово.
- Кутимов Ю.Г., 1999. — Культурная атрибуция керамики степного облика эпохи поздней бронзы южных районов Средней Азии (Туркменистана). — *Stratum Plus*. № 2.
- Кучера С., 1977. — Китайская археология. М.
- Кучера С., 1981. — Некоторые проблемы истории Китая в свете радиоуглеродных датировок. — Этническая история народов Восточной и Юго-Восточной Азии в древности и в средние века. М.
- Кучера С., 1988. — Новое достижение археологов и антропологов КНР. Краниологическая серия Гумутоу. — Девятнадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы. Ч. II. М.
- Кучера С., 2000. — Возникновение металлургии в древнем Китае. — Древности. 31. М.
- Кызласов Л.Р., 1956. — Андроновские антропоморфные фигурки из Средней Азии. — КСИИМК. Вып. 63.
- Кызласов Л.Р., 1965. — Древнейшие орудия горного дела на Алтае. — МИА. № 130.
- Кызласов Л.Р., Маргулан А.Х., 1950. — Плиточные ограды могильника Бегазы. — КСИИМК. Вып. XXXII.
- Лаверов Л.С., 1981. — Бобры Палеоарктики. Воронеж.
- Лаверушин Ю.А., Спиридонова Е.А., 1995. — Результаты палеоморфологических исследований на стоянках неолита-бронзы в бассейне р. Самары. — Моргунова Н.Л. Неолит и энеолит юга лесостепи Волго-Уральского междуречья. Оренбург.
- Лаверушин Ю.А., Спиридонова Е.А., 1999. — Основные геолого-палеоэкологические события конца позднего плейстоцена и голоцена на восточном склоне Южного Урала. — Природные системы Южного Урала. Челябинск.
- Ламберг-Карловски К., 1994. — Размышления о бронзовом веке Центральной Азии. — Российский этнограф. 21. М.
- Ларичев В.Е., 1959. — Древние культуры Северного Китая. — Труды Сибирского отделения АН СССР. Дальневосточный филиал АН СССР. Серия историческая. Т. II. Владивосток.
- Ларичев В.Е., 1961. — Бронзовый век северо-восточного Китая. — СА. № 1.
- Латынин Б.А., 1965. — Архаические круглые псалии. — Новое в советской археологии. М.
- Лебедев Г.С., 1975. — Системное описание археологической культуры. — Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. Л.
- Лебедева Е.Ю., 1996. — О земледелии в степях и лесостепях Европы в эпоху бронзы. — XIII УАС. I. Уфа.
- Лев Д.Н., 1934. — К истории горного дела. — ТИАЭ. Вып. 2.
- Лев Д.Н., 1966. — Погребение бронзовой эпохи близ г. Самарканда. — КСИА. Вып. 108.

- Левин М., Рассмакин Ю., 1996. — О проблеме археологических исследований памятников неолита-бронзы Украины. — Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточно-европейской степи и лесостепи. Воронеж. 2.
- Левин М.Г., 1954. — К вопросу о южно-сибирском антропологическом типе. — КСИЭ. Вып. XXI.
- Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н., 1955. — Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области. — СЭ. № 4.
- Левитский Л.П., 1941. — О древних рудниках. М. — Л.
- Лелеков Л.А., 1972. — К истолкованию погребального обряда в Тагискене. — СЭ. № 1.
- Лелеков Л.А., 1978. — Реч. на кн.: *Ghirshman R. L'Iran et la migration des Indo-Aryens et des Iraniens*. Leiden. 1977. — НАА. № 5.
- Лелеков Л.А., 1980. — Проблема индоиранских аналогий к явлениям скифской культуры. — ССКИЕ.
- Лелеков Л.А., 1982. — К новейшему решению индоевропейской проблемы. — ВДИ. № 3.
- Лентовский М.Н., 1929. — Памятники древней культуры в южной половине Петропавловского округа Казахской ССР. Кокчетав.
- Леонтьев Н., 1980. — Колесный транспорт эпохи бронзы на Енисее. — Вопросы археологии Хакасии. Абакан.
- Леонтьев Н.В., 1975. — Каменные фигурные жезлы Сибири. — Первобытная археология Сибири. Л.
- Лепехин И.И., 1802. — Дневные записки путешествия академика Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства. СПб.
- Лесков А.М., 1964. — Древнейшие роговые псалы из Трахтемирова. — СА. № 1.
- Лесков А.М., 1970. — Кировское поселение. — Древности Восточного Крыма. Киев.
- Лесков А.М., 1971. — Предскифский период в степях Северного Причерноморья. — Проблемы скифской археологии. М.
- Либеров П.Д., 1980. — О хронологии некоторых костяных изделий эпохи поздней бронзы. — КСИА. Вып. 161.
- Лившиц В.А., 1963. — Общество Авесты. — ИТН. Т. I. М.
- Лившиц В.А., 1979. — Авестийское *urvaḥš, uxti*. — Переднеазиатский сборник. Вып. III. М.
- Лившиц В.А., 1998. — Авеста. — ИТН. Душанбе.
- Лин Юн, 1990. — Переоценка взаимосвязей между бронзовыми изделиями шанской культуры и северной зоны. — Китай в эпоху древности. Новосибирск.
- Литвиненко Р.А., 1993. — Катакомбное погребение с двухколесной повозкой из правобережной Украины. — Хозяйство древнего населения Украины. Киев.
- Литвиненко Р.А., 1995. — Памятники покровского типа на Северском Донце. — Археологические вести. 4.
- Литвиненко Р.А., 1996а. — Костяные пряжки как хронологический индикатор для культур бронзового века юга Восточной Европы. — Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы Восточноевропейской степи и лесостепи. Воронеж. Вып. 2.
- Литвиненко Р.А., 1996б. — Территориально-хронологические соотношения культур многоваликовой керамики и доно-волжской абашевской. — Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпох энеолита-бронзы Средней и Восточной Европы. СПб.
- Литвинский Б.А., 1950. — К истории добычи олова в Узбекистане. — Труды САГУ. Вып. XI. Кн. 3.

- Литвинский Б.А., 1954. — Древнейшие страницы горного дела Таджикистана и других республик Средней Азии. Душанбе.
- Литвинский Б.А., 1960. — Дахаинский могильник эпохи бронзы в Западной Фергане. — КСИИМК. Вып. 80.
- Литвинский Б.А., 1962. — Памятники эпохи бронзы и раннего железа Кайрак-Кумов. — Литвинский Б.А., Окладников А.П., Ранов В.А. Древности Кайрак-Кумов. Душанбе.
- Литвинский Б.А., 1963. — Бронзовый век. — ИТН. Т. I. М.
- Литвинский Б.А., 1964. — Таджикистан и Индия. — Индия в древности. М.
- Литвинский Б.А., 1967. — Археологические открытия в Таджикистане за годы Советской власти и некоторые проблемы древней истории Средней Азии. — ВДИ. № 4.
- Литвинский Б.А., 1972. — Древние кочевники «Крыши мира». М.
- Литвинский Б.А., 1981. — Проблемы этнической истории Средней Азии во II тыс. до н.э. — ЭПИЦАД.
- Литвинский Б.А., 1984. — Погребальный обряд и ритуалы Бактрии-Тохаристана. — Литвинский Б.А., Седов А.В. Культы и ритуалы кушанской Бактрии. М.
- Литвинский Б.А., 1989. — Протоиранский храм в Маргиане? — ВДИ. 1.
- Литвинский Б.А., Зеймаль Т.И., Медведская И.Н., 1977. — Отчет о работах Южно-Таджикистанской археологической экспедиции в 1973 г. — АРТ. Вып. XIII.
- Литвинский Б.А., Мухитдинов Х., 1969. — Античное городище Саксан-Охур. — СА. № 2.
- Литвинский Б.А., Ранов В.А., 1964. — Раскопки навеса Ак-Танги в 1961 г. — ТИИ АН ТаджССР. Т. XLII.
- Литвинский Б.А., Седов А.В., 1983. — Тепе-и-Шах. Культура и связи кушанской Бактрии. М.
- Литвинский Б.А., Соловьев В.С., 1972. — Стоянка степной бронзы в Южном Таджикистане. — УСА. Вып. I.
- Лобачева Н.П., 1988. — Народная одежда как источник по этногенезу. — Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. М.
- Логашова Б.Р., 1981а. — Жилище народов Ирана. — ТТСЖ.
- Логашова Б.Р., 1981б. — Жилище народов Афганистана. — ТТСЖ.
- Логвин В.Н., 1995. — К проблеме становления синташтинско-петровских древностей. — РИВ.
- Логвин В.Н., 1999. — О структуре Бестамакской общины // Комплексные общества Центральной Евразии III—I тыс. до н.э. — Челябинск.
- Логвин В.Н., Калиева С.С., 1986. — Терсекские памятники Тургайского прогиба. — Древние культуры Северного Прикаспия. Куйбышев.
- Ломан В.Г., 1987. — Донгальский тип керамики. — Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. Караганда.
- Ломан В.Г., 1991. — Особенности гончарной технологии эпохи поздней бронзы Центрального Казахстана. — КСИА. 203.
- Ломан В.Г., 1993. — Гончарная технология населения Центрального Казахстана второй половины II тыс. до н.э. Автореф. канд. дисс. М.
- Лукошин В.Г., 1977. — Искусство древнего Ирана. М.
- Лукошин В.Г., 1987. — Древний и ранне-средневековый Иран. М.
- Лурье С.Я., 1957. — Язык и культура микенской Греции. М.-Л.
- Лушикова А.В., 1990. — Стратификация ирано-уральских языковых контактов. Автореф. канд. дисс. М.
- Лычев Г.Ф., 1977. — Ископаемые бобры Казахстана. Автореф. канд. дисс. Киев.
- Магомедов А.Х., 1962. — Семья и семейный быт осетин в прошлом и настоящем. Орджоникидзе.

- Магомедов А.Х., 1968. — Культура и быт осетинского народа. Орджоникидзе.
- Мазниченко А.П., 1986. — Бронзовый наконечник копья из Кустанайского музея. — ЭВВУИМ.
- Майдар Д., Пюреев В., 1980. — От кочевой до мобильной архитектуры. М.
- Макарова Л.А., 1974. — Кости животных из некоторых археологических раскопок в Казахстане. — В глубь веков. Алма-Ата.
- Макарова Л.А., 1978. — Материалы к охотничье-промысловой фауне эпохи неолита и бронзы Казахстана. — Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата.
- Макарова Л.А., 1980. — Кости животных из двух поселений эпохи бронзы в Северном Казахстане. — Археологические памятники древнего и средневекового Казахстана. Алма-Ата.
- Маккей Э., 1951. — Древнейшая культура долины Инда. М.
- Максименков Г.А., 1964. — Новые данные об эпохе бронзы в Минусинской котловине. — КСИА. Вып. 101.
- Максименков Г.А., 1965. — Окуневская культура в Южной Сибири. — МИА. № 130.
- Максименков Г.А., 1968. — Окуневская культура и ее соседи на Оби. — История Сибири. I. Л.
- Максименков Г.А., 1969. — Возможно ли сосуществование культур эпохи бронзы в Минусинской котловине. — ПАС.
- Максименков Г.А., 1970. — О культурах эпохи бронзы южной части Сибири. — ПХКП.
- Максименков Г.А., 1974. — Погребальные памятники эпохи бронзы Минусинской котловины — источник изучения семейных и общественных отношений. — Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск.
- Максименков Г.А., 1978. — Андроновская культура на Енисее. Л.
- Максименков Г.А., Мартынов А.И., 1968. — Андроновское время в Южной Сибири. — История Сибири. Т. I. Л.
- Максимов Е.К., 1962. — Материалы из Хвалынского музея. — СА. № 3.
- Максимов Е.К., 1972. — Перелюбский клад медных серпов. — СА. № 2.
- Максимов Е.К., 1979. — Памятники эпохи бронзы саратовского правобережья по раскопкам 1975—1976 гг. — ПЮВЕ.
- Максимова А.Г., 1958. — Наскальные изображения ущелья Тамгалы. — ВАН КазССР. Вып. 9.
- Максимова А.Г., 1959. — Эпоха бронзы Восточного Казахстана. — ТИИАЭ АН КазССР. Т. 7.
- Максимова А.Г., 1960. — Курганы сакского времени могильника Джувантобе. КСИИМК, 80.
- Максимова А.Г., 1961. — Могильник эпохи бронзы в урочище Кара-Кудук. — ТИИАЭ АН КазССР. Т. 12.
- Максимова А.Г., 1962. — Могильник эпохи бронзы в урочище Таутары. — ТИИАЭ АН КазССР. Т. 14.
- Максимова А.Г., Ермолаева А.С., Марьяшев А.Н., 1985. — Наскальные изображения урочища Тамгалы. Алма-Ата.
- Максимова А.Г., Мерицеев М.С., Вайнберг Б.И., Левина Л.М., 1968. — Древности Чардары. Алма-Ата.
- Малов Н.М., 1986. — Историография вопроса о срубно-абашевском взаимодействии в Нижнем Поволжье. — Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. Саратов.
- Малов Н.М., 1989. — Погребальные памятники Покровского типа в Нижнем Поволжье. — Археология Восточно-Европейской степи. Саратов.

- Малов Н.М., 1992. — «Абашевские племена» Нижнего Поволжья (памятники покровского типа). Автореф. канд. дисс. СПб.
- Малов Н.М., 2001. — Культуры эпохи поздней бронзы в Нижнем Поволжье. — Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Самара.
- Малов Н.М., Филиппченко В.В., 1995. — Памятники катакомбной культуры Нижнего Поволжья. — Археологические вести. СПб. Вып. 4.
- Малолетко А.М., 1986. — Топонимика «скифских» курганов Алтая. — Скифская эпоха Алтая. Тезисы. Барнаул.
- Малютин В.П., 1940. — Новый район медных месторождений Чкаловской области. — Советская геология. № 10.
- Малютина Т.С., 1984. — Могильник Приплотный Лог. — БВУИ.
- Малютина Т.С., 1985. — Поселение и могильник у села Павловка Кокчетавской области. — АО. 1983.
- Малютина Т.С., 1990. — Поселения и жилища федоровской культуры Урало-Казахстанских степей. — Археология Волго-Уральских степей. Челябинск.
- Малютина Т.С., 1991. — Стратиграфическая позиция материалов федоровской культуры на многослойных поселениях Казахстанских степей. — Древности Восточно-Европейской лесостепи. Самара.
- Малютина Т.С., Зданович Г.Б., 1995. — Куйсак — укрепленное поселение протогородской цивилизации Южного Зауралья. — РИВ. Кн. 1.
- Маматназаров М.Х., 1977. — Архитектура народного жилища Западного Памира и его современная модификация. Автореф. канд. дисс. Л.
- Маматназаров М.Х., Якубов Ю.Я., 1985. — Конструктивные и функциональные особенности горнобадахшанского ступенчатого потолка чорхона. — Памироведение. Вып. II. Душанбе.
- Мамонтов В.И., 1978. — О ранних памятниках Волго-Донского междуречья. — ДКПП.
- Мамонтов В.И., 1980. — О погребениях позднего этапа срубной культуры в Нижнем Поволжье и Волго-Донском междуречье. — СА. № 1.
- Мамонтов В.И., 1986. — Памятники эпохи бронзы Волго-Донского междуречья. — Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. Саратов.
- Мандельштам А.М., 1961. — Наскальные изображения Текке-Таш в Каратегине. — Изв. ООН АН ТаджССР. Вып. 1.
- Мандельштам А.М., 1964. — Рец. на кн.: Vanden Berghe L. La necropole de Khurvin. Istanbul. — СЭ. № 4.
- Мандельштам А.М., 1966а. — Памятники степного круга эпохи бронзы на юге Средней Азии. — Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. Л.
- Мандельштам А.М., 1966б. — Погребения срубной культуры в Южной Туркмении. — КСИА. Вып. 108.
- Мандельштам А.М., 1968. — Новые погребения срубного типа в Южной Туркмении. — КСИА. Вып. 112.
- Мандельштам А.М., 1968. — Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане. — МИА. № 145.
- Мандельштам А.М., 1977. — Ранние кочевники в древней истории Средней Азии. — Le plateau Iranien et l'Asie Centrale des origines a la conquete islamique. Paris.
- Маргулан А.Х., 1956. — Главнейшие памятники эпохи бронзы Центрального Казахстана. — ВАН КазССР. Вып. 3.
- Маргулан А.Х., 1959. — Архитектура древнего периода. — Архитектура Казахстана. Алма-Ата.
- Маргулан А.Х., 1964. — Казахская юрта и ее убранство. М.

- Маргулан А.Х., 1970. — Комплексы Былкылдак. — ПДКК.
- Маргулан А.Х., 1972. — Горное дело в Центральном Казахстане в древние и средние века. — ПРК.
- Маргулан А.Х., 1973. — Джезказган — древний металлургический центр. — АИК.
- Маргулан А.Х., 1979. — Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата.
- Маргулан А.Х., 1998. — Сочинения. I. Алматы.
- Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев А.М., Оразбаев А.М., 1966. — Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата.
- Маретина С.А., 1977. — Одежда народов Северо-Западной Индии. — Одежда народов зарубежной Азии. — СМАЭ. Т. XXII. Л.
- Маркарян Э.С., 1969. — Очерки теории культуры. Ереван.
- Маркарян Э.С., 1972. — Системное исследование человеческой деятельности. — ВФ. № 10.
- Маркарян Э.С., 1973а. — О генезисе человеческой деятельности и культуры. Ереван.
- Маркарян Э.С., 1973б. — Понятие «культура» в системе современных социальных наук. — Доклад. IX МКАЭН.
- Маркарян Э.С., 1981. — Узловые проблемы теории культурной традиции. — СЭ. № 2.
- Марков Г.Е., 1973. — Некоторые проблемы возникновения и ранних этапов кочевничества в Азии. — СЭ. № 1.
- Марков Г.Е., 1976. — Кочевники Азии (структура хозяйства и общественная организация). М.
- Марковин В.И., 1969. — Дагестан и горная Чечня в древности. М.
- Марсадолов Л.С., 1996. — История и итоги изучения археологических памятников Алтая VIII—IV вв. до н.э. СПб.
- Марсадолов Л.С., 1998. — Основные тенденции в изменении форм удил, псалиев и пряжек коня на Алтае в VII—V вв. до н.э. — Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул.
- Мартынов А.И., 1961. — О культурах II—I тыс. до н.э. в междуречье Оби и Чулыма. — ВИСИДВ.
- Мартынов А.И., 1964а. — Андроновская эпоха в Обь-Чулымском междуречье. — Из истории Кузбасса. Кемерово.
- Мартынов А.И., 1964б. — Андроновская культура. — Древняя Сибирь. Улан-Удэ.
- Мартынов А.И., Марьяшев А.Н., Абетеков А.К., 1992. — Наскальные изображения Саймалы-Таша. Алма-Ата.
- Мартынюк О.И., Зданович С.Я., 1985. — Погребальные памятники позднего бронзового века в Кокчетавской области. — ЭБВУИМ.
- Марущенко А.А., 1939. — Анау. Историческая справка. — Архитектурные памятники Туркмении. I. М.-Ашхабад.
- Марущенко А.А., 1959. — Елькен-Тепе. — ТИИАЭ АН ТуркССР. Т.3.
- Марьяшев А.Н., Горячев А.А., 1993а. — К вопросу типологии и хронологии памятников эпохи бронзы Семиречья. — РА. 1.
- Марьяшев А.Н., Горячев А.А., 1993б. — Могильник эпохи бронзы Кульсай-1. — Археологические памятники на Великом Шелковом Пути. Алматы.
- Марьяшев А.Н., Горячев А.А., 1998. — Наскальные изображения Семиречья. Алматы.
- Марьяшев А.Н., Горячев А.А., 1999. — Памятники кульсайского типа эпохи поздней и финальной бронзы Семиречья. — История и археология Семиречья. I. Алматы.

- Марьяшев А.Н., Горячев А.А., 2001. — Поселения эпохи бронзы в верховьях ущелья Тургенъ и на плато Асы. — История и археология Семиречья. 2. Алматы.
- Марьяшев А.Н., Рогожинский А.Е., 1991. — Наскальные изображения в горах Эшкюльмес. Алма-Ата.
- Масимов И.С., 1972. — Изучение керамических печей эпохи бронзы на поселении Улут-Депе. — Каракумские древности. Вып. 4. Ашхабад.
- Масимов И.С., 1976. — Керамическое производство эпохи бронзы в Южном Туркменистане. Ашхабад.
- Масимов И.С., 1979. — Изучение памятников эпохи бронзы низовий Мургаба. — СА. № 1.
- Массон В.М., 1956. — Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б.А. Куфтина. — ТЮТАКЭ. Т. VII.
- Массон В.М., 1959. — Древнеземледельческая культура Маргианы. — МИА. № 73.
- Массон В.М., 1962. — Новые раскопки на Джейтуне и Кара-Тепе. К эволюции жилищных домов у раннеземледельческих племен. — СА. № 3.
- Массон В.М., 1964. — Средняя Азия и Древний Восток. М.-Л.
- Массон В.М., 1966а. — Культура Заман-Баба. — Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.-Л.
- Массон В.М. (Ред.), 1966б. — Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.-Л.
- Массон В.М., 1971. — Поселение Джейтун. Л.
- Массон В.М., 1974. — Каменный век Средней Азии и понятие археологической культуры. — ИМКУ. Вып. 11.
- Массон В.М., 1976. — Экономика и социальный строй древних обществ. Л.
- Массон В.М., 1977. — Печати протоиндийского типа из Алтын-депе (К проблеме этнической атрибуции культур расписной керамики Ближнего Востока). — ВДИ. 4.
- Массон В.М., 1981. — Алтын-Депе. Л.
- Массон В.М., 1985. — Средняя Азия в эпоху раннего железа: культурная и социально-экономическая динамика. — МАИКЦА. 9.
- Массон В.М., 1989. — Первые цивилизации. Л.
- Массон В.М., 1998. — Эпоха древнейших великих степных обществ. — Археологические вести. 5. СПб.
- Массон В.М., 1999. — Древние цивилизации Востока и степные племена в свете данных археологии. — Stratum Plus. № 2.
- Массон В.М., 2000. — Ранние комплексные общества Восточной Европы. — Древние общества Юга Восточной Европы в эпоху палеометалла. СПб.
- Массон М.Е., 1930а. — Археологические материалы к истории горного дела в Средней Азии. Горные инструменты. — САГУ. Бюллетень № 2.
- Массон М.Е., 1930б. — Из результатов поездки в долину Таласс для выяснения истории горной промышленности. — САГУ. Бюллетень № 2.
- Массон М.Е., 1934. — Из истории горной промышленности Таджикистана. Л.
- Массон М.Е., 1936. — К истории добычи меди в Средней Азии в связи с прошлым Алмалыка. — Труды Таджикско-Памирской экспедиции. М. — Л. Вып. XXXVII.
- Массон М.Е., 1953. — К истории горного дела на территории Узбекистана. Ташкент.
- Матбабаев Б.Х., 1999. — Некоторые итоги сравнительного изучения расписной керамики чустской культуры. — ИМКУ. 30.
- Матбабаев Б.Х., Батиров А.Ф., 1992. — Костяные изделия Чустского поселения. — ИМКУ. 26.
- Матвеев А.В., 1985. — Ирменские поселения лесостепного Приобья. Автореф. канд. дисс. Новосибирск.

- Матвеев А.В., 1993.** — Ирменская культура в лесостепном Приобье. Новосибирск.
- Матвеев А.В., 1998.** — Первые андроновцы в лесах Зауралья. Новосибирск.
- Матвеев Ю.П., 1980.** — Культурно-историческая оценка памятников с многоваликовой керамикой. — АВЕЛ.
- Матвеев Ю.П., 1994.** — Покровский горизонт в системе абашевских и срубных древностей Доно-Волжского междуречья. — СКИО.
- Матвеев Ю.П., 1996.** — Костяные пряжки и относительная хронология культур эпохи бронзы Донецко-Волжского региона. — Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы Восточноевропейской степи и лесостепи. Воронеж.
- Матвеев Ю.П., Пряхин А.Д., 1995.** — Погребения воинов-колесничих на территории лесостепного Подонья и периодизация памятников эпохи бронзы Доно-Волжско-Уральской лесостепи. — Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита-бронзы Средней и Восточной Европы. СПб.
- Матвеева Г.И., 1962.** — Раскопки курганов у г. Троицка. — ВАУ. Вып. 2.
- Матвеева Г.И., 1963.** — Памятники эпохи бронзы на реке Деме. — Из истории Башкирии. Уфа.
- Матвеева Г.И., Васильев И.Б., 1972.** — Новые памятники срубной культуры в Башкирии. — СА. № 3.
- Матюхин А., 1994.** — Из истории исследования Болшедмитриевского курганного могильника. — Проблемы сохранения археологического наследия. Саратов.
- Матюшин Г.Н., 1982.** — Энеолит Южного Урала. М.
- Матющенко В.И., 1959.** — К вопросу о бронзе в низовьях реки Томи. — СА. № 4.
- Матющенко В.И., 1969а.** — Исследования Еловского могильника II. — Полевые работы 1969. Томск.
- Матющенко В.И., 1969б.** — Основные этапы истории племен лесостепного Приобья в эпоху бронзы. — ПАС.
- Матющенко В.И., 1970.** — Нож из деревни у могильника Ростова. — КСИА. Вып. 123.
- Матющенко В.И., 1973а.** — Андроновская культура на Верхней Оби. — ИИС. Вып. 11.
- Матющенко В.И., 1973б.** — К вопросу об этнической принадлежности еловско-ирменских памятников и исторической преемственности в культуре населения Томско-Нарымского Приобья. — ИИС. Вып. 7.
- Матющенко В.И., 1973в.** — Самусьская культура. — ИИС. Вып. 10.
- Матющенко В.И., 1974.** — Еловско-ирменская культура. — ИИС. Вып. 12.
- Матющенко В.И., 1975.** — Могильник у деревни Ростова. — Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск.
- Матющенко В.И., 1978.** — Среднеиртышский центр производства турбинско-сейминских бронз. — Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск.
- Матющенко В.И., Изольникова Л.Г., 1966.** — Поселение Еловка — памятник второго этапа бронзового века Средней Оби. — Сибирский археологический сборник. Вып. 2. Новосибирск.
- Матющенко В.И., Ложникова Г.В., 1970.** — Раскопки могильника у деревни Ростова близ Омска в 1966—1969 гг. — Полевые работы 1969. Томск.
- Матющенко В.И., Сеницына Г.В., 1988.** — Могильник у деревни Ростова вблизи Омска. Томск.
- Махмутов А., 1971.** — Тайны древних наскальных изображений. — Эпиграфика Казахстана. Вып. 1. Алма-Ата.
- Медведская И.Н., 1977.** — Об «иранской» принадлежности серой керамики раннежелезного века Ирана. — ВДИ. № 3.

- Медведская И.Н., 1978. — Иран последней четверти II тыс. до н.э. по археологическим материалам. Автореф. канд. дисс. Л.
- Медведская И.Н., 1983. — Конский убор из могильника Сялал В. — *Iranica Antiqua*. XVIII.
- Медоев А.Г., 1979. — Гравюры на скалах. Алма-Ата.
- Мейе А., 1938. — Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.-Л.
- Мейтарчиян М., 2001. — Погребальные обряды зороастрийцев. М.-СПб.
- Мейтарчиян М.Б., 1984. — Амулет эпохи бронзы с поселения Джаркутан. — ИМКУ. 19.
- Мелентьев А.Н., 1972. — Разведка памятников древности в Западном Казахстане. — ПРК.
- Мельник В.И., 1991. — Особые виды погребений катакомбной общности. М.
- Мелюкова А.И. (Ред.), 1989. — Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. — Археология СССР. М.
- Мелюкова А.И., 1950. — Войско и военное искусство скифов. — КСИИМК. Вып. 34.
- Мелюкова А.И., 1964. — Вооружение скифов. — САИ. Вып. Д1—4.
- Мерзарт Г., 1923. — Результаты археологических исследований в Приенисейском крае. — Известия Красноярского отдела РГО. Т. III. Вып. 1. Красноярск.
- Мерперт Н.Я., 1954. — Материалы по археологии Среднего Заволжья. — МИА. № 42.
- Мерперт Н.Я., 1958. — Из древнейшей истории Среднего Поволжья. — МИА. № 61.
- Мерперт Н.Я., 1961a. — Абашевские памятники северной Чувашии. — МИА. № 97.
- Мерперт Н.Я., 1961b. — Энеолит степной полосы европейской части СССР. — Actes du Symposium consacré aux problèmes néolithique européen. Praha.
- Мерперт Н.Я., 1962. — Срубная культура Южной Чувашии. — МИА. № 111.
- Мерперт Н.Я., 1966a. — О луристанских элементах в кладе из Сосновой Мазы. — КСИА. Вып. 108.
- Мерперт Н.Я., 1966b. — О связях Северного Причерноморья и Балкан в раннем бронзовом веке. — КСИА. Вып. 105.
- Мерперт Н.Я., 1966c. — Этногенез в эпоху энеолита и бронзового века. — История СССР. Т. I. М.
- Мерперт Н.Я., 1968. — Древнейшая история населения степной полосы Восточной Европы. Автореф. докт. дисс. М.
- Мерперт Н.Я., 1974. — Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М.
- Мерперт Н.Я., 1978. — Миграции в эпоху неолита и энеолита. — СА. № 3.
- Мерперт Н.Я., 1980. — Проблемы энеолита степи и лесостепи Восточной Европы. — Энеолит Восточной Европы. Куйбышев.
- Мерперт Н.Я., 1984. — Этнокультурные изменения на Балканах на рубеже энеолита и раннего бронзового века. — ЭНБ.
- Мерперт Н.Я., 1985. — Срубная культурно-историческая область. — СКИО.
- Мерперт Н.Я., 1995. — К вопросу о древнейших крутлоплановых поселениях Евразии. — Рив. Ки. 1.
- Мерперт Н.Я., Качалова Н.К., Васильев И.Б., 1985. — О формировании срубных племен Поволжья. — СКИО.
- Методологические проблемы исследования этнических культур. Материалы симпозиума. Ереван, 1978.
- Милицарев А.Ю., 2003. — Воплощенный миф. М.

- Миллер В., 1887. — Осетинские этюды. Т. III. М.
- Милюков Ф.Н., 1964. — Природные зоны СССР. М.
- Минаева Г.М., Фураев А.Д., 1934. — Ботанические находки в археологическом материале. — Советская ботаника. М. № 3.
- Мирошина Т.В., 1977. — Об одном типе скифских головных уборов. — СА. № 3.
- Митрофанова В.И., 1960. — Янохинское поселение срубной культуры на реке Оскол. — КСИА. Вып. 9. Киев.
- Михайлова О.В., Кузьмина О.В. 1999. — Новые памятники эпохи бронзы в Самарском Поволжье. — Охрана и изучение памятников эпохи бронзы в Самарском Поволжье. Самара.
- Могильников В.А., 1976. — О восточной границе памятников с валиковой керамикой. — ПАПП.
- Могильников В.А., 1980. — Памятники андроновской культуры на Верхнем Алее. — Древняя история Алтая. Барнаул.
- Могильников В.А., 1984. — Курганы Чистосебляжье. — БВУИМ.
- Мозолевский Б.М., 1979. — Товста Могила. Киев.
- Моисеев Н.Б., 1990. — Захоронение колесничего в Пичаевском кургане. — Археологические исследования в Центральном Черноземье. Белгород.
- Моисеев Н.Б., Ефимов К.Ю., 1995. — Пичаевский курган. — Древние индоиранские культуры Волго-Уралья. Самара.
- Молодин В.И., 1973. — Преображенка-III — памятник эпохи раннего металла. — ИИС. Вып. 7.
- Молодин В.И., 1974. — Преображенка-III — памятник эпохи ранней бронзы. — ИИС. Вып. 15.
- Молодин В.И., 1977. — Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск.
- Молодин В.И., 1979. — К вопросу о соотношении кротовской и андроновской культур. — Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск.
- Молодин В.И., 1981а. — Исследования памятника Сопка 2. — АО. 1980.
- Молодин В.И., 1981б. — О связях ирменской культуры с бегазы-дандыбаевской культурой Казахстана. — Сибирь в прошлом, настоящем и будущем. III. Новосибирск.
- Молодин В.И., 1983а. — Погребение литейщика из могильника Сопка 2. — Древние горняки и металлурги Сибири. Барнаул.
- Молодин В.И., 1983б. — Особенности погребального обряда детских захоронений андроновцев Барабинской лесостепи (по материалам могильника Преображенка-III). — БВСП.
- Молодин В.И., 1985. — Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск.
- Молодин В.И., 1998. — Находки керамики бегазы-дандыбаевской культуры в Синьцзяне и их значимость для понимания культурно-исторических процессов в западных районах Центральной Азии. — Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск.
- Молодин В.И., Алкин С.В., 1997. — Могильник Гумугоу (Синьцзян) в контексте афанасьевской проблемы. — Гуманитарные исследования: итоги последних лет. Новосибирск.
- Молодин В.И., Нескоров А.В., 1992. — О связях населения западносибирской лесостепи и Казахстана в эпоху поздней бронзы. — Маргулановские чтения. I.
- Молодин В., Новиков А., Гришин А., 1998. — Результаты последнего года полевых исследований могильника андроновской культуры Старый Тартас-4. — Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск.

- Молодин В.И., Соболев В.И., 1975. — Андроновские погребения памятника Преображенка-III. — Изв. СОАН СОН. Вып. 1.
- Мочалов О.Д., 1997. — Керамика эпохи средней бронзы Волго-Уральской лесостепи и проблема формирования срубной культуры. Автореф. канд. дисс. Воронеж.
- Мочалов О.Д., 2000. — О керамике полтавкинской культуры Среднего Поволжья. — Древности волгодонских степей в системе Восточноевропейского бронзового века. Самара.
- Мочалов О.Д., 2004. — Ранние кубковидные сосуды эпохи бронзы в Поволжье и на Урале. РА № 2.
- Монгайт А.Л., 1955. — Археология СССР М.
- Монгайт А.Л., 1967. — Археологические культуры и этнические общности. — НАА. № 1.
- Монгайт А.Л., 1974. — Археология Западной Европы. М.
- Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю., 1994. — Памятники древнейшей культуры на Илеке. Екатеринбург.
- Мордкович В.Г., 1982. — Степные экосистемы. М.
- Морозов Ю.М., Пишеничнюк А.Х., 1976. — Новые погребальные памятники срубной культуры в Южной Башкирии. — Древности Южного Урала. Уфа.
- Мотов Ю.Л., Карабаспакова К.М., 1983. — Могильник Бийликуль — памятник ранней бронзы Южного Казахстана. — БВСП.
- Мошинская В.И., 1952. — О некоторых каменных скульптурах Прииртышья. — КСИИМК. Вып. 43.
- Мошинская В.И., 1957. — Сузгун II — памятник эпохи бронзы лесостепной полосы Западной Сибири. — МИА. № 58.
- Мошинская В.И., 1976. — Древняя скульптура Урала и Западной Сибири. М.
- Мошинская В.И., 1978. — Проблема южных влияний на культуру древнего населения Крайнего Севера Западной Сибири. — Этнокультурная история населения Западной Сибири. Томск.
- Мошинская В.И., 1979. — Некоторые данные о роли лошади в культуре населения Крайнего Севера Западной Сибири. — История, археология и этнография Западной Сибири. Томск.
- Мошкова М.Г. (Ред.), 1992. — Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. — Археология СССР. М.
- Мошкова М.Г., 1962. — Ново-Кумакский курганный могильник близ г. Орска. — МИА. № 115.
- Мошкова М.Г., Федорова-Давыдова Э.А., 1964. — Погребения эпохи бронзы Ново-Кумакского могильника. — КСИА. Вып. 101.
- Муминово М.Т., 1969. — К вопросу об иранских элементах в субстратной топонимике Зауралья. — ПАС.
- Мунчиев Р.М., 1973. — Бронзовые псалми майкопской культуры и проблема возникновения коневодства на Кавказе. — Кавказ и Восточная Европа в древности. М.
- Мурзин В.Ю., 1990. — Происхождение скифов: основные этапы формирования скифского этноса. Киев.
- Мустафакулов С.И., 1997. — История формирования населения Бактрии — Тохаристана. Автореф. канд. дисс. Ташкент.
- Мыськов Е.П., 1991. — Раннесрубные памятники Нижнего Поволжья и проблемы их формирования. — Проблемы культур начального этапа эпохи поздней бронзы Волго-Уралья. Саратов.
- Мыськов Е.П., 1992. — Новые памятники позднего бронзового века в Волго-Донском междуречье. — Археология Восточно-Европейской степи. Саратов.

- Мэллори Дж.П., 1997. — Индоевропейские прародины. — ВДИ. 1.
- Мэллори Дж.П., Телегин Д., 1984. — Поява колесного транспорта на Україні за радіокарбонними даними. — Проблеми хронології культур неоліта-бронзового століття України і Юго-Всхідної Європи. Дніпропетровськ.
- Напольских В., 1997. — Введение в историческую уралоистку. Ижевск.
- Нарынов С.Ж., 1980. — Основные закономерности развития жилищ кочевников Средней Азии и Казахстана. — ПИОП.
- Наумов Д.В., 1972. — Химический состав металлических украшений Муминабадского могильника. — ТСГУ. Вып. 218.
- Невелева С.Л., 1975. — Мифология древнеиндийского эпоса. М.
- Незматов Н.Н., Беляева Т.Б., Мирбабаев А.К., 1982. — К открытию города эпохи поздней бронзы и раннего железа Нуртепа. — Культура первобытной эпохи Таджикистана. Душанбе.
- Нелин Д.В., 1995. — Погребения эпохи бронзы с булавами в Южном Зауралье и Северном Казахстане. — РИВ.
- Нелин Д.В., 1999а. — Опыт построения типологии щитковых псапиев эпохи бронзы. — XIV УАС. Челябинск.
- Нелин Д.В., 1999б. — Вооружение и военное дело населения Южного Зауралья и Северного Казахстана эпохи бронзы. Автореф. канд. дисс. Уфа.
- Непочатых В.А., 1978. — Следы восточных связей срубного населения Саратовского правобережья. — ДКПП.
- Нефедкин А.К., 2001. — Боевые колесницы и колесничие древних греков (XVI— I вв. до н.э.). СПб.
- Нефедов Ф.Д., 1899. — Отчет об археологических исследованиях в Южном Приуралье. — Материалы по археологии восточных губерний. Т. 3. СПб.
- Нечаева Л.Г., 1975. — О жилище кочевников юга Восточной Европы в железном веке. — Древнее жилище народов Восточной Европы. М.
- Николаева И.А., 1988. — Проблема урало-юкагирских генетических связей. Автореф. канд. дисс. М.
- Николаева Н.А., 1978. — О соотношении многоваликовых и раннесрубных погребений Донеччины. — ДКПП.
- Никонов В.А., 1980. — География названий Млечного Пути. — Ономастика Востока. М.
- Нифонтова Л.К., 1950. — Андроновское погребение в Абаевском районе Семипалатинской области. — ИАН КазССР. № 67. Серия археологическая. Вып. 2.
- Новгородова Э.А., 1965. — Центральная Азия и карасукская проблема. Автореф. канд. дисс. М.
- Новгородова Э.А., 1978. — Древнейшие изображения колесниц в горах Монголии. — СА. № 4.
- Новгородова Э.А., 1981. — Периодизация петроглифов Монголии. — САС.
- Новгородова Э.А., 1989. — Древняя Монголия. М.
- Новое в археологии Южного Урала. Челябинск. 1996.
- Новожинов В.А., 1987. — О датировке наскальных изображений Сары-Арки. — ВПАП.
- Новожинов В.А., 1989а. — Колесный транспорт эпохи бронзы Урало-Казахстанских степей. — Вопросы археологии Центрального и Северного Казахстана. Караганда.
- Новожинов В.А., 1989б. — Петроглифы долины реки Байконур. — Маргулановские чтения. Алма-Ата.
- Новожинов В.А., 1994. — Наскальные изображения повозок Средней и Центральной Азии. Алматы.

- Оболдуева Т.Г., 1955. — Погребения эпохи бронзы в Ташкентской области. — КСИ-ИМК. Вып. 59.
- Обыденнов М.Ф., 1976а. — Новые стоянки черкаскульской культуры в Башкирии. — СА. № 4.
- Обыденнов М.Ф., 1976б. — Памятники черкаскульской культуры на территории Башкирской АССР. — ПАПП.
- Обыденнов М.Ф., 1981. — Культура населения Южного Урала в конце бронзового века. Автореф. канд. дисс. М.
- Обыденнов М.Ф., 1986. — Поздний бронзовый век Южного Урала. Уфа.
- Обыденнов М.Ф., 1996. — Сведения о находках металлических изделий бронзового века на Южном Урале. — Актуальные проблемы древней истории и археологии Южного Урала. Уфа.
- Обыденнов М.Ф., 1997. — У истоков уральских народов. Экономика, культура, искусство, этногенез. Уфа.
- Обыденнов М.Ф., Коренанов К.И., 1997. — Искусство Урала и Прикамья. Уфа.
- Обыденнов М.Ф., Обыденнова Г.Т., 1992. — Северо-восточная периферия срубной культурно-исторической общности. Самара.
- Обыденнов М.Ф., Шорин А.Ф., 1995. — Археологические культуры позднего бронзового века древних уральцев (черкаскульская и межовская культуры). Екатеринбург.
- Овчинникова Е.И., 1969. — К вопросу об общности топонимических типов европейского Предуралья и Западной Сибири. — ПАС.
- Озбиенин Б.Л., 1968. — Структура мифологических текстов «Ригведы». М.
- Окладников А.П., 1950. — К изучению начальных этапов формирования народов Сибири. — СЭ. № 2.
- Оразбаев А.М., 1958. — Северный Казахстан в эпоху бронзы. — ТИИАЭ АН КазССР. Т. 5.
- Оразбаев А.М., 1959. — Памятники эпохи бронзы из Казахстана. — ТИИАЭ АН КазССР. Т. 7.
- Оразбаев А.М., 1970. — Поселение Чаглинка (Шагалалы): некоторые формы и типы жилищ. — ПДКК.
- Оразбаев А.М., 1972. — Колодцы на поселении Чаглинка (Шагалалы). — ПРК.
- Оранский И.М., 1962. — Очерки по истории изучения иранских языков. М.
- Оранский И.М., 1963. — Иранские языки. М.
- Оранский И.М., 1976. — Indo-iranica. 1—4. — Этимология. 1974. М.
- Оранский И.М., 1979а. — Иранские языки в историческом освещении. М.
- Оранский И.М., 1979б. — Введение. — Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М.
- Орлова Л.А. 1995. — Радиоуглеродное датирование археологических памятников Сибири и Дальнего Востока. — Методы естественных наук в археологических реконструкциях. Новосибирск.
- Основы финно-угорского языкознания. М., 1954.
- Оськин А.В., 1975. — Петроглифы Букантау. — Новое в этнографии и антропологии. М.
- Отрощенко В.В., 1976. — Погребения с трупосожжением у племен срубной культуры Нижнего Поднепровья. — ЭБВУ.
- Отрощенко В.В., 1981. — Срубная культура степного Поднепровья. Автореф. канд. дисс. Киев.
- Отрощенко В.В., 1986а. — Белозерская культура. — Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев.
- Отрощенко В.В., 1986б. — Костяные детали плеток из погребений срубной культуры. — СА. № 3.

- Отрощенко В.В., 1989. — К вопросу о социальной структуре племен срубной культурно-исторической общности. — Проблемы истории и археологии древнего населения Украинской ССР. Киев.
- Отрощенко В.В., 1990. — О возможности участия полтавкинских и катакомбных племен в сложении срубной культуры. — СА. № 1.
- Отрощенко В.В., 1993. — Клейноды зрубного суспільства. — Археологія. 1.
- Отрощенко В.В., 1994. — До уточнення хронології синташтинської культури. — Проблеми хронології культур енеоліта — бронзового века України и юга Восточної Європи. Днепропетровськ.
- Отрощенко В.В., 1996. — О функции костяных лопатковидных наверший. — АКИО.
- Отрощенко В.В., 1998а. — К вопросу о доно-волжской абашевской культуре. — Доно-Донецкий регион в эпоху средней и поздней бронзы. Воронеж.
- Отрощенко В.В., 1998б. — О культурно-хронологических группах погребений Потаповского могильника. — РА. № 1.
- Отрощенко В.В., 1999. — До питання про фінал культур зрубної спільності. — Проблеми скифо-сарматської археології Северного Причорномор'я. Запоріжжя.
- Отрощенко В.В., 2001. — Проблеми періодизації культур середньої та пізньої бронзи півдня Східної Європи. Київ.
- Отрощенко В.В., 2002. — Історія племен зрубної спільності. Автореф. докт. дисс. Київ.
- Отрощенко В.В., Моця О.П., 1989. — Обряд кремации у стародавнього населення території України (II тис. до н.е. — I тис. н.е.). — Археологія. 2.
- Ошанин Л.В., 1957—1959. — Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез ее народов. Т. 1—3. Ереван.
- Пазухин В.А., 1926. — Металлургия в Киргизской степи. М.-Л.
- Паллас П.С., 1780. — Рассуждение о старинных рудных коях в Сибири и их подобии с венгерскими, различающимися от копей римских. — Академические известия. СПб.
- Паллас П.С., 1786. — Путешествие по разным местам Российского государства. Ч. II. Кн. I. СПб.
- Памятники истории и культуры Барнаула. Барнаул, 1983.
- Памятники культуры и искусства Киргизии. Каталог выставки. Л., 1983.
- Пандей Р. 1982. — Древнеиндийские домашние обряды (обычаи). М.
- Папин Д.В., Ченский О.А., Шамишин А.Б., 2000. — Материалы эпохи поздней бронзы из Южной Кулунды. — Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. 11. Барнаул.
- Папин Д.В., Шамишин А.Б., 1998. — Поселения переходного времени от эпохи бронзы к железному веку в лесостепном Алтайском Приобье. — Древние поселения Алтая. Барнаул.
- Папин Д.В., Шамишин А.Б., 1999. — Материалы переходного времени от эпохи бронзы к эпохе железа в лесостепном Алтайском Приобье. — Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул.
- Парпола А., 1994. — Маргиана и проблема арьев. — Российский этнограф. 21. М.
- Пассек Т.С., 1949. — Периодизация трипольских поселений. — МИА. № 10.
- Пахалина Т.Н., 1959. — Памирские языки. М.
- Пахалина Т.Н., 1976. — О происхождении топонимов Ишкашим, Язгулем и Вахан. — Иранское языкознание. М.
- Первобытная археология. Материалы и исследования. Киев, 1989.
- Первобытная периферия классовых обществ до начала великих географических открытий. М., 1978.

- Першиц А.И., 1979. — Этнография как источник первобытно-исторических реконструкций. — Этнография как источник реконструкции истории первобытного общества. М.
- Першиц А.И., 1981. — Проблемы теории традиций глазами этнографа. — СЭ. № 3.
- Першиц А.И., 1986. — Этнические общности и формационный процесс. — СЭ. № 3.
- Першиц А.И., Монгайт А.Л., Алексеев В.П., 1968. — История первобытного общества. М.
- Пестрикова В.И., 1978. — Обряд трупосожжения у срубных племен Поволжья и Приуралья. — ДКПП.
- Петренко А.Г., 1984. — Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. М.
- Петрин В.Т., Шорин А.Ф., 1980. — Антропоморфная скульптура эпохи бронзы с Южного Урала. — СА. № 2.
- Петров М.П., 1966; 1967. — Пустыни Центральной Азии. М.-Ленинград, Т. I. 1966; Т. II. 1967.
- Петров Ф.Н., 1996. — Опыт создания типологии керамики городища Аркаим. — АКИО.
- Петрухин В.Я., Раевский Д.С., 1998. — Очерки истории народов России в древности и раннем Средневековье. М.
- Пещерева Е.М., 1929. — Гончарное производство у горных таджиков. — Известия Среднеазиатского Географического общества. Т. XIX. Ташкент.
- Пещерева Е.М., 1959. — Гончарное производство Средней Азии. М.-Л.
- Пилипко В., 1986. — Ранний железный век Этека (Южный Туркменистан). — МА-ИКЦА. 11.
- Пиотровский Ю.Ю., 1973. — Памятник эпохи поздней бронзы в Ферганской долине. — АО. 1972.
- Писарчик А.К., 1954. — Строительные материалы и конструктивные приемы народных мастеров Ферганской долины в XIX—XX вв. — Среднеазиатский этнографический сборник. М.
- Писарчик А.К., 1958. — Приложение. — Андреев М.С. Таджики долины Хуф. Вып. 2. Сталинабад.
- Писарчик А.К., 1970. — Жилище. — Таджики Каратегина и Дарваза. Вып. 2. Душанбе.
- Писарчик А.К., 1975. — Народная архитектура Самарканда. Душанбе.
- Писарчик А.К., 1982. — Традиционные способы отопления жилищ оседлого населения Средней Азии в XIX-XX вв. — Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М.
- Писларий И.А., 1981. — О ткачестве эпохи меди-бронзы и раннего железа в Восточной Европе. — Археология. Т. 38. Киев.
- Погребова М.Н., 1971а. — К вопросу о связях Восточного Закавказья и Ирана в конце II — начале I тыс. до н.э. — ИИГК.
- Погребова М.Н., 1971б. — Иран и Закавказье в конце II тыс. до н.э. — ИАИ.
- Погребова М.Н., 1977а. — Иран и Закавказье в раннем железном веке. М.
- Погребова М.Н., 1977б. — К вопросу о миграции ираноязычных племен в Восточном Закавказье в доскифскую эпоху. — СА. № 2.
- Погребова М.Н., 1984. — Закавказье и его связи с Передней Азией в скифское время. М.
- Погребова М.Н., 1985. — Закавказье и его этнические и культурные связи с Ираном (XIII—VI вв. до н.э.). Автореф. докт. дисс. М.
- Погребова М.Н., 2001. — Закавказье и киммерийцы ассирийских текстов конца VIII в. до н.э. — Древние цивилизации Евразии. М.

- Погребова М.Н., 2003. — Сакамена и археологическая реальность. — Scripta Gregoriana. М.
- Погребова М.Н., Раевский Д.С., 1992. — Ранние скифы и древний Восток. М.
- Погребова М.Н., Членова Н.Л., 1970. — Кавказский кинжал, найденный в Китае. — Сибирь и ее соседи в древности. Новосибирск.
- Погребова Н.Н., 1960. — Пересадовское поселение. — СА. № 4.
- Подгаецкий Г.В., 1940. — Могильник эпохи бронзы близ г. Орска. — МИА. № 1.
- Подгорбунский В.И., 1928. — Заметки по изучению гончарства якутов. — Сибирская живая старина. Вып. VII. Иркутск.
- Поливанов В.Д., 1968. — Статьи по общему языкознанию. М.
- Полосьмак Н.В., 1990. — Сусне-Хум — небесный всадник. — Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. Новосибирск.
- Полосьмак Н.В., 1994. — «Стерегающие золотого грифы». Новосибирск.
- Попов А.А., 1961. — Жилище. — Историко-этнографический атлас Сибири. М.-Л.
- Попов С.А., 1964. — Археологические находки на территории Оренбургской области. — АЭБ. Т. II. Уфа.
- Попов С.А., Лойфман Н.Я., 1962. — Из спостережень над топонимикой Оренбургской области. — Питання топоніміки та ономастики. Киев.
- Попова В.Н., 1969. — Нетюрские гидронимы Павлодарской области. — ПАС.
- Попова Т.Б., 1955. — Племена катакомбной культуры. М.
- Попова Т.Б., 1965. — Погребения поздняковской культуры в Борисоглебском могильнике. — МИА. № 130.
- Порциг В., 1964. — Членение индоевропейской языковой области. М.
- Поселения срубной общности. Воронеж. 1989.
- Поспелов Е.М., 1980. — Гидронимические ареалы Центральной Азии. — Ономастика Востока. М.
- Посредников В.А., 1970. — О Самусь IV и его времени. — ПХКП.
- Посредников В.А., 1972. — Культурно-генетическое место комплексов поселения Самусь IV и некоторых других памятников Приобья. — СА. № 4.
- Посредников В.А., 1973. — История еловского населения среднего и верхнего Приобья. Автореф. канд. дисс. М.
- Посредников В.А., Кравец Д.П., 1992. — К вопросу об обряде кремации у срубных племен Донбасса. — Донецкий археологический сборник. I. Донецк.
- Потапов В.В., 2000. — Предскифские племена степей Восточной Европы. — Донская археология. I.
- Потемкина Т.М., 1969. — Раскопки у села Раскатиха на реке Тобол. — Из истории Южного Урала и Зауралья. Вып. 4. Челябинск.
- Потемкина Т.М., 1973. — К вопросу о соотношении федоровских и алакульских комплексов. — ИИС. Вып. 7.
- Потемкина Т.М., 1975. — Керамические комплексы Алексеевского поселения на реке Тобол. — СА. № 1.
- Потемкина Т.М., 1976а. — Камышное I: — многослойное поселение эпохи бронзы на реке Тобол. — КСИА. Вып. 147.
- Потемкина Т.М., 1976б. — Культура населения Среднего Приобья в эпоху бронзы. Автореф. канд. дисс. М.
- Потемкина Т.М., 1979. — О соотношении алексеевских и замараевских комплексов в лесостепном Зауралье. — СА. № 2.
- Потемкина Т.М., 1982. — О соотношении типов раннеалакульской керамики в Приобье. — КСИА. Вып. 169.
- Потемкина Т.М., 1983а. — Алакульская культура. — СА. № 2.
- Потемкина Т.М., 1983б. — О происхождении алакульской культуры Приобья. — БВСП.

- Потемкина Т.М., 1985. — Бронзовый век лесостепного Притоболья. М.
- Потемкина Т.М., Корочкова О.Н., Стефанов В.И., 1995. — Лесное Тоболо-Иртышье в конце эпохи бронзы. М.
- Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. (Ред. Деревянко А.П., Молодин В.И. Новосибирск.) 1999.
- Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Куйбышев, 1990.
- Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. М., 1990.
- Проблемы культур начального этапа эпохи поздней бронзы Волго-Уралья. Саратов, 1991.
- Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. М., 1989.
- Приткова Н.Ф., 1953. — Одежда хантов. — СМАЭ. Т. XV.
- Пряхин А.Д., 1971. — Абашевская культура в Подонье. Воронеж.
- Пряхин А.Д., 1972. — Курганы поздней бронзы у села Староюрьево. — СА. № 3.
- Пряхин А.Д., 1973. — Древнее население Песчанки. Воронеж.
- Пряхин А.Д., 1976. — Поселения абашевской общности. Воронеж.
- Пряхин А.Д., 1977. — Погребальные абашевские памятники. Воронеж.
- Пряхин А.Д., 1992. — Степь и лесостепь в эпоху бронзы. Уфа.
- Пряхин А.Д., Беседин В.И., 1998. — Конская узда периода средней бронзы Восточноевропейской степи и лесостепи. — Российская археология. № 3.
- Пряхин А.Д., Беседин В.И., Матвеев Ю.П., 1989. — Кондрашкинский курган. — Воронеж.
- Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., 1979. — Новоусманский могильник эпохи бронзы в Воронежской области. — Древняя история Поволжья. Куйбышев.
- Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., 1988. — Курганы эпохи бронзы Побитюжья. Воронеж.
- Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., 1991. — Курганы у селения Богоявленское. — СА, № 1.
- Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., Разуваев Ю.Д., 1990. — Усманский курган. Воронеж.
- Пряхин А.Д., Моисеев Н.Б., Беседин В.И., 1998. — Селезни-2. Курганы доно-волжской абашевской культуры. — Археологические памятники Донского бассейна. 3. Воронеж.
- Пряхин А.Д., Сагайдак В.И., 1975. — Металлообрабатывающая мастерская на поселении срубной культуры. — СА. № 2.
- Пряхин А.Д., Синюк А.Т., Матвеев Ю.П., 1981. — Терешковский клад эпохи поздней бронзы в Среднем Подонье. — СА. № 3.
- Пугаченкова Г.А., 1963. — Искусство Афганистана. М.
- Пугаченкова Г.А., 1972. — Новый памятник древнебактрийской культуры. — УСА. Вып. 1.
- Пугаченкова Г.А., 1979. — Искусство Бактрии эпохи кушан. М.
- Пустовалов С.Ж., 1998. — Некоторые проблемы изучения колесного транспорта эпохи бронзы. — Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности и культурно-исторической общности многоваликовой керамики. Запорожье.
- Пчелина Е., 1930. — Дом и усадьба нагорной полосы Юго-Осетии. — ТСА РАНИОН.
- Пшеничниук А.Х., 1978. — Памятники эпохи бронзы в Башкирском Зауралье. — ДКПП.
- Пюреев Дж., 1982. — Архитектурно-художественное наследие кочевых тюркских и монгольских народов Великой степи. — МАИКЦА. Вып. 3.
- Пьянков И.В., 1979. — К вопросу о путях проникновения ираноязычных племен в Переднюю Азию. — Переднеазиатский сборник. М.

- Пьянков И.В., 2001. — Древнейшие государственные образования Средней Азии. — Древние цивилизации Евразии: история и культура. М.
- Пьянкова Л.Т., 1981. — Юго-западный Таджикистан в эпоху бронзы. — МАИКЦА. Вып. 1.
- Пьянкова Л.Т., 1982а. — Древние скотоводы Бактрии. — Культура первобытной эпохи Таджикистана. Душанбе.
- Пьянкова Л.Т., 1982б. — Древние скотоводы Южного Таджикистана. Автореф. канд. дисс. М.
- Пьянкова Л.Т., 1986. — Раскопки на поселении бронзового века Тегузак в 1979 г. — АРТ. Т. XIX.
- Пьянкова Л.Т., 1989а. — Древние скотоводы Южного Таджикистана. Душанбе.
- Пьянкова Л.Т., 1989б. — Керамический комплекс бронзового века Маргианы (Гонур и Тоголок 21). — МАИКЦА. 16.
- Пьянкова Л.Т., 1994а. — Керамика Маргианы и Бактрии эпохи бронзы. — Российский этнограф № 21. М.
- Пьянкова Л.Т., 1994б. — Работа Байпазинского отряда на поселении бронзового века Дахана (1985). — АРТ. 25.
- Пьянкова Л.Т., 1998а. — Культуры степной бронзы. — ИТН.
- Пьянкова Л.Т., 1998б. — К вопросу о хронологии комплексов времени Яз I на юге Средней Азии. — Древние цивилизации Евразии: история и культура. М.
- Пьянкова Л.Т., 1999. — Степные компоненты в комплексах бронзового века юго-западного Таджикистана. — Стратум. 2. От Балкан до Гималаев. Одесса. Кишинев.
- Пьянкова Л.Т., 2001. — Поселения и жилища предгорных районов Юго-Западного Таджикистана в эпоху бронзы. — Древние цивилизации Евразии. М.
- Пяткин Б.Н., 1976. — Металлургия и металлурги андроновского времени. — ИИС. 21. Томск.
- Пяткин Б.Н., Миклашев Е.А., 1990. — Сейминско-турбинская изобразительная традиция: пластика и петроглифы. — Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. М.
- Рабинович Б.З., 1940. — Шлемы скифского периода. — ТОИПК. 1.
- Радлов В., 1891. — Сибирские древности: случайные находки из Минусинска. — МАР. Т. I. Вып. 3. № 5.
- Радлов В.В., 1895. — Сибирские древности. — ЗРАО. Т. VII. Вып. 3—4.
- Раимкулов А., Иссамиддинов М., 1990. — Турткультепе — новый памятник эпохи финальной бронзы в Южном Согде. — Археологические работы на новостройках Узбекистана. Ташкент.
- Рак И.В., 1998. — Мифы древнего и раннесредневекового Ирана. СПб.
- Ранов В.А., 1962. — Раскопки памятников первобытнообщинного строя на Восточном Памире. — ТИИ АН ТаджССР. XXXIV. Душанбе.
- Ранов В.А., Коробкова Г.Ф., 1971. — Туткаул — многослойное поселение гиссарской культуры в Южном Таджикистане. — СА. 2.
- Рапопорт Т., 1966. — Архитектура жилища в районах с жарким климатом. — Архитектура СССР. № 10.
- Рапопорт Ю.А., 1971. — Из истории религии древнего Хорезма. М.
- Раушенбах В.М., 1956. — Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы. — ТГИМ. Т. XXIX.
- Рахимов М.Р., 1956. — Некоторые результаты работы Гармской этнографической экспедиции 1954 г. — Изв. ООИ АН ТаджССР. Вып. 10—11.
- Рахимов С., 1965а. — Памятник андроновской культуры Каменка II. — ИМКУ. Вып. 6.

- Рахимов С., 1965б. — Памятники андроновской культуры близ села Батени. — ОНУ. Вып. 7.
- Рахимов С., 1966. — Памятники андроновской культуры в степях Среднего Енисея. Автореф. канд. дисс. М.
- Рахимов С.А., 1968. — Андроновская стоянка и могильник на реке Сыде. — КСИА. Вып. 112.
- Рахимов С.А., 1970. — Стоянка эпохи бронзы Серкали. — ОНУ. № 6.
- Рахманов Г., 1982. — Об орнаментации керамики с поселения Джаркутан. — ИМКУ. Вып. 17.
- Рахманов У., 1987. — Керамическое производство эпохи бронзы Южного Узбекистана. Автореф. канд. дисс. Самарканд.
- Рахманов У., Шайдуллаев Ш., 1985. — О влиянии культур степной бронзы на керамические комплексы сапаллинской культуры. — ОНУ. № 11.
- Ренфрю К., 2002. — Индоевропейская проблема и освоение Евразийских степей: вопросы хронологии. — ВДИ. 2.
- Робертсон Д.С., 1906. — Кафиры Гиндукуша. Ташкент.
- Рогожинский А.Е., 1999. — Могильники эпохи бронзы урочища Тамгалы. — История и археология Семиречья. Алматы.
- Рогожинский А.Е., 2001. — Изобразительный ряд петроглифов эпохи бронзы святилища Тамгалы. — История и археология Семиречья. 2. Алматы.
- Родионов В.В., Ткачев В.В., 1996. — Новые погребальные памятники эпохи бронзы в Актобинском Приуралье. — Вопросы археологии Западного Казахстана. Самара.
- Розен М.Ф., 1983. — Древняя металлургия и горное дело на Алтае. Обзор исследований. — Древние горняки и металлурги Сибири. Барнаул.
- Розенфельд А.З., 1980. — Таджикская топонимия Бадахшана. — Ономастика Востока. М.
- Романовская М.А., 1982. — Находки повозок эпохи бронзы в Ставрополе. — КСИА. Вып. 169.
- Ромашко В.А., 1986. — Природно-климатические условия и хозяйственная деятельность населения пограничья степи и лесостепи Левобережной Украины на рубеже II—I тыс. до н.э. — Проблемы археологии Поднепровья. Днепрпетровск.
- Ростовцев М.И., 1914. — Античная декоративная живопись на юге России. Т. 1. СПб.
- Ртвеладзе Э.В., 1976. — Новые древнебактрийские памятники на юге Узбекистана. — Бактрийские древности. Л.
- Ртвеладзе Э.В., 1981. — Бронзовый кинжал из Южного Узбекистана (Вахшвар). — СА. 1.
- Руденко С.И., 1953. — Культура населения горного Алтая в скифское время. М.-Л.
- Руденко С.И., 1961. — К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках. — Материалы по этнографии. Л.
- Рудковский И.В., 1987. — Андроновский орнамент как система. — ВПАП.
- Рудь Н.М., 1981. — Палеоантропологические материалы эпохи бронзы из могильника Такталачук. — Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой. Казань.
- Рузанов В., 1983. — О появлении древнейшего железа в памятниках Средней Азии. — ИМКУ. 18.
- Рузанов В.Д., 1979. — О некоторых древних оловорудных источниках на территории Узбекистана. — ИМКУ. 15.
- Рузанов В.Д., 1980. — К вопросу о металлообработке у племен чувстской культуры. — СА. № 4.

- Рузанов В.Д., 1982. — История металлургии и горного дела Узбекистана в эпоху бронзы и раннего железа. Ташкент.
- Рузанов В.Д., 1987. — Древние сплавы Средней Азии. — ИМКУ. Вып. 21.
- Рузанов В.Д., 1999. — К вопросу о истоках оловянистых бронз в металло-обрабатывающих производствах племен Юга Средней Азии в эпоху бронзы. — ИМКУ. 30.
- Рузанов В.Д., 2000. — Карнабское касситеритовое месторождение — источник олова эпохи бронзы. — ИМКУ. 31.
- Рузанов В.Д., 2001. — Результаты спектрально-аналитических исследований меди и бронз из квартала «металлистов», раскопов Р-4 и 15 городища Еркурган. — ИМКУ. 32.
- Рузанов В.Д., Лушпенко О.Н., 2000. — Некоторые результаты изучения химического состава металла бургулюкской культуры. — ИМКУ. 31.
- Русу М., 1960. — Докиммерийские детали конской сбруи из Трансильвании. — Dacia. T. IV. № 5.
- Рутто Н.Г., 1989. — Срубно-алакульские материалы памятников Башкирии. — Археология Восточно-Европейской степи. Саратов.
- Рутто Н.Г., 2000. — Историко-культурные процессы эпохи поздней бронзы в Бельско-Уральском междуречье (срубно-алакульские взаимосвязи). Автореф. канд. дисс. Уфа.
- Рыбалова В.Д., 1961. — О связях Правобережной лесостепной Украины с Центральной Европой в эпоху бронзы и раннего железа. — Исследования по археологии СССР. Л.
- Рыбалова В.Д., 1966. — Костяной псалый с поселения Каменка близ Керчи. — СА. № 4.
- Рыбалова В.Д., 1974. — Поселение Каменка в Восточном Крыму. — АСГЭ. Вып. 16.
- Рыков П.С., 1926. — Археологические раскопки и разведки в Нижнем Поволжье и Уральском крае летом 1925 г. — Известия краеведческого института изучения Южно-Волжской области при Саратовском государственном университете. Т. 1. Саратов.
- Рыков П.С., 1927. — К вопросу о культурах бронзовой эпохи в Нижнем Поволжье. — Известия краеведческого института Южно-Волжской области при Саратовском государственном университете. Т. II. Саратов.
- Рыков П.С., 1933. — Нуринская экспедиция. — ПИМК. № 9—10.
- Рыков П.С., 1935. — Работы в совхозе «Гигант». — ИГАИМК. Вып. 110.
- Рыков П.С., 1936. — Очерки по истории Нижнего Поволжья по археологическим материалам. Саратов.
- Рыкушина Г.В., 1976. — К антропологии энеолита-бронзы Красноярского края. — Некоторые проблемы этногенеза и этнической истории народов мира. М.
- Рыкушина Г.В., 1979. — Палеоантропология карасукской культуры. Автореф. канд. дисс. М.
- Рыкушина Г.В., Зайберт В.Ф., 1984. — Предварительное сообщение с скелетных остатках людей с неолитического поселения Батай. — БВУИМ.
- Рындина Н.В., Десярева А.Д., Рузанов В.Д., 1980. — Результаты химико-технологического исследования находок из Шамшинского клада. — СА. № 4.
- Рыков Ю.Г., 1964. — Происхождение расы среднеазиатского междуречья. — Проблемы этнической антропологии Средней Азии. НТГГУ. Вып. 235.
- СА, 1990. № 1. — Дискуссии о происхождении срубной культуры.
- Сава Е.Н., 1992. — Культура многоваликовой керамики Днестровско-Прутского Междуречья. Кишинев.

- Сава Е.Н., 2003. — Культурно-хронологические соотношения эпохи поздней бронзы Карпато-Днестровского региона (комплекс Ноуа-Сабатиновка). Автореф. докт. дисс. Кишинев.
- Савинов Д.Г., 1993. — К изучению этнополитической истории народов Сибири в скифскую эпоху. — Историческая этнография. СПб.
- Сагдуллаев А.С., 1978. — Культура Северной Бактрии в эпоху поздней бронзы и раннего железа. Автореф. канд. дисс. Л.
- Сагдуллаев А.С., 1981. — Древние пути на юге Узбекистана. — ОНУ. 7.
- Сагдуллаев А.С., 1982. — Заметки о раннем железном веке Средней Азии. — СА. № 2.
- Сагдуллаев А.С., 1983. — О культурных связях Бактрии с областью Чача до середины I тыс. до н.э. — Материалы по археологии Средней Азии. НТТГУ. Вып. 707.
- Сагдуллаев А.С., 1985. — О соотношении древнеземледельческих комплексов Ферганы и Бактрии. — СА. № 4.
- Сагдуллаев А.С., 1989а. — Некоторые аспекты проблемы происхождения среднеазиатского комплекса типа Яз-І. — СА. № 2.
- Сагдуллаев А.С., 1989б. — Оседлые области юга Средней Азии в эпоху раннего железа. Автореф. дисс. ... доктора ист. наук. М.
- Сагдуллаев А.С., 1989в. — Основные черты и генезис культуры доантичной Бактрии. — Античные и средневековые древности Узбекистана. Ташкент.
- Сагдуллаев А.С., 1990. — Бактрийская легенда. Ташкент.
- Сагдуллаев А.С., Хакимов З., 1976. — Археологическое изучение городища Кызыл-депе. — Бактрийские древности. Л.
- Сайко Э.В., 1971. — К истории гончарного круга и развития форм керамики. Душанбе.
- Сайко Э.В., 1981. — Режим обжига в практике древних и средневековых гончаров Востока. — КСИА. Вып. 167.
- Сайко Э.В., 1982. — Техника и технология керамического производства Средней Азии в историческом развитии. М.
- Сала Р., 1999. — Вертикальные сезонные миграции в Северном Тянь-шане. — Известия НАН РК, СОН. 1.
- Салтовская Е.Д., 1978. — О погребениях ранних скотоводов в Северо-Западной Фергане. — КСИА. Вып. 154.
- Салтовская Е.Д., 1979. — О работах Аштского отряда СТ КАЭ в 1974 г. — АРТ. 14.
- Сальников К.В., 1940. — Андроновский курганный могильник у села Федоровка. — МИА. № 1.
- Сальников К.В., 1948а. — Замараевское селище. — Первое УАС. Молотов.
- Сальников К.В., 1948б. — К вопросу о стадиях в памятниках андроновской культуры Зауралья. — Первое УАС. Молотов.
- Сальников К.В., 1950. — Хвалынско-андроновские курганы у села Погромное. — СА. Т. XIII.
- Сальников К.В., 1951а. — Археологические исследования в Курганской и Челябинской областях. — КСИИМК. Вып. XXXVII.
- Сальников К.В., 1951б. — Бронзовый век Южного Зауралья. — МИА. № 21.
- Сальников К.В., 1952а. — Курганы на озере Алакуль. — МИА. № 24.
- Сальников К.В., 1952б. — Древнейшие памятники истории Урала. Свердловск.
- Сальников К.В., 1954а. — Андроновские поселения Зауралья. — СА. Т. XX.
- Сальников К.В., 1954б. — Абашевская культура на Южном Урале. — СА. Т. XXI.
- Сальников К.В., 1957. — Кипельское селище. — СА. Т. XXVII.
- Сальников К.В., 1959а. — Некоторые сведения об эпохе бронзы Южной Башкирии. — Башкирский археологический сборник. Уфа.
- Сальников К.В., 1959б. — Раскопки у села Ново-Бурино. — СА. Т. XXIX—XXX.

- Сальников К.В., 1961. — Опыт классификации керамики лесостепного Зауралья. — СА. № 2.
- Сальников К.В., 1962а. — Царев курган на реке Тобол. — ВАУ. Вып. 2.
- Сальников К.В., 1962б. — Южный Урал в эпоху неолита и ранней бронзы. — АЭФ. Т. II.
- Сальников К.В., 1964а. — Некоторые вопросы истории лесного Зауралья в эпоху бронзы. — ВАУ. Вып. 6.
- Сальников К.В., 1964б. — Некоторые проблемы изучения эпохи бронзы в Башкирии. — АЭФ. Т. II.
- Сальников К.В., 1965. — История Южного Урала в эпоху бронзы. Автореф. докт. дисс. М.
- Сальников К.В., 1967. — Очерки древней истории Южного Урала. М.
- Сальников К.В., Новиченко А.С., 1962. — Памятники эпохи бронзы в Домбаровском районе Оренбургской области. — СА. № 2.
- Самашев З.С., 1977. — Новые местонахождения наскальных изображений в Восточном Казахстане. — АО. 1976.
- Самашев З.С., 1992. — Наскальные изображения Верхнего Прииртышья. Алмата.
- Самашев З.С., Ермолаева А.С., Лошакова Т.Н., 2002. — Новое в археологии бронзового века Западной Азии. — Исторична наука: проблеми розвитку. Луганськ.
- Сарианиди В.И., 1958. — Керамическое производство древнемаргианских поселений. — ТЮТАКЭ. Т. VIII.
- Сарианиди В.И., 1962. — Некоторые вопросы древней архитектуры энеолитических поселений Геоксюрского оазиса. — КСИА. Вып. 91.
- Сарианиди В.И., 1963. — Керамические горны восточноананских поселений. — КСИА. Вып. 93.
- Сарианиди В.И., 1971. — Исследование слоев раннежелезного века на Улуг-депе. — АО. 1970.
- Сарианиди В.И., 1972а. — Раскопки 1970 г. на Улуг-депе. — УСА. 1.
- Сарианиди В.И., 1972б. — Раскопки Тилля-тепе в Северном Афганистане. М.
- Сарианиди В.И., 1975. — Степные племена эпохи бронзы в Маргиане. — СА. № 2.
- Сарианиди В.И., 1977. — Древние земледельцы Афганистана. М.
- Сарианиди В.И., 1978. — Работы в Тоголокском оазисе низовий Мургаба. — АО. 1977.
- Сарианиди В.И., 1987. — Юго-Западная Азия: миграции, арии и зороастрийцы. — МАИКЦА. Вып. 13.
- Сарианиди В.И., 1989а. — Арийская проблема и новый археологический материал. — Наука и человечество. М.
- Сарианиди В.И., 1989б. — Сиро-хеттские божества в Бактрийско-Маргианском пантеоне. — СА. 4.
- Сарианиди В.И., 1989в. — Храм и некрополь Тиллятепе. М.
- Сарианиди В.И., 1990. — Древности страны Марг уш. Ашхабад.
- Сарианиди В.И., 1999. — Сиро-хеттское происхождение бактрийско-маргианской глиптики. — ВДИ. 1.
- Сарианиди В.И., 2001а. — Некрополь Гонура и иранское язычество. М.
- Сарианиди В.И., 2001б. — Древневосточное царство Маргуш в Туркменистане. — Мировоззрение древнего населения Евразии. М.
- Сарианиди В.И., Кошеленко Г.А., 1985. — Средняя Азия в раннем железном веке. — Археология СССР. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М.
- Сатпаев К.И., 1929а. — О развитии цветной и черной металлургии в районе Карагандинского бассейна. — Народное хозяйство Казахстана. № 6—7. Кзыл-Орда.

- Сатпаев К.И., 1929б. — Доисторические памятники в Джезказганском районе Карагандинского бассейна. — Народное хозяйство Казахстана. № 6—7. Кызыл-Орда.
- Сатпаев К.И., 1967. — Избранные труды. Т. II. Алма-Ата.
- Сафронов В.А., 1966. — Некоторые вопросы хронологии среднебронзового века Восточной Европы. — VII МКДП. М.
- Сафронов В.А., 1968. — Датировка Бородинского клада. — Проблемы археологии. Вып. I. Л.
- Сафронов В.А., 1970. — Хронология памятников II тыс. до н.э. юга Восточной Европы. Автореф. канд. дисс. М.
- Семенов А.А., 1903. — Этнографические очерки Зеравшанских гор, Каратегина и Дарваза. М.
- Семенов В.А., 1993. — Древнейшая миграция индоевропейцев на восток. — Археологический вестник. В. 4. СПб.
- Семенов В.А., 1993. — Неолит и бронзовый век Тувы. СПб.
- Семенов Л.Ф., 1956а. — Находка каменного топора у реки Нурм. — ТИИАЭ АН КазССР. Т. 1.
- Семенов Л.Ф., 1956б. — Стоянка эпохи бронзы Суук-Булак. — ТИИАЭ АН КазССР. Т. 1.
- Семенов С.А., Коробкова Г.Ф., 1983. — Технология древнейших производств. Л.
- Семенцов А.А., Долуханов П.М., Романова Е.Н., 1972. — Радиоуглеродные даты лаборатории ЛОИА (1968—1969). — СА. № 3.
- Семенцов А.А., Романова Е.Н., Долуханов П.М., 1969. — Радиоуглеродные даты лаборатории ЛОИА. — СА. № 1.
- Сенизова Т.Н., 1956. — Отчет о работе Западно-Казахстанской археологической экспедиции 1953 г. — ТИИАЭ АН КазССР. Т. 1.
- Сергеева Н.Ф., 1978. — К вопросу о древнейшей металлургической меди юга Восточной Сибири. — Научно-теоретическая конференция «Археология и этнография Восточной Сибири». Иркутск.
- Сергеева Н.Ф., 1981. — Древнейшая металлургия меди юга Восточной Сибири. Новосибирск.
- Серебряков И.Д., 1971. — Очерки древнеиндийской литературы. М.
- Синицын И.В., 1947. — Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. — УЗ СГУ. Т. XVII.
- Синицын И.В., 1948. — Памятники предкифской эпохи в степях Нижнего Поволжья. — СА. Т. X.
- Синицын И.В., 1949. — Поселения эпохи бронзы степных районов Заволжья. — СА. Т. XI.
- Синицын И.В., 1950. — Археологические памятники по реке Малый Узень. — КСИИМК. Вып. XXXII.
- Синицын И.В., 1951. — Археологические исследования в Нижнем Поволжье и Западном Казахстане. — КСИИМК. Вып. XXXVII.
- Синицын И.В., 1952. — Археологические исследования в Саратовской области и Западном Казахстане. — КСИИМК. Вып. XLV.
- Синицын И.В., 1956. — Археологические исследования в Западном Казахстане. — ТИИАЭ АН КазССР. Т. 1.
- Синицын И.В., 1958. — Памятники родового общества степей Заволжья. — УЗ СГУ. Т. LVI.
- Синицын И.В., 1959. — Археологические исследования Заволжского отряда. — МИА. № 60.
- Синицын И.В., Эрднеев У.Э., 1971. — Элистинский курганный могильник. Элиста.

- Синюк А.Т., 1980. — Энеолит лесостепного Дона. — Энеолит Восточной Европы. Куйбышев.
- Синюк А.Т., 1983. — Курганы эпохи бронзы Среднего Дона. Воронеж.
- Синюк А.Т., 1996. — Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж.
- Синюк А.Т., Килейников В.В., 1976. — Курган у с. Введенки на Дону. — СА. 1.
- Синюк А.Т., Козмирчук И.А., 1995. — Некоторые аспекты изучения абашевской культуры в бассейне Дона. — Древние индоиранские культуры Волго-Уралья. Самара.
- Синюк А.Т., Погорелов В.И., 1985. — Периодизация срубной культуры Приуралья — СКИО.
- Синюк А.Т., Погорелов В.И., 1993. — Курган № 16 Власовского могильника. — Погребальные памятники эпохи бронзы лесостепной Евразии. Уфа.
- Ситников С.М., 2002. — Саргаринско-алексеевская культура лесного и степного Алтая. Автореф. канд. дисс. Барнаул.
- Ситников С.М., 2004. — Псалии саргаринско-алексеевской культуры (по материалам лесостепного и степного Алтая). — Псалии. Донецк.
- Скалон В.Н., 1951. — Речные бобры Северной Азии. М.
- Скарбовенко В.А., 1981. — Погребения эпохи бронзы Новопапавловского курганного могильника. — ДСКП.
- Скорый С.А., 1999. — Киммерийцы в украинской лесостепи. Киев, Полтава.
- Скорый С.А., 2003. — Скифы в Днепровской правобережной лесостепи (проблема выделения иранского этнокультурного элемента). Киев.
- Славин П.П., 1949. — Каменный жезл с головкой коня. — КСИИМК. Вып. XXV.
- Смирнов А.М., 1996. — Курганы и катакомбы эпохи бронзы на Северском Донце. М.
- Смирнов А.П., 1964. — К вопросу об археологической культуре. — СА. № 4.
- Смирнов К.Ф., 1957а. — О погребениях с конями и трупосожжениях эпохи бронзы в Нижнем Поволжье. — СА. Т. XXVII.
- Смирнов К.Ф., 1957б. — Проблема происхождения ранних сарматов. — СА. № 3.
- Смирнов К.Ф., 1959. — Курганы у сел Иловатка и Политотдельское. — МИА. № 60.
- Смирнов К.Ф., 1960. — Быковские курганы. — МИА. № 78.
- Смирнов К.Ф., 1961а. — Археологические данные о древних всадниках поволжско-уральских степей. — СА. № 1.
- Смирнов К.Ф., 1961б. — Вооружение савроматов. — МИА. № 101.
- Смирнов К.Ф., 1964. — Савроматы. М.
- Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е., 1977. — Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М.
- Смирнов Н.Г., 1975. — Ландшафтная интерпретация новых данных по фауне андроновских памятников Зауралья — ВАУ. Вып. 13.
- Смирнов Ю.А., 1997. — Лабиринт. Морфология преднамеренного погребения. М.
- Смирнова Г.И., 1970. — Псалии типа Борилиш в культуре Ноа. — КСИА. Вып. 123.
- Соколов И.И., 1961. — Коньитные звери. — Млекопитающие Советского Союза. М.
- Соколов С.И., Сяязева О.А., Кубли В.А., 1962. — Ареалы деревьев и кустарников СССР. Т. I. М.
- Сорокин В.С. (ред.), 1966. — Андроновская культура. Памятники Западных областей — САИ. Вып. ВЗ—2.
- Сорокин В.С., 1958. — Археологические памятники северозападной части Актобинской области. — КСИИМК. Вып. 71.
- Сорокин В.С., 1959. — Новые археологические данные к вопросу о развитии древней семьи. — СА. № 4.
- Сорокин В.С., 1960. — Могильник Тасты-Бутак I. — КСИИМК. Вып. 80.
- Сорокин В.С., 1962а. — Жилища поселения Тасты-Бутак. — КСИА. Вып. 91.

- Сорокин В.С., 1962б. — Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак II в Западном Казахстане. — МИА. № 120.
- Сорокин В.С., 1962с. — Рец. на кн.: Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. М.-Л., 1960. — СЭ. № 1.
- Сосновский Г.П., 1933. — К истории добычи олова на востоке СССР. — ПИМК. № 9—10.
- Сосновский Г.П., 1934. — Древнейшие шерстяные ткани Сибири. — ПИДО. № 2.
- Спасская Е.Ю., 1956. — Медные котлы ранних кочевников Казахстана и Киргизии. — Ученые записки Алма-Атинского педагогического института им. Абая. 11 (1). Серия общественно-политическая. Алма-Ата.
- Спасский Г.О., 1819. — О чудских копах в Сибири. — Сибирский вестник. Ч. 7.
- Спиридонова Е.А., 1989а. — Результаты изучения культурного слоя Мосоловского поселения... методом спорово-пыльцевого анализа. — Поселения срубной общности. Воронеж.
- Спиридонова Е.А., 1989б. — Результаты палинологического изучения образцов ... могильника Дапты-Кози. — СА. 2.
- Спиридонова Е.А., 1991. — Эволюция растительного покрова бассейна Дона в плейстоцене и голоцене. М.
- Спицын А.А., 1904а. — Случайные находки близ Семипалатинска. — ИАК. Вып. 12.
- Спицын А.А., 1904б. — Некоторые находки медного века. — ИАК. Вып. 29.
- Стакул Г., 1989. — Культура Свата и ее северные связи. — ВДИ. 2.
- Стеблин-Каменский И.М., 1974. — Флора иранской прародины. — Этимология. М.
- Стеблин-Каменский И.М., 1976. — Два ваханских топонима. — Иранское языкознание. М.
- Стеблин-Каменский И.М., 1981. — Памирские языки о мифологии древних иранцев. — ЭПИЦАД.
- Стеблин-Каменский И.М., 1982. — Очерки по истории памирских языков. Названия культурных растений. М.
- Стеблин-Каменский И.М., 1987. — Основы иранского языкознания. Новые иранские языки. Восточная группа. М.
- Стеблин-Каменский И.М., 1995. — Арийско-уральские связи мифа о Йиме. — РИВ.
- Степанов П.К., 1916. — История русской одежды. Вып. I. Петроград.
- Стефанов В.И., 1975. — Разведки в Челябинской и Оренбургской областях. — ВАУ. Вып. 13.
- Стоколос В.С., 1962а. — Археологические исследования Челябинского областного музея. — ВАУ. Вып. 2.
- Стоколос В.С., 1962б. — Курганы эпохи бронзы у села Степного. — Краеведческие записки. Вып. I. Челябинск.
- Стоколос В.С., 1967. — Культура населения Южного Зауралья в эпоху бронзы. Автореф. канд. дисс. М.
- Стоколос В.С., 1968. — Памятник эпохи бронзы — могильник Черняки II. — УЗ ПермГУ. № 191. Пермь.
- Стоколос В.С., 1970. — О стратиграфии поселения Кипель. — СА. № 3.
- Стоколос В.С., 1972. — Культура населения бронзового века Южного Зауралья. М.
- Стоколос В.С., 1983. — Существовал ли новокумакский горизонт? — СА. № 2.
- Стриде С., Свэрчков Л., 2004. — Памятники эпохи бронзы и раннего железа возле Денау. — Transoxiana. Ташкент.
- Стрижак О.С., 1965. — Гидронимия среднеднепровского левобережья. Автореф. канд. дисс. Киев.

- Струве В.В., 1955. — Древнейший Иран и Средняя Азия. — Всемирная история. Т. 1. М.
- Сунгатов Ф.А., Сафин Ф.Ф., 1995. — Исследования курганных могильников в Зауралье в 1991 г. — Наследие веков. Уфа.
- Сунчугашев Я.И., 1975. — Древние рудники и памятники ранней металлургии в Хакасско-Минусинской котловине. М.
- Сургай В.Т., 1951. — К истории горного промысла Киргизии. Фрунзе.
- Сухарева О.А., 1954. — Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии. — Среднеазиатский этнографический сборник. Т. II. М.
- Сухарева О.А., 1982. — История среднеазиатского костюма. М.
- Сырким А.Я., 1971. — Некоторые проблемы изучения Упанишад. М.
- Сыркина Л.М., Матющенко В.И., 1969. — Раскопки поселения Самусь IV. — Полевые работы 1969. Томск.
- Татаринцева И.С., 1984. — Керамика поселения Вишневка I в лесостепном Приишимье. — БВУИМ.
- Таибаева К.И., 1999. — Новые исследования Саймалы-Таша. — Новое о древнем и средневековом Кыргызстане. 2. Бишкек.
- Телегин Д.Я., 1961. — Питання відносно хронології пам'яток пізньої бронзи Нижнього Подніпр'я. — Археологія. Т. XII. Київ.
- Телегин Д.Я., 1973. — Середнь-стогівська культура епохи міді. Київ.
- Телегин Д.Я., 1993. — Об абсолютном возрасте катакомбной культуры по радиоуглеродным определениям. — Новые открытия и методические основы археологической хронологии. СПб.
- Телегина Т.В., 1984. — Раскопки могильника Майтан. — АО. 1983.
- Теплоухов С.А., 1926. — Палеоэтнологические исследования в Минусинском крае. — Этнографические экспедиции 1924—1925 гг. Государственного Русского музея. Л.
- Теплоухов С.А., 1927. — Древние погребения в Минусинском крае. — МЭ. Т. III. Вып. 2.
- Теплоухов С.А., 1929а. — Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края. — МЭ. Т. IV. Вып. 2.
- Теплоухов С.А., 1929. — Андроновская культура. — Сибирская энциклопедия. Новосибирск.
- Тереножкин А.И., 1935. — Археологические разведки по реке Чу в 1929 г. — ПИДО. № 5—6.
- Тереножкин А.И., 1940. — Памятники материальной культуры на Ташкентском канале. — Изв. УзФАН СССР. № 9.
- Тереножкин А.И., 1950. — Согд и Чач. — КСИИМК. Вып. XXXIII.
- Тереножкин А.И., 1958. — Бронзовый псалий с городища Кюзели-Гыр. — КСИЭ. Вып. XXX.
- Тереножкин А.И., 1961. — Предскифский период на днепровском правобережье. Киев.
- Тереножкин А.И., 1965. — Основы хронологии предскифского периода. — СА. № 1.
- Тереножкин А.И., 1976. — Киммерийцы. Киев.
- Терехова Н.Н., 1975. — Металлообрабатывающее производство у древнейших земледельцев Туркмении. — Очерки технологии древнейших производств. М.
- Титов В.С., 1982. — К изучению миграций бронзового века. — Археология Старого и Нового Света. М.
- Тихонов Б.Г., 1960. — Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье. — МИА. № 90.

- Тихикин А.А., 1998. — Археологические памятники на территории бывшего с. Молоково. — Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул.
- Ткачев А.А., 1987. — Периодизация и хронология алакульских памятников Центрального Казахстана. — ВПАП.
- Ткачев А.А., 1989. — Новые памятники эпохи бронзы в Центральном Казахстане. — Маргулановские чтения. Алма-Ата.
- Ткачев А.А., 1991. — Культура населения Центрального Казахстана в эпоху развитой бронзы. Автореф. канд. дисс. М.
- Ткачев А.А., 1999. — Особенности нуртайских комплексов Центрального Казахстана. — Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень. 2.
- Ткачев А.А., 2002. — Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Тюмень.
- Ткачев А.А., Ткачева Н.А., 1996. — Серьги андроновской культуры. — Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул.
- Ткачев В.В., 1995. — О соотношении синташтинских и петровских погребальных комплексов в степном Приуралье. — РИВ.
- Ткачев В.В., 1996. — О курганной стратиграфии полтавкинских и синташтинских погребений в степном Приуралье. — XIII УАС. Уфа.
- Ткачев В.В., 1997. — К вопросу о генезисе некоторых экстраординарных черт в алакульском погребальном обряде. — Археологические памятники Оренбуржья. I. Оренбург.
- Ткачев В.В., 1998. — К проблеме происхождения петровской культуры. — Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург.
- Ткачев В.В., 2002. — Относительная хронология культурных образований конца эпохи средней — начала поздней бронзы в степном Приуралье. — Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Уральск.
- Ткачев В.В., 2003а. — Начало алакульской эпохи в Урало-Казахстанском регионе. — Степная цивилизация Восточной Азии Астана.
- Ткачев В.В., 2003б. — Степное Приуралье на рубеже эпох средней и поздней бронзы. — Автореф. Канд. дисс. Воронеж.
- Ткачева Н.А., 1997. — Памятники эпохи бронзы Верхнего Прииртышья. Автореф. канд. дисс. Барнаул.
- Ткачева Н.А., 1999. — Динамика и характер развития поселенческих комплексов эпохи бронзы Верхнего Прииртышья. — Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень. 2.
- Токарев С.А., 1964. — Проблема типов этнических общностей. — ВФ. № 11.
- Толстов С.П., 1948. — Древний Хорезм. М.
- Толстов С.П., 1952. — Археологические разведки по трассе главного Туркменского канала (русло Узбой). — КСИЭ. Т. XIV.
- Толстов С.П., 1962. — По древним дельтам Окса и Яксарта. М.
- Толстов С.П., Итина М.А., 1960. — Проблема суярганской культуры. — СА. № 1.
- Толстов С.П., Итина М.А., 1966. — Саки низовьев Сыр-Дарьи (по материалам Тагискена). — СА. 2.
- Топоров В.Н., 1962. — О некоторых проблемах древнеиндийской топонимики. — Топонимика Востока. М..
- Топоров В.Н., 1975. — К иранскому влиянию в финно-угорской мифологии. — Финно-угорские народы и Восток. Тарту.
- Топоров В.Н., 1981. — Об иранском влиянии в мифологии народов Сибири и Центральной Азии. — Кавказ и Средняя Азия в древности и Средневековье. М.
- Топоров В.Н., 1984. — К реконструкции индо-иранского митраического прототипа. — Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. М.

- Топоров В.Н., Трубачев О.Н., 1962. — Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М.
- Тот Т.А., Фириштейн Б.В., 1970. — Антропологические данные к вопросу о великом переселении народов. — Авары и сарматы. Л.
- Третьяков П.Н., 1969. — Археологическая культура и этнические общности. — ТОСА.
- Трифонов В.А., 1996а. — К абсолютному датированию «микенского» орнамента эпохи развитой бронзы Евразии. — Археология и радиоуглерод. № 1. СПб.
- Трифонов В.А., 1996б. — Поправки к абсолютной хронологии культур эпохи энеолита-бронзы Северного Кавказа. — Между Азией и Европой. СПб.
- Трифонов В.А., 1997. — К абсолютной хронологии евро-азиатских культурных контактов в эпоху бронзы. — Радиоуглерод и археология. СПб.
- Троицкая Т.Н., 1969. — Памятники андроновской культуры (по материалам Новосибирской археологической экспедиции). — Из истории Западной Сибири. Научные труды Новосибирского государственного педагогического института. Вып. 31. Новосибирск.
- Троицкая Т.Н., 1974. — Карасукская эпоха в Новосибирском Приобье. — Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск.
- Троицкая Т.Н., Молодин В.И., Соболев В.И., 1980. — Археологическая карта Новосибирской области. Новосибирск.
- Троицкая Т.Н., Софеев О.В., 1990. — Памятник Крохалева-13 как исторический источник эпохи развитой и поздней бронзы. — Археология и этнография Южной Сибири. Барнаул.
- Трофимова Т.А., 1957. — Палеоантропологические материалы с территории древнего Хорезма. — СЭ. № 3.
- Трофимова Т.А., 1959. — Древнее население Хорезма по данным палеоантропологии. — МХЭ. Вып. 2.
- Трофимова Т.А., 1960. — Основные итоги палеоантропологического изучения Средней Азии. — СЭ. № 2.
- Трофимова Т.А., 1961. — Черепа из могильника тазабагыяской культуры Кокча-3. — МХЭ. Вып. 5.
- Трофимова Т.А., 1962а. — Древнее население Хорезма и сопредельных областей по данным палеоантропологии. Автореф. докт. дисс. М.
- Трофимова Т.А., 1962б. — Расовые типы населения Средней Азии в эпоху энеолита и бронзы. — КСИЭ. Вып. XXXVI.
- Трофимова Т.А., 1964. — К вопросу об антропологическом типе населения Южного и Восточного Узбекистана в эпоху бронзы. — Проблемы этнической антропологии Средней Азии. Ташкент.
- Трубачев О.Н., 1959. — История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М.
- Трубачев О.Н., 1968. — Название рек Правобережной Украины. Киев.
- Трубачев О.Н., 1976. — О синдах и их языке. — ВЯ. № 4.
- Трубачев О.Н., 1977. — Лингвистическая периферия древнейшего славянства. Индоарийцы в Северном Причерноморье — ВЯ. № 6.
- Трубачев О.Н., 1999. — Indo-arica в Северном Причерноморье. М.
- Трубецкой Н.С., 1958. — Мысли об индоевропейской проблеме. — Вопросы языкознания. 1.
- Трубинова Н.В., 1958. — Итоги археологических исследований по реке Усе. — МИА. № 61.
- Труды Оренбургской архивной комиссии. Вып. XXII. Оренбург.
- Тугаринов А.Я., 1926. — Андроновские могилы. — Сибирская живая старина. Вып. II. Иркутск.

- Удодов В.С., 1988. — Эпоха поздней бронзы Кулунды (к постановке вопроса). — Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул.
- Удодов В.С., 1991. — О некоторых особенностях керамического комплекса поселения Переезд. — Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул.
- Уманский А.П., 1964. — Андроновский кинжал из села Ильинка. — СА. № 2.
- Уманский А.П., 1967. — Памятники андроновской культуры на Алтае. — Известия лаборатории археологических исследований. Вып. I. Кемерово.
- Уманский А.П., Демин М.А., 1983. — Наконечники копий сейминско-турбинского типа на Алтае. — Древние горняки и металлурги Сибири. Барнаул.
- Усачук А.Н., 1996. — О щитковых псалях из коллекции Тамбовского областного краеведческого музея. — Абашевская культурно-историческая область. Тамбов.
- Усачук А.Н., 1999. — Региональные особенности технологии изготовления щитковых псалий. — Комплексные общества Центральной Евразии в III—I тыс. до н.э. Челябинск.
- Усманова Э.Р., 1987. — К вопросу о биритуализме в погребальном обряде племен андроновской общности Сары-Арки. — ВПАП.
- Усманова Э.Р., 1989. — Андроновский могильник Лисаковский. — Маргулановские чтения. Алма-Ата.
- Усманова Э.Р., 1991. — Андроновский погребальный обряд и проблема хронологии и периодизации. — Проблема хронологии и периодизации памятников Южной Сибири. Барнаул.
- Усманова Э.Р., 2001. — Культ черепа в андроновском обряде. — XV УАС. Оренбург.
- Усманова Э.Р., Варфоломеев В.В., 1998. — Уйтас-Айдос — могильник эпохи бронзы. — Вопросы археологии Казахстана. 2. Алматы — М.
- Усманова Э.Р., Логвин В.Н., 1998. — Женские наконечники украшений Казахстана эпохи бронзы. Лисаковский.
- Усманова Э.Р., Ткачев А.А., 1993. — Головной убор и его статус в погребальном обряде. — ВДИ. 2.
- Федин Н.Ф., Владимирцов Н.М., 1954. — Археологические находки междуречья Волги и Урала. — ВАН КазССР. № 2(107).
- Федоров-Давыдов Г.А., 1965. — О датировке типов вещей по погребальным комплексам. — СА. № 3.
- Федоров-Давыдов Г.А., 1970. — Понятия «археологический тип» и «археологическая культура» в «Аналитической археологии» Дэвида Кларка. — СА. № 3.
- Федорова-Давыдова Э.А., 1960. — Андроновское погребение XV—XIII вв. до н.э. — ТТИМ. Т. XXXVII.
- Федорова-Давыдова Э.А., 1962. — Новые памятники эпохи неолита и бронзы в Оренбургской области. — ВАУ. Вып. 2.
- Федорова-Давыдова Э.А., 1964. — К вопросу о периодизации памятников эпохи бронзы в Южном Приуралье. — АЭБ. Т.II.
- Федорова-Давыдова Э.А., 1968. — Племена южного Приуралья в эпоху бронзы. Автореф. канд. дисс. М.
- Федорова-Давыдова Э.А., 1969. — Памятники эпохи бронзы на реке Кинделе. — Экспедиции ГИМ. М.
- Федорова-Давыдова Э.А., 1970. — Погребения эпохи бронзы могильника Пятимары I. — Ежегодник ГИМ. 1965—1966. М.
- Федорова-Давыдова Э.А., 1973а. — К проблеме андроновской культуры. — ПАУС.
- Федорова-Давыдова Э.А., 1973б. — Обряд трупосожжения у срубно-алакульских племен Оренбуржья. — ПАУС.

- Ферсман А.Е., 1962. — Драгоценные и цветные камни СССР. М. Т. 7.
- Филанович М.И., 1969. — К характеристике древнейшего поселения на Афрасиабе. — Афрасиаб. 1. Ташкент.
- Фомина В.И., 1964. — Селище у Спасского моста. — АЭБ. Т. II.
- Форд Д., 1962. — Количественный метод установления археологической хронологии. — СЭ. № 1.
- Формирование и развитие трасс Великого Шелкового пути в Центральной Азии в древности и средневековье. Ташкент, 1990.
- Формозов А.А., 1946. — Памятники древности Наурзумского заповедника. — ВАН КазССР. № 4 (13).
- Формозов А.А., 1947. — Древности с Усть-Урта. — ВАН КазССР. № 7(28).
- Формозов А.А., 1950а. — Наскальные изображения Урала и Казахстана эпохи бронзы и их семантика. — СЭ. № 3.
- Формозов А.А., 1950б. — Энеолитические стоянки Кустанайской области и их связь с ландшафтом. — Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. № 15. М.
- Формозов А.А., 1951а. — Археологические памятники в районе города Орска. — КСИИМК. Вып. 36.
- Формозов А.А., 1951б. — К вопросу о происхождении андроновской культуры. — КСИИМК. Вып. 39.
- Формозов А.А., 1956. — Доандроновские погребения в Казахстане. — КСИИМК. Вып. 63.
- Формозов А.А., 1959а. — Микролитические памятники азиатской части СССР. — СА. № 2.
- Формозов А.А., 1959б. — Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М.
- Формозов А.А., 1966. — Памятники первобытного искусства на территории СССР. М.
- Формозов А.А., 1969. — Очерки по первобытному искусству. М.
- Формозов А.А., 1972. — К истории древнейшего скотоводства на юге СССР. — ТМОИП. Т. XLVIII. М.
- Формозов А.А., 1976. — Предисловие. — В.И.Мошинская. Древняя скульптура Урала и Западной Сибири. М.
- Формозов А.А., 1977. — Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории Европейской части СССР. М.
- Фрай Р., 1972. — Наследие Ирана. М. (2-е изд. 2002).
- Фролов Я.В., 1996. — Новые случайные находки предметов вооружения из Восточного Казахстана. — Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул.
- Фуссман Г., 2001. — Религиозные традиции ариев и культ огня. — Мирас. 3.
- Хабдулина М.К., Зданович Г.Б., 1984. — Ландшафтно-климатические колебания голоцена и вопросы культурно-исторической ситуации в Северном Казахстане. — БВУИ. М.
- Хаврин С.В., 1992. — Памятники андроновской культуры на территории Северного Китая. — СЭ.
- Хазанов А.М., 1973. — О периодизации истории кочевников Евразийских степей. — Проблемы этнографии Востока. М.
- Хазанов А.М., 1975. — Социальная история скифов. М.
- Хайду П., 1985. — Уральские языки и народы. М.
- Хайрутдинов Д., 1955. — О следах древнего горного дела в Северном Прибалхашье. — ВАН КазССР. № 8.

- Халиков А.Х., 1953. — Поселения эпохи бронзы в Среднем Поволжье. — КСИ-ИМК. Вып. 50.
- Халиков А.Х., 1959. — Новые памятники абашевской культуры в Волго-Вятском Междуречье. — СА. № 2.
- Халиков А.Х., 1961. — Памятники абашевской культуры в Марийской АССР. — МИА. № 97.
- Халиков А.Х., 1966. — Пепкинский курган. — ТМАЭ. Т.III.
- Халиков А.Х., 1969. — Древняя история Среднего Поволжья. М.
- Халиков А.Х., 1976. — Покровско-абашевский этап эпохи бронзы Поволжья и Приуралья. — ПАПП.
- Халиков А.Х., 1989. — Поволжье в покровское время. — Археология Восточно-Европейской степи. Саратов.
- Хелимский Е.А., 1988. — Историческая и описательная диалектология самодийских языков. М.
- Хлобыстин Л.П., 1976. — Поселение Липовая Курья. Л.
- Хлобыстина М.Д., 1962. — Бронзовые ножи Минусинского края и некоторые вопросы развития карасукской культуры. Л.
- Хлобыстина М.Д., 1973. — Некоторые особенности андроновской культуры Минусинских степей. — СА. № 4.
- Хлопин И.Н., 1964. — Геоксюрская группа поселений эпохи энеолита. Л.
- Хлопин И.Н., 1969. — К происхождению андроновского субстрата сибирских народов. — ПАС.
- Хлопин И.Н., 1970а. — Возникновение скотоводства и общественное разделение труда в первобытном обществе. — Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. М.
- Хлопин И.Н., 1970б. — Индоиранцы: земледельцы или скотоводы? — ВИ. № 10.
- Хлопин И.Н., 1970в. — Проблема происхождения культуры степной бронзы. — КСИА. Вып. 122.
- Хлопин И.Н., 1983. — Юго-Западная Туркмения в эпоху поздней бронзы. Л.
- Хлопин И.Н., 1989. — Исторические закономерности сложения степных культур Средней Азии. — ВККДЦ.
- Хлопин И.Н., 1994. — Древние индо-иранцы в свете археологии. — Перспективы истории в индоевропеистике. СПб.
- Хлопин И.Н., 1999. — Афанасьевская культура (историческое содержание). — Грязнов М.П. Афанасьевская культура на Енисее. СПб.
- Хлопин И.Н., 2002. — Эпоха бронзы юго-западного Туркменистана. СПб.
- Хлопина Л.И., 1972. — Кухонная керамика времени Намазга VI. — КСИА. Вып. 132.
- Хлопина Л.И., Хлопин И.Н., 1976. — К происхождению комплекса Яз-депе Южного Туркменистана. — СА. № 4.
- Ходжайов Т.К., 1977. — Антропологический состав населения эпохи бронзы Сапаллитепе. Ташкент.
- Ходжайов Т.К., 1981. — Палеоантропология Средней Азии и этногенетические проблемы. Автореф. докт. дисс. М.
- Ходжайов Т.К., 1983. — Динамика ареалов антропологических типов территории Средней Азии. — СЭ. № 3.
- Хохлов А.А., 2000. — Палеоантропология эпохи бронзы Самарского Поволжья. — История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара.
- Хромов А.Л., 1972. — Ягнобский язык. М.
- Худяков Ю.С., Комиссаров С.А., 2002. — Кочевая цивилизация Восточного Туркестана. Новосибирск.

- Хуфф Д., Шайдуллаев Ш., 1999. — Некоторые результаты работ Узбекско-Германской экспедиции на городище Джаркутан. — ИМКУ. 30.
- Цалкин В.И., 1964. — Некоторые итоги изучения костных остатков животных из раскопок археологических памятников позднебронзового века. — КСИА. Вып. 101.
- Цалкин В.И., 1970а. — Древнейшие домашние животные Восточной Европы. М.
- Цалкин В.И., 1970б. — Древнейшие домашние животные Средней Азии. — БМО-ИП. Отделение биологии. № 1—2.
- Цалкин В.И., 1972а. — О времени и центрах происхождения домашних животных в свете данных современной археологии. — ИАН СССР. Серия географическая. № 1.
- Цалкин В.И., 1972б. — Фауна из раскопок андроновских памятников в Приуралье. — Основные проблемы териологии. М.
- Цховребов В.К., 1973. Скотоводческая терминология в Осетии. Автореф. канд. дисс. Тбилиси.
- Цыб С.В., 1984а. — Афанасьевская культура Алтая. Автореф. канд. дисс.
- Цыб С.В., 1984б. — Ранняя группа афанасьевских памятников и вопрос о происхождении афанасьевской культуры. — Древняя история Алтая. Барнаул.
- Цыбиктаров А.Д., 1998. — Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. Улан-Удэ.
- Чалая Л.А., 1971. — Неолит Северо-Восточного и Центрального Казахстана. Автореф. канд. дисс. М.
- Чалая Л.А., 1972. — Озерные стоянки Павлодарской области. Пеньки 1, 2. — ПРК.
- Чаттерджи С.К., 1977. — Введение в индоарийское языкознание. М.
- Чебакова Т.Н., 1975. — Андроновские поселения в верховьях Увельки. — ВАУ. Вып. 13.
- Чебакова Т.Н., Овчинникова В.А., 1975. — Разведка в зоне Березовского водохранилища. — ВАУ. Вып. 13.
- Чебоксаров Н.Н., 1967. — Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых. — СЭ. № 4.
- Чемлякин Ю.П., 1974. — Поселение эпохи бронзы Мирный IV. — ИИС. Вып. 15.
- Чередниченко Н.Н., 1968а. — Археологические исследования на Луганщине. — Археологические исследования на Украине. Киев.
- Чередниченко Н.Н. (М.М.), 1968б. — Про класифікацію ранньо зрубних ножів з намічаючимся перехрестям. — Матеріали XII ювілейної конференції ЭА АН УССР. Київ.
- Чередниченко Н.Н., 1970. — Поселение срубной культуры на Луганщине. — СА. № 1.
- Чередниченко Н.Н. (М.М.), 1972. — Питання хронології абашівської культури Середнього Дону. — Археологія. № 6. Київ.
- Чередниченко Н.Н., 1976а. — Колесницы Евразии эпохи поздней бронзы. — ЭБВУ.
- Чередниченко Н.Н. (М.М.), 1976б. — Характерні риси зрубних поселень Подоння. — Археологія. № 20. Київ.
- Чередниченко Н.Н. (М.М.), 1977. — Хронологія зрубної культури Північного Причорномор'я. — Археологія. № 22. Київ.
- Чередниченко Н.Н., 1979. — О некоторых проблемах срубной культуры. — ПЮВЕ.
- Чередниченко Н.Н., Пустовалов С. Ж., 1991. — Боевые колесницы и колесничие в обществе катакомбной культуры. — СА. № 4.
- Черемисин Д., Борисова О., 1999. — Колесный транспорт в наскальных изображениях Синьцзяна и Внутренней Монголии. — Eurasia. Евразия. II. Новосибирск.
- Черный И.Л., 1985. — Текстильное дело и керамика по материалам из памятников энеолита — бронзы Южного Зауралья и Северного Казахстана. — ЭБВУ.

- Черненко Е.В., 1981. — Скифские лучники. Киев.
- Чернецов В.Н., 1947а. — Опыт типологии западно-сибирских кельтов. — КСИИМК. Вып. XVI.
- Чернецов В.Н., 1947б. — Результаты археологической разведки в Омской области. — КСИИМК. Вып. XVII.
- Чернецов В.Н., 1948. — Орнамент ленточного типа у обских угров. — СЭ. № 1.
- Чернецов В.Н., 1951. — К вопросу о месте и времени формирования финно-угорской этнической группы. — Тезисы докладов. Методология этногенетических исследований. М.
- Чернецов В.Н., 1953. — Древняя история Нижнего Приобья. — МИА. № 35.
- Чернецов В.Н., 1963. — К вопросу о месте и времени формирования уральской (финно-угро-самодийской) общности. — Congress internationalis Fenno-Ugristarum. Budapest.
- Чернецов В.Н., 1969. — Опыт выделения этнокультурных ареалов в Северо-Восточной Европе и Северной Азии. — ПАС.
- Черников С.С., 1939. — Работы в Казахстане по обследованию древних рудных разработок. — КСИИМК. Вып. 1.
- Черников С.С., 1948. — Древнее горное дело в районе города Степняк. — ИАН КазССР. № 46. Серия археол. Вып. 1.
- Черников С.С., 1949. — Древняя металлургия и горное дело Западного Алтая. Алма-Ата.
- Черников С.С., 1951. — К вопросу о составе древних бронз Казахстана. — СА. Т. XV.
- Черников С.С., 1954. — Поселения эпохи бронзы в Северном Казахстане — КСИИМК. Вып. 53.
- Черников С.С., 1957. — Роль андроновской культуры в истории Средней Азии и Казахстана. — КСИЭ. Вып. XXVI.
- Черников С.С., 1960. — Восточный Казахстан в эпоху бронзы. — МИА. № 88.
- Черников С.С., 1970. — Восточный Казахстан в эпоху неолита и бронзы. Автореф. докт. дисс. М.
- Черноскутов М.Н., 1911. — О раскопках двух курганов у поселка Сухомесовский. — Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Т. 23. Оренбург.
- Черных Е.Н., 1966. — История древнейшей металлургии Восточной Европы. М.
- Черных Е.Н., 1967а. — Из истории металлургии племен эпохи бронзы в Поволжье и Приуралье. — Памятники эпохи бронзы Юга Европейской части СССР. Киев.
- Черных Е.Н., 1967б. — О терминах «металлургический центр», «очаг металлургии» и др. — СА. № 1.
- Черных Е.Н., 1970. — Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М.
- Черных Е.Н., 1972. — Металл — человек — время. М.
- Черных Е.Н., 1976. — Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М.
- Черных Е.Н., 1978а. — Горное дело и металлургия древней Болгарии. София.
- Черных Е.Н., 1978б. — Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР. — СА. № 4.
- Черных Е.Н., 1983. — Проблема общности культур валиковой керамики в степях Евразии. — БВСП.
- Черных Е.Н., 1984. — Общность культур многоваликовой керамики Евразии (к постановке проблемы). — ЭНБ.
- Черных Е.Н., 1993. — Каргалы — древнейший горный центр на Урале. — Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. Екатеринбург.
- Черных Е.Н., 1996. — Каргалинский горно-металлургический комплекс на Южном Урале. — XIII Уральское Собрание. I. Уфа.

- Черных Е.Н., 1997. — Изотопные часы истории человечества. — Природа. 2.
- Черных Е.Н., 1998. — Каргалы. М.
- Черных Е.Н., 1999. — Некоторые важнейшие аспекты и проблемы изучения эпохи раннего металла в Евразии. — Археология в России в XX веке: итоги и перспективы. М.
- Черных Е.Н., Кореневский С.Н., 1976. — О металлических предметах с Царева кургана близ города Куйбышева. — ВЕЭКБ.
- Черных Е.Н., Кузьминых С.В., 1989. — Древняя металлургия Северной Евразии. М.
- Чернявская Н.В., 1979. — Погребения культуры многоваликовой керамики в Днепрпетровском левобережье. — КДСП. Вып. 3.
- Черняков И.Т., 1985. — Северо-Западное Причерноморье во второй половине II тыс. до н.э. Киев.
- Черняков И.Т., 1996. — Культура многоваликовой керамики — восточный ареал Балкано-Дунайского культурогенеза. — Северо-восточное Приазовье в системе евразийских древностей. 1. Донецк.
- Черняков И.Т., Тощев Г.Н., 1985. — Культурно-хронологические особенности курганных погребений эпохи бронзы Нижнего Дуная. — Новые материалы по археологии Северо-Западного Причерноморья. Киев.
- Чеснов Я.В., 1970. — О социально-экономических и природных условиях возникновения хозяйственно-культурных типов. — СЭ. № 6.
- Чеснов Я.В., 1979. — О принципах типологии традиционно-бытовой культуры. — Проблемы типологии в этнографии. М.
- Чеснов Я.В., 1982. — Об этнической специфике хозяйственно-культурных типов. — ЭДРО.
- Чжун Сук-Бе, 2000. — О хронологии комплексов с кинжалами эпохи поздней бронзы из Северного Китая. — Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. М.
- Чикишева Т.А., 1994. — Характеристика палеоантропологического материала памятников Бертекской долины. — Древние культуры Бертекской долины. Новосибирск.
- Чайлд Г., 1952. — У истоков европейской цивилизации. М.
- Чиндин А.Ю., 1987. — Относительная хронология могильников эпохи развитой бронзы Центрального Казахстана. — ВПАП.
- Чистов К.В., 1972. — Этническая общность, этническое сознание и некоторые проблемы духовной культуры. — СЭ. № 3.
- Членова Н.Л., 1955. — О культурах эпохи бронзы лесостепной зоны Западной Сибири. — СА. Т. XXIII.
- Членова Н.Л., 1961. — Основные вопросы происхождения тагарской культуры Южной Сибири. — ВИСИДВ.
- Членова Н.Л., 1963. — Памятники переходного карасук-тагарского времени в Минусинской котловине. — СА. № 3.
- Членова Н.Л., 1967. — Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.
- Членова Н.Л., 1969. — Соотношение культур карасукского типа и кетских топонимов на территории Сибири. — ПАС.
- Членова Н.Л., 1970. — Датировка ирменской культуры. — ПХКП.
- Членова Н.Л., 1972. — Хронология памятников карасукской эпохи. М.
- Членова Н.Л., 1973. — Карасукские находки на Урале и в Восточной Европе. — СА. № 2.
- Членова Н.Л., 1975. — Рец.: Стоколос В.С. Культура населения бронзового века Южного Зауралья. М. 1972. — СА. № 2.

- Членова Н.Л., 1976а. — Андроновские и ирменские погребения могильника Змеевка (Северный Алтай). — КСИА. Вып. 147.
- Членова Н.Л., 1976б. — Пути и распространение связей древних культур Поволжья и Приуралья в эпоху поздней бронзы. — ПАПП.
- Членова Н.Л., 1981. — Распространение и пути связей древних культур Восточной Европы, Казахстана и Средней Азии в эпоху поздней бронзы. — САС.
- Членова Н.Л., 1983а. — Предыстория «Торгового пути» Геродота. — СА. № 1.
- Членова Н.Л., 1983б. — Основы хронологии андроновских памятников федоровского типа. — БВСП.
- Членова Н.Л., 1984. — О времени появления ираноязычного населения в Северном Причерноморье. — ЭНБ.
- Членова Н.Л., 1989. — Волга и Южный Урал в представлениях древних иранцев и финно-угров во II — начале I тыс. до н.э. — СА. № 2.
- Членова Н.Л., 1995. — Проблема прародин иранцев и древнейшие городища Южного Урала и сопредельных территорий. — РИВ.
- Членова Н.Л., 1997. — Центральная Азия и скифы. I. М.
- Чугунов К.В., 2002. — Херексуры Центральной Азии. — Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. Барнаул.
- Чугунов К.В., 2004. — Аржан-источник. — Источник в долине царей. СПб.
- Чудинов Б.М., 1936. — Древние горные работы на месте современных рудников треста «Каззолото». — Советская золотопромышленность. № 10.
- Чухров Ф.В., 1950. — Зона окисления сульфидных месторождений степной части Казахстана. М.
- Шайдуллаев Ш.Б., 1990. — Памятники раннего железного века Северной Бактрии. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Самарканд.
- Шайдуллаев Ш.Б., 2000. — Северная Бактрия в эпоху раннего железного века. — Цивилизации Турана-Мавераннахра. IV. Ташкент.
- Шамиши А.Б., 1988. — Эпоха поздней бронзы и переходное время в Барнаульско-Бийском Приобье (XII—VI вв. до н.э.). Автореф. канд. дисс. Кемерово.
- Шамиши А.Б., 1999. — Новые исследования поселения Рублево-VI на юге Кулунды. — История, археология и этнография Павлодарского Прииртышья. Павлодар.
- Шамиши А.Б., Папин Д.В., Мерц В.К., 2000. — Исследование поселений эпохи поздней бронзы в Южной Кулунде. — Востоковедные исследования на Алтае. II. Барнаул.
- Шаповалов Т.А., 1976. — Поселение срубной культуры у села Ильичевка на Северском Донце. — ЭБВУ.
- Шарафутдинова И.М., 1964. — Поселения эпохи пизньон бронзы поблизу Кременчука. — Археология. Т. XVII. Київ.
- Шарафутдинова И.Н., 1968. — К вопросу о сабастиновской культуре. — СА. № 3.
- Шарафутдинова И.Н., 1982. — Степное Поднепровье в эпоху поздней бронзы. Киев.
- Шарафутдинова Э.С., 1967. — Раскопки на Кобяковском поселении эпохи поздней бронзы в 1962 г. — КСИИМК. Вып. 112.
- Шарафутдинова Э.С., 1973. — Заключительный этап позднего бронзового века на Нижнем Дону. — СА. № 2.
- Шарафутдинова Э.С., 1989. — Памятники культуры многоваликовой керамики на Нижнем Дону. — Археология Восточно-Европейской степи. Саратов.
- Шарафутдинова Э.С., 1992. — Локально-хронологические особенности срубной культуры Нижнего Подонья (по материалам погребений). — Северо-Западное Причерноморье. Ритмы культурогенеза. Одесса.

- Шарафутдинова Э.С.*, 1995. — Тенденции развития посуды в культуре многовазниковой керамики (КМК). — Древние индоиранские культуры Волго-Уралья. Самара.
- Шарма Р.*, 1987. — Древнеиндийское общество. М.
- Шевченко А.В.*, 1976. — Об антропологических особенностях носителей черкакульской культуры. — ПАПП.
- Шевченко А.В.*, 1980. — Антропологическая характеристика населения черкакульской культуры и вопросы его расогенеза. — Современные проблемы и новые методы в антропологии. Л.
- Шевченко А.В.*, 1989. — О происхождении населения юга Восточной Европы (по палеоантропологическим данным). — Археология Восточно-Европейской степи. Саратов.
- Шелепов А.В.*, 1968. — Общность происхождения — признак этнической общности. — СЭ. № 4.
- Шер Я.А.*, 1966. — Типологический метод в археологии и статистике. — Доклад. VII МКАЭН.
- Шер Я.А.*, 1970. — Интуиция и логика в археологическом исследовании. — Статистико-комбинаторные методы в археологии. М.
- Шер Я.А.*, 1976. — Методологические вопросы археологии. — ВФ. № 10.
- Шер Я.А.*, 1978. — К интерпретации сюжетов некоторых петроглифов Саймалы-Таша. — Культура Востока. Л.
- Шер Я.А.*, 1980. — Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.
- Шилов В.П.*, 1964. — Проблема освоения степей Нижнего Поволжья в эпоху бронзы. — АСГЭ. Вып. 6.
- Шилов В.П.*, 1970. — Похождения кочевого скотоводства у скифских Европы. — УИЖ. № 7.
- Шилов В.П.*, 1975а. — Модели скотоводческих хозяйств степных областей Евразии в эпоху неолита и раннего бронзового века. — СА. № 1.
- Шилов В.П.*, 1975б. — Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л.
- Ширинов Т.*, 1990. — Алтари огня из храма Джаркутана — памятника развитой бронзы юга Узбекистана. — ИМКУ. 23.
- Ширинов Т.*, 2001. — Древнебактрийское царство «Большой Хорезм». — Очерки по истории государственности Узбекистана. Ташкент.
- Ширинов Т., Шайдуллаев Ш.*, 1988. — К вопросу о хронологической периодизации Кучук-тепе. — ИМКУ. 22.
- Ширинов Т.Ш.*, 2000. — Средняя Азия во II тыс. до н.э. — ИМКУ. 31.
- Ширинов Т.*, 2001. — Древнебактрийское царство «Большой Хорезм» / Очерки по истории государственности Узбекистана. Ташкент.
- Шилина Н.И.*, 1990. — О сложном луке срубной культуры. — Проблемы археологии Евразии. М.
- Шкода В.Г.*, 1992. — К вопросу о северных связях Саразма. — Северная Евразия от древности до средневековья. СПб.
- Шнирельман В.А.*, 1980. — Происхождение скотоводства. М.
- Шнирельман В.А.*, 1989. — Медные топоры из Ханси и некоторые спорные проблемы индийской археологии. — СА. № 2.
- Шнирельман В.А.*, 1996. — Археология и лингвистика: проблемы корреляции в этногенетических исследованиях. — ВДИ. 4.
- Шнирельман В., Панарин С.*, 2000. — Лев Николаевич Гумилев: основатель этнологии? — Acta Eurasica. 3 (10).
- Шорин А.Ф.*, 1988. — Среднее Зауралье в эпоху развитой и поздней бронзы. Автореф. канд. дисс. Новосибирск.

- Шорин А.Ф., 1994. — Миграции черкаскульцев: некоторые причины и последствия. — Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул.
- Шпет Г.Г., 1927. — Введение в этническую психологию. Вып. I. М.
- Шрадер О., 1913. — Индоевропейцы. СПб.
- Щерба Г.Н., 1951. — Археологические находки на Южном Алтае в 1949 г. — ИАН КазССР. Вып. 3.
- Щетенко А.Я., 1968. — Древнейшие земледельческие культуры Декана. Л.
- Щетенко А.Я., 1972. — Раскопки Теккем-депе и Намазга-депе. — АО. 1972.
- Щетенко А.Я., 1979. — Первобытный Индостан. Л.
- Щетенко А.Я., 1999а. — Андроновцы на юге Туркменистана. — XIV УАС. Челябинск.
- Щетенко А.Я., 1999б. — Литейные формы эпохи поздней бронзы с поселения Теккем-депе (Южный Туркменистан). — Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Запорожье.
- Щетенко А.Я., 1999в. — О контактах культур степной бронзы с земледельцами Южного Туркменистана в эпоху поздней бронзы (по материалам поселений Теккем-депе и Намазга-депе). — Stratum Plus. № 2.
- Щетенко А.Я., 2002а. — Литейная мастерская эпохи поздней бронзы на юге Туркменистана. — Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. Барнаул.
- Щетенко А.Я., 2002б. — Основные этапы разработки археологической периодизации эпохи поздней бронзы Средней Азии. — Исторична наука: проблеми розвитку. Луганськ.
- Щетенко А.Я., Кутишов Ю.Г., 1999. — Керамика степного облика эпохи поздней бронзы Теккем-депе (Южный Туркменистан). — Археологические вести. 6. СПб.
- Эдельман Д.И., 1965. — Дардские языки. М.
- Эдельман Д.И., 1968. — Основные вопросы лингвистической географии. На материале иранских языков. М.
- Эдельман Д.И., 1992. — Еще раз об этапах филиации арийской языковой общности. — Вопросы языкознания. 3.
- Эрлих В.Р., 1991. — Бронзовые уздечные наборы и проблема хронологии предскифского и раннескифского времени Закубанья. М.
- Эрлих В.Ф., 1994. — У истоков раннескифского комплекса. М.
- Юань Кэ, 1965. — Мифы древнего Китая. М.
- Юдин Э.Г., 1978. — Системный подход и принципы деятельности. — Методологические проблемы современной науки. М.
- Юсунов А., 1975. — Неолитическое поселение Сай-Сайед на юго-западе Таджикистана. — СА. 2.
- Юсунов Х.Ю., 1991. — Поселение конца эпохи бронзы на Кангагыре. — Скотоводы и земледельцы левобережного Хорезма. М.
- Яблонский Л.Т., 1996. — Саки Южного Приаралья (археология и антропология могильников). М.
- Яблонский Л.Т., 1999. — Некрополи древнего Хорезма (археология и антропология могильников). М.
- Яблонский Л.Т., 2003. — Археолого-антропологическая гипотеза к проблеме формирования культур сакского типа. — Центральная Азия. Источники, история, культура. М.
- Янковская Н.Б., 1956. — Некоторые вопросы экономики Ассирийской державы. — ВДИ. № 1.

- Яковская Н.Б., 1979. — Арпах — убежище Шаттивасы, сына Тушратты. — ВДИ. 1.
- Acurgal E., 1961. — Die Kunst Anatoliens von Homer bis Alexander. B.
- Agrawal D.R., 1982. — Archaeology of India. London.
- Agrawal D.R., 1986. — L'archéologie de l'Inde. P., CNRS.
- Alciati G., 1967. — I resti ossei umani delle necropoli dello Swat. (W. Pakistan), T. I (Butkara II). Roma.
- Allchin R., 1982. — The Legacy of the Indus Civilization. — Harappan civilization (Possehl G. Ed.). Oxford — New Delhi.
- Allchin B., Allchin R., 1973. — Narodziny ciwilizacji indyjskiej. Warszawa.
- Allchin R., Allchin B., 1982. — The Rice of Civilisation in India and Pakistan. Cambridge.
- Allchin B., Allchin R., 1997. — Origins of a Civilization: The prehistory and Early archaeology of South Asia. New Delhi.
- Amiet P., 1965. — Un vase rituel iranien. — Syria. XLII.
- Amiet P., 1968. — Antiquités iraniennes récemment acquises par la musée du Louvre. — Syria. XLV.
- Amiet P., 1977. — Bactriane protohistorique. — Syria. Paris. T. LIV.
- Amiet P., 1986. — L'âge des échanges inter-Iraniens: 3500—1700 avant J.-C. Paris.
- Amiet P., 1988. — Antiquities of Bactria and outer Iran in the Louvre collection. — BAOC.
- Amiet P., 1997. — La glyptique Translamite de Chypre à la Bactriane. — Les Sceaux du Proche-Orient. Paris.
- Anati E., 1960. — Bronze Age Chariots from Europe. — PPS. Vol. 26.
- Ancient Cultures, 1976. — Ancient Cultures of the Uralian Peoples. Budapest.
- Anderson J., 1961. — Ancient Greek Horsemanship. Los Angeles.
- Andronov M.S., 1980. — The Brahui language. M.
- Anthony D., 1986. — The «Kurgan Culture», Indo-European Origins and the Domestication of the Horse: a Reconsideration. — Current Anthropology. N 27, 4.
- Anthony D., 1995. — Horse, Wagon and Chariot. Indo-European Languages and Archaeology. — Antiquity. Vol. 69. N 264. September.
- Anthony D., 1999. — Paper presented on the Conference Finno-Ugrians and Indoeuropeans. Helsinki.
- Anthony D., Brown D., 2000. — Eneolithic Horse Exploitation in the Eurasian Steppes. — Late Prehistoric Exploitation of the Eurasian Steppe. Cambridge.
- Anthony D., Vinogradov N., 1995. — Birth of the Chariot. — Archaeology. March-April.
- Anttila R., 2000. — The Indo-European and the Baltic-Finnic interface: time against the ice. — Time Depth in Historical Linguistics (C. Renfrew, A. McMahon, L. Trask Ed.). Cambridge.
- Arne T., 1945. — Excavations at Shah Tepe, Iran. Stockholm.
- Aryan K., Subhashini A., 1998. — The Aryans: History of Vedic Period. New Delhi.
- Asimov M., 1981. — Ethnic history of Central Asia in the 2nd millenium B.C.: soviet studies (Proceedings of the International Symposium. Dushanbe 1977). — ЕПИТАД. UNESCO.
- Äström P. (Ed.), 1987. — High, Middle or Low? International Colloquium on Absolute Chronology. Gütteborg. Pt. 1—2.
- Avanesova N.A., 1995a. — Buston VI, une nécropole de l'âge du Bronze dans l'ancienne Bactriane. — Arts Asiatiques. L.
- Avanesova N.A., 1996a. — Buston VI — the peculiarities of the Bactrian complex of Uzbekistan. — Information Bulletin UNESCO. M. 20.
- Avanesova N.A., 1996b. — Pasteurs et agriculteurs de la vallée du Zeravshan du début de l'âge du bronze. — In: Lyonnet B. Sarazm (Tadjikistan) Ceramiques. Paris.

- Avanesova N.A.*, 1997. — Spätbronzezeitliche kulturkontakte in der baktrischen Flussoase nach den Befunden der Nekropole Bustan 6. — AMIT. 29.
- Avanesova N.A., Shajdullaev Sh. (Sajdullaev S.), Erkulov A. (Erkulov)*, 2001. — Zam — ein neuer bronzezeitlicher Fundort in der Sogdiana. — AMIT. 33.
- Azzaroli A.*, 1975. — Two Protohistoric Horse Skeletons from Swat, Pakistan. — EW. Vol. 24, N 3—4.
- Azzaroli A.*, 1985. — An Early History of Horsemanship. Leiden.
- Bailey H.W.*, 1955. — Ariana. Dress and Equipment. — Orientalia Suecana. Vol. IV. (Donum Natalicium H. Nyberg oblatum). Uppsala.
- Bailey H.W.*, 1957. — A Problem of the Indo-Iranian Vocabulary. — Rocznik orientalistyczny. Warszawa. T. 21.
- Bailey H.W.*, 1958. — Languages of the Saka. — Handbuch der Orientalistik. Abt. 1. Bd. 4. Abschn. I. Leiden, Köln.
- Bailey H.W.*, 1959. — Iranian Arya and Daha. — Transactions of the Philological Society. L.
- Bailey H.W.*, 1975. — The Khotan Saka Metal and Mineral Names. — Studia orientalia. Helsinki. Vol. XLVI.
- Bamshad M., Kivisild T., Watkins W. and oth.*, 2001. — Genetic Evidence on the Origins of Indian Caste Populations. — Genome Research.
- Baratov S.*, 2001. — Fergana und das Syr-Dar'a-Gebiet im späten 2 und frühen 1 Jahrtausend V. Chr. — Migration und Kulturtransfer. Kolloquien zur Vor- und Frühgeschichte. 6. Bonn.
- Barnabas S., Apte R., Suresh C.G.*, 1996. — Ancestry and interrelationships of the Indians and their relationship with other world populations: a study based on mitochondrial DNA polymorphisms. — Ann. Hum. genet. 60. (Separate reprint).
- Barnett R.*, 1960. — Assyrian Palace Reliefs. London.
- Barnett R., Falkner M.*, 1962. — The Sculptures from the Central and South-West Palace at Nimrud. London.
- Barth F.*, 1961. — Nomads of South Persia. Oslo.
- Bartholome Ch.*, 1904. — Altiranisches Wörterbuch. Strassburg.
- Basham A.*, 1975. — A Cultural History of India. Oxford.
- Beck P.A.*, 1972. — Note on the Reconstruction of the Achaemenid Robe. — Iranica Antiqua. Vol. 9.
- Becker B., Krause R., Kromer B.*, 1989. — Zur absoluten Chronologie der frühen Bronzezeit. — Germania. Bd. 67. Halbband 2. B.
- Becker C.*, 1994. — Zur Problematik früher Pferdenachweise im östlichen Mittelmeergebiet. — DluP.
- Benecke N.*, 1993. — Vortrag zur Tierdomestikationen in Europa in vor- und frühgeschichtlicher Zeit. Praha.
- Benecke N.*, 2002a. — Die frühbronzezeitlichen Pferde von Kırklareli-Kanlıgeçit, Thrakien, Türkei. — Eurasia antiqua. 8.
- Benecke N.*, 2002b. — Zu den Anfängen der Pferdehaltung in Eurasien. Aktuelle archäologische Beiträge aus drei Regionen. — EAZ. 43.
- Benecke N., Driesch von den A.*, 2003. — Horse Exploitation in the Kazakh steppes during the Eneolithic and Bronze Age. — PSAH.
- Benveniste E.*, 1932. — Les classes sociales dans la tradition Avestique. — JA. T. 221.
- Benveniste E.*, 1938. — Tradition indo-iranien sur les classes sociales. — JA T. 230.
- Benveniste E.*, 1949. — Noms d'animaux en indo-européen. — BSLP. T. 45, fasc. 1 (N 130).
- Benveniste E.*, 1951. — Don et échange dans le vocabulaire indo-européen. — L'Année sociologique. P. 3e serie. T. 2.

- Benveniste E.*, 1955. — Etudes sur quelques textes sogdiens chretiens. — JA. T. 243, fasc. 3.
- Benveniste E.*, 1958. — Mots d'emprunt iraniens en arménien. — BSLP. T. 53, fasc. 1.
- Benveniste E.*, 1966. — Relations lexicales entre la Perse et la Grèce ancienne // La Persia e il mondo greco-romano. Roma.
- Benveniste E.*, 1970. — Les valeurs économiques dans le vocabulaire indo-européen. — Indo-European and Indo-Europeans. Philadelphia.
- Beresanskaja S.S.*, 1971. — Hauptetapen der Entwicklung der Beziehungen der Ukraine mit des Ostlichen Mittelmeer und Donauebenen in der Bronzezeit. — VIII CISP. Belgrad.
- Bernhard W.*, 1967. — Human Skeleton Remains from the Cemetery of Timargarha. — Ancient Pakistan. Vol. III.
- Betancourt P.*, 1987. — Dating the Aegean Bronze Age with Radiocarbon. — Archaeology. V. 29.
- Bhargava P.*, 1971. — India in the Vedic Age. Aminabad.
- Bhargava P.*, 2001. — India in the Vedic Age: A History of Aryan Expansion in India. New Delhi.
- Bichir G.*, 1964. — Autour du problème des plus anciens models de chariots decouverts en Romanie. — Dacia. vol. VIII.
- Bisht R.*, 1993. — Excavations at Banawali: 1974—77. — Harappan civilization (Possehl G. Ed.). New Delhi. Bombay. Calcutta.
- Bittel K.*, 1958. — Die hettitischen Grabfunde von Osmankayasi. B.
- Blegen C.*, 1958. — Troy III. 4. Princeton.
- Boardman J.*, 1970. — Greek Gems and Finger Rings. London.
- Bobomulloev S.*, 1997. — Ein Bronzezeitliches Grab aus Zardëa Chalifa bei Pentzikent (Zaravshan Tal). — Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan. V. 29.
- Bochkarev V.S. (Bočkarëv), Leskov A.M.*, 1980. — Jung- und spätbronzezeitliche Gussformen im nördlichen Schwarzmeergebiet. — Prähistorische Bronzefunde. Abt. 19, Bd.1. München.
- Bodewitz H.W.*, 1977/78. — Atharvaveda Samhita 3, 12: the Building of a House. — Annals of the Bhandarkar Oriental Research Institute. Poona.
- Bodewitz H.W.*, 1979. — The Raising of the Central Pillar of the Hut According to Jaiminiya-Brahmaniya — Brahmana I, 70—72. — L. Sternbach Felicitation Volume. Lucknow.
- Bodewitz H.W.*, 2003. — The Daily, Evening and Morning offering (Agnihotra). According to the Brahmanas. New Delhi.
- Boehmer R.*, 1965a. — Takht-i Suleiman und Zendan-i Suleiman, Grabungsbericht 1963—1964. — Archäologische Anzeiger. 1965. Bd. 8. Hf. 4.
- Boehmer R.*, 1965b. — Zur Lage von Parsua im 9 Jahrhundert vor Christus. — Berliner Jahrbuch für For- und Frühgeschichte. 5.
- Boehmer R.*, 1965c. — Zur Datierung der Necropole B von Tepe Sialk. — Archäologische Anzeiger. Bd. 80. Hf. 4.
- Boehmer R.*, 1972. — Die Kleinfunde von Bogazköy. B.
- Boessneck J., Driesch A. von den*, 1975. — Tierknochenfunde von Korüçütepe bei Elâzığ in Ostanatolien: — Korüçütepe. Bd. I. Amsterdam, Oxf., NY.
- Boessneck J., Driesch A. von den*, 1976. — Pferde im 4/3 Jahrtausend v. Chr. in Ostanatolien. — Säugetierkündliche Mitteilungen. Bd. 24. Heft 2. B.
- Bökönyi S.*, 1953. — Reconstruction de mors en bois de cerf et en os. — AAH. T. 3.
- Bökönyi S.*, 1972. — An Early Representation of Domesticated Horse in North Mesopotamia. — Sumer, v. XXVIII, N 1—2.
- Bökönyi S.*, 1974. — History of Domestic Mammals in Central and Eastern Europe. Budapest.

- Bökönyi S., 1991.** — Late Chalcolithic Horses in Anatolia. — *Equids in the Ancient World*. Vol. II. Wiesbaden.
- Bökönyi S., 1994.** — The role of the horse in the exploitation of the steppes — The Archaeology of the steppes. Napoli.
- Bokovenko N.A., 2000.** — The origin of horse riding and the development of Central Asian Nomadic Riding Harnesses. — *Kurgans, Ritual Sites and Settlements EurAsian Bronze and Iron Age*. BAR International Series. 890.
- Bollée W., 1981.** — The Indo-European Sodalities in Ancient India. — *ZDMG*. Bd. 131.
- Bona I., 1960.** — Clay models of Bronze Age Wagons and Wheels in the Middle Danube Basin. — *Acta Archaeologica Hungarica*. Budapest. T. 12.
- Bona I., 1975.** — Die mittlere Bronzezeit Ungarns und ihre südöstlichen Beziehungen. Budapest.
- Bongard-Levin G.M., 1998.** — Ancient Indian history and civilization. — Ajanta Publications. Delhi.
- Boroffka N., 1998a.** — Bronze- und früheisenzeitliche Geweihthenknebel aus Rumänien und ihre Beziehungen. — *Eurasia Antiqua*. 4.
- Boroffka N., 1998b.** — Zu den steinernen «Zeptern/Stässel — Zeptern», «Miniatursäulen» und «Phalli» der Bronzezeit Eurasiens. — *AMIT*. 30.
- Bosch-Gimpera P., 1960.** — El problema Indoeuropeo. Mexico.
- Bossert H., 1942.** — Alt Anatolien. B.
- Bovington C., Dyson R., Mahdavi A., Masoumi C., 1974.** — The Radiocarbon Evidence for the Terminal Date of the Hissar III C Culture. — *Iran*. XII.
- Bowen H., Wood P., 1968.** — Experimental Storage of Corn Underground and Its Implications for Iron Age Settlements. — *BIA*. N 7.
- Boyce M., 1968.** — On the Sacred Fires of the Zoroastrians. — *BSOAS*. Vol. 31, pt. 1.
- Boyce M., 1975, 1982.** — A History of Zoroastrianism. Vol. I. The early period. Vol. II. Under the Achaemenians. Leiden, Köln.
- Boyce M., 1987a.** — Avestian People. — *Enciclopedia Iranica*. V. 3. London.
- Boyce M., Grenet F., 1991.** — A History of Zoroastrianism. Leiden.
- Braidwood R., 1952.** — The Near East Foundations for Civilization. Oregon.
- Brandenstein W., 1948.** — Die alten Inder in Vorderasien und die Chronologie des Rigveda. Wien.
- Brandenstein W., 1962.** — Das Pferd — eine Hauptfrage der indogermanischen Altertumskunde. — *Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien*, Bd. 92.
- Branigan K., 1974.** — Aegean Metalwork of the Early and Middle Bronze Age. Oxf.
- Brentjes B., 1981.** — Die Stadt des Jima. Leipzig.
- Briant P., 1982.** — État et pasteurs au Moyen-Orient ancien. Cambridge.
- Brjusoff A., 1963.** — Sur l'origine de la culture d'Andronovo. — A Pedro Bosch-Gimpera. Mexico.
- Bronkhorst J., Deshpande M., 1999 (Ed.).** — Aryan and non-Aryan in South Asia. — *Harvard Oriental Series*. 3. Cambridge.
- The Bronze Age, 1981.** — The Bronze Age Civilization of Central Asia. N.Y.
- Brooks R., Wakankar V., 1976.** — Stone Age Painting in India. New Haven, London.
- Brunn A. von, 1959.** — Bronzezeitliche Hortfunde. B.
- Brunn W.A. von, 1968.** — Mitteldeutsche Hortfunde der jüngeren Bronzezeit. B.
- Bryant E., 1999a.** — The Indo-Aryan Invasion Debate: The logic of the response. — *JIES*. 32.
- Bryant E., 1999b.** — Linguistic Substrata and the Indigenous Aryan debate. — *Aryan and non-Aryan in South Asia*. Cambridge.
- Bulliet R., 1975.** — The Camel and the Wheel. Cambridge (Mass.).
- Bunker E., 1993.** — Gold in the Ancient Chinese World. — *Artibus Asiae*. 53, S.

- Bunker E., 1997. — *Ancient Bronzes of the Eastern Eurasian steppes from the A. Sackler collection*. NY.
- Bunker E., 1998. — *Cultural Diversity in the Tarim Basin vicinity and Its Impact on Ancient Chinese Culture*. — BAEIAP.
- Bunker E., 2002. — *Nomadic Art of the Eastern Eurasian Steppes*. NY.
- Burney Ch., 1972. — *Excavations at Haftavan Tepe: New Light on the Archaeology of Iranian Azerbaijan*. — VI International Congress of Iranian Art and Archaeology. Oxford.
- Burney Ch., 1959. — *Beyond the frontiers of empire: Iranians and their ancestors*. — *Iranica antiqua*. XXXIV.
- Burrow T., 1973. — *The Proto-Indoaryans*. — *JRAS*. N 1.
- Bussagli M., 1955. — *The "Frontal" Representation of the Divine Chariot*. — *EW*. Vol. 6.
- Caland W., 1896 (1967). — *Die altindischen Todten- und Bestattungs Gebräuche*. Amsterdam. (Wiesbaden).
- Callavotti C., 1958. — *Le nom du cheval et les labivélaires en Mycénien*. — *Athenaeum*. 46. N 4.
- Calmeyer P., 1964. — *Altiranische Bronzen der Sammlung Bröckelschen*. B.
- Calmeyer P., 1969. — *Datierbare Bronzen aus Luristan und Kirmanschah*. — *Untersuchungen zur Assiriologie und vorderasiatischen Archäologie. Ergänzungsbände zur Zeitschrift zur Assiriologie und vorderasiatischen Archäologie. Neue Folge. Bd. 5*. Berlin.
- Capprieri M., 1973. — *The Iranians of the Copper / Bronze Ages*. Miami.
- Cardew M., 1969. — *Pioneer Pottery*. Harlow.
- Carpelan Ch., Parpola A., 2001. *ECUIE*.
- Casal J.-M., 1961. — *Fouilles de Mundigak*. — *MDAFA*. XVII. Vol. I, II. Paris.
- Castaldi E., 1968. — *La necropoli di Katelai i nello Swāt (Pakistan)*. — *Atti della Accademia Nazionale dei Lincei. Memorie*. S. VIII. V. XIII, 7. Roma.
- Cattani V., 2004. — *Margiana at the end of Bronze Age and Beginning of Iron Age*. — *У истоков цивилизации*. М.
- Cattenat A., Gardin J.-C., 1977. — *Diffusion comparée de quelques genres de potterie caractéristiques de l'époque achéménide sur le plateau Iranien et en Asie Centrale*. — *Le plateau Iranien et l'Asie Centrale des origines à la conquête islamique*. P.
- Cavalli-Sforza L., Menozzi P., Piazza H., 1994. — *The history and geography of human genes*. Princeton.
- Chakrobarty Ch., 1977. — *Common Life in the Rigveda and Atharvaveda*. Calcutta.
- Chattopadhyaya K., 1976. — *Studies in Vedic and Indo-Iranian Religion and Culture*. Varanasi.
- Centuries of Darkness*, 1991. — *A challenge to the Conventional Chronology of Old World Archaeology*. London.
- Chernykh E.N., 1992. — *Ancient Metallurgy in the USSR*. Cambridge.
- Childe G., 1929. — *The Danube in Prehistory*. London.
- Childe G., 1954. — *The Diffusion of Wheeled Vehicles*. — *EAF*. I. i.
- Christensen A., 1934. — *Les types du premier homme et du premier roi dans l'histoire légendaire des Iraniens*. Leiden.
- Christensen A., 1943. — *Le premier chapitre de Vendidad et l'histoire primitive des tribus iraniennes*. Kobenhavn.
- Clarc K.D., 1968. — *Analytical Archaeology*. London.
- Cleuziou S., 1982. — *L'âge du fer 6 Tureng Tepe (Iran) et ses relations avec l'Asie Centrale*. — *L'archéologie de la Bactriane ancienne*. P.
- Clutton-Brock J., 1992. — *Horse Power: a History of the Horse and the Donkey in Human Societies*. London.
- Clutton-Brock J., Davies S., 1993 — *More donkeys from Tell Brak*. — *Iraq*. V. 55.

- Coleman J., Walz C. (Eds.), 1997. — *Greeks and Barbarians. Essays on the Interactions between the Greeks and NonGreeks in Antiquity and the Consequences of Europocentrism.* Philadelphia.
- Compagnoni B., Tosi M., 1978. — *The Camel: its Distribution and State of Domestication in the Middle East during the Third Millenium B.C. in Light of Finds from Shahr-i-Sokhta.* — *Peabody Museum Bulletin.* Los-Angeles. N 2.
- Comşa E., 1976. — *Considerations portant sur les tombes à ocre de la zone du Bas-Danube.* — *Istraživanja.* T. 5. Bucureşti.
- Contenau G., Ghirshman R., 1935. — *Fouilles de Tépé-Giyan près de Nehavend.* P.
- Coomaraswamy A., 1942. — *Horse-Riding in the Rigveda and Atharvaveda.* — *JAOS.* 62.
- Crouwel J., 1981. — *Chariots and Other Means of Land Transport in Bronze Age Greece.* Amsterdam.
- Csillagy A., 1974. — *I prestiti iranici nella lingue ugrofenniche e il problema dell'appartenza uralo-altaica.* — *Paideia.* XII.
- Curtis J., 1988. — *A Reconsideration of cemetery of Khinaman, South-East Iran.* — *Iranica Antiqua.* XXIII.
- Curtis J., 1995. — *Introduction to Later Mesopotamia and Iran. Tribes and Empires 1600-539 BC.* — *Proceedings of a memory of Vladimir Lukonin.* London.
- Curtis J., 1998. — *A chariot scene from Persepolis.* — *Iran.* XXXVI.
- Curtis V.S., St. John Simpson, 1998. — *Archaeological News from Iran.* — *Iran.* XXXVI.
- Dales G., 1971. — *Early Human Contacts from the Persian Gulf through Baluchistan and Southern Afghanistan.* — *Foad Fiber and the Arid Lands.* Ed. W. Mc. Ginnies, B. Goldman, P. Paylore. Arizona.
- Dales G., 1972. — *Prehistoric Research in Southern Afghan Seistan.* — *Afghanistan.* Vol. XXIV. N. 4.
- Dales G., 1977. — *New Excavations at Nad-i Ali (Sorkh Dagh) Afganistan.* — *Research Monograph.* 16. Berkeley.
- Dalton O.M., 1964. — *The Treasure of the Oxus.* London.
- Dange S., 1966. — *Aspects of War from the Rigveda.* — *Journal of Indian History.* Trivandrum. 44, N 1.
- Dani A., 1967. — *Who were the Gandhara grave People?* — *Ancient Pakistan.* 2.
- Dani A.H., 1970-1971. — *Excavations in the Gomal Valley, Ancient Pakistan.* Vol. V. Karachi.
- Dani A.H., 1978. — *Gandhara grave culture and the Aryan Problem.* — *Journal of Central Asia.* 1.
- Dani A.H., Durrani F.A., 1966. — *A new grave complex in West Pakistan.* — *Asian Perspectives.* VIII, 1.
- Dani A.H., Durrani F., Rahman A., Sharif M., 1967. — *Timagrarha and Gandhara grave Culture.* — *Ancient Pakistan.* III. Peshawar.
- The Dawn of Civilization in Maharashtra.* — *Prince of Wales Museum.* Bombay. 1970.
- Delcroix G., Huot J., 1972. — *Les fours dite "De Potier" dans l'Orient Ancien.* — *Syria.* T. XLIX, fasc. 1-2.
- Delmas A., Casanova M., 1990. — *The Lapis Lazuli Sources in the Ancient East.* — *South Asian Archaeology.* 1987. Taddei M. (Ed.). Roma.
- Deo I.E., Ansari Z.D., 1965. — *Chalcolithic Chandoli.* Poona.
- Deo S., Kamath S. (Eds.), 1993. — *The Aryan problem.* Pune.
- Deshayes J., 1960. — *Les outils de bronze de l'Indus au Danube (IV-II millenaire).* I, II. Paris.
- Deshayes J., 1969. — *New Evidence for the Indo-Europeans from the Tureng Tepe, Iran.* — *Archaeology.* London. 22, N 1.
- Dhalla M., 1922. — *Zoroastrian Civilisation.* NY.

- Dhavalikar M.K., 1977. — Inamgaon: the Pattern of Settlement. — *Man and Environment*. Vol. I, Ahmedabad.
- Dhavalikar M.K., 1982. — *Daimabad Bronzes*. — Harappan civilization. Delhi.
- Di Cosimo N., 2002. — *Ancient China and its Enemies. The Rise of Nomadic Power in East Asian History*. Cambridge.
- Dickinson O., 1994. — *The Aegean Bronze Age*. Cambridge.
- Dietz S., 1991. — *The Argolid at the Transition to the Mycenaean Age*. — *Studies in the Chronology and Cultural Development in the Shaft Grave Period*. Copenhagen.
- Dietz U., 1992. — *Zur Frage vor bronzezeitlichen Trensebelege in Europa*. — *Germania*. Bd. 70.
- Dietz U.L., 1998. — *Spätbronze- und früheisenzeitliche Trensen im Nordschwarzmeergebiet und im Nordkaukasus*. — *Prähistorische Bronzefunde*. XVI, 5. Stuttgart.
- Dikshit K., 1984. — *Late Harappa in Northern India*. — *Frontiers of the Indus Civilization*. New Delhi.
- Dittman R., 1984. — *Problems in the identification of the Achaemenid and Mauryan horizon in N-W Pakistan*. B.
- Drekmeister Ch., 1962. — *Kingship and Community in Early India*. Stanford, 1962.
- Drews R., 1988. — *The Coming of the Greeks. Indo-Europeans Conquests in Aegean and Near East*. Princeton.
- Duchesne-Guillemin J., 1952. — *The Hymns of Zarathustra*. London.
- Dumézil G., 1930. — *La préhistoire indo-iranienne des castes*. — *JA*. 1930, T. 216, N 1.
- Dumézil G., 1954 — *Rituels indo-européens a Rome*. P.
- Dumézil G., 1966. — *La religion romaine archaïque*. P.
- Dumézil G., 1968—1974. — *Mythe et épopée*. Vol. I—III. P.
- Dumont P.-E., 1927. — *L'Asvamedha, description du sacrifice solennel du cheval dans le culte védique d'après les textes du Yajurveda blanc*. P.
- Dutz W., 1971. — *Das Gebet des Königs*. Tehran, 1971.
- Dyakonov I.M. (Diakonoff), 1970b. — *The Origin of the Old Persian Writing System*. — *W.B. Henning Memorial Volume*. London.
- Dyakonov I.M. 1990. — *Language contacts in the Caucasus and the Near East — When World Collide*. The Bellagio Papers. Ann Arbor.
- Dyakonov I.M. (Diakonoff), 1995b. — *Two recent studies of Indo-Iranian origins*. — *JAOS*. 115. 3.
- Dyakonov I.M. (Diakonoff), 1996. — *Pre-Median Indo-Iranian Tribes in Northern Iran?* — *Bull. of Asia Institute*. 10.
- Dyson R.H., 1965. — *Problems of Protohistoric Iran as Seen from Hasanlu*. — *JNES*. 24, N 3.
- Dyson R.H., 1967. — *Survey of Excavations in Iran during 1965—1966*. Dinkha Tepe. — *Iran*. Vol. 5.
- Dyson R., Lawn B., 1989. — *Observations on Architecture and Stratigraphy at Tapeh Hesar*, 1976. — *Tapeh Hesar Reports of the Restudy Project 1976*. Firenze.
- Ebeling E., 1951. — *Bruchstücke einer mittelassyrischen Vorschriftensammlung für die Akklimatisierung und Trainierung von Wagenpferden*. B.
- Edelman D.I. (Ehdel'man), 1983. — *The Dardic and Nuristani languages*. M.
- Emeneau M., 1966. — *The Dialects of Old Indo-Aryan*. — *Ancient Indo-European Dialects*. Berkeley.
- Erdenbaatar D., 2004. — *Burial materials related to the history of the Bronze Age in the territory of Mongolia*. — *Metallurgy in Ancient Eastern Eurasia from the Urals to the Yellow River*. NY.
- Erdödi J., 1932. — *Finnische Sampo ai Skambha*. — *Indogermanische Forschungen*. Heft 3. München.

- Erdosy G., 1995 (Ed.). — *The Indo-Aryans of Ancient South Asia. Language, Material Culture and Ethnicity*. B., NY.
- Érdy M., 1995. — *Hun and Xiongnu Cauldrons: Finds throughout Eurasia*. — *Eurasian Studies Yearbook*. 67.
- Evans A., 1927. — *The Palace of Minos at Knossos*. London.
- Fairservis W., 1956. — *The Chronology of the Harappan Civilization and the Aryan Invasions*. — *Man*. LVI.
- Fairservis W., 1957-1959. — *Archaeological Surveys in the Zhob and Loralai districts, West Pakistan*. — *Anthropological Papers of the American Museum of Natural History*. 47. Part 1-2.
- Fairservis W., 1961. — *Archaeological Studies in the Seistan Basin of South-West Afghanistan and Eastern Iran*. — *Anthropological Papers of the American Museum of Natural History*. 48. Part 1.
- Fairservis W., 1975. — *The Roots of Ancient India*. Chicago. 2nd Ed.
- Fairservis W.S., 1997. — *The Harappan civilization and the Rgveda*. — *Inside the Texts, Beyond the Texts*. Cambridge.
- Falk H., 1997. — *The Purpose of Rgvedic Ritual*. — *Inside the Texts, Beyond the Texts*. Cambridge.
- Falkenstein A., 1950. — *Sumerische religiöse Text*. — *ZA NF XVI. Zeitschrift für Assyriologie und vorderasiatische Archäologie*.
- Feilberg C.G., 1944. — *La tente noire*. Kobenhavn.
- Ferdinand K., 1960. — *The Baluchistan Barrel-Vaulted Tent*. — *Folk*. Kobenhavn. 2.
- Ferdinand K., 1964. — *Ethnographical Notes on Chahar Aimag, Hazara and Mogol*. — *Acta Orientalia*. 28. N 1—2.
- Ferdinand K., 1969. — *Nomadism in Afghanistan with an Appendix on Milk Products*. Budapest.
- Feuerstein G., Kak S., Frawly D., 1995. — *In search of the cradle of civilization*. Wheaton.
- Flynn D., 1971. — *Costumes of India*. New Delhi, 1971.
- Fodor J., 1976. — *The Main Issues of Finno-Ugrian Archaeology*. — *Ancient Cultures of the Uralian Peoples*. Budapest.
- Foltiny S., 1955. — *Zur Chronologie der Bronzezeit des Karpatenbeckens*. Bonn.
- Foltiny S., 1967. — *The Ivory Horse Bits of Homer and the Bone Horse Bits of Reality*. — *Bonner Jahrbücher*. Bd. 167. Bonn.
- Franke-Vogt U. 2001. — *The Southern Indus valley during the later 2nd and 1st millennia B.C. The dark ages. Migration und Kulturtransfer*. Bonn.
- Francfort H.-P., 1981. — *The Late Periods of Shortughai and the Problem of the Bishkent Culture (Middle and late Bronze Age in Bactria)*. — *SAA 1979*. B.
- Francfort H.-P., 1989. — *Fouilles de Shortughai*. — *Recherches sur l'Asie Centrale proto-historique*. Vol. I, II. P.
- Francfort H.-P., 1994. — *The Central Asian Dimension of the symbolic system in Bactria and Margiana*. — *Antiquity* 68 N 259.
- Francfort H.-P., 1996. — *Observations sur la Bactriane meridionale a l'âge du bronze*. — *MAIKTsA*. 20.
- Francfort H.-P., 2001a. — *The archaeology of protohistoric Central Asia and the problems of identifying Indo-European and Uralic-Speaking populations*. — *ECUIE*.
- Francfort H.-P., 2001b. — *The cultures with painted ceramics of south Central Asia and their relations with the north-eastern steppe zone (late 2nd — early 1st millennium BC)*. — *Migration and Kulturtransfer. Actes des Internationalen Kolloquiums*. Berlin, 1999. Bonn.
- Francfort H.-P., 2002. — *Images du char en Eurasie Orientale des origines a la fin du Ier millenaire av. J.-C.* — *Pervobytnaya arkheologiya: chelovek i iskusstvo*. Novosibirsk.

- Francfort H.-P. et al., 1997. — Les pétroglyphes de Tamgaly. — Bull. of the Asia Instit. 9.
 Franchet Z., 1911. — Céramique primitive. Introduction à l'étude de la technologie. P.
 Franke-Vogt U., 2001. — The Southern Indus Valley during the later 2nd and 1st mill.
 BC. — Migration und Kulturtransfer. Bonn.
 Frankfort H., 1927. — Studies in Early Pottery of Near East. Vol. I. London.
 Frawley D., 1994. — The myth of the Aryan invasion of India. New Delhi.
 Frawley D., 2003. — Gods, Sages and Kings. Vedic secrets of Ancient civilization. New
 Delhi.
 Frye R., 1963. — The Heritage of Persia. N.J., 1961. London, 1962.
 Frye R., 1976. — Opera minora. I. Shiraz.
 Frye R., 1983. — History of ancient Iran. München.
 Frye R., 1996. — The Heritage of Central Asia. From Antiquity to the Turkish Expansion.
 Princeton.
 Furumark A., 1941. — The Chronology of Mycenaen Pottery. Stockholm.
 Fussman G., 1972. — Atlas linguistique des parlers Dardes et Kafirs. 1-2. Paris.
 Fussman G., 1977. — Pour une problématique nouvelles des religions indiennes. — JA.
 1977, vol. CCLXV, N 192.
 Fussman G., 1996. — Southern Bactria and Northern India before Islam. — JAmOrSoc.
 V. 116. N. 2.
 Gabus J., 1967. — Art Amlach. — Orbis Pictus. 44.
 Gamkrelidze T., 1990. — On the Problem of an Asiatic Original Homeland of the Proto-
 Indo-Europeans. — WWC.
 Gamkrelidze T., 1994. — PIE "horse" and "cart" in the light of the hypothesis of Asiatic
 homeland of the Indoeuropeans: Indoeuropean — Caucasian aspect. — DluP.
 Gardin J.-C., 1957. — Ceramiques de Bactres. — MDAFA. 15. Paris.
 Gardin J.-C., 1998. — Prospection archéologiques en Bactriane orientale (1974-1978).
 Vol. 3. Description des sites et notes de synthèse. Paris.
 Gardin J.-C., 2001. — The archaeological exploration of Eastern Bactria (Afghanistan):
 its contribution to the history of early economic and political development in Central
 Asia. — Древние цивилизации Евразии: история и культура. М.
 Geiger W., 1882. — Ostiranische Kultur in Altertum. Erlangen.
 Gelb I.J., Purves P.M., Mac Rae A.A., 1943. — Nuzi Personal Names. — Oriental Insti-
 tute Publications. 57. Chicago.
 Geldner K., 1951. — Der Rig-Veda aus dem Sanskrit ins Deutsche übersetzt. Cambridge,
 Mass.
 Gening V.F., 1979 — The cemetery at Sintashta and the early Indo-Iranian peoples. —
 JIES. V.7.
 Gerasimov I.P., 1978. — Ancient Rivers in the Deserts of Soviet Central Asia. — The
 Environmental History of the Near and Middle East Since the Last Ice Age. London.
 Ge.shevish I., 1959. — The Avestian Hymn to Mythra. Cambridge.
 Ghirshman R., 1938-1939. — Fouilles de Sialk près de Kashan. Vol. I-II. P.
 Ghirshman R., 1939. — Fouilles de Nad-i-aii. — Revue des arts Asiatiques. Annales du
 Musée Guimet. XIII, N 1. Paris.
 Ghirshman R., 1950. — La trésor de Sakkes, les origines de l'art Méde et les bronzes du
 Luristan. — Artibus Asiae. XIII, 3.
 Ghirshman R., 1963. — Perse: Proto-iraniens, Medes et Achéménides. P.
 Ghirshman R., 1964. — Invasions des nomades sur le plateau Iranien aux premiers siècles
 du I mill. av. J.C. — Dark Ages and Nomads. Istanbul.
 Ghirshman R., 1977. — L'Iran et la migration des indo-aryens et des iraniens. Leiden.
 Ghurye G., 1979. — Vedic India. Delhi, Patna.
 Gimbutas M., 1956. — The Prehistory of Eastern Europe. Pt. I. Cambridge (Mass.).

- Gimbutas M., 1970. — Proto-European Culture. — Indo-European and Indo-Europeans. Philadelphia.
- Gimbutas M., 1977. — The First Wave of Eurasian Steppe Pastoralists into Copper Age Europe. — JIES. 5, N 4.
- Gimbutas M., 1992. — Die Ethnogenese der europäischen Indogermanen. Innsbruck.
- Gimbutas M., 1997. — The Kurgan Culture and the Indo-Europeanization of Europe. — JIES. Monograph. Series 19. Washington.
- Glob P., 1974. — The Mound People. London.
- Gnoli G., 1980. — Zoroaster's Time and Homeland. Naples.
- Gnoli G., 1989. — The Idea of Iran. An Essay on its Origin. — IsMEO. Serie Orientale. LXII. Roma.
- Godard A., 1950. — Le Trésor de Ziwiyé, Kurdistan. Haarlem.
- Godard A., Hackin J., 1928. — Les antiquités bouddhiques de Bamiyan. — MDFAA. T.II.
- Gode P., 1960. — The Indian Bullock Cart. Its Prehistoric and Vedic Ancestors. — Studies in Indian Cultural History. Vol. II. Poona.
- Goff C., 1969. — Excavations at Baba Jan. 1967. — Iran. Vol. 7.
- Gonda J., 1962. — Les religions de l'Inde. P.
- Gorbunova N.G., 1993/94. — Traditional movements of Nomadic Pastoralists and the Role of Seasonal Migrations in the Formation of Ancient Trade Routes in Central Asia. — Silk Road Art and Archaeology. 3.
- Gordon D.A., 1958. — Prehistoric India. London.
- Gorsdorf J., Parzinger H., Nagler A., Leont'ev A., 1998. — Neue 14C — Datierungen für die Sibirische Steppe und ihre Konsequenzen für die regionale Bronzezeit-Chronologie. — Eurasia Antiqua. 4. B.
- Götzelt T., 1996. — Ansichten der Archäologie der Erforschung der "mittleren Bronzezeit". Espelkamp.
- Götzelt T., P'jankova L., Vinogradova N., 1998. — Neue bronzezeitliche Fundorte im Kyzylsu-Tal (Süd-Tadzhikistan). — AMIT. 30.
- Grassmann H., 1955 (1872). — Wörterbuch zum Rig-Veda. 3. Auflage (1. 1872). Wiesbaden.
- Gubaev A., Koshelenko G., Tosi M., 1998. — The Archaeological map of the Murgab Delta. Preliminary reports 1990-1995. Rome.
- Gryaznov M.P. (Griaznov), 1969b. — Southern Siberia. Geneva.
- Gupta S., 1972. — Disposal of the dead and the physical types in ancient India. Delhi.
- Gupta S., 1979. — Archaeology of Soviet Central Asia and the Indian Borderlands. Delhi. II.
- Hachmann R., 1957. — Die frühe Bronzezeit im westlichen Ostseegebiet und ihre mittel- und südosteuropäischen Beziehungen. Hamburg.
- Hackin J., Carl J., 1933. — Nouvelles recherches archéologiques a Bamiyan. — MDFAA. T. III.
- Hakemi A., 1968. — Kaluraz and the civilization of the Medes. — Archaeologia viva. I.
- Hakemi A., 1972. — Catalogue de l'exposition Désert de Lut. Teheran.
- Hakemi A., Sajjadi M., 1988. — Shahdad Excavations in the Context of an Oasis civilization. — BAOC.
- Hančar F., 1934. — Kaukasus-Luristan. — ESA. 9.
- Hančar F., 1935. — Ross und Reiter im Urgeschichtlichen Kaukasus. — Jahrbuch für prähistorische und ethnographische Kunst. Bd. I. B.
- Hančar F., 1955. — Das Pferd in prähistorischer und früher historischer Zeit. Wien.
- Hanfman G., 1958. — Lydiaka. — Harvard Studies in Classical Philology. 63.
- Hanfmann G.M., 1961. — A Near Eastern Horseman. — Syria. T. 38.

- Hänsel B., 1968. — Beiträge zur Chronologie der mittleren Bronzezeit im Karpatenbeken. Bonn.
- Hänsel B., Zimmer S. (Ed.), 1994. — Die Indogermanen und das Pferd. Budapest.
- Harmatta J., 1978. — Migrations of the Indo-Iranian Tribes. — *Acta Antiqua*. T. 26, fasc. 3—4.
- Harmatta J., 1981. — Proto-Iranians and Proto-Indians in Central Asia in the 2nd Millennium B.C. — *EHPITsAD*.
- Hauptmann H., 1985. — Eurasischer Steppennomaden in Kleinasien. Neue Funde. — Beiträge zur Altertumskunde Kleinasien. Mainz.
- Hauschild R., 1962. — Über die frühesten Arier im Alten Orient. B.
- Häusler A., 1981. — Zur ältesten Geschichte von Rad und Wagen im nordpontischen Raum. — *EAZ*. T. 22, Heft 4.
- Häusler A., 1984. — Neue Belege zur Geschichte von Rad und Wagen im nordpontischen Raum. — *EAZ*. Heft 4.
- Häusler A., 1992. — Archäologie und Ursprung der Indogermanen. *Altertum*. (Sep. issue).
- Häusler A., 1994. — The North-Pontic Region and the Beginning of the Eneolithic in South-East and Central Europe. — *The Archaeology of the Steppes*. Napoli.
- Häusler A., 1996. — Invasionen aus den nordpontischen Steppen nach Mitteleuropa im Neolithikum und in der Bronzezeit: Realität oder Phantasie—produkt? — *Archäologische Informationen*. 19. N 1, 2.
- Heine-Geldern R. von, 1956. — The Coming of the Aryans and the end of the Harappa civilization. — *Man*. LVI. October.
- Helimsky E., 1996. — The southern neighbours of Finno-Ugrians: Iranians or an extinct branch of Aryans ("Andronovo Aryans"). — *Finnisch-ugrische Sprachen in Kontakt*. Maastricht.
- Henning W., 1951. — Zoroaster — politician or witch-doctor? London.
- Herrlich A., 1937. — Deutsche im Hindukush. B.
- Hertel J., 1925. — Die arische Feuerlehre. — *Indo-Iranische Quellen und Forschungen*. Leipzig. Heft 6.
- Hertel J., 1931. — Die avestischen Herrschafts- und Siegesfeuer. — *Abhandlungen der Sächsischen Akademie der Wissenschaften*. Leipzig. Bd. XLI, N 6.
- Herzfeld E., 1937, 1938 — Die Kunst des zweiten Jahrtausend in Vorder Asien. — *AMI*. 1937, Bd. 8, Heft 3; 1938, Bd. 9.
- Herzfeld E., 1941. — *Iran in the Ancient East*. London, N.Y.
- Herzfeld E., 1947. — *Zoroaster and his World*. Vol I—II. Princeton.
- Herzfeld E., 1958. — *The Persian Empire*. Wiesbaden.
- Hiebert F., 1993. — Chronology of Margiana and radiocarbon dates. — *Inform Bulletin of study of cultures of Central Asia*. V.19.
- Hiebert F., 1994. — Origins of the Bronze Age oasis civilization in Central Asia. Cambridge. (Mass.).
- Hiebert F., 1998. — Central Asians on the Iranian Plateau: A Model for Indo-Iranian Expansionism. — *BAEIAF*. 1.
- Hiebert F., Lamberg-Karlovsky C., 1992. — Central Asia and the Indo-Iranian Borderlands. — *Iran*. XXX.
- Hiebert F., Moore K., 2004. — A small steppe site near Gonur. — *У истоков цивилизации*. М.
- Higam C., 1989. — *The Archaeology of Mainland Southeast Asia*. Cambridge.
- Hilzheimer M., 1935. — The Evolution of the Domestic Horse. — *Antiquity*. 9.
- Hock H.H., 1999. — Out of India? The linguistic evidence. — *ANASA*. Cambridge.
- Hood M.S., 1954. — A Mycenaean Cavalryman. — *BSA*. 48.

- Houston M.G., 1954 — *Ancient Egyptian, Mesopotamian and Persian Costume and Decoration*. London.
- Hrozny B., 1931. — L'entraînement des chevaux chez les anciens Indo-Européens d'après un texte mitannien-hittite provenant du 14 siècle av. J.-C. — *Archiv Orientalni*. III. N 3. December.
- Huff D., 2000. — Djarkutan. Archaeological research on Tepe VI. — *IMKU*. 31.
- Huot J.-L., 1965. — Iran I. — *Archaeologia Mundi*. Genève.
- Huot J.-L., Jon M., Calvet J. (Eds.), 1987. — *De l'Indus aux Balkans*. Recueil à la mémoire de J. Deshayes. P.
- Hüttel H.-G., 1977. — Zur westlichen Komponente des chinesischen Pferd-Wagen-Komplexes der Shang- und frühen Chou-Zeit. — *Beiträge zur allgemeinen und vergleichenden Archäologie*. Bd. 1. München.
- Hüttel H.-G., 1978. — *Altbronzezeitliche Pferdetrensen*. Frankfurt am Main.
- Hüttel H.-G., 1981. — *Bronzezeitliche Trensen in Mittel- und Osteuropa*. — *Prähistorische Bronzefunde*. München. Bd. 16. N 2.
- Hüttel H.-G., 1982a. — *Südosteuropa zwischen 1600 und 1000 v. Chr.* — *Prähistorische Archäologie in Südosteuropa*. 1. B.
- Hüttel H.-G., 1982b. — Zur Abkunft des Danubischen Pferd-Wagen-Komplexes der Altbronzezeit. — *Prähistorische Archäologie in Südosteuropa zwischen 1600 — 1000 v. Chr.* B.
- IsMEO 1982. — *Italian Archaeological Mission Pakistan, Swāt, 1956-1981*. Exhibition. Rome.
- Ivanov V.V., 1999. — *Comparative Notes on Hurro-Urartian, Northern Caucasian and Indo-European*. — *UCLA Indo-European Studies*. I.
- Ivanov V.V., 2002. — *Towards a Possible linguistic interpretation of the Arkaim-Sintashta discoveries*. — *Complex Societies of Central Eurasia from the 3rd to the 1st Millennium B.C.* Washington.
- Jarrige J.-F., 1973. — La Fin de la civilisation Harappienne. — *Paléorient* I.
- Jarrige J.-F., 1981. — *Economy and Society in the Early Chalcolithic-Bronze Age of Baluchistan*. New Perspectives from Recent Excavation at Mehrgarh. — *SAA*. B.
- Jarrige J.-F., 1993. — The final phase of the Indus occupation at Nausharo and its connection with the following cultural complex of Mehrgarh VIII. — *SAA*. I. Helsinki.
- Jarrige J.-F., Hassan M., 1989. — *Funerary complexes in Baluchistan at the end of the Third Millennium in the light of Recent Discoveries at Mehrgarh and Quetta*. — *SAA*, 1985. Aarhus.
- Jarrige J.-F., Santoni M., 1979. — *Fouilles de Pirak*. Vol. 2. P.
- Jettmar K., 1950. — The Karasuk Culture and Its South Eastern Affinities. — *BMFEA*. T. 22.
- Jettmar K., 1951. — The Altai before the Turks. — *BMFEA*. T. 23.
- Jettmar K., 1956. — Zur Wanderungsgeschichte der Iranier. — *Die Wiener*
- Jettmar K., 1960. — The cultural history of Northern Pakistan. — *Year book of the American philosophical society*.
- Jettmar K., 1966. — Traditionen der Steppenulturen bei indoiranischen Bergvölkern. — *Jahrbuch der South Asia Institute*. Universit. Heidelberg.
- Jettmar K., 1968. — An Iron Cheek-piece of a snaffle found at Timargarha. — In: Dani 1967.
- Jettmar K., 1975. — *Die Religionen des Hindukusch*. Stuttgart.
- Jettmar K., 1981. — Fortified ceremonial centres of the Indo-Iranians. — *EPITsAD*.
- Jettmar K., 1985. — Non-Buddhist Traditions in the Petroglyphs of the Indus Valley. — *SAA*. 1983. Istituto Orientale. XXIII.
- Jettmar K., 1997. — Bemerkungen zu Arkaim. — *Eurasia Antiqua*. 3.
- Joki A., 1973. — Uralier und Indogermanen. Helsinki.

- Jones-Bley K., 1997. — Defining Indo-European Burial. — *Papers in Memory Marija Gimbutas: Varia on Indo-European Past* (M. Dexter, E. Polome Ed.). JIES, Monograph Series 19.
- Jones-Bley K., 2002. — Indo-European Burial, the "Rig Veda", and "Avesta". — CSCE.
- Joshi J., 1978. — Interlooking of Late Harappa Culture and Painted Grey Ware in the Light of Recent Excavations. — *Man and Environment*, 1978, N 2.
- Joshi K., 2003. — *The Veda and Indian Culture*. New Delhi.
- Joshi J.P., Bisht R., 1994. — *India and the Indus civilization*. — New Delhi.
- Jule P., 1985. — *Metalwork of the Bronze Age in India*. München.
- Junge J., 1939. — *Saka-Studien. Der Ferne Nordosten im Weltbild der Antike*. — Klio. 41. N.F. H. 28. Leipzig.
- Junghans S., Sangmeister E., Schröder M., 1968. — *Kupfer und Bronze in der frühen Metallzeit Europas*. T. 1-3. B.
- Kammenhuber A., 1961. — *Hippologia Hethitica*. Wiesbaden.
- Kammenhuber A., 1968. — *Die Arier im Vorderen Orient*. Heidelberg.
- Kane P., 1946. — *History of Dharma-Sastra*. Poona.
- Kaninich von K., Teufel M., 2001. — Zur Sequenz des Gräberfeldes von Rannij Tulchar und seiner Bedeutung für die Chronologie des spätbronzezeitlichen Baktrien. — AMIT. 33.
- Karo G., 1930. — *Schachtgräber von Mykenai*. München.
- Kazanas N., 2002. — Indigenous Indo-Aryans and the Rig Veda. — JIES. 30. N 3, 4.
- Kellens J., 1998. — Considerations sur l'histoire de l'Avesta. — JA. 2.
- Kellens J., 2001. — Zoroastre dans l'histoire ou dans le mythe? — JA. 289.2.
- Kellens J., 2002. — Reflexions sur la datation de Zoroastre. — *Jerusalem Studies in Arabic and Islam*. 26.
- Kellens J., Pirart E., 1988-1991. — *Les textes vieux avestiques*. I-III. Wiesbaden.
- Kemp B., Merrilees R., 1980. — *Minoan Pottery in Second Millennium Egypt*. Mainz.
- Kennedy K., 1995. — Have Aryans been identified in the prehistoric skeletal record from South Asia? — *The Indo-Aryans of ancient South Asia* (Erdosy G. Ed.). B.
- Khan G.M., 1979. — *Excavation at Zarif Karuna*. — *Pakistan Archaeology*. 19.
- Khan F., Knox J., Thomas K., 1991. — *Explorations and Excavations in Bannu District, North-West Frontier Province Pakistan, 1985-88*. — *British Museum occasional Paper*. N 80. London.
- Killian-Dirlmeier J., 1988. — *Jewellery in Mycenaean and Minoan Warrior Graves. — Problems in Greek Prehistory*. Bristol.
- Klengel H., 1962. — Zu einigen Problemen des altvorderasiatischen Nomadentums. — *Archiv Orientalni*. Praha. T. 30, N 4.
- Kohl Ph. (Ed.), 1981. — *The Bronze Age Civilization of Central Asia*. N.Y.
- Kohl Ph., 1984. — *Central Asia: Paleolithic Beginnings to the Iron Age*. P.
- Kohl Ph., 1992. — *Central Asia. — Chronologies in Old World Archaeology*. Ehrich (Ed) II. Washington.
- Koivulehto J., 1987. — Zu den frühen Kontakten zwischen indogermanisch und Finisch-Ugrisch. — *Linguistische Studien*. Reihe A. 161/II. Berlin.
- Koppers W., 1936. — *Pferdeopfer und Pferdekult der Indogermanen. — Die Indogermanen- und Germanenfrage*. Leipzig. T. 4.
- Korenchy E., 1972. — *Iranische Lehnwörter in den Obugrischen Sprachen*. Budapest.
- Kossak G., 1987. — *Von den Anfängen des Skytho-Iranischen Tierstils*. — *Skythika*. München.
- Kossak G., 1996. — *Geschichte und Aufgaben der archäologischen Erforschung Mittelasiens an der Schwelle zur frühen Eisenzeit*. — *Eurasia Antiqua*. 1. 1995.
- Kovács T., 1969. — *Prehistoric Horse Bits of Antler Found in Carpatian Basin Recently*. — *Alba Regia*. Vol. X.

- Kovács T., 1977. — *L'âge du bronze en Hongrie*. Budapest.
- Kramer J.H., 1954. — *Iranian Fire-Worship*. — *Analecta Orientalia*. Praha. 1.
- Kroemer B., von Becker B., 1993 — Germanen oak and pine C¹⁴ calibration — *Radiocarbon*. Bd. 35.
- Kuiper F.B., 1991. — *Aryans in the Rigveda*. — *Studies in Indo-European*. Leiden.
- Kuiper F.B., 1997. — *Selected writings on Indian Linguistics and Philology*. (Lubotsky A. and oth. Ed.). Amsterdam-Atlanta.
- Kuniholm P., 1993. — A Data-list for Bronze Age and Iron Age Monuments based on combined dendrochronological and radiocarbon evidence. — *Anatolia and its Neighbors. Studies in Honor of N. Özgü*. Ankara.
- Kupper J.R., 1957. — *Les nomades en Mésopotamie au temps des rois de Mari*. P.
- Kuzmina E.E., 1971. — The Earliest Evidence of Horse Domestication and Spread of Wheeled Vehicles in Connection with Problem of Time and Place of Formation of Indo-European Unity. — *CISPP VIII*. Beograd.
- Kuzmina E.E., 1976. — The "Bactrian Mirage" and the Archaeological Reality. — *EW. N. S. 26, N 1—2*.
- Kuzmina E.E., 1982. — The Semantics of the Chertomlyk Vase. — *Soviet Studies in Anthropology and Archaeology*. XXI. N 1, 2. NY.
- Kuzmina E.E., 1983. — Stages in the Development of Wheeled Transport in Central Asia during the Eneolithic and Bronze Ages. — *Soviet Studies in History*. XXII, N 1—2.
- Kuzmina E.E., 1985. — Les contacts entre les peuples de la Steppe et les agriculteurs et les problème de l'iranisation de la Bactriane ancienne. — *L'archéologie de la Bactriane ancienne*. P.
- Kuzmina E.E., 1991. — Die urgeschichtliche Metallurgie der Andronovo-Kultur. Bergbau, Metallurgie und Metallbearbeitung. — *Zeitschrift für Archäologie*. Bd. 125, fasc. 1.
- Kuzmina E.E., 1992a. — Shortugaj: problemy sootnosheniya ehtnosa i material'noj kul'tury. *Rets.: H.-P.Francfort. Fouilles de Shortughai*. I, II. P. 1989. — *VDI*. N 4.
- Kuzmina E.E., 1992b. — Stages in the Development of Cultural Ties between the Finno-Ugric and Indo-Iranian Peoples in the Light of Linguistic and Archaeological Data. — *Suomen varhaishistoria*. Rovaniemi.
- Kuzmina E.E., 1994a. — Horses, Chariots and Indo-Iranians: Archaeological Spark in the Historical Dark. — *SAA 1993*. Helsinki.
- Kuzmina E.E., 1994b. — Stages of Development of Stock Breeding Husbandry and the Ecology of Steppes in the Light of the Archaeological and Paleozoological Data. — *The Archaeology of the Steppes. Methods and Strategies*. Napoli.
- Kuzmina E.E., 1997a. — The Cultural Connections between the shepherds of the steppes and South Central Asia, Afganistan and India in the Bronze Age. — *SAA. 1995. XIII*. Cambridge.
- Kuzmina E.E., 1997b. — The Eurasian Steppe: the Transition from Early Urbanism to Nomadism. — *III International Conference of European Association of Archaeologists*. Ravenna. P.
- Kuzmina E.E., 1998a. — Cultural Connections of the Tarim Bassin People and the Shepherds of the Asian Steppes in the Bronze Age. — *BAEIAF. V. 1*.
- Kuzmina E.E., 1998b. — Three Chronological Methods and Three Ways of Synchronization of Bronze Age Sites in the Eurasian Steppes. — *IVth Annual Meeting of EAA*. Göteborg.
- Kuzmina E.E., 2000. — The Eurasian Steppes: The Transition from Early Urbanism to Nomadism. — *Kurgans, Ritual Sites and Settlements Eurasian Bronze and Iron Age*. Oxford.
- Kuzmina E.E., 2001a. — Andronovo. — *P.Peregrine and M. Ember (Eds.). Encyclopedia of prehistory*. NY. 1-12.

- Kuzmina E.E., 2001b. — Contacts between Finno-Ugric and Indo-Iranian speakers in the light of archaeological, linguistic and mythological data. — ECUIE.
- Kuzmina E.E., 2001c. — The first wave of Indo-Iranian migration to the south. — JIES. V. 29. N 1, 2.
- Kuzmina E.E., 2001d. — Prehistory of the Great Silk Road: Cultural Connections of Xinjiang Population with Andronovo Culture Tribes in the Bronze Epoch. — Silk Road Art and Archaeology. 7. Kamakura.
- Kuzmina E.E., 2002a. — Comments on C. Lamberg-Karlovsky "On the origin of Indo-Iranians". — Current Anthropology. 43. N 2.
- Kuzmina E.E., 2002b. — Comments on N. Kazanas "Indigenous Indo-Aryans and the Rigveda". — JIES. V. 30. N 3, 4.
- Kuzmina E.E., 2002c. — Ethnic and cultural Interconnections between Iran and Turan in the 2nd Millenium B.C. — CSCE.
- Kuzmina E.E., 2002d. — Mythology and Art of Scythians and Bactrians. M.
- Kuzmina E.E., 2003. — Origins of Pastoralism in the Eurasian Steppes. — PSAH.
- Kuzmina E.E., 2004. — Historical perspectives on Andronovo and early metal use in Eastern Asia. — The Metallurgy in Ancient Eastern Eurasia from the Urals to the Yellow River. NY.
- Kuzmina E.E., Vinogradova N.M., 1983. — Beziehungen zwischen bronzzeitlichen Steppen- und Oasenkulturen in Mittelasien. — Beiträge zur allgemeinen und vergleichenden Archäologie. Bd. 5. München.
- Kuzmina E.E., Vinogradova N.M., 1996. — Contacts between the steppe and Agricultural Tribes of Central Asia in the Bronze Age. — Anthropology and archaeology of Eurasia. 34. N 4. Philadelphia.
- Lal B., 1950. — The Dark Age. The Painted Grey Ware of the upper Gangetic basin. — Journal of Asiatic Society of Bengal. V. 16.
- Lal B.B., 1954–1955. — Excavations at Hastinapura and other Explorations. — Ancient India. Vol. 10, 11.
- Lal B.B., 1961. — Expeditions and Excavations since Independence. — Central Forum. 4, N 2.
- Lal B.B., 1981. — The Indo-Aryan Hypothesis vis-a-vis Indian Archaeology. — EhpIT-sAD.
- Lal B.B., 1997. — The Earliest Civilization of South Asia. New Delhi.
- Lal B.B., 2002. — The Sarasvati flows on. The Continuity of Indian culture. New Delhi.
- Lal B.B., Gupta S.P. (Eds.), 1984. — Frontiers of the Indus civilisation. New Delhi.
- Lamberg-Karlovsky C., 1987. — Third millennium structure and process: from the Euphrates to the Indus and from the Oxus to the Indian ocean. — *Oriens Antiquus*. 25.
- Lamberg-Karlovsky C., 1989. — Introduction. The Proto-Elamite Texts from Tepe Yahya by P.Damerow, R.Englund. — American School of Prehistoric Research. 39. Cambridge. Mass.
- Lamberg-Karlovsky C., 1994. — The Oxus civilization: the Bronze Age of Central Asia. — *Antiquity*. 68. N 259.
- Lamberg-Karlovsky C., 1996. — Beyond the Tigris and Euphrates: Bronze Age civilizations. Jerusalem.
- Lamberg-Karlovsky C.C., 2002. — Archaeology and Language. The Indo-Iranians. — *Current Anthropology*. 43. N 1.
- Lawergren B., 2003. — Oxus trumpets, ca 2200-1800 B C E: material overview, usage, social role and catalog. — *Iranica Antiqua* (separate off print).
- Le Coq A. von, 1925. — *Bilderatlas zur Kunst- und Kulturgeschichte Mittel-Asiens*. B.
- Lehmann W.P., 1973. — *Historical Linguistics, an Introduction*. N.Y.

- Leroy M., 1957. — La place de l'iranien dans les langues indoeuropéennes. — *Annuaire de l'Institut de philologie et d'histoire orient et slaves*. T. 14. Bruxelles.
- Leshnik L., 1971. — Some Early Indian Horse-Bits and Other Bridle Equipment. — *AJA*. 75, N 2.
- Lévi Sylvain, 1898. — La doctrine du sacrifice dans les Brahmanas. P.
- Levine M., 1990. — Dereivka and the Problem of Horse Domestication. — *Antiquity*. V. 64. N 245.
- Levine M., 1999. — The origins of horse husbandry on the European Steppe. — Late prehistoric exploitation of the Eurasian Steppe. Cambridge.
- Li Chi, 1977. — Anyang. Seattle: University of Washington Press.
- Lichardus J., 1984. — Zum frühbronzezeitlichen Totenritual im Westlichen Schwarzmeergebiet. — III Thracologischer Kongress. Bd. 1. Sofia.
- Lichardus J., 1991. — Die Kupferzeit als historische Epoche. — Die Kupferzeit als historische Epoche. Bonn.
- Lichardus J., Vlado J. 1996. — Karpatenbecken- Sintašta -Mykene. Ein Beitrag zur Definition der Bronzezeit als historische Epoche. — *Slovenska Archeologia*.
- Ligabue G., Salvatori S. (Ed.), 1988. — Bactria an ancient oasis civilization from the Sands of Afganistan. Venezia.
- Linduff K. (Ed.), 2004. — Metallurgy in Ancient Eastern Eurasia from the Urals to the Yellow River. — *Chinese Studies*. 31. NY.
- Littauer M., 1969. — Bits and Pieces. — *Antiquity*. London. 43, N 172.
- Littauer M., 1977. — Rock Carvings of Chariots in Transcaucasia, Central Asia and Outer Mongolia. — *PPS*. 43.
- Littauer M., Crouwel J., 1973a. — Early Metal Models of Wagons from the Levant. — The Levant. Beirut. 5.
- Littauer M., Crouwel J., 1973b. — Evidence for Horse Bits from Shaft Grave IV at Mycenae? — *Prähistorische Zeitschrift*. B. Bd. 48, N 2.
- Littauer M., Crouwel J., 1974. — Terracotta Models as Evidence for Vehicles with tilts in the Ancient Near East. — *PPS*. V. 40.
- Littauer M., Crouwel J., 1977. — The Origin and Diffusion of the Cross-Bar Wheel? — *Antiquity*. 51, N 202.
- Littauer M., Crouwel J., 1979. — Wheeled Vehicles and Ridden Animals in the Ancient Near East. Leiden, Köln.
- Littauer M., Crouwel J., 1982. — A Bridle Bit of the Second Millennium B.C. in Jerusalem. — *Levant*. 14.
- Littauer M., Crouwel J., 1986a. — The Earliest Known Three-dimensional Evidence for Spoked Wheels. — *AJA*. 90.
- Littauer M., Crouwel J., 1986b. — A Near Eastern Bridle Bit of the Second Millennium B.C. in New York. — *Levant*. 18.
- Littauer M.A., Crouwel J.H., 1996. — The Origins of the True Chariot. — *Antiquity*, Vol. 70. N 270. December.
- Lombardo G., 1997. — Il progetto di ricerca italo-russo sulle culture del Tadjikistan meridionale tre eta del Bronzo ed eta del Ferro (ultimi secoli del II — inizi del I millenio a.c.). — *Orient Express*. 2.
- Lubotsky A., 1997. — Rgvedic Word — Concordance. Pt. I New Haven. Pt. II. P.
- Lubotsky A., 1998. — Tocharian Loan Words in old Chinese: Chariot, Chariot Gear, and Town Building. — *BAEIA*: 1.
- Lubotsky A., 2001. — The Indo-Iranian substratum. — *ECUIE*.
- Luckenbill D., 1927. — Ancient Records of Assyria and Babylonia. Chicago.
- Lundholm B., 1949. — Abstammung und Domestikation des Hauspferdes. — *Zoologische Bidrag från Uppsala*. Uppsala. Bd. 27.
- Lyonnnet B., 1996 — Sarazm (Tadjikistan) Céramiques. P. CNRS.

- Macdonell A., 1897. — Vedic Mythology. Strassburg.
- Macdonell A., 1990. — History of Sanskrit literature. New York.
- Macdonnell A., Keith A., 1958. — Vedic Index of Names and Subjects. Vol.1—II. Delhi. (2nd ed.).
- Mackay E., 1937-38. — Further excavations at Mohenjo-Daro. Delhi. 2 vols.
- Mahboubian Houshang, 1997. — Art of Ancient Iran Copper and Bronze. The Housheng Mahboubian Family collection. — Philip Wilson. Verona.
- Mair V., 2000. — Shang graphs of horses. — Late Prehistoric Exploitation of the Eurasian Steppe (C. Renfrew Ed.). Cambridge.
- Majumdar R., 1998. — Ancient India. New Delhi.
- Majumdar P., 2001a. — Ethnic populations of India as seen from an evolutionary perspective. — Journal of Biosci. 26. N 4 suppliment.
- Majumdar P., 2001b. — Indian Caste Origins: genomic Insights and future outlook. — Genome Research. 11. N 6.
- Maleki J., 1964. — Une fouilles en Luristan. — Iranica antiqua. 4.
- Mallory J., 1973. — A Short History of the Indo-European Problem. — JIES. I, N 1.
- Mallory J., 1981. — The Ritual Treatment of the Horse in the Early Kurgan Tradition. — JNES. 9.
- Mallory, 1989. — In Search of the Indo-Europeans. Language, Archaeology and Myth. London.
- Mallory J.P., 1996. — The Indo-European Homeland Problem: a matter of Time. — The Indo-Europeanization of Northern Europe. Washington.
- Mallory J.P., 1998a. — Afterword. — Sarianidi V. Margiana and Protozoroastrism. Athens.
- Mallory J.P., 1998b. — A European Perspective on Indo-Europeans in Asia. — BAEIAP. 1.
- Mallory J.P., 2001. — Uralics and Indo-Europeans: Problems of time and space. — ECUIE.
- Mallory J.P., 2002. — Indo-Europeans and Steppelands: The Model of Language Shift. — Proceedings of the Thirteenth Annual UCLA Indo-European conference. Washington.
- Mallory J.P., Mair V.M., 2000. — The Tarim Mummies: Ancient China and the Mystery of the Earliest Peoples from the West. London.
- Malten Z., 1914. — Das Pferd im Toten-Glauben. — Archäologische Jahrbuch. XXIX. B.
- Mandel'shtam A.M., 1977. — Rannie kochevniki v drevnej istorii Srednej Azii. — Le plateau Iranien et l'Asie Centrale des origines a la conquête islamique. P.
- Manning S., 1988. — The Bronze Age Eruption of Thera: — Absolute Dating Aegean Chronology and Mediterranean Cultural Relations. — Journal of Mediterranean Archaeology. N 1, 1.
- Manning S., 1995. — The Absolute Chronology of the Aegean Early Bronze Age. Sheffield.
- Manning S., Kromer B., Kuniholm P., Newton M., 2001. — Anatolian tree rings and a new chronology for the East Mediterranean Bronze-Iron Ages. — Science. 294. December.
- Mansfeld G., 1984. — Gräber mit Wagenbeigaben vom Frühdynastikum das Vorderen Orients bis zur Hallstattzeit Mitteleuropas. — Keltski voz Posavski Muzej. Knjiga 6. Brejice.
- Mar'yashev A., Goryachev A., Potapov S., 1998. — Kazakhstan: choix de pétroglyphes du Semirech'e. — Mémoires de la Mission Archéologique Française en Asie Centrale. S. P.
- Margabandhu C., 1973. — Technology of Transport Vehicles in Early India. — Radiocarbon and Indian Archaeology. Bombay, Poona.

- Marinatos S., 1960. — Crete and Mycenae. London.
- Marquart J., 1938. — Wehrot und Arang. Leiden.
- Marshall J., 1931. — Mohenjo-Daro and the Indus civilization. London.
- Martin F.R., 1883. — L'âge du bronze au Musée du Minusinsk. Stockholm.
- Maryon H., 1949. — Metal Working on the Ancient World. — *AJA*. 53, N 2.
- Masson V.M., Sarianidi V., 1972. — Central Asia: Turkmenia before Achaemenides. London.
- Maxwell-Hyslop K., 1958. — A comment on the Finds from Khinnaman. — *Iranica Antiqua*. 23.
- Mayrhofer M., 1956. — Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Heidelberg. 1.
- Mayrhofer M., 1966. — Die Indo-Arier im Alten Vorderasien. Wiesbaden.
- Mayrhofer M., 1974. — Die Arier im Vorderen Orient — ein Mythos? Wien.
- Mayrhofer M., 1979. — Ausgewählte kleine Schriften. Wiesbaden.
- Mayrhofer M., 1986. — Etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Heidelberg.
- Mayrhofer M., 1996. — Die Indo-Arier in alten Vorderasien. Wiesbaden.
- Mayrhofer-Passler E., 1953. — Haustieropfer bei den Indoiraniern und anderen Indogermanischen Völkern. — *Archiv Orientalní*. 21. Praha.
- Mc Alpin D., 1981. — Proto-Elamo-Dravidian: The Evidence and its Implications. — *Transactions of the American Philosophical Society*. 71. N 3.
- Meadow R., Patel A., 1997. — A comment on "Horse remains from the prehistoric site of Surkotada, Kutch". — *South Asian Studies*. 13.
- Mednikova M., 1997. — On the social status of chariot-men among the population of the Karasuk culture. — *Eurasia antiqua*. 3.
- Medvedskaya I.N., 1982. — Iran: Iron Age I. Oxf.
- Mei J., Shell C., 1998. — Copper and Bronze Metallurgy in Late Prehistoric Xinjiang. *BAEAP*. 2.
- Mei J., Shell C., 1999. — The existence of Andronovo cultural influence in Xinjiang during the 2nd millenium B.C. *Antiquity*. 73. № 281.
- Meyer E., 1884. — Geschichte des Altertums. Bd. 2. Stuttgart.
- Meyer F.A., 1945. — Handbook of Ornament. Chicago.
- Mili Chandra, 1972. — Costumes and Textiles of Ancient India (3rd Mill. B.C. to 13th Cent. B.C). Delhi.
- Misra S.S., 1992. — The Aryan problem: A linguistic approach. New Delhi.
- Molé M., 1963. — Culte, mythe et cosmologie dans l'Iran ancien. P.
- Moorey P.R., 1969a. — The Earliest Near Eastern Spoked Wheels and their chronology. — *PPS* for 1968, 1969. XXXIV.
- Moorey P.R., 1969b. — Prehistoric Copper and Bronze Metallurgy in Western Iran (with special reference to Luristan). — *Iran*. Vol. 7.
- Moorey P.R., 1970. — Pictorial Evidence for the History of Horse-Riding in Iraq before the Kassite Period. — *Iraq*. 32, pt. 1.
- Moorey P.R., 1971a. — Catalogue of the Ancient Persian Bronzes in the Ashmolean Museum. Oxf.
- Moorey P.R., 1971b. — Towards a Chronology for the Luristan Bronzes. — *Iran*. IX.
- Moorey P.R., 1986. — The Emergence of the Light Horse-Drawn Chariot in the Near East. 2000–1500 B.C. — *World Archaeology*. 18, pt. 2.
- Morgenstierne G., 1929, 1938, 1967. — Indo-Iranian Frontier Languages. V. I-III. Oslo.
- Morgenstierne G., 1973. — Irano-Dardica. Wiesbaden.
- Mozsolics A., 1953. — Mors en bois de cerf sur la territoire du Bassin de Carpathes. — *AAH*. T. 3.
- Mozsolics A., 1960. — Einige Probleme der ungarischen Spätbronzezeit. — *Swiatowit*. T. 23.

- Mozsolics A., 1967. – Bronzefunde des Karpatenbeckens. Budapest.
- Mozsolics A., 1973. – Zur Datierung der spätbronzezeitlichen Depothorizonte des Karpatenbeckens. – CISPP VIII. Beograd.
- Müller-Karpe H., 1959. – Beiträge zur Chronologie der Urnenfelderzeit nördlich und südlich der Alpen. B.
- Müller-Karpe H., 1960. – Sulla cronologia assoluta della tarda età del bronzo e della prima età del ferro e nella Germania Meridionale. – *Civiltà del ferro*. Vol. 6. Bologna.
- Müller-Karpe H., 1974, 1980. – *Handbuch der Vorgeschichte*. München, Bd. 3, 1974; Bd. 4, 1980.
- Müller-Karpe H., 1983. – Jungbronzezeitlich-früheisenzeitliche Gräberfelder der Swat-Kultur in Nord Pakistan. – *Materialien zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie*. 20. München.
- Muscarella O., 1968. – Excavations at Dinka Tepe, 1966. – *The Metropolitan Museum of Art Bulletin*. N 27.
- Mylonas G., 1957. – *Ancient Mycenae*. Princeton.
- Nagel W., 1966. – Der mesopotamische Streitwagen und seine Entwicklung im ostmediterranen Bereich. – *Berliner Beiträge zur Vor- und Frühgeschichte*. Bd. 10.
- Narasimhan S., 1999. – Sati: A Study of Widow Burning in India. New Delhi.
- Necrasov O.C., 1971. – Die neolithischen Equiden Rumäniens und das Problem der Domestikation des Pferdes. – *Résumés des communications présentées III congrès internationale des musées d'agriculture*. Budapest.
- Negahban E., 1964. – Preliminary Report on Marlik Excavation. Teheran.
- Negahban E., 1996. – Marlik. The Complete Excavation Report. I, II. Philadelphia.
- Negelein V., 1903. – *Das Pferd im Arischen Altertum*. Königsberg.
- Nichols J., 1997. – The Epicentre of the Indo-European Linguistic Spread. – *Archaeology and Language*. London.
- Nyberg H., 1938. – *Die Religionen des alten Iran*. Leipzig.
- Oancea A., 1976. – Branches de mors au corps en forme de disque. – *Thraco-Dacia*. Bucuresti.
- Oates D., Oates J., 1976. – *The Rise of Civilization*. Oxf.
- Oates D., Oates J., McDonald H., 1997. – Excavations at Tell Brak 1. Cambridge.
- Oates J., 2000. – Equid Figurins and Chariot Models – Excavations at Tell Brak 2. Cambridge.
- Oates J., 2003. – A Note on the Early Evidence for Horse in Western Asia. – *PSAH*.
- Ognibene B., 2001. – Essays on Vedic and Indo-European Culture. – *Prabuddha Bharata*. 106.
- Oldenberg H., 1894. – *Die Religionen des Veda*. B.
- Olivieri L.M., 1998. – The Rock-carvings of Gogdara I (Swat). – *EW*. 48. N 1-2.
- Oren E.D., 1997. – *The Hyksos: New historical and archaeological perspectives*. – University Museum Publications. 96. Philadelphia.
- Otten H., 1951. – Pirva - der Gott auf dem Pferde. – *Jahrbuch für kleinasiatische Forschung*. Bd. II, H. 1. Heidelberg.
- Özgüç T., 1950. – Ausgrabungen in Kültepe-Kanis. Ankara.
- Özgüç T., 1953. – *Kultepe Kaisi Raporu*, 1949. Ankara.
- Özgüç T., 1959. – *Kultepe - Kanis*. Ankara.
- Palmer L., 1965. – *Mycenaeans and Minoans*. London.
- Pandey R.B., 1965. – Conception of the House and domestic facilities in the Atharvaveda 3, 31. Delhi.
- Pant G., 1978. – *Indian Arms and Armour. Pre- and Protohistoric Weapons and Archery*. Vol. 1. New Delhi.

- Parpola A., 1974. – On the Protohistory of the Indian Languages in the Light of Archaeological, Linguistic and Religious Evidence: An Attempt of Interpretation. – SAA. 1973. Leiden.
- Parpola A., 1985. – The Sky-Garment. – *Studia Orientale*. 57. Helsinki.
- Parpola A., 1988. – The Coming of the Aryans to Iran and India and the cultural and Ethnic Identity of the Dāhas. – *Studia Orientalia*. 64. Helsinki.
- Parpola A., 1995. – Formation of the Aryan Branch of Indo-European. – *World Archaeology*. 3.
- Parpola A., 1997. – The Dāsas and the Coming of the Aryans. – *Inside the Texts, Beyond the Texts*. Cambridge.
- Parpola A., 2002a. – Indo-Iranian Languages and Peoples. – *Proceedings of the British Academy*. 116.
- Parpola A., 2002b. – Pre-proto-Iranians of Afghanistan as initiators of Śākta tantrism: on the scythian/saka affiliation of the Dāsas, Nuristanis and Magadhans. – *IA XXXVII*.
- Parzinger N., Boroffka N., 2001. – Woher stammt das Zinn der Bronzezeit in Mittelasien? – *Archäologie in Deutschland*, 3.
- Passarino G., Semino O., Bernini L. and oth., 1996. – Pre-Caucasoid and Caucasoid genetic features of the Indian population, revealed by mt DNA polymorphisms. – *American Journal of Human genetic*. 59.
- Pedersen H., 1931. – *The Discovery of Language*. Cambridge.
- Penner S., 1998. – Schillemanns Schachtgräber und der Europäische Nordosten. Bonn.
- Petrescu-Dimbovița H., 1977. – *Depozitele de bronzuri din Romania*. Bucuresti.
- Piggott S., 1947-48. – Notes on certain pins and macehead from Harappa. – *Ancient India* 4.
- Piggott S., 1950. – *Prehistoric India to 1000 B.C.* Harmondsworth.
- Piggott S., 1952. *Prehistoric India to 1000 B.C.* London.
- Piggott S., 1969. – The Earliest Wheeled Vehicles and the Caucasian Evidences. – *PPS*. 34.
- Piggott S., 1983. – *The Earliest Wheeled Transport from the Atlantic Coast to the Caspian Sea*. London.
- Pinault G.-J., 1998. – Le nom indo-iranien de l'hôte. – *Sprache und Kultur der Indogermanen: Beiträge zur Sprechwissenschaft*. 93. Innsbruck (Meid W. Ed.).
- Pittioni R., 1954. – *Urgeschichte des Österreichischen Raumes*. Wien.
- Pittman H., 1984. – *Art of the Bronze Age*. NY.
- Pogrebova M.N., 2003a. – The emergence of chariots and riding in the south Caucasus. – *Oxford journal of archaeology*. 22. N. 4.
- Poliakov L., 1994. – European origins of racism-Genesis of the Aryan Myth. New Delhi.
- Polomé E., 1994. – Das Pferd in der Religion der eurasischen Völker. – *DluP*.
- Polomé E., 1997. – Animals in IE Cult and Religion. – *JIES. Monograph N 19. Papers in Memory of M.Gimbutas*.
- Poppe N., 1965. – *Introduction to Altaic Linguistics*. Wiesbaden.
- Popular Beliefs, 1968. – *Popular Beliefs and Folklore Tradition in Siberia*. Budapest.
- Porada E., 1948. – *Corpus of ancient Near Eastern Seals*. Meriden.
- Porada E., 1963. – *Iran ancien*. P.
- Porada E., 1979. – Remarks on Mitannian (Hurrian) and Middle Assyrian glyptic Art. – *Akkadika*. 13.
- Porada E. (Ed.), 1980. – *Ancient Art in Seals*. Princeton.
- Possehl G., 1990. – *Scientific Dates for South Asian Archaeology*. Pennsylvania.
- Possehl G., 1994. – *Radiometric Dates for South Asian Archaeology*. Philadelphia.
- Possehl G., 1998. – *Indus Age: The Mature Harappan*. Philadelphia. University of Pennsylvania Press.

- Posschl G., 1999. - The transformation of the Indus Civilization. - Man and Environment. XXIV (2).
- Posschl G., 2002. - The Indus civilization. A contemporary Perspective. New Delhi.
- Potratz J., 1938. - Der Pferdetext aus dem Keilschrift. Rostock.
- Potratz J.H., 1941. - Die Pferdegebisse des Zwischenstromländischen Raumes. - Archiv für Orientforschung. Bd. XIV, 1, 2. B.
- Potratz J.H., 1942. - Die Luristanischen Pferdegebisse. - Prähistorische Zeitschrift. B. T. 32-33.
- Potratz J.H., 1966. - Die Pferdetrensen des Alten Orient. Rome.
- Pottier M.-H., 1984. - Matériel funéraire de la Bactriane méridionale de l'Âge du Bronze. P.
- Puhvel J. 1955. - Vedic Asvamedha and gaulish lipomiiðvos. - Language Baltimore. 31.
- Puhvel J., 1969. - Meadow of the Otherworld in Indo-European Tradition. - Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiets des Indogermanischen Sprachen. Göttingen.
- Puhvel J. (Ed.) 1970. - Myth an Law among the Indo-Europeans / Studies in Indo-European comparative Mythology. Berkeley, Los Angeles, London.
- Puhvel J. 1978. - Victimial hierarchies in Indo-European animal sacrifice /American Journal of Philology. 99. № 3.
- Puhvel J. 1981. - Analecta Indoeuropaea. Innsbrucker Beitrage Zur Sprachwissenschaft.
- Puhvel J. 1987. - Comparative Mythology. Baltimore.
- Pulleyblank E., 1966. - Chinese and Indo-Europeans. - JRAS. N 1-2.
- Pulleyblank E., 1996. - Early contacts between Indo-Europeans and Chinese. - International Review of Chinese Linguistics. 1. N 3.
- Pumpelly R., 1908. - Explorations in Turkestan. Washington.
- Pusalker A., 1963. - Horse in Protohistoric India. - Munshi Indological Felicitation Volume. Bombay.
- Pyankova L.T., 1986. - Jungbronzezeitliche Gräberfelder im Vachš-Tal, Süd-Tadžikistan. München.
- Pyankova L., 1994. - Central Asia in the Bronze Age: sedentary and nomadic cultures. - Antiquity. 68 N 259.
- Pyankova L.T., 1996. - The Settlement of Karimberdy (IX-VIII cc. B.C.) in the south of Tadjikistan. - MAIKTsA. 20.
- Radlov V.V., 1893. - Aus Siberien. Vol. 1-2. Leipzig.
- Rajaram N., 1995. - The politics of history: Aryan invasion theory and the subversion of scholarship. New Delhi.
- Randsborg K., 1992. - Historical Implications Chronological Studies in European Archaeology. - Acta Archaeologia. Kobenhavn.
- Rathbun T., 1964. - An Analysis of the Skeletal Material Excavated of Hasanlu, Iran. Kansas.
- Ratnagar Sh., 1999. - Does Archaeology hold the answers? - Aryan and non- Aryan in South Asia. Cambridge.
- Rau P., 1928. - Hockergräber der Volgasteppes. Pokrowsk.
- Rau W., 1971. - Weben und Flechten im Vedischen Indien. Mainz.
- Rau W., 1972. - Töpferei und Tongeschirr im Vedischen Indien. Wiesbaden.
- Rau W., 1973. - Metalle und Metallgeräte in Vedischen Indien. Mainz.
- Rau W., 1974. - Vedic Texts on the Manufacture of Pottery. - Journal of the Oriental Institute University of Baroda. Vol. 23, N 3.
- Rau W., 1975. - Staat und Gesellschaft in alten Indien nach Brachmana-Texten dargestellt. Wiesbaden.
- Rau W., 1977. - Ist vedische Archäologie möglich? - ZDMG. Bd.III, N 1. Supplement XIX.

- Rau W., 1983. – Zur vedischen Altertumskunde. Wiesbaden.
- Rau W., 1997. – The Earliest Literary Evidence for Permanent Vedic Settlement. – Inside the Texts, Beyond the Texts. Cambridge.
- Ray A., Chakrabarti D., 1975. – Studies in ancient Indian technology and production. – Journal of the Economic and Social History of the Orient. Leiden. 18.
- Reallexikon, 1980. – Reallexikon der Assyriologie. B., N.Y.
- Redard G., 1964. – Notes de dialectologie iranienne (II. Camelina). – Indo-Iranica. Wiesbaden.
- Rédei K., 1968. – Zu den indo-germanische-uralischen Sprachkontakten. Wien.
- Renfrew C., 1973. – Before Civilization. The Radiocarbon Revolution and Prehistoric Europe. London.
- Renfrew C., 1977. – Space, Time and Polity. – The Evolution of Social Systems. London.
- Renfrew C., 1987. – Archaeology and Language. The Puzzle of Indo-European Origins. London.
- Renfrew C., 1989. – Modus of Change in Language and Archaeology. – Transactions of the Philological Society. T. 87, pt. 2.
- Renfrew C., 1990. – Archaeology and Linguistics: some preliminary issues. – WWC.
- Renfrew C., 1998a. – All the king's horses. – Creativity in Human Evolution and Prehistory (Mithen S. Ed.). London.
- Renfrew C., 1999. – Time Depth, Convergence Theory, and Innovation in Proto-Indo-European: "Old Europe" as a PIE Linguistic Area. – JIES. Vol. 27.
- Renfrew C., 2002. – The Indo-European Problem and the Exploitation of the Eurasian Steppes: Questions of Time Depth. – Complex societies of Central Eurasia from the 3rd to the 1 Millenium B.C. Washington.
- Renou L., 1939. – La maison védique. – Journale Asiatique. Paris. Vol. 231.
- Renou L., 1954. – Vocabulaire du rituel védique. P.
- Renou L., 1997. – Choix d'études indiennes. P.
- Ricciardi V.R., 1980. – Archaeological survey in the Upper Atrek Valley (Khorasan, Iran). – Mesopotamia. 15. Torino.
- Root M., 1999. – The Cylinder seal from Pasargadae: of wings and wheels, date and Fate. – Iranica Antiqua. V. XXXIV.
- Rosenfield J., 1967. – The Dynastic Art of the Kushans. Los Angeles.
- Roy T.N., 1984. – The Concept, Provenance and Chronology of Painted Grey Ware. – EW. 34. N. 1-3.
- Rye O., Evans C., 1976. – Traditional Pottery Techniques of Pakistan. – Smithsonian Contributions to Anthropology. N 21.
- Rykov P.S., 1927. – Die chvalynsker Kultur der Bronzezeit an der unteren Wolga. – ESA. T. 1.
- Saggs H., 1963. – Assyrian Warfare in the Sargonide Period. – Iraq. P. 25, N 2.
- Saharia E., 1990. – La culture de Monteoru la deuxième étape de développement a la lumiere des fouilles de Sarata Monteoru. Dacia. XXXIV.
- Salonen A., 1955–1956. – Hippologia accadica. Helsinki.
- Salvatori S., 1975. – Analysis of the Association of Types in the protohistoric graveyards of the Swāt Valley (Loebanr I., Katelai I. Butkara II). – EW. 25.
- Salvatori S., 1995. – Protohistoric Margiana: on a recent contribution. – Revista di archeologia. XIX.
- Samadi H., 1959. – Les découvertes fortuites Klardasht, Garmabak, Emam et Tomadjan. Téhéran.
- Samashev Z. (Samašev), Žumabekova G., 1996. – Spätbronzezeitliche Waffen aus Kazachstan. – Eurasia Antiqua. 2.
- Sanders N., 1978. – The Sea Peoples: Warriors of the ancient Mediterranean 1250–1150 B.C. London.

- Sankalia H., 1973. – *Ramayana, Myth or Reality?* New Delhi.
- Sankalia H.D., 1974. – *The Prehistory and Protohistory of India and Pakistan*. Poona.
- Santoni M., 1984. – *Sibri and the South cemetery of Mergarh*. – *South Asian Archaeology*. Cambridge.
- Saraswati B., Behura N., 1966. – *Pottery techniques in peasant India*. Calcutta.
- Sarianidi V.I., 1993. – *Referti inediti da tombe Battriane depredate*. Firenze.
- Sarianidi V.I., 1998a. – *Margiana and Protosoroastrism*. Athens.
- Sarianidi V.I., 1998b. – *Myths of Ancient Bactria and Margiana on its Seals and Amulets*. M.
- Sarianidi V.I., 2000. – *Neo-Assyrian parallels in Late Bactrian glyptics*. – *Iranica Antiqua*. XXXV.
- Sarre F., Herzfeld E., 1910. – *Iranische Felsrelief*. B.
- Schäfer H., Andrae W., 1925. – *Die Kunst des Alten Orients*. B.
- Schlerath B., 1960. – *Das Königtum im Rig- und Atharvaveda. Ein Beitrag zur indogermanischen kulturgeschichte*. Wiesbaden.
- Schlerath B., 1962. – *Die "Welt" in der vedischen Dichtersprache*. – *IJ*. T. 6, N 2.
- Schmidt E., 1937. – *Excavations at Tepe Hissar. Damghan*. Philadelphia.
- Schmidt E., 1953, 1957. – *Persepolis*. Vol. 1–2. Chicago.
- Schmidt H.P., 1980. – *Altiranische Tierklassifikation*. – *Studien zur Indologie und Iranistik*. Reinbek. Hef. 5–6.
- Schmitt R., 1967. – *Dichtung und Dichtersprache in indogermanischer Zeit*. Wiesbaden.
- de Schnaunsee M., Dyson R., 1983. – *Hasanlu Horse trapping and Assyrian Reliefs*. – *Near Eastern Art and Archaeology*. In honor of Ch. Wilkinson. NY.
- Schrader O., 1901. – *Reallexikon der Indo-Germanischen Altertumskunde*. Strassburg.
- Schule der Völkerkunde, 25 jährigen Bestand. Wien, 1956.
- Schwartz M., 1985. – *The Old Eastern Iranian World View according to the Avesta*. – *The Cambridge History of Iran*. II.
- Sethna K.D., 1992. – *The problem of Aryan Origins From an Indian Point of View*. New Delhi.
- 7000 ans, 1961. – *7000 ans d'art en Iran*. P.
- Shaffer J., 1981. – *The Protohistoric Period in the Eastern Punjab: A Preliminary Assessment*. – *Indus Civilization. New Perspectives*. Islamabad.
- Shaffer J.G., 1984. – *The Indo-Aryan Invasions: cultural Myth and the Archaeological Reality*. – *The People of South Asia. The Biological Anthropology of India, Pakistan and Nepal*. (J.R. Lukacs Ed.). NY.
- Shaffer J.G., 1999. – *Migration, philology and South Asian archaeology*. – *ANASA*. Cambridge, Mass.
- Shar G., Vidale M., 2001. – *The Forced surface collection at Judeirjo-Daro (Kacchi Plains, Pakistan)*. – *EW*. 51. N 1, 2.
- Sharma G.R., 1960. – *The Excavations at Kausambi (1957-9). The Defences and the Syenacity of the Purusamedha*. Allahabad.
- Sharma R.S., 1978. – *In Defence of "Ancient India"*. Delhi.
- Sharma R.S., 1983. – *Material culture and social Formations in Ancient India*. New Delhi.
- Sharma R.S., 1999. – *Advent of the Aryans in India*. New Delhi.
- Shastri D.R., 1963. – *Origin and development of the Rituals of Ancestor worship in India*. Calcutta, Allahabad, Patna.
- Sherratt A.G., 1983. – *The secondary exploitation of animals in the Old World*. – *World Archaeology*. 15 (1).
- Sherratt A.G., 1997. – *Economy and Society in Prehistoric Europe: changing perspectives*. Edinburgh.

- Sherratt A.G., 1999. – Echoes of the Big Bang: The historical context of Language Dispersal. – Proceedings of the Tenth annual UCLA Indo-European conference.
- Sherratt A. and S., 1988. – The Archaeology of Indo-European: an alternative view. – *Antiquity*. 62.
- Shirinov N. (Širinov), 2002. – Die frühurbane Kultur der Bronzezeit im südlichen Mittelasien. Die vorgeschichtliche Siedlung Džarkutan. – AMIT. 34. Berlin.
- Shirinov N. (Širinov), Baratov S., 1997 – Bronzezeitliche Grabstätten aus der Necropole Džarkutan 4C. – SAA. Stuttgart. 131.
- Shui Tao, 1998. – On the Relationship between the Tarim and Fergana Basins in the Bronze Age. – BAEIAP. 1.
- Silvi Antonini C., 1963. – Preliminary notes on the excavations of the necropolis found in Western Pakistan. – EW. 14.
- Silvi Antonini C., 1969. – Swāt and Central Asia. – EW. Vol.19, N 1-2.
- Silvi Antonini C., 1973. – More about Swāt and Central Asia. – EW. XXIII.
- Silvi Antonini C., Bajpakov K., 1999. – Altyn Adam. L'homme d'Oro. Roma.
- Silvi Antonini C., Stacul G., 1972. – The Proto-historic graveyards of Swāt (Pakistan). Rome. Vol. 1, 2. IsMEO.
- Sims-Williams N. (Ed.), 2002. – Indo-Iranian Languages and Peoples. – Oxford.
- Singh Purushottam, 1970. – Burial practices in Ancient India. Varanasi.
- Singh S., 1965. – Ancient Indian Warfare with Special Reference to the Vedic Period. Leiden.
- Sinha B.P. (Ed.), 1969. – Potteries in Ancient India. Patna.
- Skjaervø O., 1995. – The Avesta as source for the early history of the Iranians. – The Indo-Aryans of ancient South Asia. Language, Material Culture and Ethnicity (Erdosy G. Ed.). B., NY.
- Skjaervø O., 1997. – The State of old Avestan scholarship. – JAmOrSac. V. 117.
- Smith B., 1988. – Reflections on Resemblance, Ritual and Religion. Delhi.
- Smith Th., 1987. – Mycenaen Trade and Interaction in the West Central Mediterranean 1600–1000 B.C. Oxford.
- So J., Bunker E., 1995. – Traders and Raiders on China's Northern Frontier. Seattle, London.
- Southworth F., 1995. – Reconstructing social context from language: Indo-Aryan and Dravidian prehistory. – The Indo-Aryans of Ancient South Asia (Erdosy G. Ed.). B, NY.
- Sparreboom M., 1985. – Chariots in the Veda. – Memoirs of the Kern Institute. 3. Leiden.
- Srinivas J., 1982. – Life in Ancient India in the Age of Mantras. New Delhi.
- Stacul G., 1966. – Notes on the Discovery of a Necropolis near Kherai in the Gorbard Valley (Swāt, W. Pakistan). – EW. 16, N 3–4.
- Stacul G., 1967. – Excavations in a Rock Shelter near Ghaligai (Swāt, W. Pakistan). – EW. 17, N 3, 4.
- Stacul G., 1969. – Excavations near Ghaligai (1968) and Chronological Sequence of Protohistorical Cultures in the Swat Valley. – EW. 19, N 1–2.
- Stacul G., 1970. – The grey pottery in the Swāt Valley and the Indo-Iranian connections (ca 1500–300 B.C.). – EW. XX.
- Stacul G., 1971. – Cremation graves in North-West Pakistan and their Eurasian connections: remarks and hypotheses. – EW. XXI.
- Stacul G., 1975. – The fractional burial custom in the Swāt Valley and some connected problems. – EW. XXV.
- Stacul G., 1978. – Excavation at Bir-kot-ghundai (Swāt, Pakistan). – EW. XXVIII.
- Stacul G., 1980. – Bir-Kot-Khundai (Swāt, W. Pakistan) 1978 Excavation Report. – EW. XXX.

- Stacul G., 1987. – Prehistoric and Protohistoric Swat, Pakistan (3000-1400 B.C.). Rome.
- Stacul G., 1992. – Further evidence for "the Inner Asian Complex" from Swat. – *South Asian Archaeology Studies* (Possehl G. Ed.). New Delhi, Bombay, Calcutta.
- Stakul G., Tusa S., 1977. – Report of the excavations at Aligrāma (Swāt, Pakistan) 1974. – EW. XXVII.
- Stein A., 1912. – *Ruins of Desert Cathay*. Vol. I. London.
- Stein A., 1917. – On river names in the Rigveda. – JRAS.
- Stein A., 1931. – An archaeological tour in Gedrosia. – *Memoirs of the Archaeological Survey of India*. 43. Delhi.
- Stronach D., 1969. – Excavations at Tepe Nush-i Jan. – Iran. VII-VIII.
- Sulimirski T., 1970. – *Prehistoric Russia*. London, NY.
- Szemerényi O., 1977. – Studies in the Kinship Terminology of the Indo-European Languages with the Special Reference to Indian, Iranian, Greek and Latin. – *Acta Iranica*. Liege. VII.
- Szemerényi O., 1989. – Concerning Prof. C. Renfrew's View on the Indo-Europeans Homeland. – *Transaction of the Philological Society*. T. 87, pt. 2.
- Talageri S.G., 1993. – *Aryan Invasion and Indian Nationalism*. New Delhi.
- Tallgren A.M., 1911. – *Die Kupfer- und Bronzezeit in Nord- und Ostrussland*. Helsingfors.
- Tasić N., 1973. – The Problem of Mycenaean Influences in Middle Bronze Age Culture. – *Balkanica*. Beograd. T. 4.
- Telegin D.Ya., 1971. – Über einem ältesten Pferdezechtherde in Europa. – CISPP VIII. Beograd.
- Teufer M., 1999. – Ein Scheibenkebel aus Džarkutan (Südbukistan). – AMIT. 31.
- Thapar B.K., 1970. – The Aryans: a Reappraisal of the Problem. – *India's Contribution to the World Thought and Culture*. Vivekanand Commemoration Volume. Madras.
- Thapar B.K., 1981. – The Archaeological remains of the Aryans in North-Western India. – *EhPITsAD*.
- Thapar B.K., 1985. – Recent Archaeological Discoveries in India. – UNESCO. Tokyo.
- Thieme P., 1960. – The Aryan Gods of the Mitanni Treaties. – JAOS. 80, N 4.
- Thomas E., 1883. – The Rivers of the Vedas and How the Aryans Entered India. – JRAS.
- Thompson G., 1965. – Iranian Dress in the Achaemenian Period. – Iran. III, N 1.
- Thrane H., 1970. – Tepe Guran and the Luristan Bronzes. – *Archaeology*. Vol. 23. N. 1.
- Tiwari J., 1979. – Disposal of the Dead in the Mahabharata. Varanasi.
- Točík A., 1959. – Knochen- und Geweindeindustrie der Madarovce-Kultur in Südwestslowakei – *Studijne zvesti*. Nitra.
- Tosi M., 1969. – Excavations at Shahr-i Sokhta. – EW. 19.
- Tosi M., Wardak R., 1972. – The Fullol Hoard. – EW. 22. N 1, 2.
- Toynbee A., 1935. – *Study of History*. Vol. III. London.
- Treue W., 1965. – *Achse, Rad und Wagen*. München.
- Trubetskoy N.S. (Trubezkoy), 1939. – Gedanken über das Indogermanenproblem. – *Acta Linguistica*. I.
- Tucci G., 1958. – Preliminary report on the archaeological survey in Swāt. – EW. IX.
- Tucci G., 1963. – The tombs of the Asvakayana-Assakenoi. – EW. XIV.
- Tucci G., 1977. – On Swāt. The Dards and Connected Problems. – EW. N 27.
- Tusa S., 1979. – The Swāt Valley in the 2nd and 1st millennia B.C.: a question of marginality. – SAA 1977. *Seminario di Studi Asiatici. Series Minor*. 6:II. Naples.
- Uerpmann H.-P., 1990. – Die Domestikation des Pferdes im Chalkolithikum West- und Mitteleuropas. – *Madriider Mitteilungen*. 31.
- Vanden Berghe L., 1959. – *Archéologie de l'Iran ancien*. Leiden.
- Vanden Berghe L., 1964. – *La Nécropole de Khürvin*. Istanbul.

- Vanden Berghe L., 1968a. – The Bronzes of the Shepherds and Horsemen of Luristan. – *Archaeologia Viva*. T. I. Brussel.
- Vanden Berghe L., 1968b. – A la decouverte des civilization de l'Iran ancien. Bruxelles.
- Vanden Berghe L., 1968c. – On the Track of the Civilizations of Ancient Iran. – Memo from Belgium.
- Vanden Berghe L., 1972. – The Chronology of Luristan Bronzes from the Pusht-i Kuch, Luristan. – *Iranian Art and Archaeology*. Oxford.
- Vanderpool E., 1959. – New Letter from Greece. – *AJA*. 63, N 3.
- Vasmer M., 1950–1957. – Russisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I–III. Heidelberg.
- Vats M., 1940. – Excavations at Harappa. Delhi. 2 vols.
- Ventris M., Chadwick J., 1956. – Documents in Mycenaean Greek. Cambridge.
- Vinogradova N.M., 1993. – Interaction between farming and "steppe" tribes in the Bronze age South Tadjikistan. – SAA. 1991. B.
- Vinogradova N.M., 1994. – The farming settlement of Kangurttut (South Tadjikistan) in the late Bronze age. – *AMI*. 27.
- Vinogradova N.M., 1997. – The first Bishkent-Vakhsh culture Settlement in South Tadjikistan at the end of the 2nd mil. B.C. – *Orient Express*. P. N 2.
- Vinogradova N.M., 2001a. – Südtadzikistan in der Spätbronze- und Früheisenzeit. – *Migration und Kulturtransfer. Kolloquien zur Vor- und Frühgeschichte*. 6. Bonn.
- Vinogradova N.M., 2001b. – Towards the question of the relative chronology for Protohistoric Swat Sequence (on the Basis of the Swat graveyards). – *EW*. 51, 1-2.
- Vizdal S., 1972. – Erste bildische Darstellung einer zweirädrigen Wagens vom Ende der Mittleren Bronzezeit in der Slowakei. – *Slovenska archeologia*. Bratislava. T. 20, N 1.
- Voëvodski M., 1929. – Les moyens méthodiques pour l'étude de la céramique. – *ESA*. T. IV.
- Vogel J., 1930. – La sculpture de Mathura. – *Ars Asiatica*. P. XV.
- Wace A., 1960. – A Mycenaean Mystery. – *Archaeology*. 13, N 1.
- Wagner M., Parzinger H., 1998. – Bemerkungen zur inneren gliederung der spätbronzezeitlichen Kulturoberes Xiajiadian und deren Bedeutung für die Südsibirische Kulturentwicklung. – *Eurasia Antiqua*. 4.
- Waley A., 1955. – The Heavenly Horses of Ferghana. A New View. – *History Today*. 1, N 2.
- Walz R., 1951. – Zur Geschichte des Kameliden. – *ZDMG*. Bd. 101.
- Walz R., 1954. – Neue Untersuchungen zum Domestikationsproblem der altweltlichen Kameliden: Beiträge zur ältesten Geschichte des Zweihockrigen Kamels. – *ZDMG*. Bd. 104, N.S., N 29.
- Walz R., 1959. – Gab es ein Esel-Nomadentum in Alten Orient? – *Akten des XXIV Internationalen Orientalisten Kongresses*. Wiesbaden.
- Wang Binghua, 1987. – Recherches historiques sur les Saka du Xinjiang ancien. – *Arts Asiatiques*. XLII.
- Wapnish P., 1997. – Middle Bronze Equid Burials at Tell Jemmeh and a Reexamination of a Purportedly "Hyksos" Practica. – *The Hyksos*. (E. Oren Ed.). Univ. of Pennsylvania.
- Warren P., Hankey V., 1989. – *Aegean Bronze Age Chronology*. Bristol.
- Wheeler M., 1947. – Harappa 1946: The defences and cemetery R-37. – *Ancient India*. 3.
- Wheeler M., 1968. – *The Indus Civilisation*. Cambridge.
- White L., 1959. – *The Evolution of culture*. NY.
- Widengren G., 1958. – *The Sacral Kingship of Iran*. – *La regalita sacra*. Leiden.
- Widengren G., 1965. – *Die Religionen Irans*. Stuttgart.
- Wiesner J., 1968. – *Fahren und Reiten*. – *Archaeologia Homerica*. Göttingen. Bd. 1.
- Witzel M., 1995a. – Early Indian history: Linguistic and Textual Parameters. – *Indo-Aryans of Ancient South Asia* (Erdosy G. Ed.). B., Washington.

- Witzel M., 1995b. – Rgvedic history: poets, chieftains and politics. – *The Indo-Aryans of Ancient South Asia: Language, material culture and ethnicity*. B., New York (G.Erdosy Ed.).
- Witzel M., 1999a. – Aryan and non-Aryan Names in Vedic India. Data for the linguistic Situation, c. 1900-500 B.C. – *Aryans and non-Aryans, Evidence, Interpretation and Ideology* (Bronkhorst Y., Deshpande M. Ed.). Cambridge Mass.
- Witzel M., 1999b. – Substrate Languages in old Indo-Aryan. – *EJVS*. 5 pt. 1.
- Witzel M., 2001. – Autochthons Aryans? The Evidence from Old Indian and Iranian Texts. – *EJVS*. 7 pt. 3.
- Wood-Walker R., Smith H., Clarke V., 1967. – The Blood groups of the Timuri and related tribes in Afghanistan. – *American Journal of Physical Anthropology*. 27 (2).
- Yanhunen J., 1998. – The Horse in East Asia: Reviewing the Linguistic Evidence. – *BAEIA*. 1.
- Yankowska N.B., 1981. – Life of the Military Elite in Arraphe. – *Studies in Honor E. Lacheman*. Winona Lake.
- Yankowska N.B., 1982. – The Mitannian Šattiwasa in Arraphe. – *Studies in honor of I.M. Diakonoff*. Warminster.
- Yarshater E. (Ed.), 1982. – *Cambridge History of Iran*. V. 3. Cambridge.
- Young C.T., 1965. – The Comparative Ceramic Chronology for Western Iran, 1500–500 B.C. – *Iran*. N 3.
- Young C.T., 1967. – The Iranian Migration into the Zagros. – *Iran*. N 5.
- Young C.T., 1969. – The Chronology of the Late Third and Second Millennia in Central Western Iran as Seen from Godin Tepe. – *AJA*. 73, N 3.
- Yule P., 1994. – Zur Chronologie der Gräber des Swat-Komplexes Nord-Pakistans. Halle.
- Zaccagnini C., 1974. – Šattiwaz(z)a. – *Oriens Antiquus*. 13.
- Zaccagnini C., 1978. – Pferde und Streitwagen in Nuzi. – *Institut für Vorgeschichte der Universität Frankfurt am Main. Jahresbericht 1977*. Frankfurt am Main.
- Zaccagnini C., 1987. – Aspects of ceremonial Exchange in the Near East during the late second mill. B.C. – *Centre and Periphery in the Ancient World*. Cambridge.
- Zaehner R., 1961. – *The Dawn and Twilight of Zoroastrianism*. London.
- Zimmer H., 1879. – *Altindisches Leben*. B.

Список сокращений

АВЕЛ	Археология восточно-европейской лесостепи. Воронеж. 1980.
АИДСК	Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. А.-А., 1980.
АИК	Археологические исследования в Казахстане. А.-А., 1973.
АМИР	Археология и методы исторических реконструкций. Л., 1985.
АО	Археологические открытия. М.
АП	Археологічні пам'ятки УРСР. Київ.
АРТ	Археологические работы в Таджикистане. Душанбе.
АСГЭ	Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.
АЭБ	Археология и этнография Башкирии. Уфа.
БВСП	Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983.
БВУИМ	Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1984.
Бюлл. МОИП	Бюллетень Московского общества испытателей природы. М.
ВАН КазССР	Вестник Академии наук Казахской ССР. А.-А.
ВАУ	Вопросы археологии Урала. Свердловск.
ВАЭ	Вопросы археологии и этнографии Центрального Казахстана. Караганда, 1982.
ВДИ	Вестник древней истории. М.
ВЕЭКБ	Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М., 1976.
ВИ	Вопросы истории. М.
ВИМК	Вестник истории мировой культуры. М.
ВИСИДВ	Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961.
ВККДЦ	Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. А.-А., 1989. Материалы симпозиума. Тезисы, Алма-Ата 1987 г.
ВПАП	Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. Караганда, 1987.
ВФ	Вопросы философии. М.
ВЯ	Вопросы языкознания. М.
ГИМ	Государственный исторический музей.
ГЭ	Государственный Эрмитаж.
ДКПП	Древние культуры Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1978.
ДСА	Достижения советской археологии в XI пятилетке. Тезисы. Баку, 1985.
ДСКП	Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев, 1981.
ЗРАО	Записки Российского археологического общества. СПб.

ЗУОЛЕ	Записки Уральского общества любителей естествознания. Челябинск.
ИАИ	Искусство и археология Ирана. М., 1971.
ИАК	Известия археологической комиссии. СПб.-Пг.
ИАН КазССР	Известия Академии наук Казахской ССР. А.-А.
ИАН КиргССР	Известия Академии наук Киргизской ССР. Фрунзе.
ИАН КиргССР. СОН	Известия Академии наук Киргизской ССР. Серия общественных наук. Фрунзе.
ИАН СССР	Известия Академии наук СССР. М.
ИАН ТуркССР	Известия Академии наук Туркменской ССР. Ашхабад.
ИГАИМК	Известия Государственной академии истории материальной культуры. Л.
Изв. ООН АН ТаджССР	Известия Отделения общественных наук Академии наук Таджикской ССР. Сталинабад, Душанбе.
Изв.СОАН	Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. Серия общественных наук. Новосибирск.
Изв. УзФАН СССР	Известия Узбекского филиала Академии наук СССР. Таш.
ИИГК	История Иранского государства и культуры. М., 1971.
ИИМК	Институт истории материальной культуры АН СССР. М.-Л
ИИС	Из истории Сибири. Томск.
ИИСПП	Из истории Среднего Поволжья и Приуралья. Куйбышев
ИК ССР	История Казахской ССР. Т. I., 1977. А.-А..
ИМКУ	История материальной культуры Узбекистана. Ташкент.
ИРАО	Известия Российского археологического общества.
ИТН	История таджикского народа. М., 1963.
Каз.ФАН	Казахстанский филиал Академии наук СССР.
КДСП	Курганные древности степного Поднепровья. Днепропетровск.
КСИА	Краткие сообщения Института археологии. Киев.
КСИИМК	Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.
КСИАН	Краткие сообщения Института археологии. М.
КСИЭ	Краткие сообщения Института этнографии. М.
МАИКЦА	Международная Ассоциация по изучению культур Центральной Азии. Информационный бюллетень ЮНЕСКО. М.
МАК	Материалы по археологии Кавказа. СПб.
МАР	Материалы по археологии России. СПб.
МАСП	Материалы по археологии Северного Причерноморья.
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР. М. — Л.
МКАЭН	Международный Конгресс антропологических и этнографических наук. М.

МНМКП	Материалы научно-методической конференции преподавателей Кустанайского педагогического института. Кустанай.
МХЭ	Материалы Хорезмской экспедиции. М.
МЭ	Материалы по этнографии. Пг.
НАА	Народы Азии и Африки. М.
НТТГУ	Научные труды Ташкентского государственного университета. Таш.
НБПП	Неолит и бронзовый век Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1977.
ОАК	Отчеты археологической комиссии. СПб.
ОЕГ	Особенности естественно-географической среды и исторические процессы Западной Сибири. Томск, 1979.
ОИКП	Очерки истории и культуры Поволжья. Куйбышев, 1976.
ОНУ	Общественные науки в Узбекистане. Ташкент.
ПАПП	Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1976.
ПАС	Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1969.
ПАУКС	Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей. Челябинск, 1988.
ПАУС	Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973.
ПДИЕ	Памятники древней истории Евразии. М., 1975.
ПДКК	По следам древних культур Казахстана. А.-А., 1970.
ПИДО	Проблемы истории докапиталистических обществ. Л.
ПМК	Проблемы истории материальной культуры. Л.
ПИОП	Проблемы изучения и охраны памятников культуры Казахстана. А.-А., 1980.
ПРК	Поиски и раскопки в Казахстане. А.-А., 1972.
ПХКП (ПХЗС)	Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970.
ПЮВЕ	Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Донецк, 1979.
РА	Российская археология. М.
СА	Советская археология. М.
САГУ	Среднеазиатский государственный университет. Ташкент.
САИ	Свод археологических источников. М.
САС	Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье. М., 1981.
СВ	Советское востоковедение. М.
СВАЭ	Средневожская археологическая экспедиции. Куйбышев, 1977.
СГАИМК	Сообщения Гос. академии истории материальной культуры. Л.
СГЭ	Сообщения Государственного Эрмитажа. Л.
СКИО	Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев, 1985.
СМАЭ	Сборник Музея антропологии и этнографии. М. — Л.
СС	Советское славяноведение. М.

ССКИЕ	Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово, 1980.
СЭ	Советская этнография. М.
ТАС	Труды археологических съездов.
ТГИМ	Труды Государственного исторического музея. М.
ТЗС	Труды по знаковым системам. Тарту.
ТИАЭ	Труды института антропологии и этнографии. Л.
ТИИ АН Тадж-ССР	Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Таджикской ССР. Душанбе.
ТИИ АН УзССР	Труды Института истории и археологии Академии наук Узбекской ССР. Таш.
ТИИАКаз	Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР. А.-А.
ТИИАЭ АН КиргССР	Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Киргизской ССР. Фрунзе
ТИИАЭ ТуркССР	Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Туркменской ССР. Аш.
ТИИЯЛ КиргССР	Труды Института истории, языка и литературе Академии наук Киргизской ССР. Фрунзе.
ТИЭ	Труды Института этнографии. М.
ТМАЭ	Труды Марийской археологической экспедиции. Йошкар-Ола.
ТМОИП	Труды Московского общества испытателей природы. М.
ТОИПК	Труды Отдела истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа. Л.
ТОСА	Теоретические основы советской археологии. Л., 1969.
ТСА РАНИОН	Труды секции археологии Российской Ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. Л.
ТСГУ	Труды Самаркандского Государственного университета. Самарканд.
ТТСЖ	Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Западной и Южной Азии. М., 1981.
ҶХЭ	Труды Хорезмской экспедиции. М.
УЗАГПИ	Ученые записки Алмаатинского гос. педагогического института. А.-А.
ТЮТАКЭ	Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Аш.
УЗ Перм	Ученые записки Пермского Государственного университета. Пермь.
УЗ СГУ	Ученые записки Саратовского гос. университета. Саратов.
УЗ Таш	Ученые записки Ташкентского государственного университета. Таш.

УЗ Том	Ученые записки Томского государственного университета. Томск.
УИЖ	Українські історическіі журнал. Київ.
УСА	Успехи среднеазиатской археологии. Л.
ЭБВУ	Энеолит и бронзовый век Украины. Киев, 1976.
ЭБВУИМ	Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1985.
ЭДРО	Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982.
ЭНБ	Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1984.
ЭПИЦАД	Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. М., 1981.
ААН	Acta archeologica Hungarica. Budapest.
AJA	American Journal of Archaeology. Princeton.
AMI	Archaeologische Mitteilungen aus Iran. B.
AMIT	Archaeologische Mitteilungen aus Iran und Turan. B.
BIA	Bulletin. Institut of Archaeology. L.
BMFEA	Bulletin of Museum of Far Eastern Antiquities. Stockholm.
BSA	British School at Athens. L.
BSLP	Bulletin de la Société linguistique de Paris.
BSOAS	Bulletin of the School of Oriental and African Studies. L.
CISPP	Congrès international des sciences préhistoriques et protohistoriques.
DluP	Hänsel B., Zimmer S. (Ed.). Die Indogermanen und das Pferd. Budapest, 1994.
EAF	Ethnographisch-archaologische Forschung. B.
EAZ	Ethnographisch-archaologische Zeitschrift. B.
ESA	Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki.
EW	East and West. Roma.
IJ	Indo-Iranian Journal. Hague.
JA	Journal asiatique. P.
JAOS	Journal of the American Oriental Society. New Haven.
JIES	Journal of Indo-European Studies. Ann Arbor.
JNES	Journal of Near Eastern Studies. Chicago.
JRAS	Journal of Royal Asiatic Society. L.
MDAFA	Mémoires de la délégation archéologique française en Afghanistan. P.
PPS	Proceedings of the Prehistoric Society. L.
ZDMG	Zeitschrift der Deutschen Morgenlandischen Gesellschaft. Leipzig, Wiesbaden.

Приложения

Словарь индоиранских мифологических имен и терминов (составитель С.В. Куланда)

Āditi	kar-	sthāna
Agni	Kātyāyana Śrautasūtra	sthūṇā
agnihotrā	Kāthaka Brāhmaṇa	Strabo
āhavanīya	Kauśika Sūtra	stūpa
Āhir budhnyās	kṣatriya	śūdrā
Aitareya Brāhmaṇa	kūlāla	Taittirīya Brāhmaṇa
Anāhita	kumbhā	tryūddhi
ānas	lokapālā	ukhā
añšū	mā-	ūkṣa
āranyaka	Mādrī	usig
Ardviśūr Yašt	Mahābhārata	uśtra
aryanam vaējah (ariianem vaējō)	mahārāja	vāhana
Āsura	mahāvīrā	vaiśya
aśvamedhā	Maitrayānī Saṃhitā	vārma
āθrauan	maṅgalasūtra	Vārūṇa
Bahrām Yašt	Manusmṛiti	vārōtri
bāšar	maṇḍaladvīpa	vāstria ſuiiant-
Bhagavadgītā	Mihir Yašt	vāsu
brāhmaṇa	Miθra	Vāyū
Bundahišn	nāfa	Videvdāt
Činvant-	Nakulā	vimāna
dāma	nmānō.pati	viθ
dāmpati	nmānō.paθni	viθpati
dāsā	Pāṇḍava	Viṣṇupurāṇa
dāsyu	Pāṇḍū	xumb, xum
daxma	pravargyā	Yajurvedā
Dhiśāna	pūr	Yima xšaēta
dhoti	pūrusha	yugā
dhūr	Pūšan	Zamyād Yašt
dvar-	rājanya	
dvār-	rašmi	
fores/foris	rāiha	
gāndharvā	raθaēštā	
gārhapatya	rītā	
Gāθā	Sahādeva	
gārāva	šāīā	
grāma	Šarūmā	
grñhā	Šatapatha Brāhmaṇa	
grīhyasūtra	Satyāvanti	
hadiš	Sāvitrī	
haoma	skambhā	
Jaiminiya Brāhmaṇa	sōma	
Kapīsthala Saṃhitā	śraddhā	
	śrautasūtra	
	stambha	
	sthā	
	sthāli	

Радиоуглеродные даты андроновских памятников и памятников сопредельных территорий

кург. — курган;
м. — могила
п. — погребение
пос. — поселение

Даты андроновских памятников

	памятник	тип	дата (до н.э.)	шифр лаборатории	д — дерево — уголь
1.	Синташта I, кург. V, погр. 2	Синташта	3440±60 (1490±60)	LE-1141	д
2.	Синташта, погр. 5	Синташта	3360±70 (1390)	KI-862	д
3.	Синташта, погр. 7	Синташта	3420±70 (1450)	KI-863	д
4.	Синташта, погр. 19	Синташта	3560±180 (1510)	KI-864	д
5.	Синташта, погр. 28	Синташта	3760±120 (1810)	KI-657	д
6.	Синташта, погр. 7	Синташта	3870±215 (1920)	KI-652	д
7.	Синташта, погр. 22	Синташта	4090±480 (2140)	KI-706	д
8.	Синташта, погр. 39	Синташта	4100±170 (2150)	KI-658	д
9.	Синташта, погр. 2	Синташта	4160±105 (2210)	KI-650	д
10.	Синташта, погр. 11	Синташта	4200±100 (2250)	KI-653	д
11.	Синташта, пос.	Синташта	3410±90 (1460±90)		у
12.	Царев Курган, кург., центральное погр.	Петровка	3520±65 (1570±65)	RUL-276	д
13.	Царев Курган, кург., центральное погр.	Петровка	3720±120 (1770±120)		
14.	Царев Курган, кург., центральное погр.	Петровка	3570±60 (1620±60)	RUL-275	д
15.	Раскатиha, раскоп IV, участок E2, погр. 1	Петровка	3910±60 (1960±60)	LE-127	у

16.	Раскатиша, раскоп I, участок M10-11, центральное погр.	Петровка	3300±50 (1350±50)	LE-11195	у
	Синташтинский и Петровский типы	2 даты 5 даты	1960-1350 BC 1770-1460 BC		
17.	Алакуль, кург. 15, погр. 1	Алакуль	3360±50 (1410±50)	LE-924	д
18.	Алакуль, кург. 15, погр. 6	Алакуль	1430±80	LE-923	д
19.	Субботино, кург. 17, погр. 3	Алакуль	3460±50 (1460±50)	LE-1126	д
20.	Субботино, кург. 2, погр. 1	Алакуль	3900±70 (2050±70)	LE-1128	д
21.	Субботино, кург. 3, погр. 1	Алакуль	3910±70 (1960±70)	LE-1127	д
22.	Субботино, кург. 18, центральное погр.	Алакуль	3300±50 (1350±50)	LE-1196	д
23.	Камышное II, погр. 6	Алакуль	3810±70 (1660±70)	LE-1198	д
24.	Камышное II, погр. 1	Алакуль	3420±70 (1470±70)	LE-1199	д
	Алакульский тип	2 даты 5 даты	не верны 2050-1350 BC		
25.	Тасты-Бутак, пос., яма 14	Кожумберды	3550±65 (1550±65)	RUL-614	д
26.	Тасты-Бутак, пос., яма 11	Кожумберды	3190±80 (1240±80)	LE-213	д
27.	Турсумбай, кург. 6, погр. 1	Кожумберды	3190±90 (1340±90)	LE-660	д
28.	Турсумбай, кург. 7, погр. 1	Кожумберды	3080±50 (1130±50)	LE-662	д
	Кожумбердинский тип		1550-1130 BC		
29.	Амангельды, кург. 8, погр. 1	Амангельды	3730±100 (1780±100)	LE-990	д
30.	Амангельды, кург. 6, погр. 1	Амангельды	3050±60 (1400±60)	LE-988	д
31.	Амангельды, кург. 2, погр. 6	Амангельды	3310±50 (1360±50)	LE-991	д
	Амангельдинский тип	Амангельды	1780-1360 BC		

32.	Баборыкино II, пос.	смешанный	3420±65 (1470±65)	RUL-275	д
33.	Новоникольское, пос., раскоп IV, h=0,9 м	смешанный	3160±120 (1200±120)	LE-989	у
34.	Ново-Бурино, могильник	Федорово	3250±60 (1300±60)	LE-921	д
35.	Ново-Бурино, могильник	Федорово	3020±50 (1070±50)	RUL-611	д
36.	Ново-Бурино, могильник	Федорово	3190±70 (1240±70)	RUL-610	д
37.	Большая Караболка, могильник	Федорово	3150±55 (1210±55)	RUL-216	д
38.	Туктубаево, кург. 26, погр. 2	Федорово	3060±65 (1110±65)	LE-940	д
39.	Туктубаево, кург. 26, погр. 1	Федорово	3020±60 (1070±60)	LE-921	д
	Федоровский тип (Урал)		1300-1070 BC		
40.	Лебяжье, погр. 10	Федорово	3370±100 (1420±100)	LE-1315	д
41.	Предгорное, кург. 2	Федорово	2760±60 (810±60)	RUL-632	д
42.	Предгорное, кург. 2, погр. 1	Федорово	3030±50 (1080±50)	RUL-630	д
43.	Предгорное, кург. 1, центр	Федорово	2970±60 (1020±60)	RUL-633	д
44.	Предгорное, кург. 3	Федорово	3180±70 (1230±70)	RUL-634	д
	Позднее Федорово (Вос- точный Казахстан)		1230-810 BC		
45.	Еловка II, погр. 112	Федорово	3150±55 (1200±55)	LE-939	д
46.	Еловка II, погр. 64	Федорово	3060±65 (1110±65)	LE-940	д
47.	Еловка II, погр. 47	Федорово	3160±65 (1210±65)	LE-941	д
	Позднее Федорово (Обь)		1210-1110 BC		
48.	Ланин Лог, кург. 1, погр. 1	Федорово	3390±70 (1440±70)	RUL-630	д
49.	Ланин Лог, кург. 1, погр. 3	Федорово	3660±65 (1710±65)	RUL-617	д
50.	Ланин Лог, кург. 2, погр. 1	Федорово	3970±70 (2020±70)	RUL-619	д

51.	Каменка II, ограда 24, гр. 1	Федорово	3910±75 (1960±75)	RUL-604	д
52.	Каменка II, ограда 25, погр. 2	Федорово	2549±65 (590±65)	RUL-595	д
53.	Ярки II, погр. 1	Федорово	2370±95 (420±95)	RUL-518	д
54.	Ярки II, погр. 2	Федорово	2970±70 (1020±70)	RUL-529	д
55.	Ужур, кург. 2	Федорово	4600±250 (2650±250)	RUL-587	д
56.	Пристань I, ограда 6, погр. 2	Федорово	3750±60 (1800±60)	RUL-602	д
	Федоровский тип (Енисей)		2650-420 BC		
57.	Саргары, пос., жилище 5	Финальная бронза	2700±60 (750±60)	LE-1183	д
58.	Саргары, пос., жилище 7	Финальная бронза	3180±40 (1230±40)	LE-1184	д
	Финальная бронза		1230-750 BC		

Даты могильников Чистослебяжье, Хрипуново и Ермак-4 и поселения Черемуховый Куст (Матвеев 1998, табл. 15, с. 367, 371)

курган, погребение	шифр лаборатории	дата (до н.э.)	калиброванная дата
Чистослебяжье, курганы группы 1			
кург. 10, погр. 1	UPI-570	3380±60 (1430±60)	3693-3555
	UPI-571	3490±50 (1540±50)	3832-3689
	SOAN-3236	4090±75 (2140±75)	4845-4370
	SOAN-3237	3870±40 (1920±40)	4416-4239
Чистослебяжье, курганы группы 2			
кург. 9, погр. 1	UPI-562	2623±35 (673±35)	2776-2742
	UPI-567	3766±43 (1816±43)	4236-4199
	SOAN-3238	3960±40 (2010±40)	4443-4417
	SOAN-3239	3755±85 (1805±85)	4181-4087

кург. 13, погр. 3	UPI-563	3889±39 (1939±39)	4418-4258
	SOAN-3240	3880±45 (1930±45)	4418-4258
	SOAN-3241	4085±40 (2135±40)	4780-4365
кург. 13, погр. 4	UPI-565	3884±39 (1934±39)	4418-4258
	SOAN-3242	3925±270 (1975±270)	4450-4090
могильник Хрипуново			
кург. 1, погр. 13	SOAN-3243	3805±25 (1855±25)	4258-4152
	SOAN-3244	3730±30 (1780±30)	4148-4104
кург. 1, погр. 21	SOAN-3247	3935±45 (1985±45)	4368-4356
кург. 1, погр. 26	SOAN-3245	3720±30 (1770±30)	4148-4104
кург. 1, погр. 25	SOAN-3246	3725±35 (1775±35)	4148-4104
могильник Ермак-4			
	SOAN-2433	1330±30	
	SOAN-2434	1360±30	
	SOAN-2435	1275±25	
поселение Черемуховый Куст			
	UPI-568	2300±160	
	UPI-569	1655±53	
	UPI-560	1496±95	
	UPI-564	1330±30	

Даты Синташтинского и Потаповского типов (Трифонов 1996а, табл. 1)

шифр лаборато- рии	памятник	дата, л.н.		1σ	2σ
АА-9874А	Кривое Озеро	3580±50	череп лошади 1	1973-1789	2036-1752
АА-9874В	Кривое Озеро	3740±50	череп лошади 1	2197-2038	2286-1975
АА-9875А	Кривое Озеро	3700±60	череп лошади 2	2179-1976	2278-1905
АА-9875В	Кривое Озеро	3525±50	череп лошади 2	1906-1749	1972-1690
ОхА-4262	Утевка VI, кург. 6, погр. 4	3510±80	кость	1925-1721	2041-1620

ОхА-4263	Утевка VI, кург. 6, погр. 6	3470±80	кость	1876-1678	1981-1551
ОхА-4264	Утевка VI, кург. 6, погр. 6	3585±80	кость	2032-1800	2142-1709
ОхА-4265	Потапово I, кург. 5, погр. 13	3710±80	кость	2220-1981	2360-1881
ОхА-4266	Потапово I, кург. 5, погр. 3	3510±80	кость	1925-1721	2041-1620

Даты сопредельных регионов (Possehl 1994)

site	code of laboratory	¹⁴ C date, BP (BC)	calibrated date	type
Hissar	Tils-20	3483±63 (1635±65)	1Σ 1883 2Σ 1945	Hissar III (late levels)
Namazga Depe	LE-665	3030±60 (1170±60)	1Σ cal BC 1387 2Σ cal BC 1416	Namazga VI
Sapalli Depe	LE-916	3640±90 (1800±95)	1Σ cal BC 2135 2Σ cal BC 2277	Namazga V-VI
	LE-1078	3450±50 (1605±50)	1Σ cal BC 1869 2Σ cal BC 1885	Namazga V-VI
Shortughaj	MC-1730	3640±95 (1800±100)	1Σ cal BC 2136 2Σ cal BC 2281	Bishkent
	NY-421	3535±165 (1690±70)	1Σ cal BC 2120 2Σ cal BC 2322	Bishkent
Tigrovaya Balka	LE-717	3350±60 (1500±60)	1Σ cal BC 1731 2Σ cal BC 1749	Vakhsh
Togolok 21	Beta 33564	3460±100 (1615±105)	1Σ cal BC 1888 2Σ cal BC 2027	Namazga VI
Ulug Depe	LE-1098	(3910±50) (2075±50)	1Σ cal BC 2464 2Σ cal BC 2554	Namazga V
	LE-1096	3500±50 (1655±50)	1Σ cal BC 1885 2Σ cal BC 1938	Namazga V
	LE-980	3280±95 (1430±100)	1Σ cal BC 1676 2Σ cal BC 1749	Namazga VI (early)
Kuchuk Depe	LE-773	2850±50 (985±50)	1Σ cal BC 1046 2Σ cal BC 1154	EIA (Yaz I)
Dalverzin Depe (lower)	LE-323	3050±120 (1190±125)	1Σ cal BC 1424 2Σ cal BC 1525	EIA (Yaz I)
Pirak	LY-1643	2970±140 (1110±145)	1Σ cal BC 1396 2Σ cal BC 1516	Period III
	LY-1642	3150±150 (1295±155)	1Σ cal BC 1527 2Σ cal BC 1743	Period II
	TF-1201	2650±150 (780±155)	1Σ cal BC 922 2Σ cal BC 1153	Period II

Даты поселения Кангурт-Тут (Vinogradova 2004, p. 106, app. 15)

code of laboratory		¹⁴ C date BP	calibrated date
Gif-8414	coal	3150±60	2σ BC 1594-1291
			1976-1756
			1729-1098

**Даты памятников Узбекистана и Афганистана
(RZhVSAI 1984: 4; Gorsdorf, Huff 201: 85)**

site	¹⁴ C date BC	calibrated date, BC
Kuchuk	900±70	1210-1010
Dzharkutan, temple	1600-1450	
Tillya	860±60	1140-940

Даты памятников Средней Азии (Кирчо, Попов 1999: 356-361)

шифр лаборатории	период по автору раскопок	дата, л.н.	калибр. дата по Пронинген 1.20 (1995); 1Σ cal. BC	калибр. дата по: Kohl 1984; 1992; CRD 1Σ BC	калибр. дата по: Hiebert 1994; CRD 2Σ BC
Улут-депе					
LE-980	Намазга VI, 2 тыс. до н.э.	3280±95	1672....-1656 1634....-1440		1749-1324
Намазга-депе					
LE-665	Намазга VI, поздний	2980±60	1306-1284, 1268-115, 1090-1076		
R 1297	Намазга VI	2870±50		1125-1015	1199-905
R 1298	Намазга VI	3220±40		1665-1415	1498-1269
R 1299	Намазга VI	3240±50		1675-1430	1621-1408
R 1300	Намазга VI	3050±50		1410-1245	1416-1128
R 1300a	Намазга VI	2880±60		1130-1020	1257-901
R 1301	Намазга VI	2960±50		1345-1100	1372-1003
R 1302	Намазга VI	3220±9		1680-1395	1684-1267
R 1303	Намазга VI	2680±50		905-780	1010-546-
R 1304	Намазга VI	3350±50		2005-1770	2021-1742
Теккем-депе					
LE-1095	Намазга VI, 2 тыс. до н.э.	2460±60	760-678, 658-634, 552-468, 462-412		

LE-1603	Намазга VI	4310±40	3012-3004, 2924-2882		
LE-1604	Намазга VI	4950±50	3784-3692, 3672-3666		
LE-1605	Намазга VI	4520±60	3342-3292, 3284-3266, 3240-3104		
LE-1638	Намазга VI	3620±50	2030-1994, 1988-1892		
LE-1639	Намазга VI	3640±50	2116-2088, 2038-1928		
LE-1640	Намазга VI	4330±50	3028-2980, 2930-2884		
LE-1641	Намазга VI	2450±40	756-688, 538-412		
LE-1642	Намазга VI	4630±50	3502-3420, 3380-3346		
LE-1643	Намазга VI	4280±50	2922-2872, 2802-2778, 2714-2708		
LE-1854	Намазга VI	5030±60	3944-3846, 3820-3768, 3726-3724		
LE-1856	Намазга VI	3110±40	1418-1372, 1354-1314		
LE-1857	Намазга VI	5540±60	4454-4416, 4402-4342		
LE-1858	Намазга VI	3660±40	2124-2084, 2042-1968		
LE-1860	Намазга VI	4280±50	2922-2872, 2802-2778, 2714-2708		
LE-1861	Намазга VI	4130±50	2866-2810, 2760-2724, 2700-2612		
LE-2355	Намазга VI	4310±60	3030-2972, 2932-2876, 2796-2784		
Гонур 1 (северный)					
LE-1207	Намазга VI, 2 тыс. до н.э.	3560±70	1974-1864, 1848-1770		2009-1744
LE-2407	Намазга V, поздний	2180±40	356-288, 250-226, 210-166		

LE-2408	Намазга V, поздний	3510±40	1880-1862, 1850-1762		
LE-2409	Намазга V, поздний	4290±40	2918-2880		
LE-2411	Намазга V, поздний	4200±40	2880-2864, 2812-2744, 2728-2696		
Beta-35125	Намазга V	3630±90			2138-1888
Beta-33560	Намазга V	3580±60	2032-1883		2032-1883
Beta-33561	Намазга V	3520±60	2030-1694		2030-1694
Hel-2964	Намазга V	3750±80	2278-1979		
Тоголок 21					
LE-2678	Намазга VI	3270±40	1608-1556, 1534-1506, 1482-1456		
LE-2679	Намазга VI	4620±40	3500-3456, 3434-3432, 3378-3342		
LE-2681	Намазга VI	4610±50	3502-3450, 3444-3424, 3380-3334, 3220-3200, 3154-3136		
LE-2682	Намазга VI	5060±40	3942-3896, 3888-3848, 3820-3796		
LE-2683	Намазга VI	3540±40	1914-1904, 1902-1870, 1844-1776		
LE-2684	Намазга VI	4270±40	2914-2876, 2796-2784		
LE-2685	Намазга VI	3540±40	1914-1904, 1902-1870, 1844-1776		
Beta-33564	Намазга VI	3470±40	1920-1680		1920-1680
Сапалли-депе					
LE-916	Намазга V, поздний	3640±90		2190-1880	
LE-1078	Намазга V, поздний	3450±50		1895-1690	

?		1560 до н.э.			
Бустан VI (могильник)					
LE-4994	2 тыс. до н.э.	3580±70	2024-2004, 1980-1872, 1842-1776		
LE-4995	2 тыс. до н.э.	3620±40	2028-2000, 1984-1912, 1906-1900		
LE-4991	2 тыс. до н.э.	3540±70	1936-1858, 1854-1752		
Джаркутан					
?		1650 до н.э.			
Beta-33557	2 тыс. до н.э.	3540±70		2125-1695	2042-1734
Дашлы 3					
LE-978	2 тыс. до н.э.	3440±50		1890-1685	1882-1617
LE-1175	2 тыс. до н.э.	3066±70		1425-1255	
LE-1252	2 тыс. до н.э.	3670±50		2185-1950	2191-1889
LE-1254	2 тыс. до н.э.	4230±70		2970-2795	
LE-1253	2 тыс. до н.э.	4060±70		2685-2540	
LE-1251	2 тыс. до н.э.	3250±40		1680-1435	

Даты Чустской культуры (Заднепровский 1997: 71-78, табл. VI)

Чуст	2158.....2148
<u>LE 1208-860 до н.э.</u>	2 2450.....2432
1 900..... 866	2402.....2372
862.....818	2358.....2136
2 982.....964	2064.....2062
<u>LE 2199-1430 до н.э.</u>	
1 1506-1482	Ош
1454.....1402	
2 1516-1388	<u>LE 1485-1940 до н.э.</u>
1340.....1322	1 1962.....1960
<u>LE 2200-920 до н.э.</u>	1950.....1876
1 996.....902	1838.....1818
2 1020.....836	1798.....1784
<u>LE 2201-1500 до н.э.</u>	2 2026.....2002
1 2316.....2194	1982.....1864

1848.....1768

LE 1654-750 до н.э.

1 828-796

2 898.....872

854.....780

LE 1655-1240 до н.э.

1 1380.....1346

1318.....1254

1242....1210

2 1394.....1334

1330.....1162

1146.....1128

Дальверзин

RUL 127-920 BC

1 1115.....1090

1070.....820

2 1370.....1350

1310.....770

RUL 323-1400 BC

1 1530.....1250

1240.....1210

2 1680.....1110

1100.....1050

The presented book is the first monographic investigation of cultures and migrations of the stockbreeding tribes in the Central Asia (Turkmenistan, Uzbekistan, Tadjikistan, Kirghizia) from the end of the IIIrd — beginning of the Ist millennia BC. The Bronze Age archaeological materials collected during the XXth century are analyzed in the book.

The aim of the work is the reconstruction of the dynamic of cultures and ethno-cultural processes in the region. Many scholars suppose that the pastoral tribes of Eurasian steppes and Central Asia were the ancestors of the Indo-Aryans — the branch of Indo-Europeans which includes three linguistic groups: Dards-Nuristani, Indo-Aryans and Iranians (West — Persians and East — Saka-Scythians, Khorazmians, Sogdians, Bactrians and oth.). The verification of this hypothesis is very relevant now because the Indo-Iranian speaking population took now the first place in the world: 1.200 millions (Chinese — 1.075 millions only) (Time World Almanach 2000).

The severe criteria of classification let to distinguish in Central Asia the two coexisting cultures: Timber-Grave (Srubna) and dominant Andronovo. They formed on the common base of East European cultures between the Volga and the Urals — Sintashta (Proto-Andronovo) and Potapovka (Proro-Srubna) — in the end of the IIIrd — beginning of the IInd millennium BC.

The population were occupied with metallurgy, stockbreeding (cow, sheep, especially horse). They were the first to use the light chariot — it was very important innovation in the military tactics.

During the IInd mill. BC the Andronovans step by step occupied Kazakhstan and South Siberia.

Three stage of Andronovans migration to Central Asia were distinguished. The Ist stage — XIX-XVIIIth centuries BC: the horse and chariot appeared in Zardcha-Halifa, Dzharkutan and Gonur from the Urals.

The IInd stage — XVI-XIV centuries BC: the settling of Andronovan shepherds from the steppes up to Afghanistan (Shortugai). The Srubna wave of migration went from the Volga. The syncretic monuments were formed in TransCaspian and the Zeravshan and Tazabagyab culture developed near the Aral. Andronovan newcomers established the contacts with the land-tillers of Bactria-Margiana Culture. Some types of migrations can be distinguished: in Uzbekistan (Dzharkutan, Bustan) the Andronovans suppressed the BMAC aborigines (Elite dominance

migration); in Tadjikistan mixed Bishkent-Vakhsh culture was formed (assimilation type of migration) and Andronovo Culture was influenced by Bishkent (Acculturation).

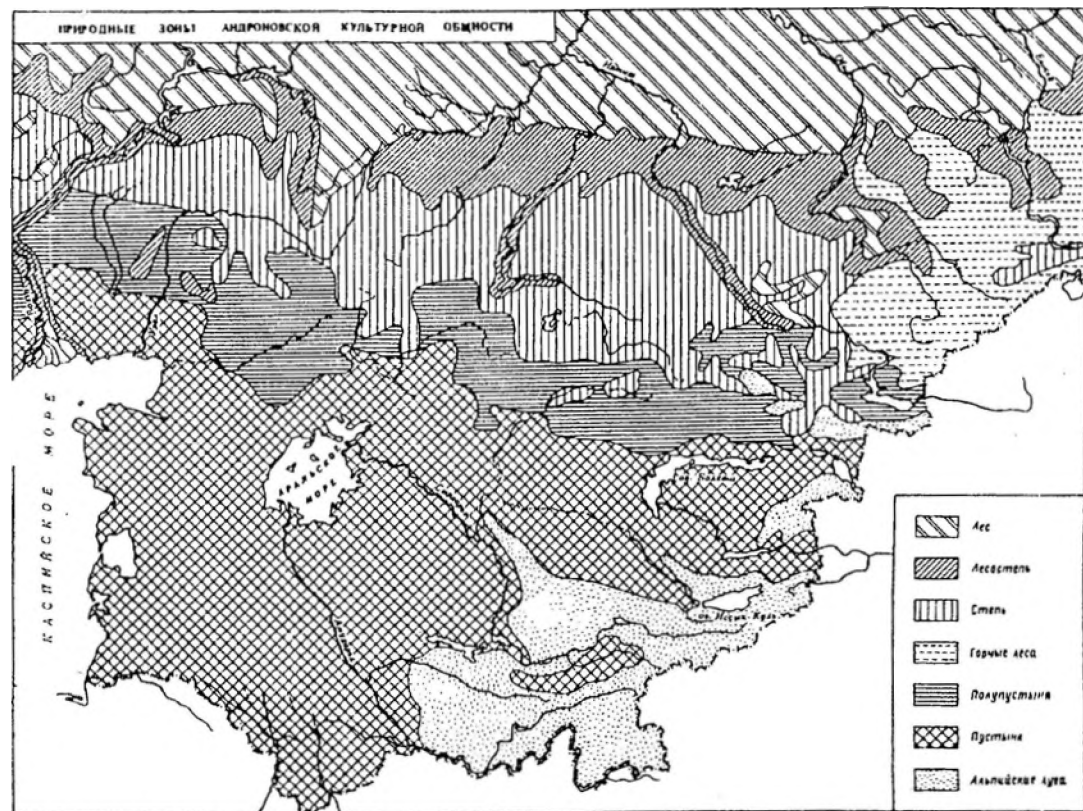
The comparative study of cultures Bishkent and Swat situated in North Industan showed that they are similar. That supports the hypothesis that formation of IndoIranian speaking ethnoses Dards-Nuristani was the result of migration of their forefathers from Central Asia.

In similarity of Andronovo culture with culture of IndoAryans reconstructed according the data of Rigveda (types of houses, ceramic technology, burial rituals, cult of the horse) are the right proof of Indo-aryan attribution of Andronovo culture.

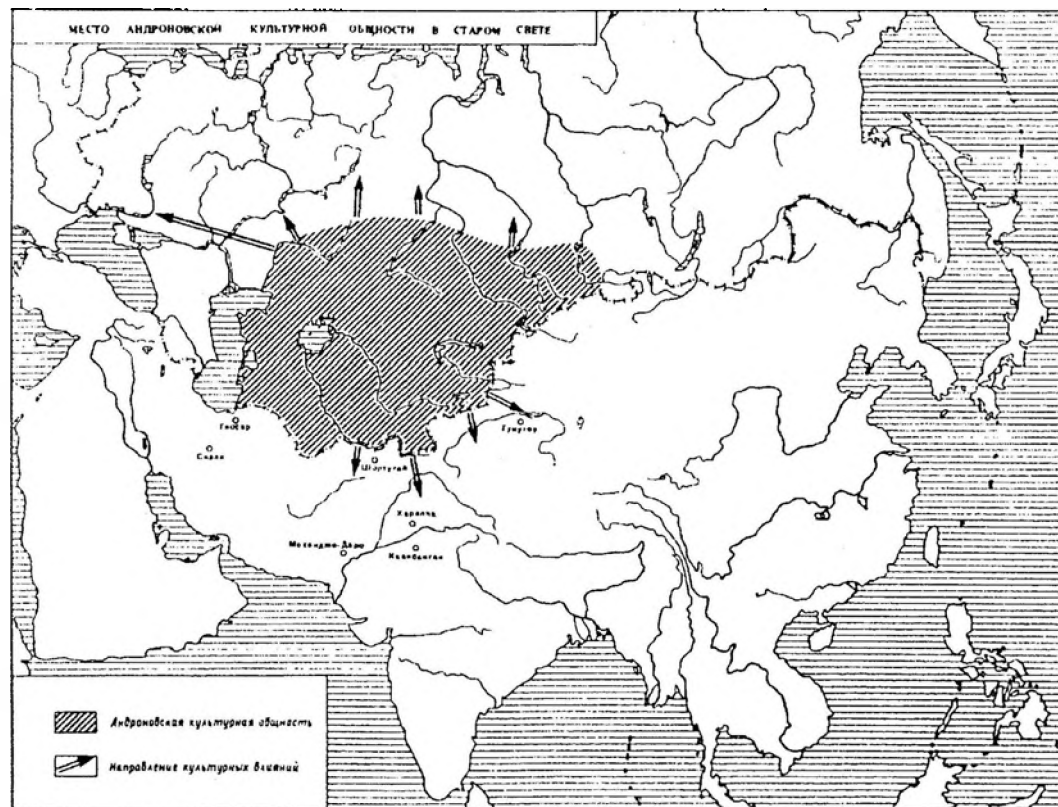
The IIIrd stage — XIII-IX centuries BC — the unified Culture of applied — roller pottery formed on Srubna and Andronovo basis in the vast steppe zone from the Danube to the Altaj. The big wave of the bearers of this culture moved to the South of Central Asia. Their huts are constructed above the sites of a fire of destroyed aboriginal settlements (Elite dominance migration).

The applied — roller pottery are found in the upper layers of agricultural settlements in Afghanistan (Tillya-tepe and oth.), in Iran (necropolis Giyan), in west Pakistan (Pirak, Mundigak).

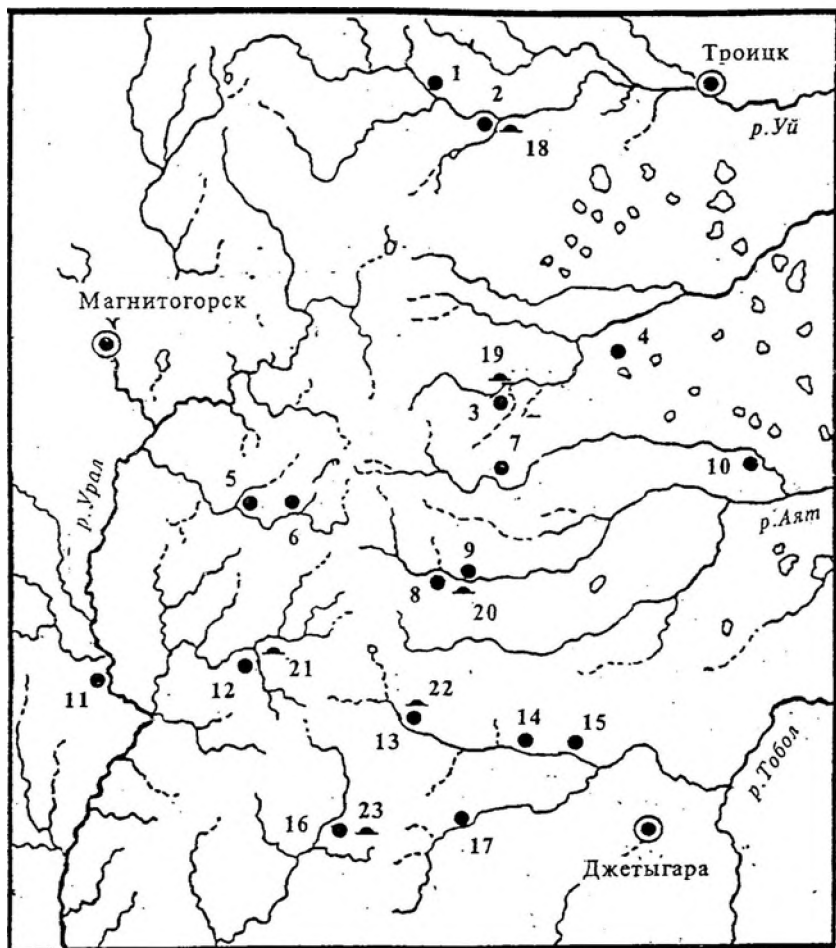
East-Iranian speaking Saka and Scythians are the direct descendants of the Roller culture» creators. That gives the grounds to assume that the bearers of the steppe culture of the Final Bronze Age where the West Iranians and their migration to the South to consider as the distribution of West Iranians to the lands where they are inhabited today.

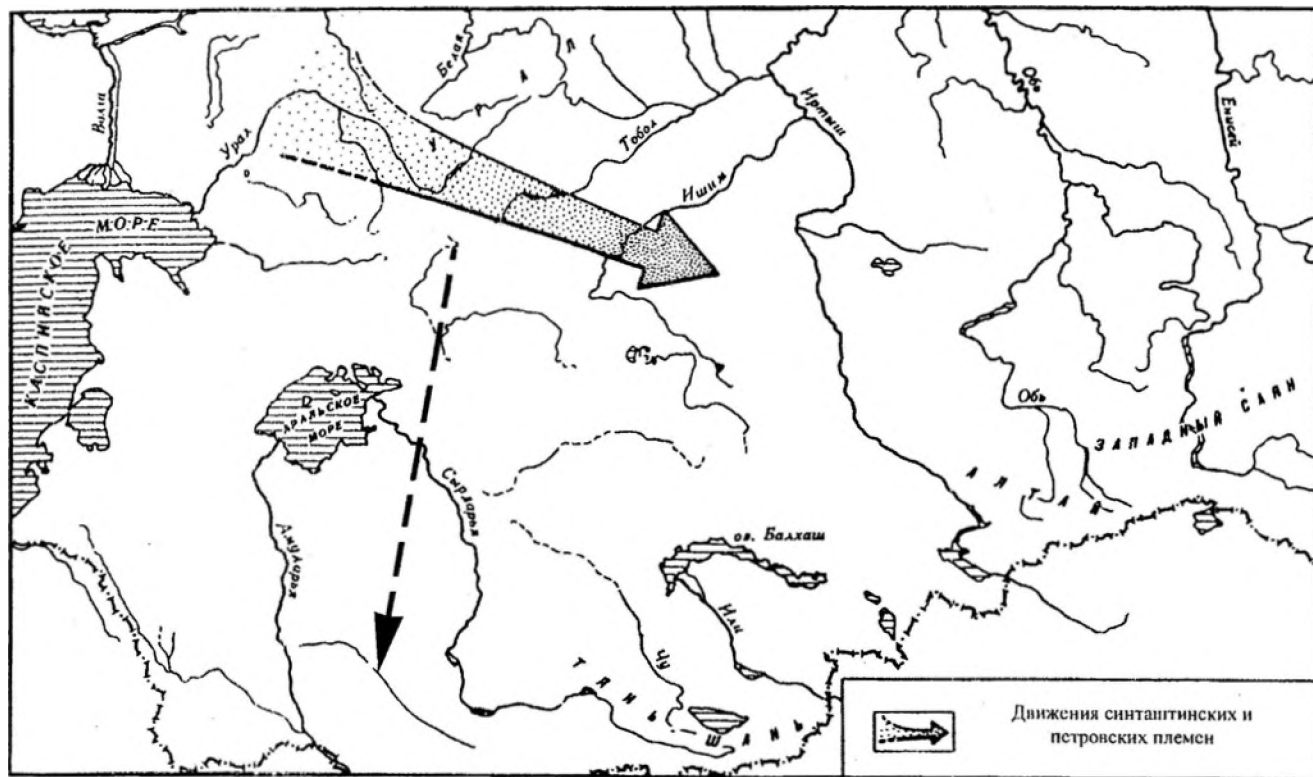
1. Природные зоны Андроновской культурной общности

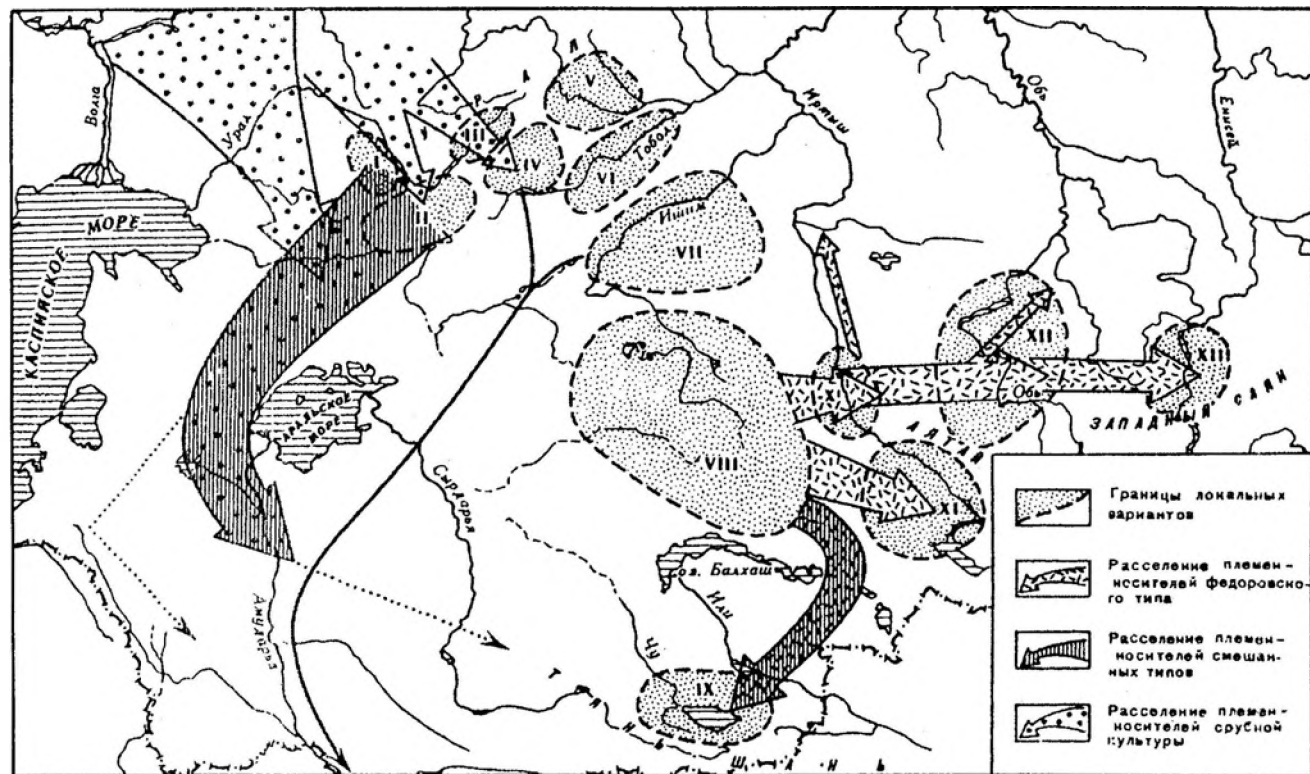
Место Андроновской культурной общности в Старом Свете

3. Памятники синташтинского типа Южного Зауралья (Епимахов 2002: 12)
 Укрепленные поселения: 1 — Степное; 2 — Черноречье III; 3 — Устье; 4 — Чека-
 тай; 5 — Куйсак; 6 — Сарым-Саклы; 7 — Родники; 8 — Журумбай; 9 — Ольгино;
 10 — Исеней; 11 — Кизильское; 12 — Арканм; 13 — Синташта; 14 — Андреевское;
 15 — Селенташ; 16 — Аландское; 17 — Ягодный Дол (Наследницкое). Могильни-
 ки: 18 — Кривое Озеро; 19 — Солнце II; 20 — Каменный Амбар-5; 21 — Большека-
 раганский; 22 — Синташта; 23 — Солончанка-Ia.

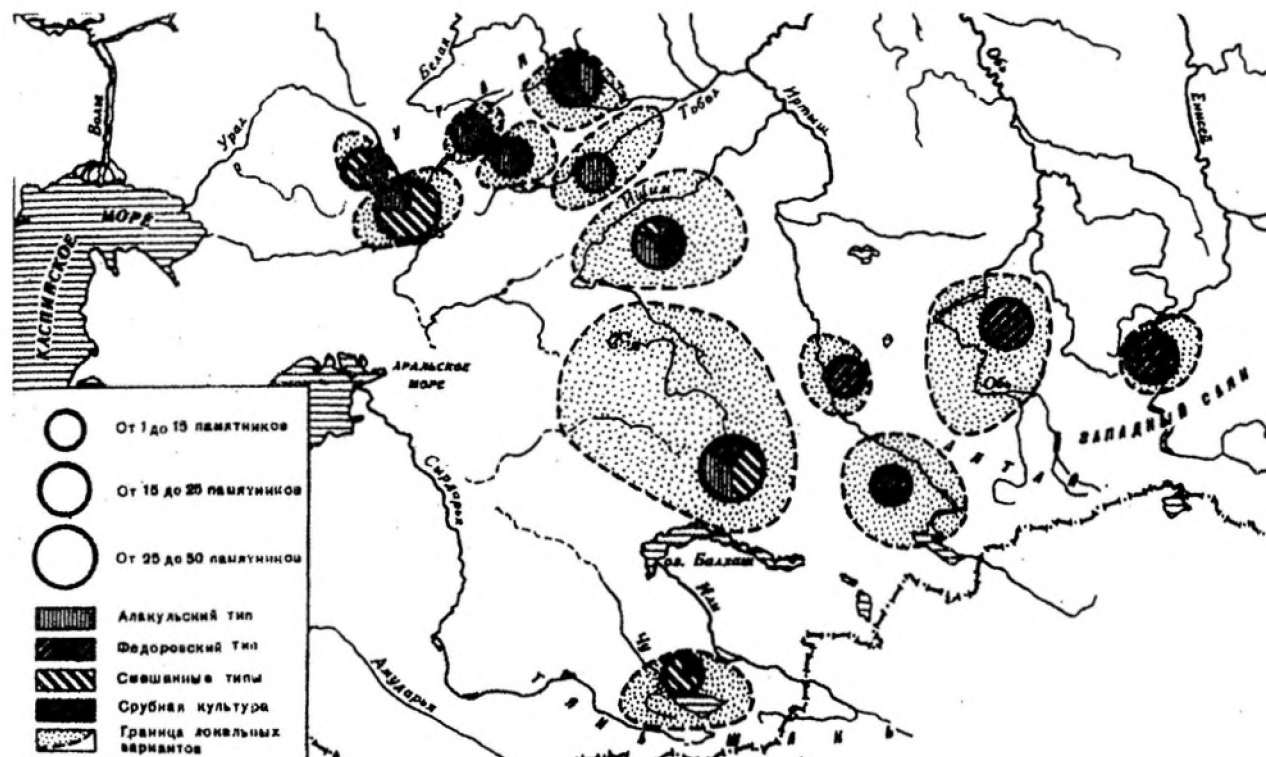

4. Расселение племен синташтинского и петровского типов в XIX—XVIII вв. до н.э.

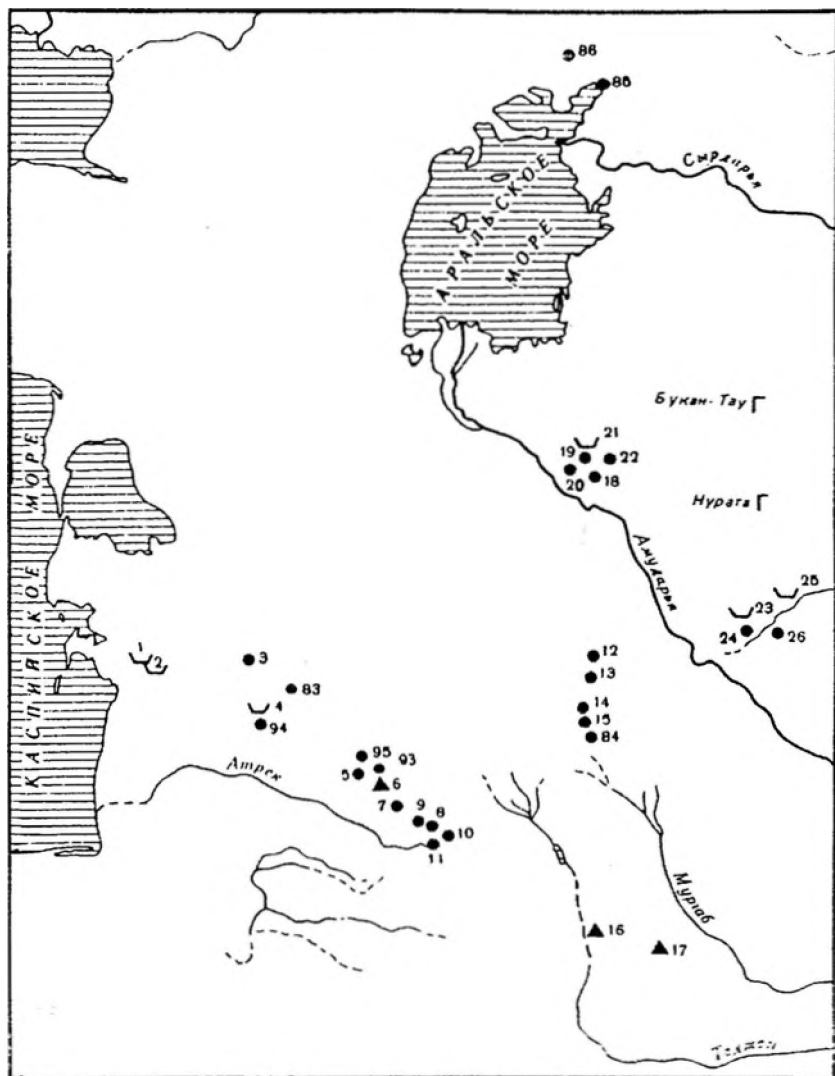

5. Этнические движения XIX—XVIII вв. до н.э.

6. Соотношение типов памятников в XV—XIV вв. до н.э.

7. Основные памятники пастушеских культур Средней Азии

Список сокращений

к — клад

м — могильник

п — поселение

пет. — петроглиф

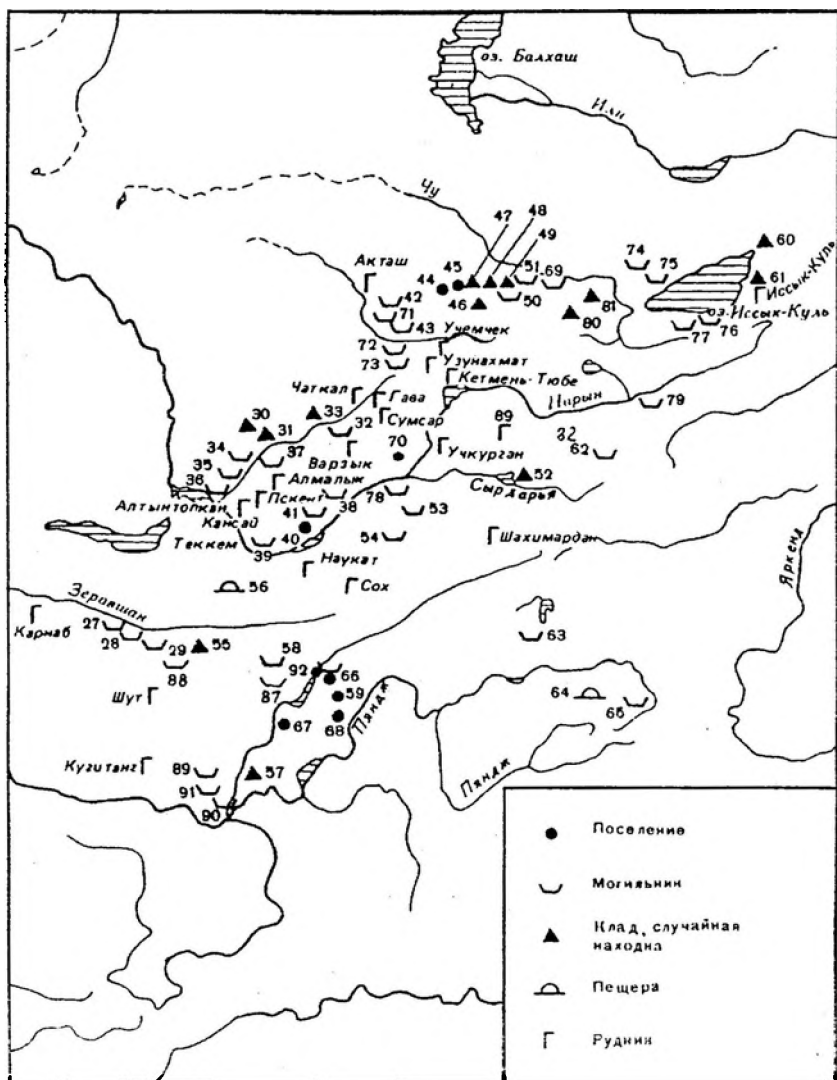
пещ. — пещера

погр. — погребение

р — рудник

сл. н. — случайная находка

ст. — стоянка

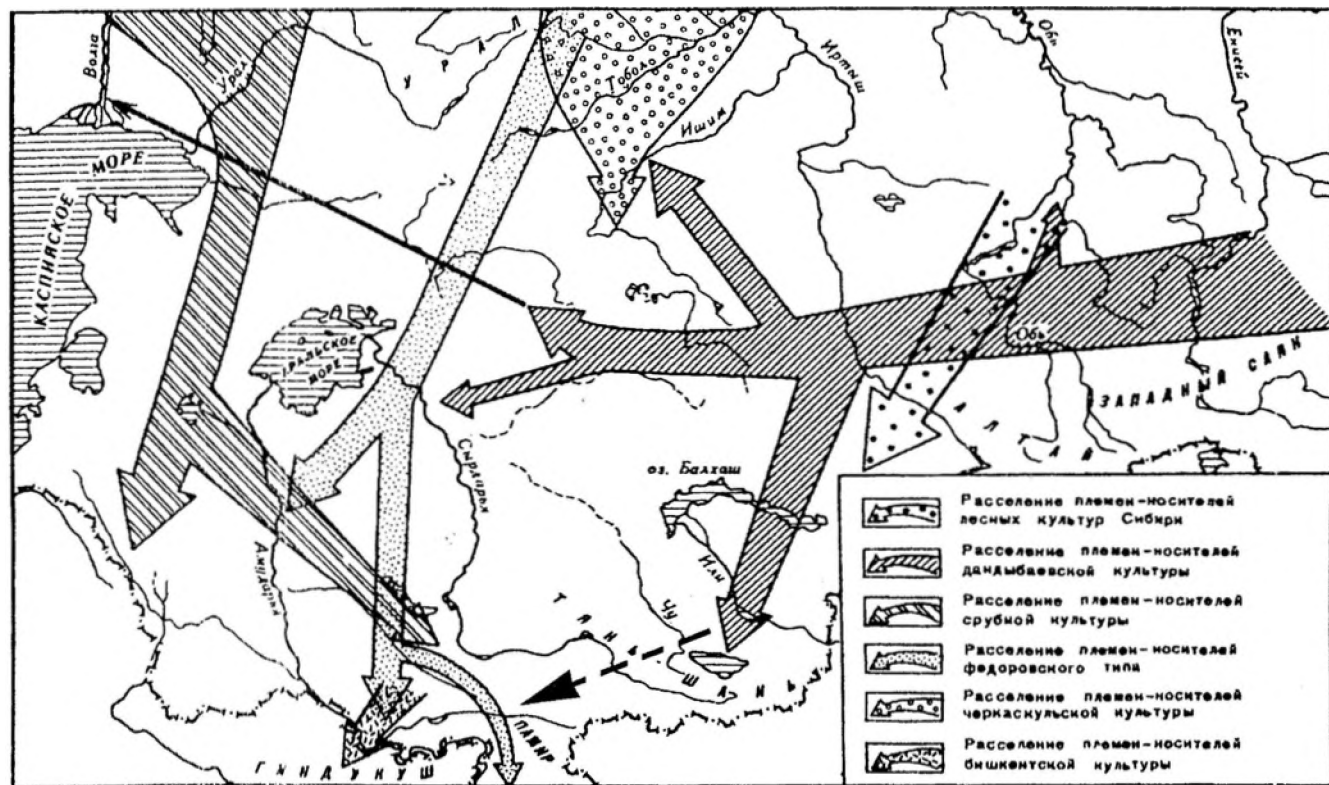
7. Основные памятники пастушеских культур Средней Азии (окончание)

1. Каралемата-сай м	7. Анау п	13. Гонур п. ст.
2. Патма-сай м	8. Намазга п	14. Аучин п
3. Бала-Ишем ст.	9. Елькен п	15. Тахирбай 2,3 п
4. Парау м	10. Серманча п	16. Куин-Куя ст.
5. Овадан ст.	11. Теккем п	17. Имам-Баба ст.
6. Ашхабад ст.	12. Таип л	18. Ангка п

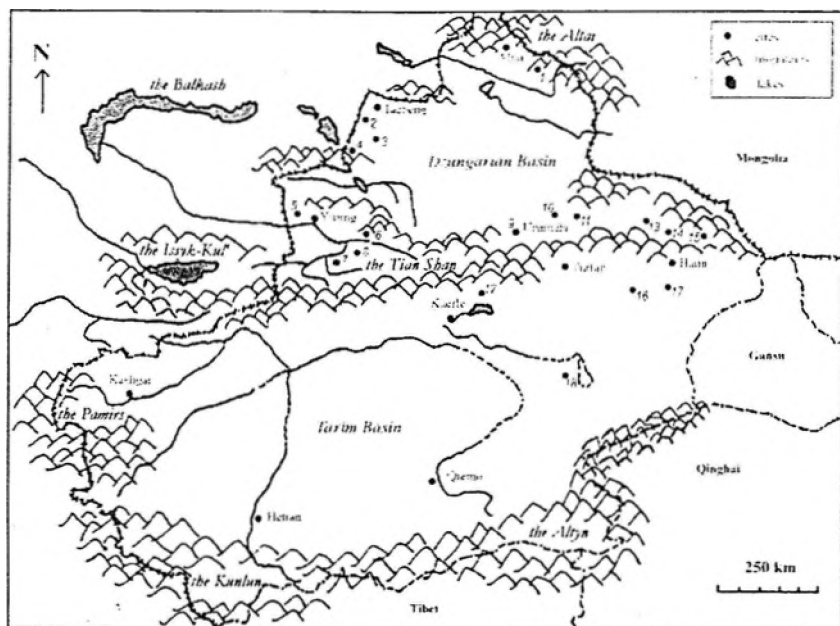
19. Кават 2 п
20. Кават 3 п
21. Кокча 5 м
22. Кокча 1 п
23. Гурдуш м
24. Гуджайли 1-9 ст.,
Большой и Малый Туз-
кан ст. и Три Круга ст.
25. Кызыл-Кыр м
26. Пайкент 1-10 ст.
27. Муминабад м
28. Чакка м
29. Ургут м
30. Искандер сл.н.
31. Чимбайлык к
32. Аурахмат м
33. Бричмулла к
34. Никифоровский м
35. Янги-Юль м
36. Вревская м
37. Ореховское м
38. Дашти-Ашт м
39. Ходжи-Ягона м
40. Кайракумы ст.
41. Дахана м
42. Таш-Тюбе м
43. Таш-Башат м
44. Каиinda п
45. Джаильма п
46. Садовое к
47. Александровское п, к
48. Сукулук I, II к
49. Новопаковка сл.н.
50. Тегермен-сай м
51. Пригородное погр.
52. Узген сл.н.
53. Карамкуль м
54. Вуадиль м
55. Искандеркуль сл.н.
56. Ак-Танги пеш.
57. Джиликуль сл.н.
58. Тандырайул м
59. Кагурт-Тут п
60. Иссык-Куль (Тюль) к
61. Каракол I-II к
62. Арпа м
63. Кокуйбель-су м
64. Куртеке пеш.
65. Кызыл-Рабат м
66. Тегузак п
67. Совхоз Кирова п
68. Карим-Берды п
69. Аламединовское п
70. Джал-Арык п
71. Кулан-сай м
72. Кызыл-сай м
73. Беш-Таш м
74. Новороссийский м
75. Чон-Кемин м
76. Кекелик-сай м
77. Тон I м
78. Джазы-Кечу м
79. Чыргайл м
80. Туюк к
81. Шамши к
82. Саймалы-Таш пет.
83. Кызыл-Арват ст.
84. Яз-депе п
85. Аральск ст.
86. Саксаульская ст.
87. Кумсай м
88. Дашти-Коэи м
89. Бишкект II м
90. Тигровая Балка м
91. Тулхар м
92. Нурек м
93. Джейтун ст.
94. Парау ст.
95. Безмеин ст.
96. Дашлы 3 п
97. Тоголок 15, 21 п
98. Джаркутан п
99. Сиаб погр.
100. Тутай п
101. Саразм п
102. Зардча-Халифа погр.

8. Карта памятников Северной Бактрии (по Н. Виноградовой , 2004)

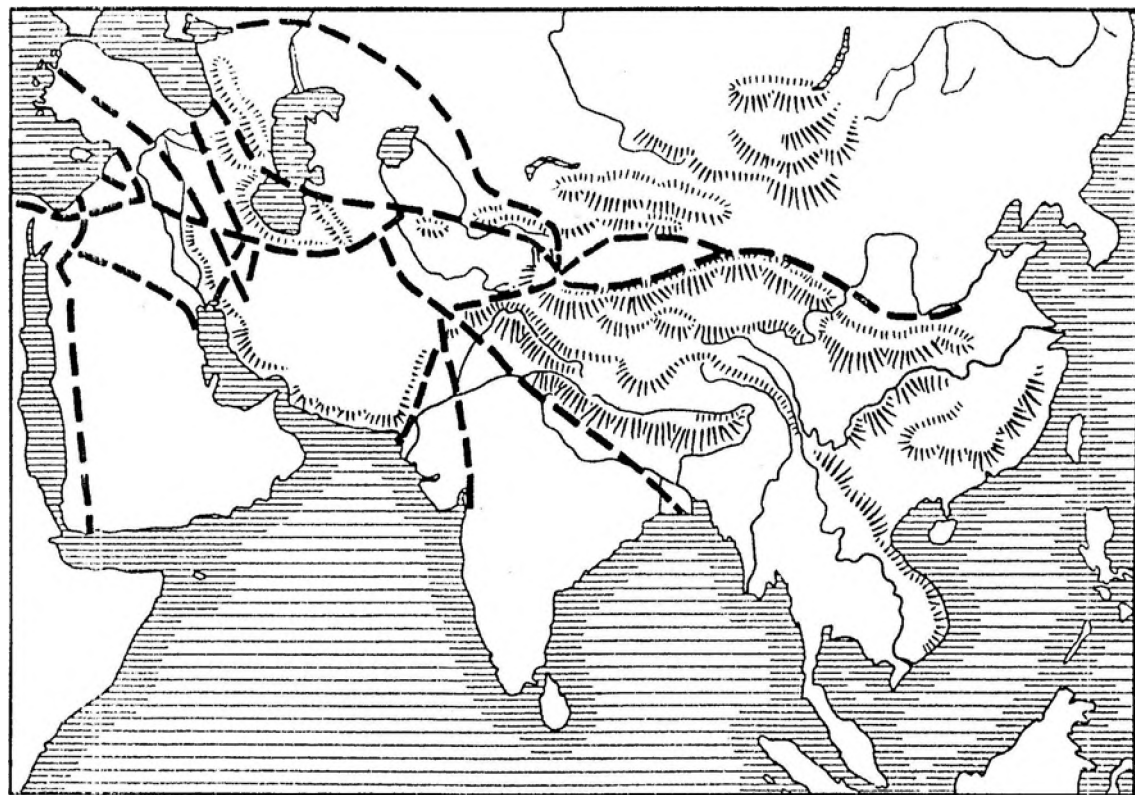

9. Этнические движения XIII—XI вв. до н.э.

10. Карта памятников Синьцзяна (по Mei, Shell, 1998)

1-Keermuqi, 2-Tacheng, 3-Tuoli, 4-Sazi, 5-Jining, 6-Nileke, 7-Agharsin, 8-Xinyuan, 9-Urumchi, 10-Jimusaer, 11-Quitai, 12-Xintala, 13-Lanzhouwanzi, 14-Kuisu, 15-Kaersang, 16-Wupu, 17-Hami, 18-Gumugou

11. Карта Великого Шелкового пути

12. Карта памятников Южной Азии начала III — первой половины I тыс. до н.э.

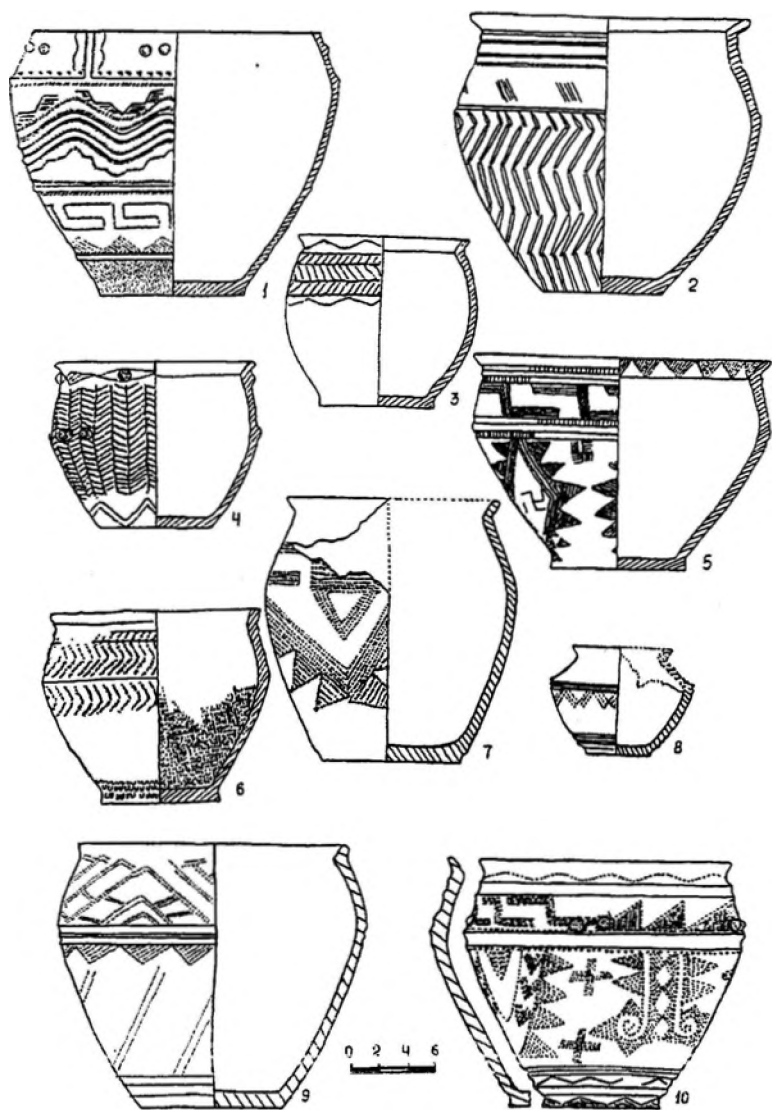

Рис. 1а. Керамика могильника Танаберген

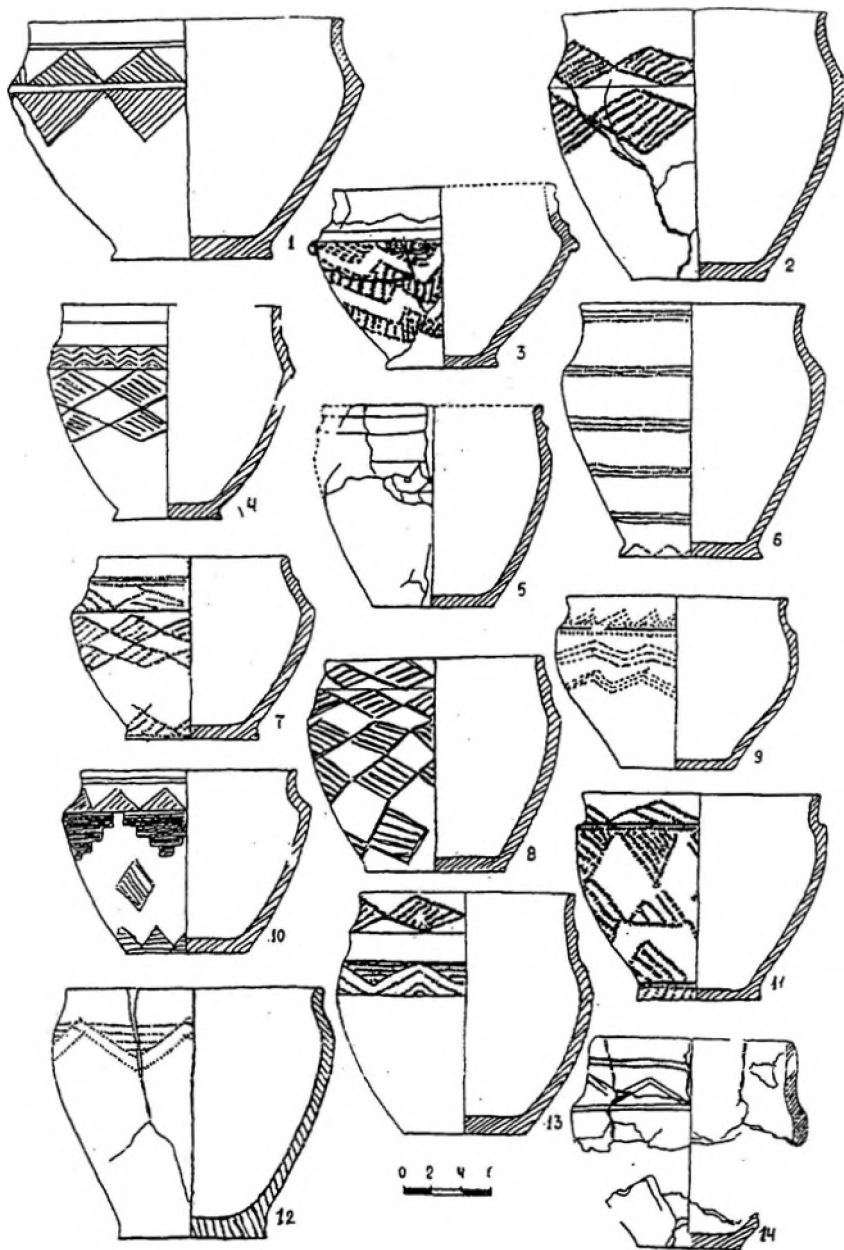

Рис. 16. Керамика могильника Танаберген

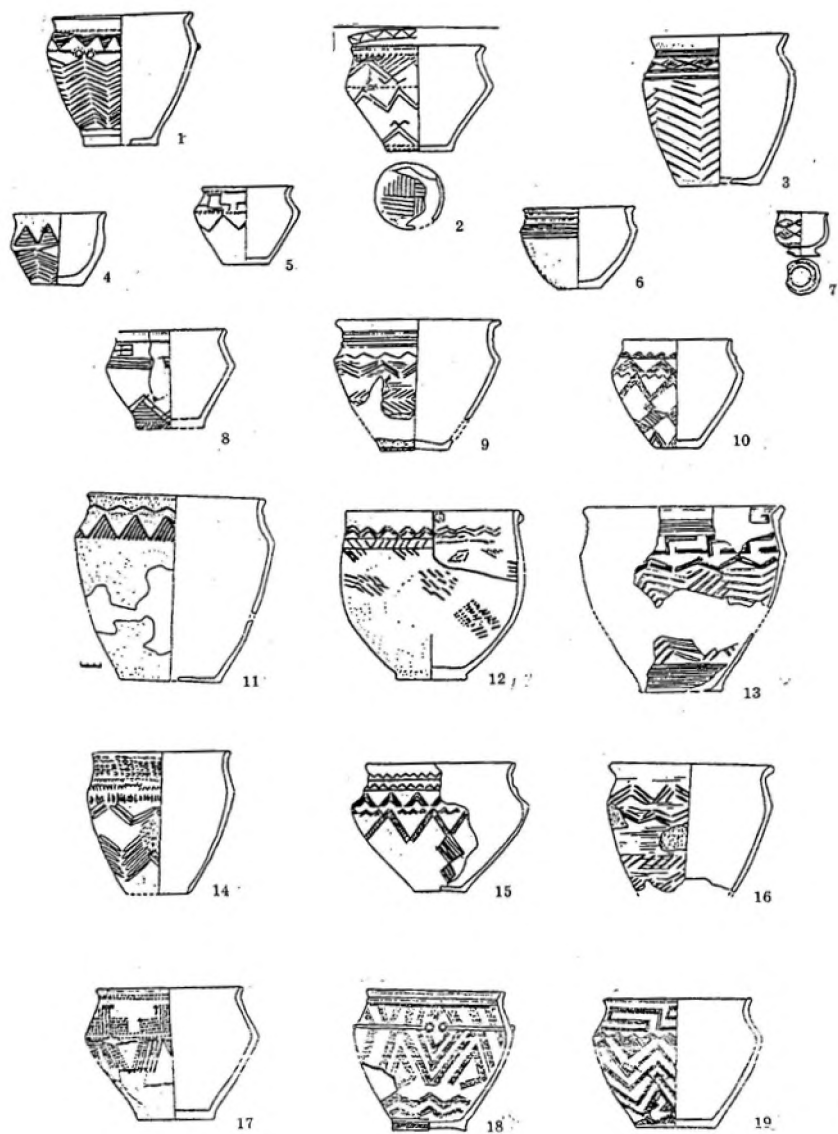

Рис. 2а. Керамика могильника Каменный Амбар

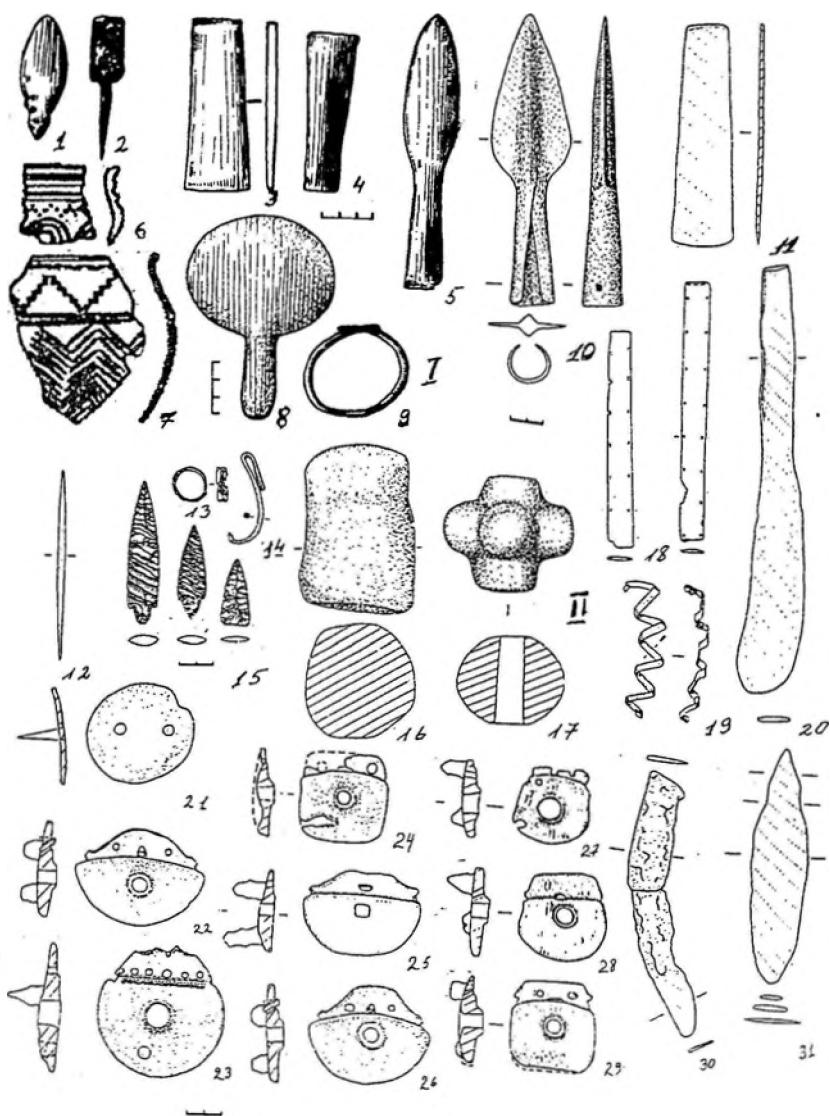

Рис. 26. Комплексы: I — кургана Красное Знамя и II — могильника Каменный Амбар (1-5; 8-14, 18-20, 31 — металл; 15-17 — камень; 21-29 — кость)

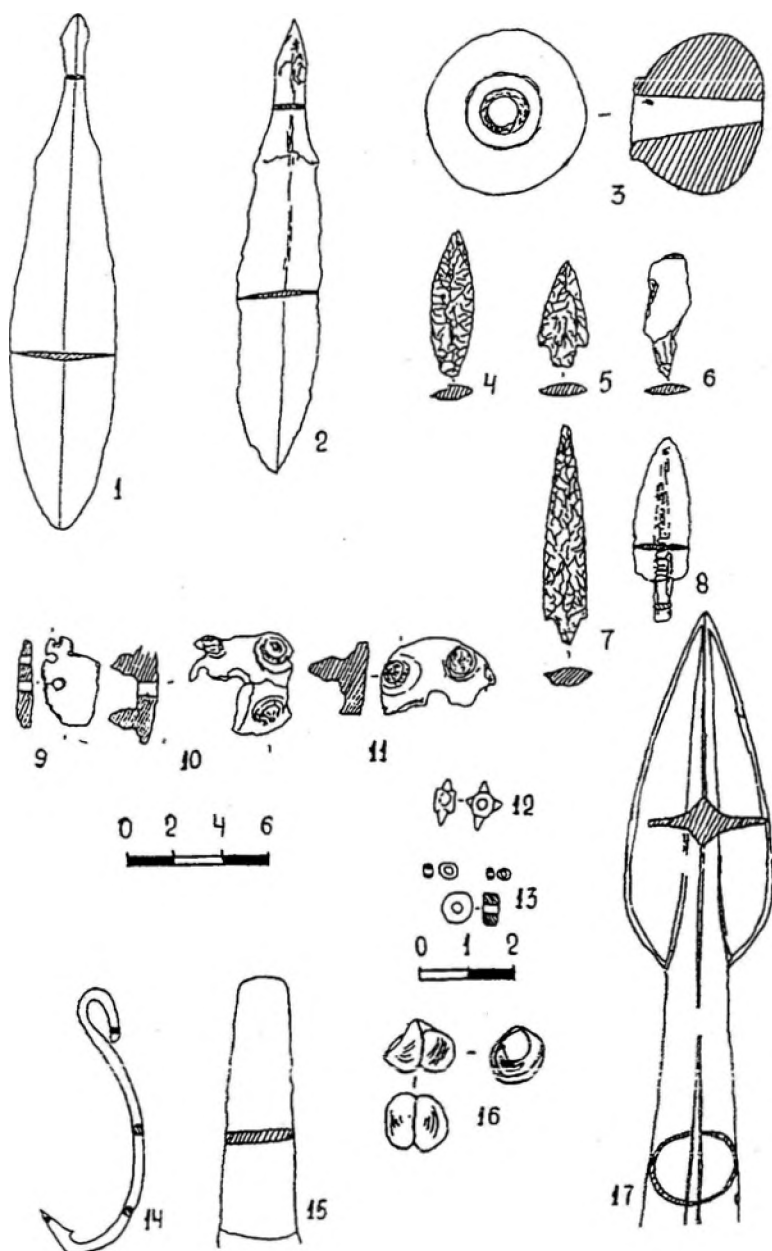

Рис. 3. Воинский комплекс могильника Танаберген (1,2,8,14-17 — металл; 4-8 — камень; 9-11 — кость; 12,13 — глина)

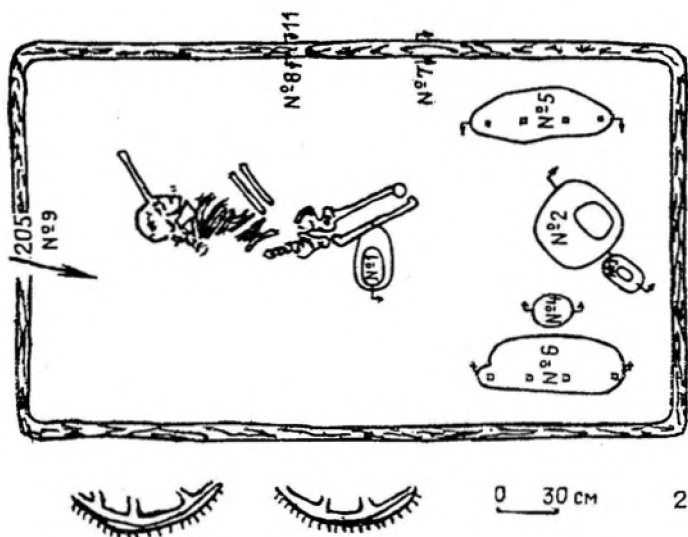
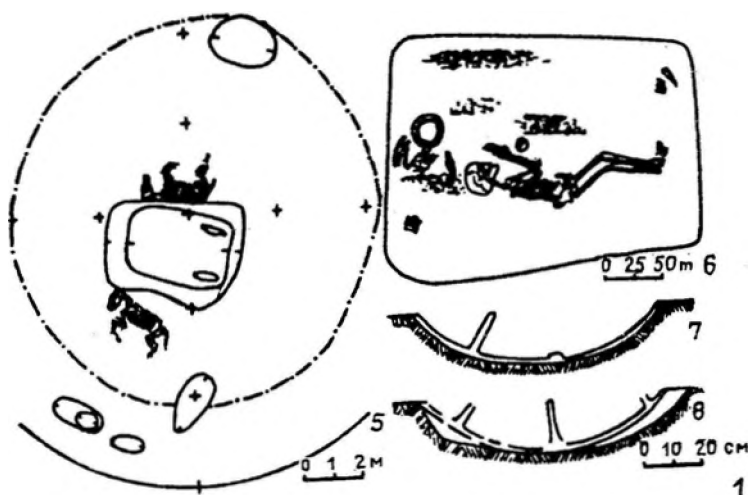

Рис. 4а. Погребения с остатками колесниц и отпечатками колес.
Могильники: 1 — Берлик II; 2 — Синташта, могила 28.

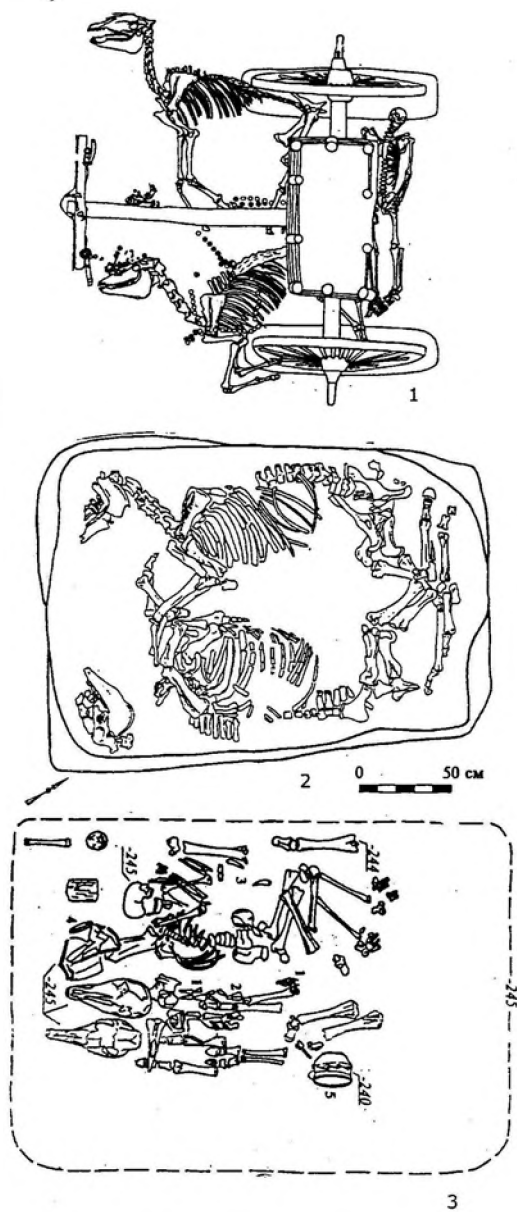

Рис. 46. Погребения пар коней 1 — Че-ма-кен Hsiao-min-t'un. Аньян; могильники: 2 — Уварово II, курган 1; 3 — Каменный Амбар 5, курган 2.

Рис. 5. Костяные наконечники и рукоятки пlectрумов с микенским орнаментом степей Евразии и их западные аналогии. (1 - Тиссафюред; 2 - Тосег; 3, 4, 8 - Ватина; 5, 7 - Блужин; 6 - Нитрянский Градок; 9 - Алалах; 10 - Петряевский; 11 - Юбилейное; 12 - Красносельки; 13 - Новый Ризадей; 14 - Приветное; 15 - Константиновский; 16 - Пасеково; 17 - Шиловское; 18-27 - Федоровский; 19 - Радченское; 20 - Бородаевка; 21 - Графская; 22 - Кашпирский; 23, 24 - Покровский; 25 - Вильно-Грушовка; 26, 32 - Новопавловский; 28 - Старая Калитва; 29 - Истомино; 30 - Мирный; 31 - Павловский Плодосовхоз; 33 Быково; 34 Березовский (по Беседин 1999, рис. 2)

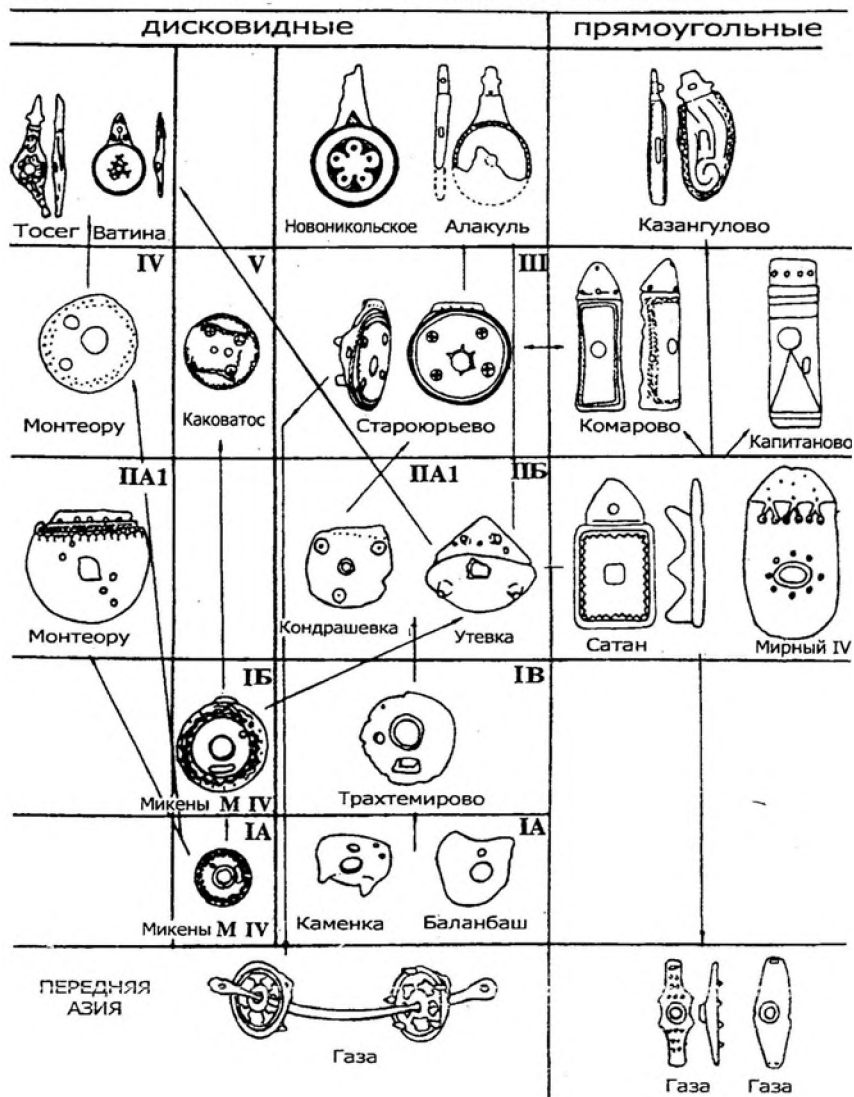

Рис. 6. Эволюция типов псалиев Евразийских степей, Подунавья и Микен.

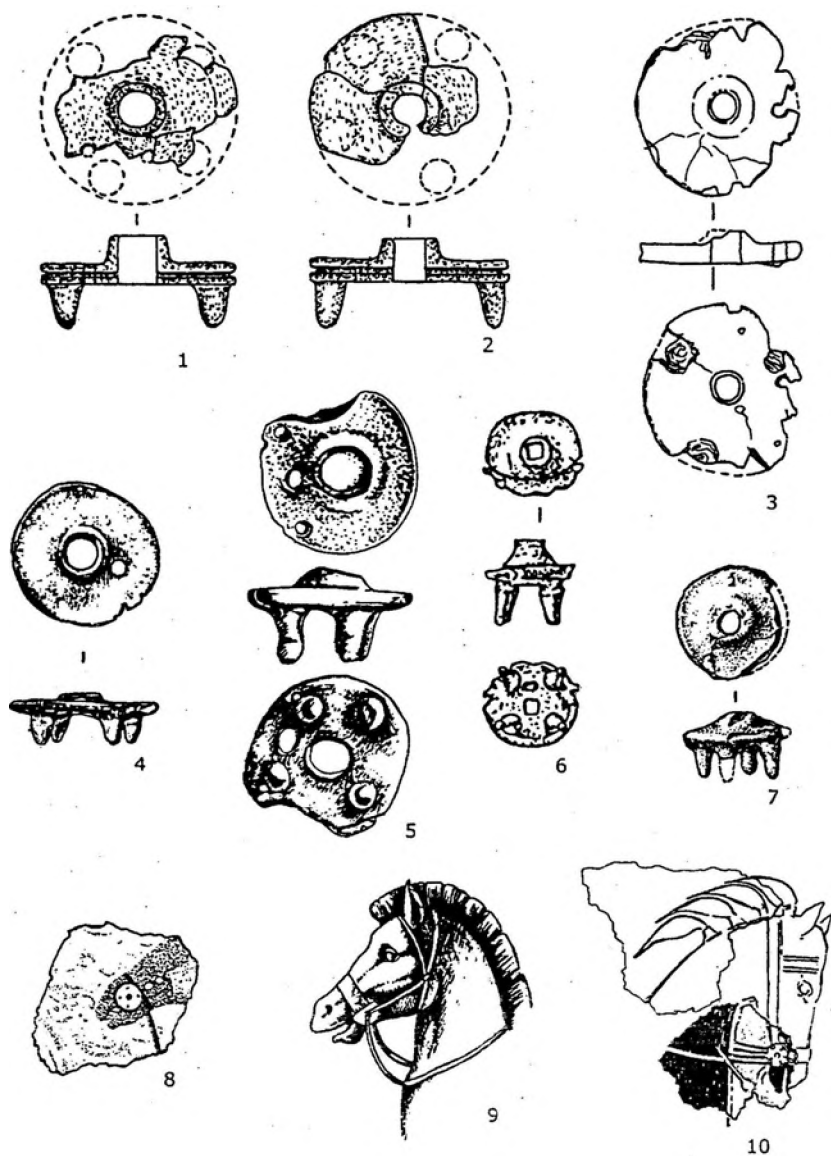

Рис. 7а. Псалии синташкинского типа и кони.

1,2 — Зардча-Халифа; 3 — Джаркутан; 4,5 — Потаповка; 6 — Каменный Амбар;
 7 — Синташта; 8,10 — изображение узды на фресках из Тирифа;
 11 — реконструкция узды коня из Потаповки.

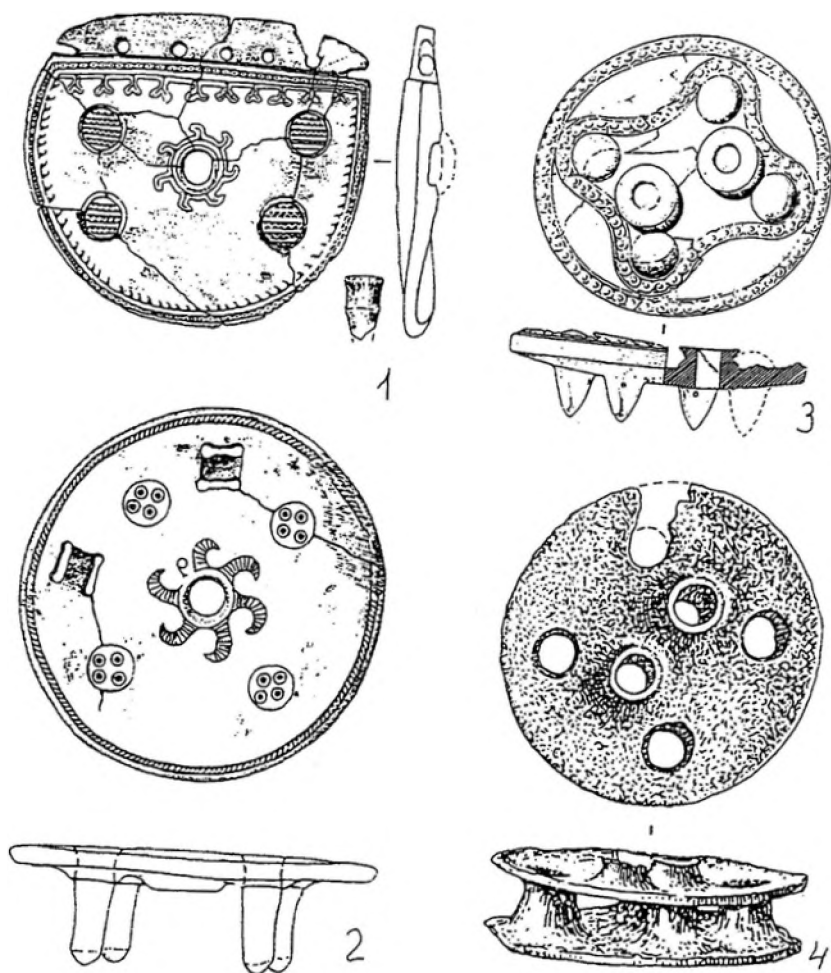

Рис. 76. Псалли Дона и Микен.
 1,2 — могильники Селезны; 3,4 — Микены, (4 — бронза)

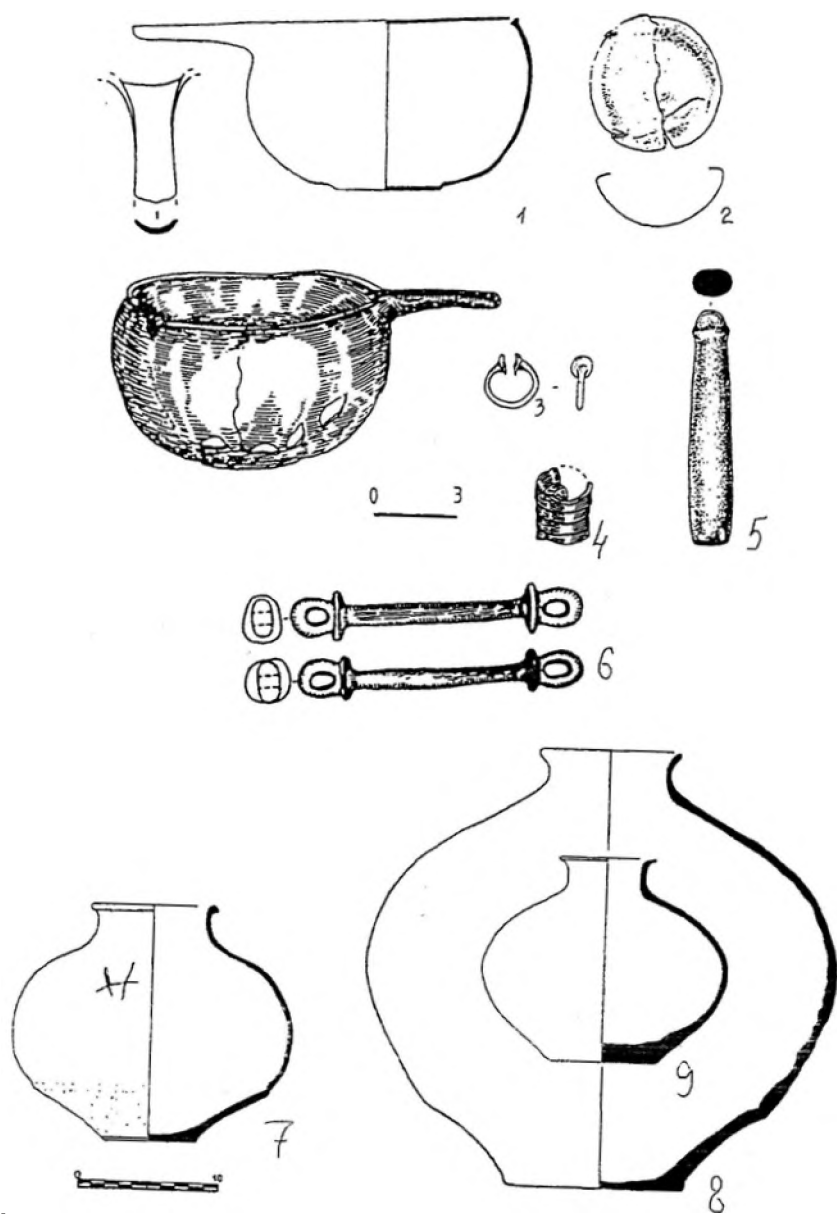

Рис. 8. Комплекс погребения Зардча-Халифа.
(1,4,6 — металл; 2,3 — золото; 5 — камень; 7-9 керамика).

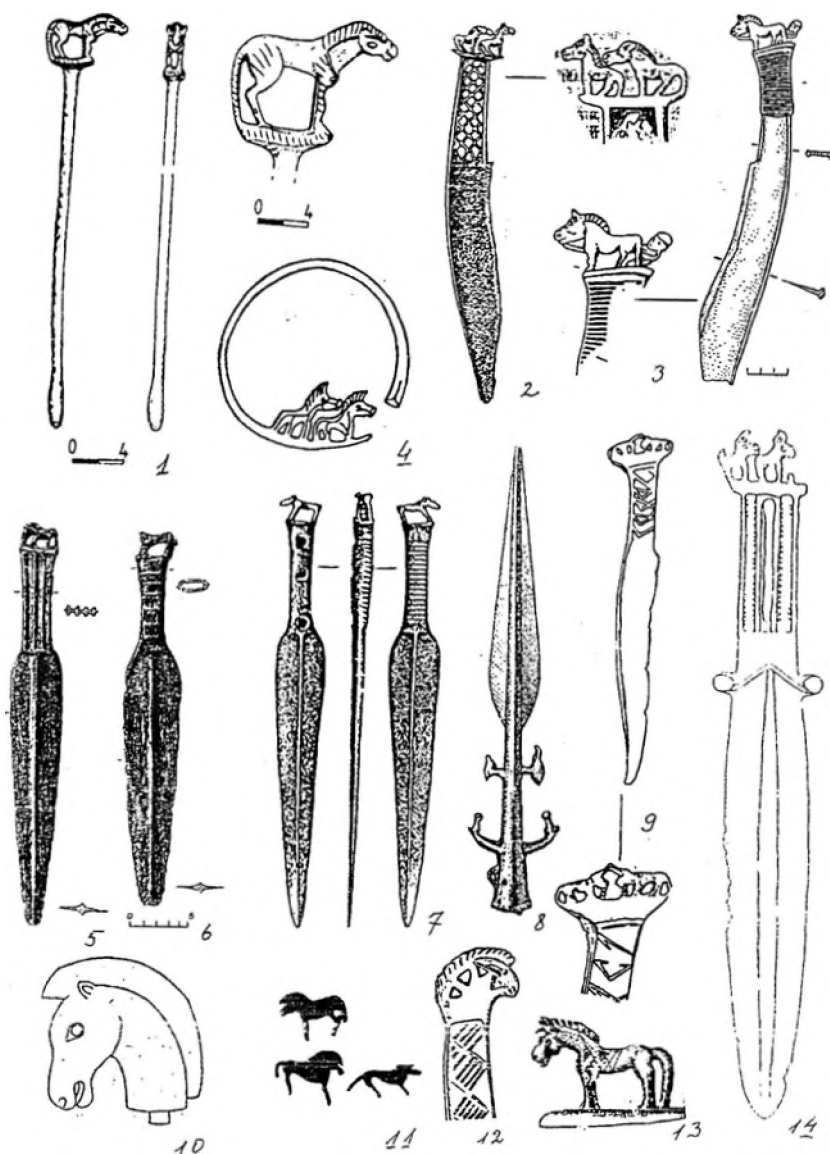

Рис. 9. Изображения лошадей и эквидов
 (1 — Зардча-Халифа; 2 — Сейма; 3 — Ростовка; 4 — Мыншункур;
 5, 6 — Каракол II; 7 — Курчум; 8 — Джетыгара; 9 — Джумба; 10 — Кутургунас;
 11 — петроглифы Центрального Казахстана; 12 — Елунино 13 — Семипалатинск;
 14 — Тува (10, 13 — Железный век).

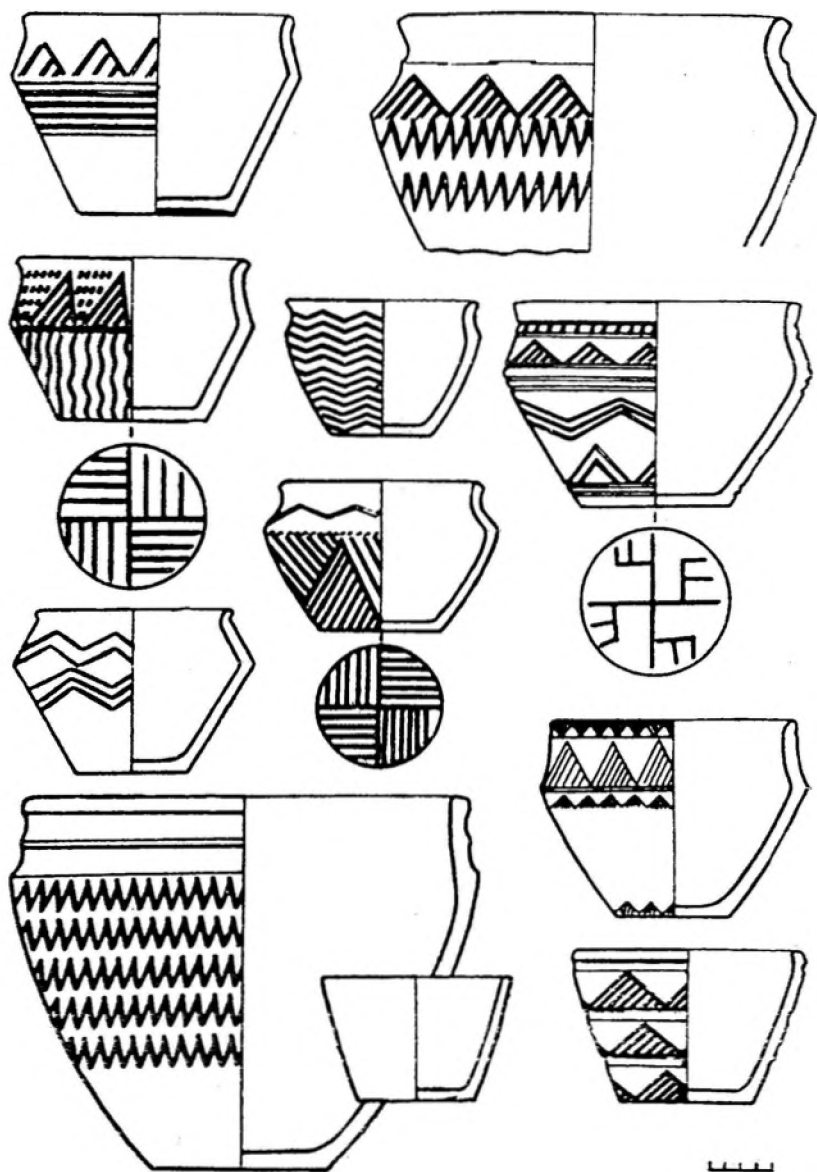

Рис. 10. Керамика петровского типа — Урал и Западный Казахстан.

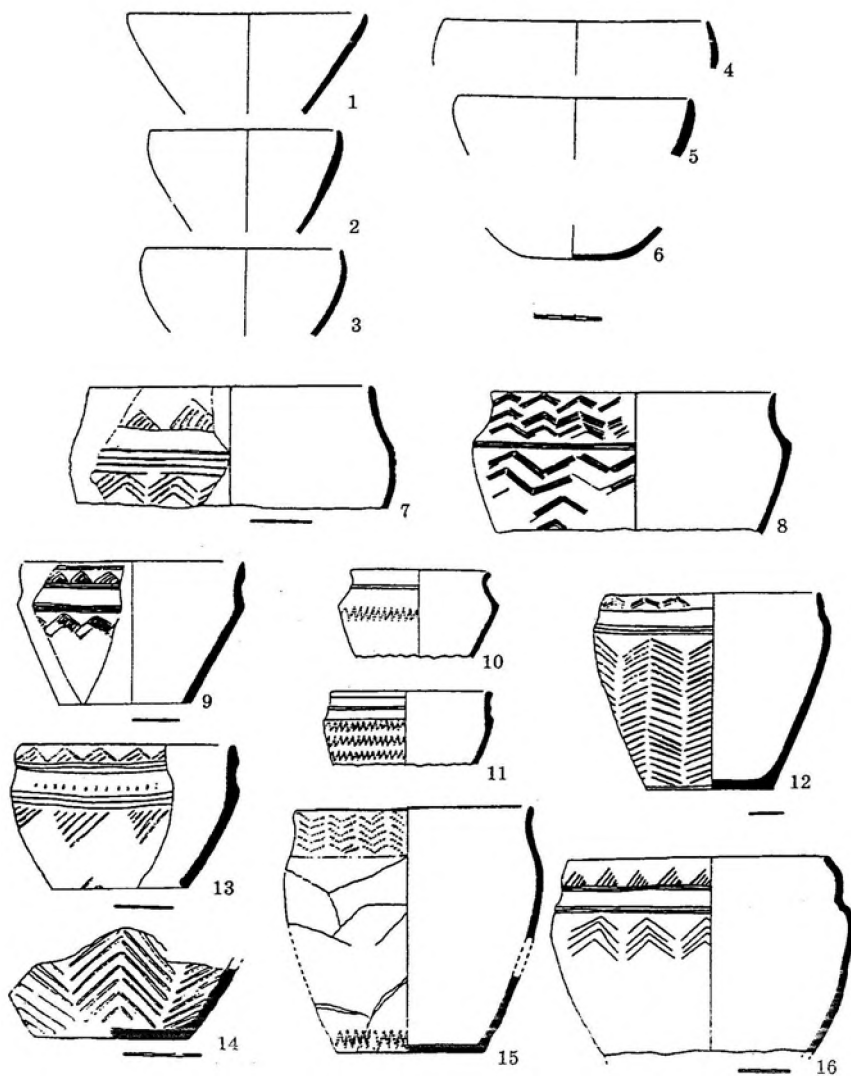

Рис. 11. Керамика поселения Тутай.
(1-6 импортная из Саразма; 7-16 Петровского типа)

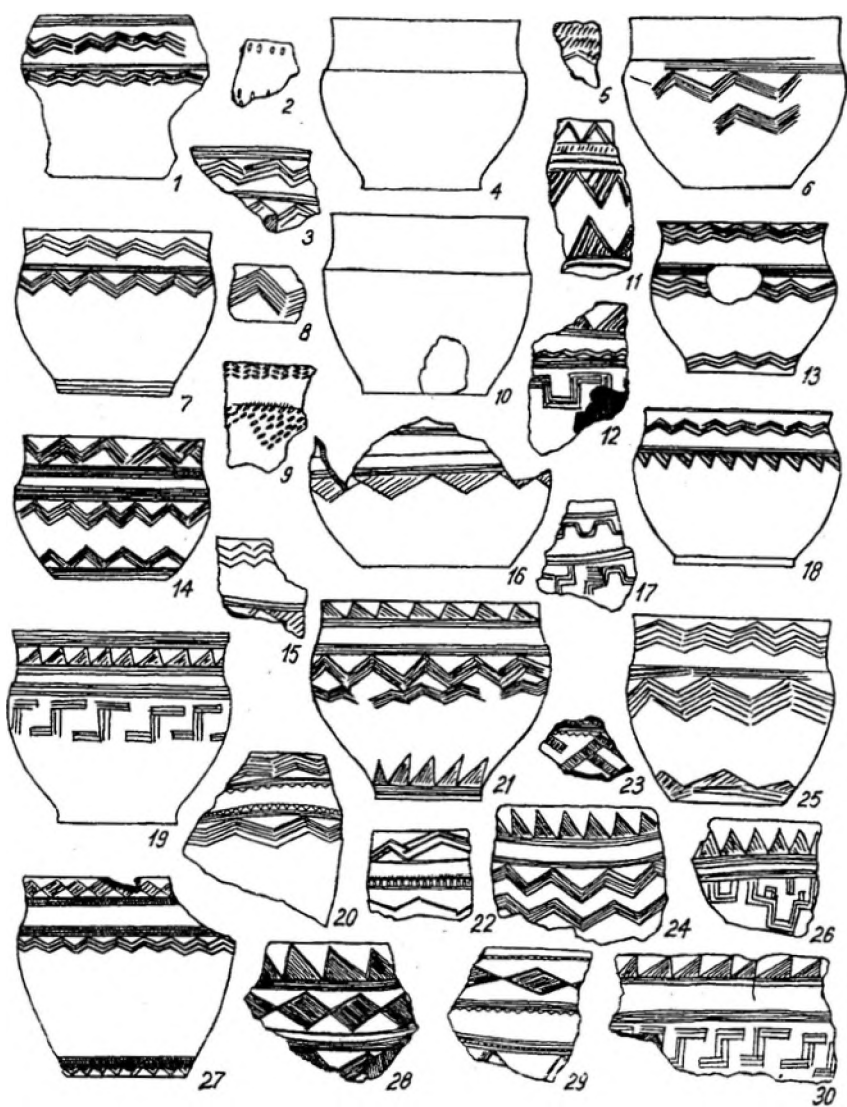

Рис. 12. Керамика алакульского типа, могильник Алакуль.

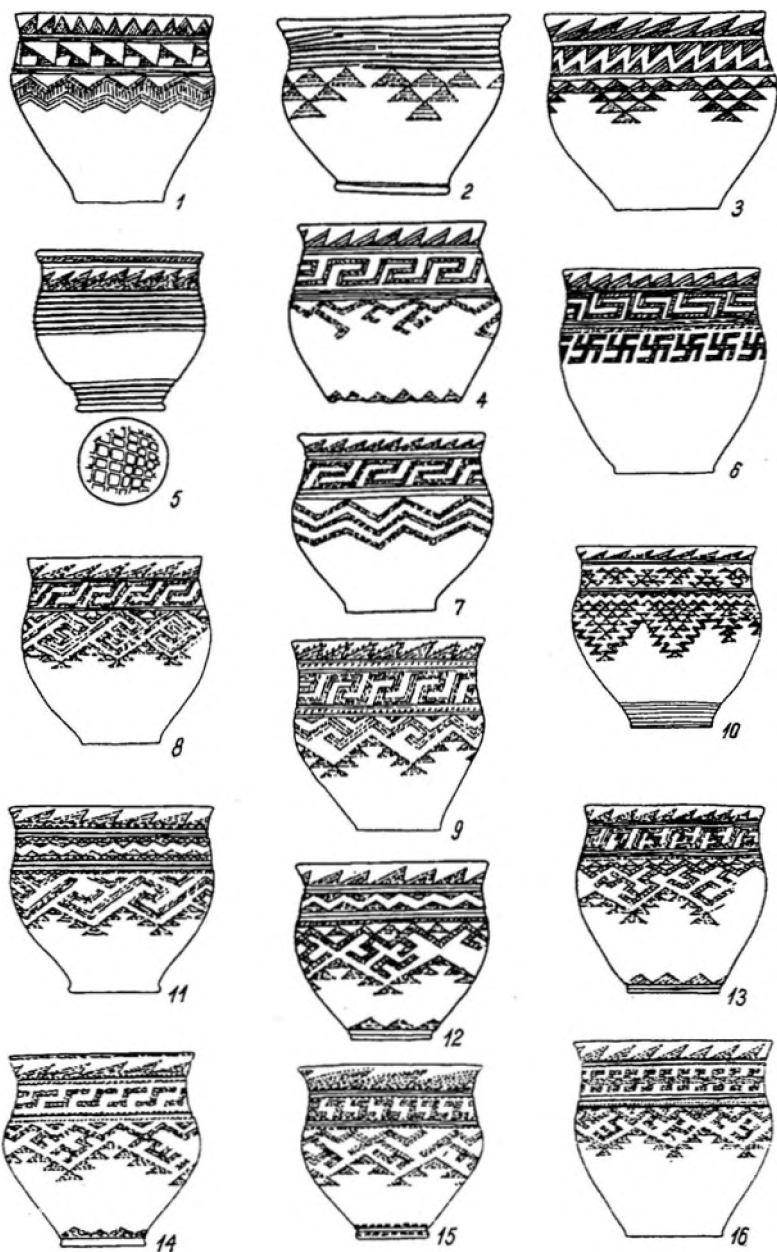

Рис. 13. Керамика федоровского типа Северного Казахстана.
Могилиники: 1,6,9,12 — Биырек-Коль; остальные — Боровое.

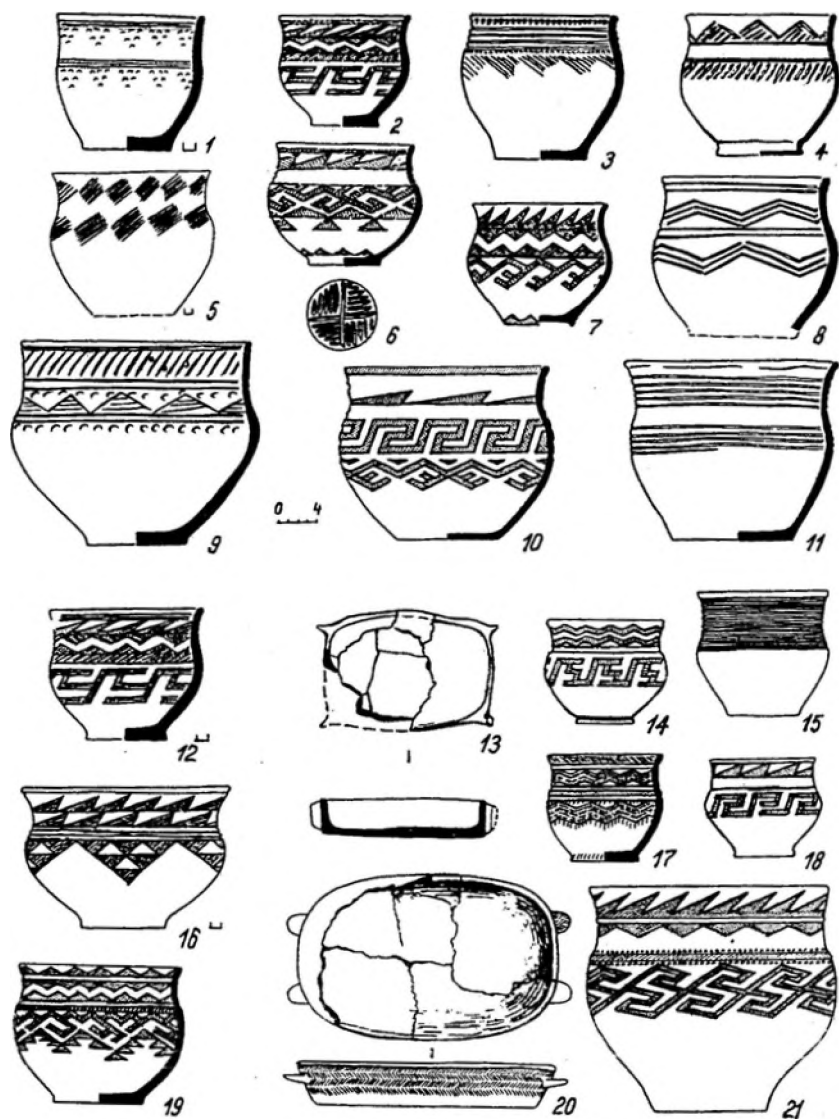

Рис. 14. Керамика федоровского типа, Урал.
 1, 2, 7, 8, 12 — район Челябинска; могильники: 3, 6, 11, 13 — Сухомесово;
 4, 5, 10, 16 — Смолино; 9 — Исаково; остальное Федорово.

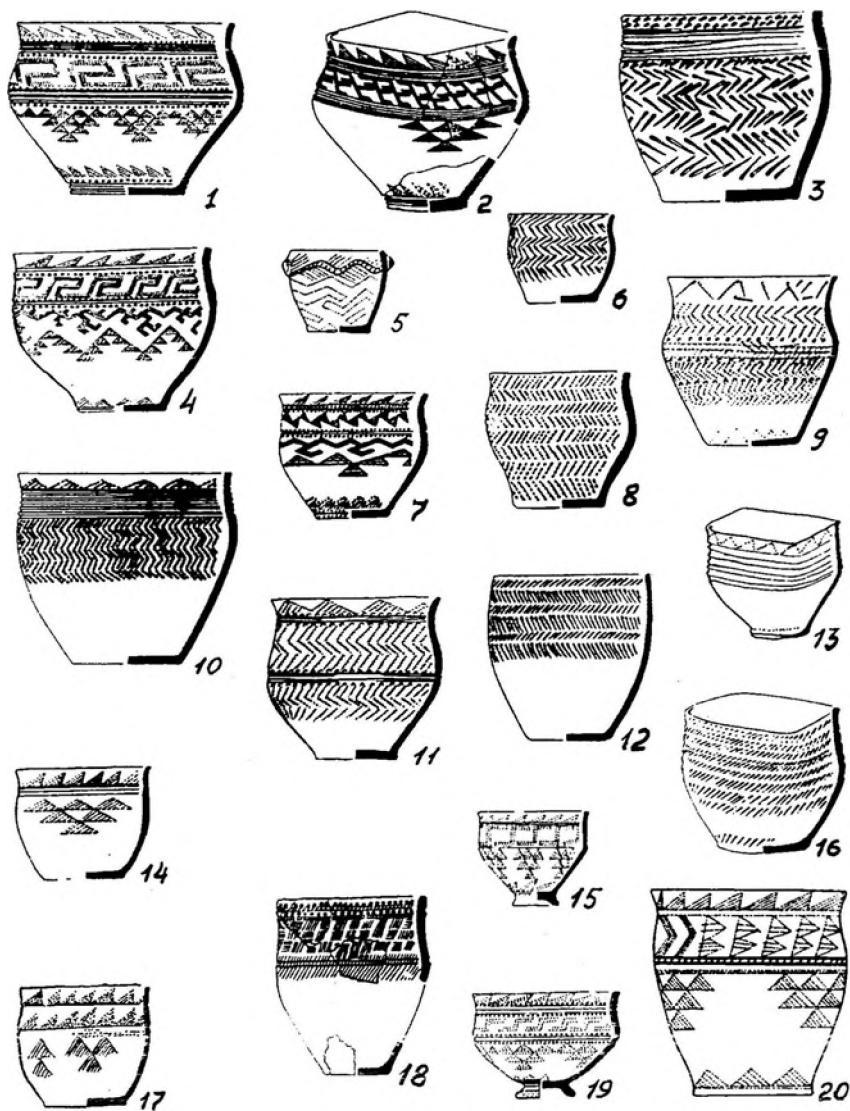

Рис. 15. Керамика федоровского типа Западной Сибири.
 Могилиники: 1-4,7,8,10,18,19 — Сухое Озеро; 5,9,11 — Соленоозерное;
 6,12 — Пристань, 13,15,16 — Новая Черная II; 14,17 — Усть-Ерба; 20 — Андронов.

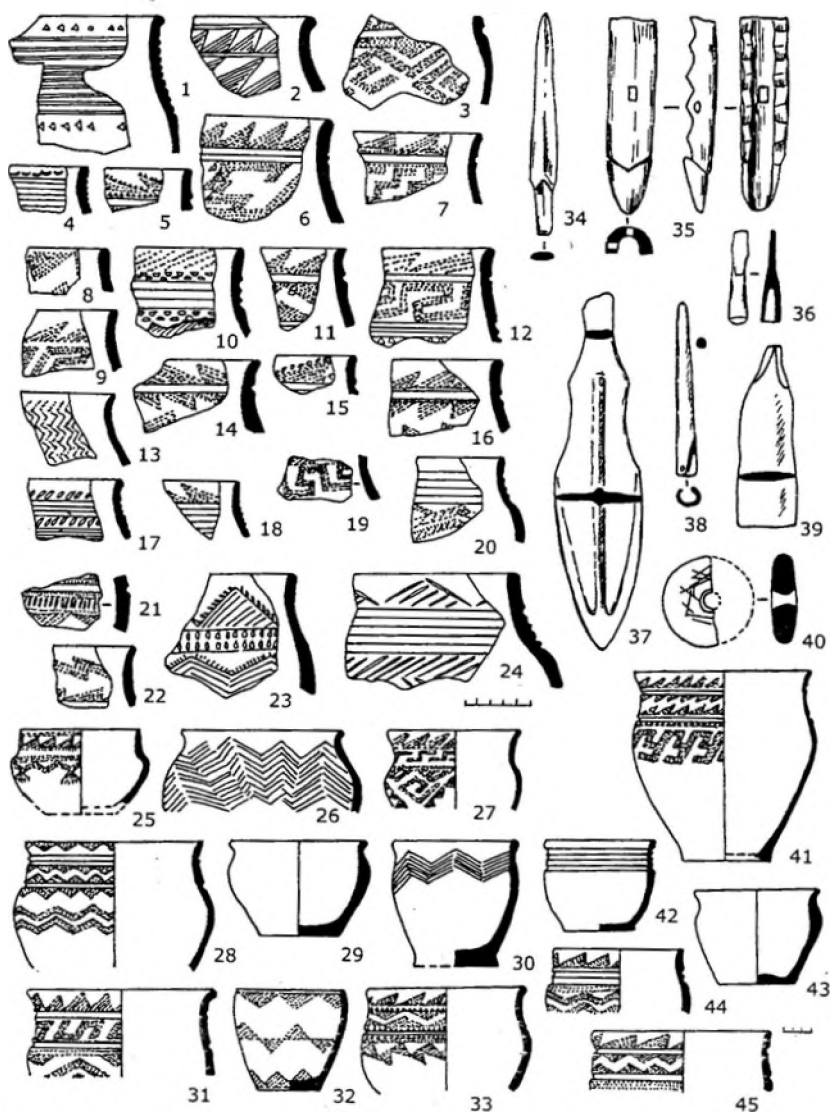

Рис. 16. Датирующий комплекс федоровского (нуринского) типа поселения Икень.
1-33; 40-45 — керамика; 34,37 — шило; 35 — псалий; 36 — стамеска;
38,39 — ножи (34,35 — кость; 36-39 — бронза).

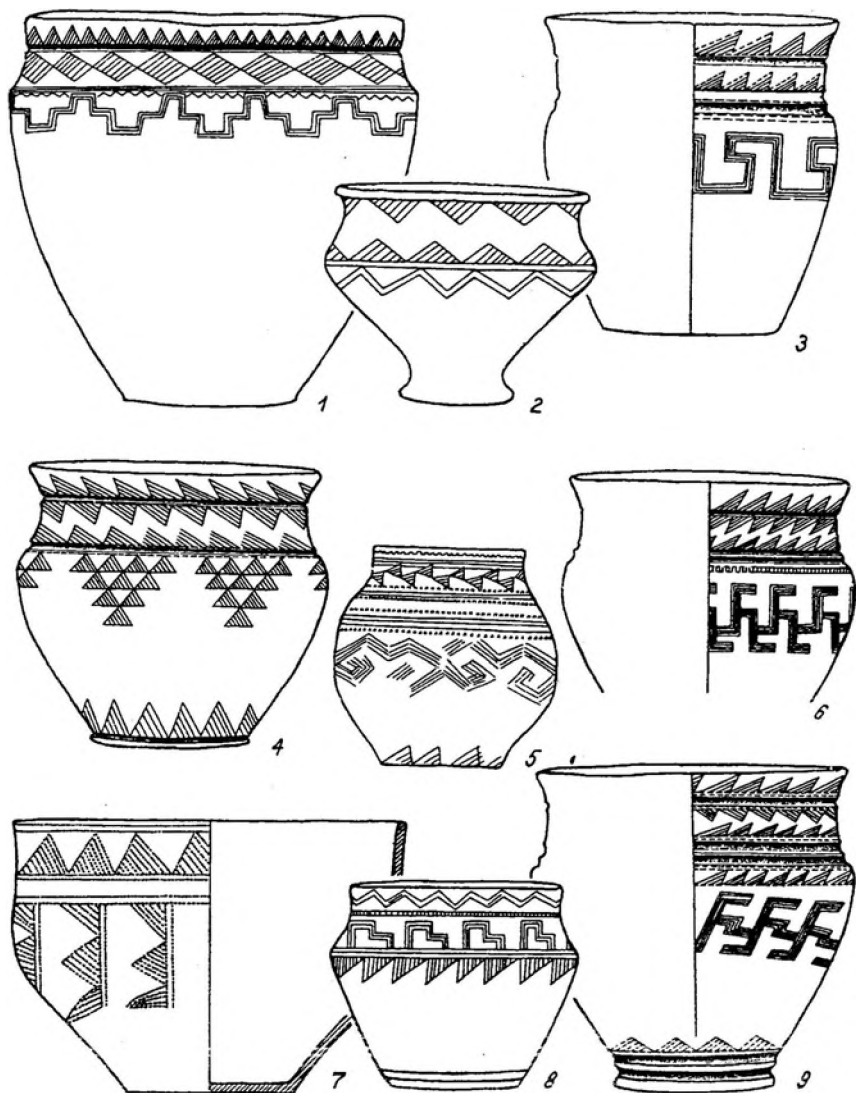

Рис. 17. Керамика атасуского типа из Казахстана и Ташкентского оазиса.
 1 — Ефимовка; 2 — Ельшибек; 3,6,9 — Атасу;
 4,8 — Центральный Казахстан (Карагандинский музей); Занги-Ата у Ташкента;
 7 дорога Чимкент — Ташкент.

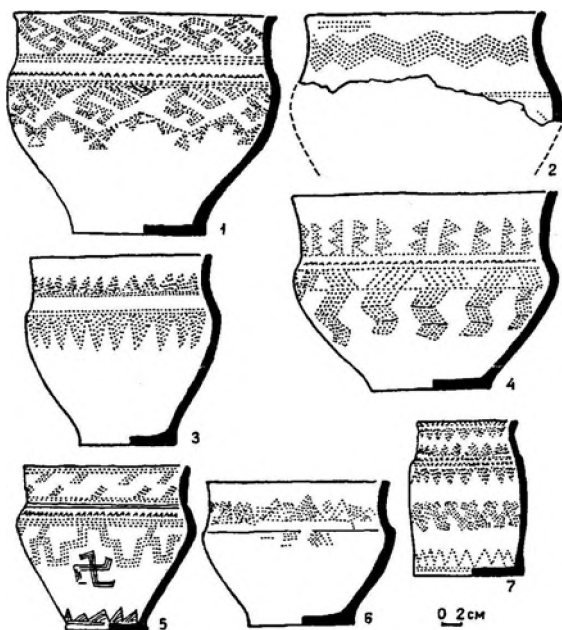

Рис. 18. Керамика таутаринского типа. Моги́льник Таутары.

Рис. 19. Керамика Приаралья.

Стоянки: 1-18 Аральск; 19-23 Каракуль; 24-30 Карталы; 31,32,36-42 Шулкум; 33-35 Сорбулак.

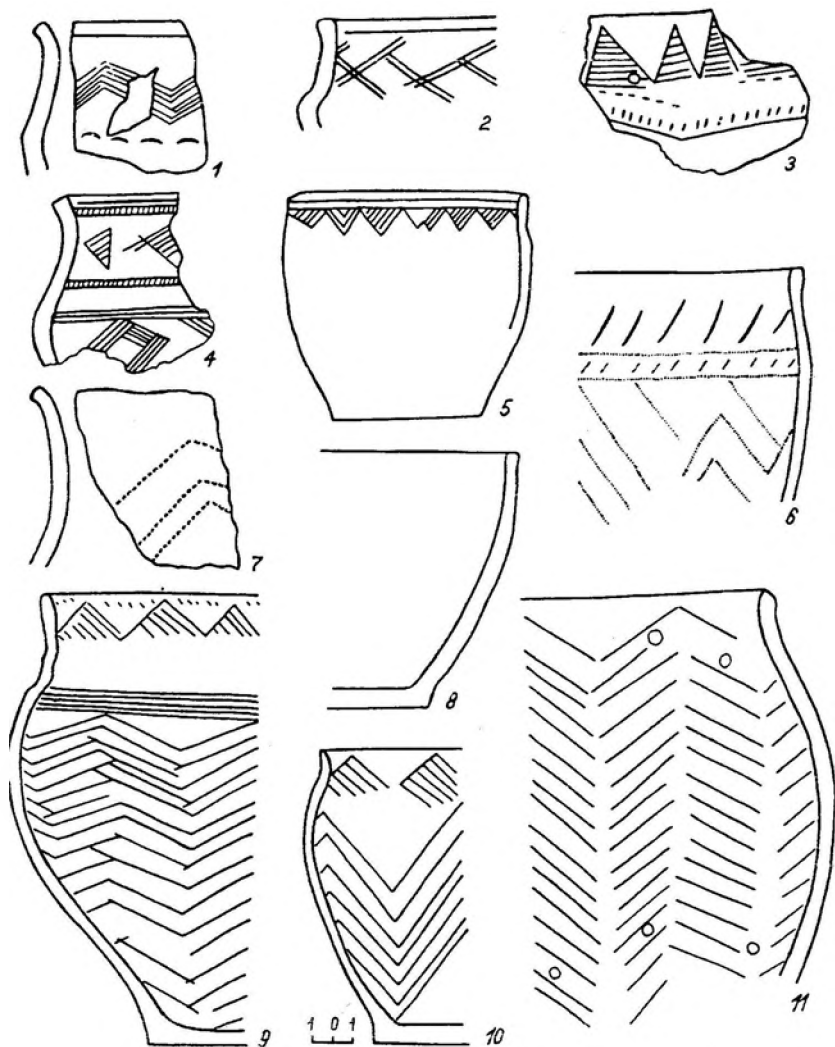

Рис. 20. Керамика Среднеазиатского Междуречья. Погребения:
1 — Чага Около Туркестана; 7 — Вревская; 9,10 — Могильник Гурдуш.
Стоянки: 2,4,11 — Большой Тузкан; 3 — Заман-Баба II; 6 — Три Круга;
8 — Малый Тузкан. Поселение: 5 — Ах-Тепе II.

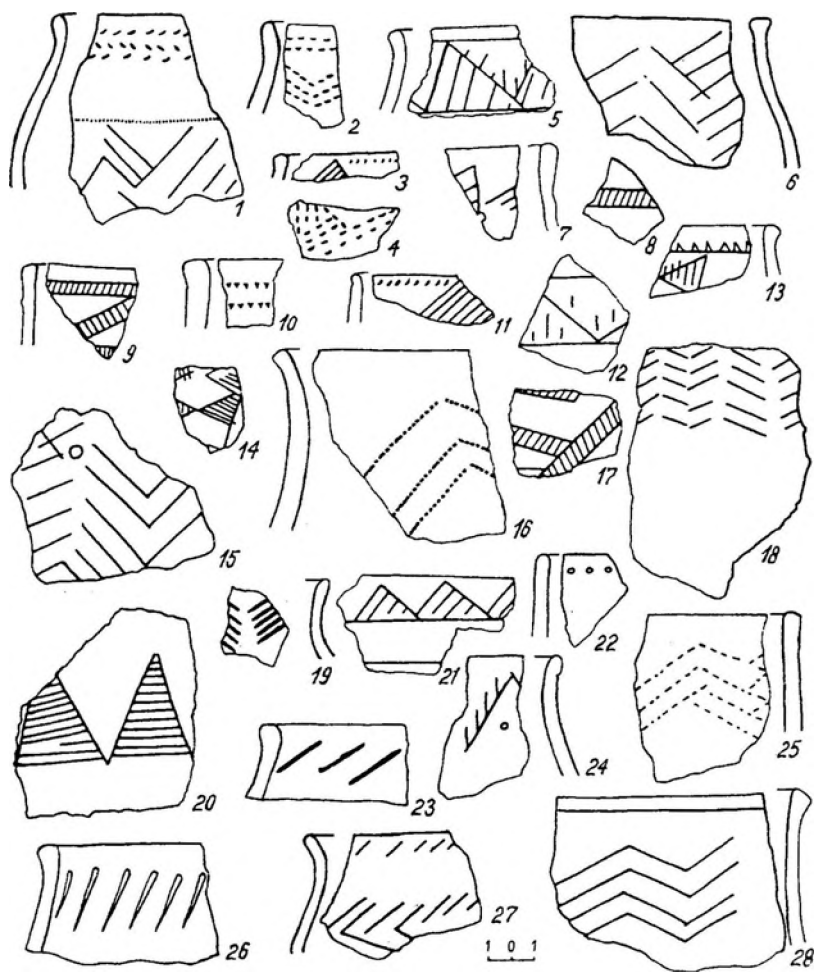

Рис. 21. Керамика памятников дельты Махан-Дарьи.
 3,9,17,27 — могильник Гурдуш; стоянки: 18 — Гуджайли-9;
 20 — Большой Тузкан III; 26 — Пайкент; 28 — Гуджайли IV;
 остальные — Три Круга.

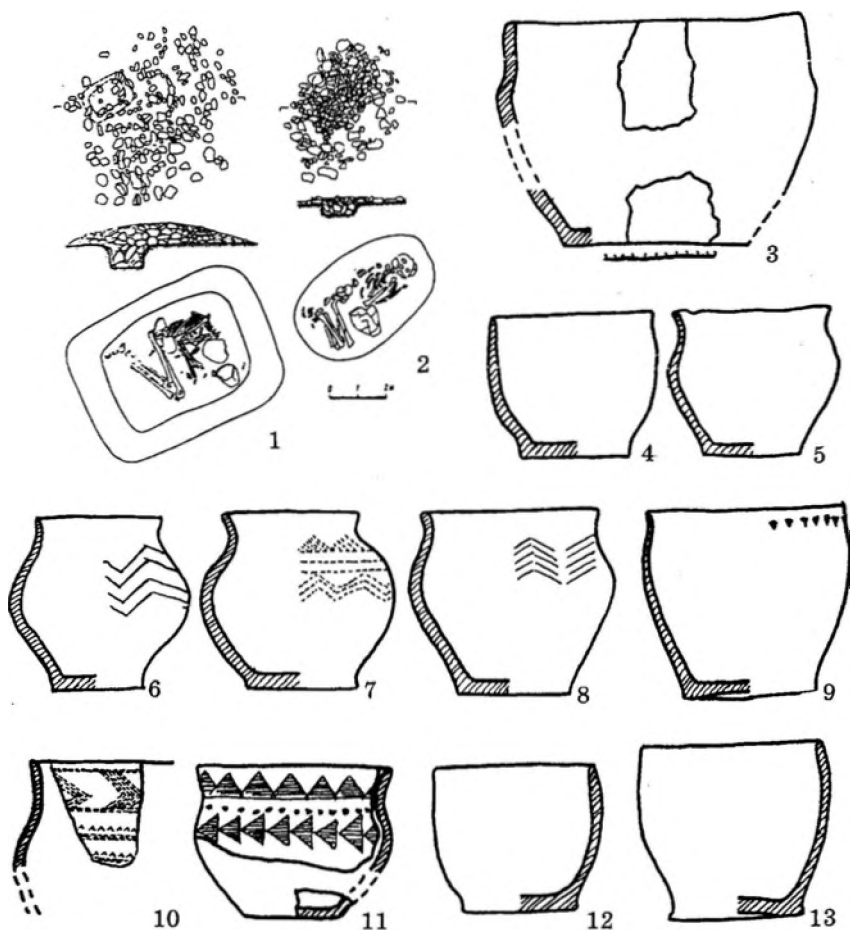

Рис. 22. Памятники Прикаспия и Среднеазиатского Междуречья.
 Могилиники: 1, 9, 12, 13 — Патма-Сай; 2 — Парау;
 погребения: 5 — Янги-Юль; 6, 8 — Ореховское; 7 — Никифоровские земли;
 стоянки: 3 — Барханная; 4 — Антрем; 10 — Науха-Топе; 11 — Пайкент.

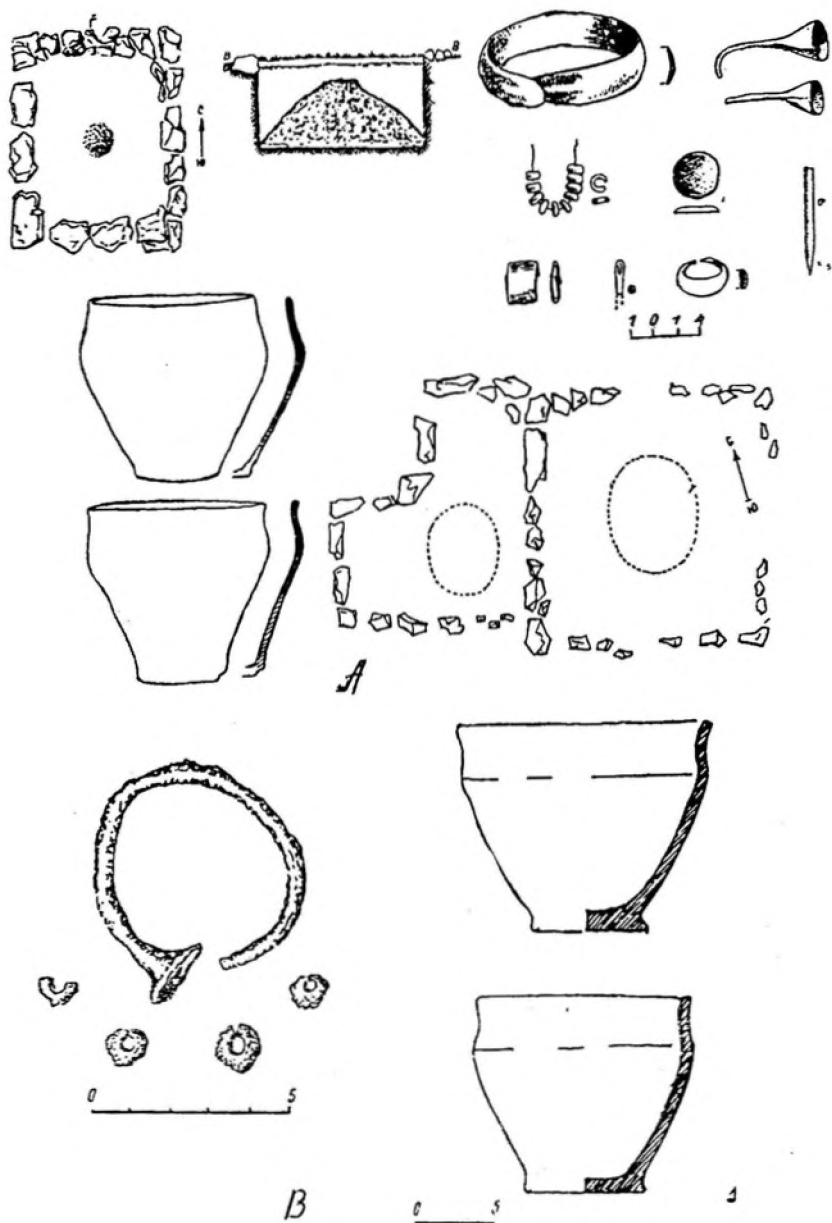

Рис. 23. Могильники семиреченского типа. А — Таш-Тюбе II; В — Тегермен-Сай.

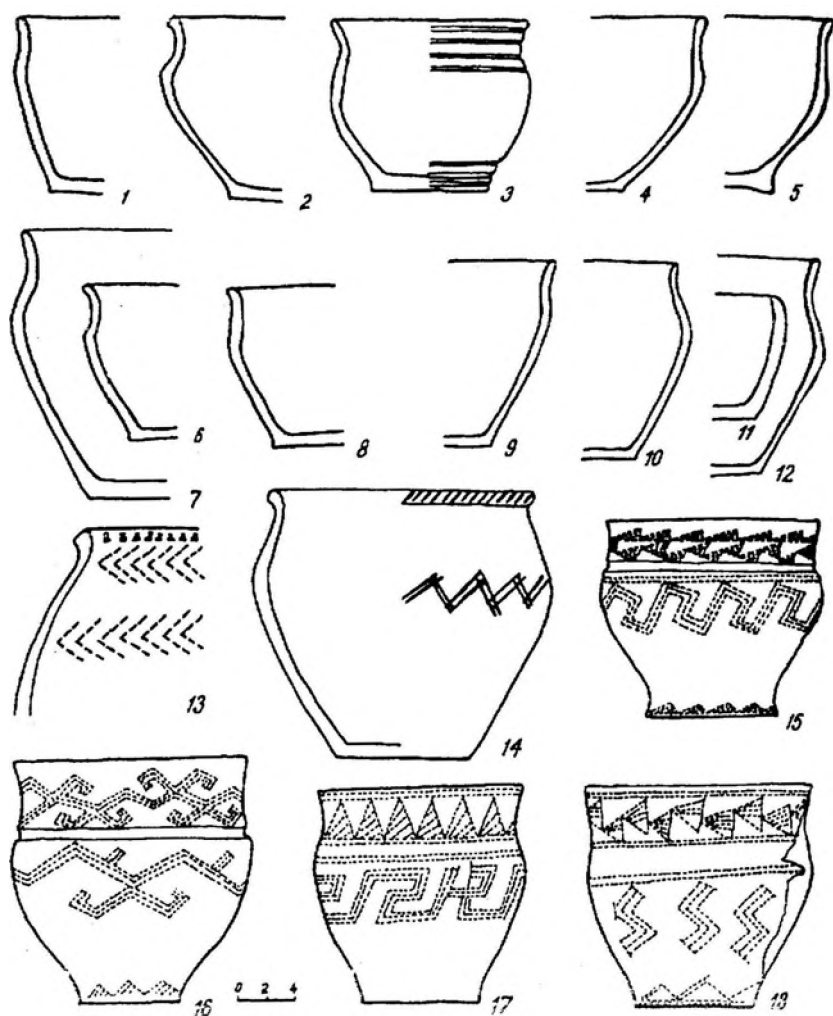

Рис. 24а. Керамика семиреченского типа. Случайные находки: могильники 1,6 — Кызыл-сай; 2 — Кулан-сай; 3,5,8 — Большой Чуйский канал; 7,11,12,15 — Таш-Башат; 9,10 — Таш-Тюбе; 15 — Пригородное; 17,18 — Арпа; поселение: 13 — Джал-Арык.

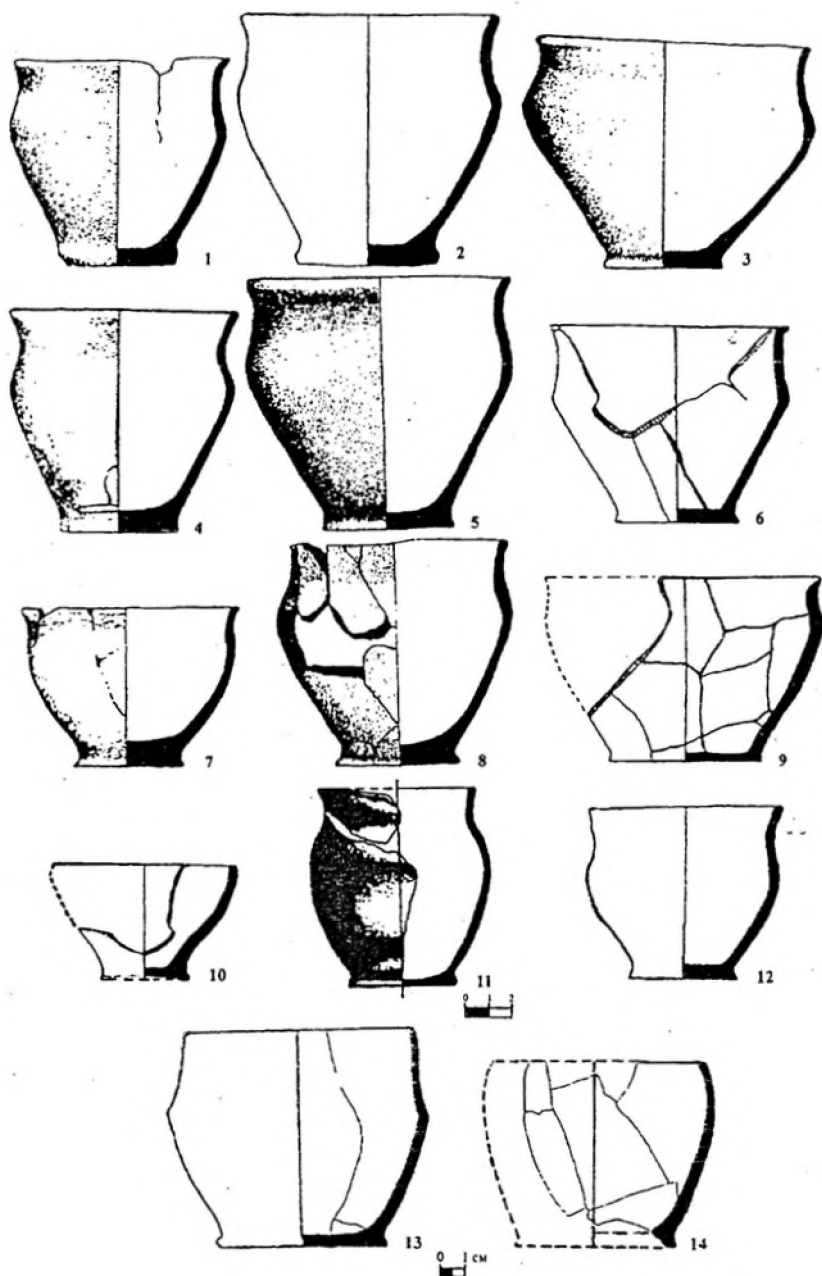

Рис. 246. Керамика семиреченского типа. Могильник Узунбулак.

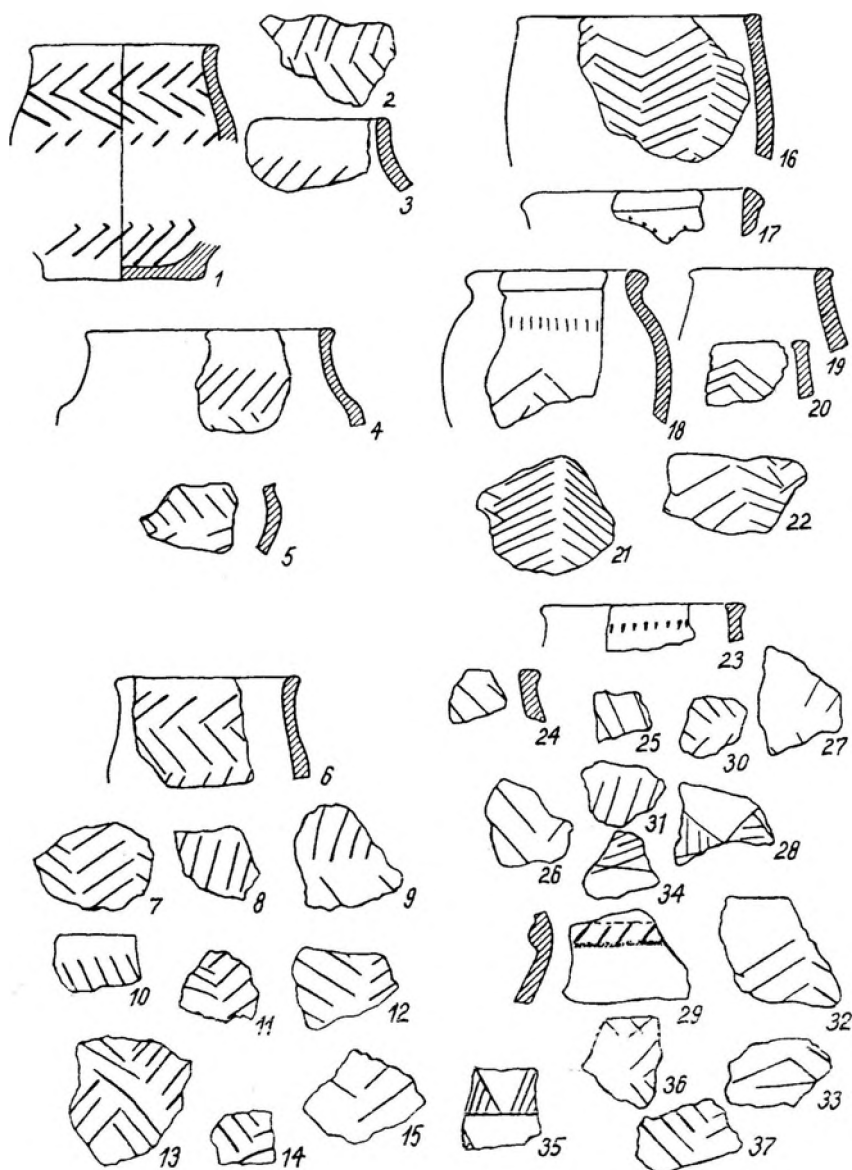

Рис. 25. Керамика стоянок в подгорной полосе Туркменистана.

1-9, 11 — у Коджа; 10-12, 22 — около Джейтуна; 23-28 — у Геок-Тепе;

29 — у Чингиз-депе; 30-33 — колодец Кенеле у Ашхабада; 34-37 — у Безмеин-депе.

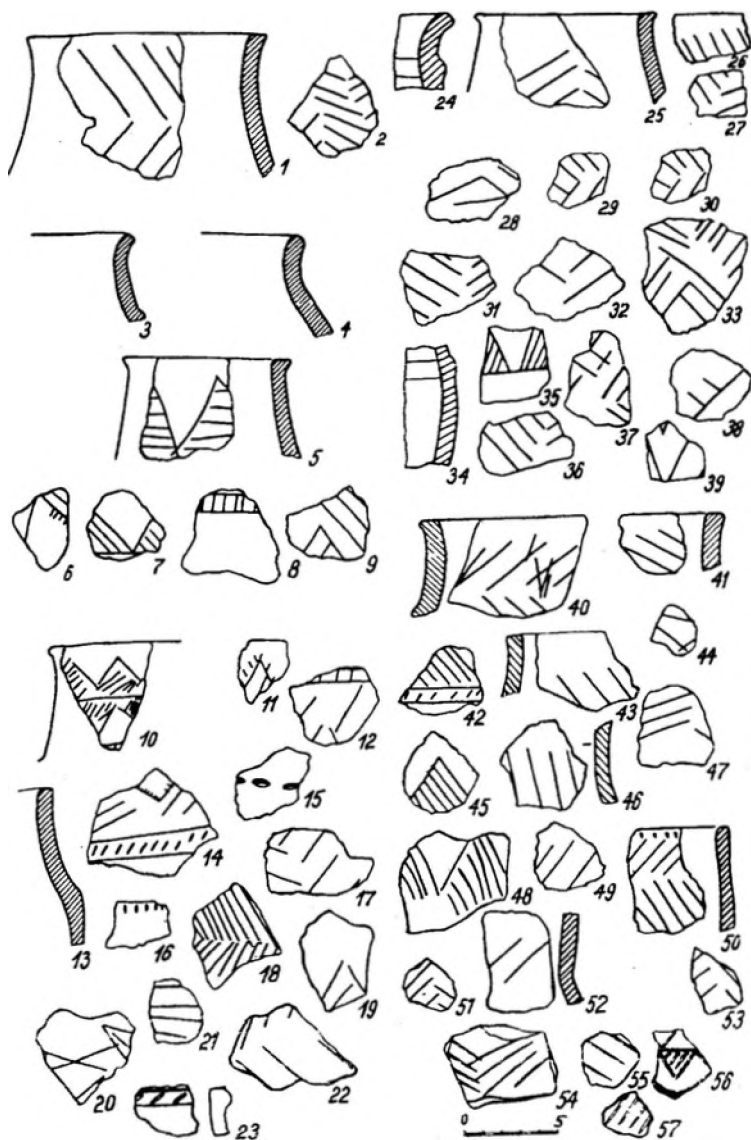

Рис. 26. Керамика Южного Туркменистана и Северного Афганистана.
 1,2 — колодец Курру-Геока; 3-23 — у Овадан-депе; 24,26,27,30 — около Ашхабада;
 25,28,29,23-39 — у Безмеина; 40-42,44,47,48,50 — колодец Кель-Аджи в Байрам-
 Алийской дельте Мургаба; 45,46,49 — колодец Тархан в Байрам-Алийской дельте
 Мургаба; 51-53 — колодец Егилер; 54-57 — южный берег Аму-Дарьи в Северном
 Афганистане (сборы А.В.Виноградова).

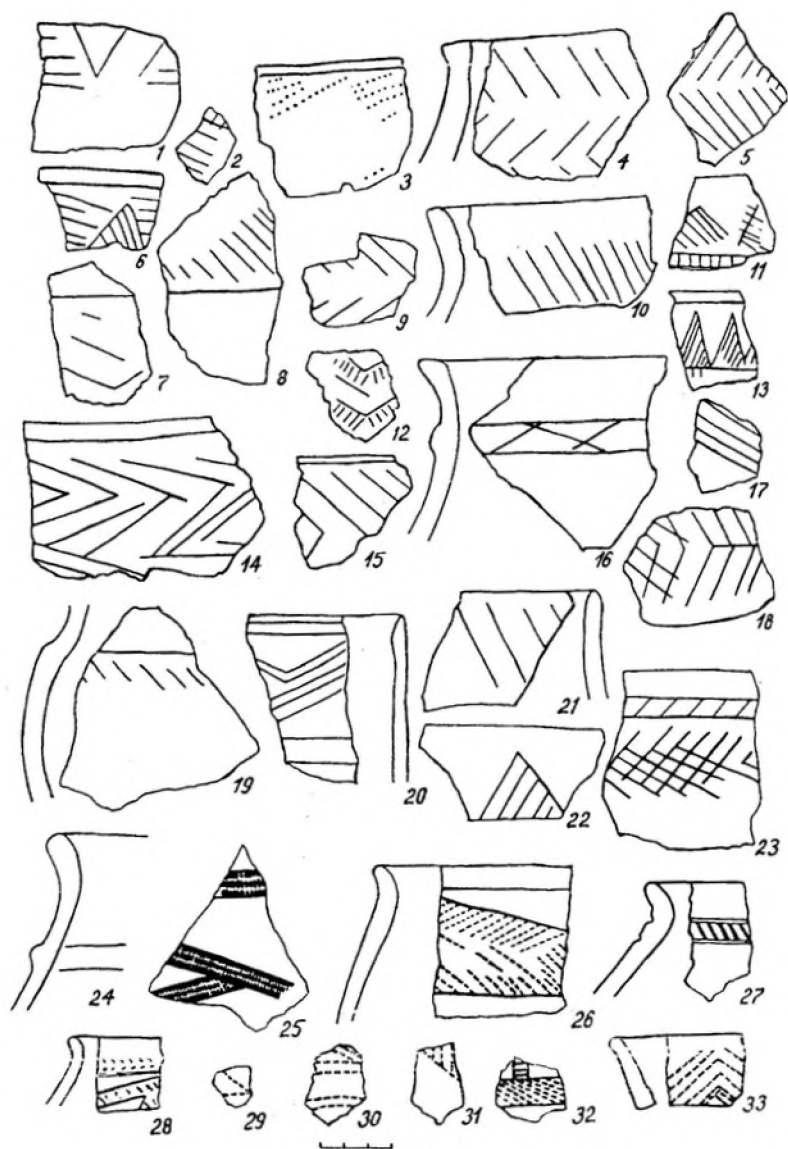

Рис. 27. Находки андроновской керамики в слоях земледельческих поселений Южного Туркменистана и Северного Афганистана.

Поселения: 1-3, 6-9 — Тахирбай; 3, 12, 14, 15 — Аучин-депе; 13 — Байгутлы; 4, 5, 10, 18, 20, 22 — Анау (III); 11 — Серманча-депе; 16, 17 — Елькен-депе (Елькен слой I - 16, Елькен II - 17); 19, 21 — Намазга-депе; 23 — Теккем-депе; 24-33 — Шортугай (по фото Н.-Р. Francfort 1989).

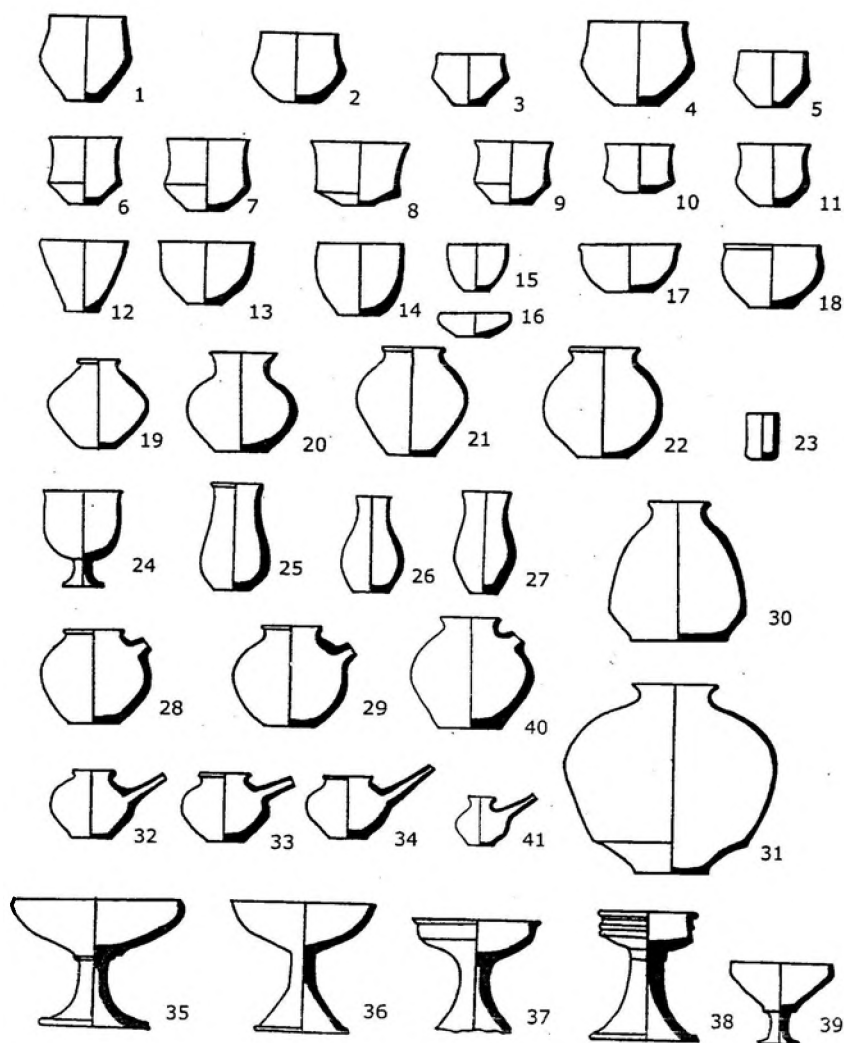

Рис. 28а. Основные типы гончарной керамики позднего бронзового века Маргианы. Поселения: 1-14 — Гонур (по Heibert, Moore 2004); 15-19 — Маргиана (по фото Сарияниди 1990); 20-25 — андроновское погребение на поселении Тахирбай 3 (по Cattani 2004); 26,27 — Тоголок 1; 28-31 — Гонур, поверхность (по Heibert 1994)

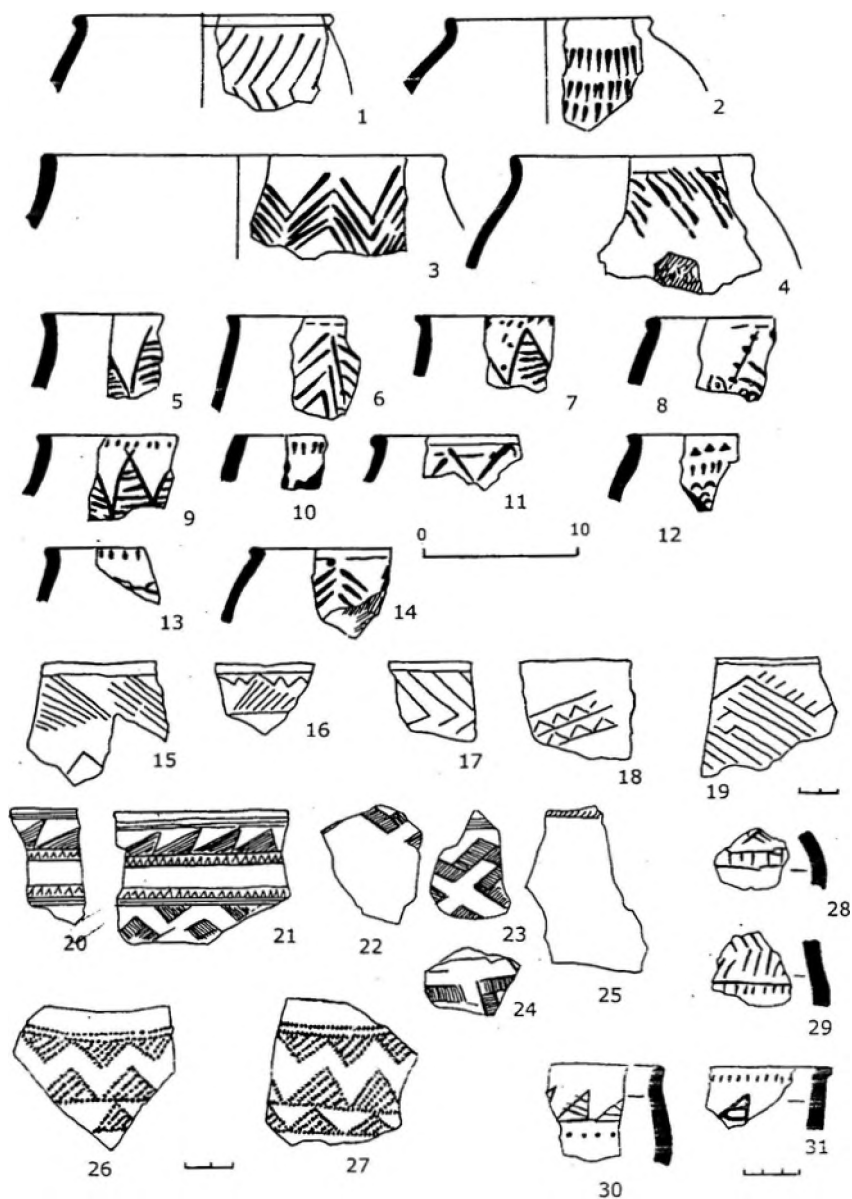

Рис. 286. Андроновская керамика Маргианы.

Поселения: 1-14 — Гонур (по Hilbert, Moore 2000); 15-19 — Маргиана (по фото Сарияниди 1990); 20-25 — андроновское погребение на поселении Тахирбай 3 (по Cattani 2004); 26,27 — Тоголок 1; 28-31 Гонур, поверхность (по Hilbert 1994).

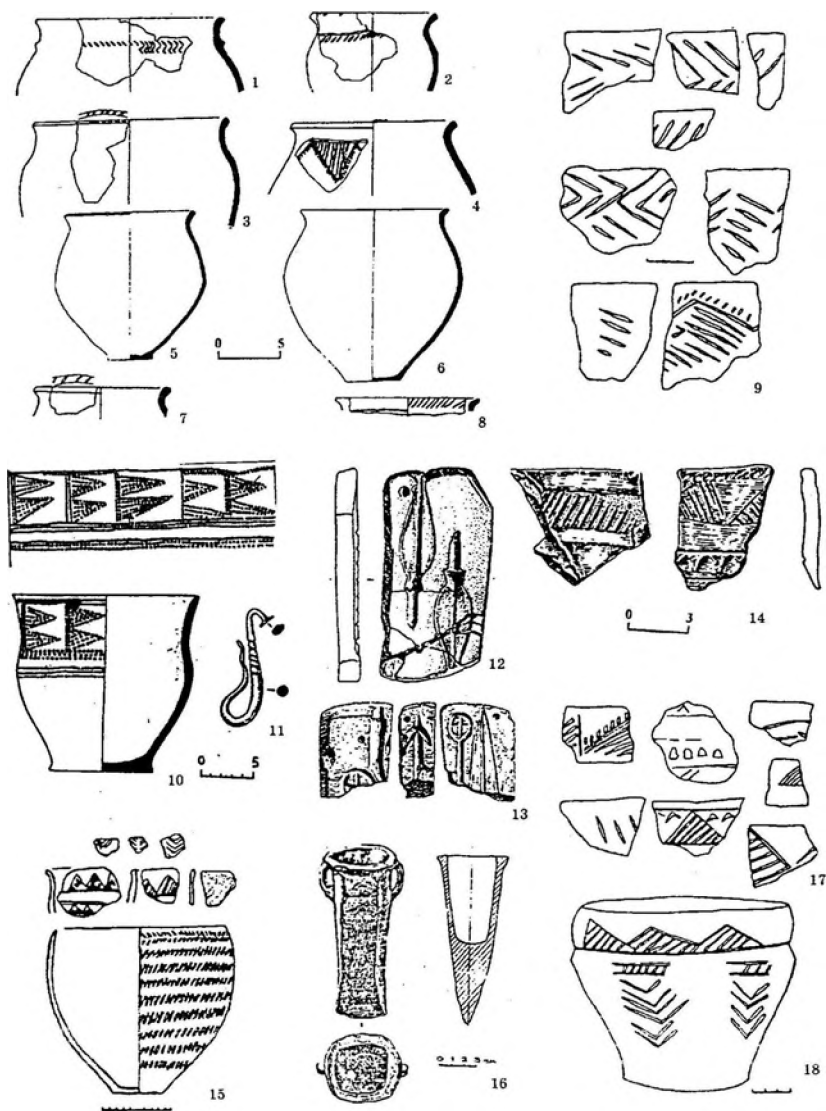

Рис. 29. Андроновские находки Туркмении и Таджикистана.
 1-8,12,14 — Теккем-депе; 9 — Аучин-депе; 10-11- могильник Туюн;
 13- Намазга-депе; 15- Таш-депе; 16- Бедак; 17- Тахирбай 1;
 18- Тахирбай 3 (11,16 — металл; 12,13 — каменные литейные формы;
 остальное — керамика).

Рис. 30. Андроновские находки в Узбекистане и Фергане.
 1,2,5,6,8,9,16-27 — могильник Бустан VI; 3,4 — Джаппа-Садда;
 7,10-15 — поселение Сазаган; 28-30 — могильник Джаркутан IV;
 (1-9, 12, 16 — металл; остальное — керамика).

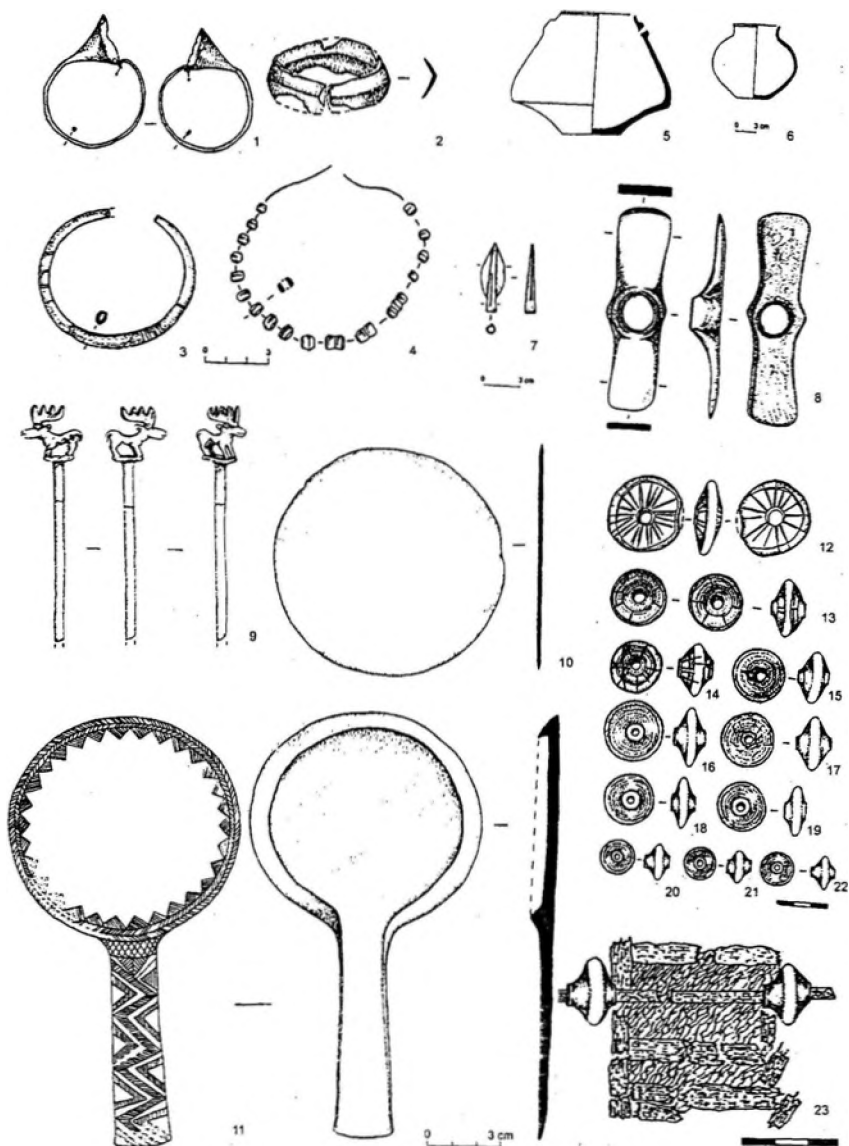

Рис. 31. Находки в Узбекистане.

1-11 — комплекс клада Джам; 12-22 — глиняные модели колес:
 12 — цитадель Джаркутана; 13,17,19-22 — могильник Бустан VI;
 18 — погребение 328; 23 — модель повозки, погребение 327.

Рис. 32. Находки в Узбекистане.

1-7 — комплекс погребения Сиаб; 8-21 — случайные находки на Афрасиабе.
(4-6 — металл; 7- паста камень) (18-21 — энеолитического (?) типа).

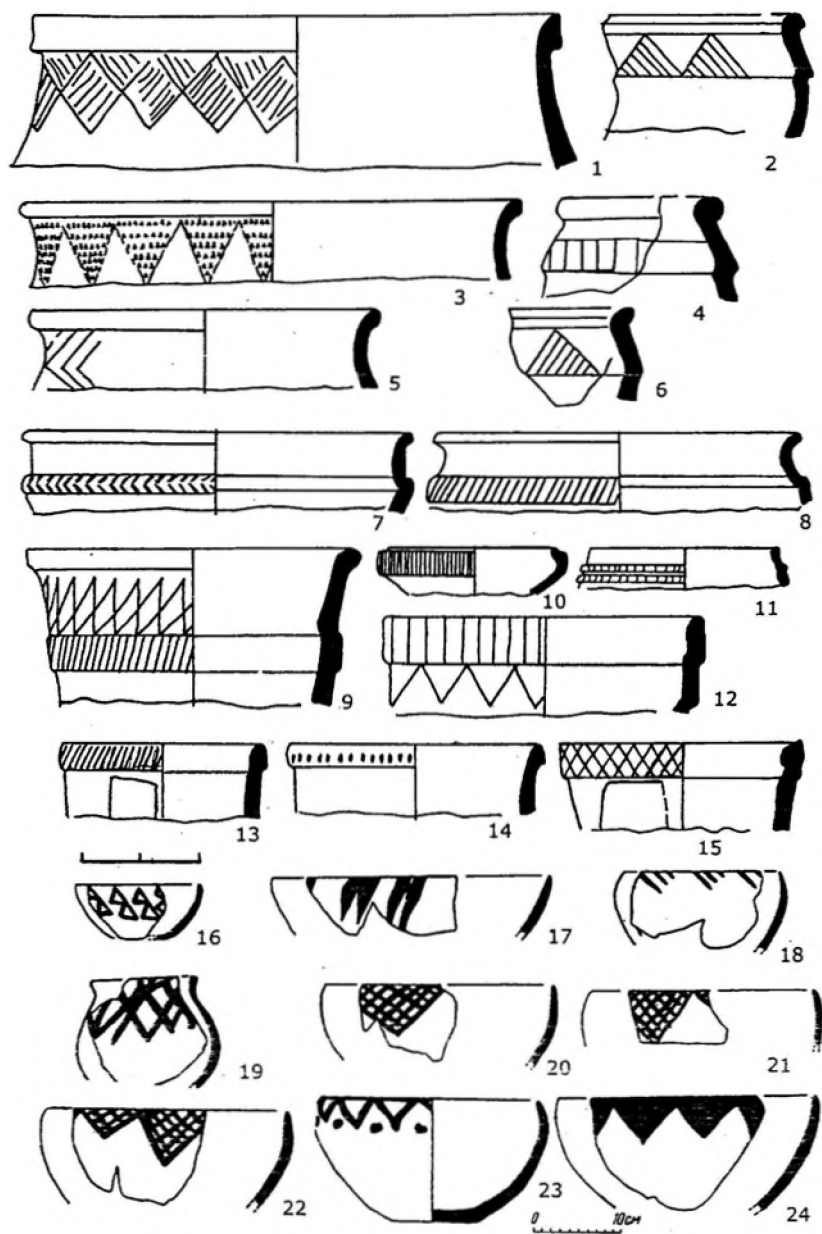

Рис. 33. Керамика верхнего слоя поселения Джаркутан, орнаментированная штампом, наклепным валиком или росписью).

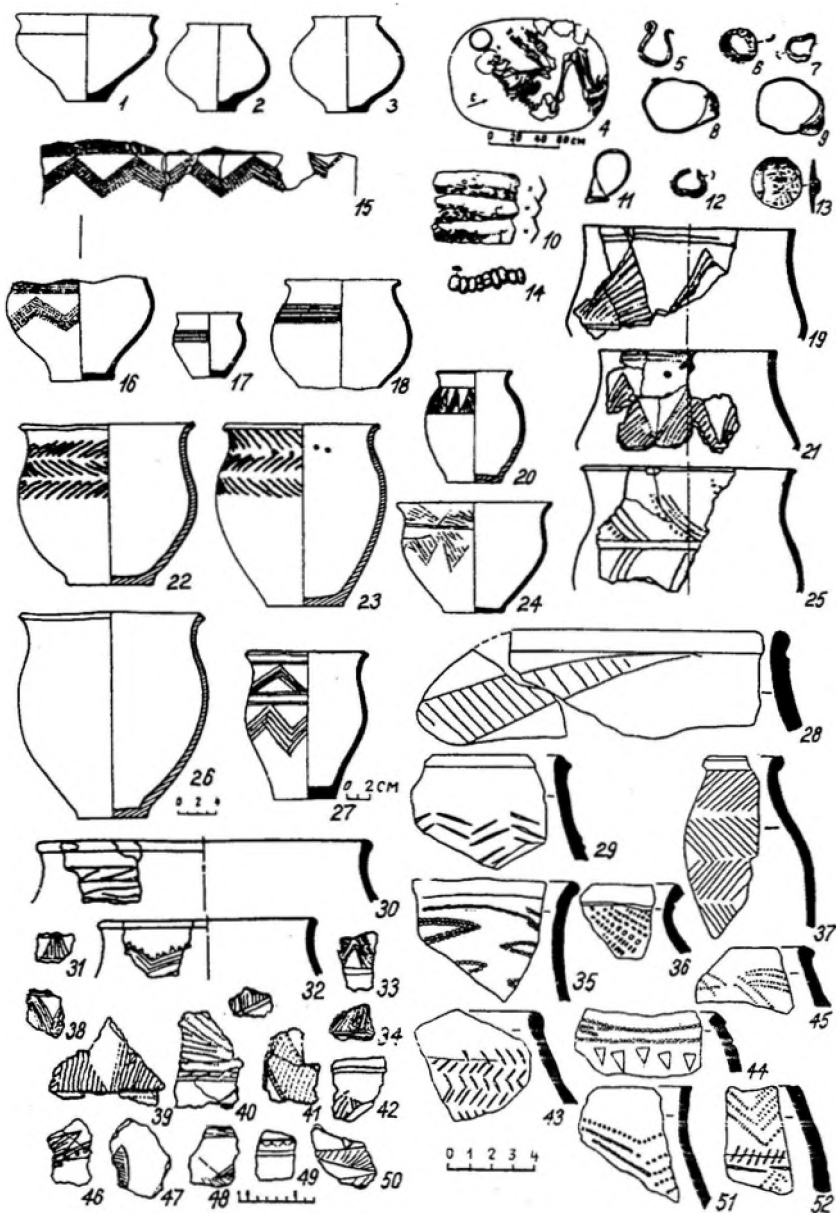

Рис. 34. Комплексы Таджикистана.

Могилиньки: 1-3, 15-18, 24, 27- Кумсай; 4-14, 20, 22, 23, 26- Дашти-Кози;

поселения: 19, 21, 25, 30-34, 38-42, 46-50 — Тегузак; 28, 29, 35-37, 43, 44, 51, 52 — Кан-гурт-Тут (1-3 — гончарные сосуды; 5-14 — металл).

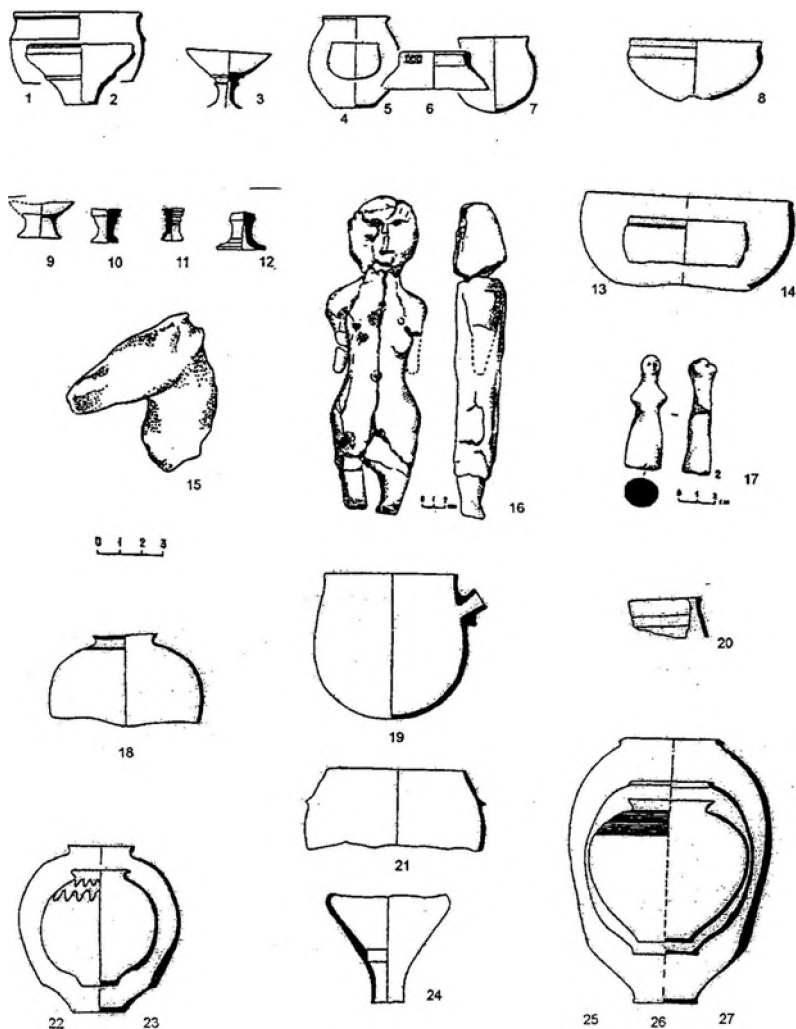

Рис. 35. Комплекс поселения Кангурт-Тут.
Гончарная керамика, головка коня и антропоморфные фигурки.

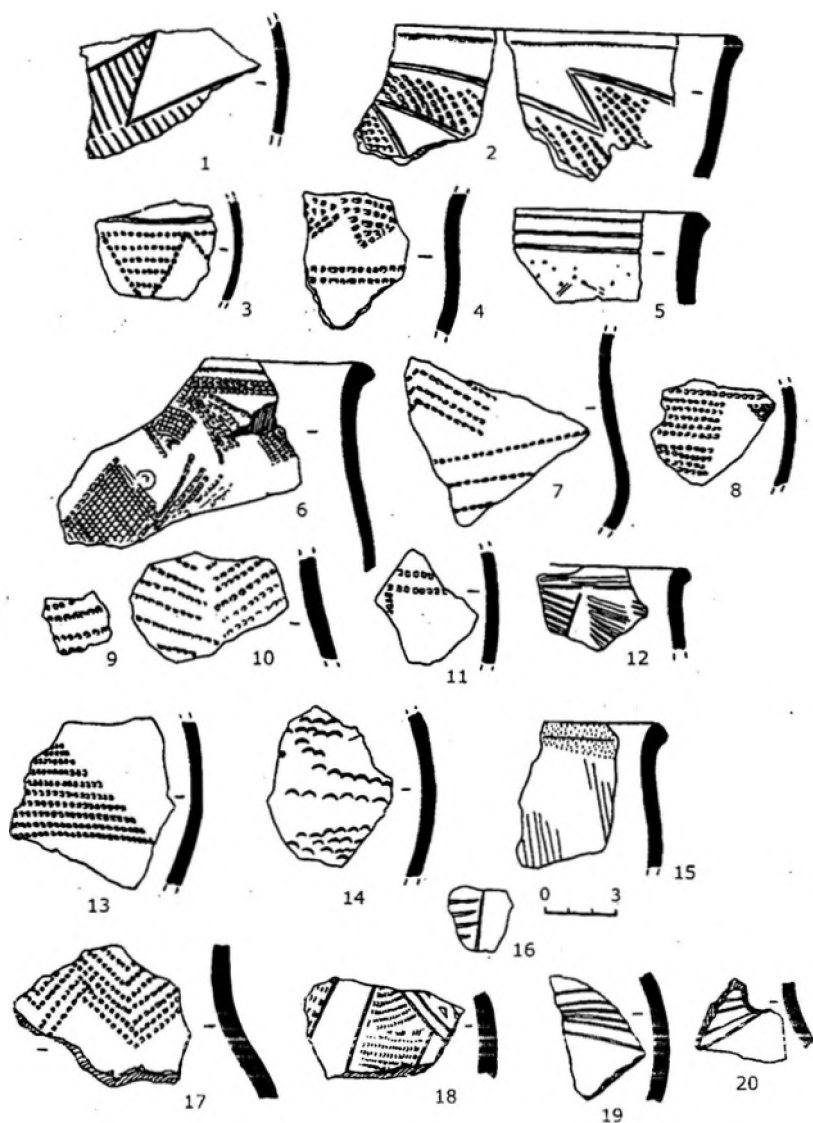

Рис. 36. Комплекс поселения Кангурт-Тут.
Лепная керамика со штампованным орнаментом.

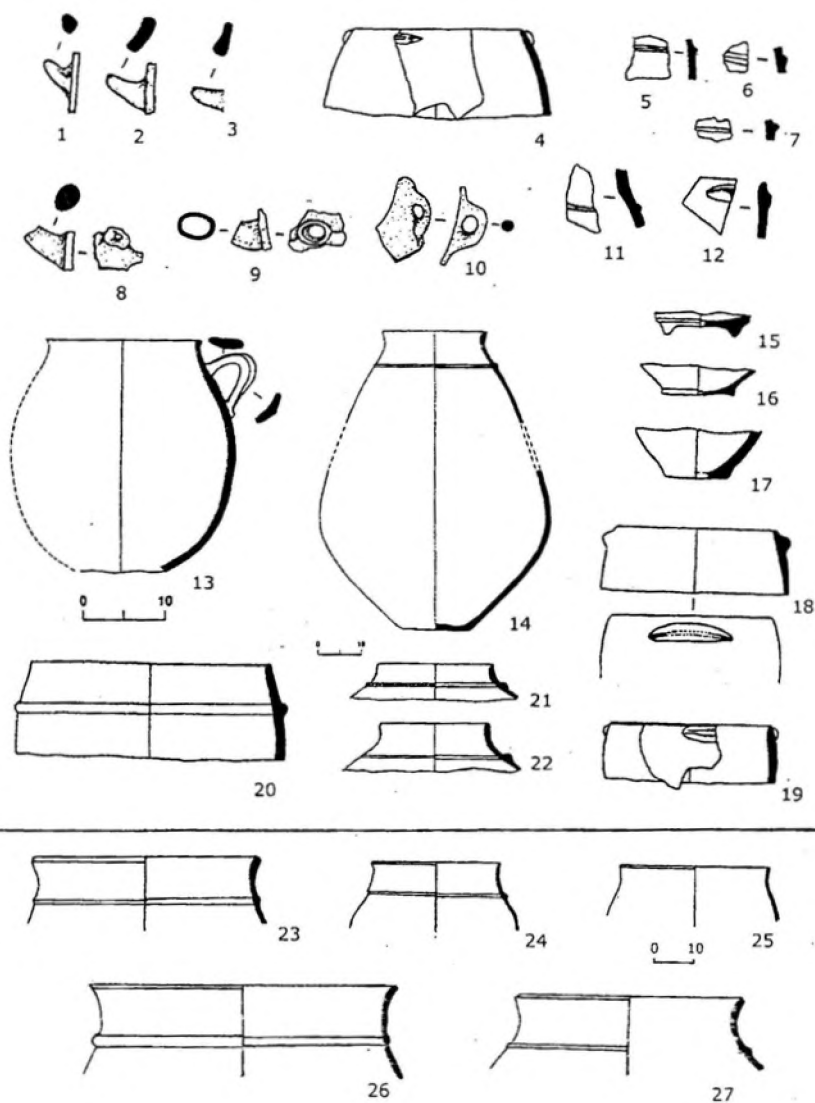

Рис. 37. Керамика поселений Таджикистана и Афганистана в том числе — с наlep-ным валиком.

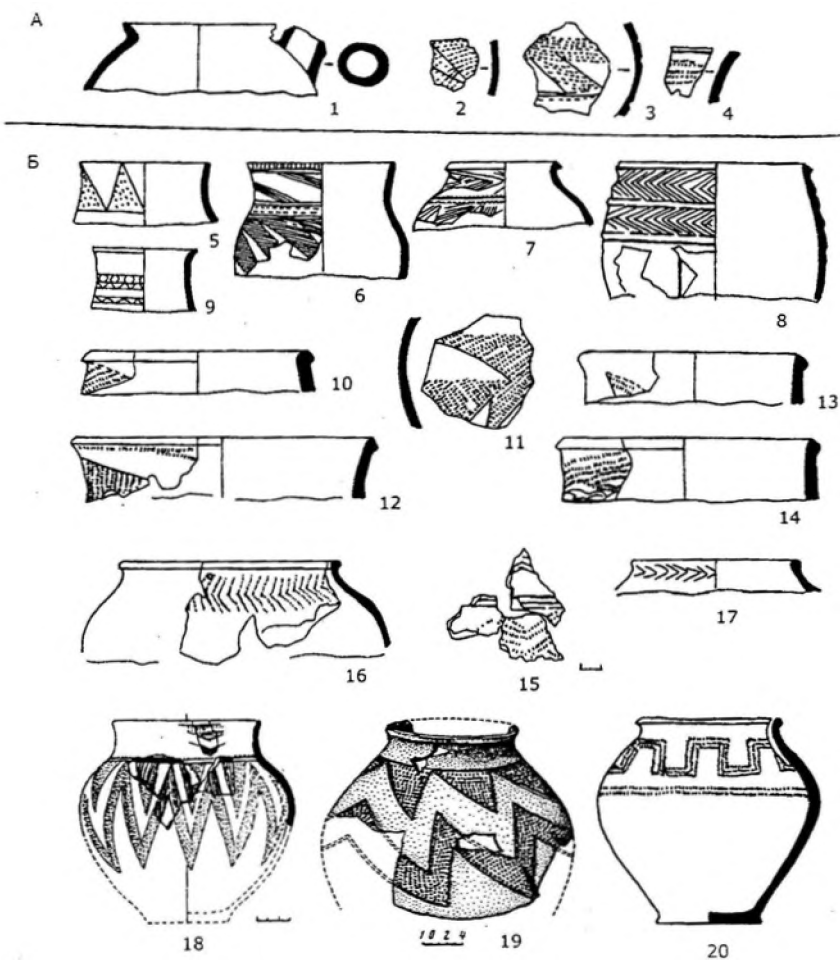

Рис. 38. Керамика Таджикистана.

1-14 — поселение Совхоз им. Кирова; А — верхний слой; Б — нижний слой;
 15, 17 — пещера Ак-Танги; 16 — рудник Карнаб (Узбекистан);
 18 — поселение Стиган (Закаспий); 19 — поселение Саксан-Охур;
 20 — могила Карадимур.

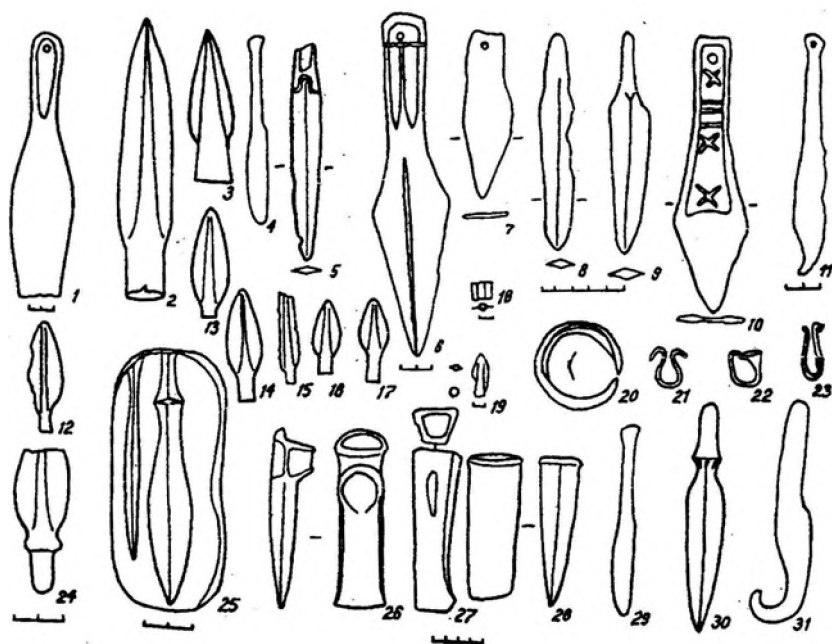

Рис. 39. Бронзовые Изделия Средней Азии и Афганистана.

Случайные находки: 1 — Вахшуавар; 2- Самарканд; 3- Ашхабад;
 14 — Узбекистан; 28 — Варахша; 29 — Арсаф-сай; 30 — Ташкентский оазис,
 могильники: 4- Бишкент; 5- Тигровая Балка; 7-10,18 — Тулхар; 11 — Нурек;
 20,21,23 — Кумсай; 22 — Тандырюл; поселения: 12 — Анау; 13 — Бала-Ишем;
 15,17 — Тахирбай; 16 — Тоголок; 19 — Шортугай; 24 — Намазга-Депе;
 25,31 Кангурт-Тут; 26 Карим-Берды; 27 — Кулин-Тепе; колодец: Куин-Кую.

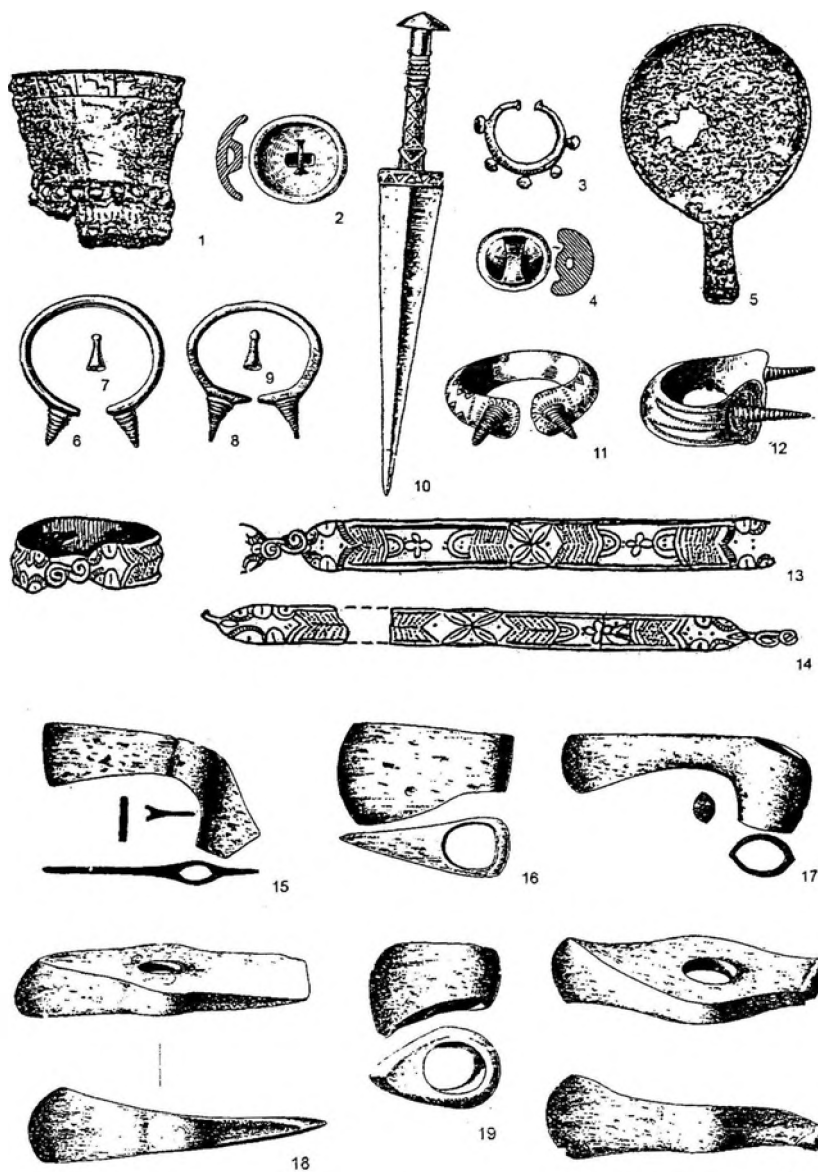

Рис. 40. Металлические изделия Средней Азии.

1,3 — Нурек; 2,4 — Бричмулла; 5 — Кара-Пичок; 6,8 — Искандер;
7,9 — клад Садовое; 10 — Рамит; 11,12 — Узген; 13,14 — Пархар;
15 — Пуль-и-Хатун; 16 — Саягвор; — 17 клад Чимбайлык;
18 — Йори-сай (Пянджикент); 19 — Аракчин; 20 — Шар-Шар.

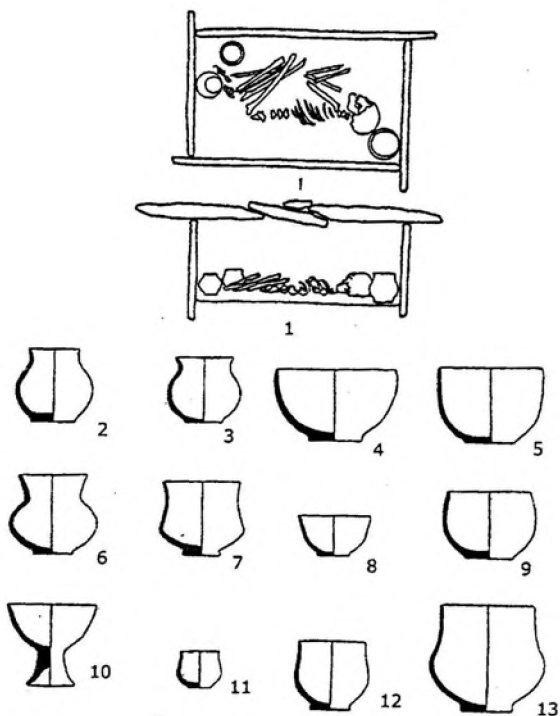

Рис. 41. Могильник Кхерай

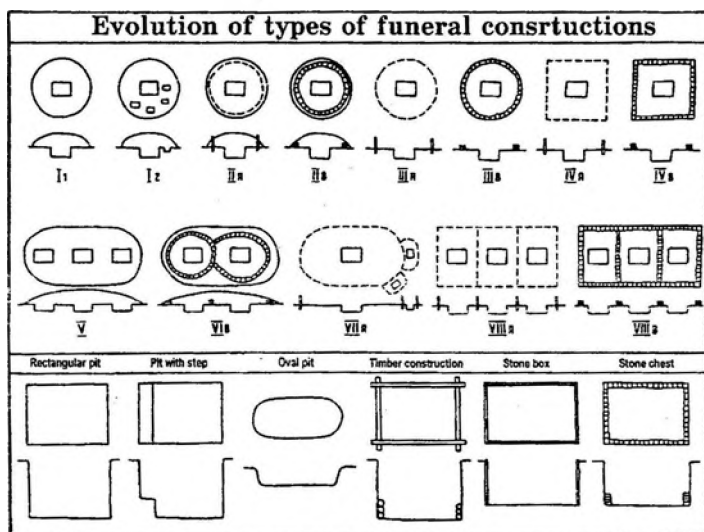

Рис. 42. Классификация андроновских погребальных сооружений

Рис. 43. Изображения колесниц на андроновском и срубном сосудах, на петроглифах Казахстана, Памира, Индии и Тувы.

Петроглифы; 1,2,11 — Койбагар III; 3,5 — Койбагар I; 4 — Кок-Булак;
 7 — Текке-Таш; 9 — Габаевка; 10 — Койбагар II; 12 — Чинче; 13 — Суун-Чурек;
 14 — Акджилга; 15 — Тхор; 16 — Арпаузен V; сосуды: 6 — Сухая Саратовка;
 8 — Спасское.

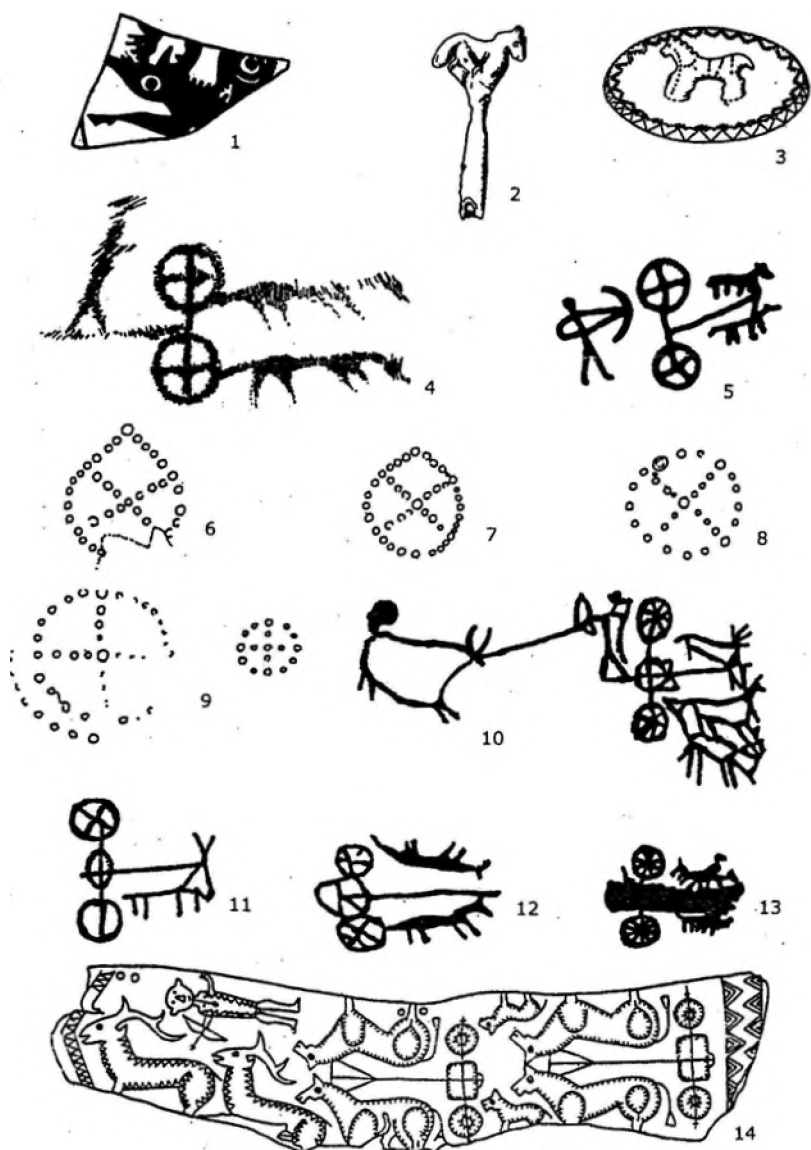

Рис. 44а. Изображения лошадей и колесниц Индии, Синьцзяна и Монголии.
 1 — Бир-Кот-Хундай; могильники: 2 — Кателан; 3 — Лоэбаир;
 4-13 — петроглифы: Леча-Гата (по фото Olivieri, Vidale 2003); 5 — Тхор;
 6-9 Дур-Бандай; 10 — Луншан; 11 — Лицзяванцы; 12 — Бадахшан, (Памир);
 13 Цын-Чен (Хами); 14 костяная пластина из могилы 102 в Наньшанген.

Рис. 446. Повозки и всадники.

1 — Гонур, могила 3200; 2 — Реконструкция колеса. Цилиндрические печати:
3 — Тепе-Гиссар; 5 — Бактрия; 6 — Кюль-тепе, Карум II; 7 — коллекция музея
Метрополитен № 66, 245; 4 — терракотовая плакетка (Малая Азия);
8 — Телль-Брак (оттиск печати); 9 — печать Шу-Сина;
10 — серебряная чаша из Бактрии (Лувр).

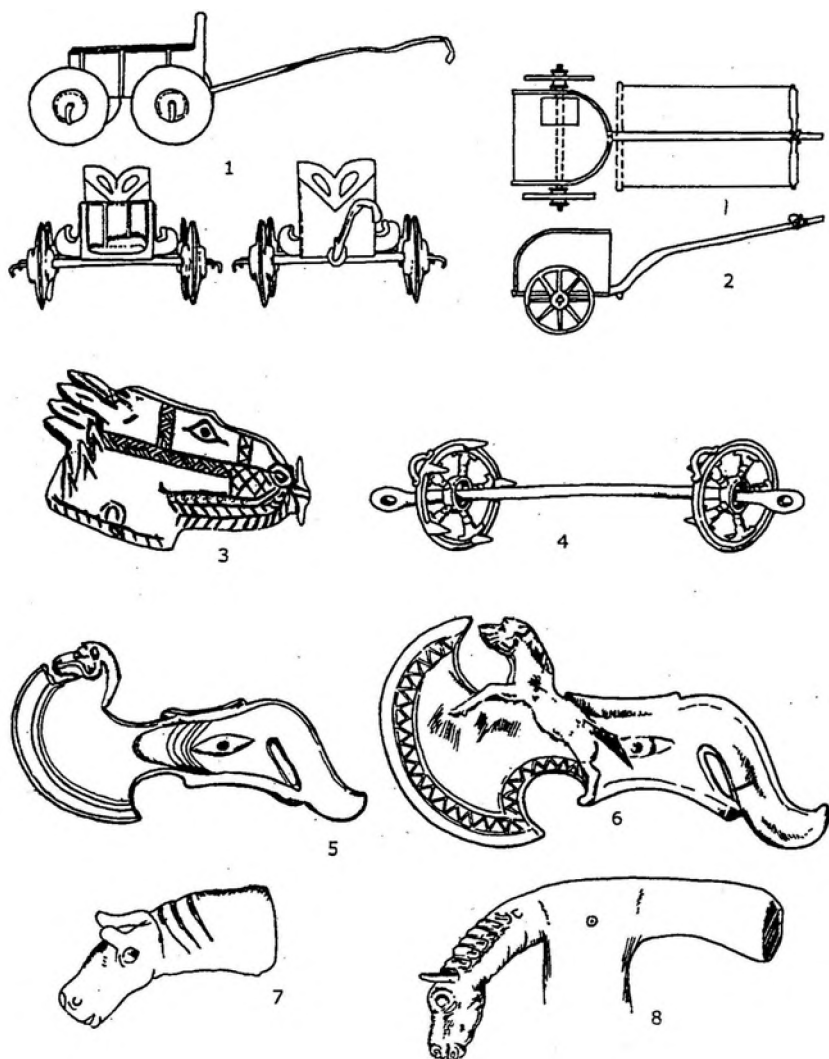

Рис. 45. Модели повозок, псалии и изображения эквидов.

1 — Древневосточная медная модель повозки (Лувр);

2- реконструкция колесницы Ригведы (по Rau 1983); 3 — эквид (кунга?) из Мари;

4 бронзовые удила и псалии для ослов из Телль-эль Аджул;

5-8 — бактрийские топоры и навершия с изображением лошадей.

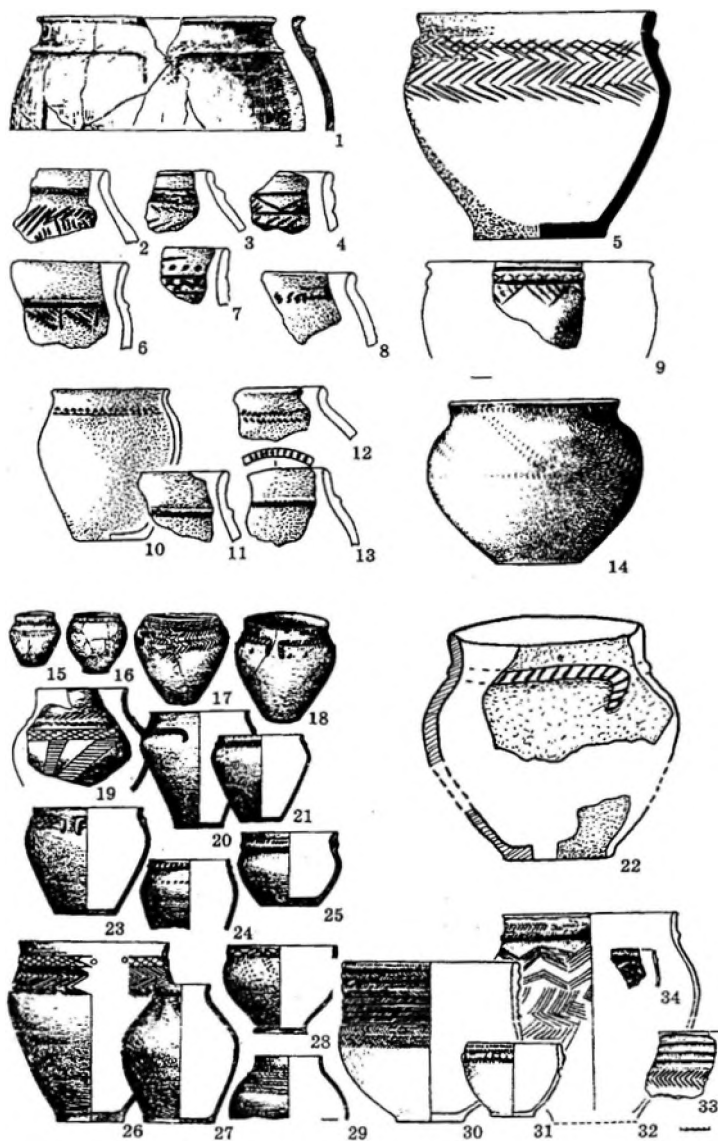

Рис. 46. Керамика Алексеевского типа.

Поселения: 1 — Трушниково; 2-4,6,8,11-13 — Загарино; 7,15-18 — Алексеевское; 10 — Конезавод; 19,23,29 — Саргары; 20,21,25 — Новоникольское I; 24 — Явленка; 26,27 — Петровка II; 30,34 — Дуванское XVII; могильники: 5 — Алексеевский, погребение 18; 9,14 — Бегазы, мавзолей — 4; 23 — Бола-Кубалды III, ограда 6; 28 — Саргары.

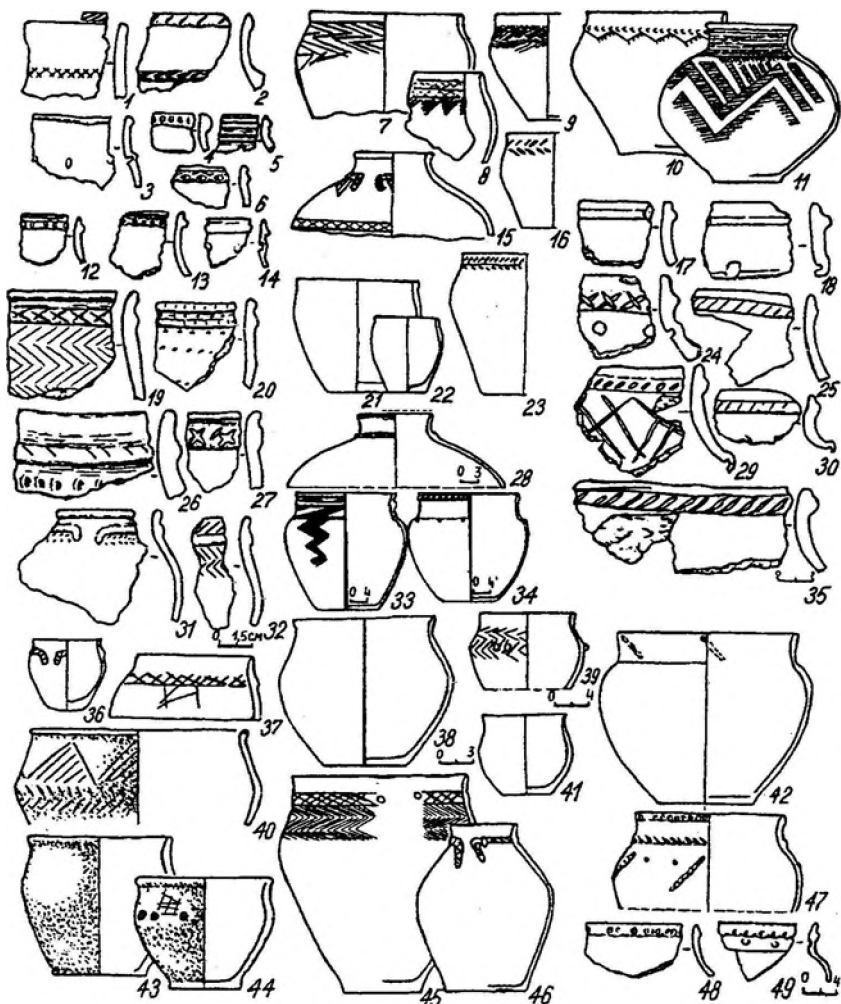

Рис. 47. Керамика эпохи поздней бронзы азиатских степей.

Поселения: 1-6, 12-14, 19, 20, 26, 28, 31-34 — Кент;

7-11, 15, 16, 21-23, 36, 37 — Новоникольское I; 17, 18, 24, 25, 29, 30, 35, 42, 47-49 — Донгал;

40, 43, 44 — Новоильинка; 45, 46 — Петровка II;

могильники: 38, 39 — Кштан, ограда — 1; 41 — Дермен, ограда — 2.

Рис. 48. Керамика с налепным валиком степей Евразии и Ирана.
 Поселения: 1-6 — Ляпичев Хутор; 7-13, 23-25 — Нур; 14,15 — Грачев Сад;
 16,42-52 — Ивановка; 17-22,40,41 — Белозерка; 36 — Кировское;
 37,38 — Ушкалка; 39 — Червонное Озеро; 63-65 — Тургенево;
 могильники: 56 — Быково; 57,58 — Иран, Гилян.

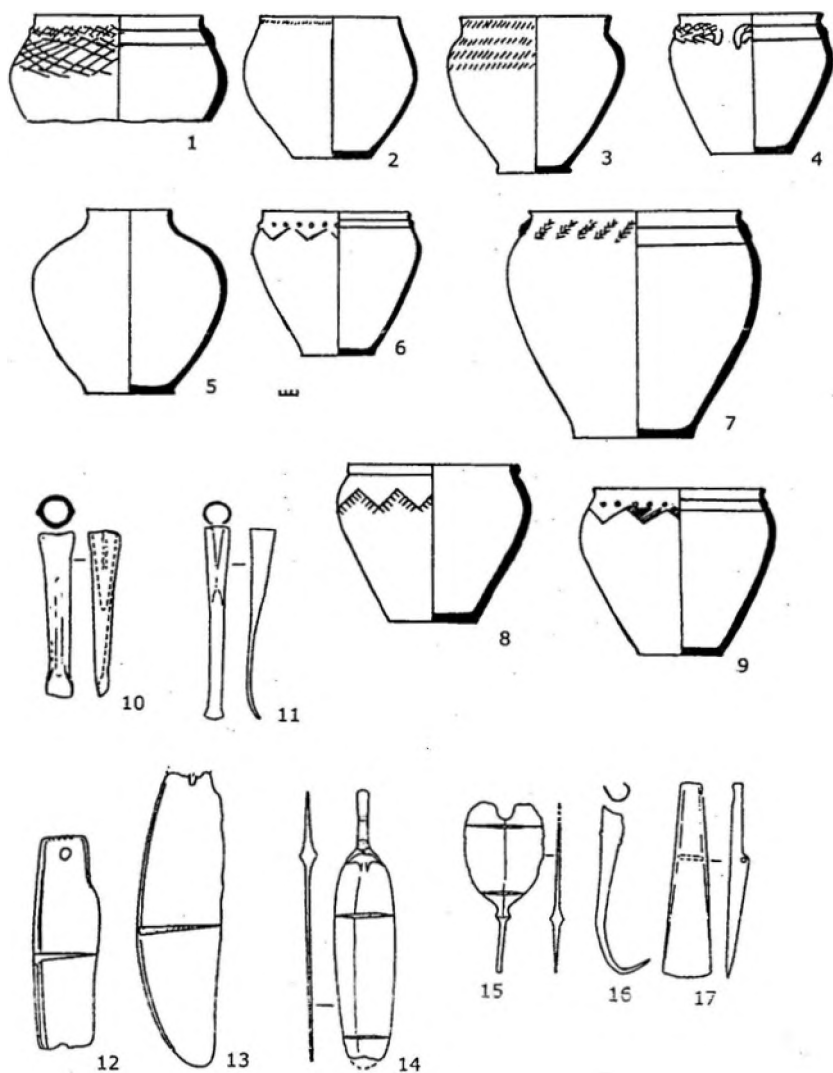

Рис. 49. Керамика и металл эпохи эпохи финальной бронзы.

Поселения: Саргары; 10,11,13 — Новоникольское I; 12,17 — Петровка II;
16 — Жабай-Покровка; 14,15 — могильник Саргары; (10-17 — бронза).

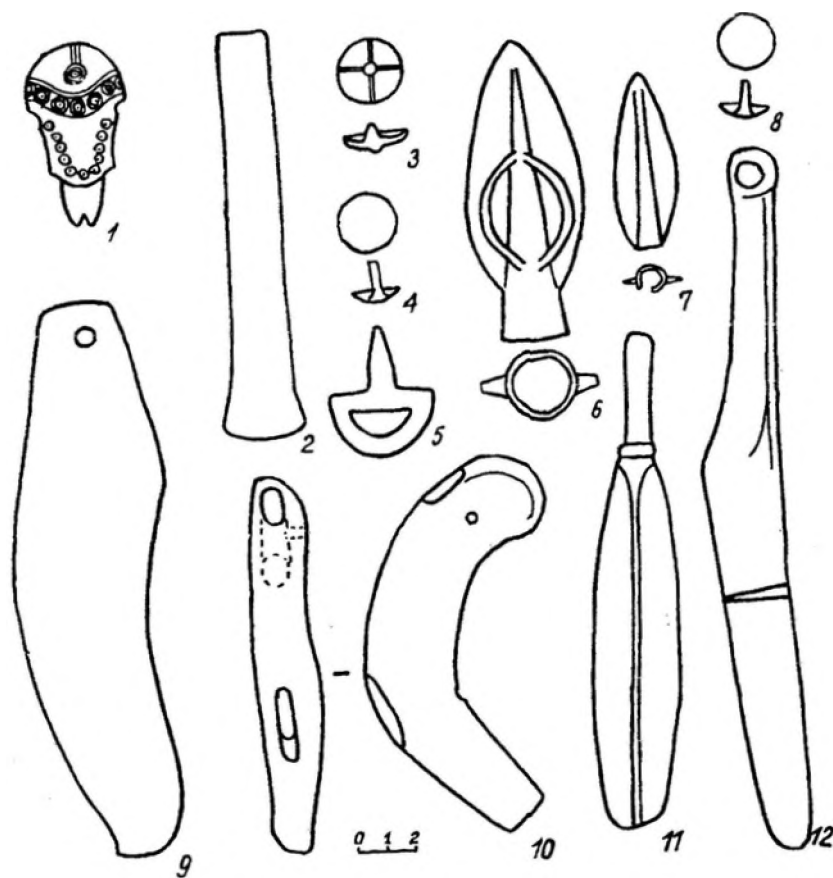

Рис. 50. Комплекс поселения Кент (1,10 — кость; остальное — бронза)

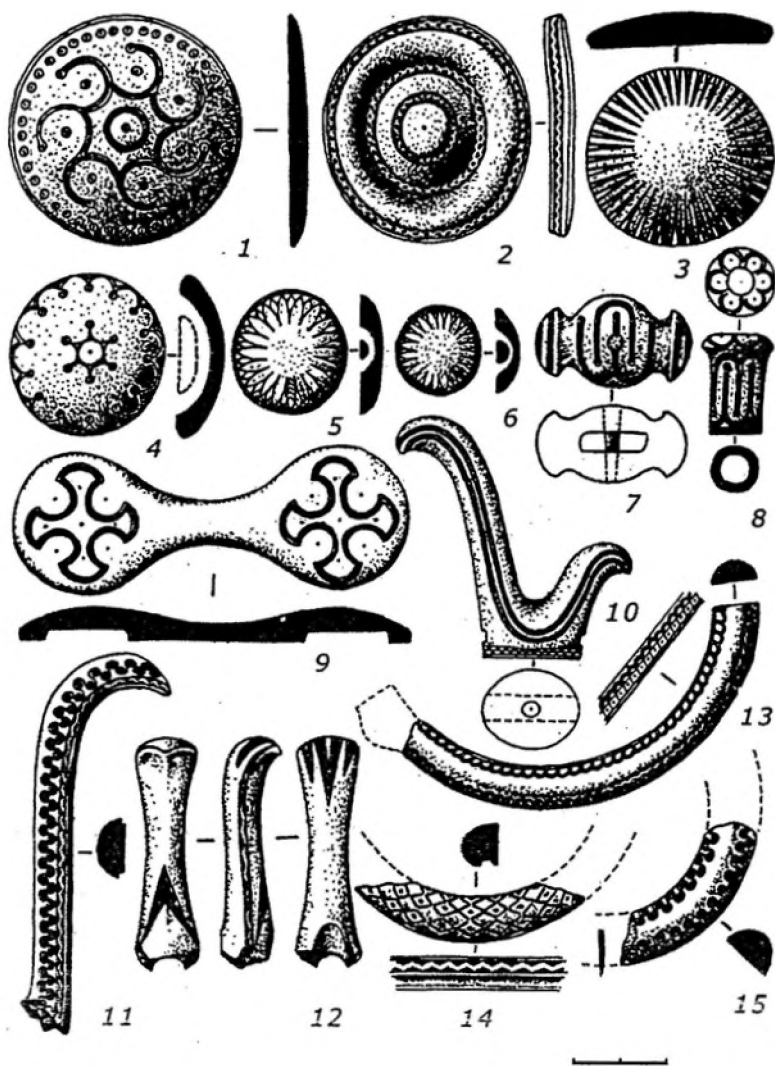

Рис. 51. Орнаментированные костяные и роговые изделия поселения Кент.

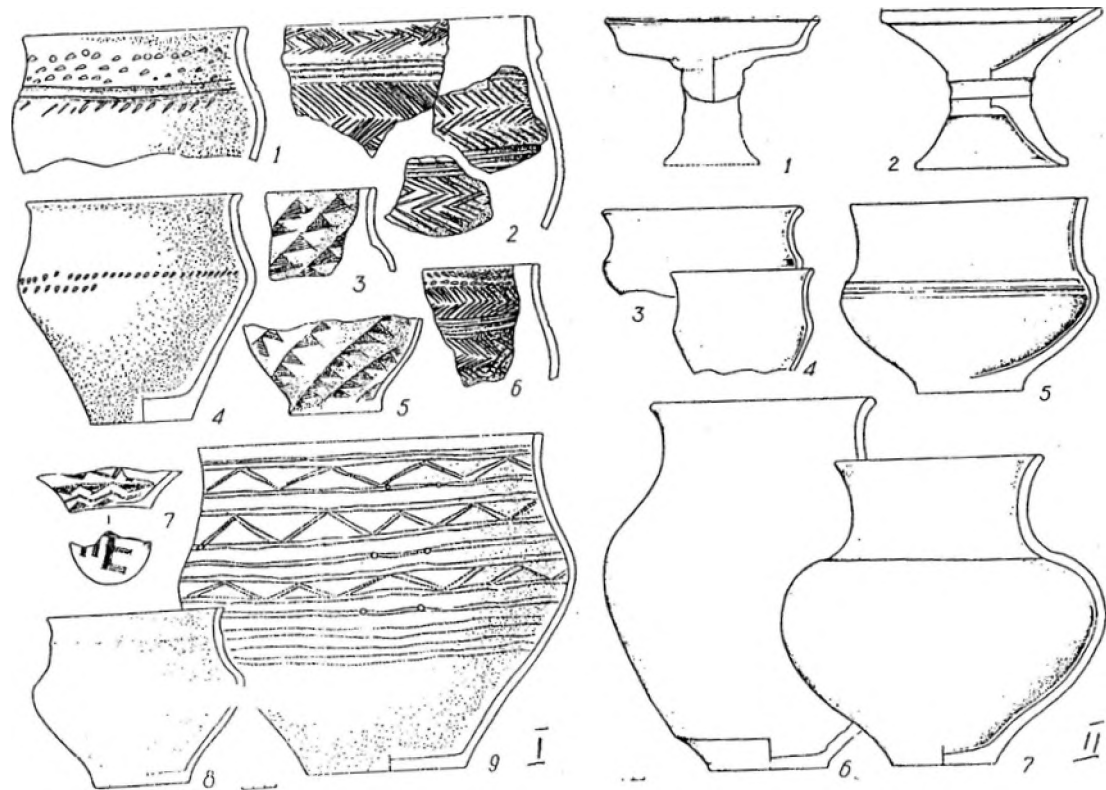

Рис. 52. Керамика поселения Iапловка.
 I — лепная позднефedorовского типа; II — типа гончарной посуды Намазга VI.

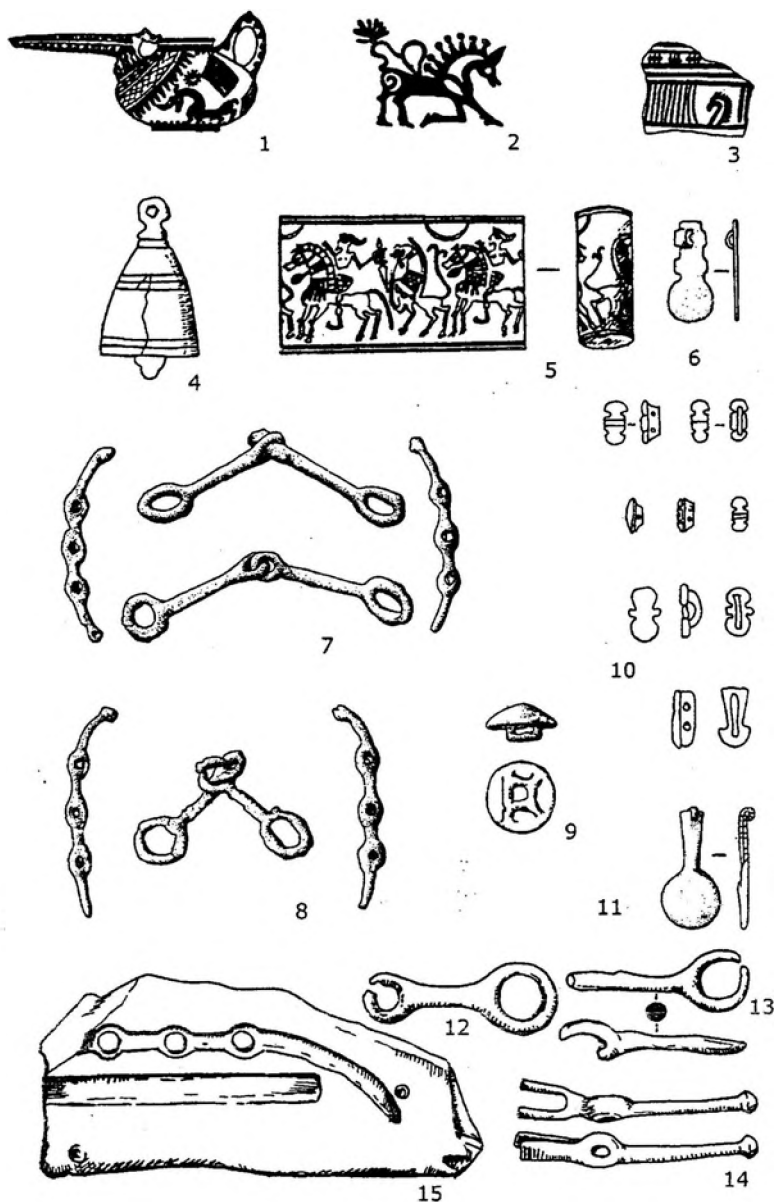

Рис. 53. Изображения коней, конский убор, удила и псалии Ирана и Средней Азии 1,4-11 — Силак VI; могильник В (Иран) 2,3 — «Londo ware» Белу-джистан; поселения: 12 — Кайракумы; 9,13 — Чуст; 14 — Кюзелигыр; 15 — Дальверзин (1-3 керамика; 5-15 — камень [печать, литейная форма]; остальное — бронза).

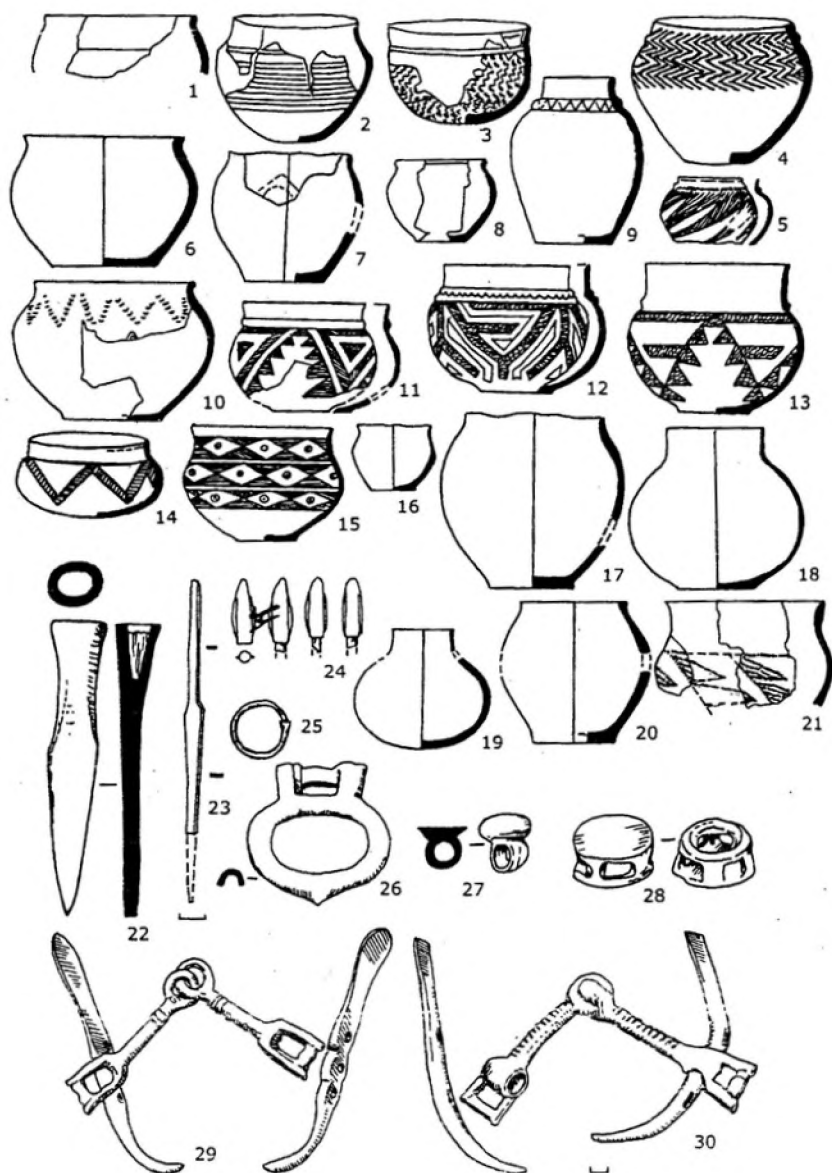

Рис. 54. Комплекс могильника Измайловка (1-21 — керамика; 22-30 — бронза)

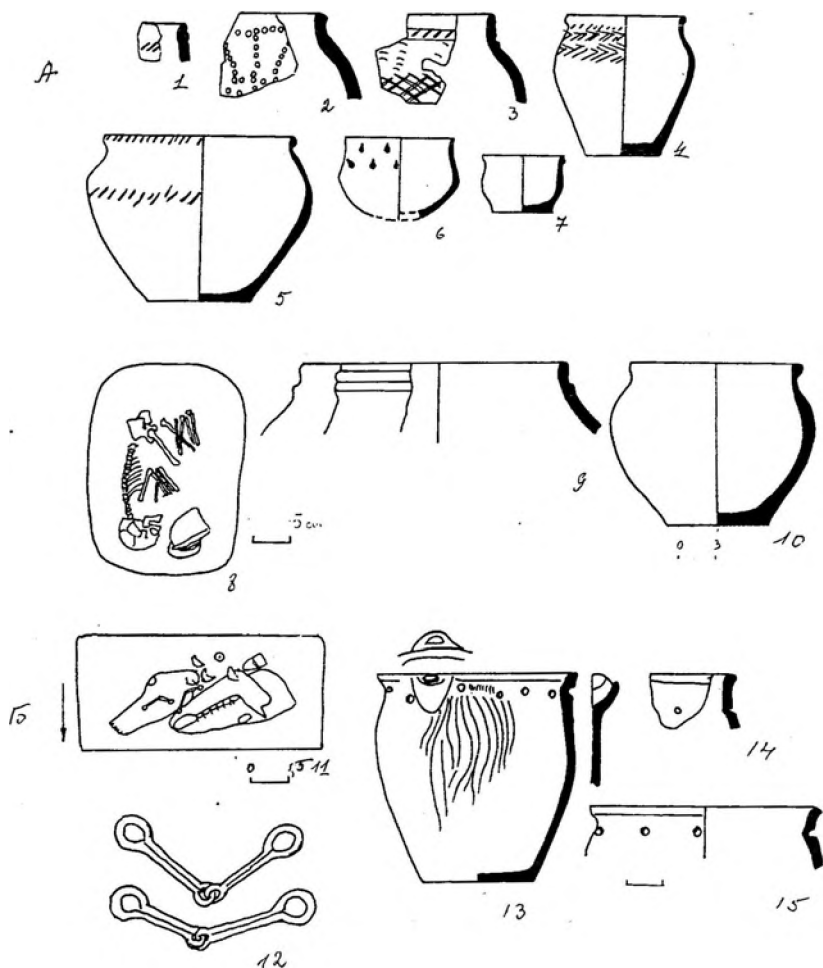

Рис. 55. Комплексы могильников эпохи финальной бронзы.
 1-5 — Актопрак; 8-10 — Темир-Тау; 11-15 — Красные Горы (12 — бронза)

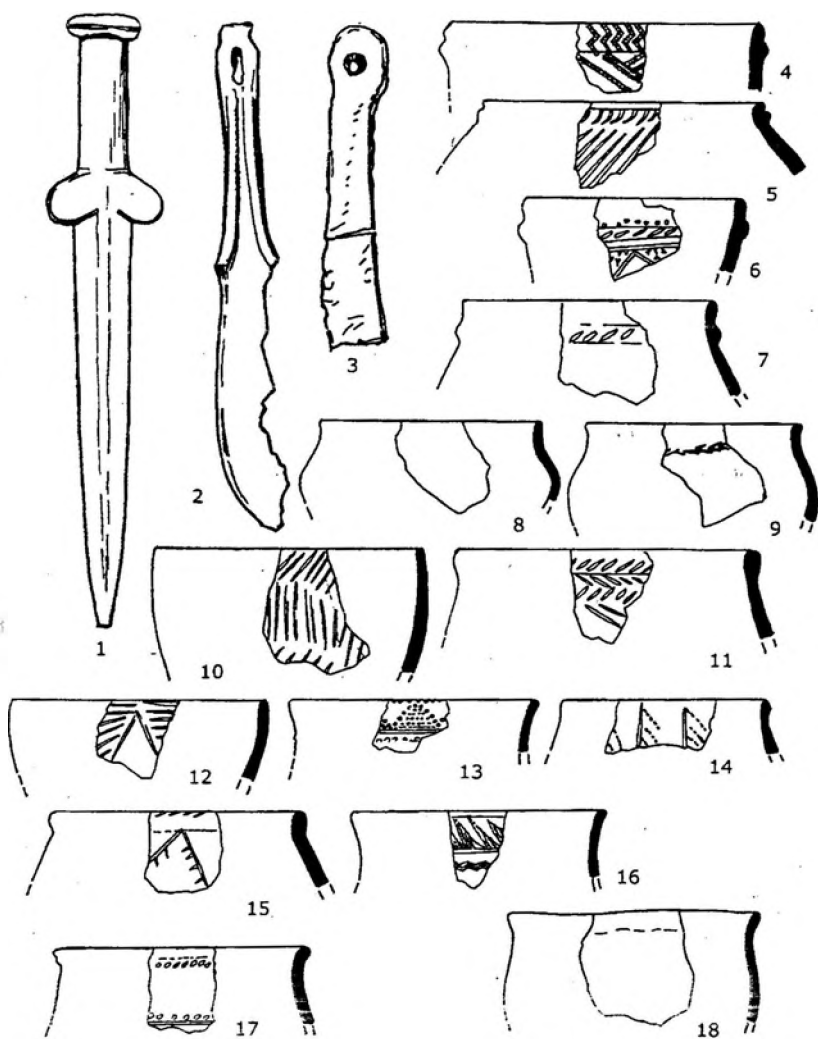

Рис. 56. Комплекс поселений Сталинский рудник и Степняк (1-3 — бронза)

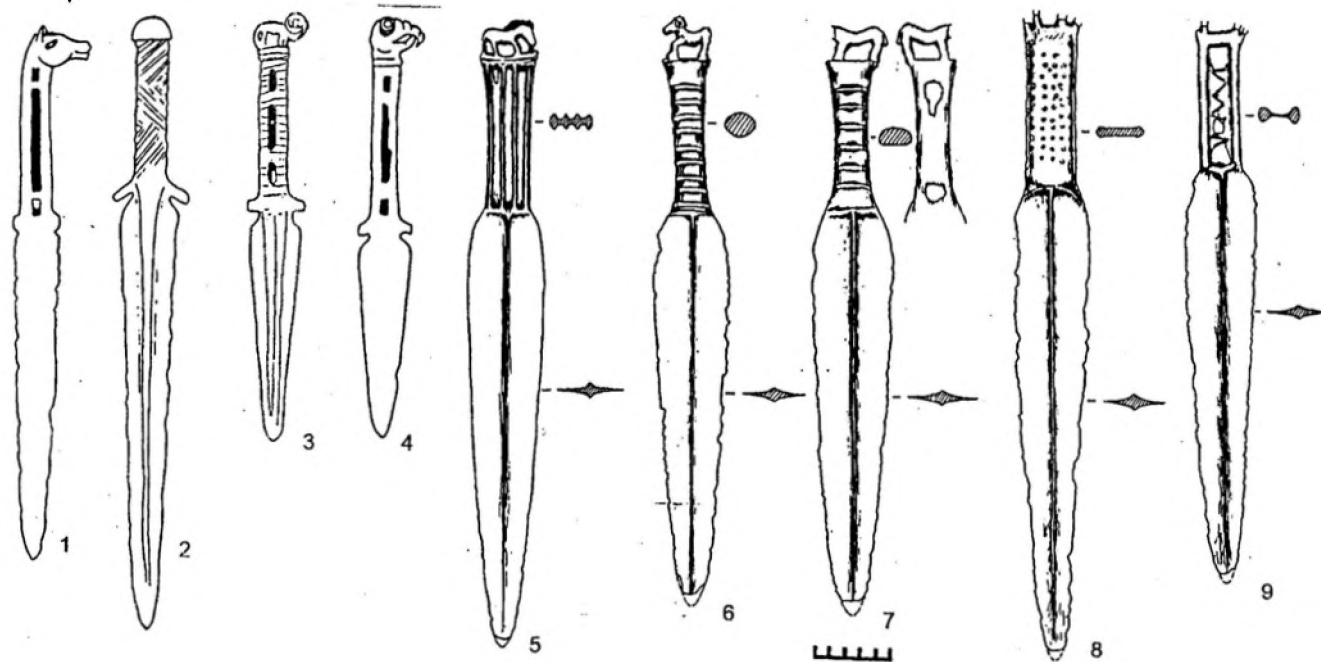

Рис. 57. Кинжалы Китая и Киргизии.

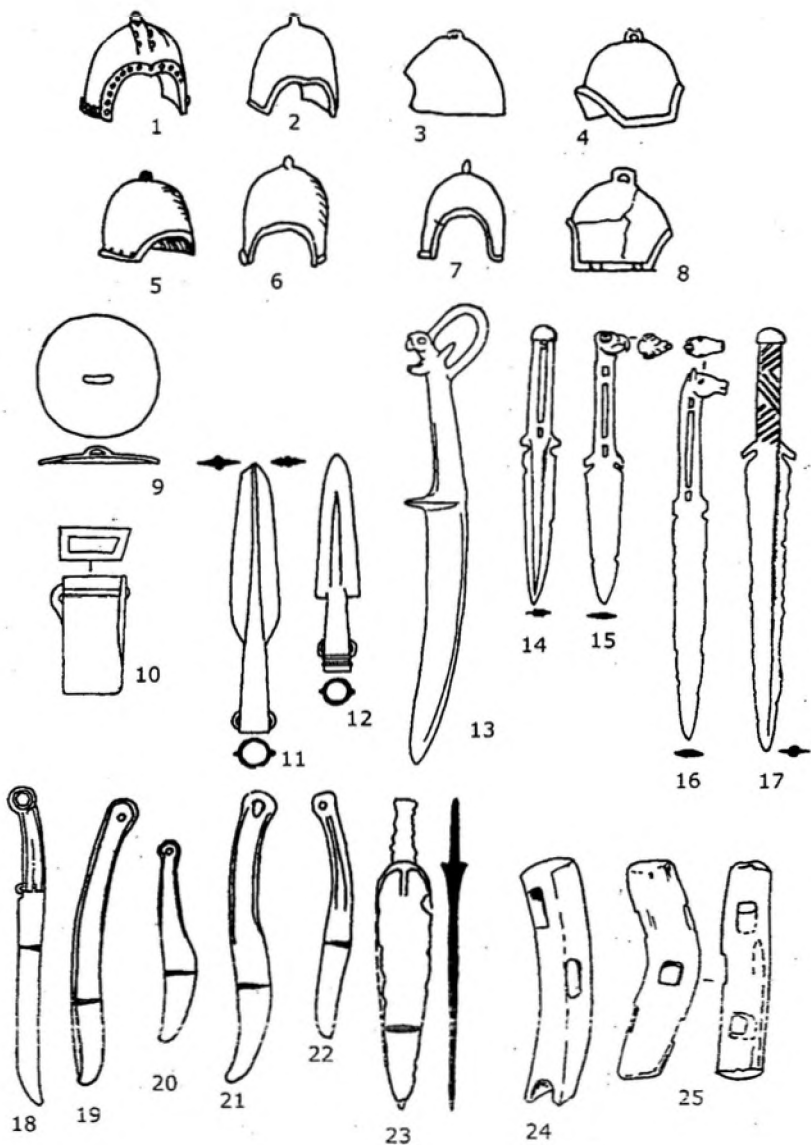

Рис. 58. Шлемы, оружие и псаали Китая и северных провинций.

1-8 — находки шлемов (по Erdenbaatar 2004)

9,19-23 — могильники: Тянь-шань бейлу; 14-17 — Бейфу у Пекина;

13 — могила Фу Хао; 18 — Джукайгоу; фаза V, 24,25 — Китай.

(24,25 — кость; остальное — бронза).

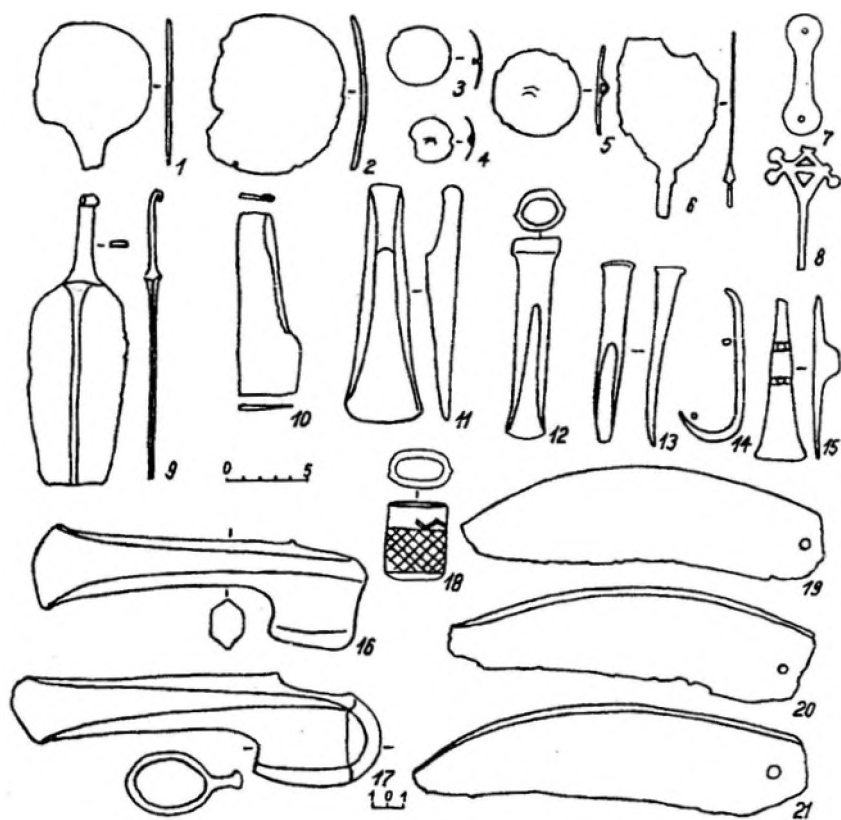

Рис. 59а. Клад Шамши

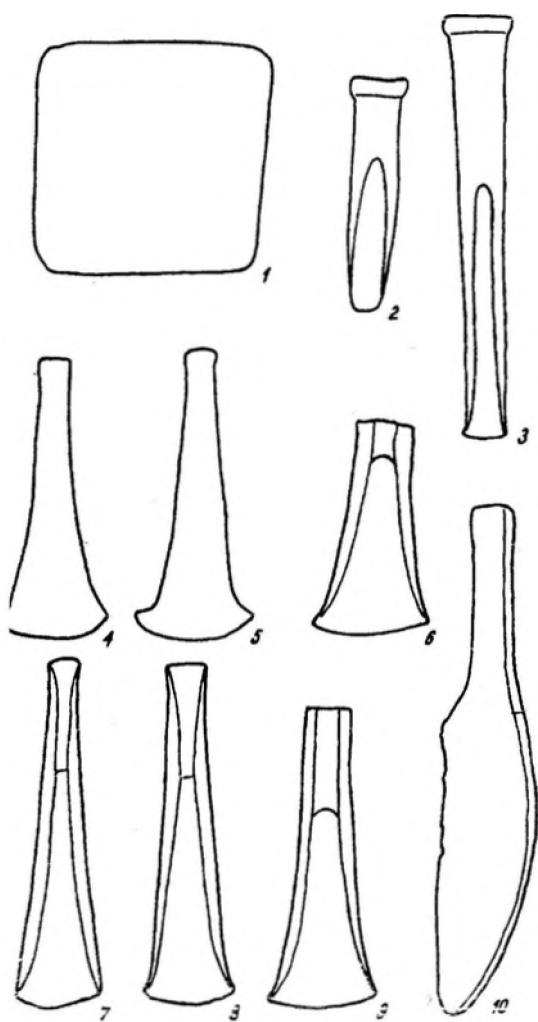

Рис. 596. Клад Тутук

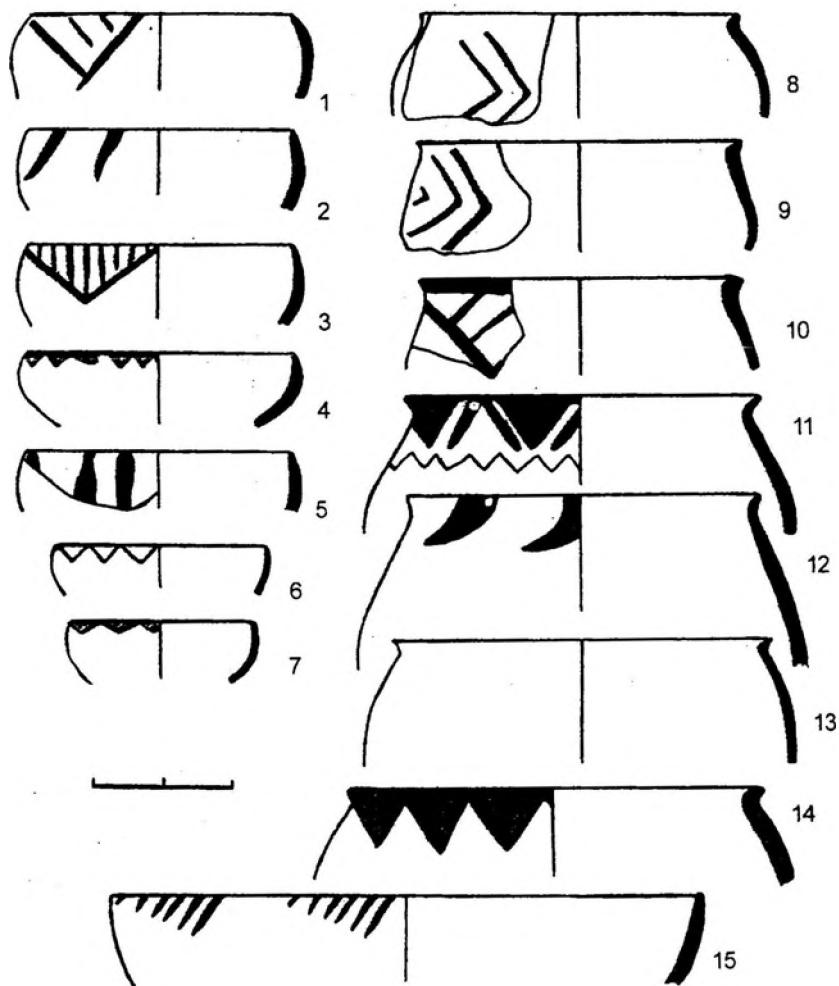

Рис. 60. Расписная керамика поселения Кучук-тепе, слой IA.

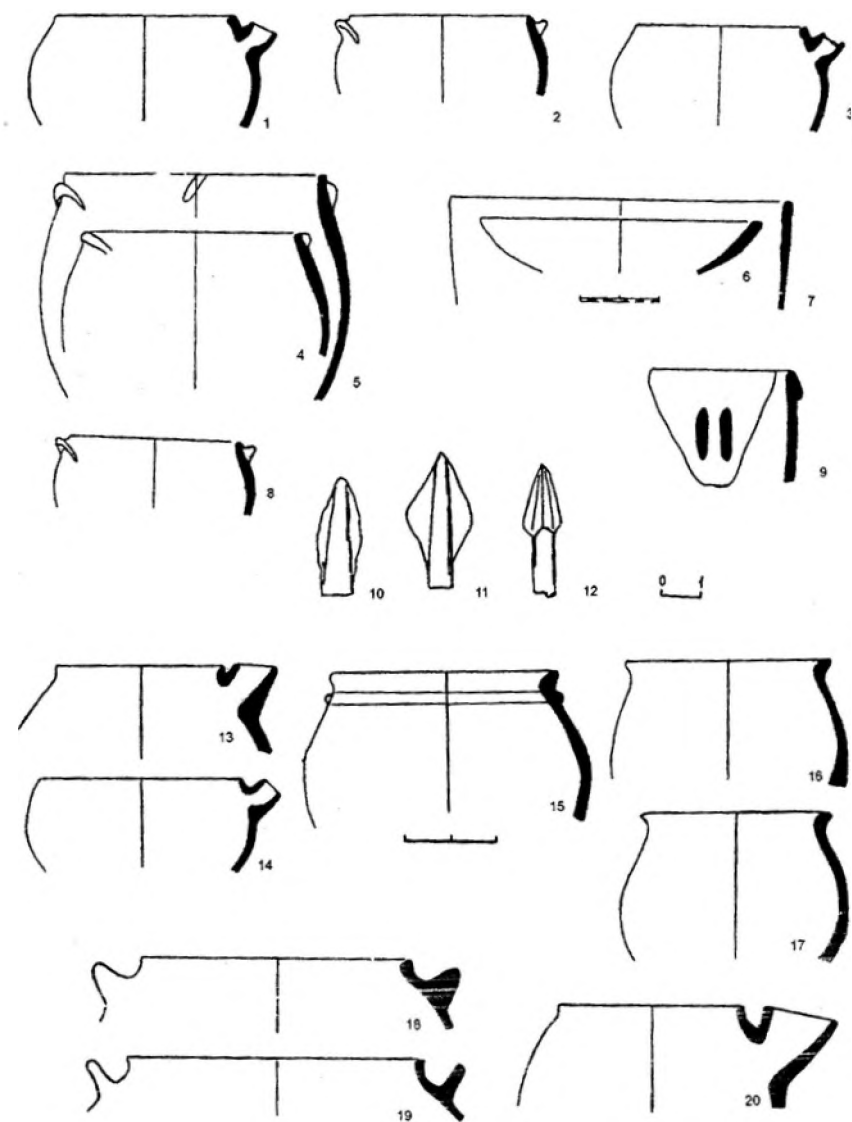

Рис. 61. Лепная и гончарная керамика и стрелы.
 Поселения: 1,4,19,20 — Телашкан; 2,3,5-18 — Джаркутан, цитадель.

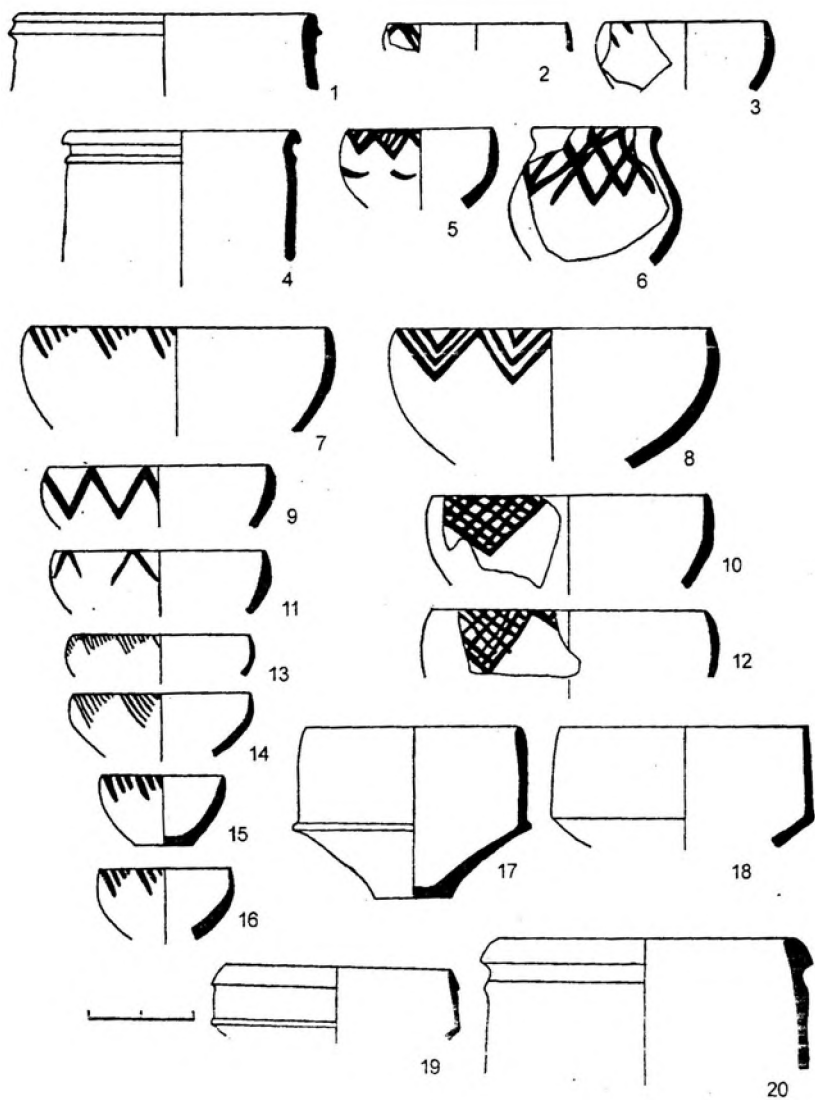

Рис. 62. Лепная расписная и гонcharная керамика.
Поселения: 1,4,19,20 — Талашкан; остальные Джаркутан

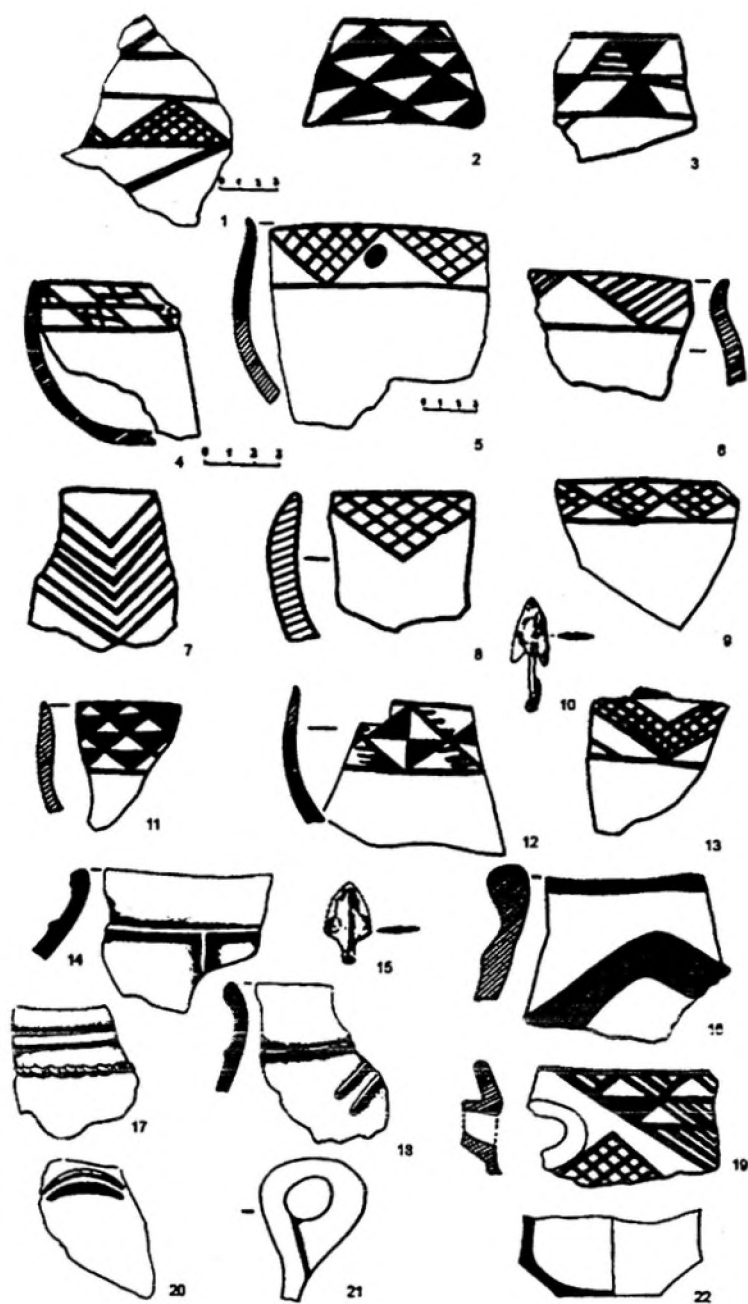

Рис. 63. Керамика и стрелы поселения Тилля Тепе.

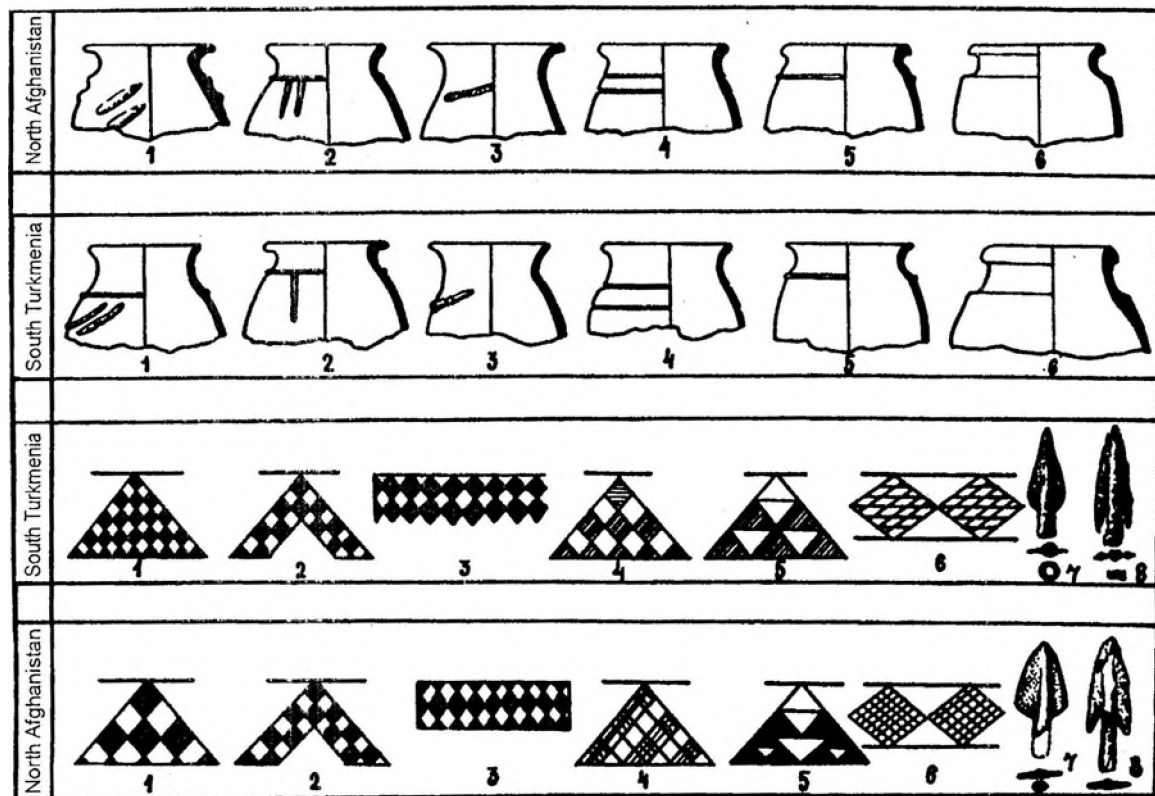

Рис. 64. Сопоставление комплексов Северного Афганистана и Южной Туркмении (по Сарияниди 1972, рис. 7)

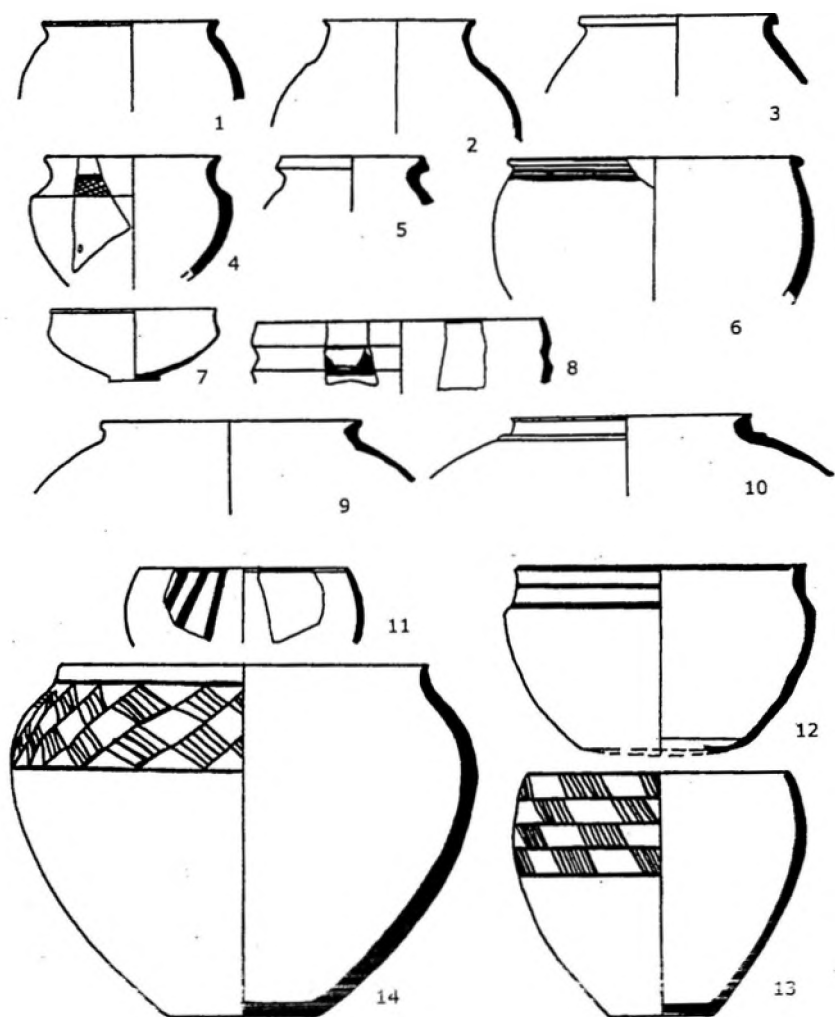

Рис. 65. Керамика лепная расписная и с наlepным валиком поселения Мундигаk, период VI.

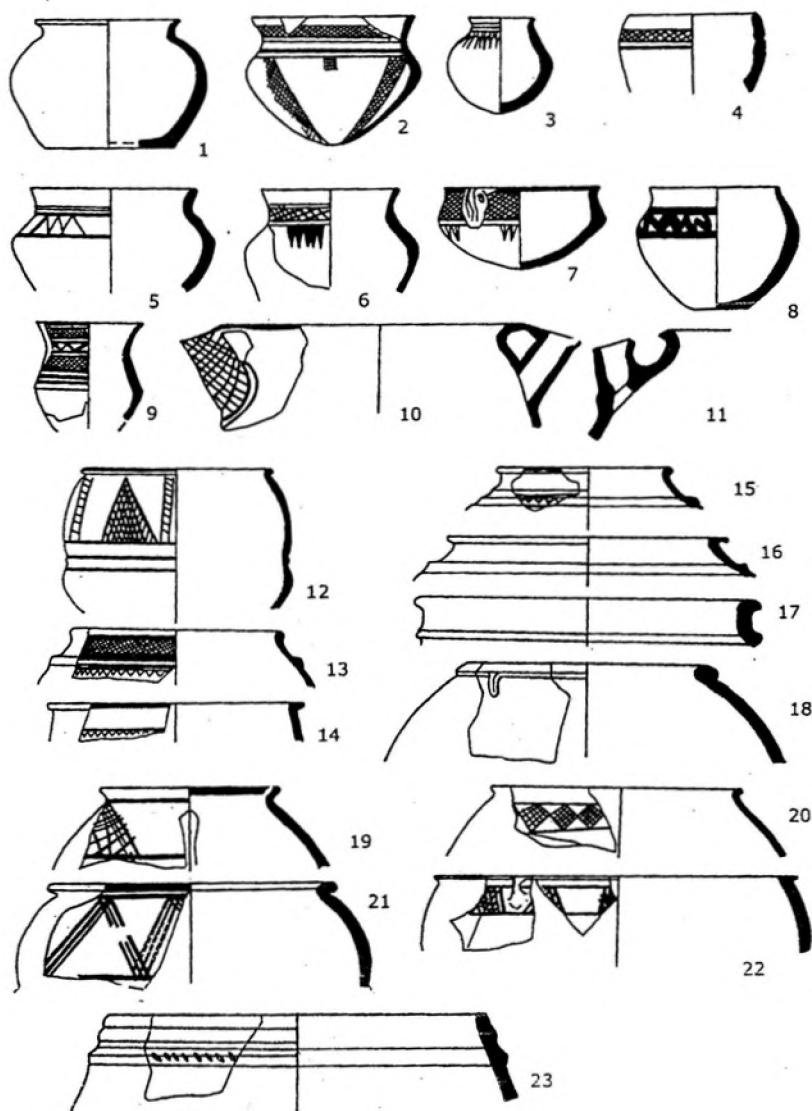

Рис. 66. Керамика лепная расписная и с наlepным валиком поселения Муnдигаk, 1-14 — период V; 15-23 — период VI.

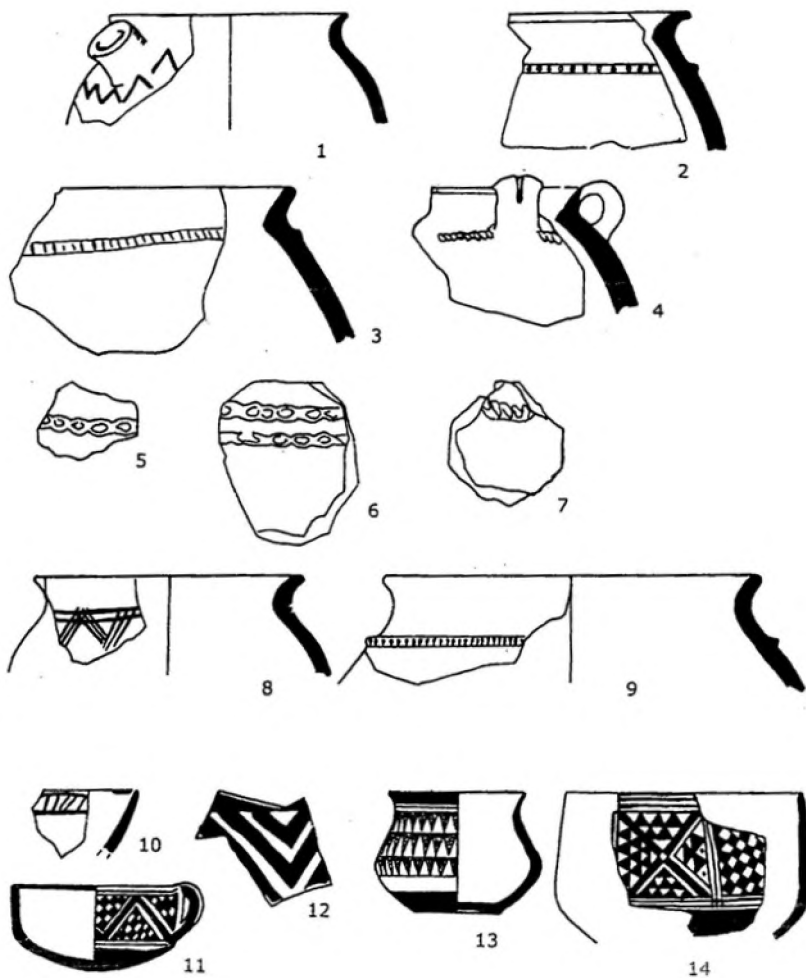

Рис. 67. Керамика лепная расписная и с налепным валиком поселения Пирак, период II.

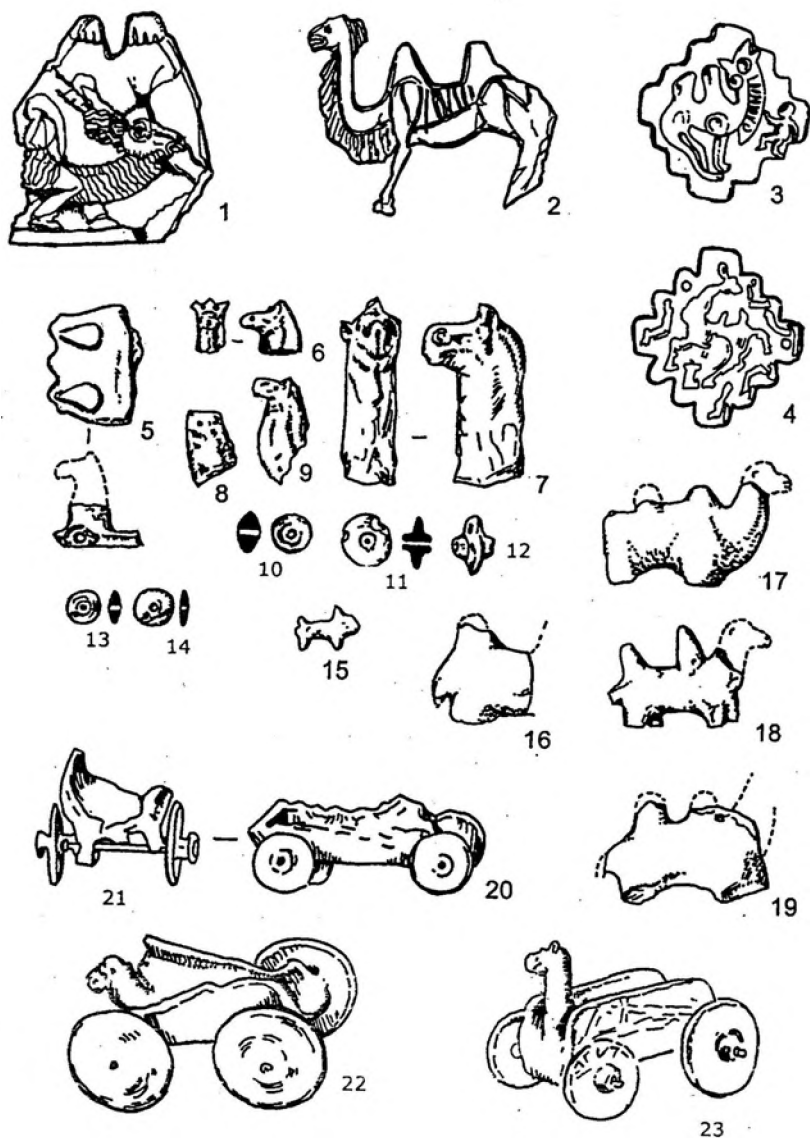

Рис. 68. Глиняные модели повозок, цельных колес, фигурок двуторбых верблюдов и изображения бактрианов в торевтике и на печатях Туркмении и Узбекистана. 1,2 — Гонур; 3 — Бактрия; 4 — Сапалли-Тепе; 5-11, 15, 22, 23 — Алтын-депе; 12, 20 — Намазга-депе; 13, 14 — Кара-депе; 16, 17, 19 — Тоголок 1; 18 — Тоголок 3.

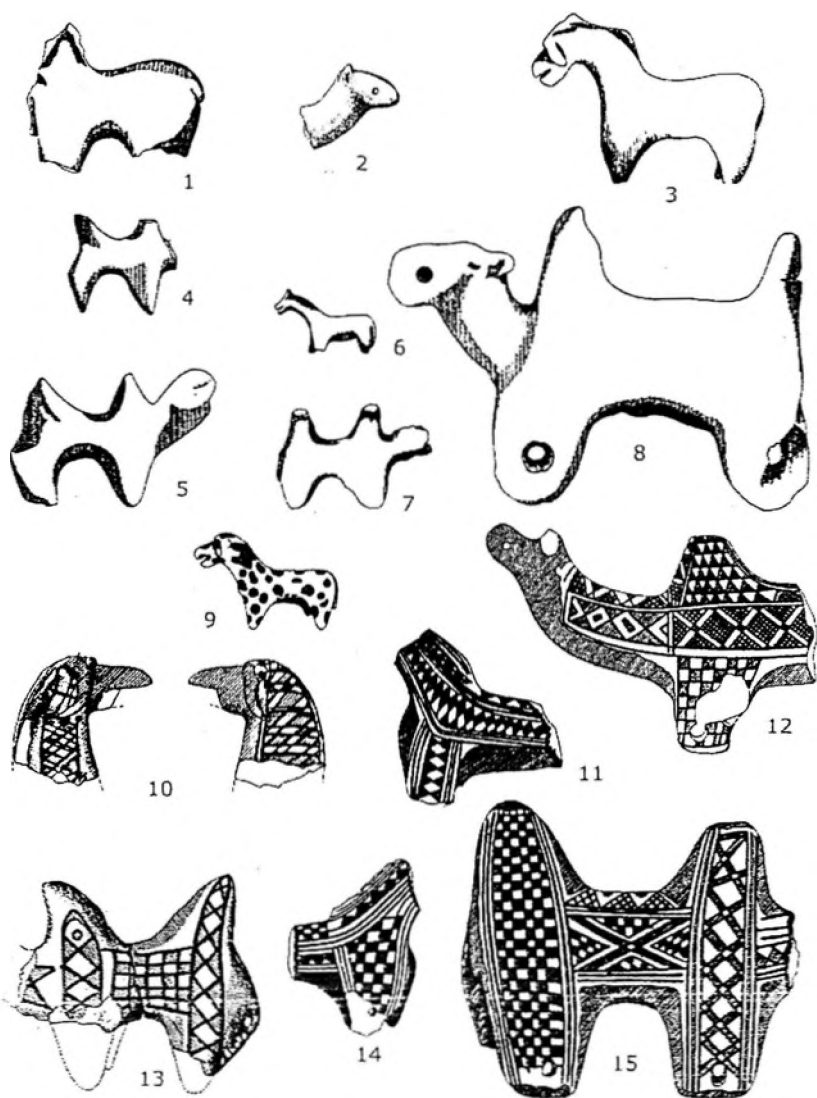

Рис. 69. Глиняные фигурки лошадей и двугорбых верблюдов поселения Пирак.

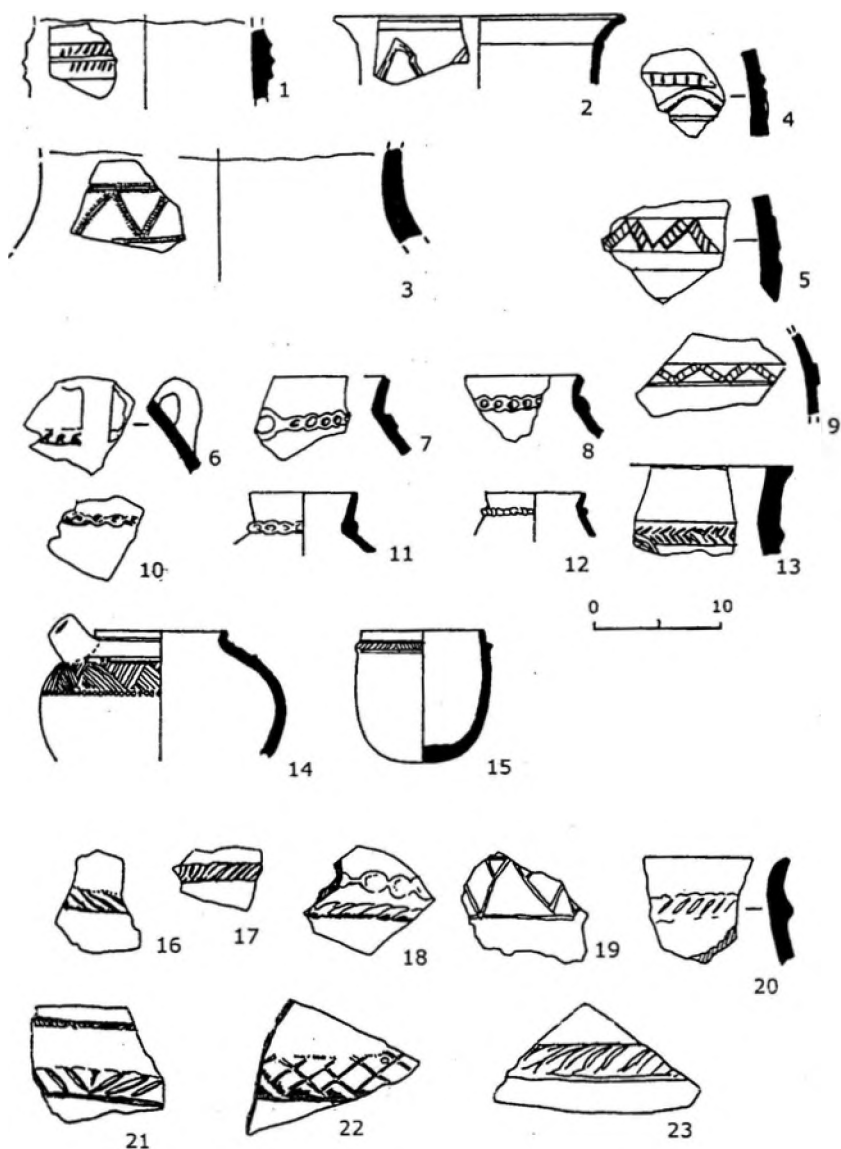

Рис. 70. Керамика с наlepным валиком Пакистана и Белуджистана.
 Поселения: 1-3 — Туламба; 4,5,9,13 — Дурра-и-Баст тип, Макран;
 6,10,14,15 — Пирак; 7,8- Дур-хан; 11,12- Патани Дамб; 20- Рана-Гхундай;
 16-20 — Каудани; 21,23 — Мохул-Кала (16-23 по фото Fairservis 1959).

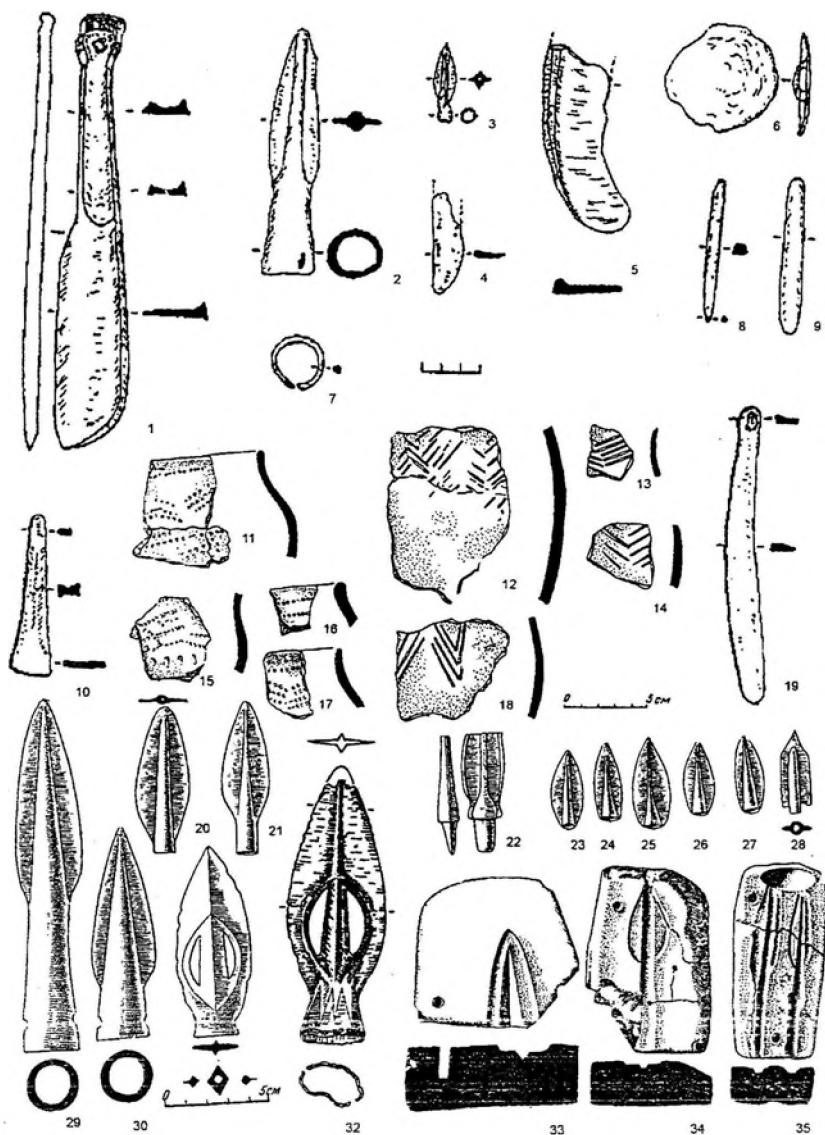

Рис. 71. Комплекс культуры Бургулюк и бронзовые изделия Средней Азии эпохи финальной бронзы.

Поселения: 1-10, 19 — Бургулюк; 3, 11, 14, 18 — Туябутуз 4а; 20 — Бала-Ишем; 21 — Узбекистан; 22, 34, 35 — Якке-Парсан; 23-26 — клад Бричмулла; 27 — могильник Вуадиль; 28 — поселение Кайракумы; 29 — Маргелан; 30 — Ашхабад; 31 — Исыкуль; 32 — Старый Термез; 33 — поселение Чуст (33-35 каменные формы).

Кузьмина Елена Ефимовна
Арии — путь на юг

Оформление П.П. Ефремов
Верстка Ю.В. Балабанов
Корректор С. Хорошкина

Подписано в печать 21.11.07. Формат 60х90/16
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура MinionPro.
Печ. л. 35. Тираж 1000 экз. Заказ № 241.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Издательско-полиграфическое предприятие «Искусство России».
198099, Санкт-Петербург, ул. Промышленная, д. 38, корп. 2.